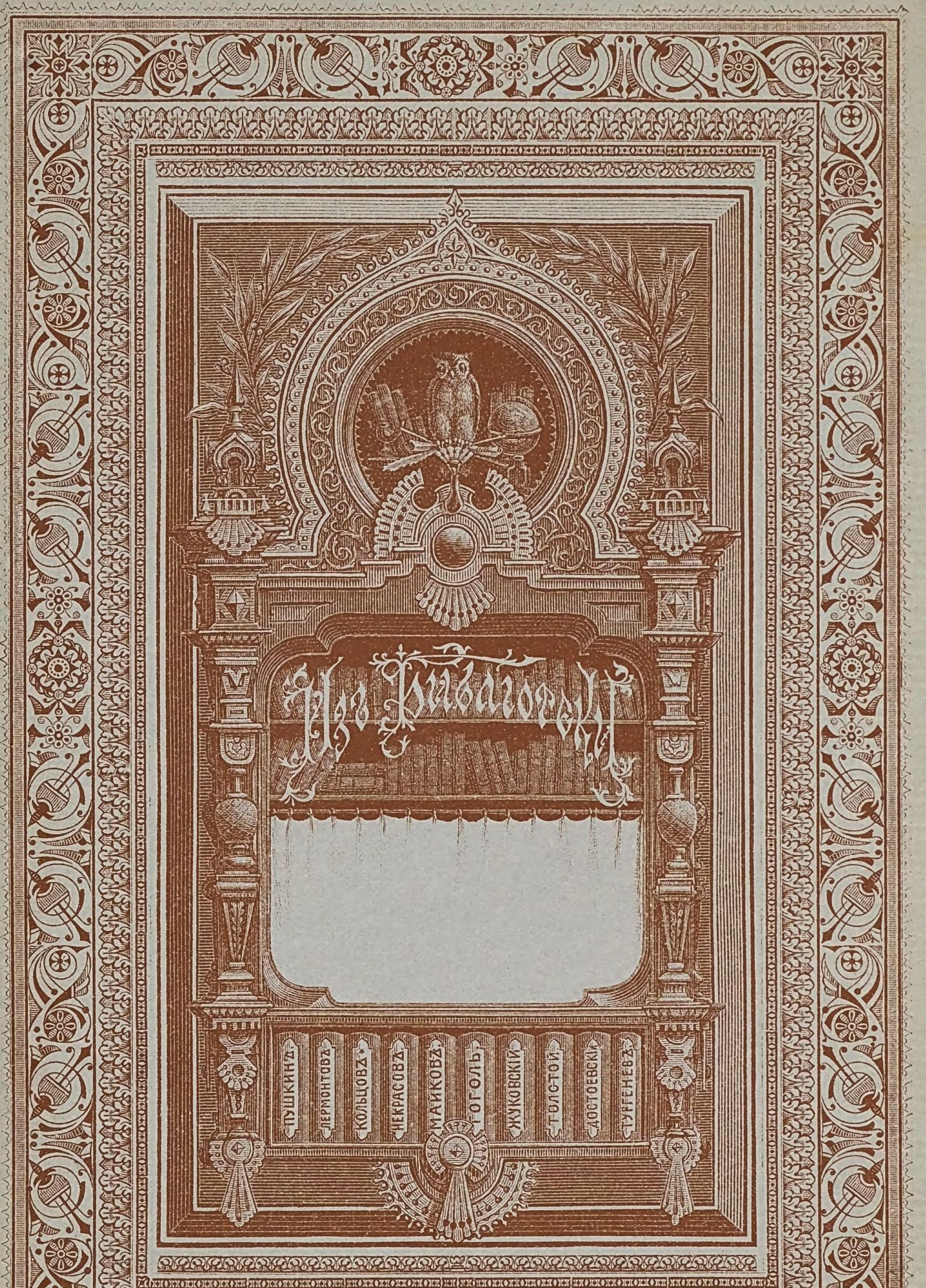
СОЧИНЕНІЯ

Н.В. ГОГОЛЯ

Изъ библіотеки
ПУШКИНЪ
ЛЕРМОНТОВЪ
КОЛЬЦОВЪ
НЕКРАСОВЪ
МАЙКОВЪ
ГОГОЛЬ
ЖУКОВСКІЙ
ТОЛСТОЙ
ДОСТОЕВСКІЙ
ТУРГЕНЕВЪ

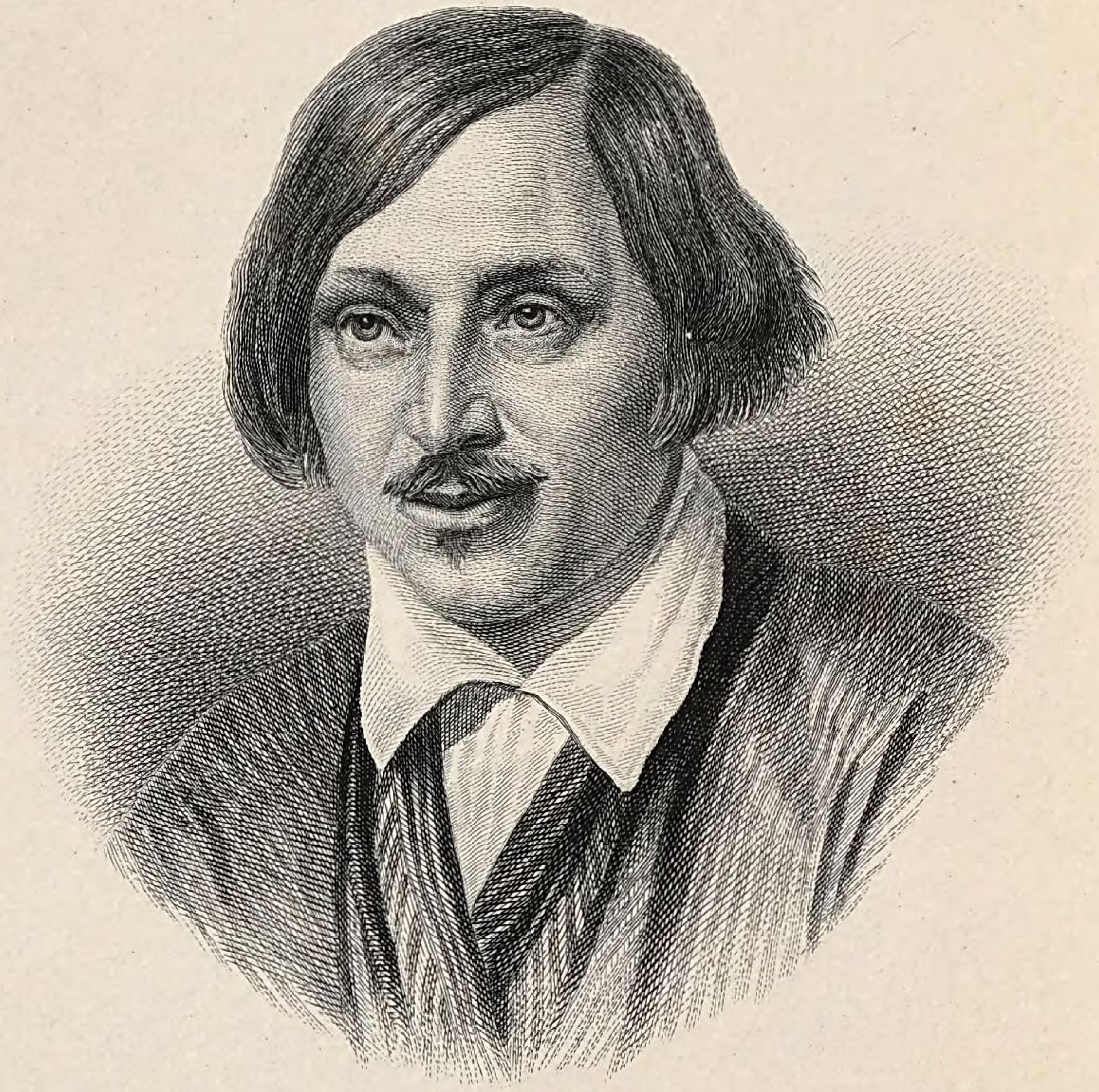
P. o. russ. 109 V (4

Петръ Николаевичъ
Кривошеинъ
Осень 1938 г.

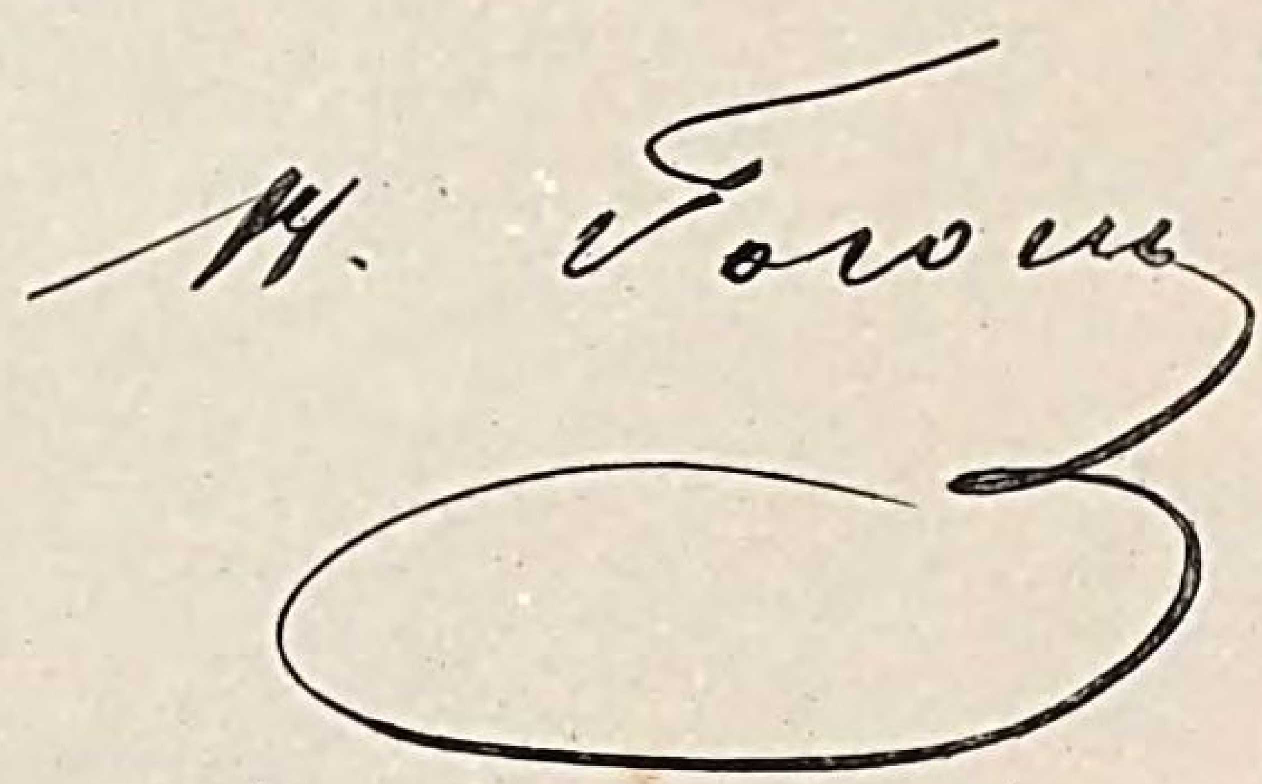
СОЧИНЕНІЯ
Н. В. ГОГОЛЯ.

ТОМЪ IV.

Fg185/98095

Грав. на стали Ф. А. Брокгаузъ въ Лейпцигѣ.

Изданіе А. Ф. Маркса въ СПБ. Печ. въ арт. зав. А. Ф. Маркса въ СПБ.

другая судьба писателя, дерзнувшаго вызвать наружу
что ежеминутно пред очами и чего не зрят рав[illegible]
очи, всю страшную, потрясающую [illegible]
[illegible]
[illegible] тину [illegible] всю глубину холодных, раздробленных,
повседневных характеров, которыми кишит наша земная
подчас горькая и скучная дорога, и дерзнувшаго крепкою силою
неумолимого резца (дерзнувшаго) выставить их выпукло и ярко на
всенародныя очи. — Ему не собрать народных рукоплесканий,
ему не зреть признательных слез и единодушнаго восторга
взволнованных им душ;

…другая судьба писателя, дерзнувшаго вызвать ~~на~~ наружу все что ежеминутно предъ очами и чего не зрятъ равнодушныя очи, всю страшную, потрясающую тину мелочей, ~~нах~~ опутавшихъ нашу жизнь, всю глубину холодныхъ, раздробленныхъ повседневныхъ характеровъ, которыми кишитъ наша земная подчасъ горькая и скучная дорога, и ~~дерзнувшаго~~ крѣпкою силою неумолимаго ~~резца~~ дерзнувшаго выставить ихъ выпукло и ярко на всенародныя очи. — Ему не собрать народныхъ рукоплесканій, ему не зрѣть признательныхъ слезъ и единодушнаго восторга взволнованныхъ имъ душъ,

Гоголь

СОЧИНЕНІЯ

Н. В. ГОГОЛЯ

ИЗДАНІЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

РЕДАКЦІЯ

Н. С. Тихонравова.

Bayerische Staatsbibliothek München

Съ двумя портретами Гоголя, гравированными на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ, двумя автографами и тремя собственноручными рисунками.

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

4.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1894.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

4.

Типографія **А. Ф. МАРКСА**, Средняя Подъяческая, д. № 1.

ПОХОЖДЕНІЯ ЧИЧИКОВА

или

МЕРТВЫЯ ДУШИ.

ПОЭМА.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

ГЛАВА I.

Въ ворота гостиницы губернскаго города NN въѣхала довольно красивая рессорная небольшая бричка, въ какой ѣздятъ холостяки: отставные подполковники, штабсъ-капитаны, помѣщики, имѣющіе около сотни душъ крестьянъ,—словомъ, всѣ тѣ, которыхъ называютъ господами средней руки. Въ бричкѣ сидѣлъ господинъ, не красавецъ, но и не дурной наружности, ни слишкомъ толстъ, ни слишкомъ тонокъ; нельзя сказать, чтобы старъ, однакожъ и не такъ, чтобы слишкомъ молодъ. Въѣздъ его не произвелъ въ городѣ совершенно никакого шума и не былъ сопровожденъ ничѣмъ особеннымъ; только два русскіе мужика, стоявшіе у дверей кабака противъ гостиницы, сдѣлали кое-какія замѣчанія, относившіяся, впрочемъ, болѣе къ экипажу, чѣмъ къ сидѣвшему въ немъ. «Вишь ты», сказалъ одинъ другому: «вонъ какое колесо! Что̀ ты думаешь: доѣдетъ то колесо, если бъ случилось, въ Москву, или не доѣдетъ?»—«Доѣдетъ», отвѣчалъ другой.—«А въ Казань-то, я думаю, не доѣдетъ?»—«Въ Казань не доѣдетъ», отвѣчалъ другой. Этимъ разговоръ и кончился. Да еще, когда бричка подъѣхала къ гостиницѣ, встрѣтился молодой человѣкъ въ бѣлыхъ канифасовыхъ панталонахъ, весьма узкихъ и короткихъ, во фракѣ съ покушеньями на моду, изъ-подъ котораго видна была манишка, застегнутая тульскою булавкою съ бронзовымъ пистолетомъ. Молодой человѣкъ оборотился назадъ, посмотрѣлъ экипажъ, придержалъ рукою картузъ, чуть не слетѣвшій отъ вѣтра, и пошелъ своей дорогой.

Когда экипажъ въѣхалъ на дворъ, господинъ былъ встрѣченъ трактирнымъ слугою, или половымъ, какъ ихъ назы-

ваютъ въ русскихъ трактирахъ, живымъ и вертлявымъ до такой степени, что даже нельзя было разсмотрѣть, какое у него было лицо. Онъ выбѣжалъ проворно съ салфеткой въ рукѣ, весь длинный и въ длинномъ демикотонномъ сюртукѣ, со спинкою чуть не на самомъ затылкѣ, встряхнулъ волосами и повелъ проворно господина вверхъ по всей деревянной галдареѣ показывать ниспосланный ему Богомъ покой. Покой былъ извѣстнаго рода, ибо гостиница была тоже извѣстнаго рода, то-есть именно такая, какъ бываютъ гостиницы въ губернскихъ городахъ, гдѣ за два рубля въ сутки проѣзжающіе получаютъ покойную комнату съ тараканами, выглядывающими, какъ чернослив, изъ всѣхъ угловъ, и дверью въ сосѣднее помѣщеніе, всегда заставленною комодомъ, гдѣ устраивается сосѣдъ, молчаливый и спокойный человѣкъ, но чрезвычайно любопытный, интересующійся знать о всѣхъ подробностяхъ проѣзжающаго. Наружный фасадъ гостиницы отвѣчалъ ея внутренности: она была очень длинна, въ два этажа; нижній не былъ выштукатуренъ и оставался въ темно-красныхъ кирпичикахъ, еще болѣе потемнѣвшихъ отъ лихихъ погодныхъ перемѣнъ и грязноватыхъ уже самихъ по себѣ; верхній былъ выкрашенъ вѣчною желтою краскою; внизу были лавочки съ хомутами, веревками и баранками. Въ угольной изъ этихъ лавочекъ или, лучше, въ окнѣ помѣщался сбитенщикъ, съ самоваромъ изъ красной мѣди и лицомъ такъ же краснымъ, какъ самоваръ, такъ что издали можно бы подумать, что на окнѣ стояло два самовара, если-бъ одинъ самоваръ не былъ съ черною какъ смоль бородою.

Пока пріѣзжій господинъ осматривалъ свою комнату, внесены были его пожитки: прежде всего чемоданъ изъ бѣлой кожи, нѣсколько поистасканный, показывавшій, что былъ не въ первый разъ въ дорогѣ. Чемоданъ внесли кучеръ Селифанъ, низенькій человѣкъ въ тулупчикѣ, и лакей Петрушка, малый лѣтъ тридцати, въ просторномъ подержанномъ сюртукѣ, какъ видно, съ барскаго плеча, малый немного суровый на взглядъ, съ очень крупными губами и

носомъ. Вслѣдъ за чемоданомъ внесенъ былъ небольшой ларчикъ краснаго дерева, съ штучными выкладками изъ корельской березы, сапожныя колодки и завернутая въ синюю бумагу жареная курица. Когда все это было внесено, кучеръ Селифанъ отправился на конюшню возиться около лошадей, а лакей Петрушка сталъ устраиваться въ маленькой передней, очень темной конуркѣ, куда уже успѣлъ притащить свою шинель и вмѣстѣ съ нею какой-то свой собственный запахъ, который былъ сообщенъ и принесенному вслѣдъ за тѣмъ мѣшку съ разнымъ лакейскимъ туалетомъ Въ этой конуркѣ онъ приладилъ къ стѣнѣ узенькую трехногую кровать, накрывъ ее небольшимъ подобіемъ тюфяка, убитымъ и плоскимъ какъ блинъ и, можетъ-быть, такъ же замаслившимся какъ блинъ, который удалось ему вытребовать у хозяина гостиницы.

Покамѣстъ слуги управлялись и возились, господинъ отправился въ общую залу. Какія бываютъ эти общія залы— всякій проѣзжающій знаетъ очень хорошо: тѣ же стѣны, выкрашенныя масляной краской, потемнѣвшія вверху отъ трубочнаго дыма и залосненныя снизу спинами разныхъ проѣзжающихъ, а еще болѣе туземными купеческими, ибо купцы по торговымъ днямъ приходили сюда самъ-шестъ и самъ-сёмъ испивать свою извѣстную пару чаю; тотъ же закопченый потолокъ; та же копченая люстра со множествомъ висящихъ стеклышекъ, которыя прыгали и звенѣли всякій разъ, когда половой бѣгалъ по истертымъ клеенкамъ, помахивая бойко подносомъ, на которомъ сидѣла такая же бездна чайныхъ чашекъ, какъ птицъ на морскомъ берегу; тѣ же картины во всю стѣну, писанныя масляными красками; словомъ, все то же, что̀ и вездѣ; только и разницы, что на одной картинѣ изображена была нимфа съ такими огромными грудями, какихъ читатель, вѣрно, никогда не видывалъ. Подобная игра природы, впрочемъ, случается на разныхъ историческихъ картинахъ, неизвѣстно, въ какое время, откуда и кѣмъ привезенныхъ къ намъ въ Россію, иной разъ даже нашими вельможами, любителями искусствъ, на-

купившими ихъ въ Италіи, по совѣту везшихъ ихъ курьеровъ. Господинъ скинулъ съ себя картузъ и размоталъ съ шеи шерстяную, радужныхъ цвѣтовъ косынку, какую женатымъ приготовляетъ своими руками супруга, снабжая приличными наставленіями, какъ закутываться, а холостымъ—навѣрное не могу сказать, кто дѣлаетъ, Богъ ихъ знаетъ: я никогда не носилъ такихъ косынокъ. Размотавши косынку, господинъ велѣлъ подать себѣ обѣдъ. Покамѣстъ ему подавались разныя обычныя въ трактирахъ блюда, какъ-то: щи съ слоенымъ пирожкомъ, нарочно сберегаемымъ для проѣзжающихъ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, мозги съ горошкомъ, сосиски съ капустой, пулярка жареная, огурецъ соленый и вѣчный слоеный сладкій пирожокъ, всегда готовый къ услугамъ; покамѣстъ ему все это подавалось, и разогрѣтое, и просто холодное, онъ заставилъ слугу, или полового, разсказывать всякій вздоръ о томъ, кто содержалъ прежде трактиръ и кто теперь, и много ли даетъ дохода, и большой ли подлецъ ихъ хозяинъ, на что̀ половой, по обыкновенію, отвѣчалъ: «О, большой, сударь, мошенникъ!» Какъ въ просвѣщенной Европѣ, такъ и въ просвѣщенной Россіи есть теперь весьма много почтенныхъ людей, которые безъ того не могутъ покушать въ трактирѣ, чтобъ не поговорить съ слугою, а иногда даже забавно пошутить надъ нимъ. Впрочемъ, пріѣзжій дѣлалъ не все пустые вопросы: онъ съ чрезвычайною точностью разспросилъ, кто въ городѣ губернаторъ, кто предсѣдатель палаты, кто прокуроръ,—словомъ, не пропустилъ ни одного значительнаго чиновника; но еще съ бо̀льшею точностью, если даже не съ участіемъ, разспросилъ обо всѣхъ значительныхъ помѣщикахъ: сколько кто имѣетъ душъ крестьянъ, какъ далеко живетъ отъ города, какого даже характера и какъ часто пріѣзжаетъ въ городъ; разспросилъ внимательно о состояніи края: не было ли какихъ болѣзней въ ихъ губерніи — повальныхъ горячекъ, убійственныхъ какихъ-либо лихорадокъ, оспы и тому подобнаго, и все такъ и съ такою точностью, которая показывала болѣе, чѣмъ одно простое любопытство.

Въ пріемахъ своихъ господинъ имѣлъ что-то солидное и высмаркивался чрезвычайно громко. Неизвѣстно, какъ онъ это дѣлалъ, но только носъ его звучалъ какъ труба. Это, повидимому, совершенно невинное достоинство пріобрѣло, однакожъ, ему много уваженія со стороны трактирнаго слуги, такъ что онъ всякій разъ, когда слышалъ этотъ звукъ, встряхивалъ волосами, выпрямливался почтительнѣе и, нагнувши съ вышины свою голову, спрашивалъ: «не нужно ли чего?» Послѣ обѣда господинъ выкушалъ чашку кофею и сѣлъ на диванъ, подложивши себѣ за спину подушку, которую въ русскихъ трактирахъ вмѣсто эластической шерсти набиваютъ чѣмъ-то чрезвычайно похожимъ на кирпичъ и булыжникъ. Тутъ началъ онъ зѣвать и приказалъ отвести себя въ свой нумеръ, гдѣ, прилегши, заснулъ два часа. Отдохнувши, онъ написалъ на лоскуткѣ бумажки, по просьбѣ трактирнаго слуги, чинъ, имя и фамилію, для сообщенія, куда слѣдуетъ, въ полицію. На бумажкѣ половой, спускаясь съ лѣстницы, прочиталъ по складамъ слѣдующее: «Коллежскій совѣтникъ Павелъ Ивановичъ Чичиковъ, помѣщикъ, по своимъ надобностямъ». Когда половой все еще разбиралъ по складамъ записку, самъ Павелъ Ивановичъ Чичиковъ отправился посмотрѣть городъ, которымъ былъ, какъ казалось, удовлетворенъ, ибо нашелъ, что городъ никакъ не уступалъ другимъ губернскимъ городамъ: сильно била въ глаза желтая краска на каменныхъ домахъ и скромно темнѣла сѣрая на деревянныхъ. Дома были въ одинъ, два и полтора этажа, съ вѣчнымъ мезониномъ, очень красивымъ, по мнѣнію губернскихъ архитекторовъ. Мѣстами эти дома казались затерянными среди широкой какъ поле улицы и нескончаемыхъ деревянныхъ заборовъ; мѣстами сбивались въ кучу, и здѣсь было замѣтно болѣе движенія народа и живости. Попадались почти смытыя дождемъ вывѣски съ кренделями и сапогами, кое-гдѣ съ нарисованными синими брюками и подписью какого-то Аршавскаго портного; гдѣ магазинъ съ картузами, фуражками и надписью: «Иностранецъ Василій Ѳедоровъ»; гдѣ нарисованъ былъ бильярдъ съ двумя игро-

ками во фракахъ, въ какіе одѣваются у насъ на театрахъ гости, входящіе въ послѣднемъ актѣ на сцену. Игроки были изображены съ прицѣлившимися кіями, нѣсколько вывороченными назадъ руками и косыми ногами, только-что сдѣлавшими на воздухѣ антраша. Подъ всѣмъ этимъ было написано: «И вотъ заведеніе». Кое-гдѣ просто на улицѣ стояли столы съ орѣхами, мыломъ и пряниками, похожими на мыло; гдѣ харчевня съ нарисованною толстою рыбою и воткнутою въ нее вилкою. Чаще же всего замѣтно было потемнѣвшихъ двуглавыхъ государственныхъ орловъ, которые теперь уже замѣнены лаконическою надписью: «Питейный домъ». Мостовая вездѣ была плоховата. Онъ заглянулъ и въ городской садъ, который состоялъ изъ тоненькихъ деревъ, дурно принявшихся, съ подпорками внизу. въ видѣ треугольниковъ, очень красиво выкрашенныхъ зеленою масляною краскою. Впрочемъ, хотя эти деревца были не выше тростника, о нихъ было сказано въ газетахъ при описаніи иллюминаціи, что «городъ нашъ украсился, благодаря попеченію гражданскаго правителя, садомъ, состоящимъ изъ тѣнистыхъ, широко-вѣтвистыхъ деревъ, дающихъ прохладу въ знойный день», и что при этомъ «было очень умилительно глядѣть, какъ сердца гражданъ трепетали въ избыткѣ благодарности и струили потоки слезъ, въ знакъ признательности къ господину градоначальнику». Разспросивши подробно будочника, куда можно пройти ближе, если понадобится, къ собору, къ присутственнымъ мѣстамъ, къ губернатору, онъ отправился вглянуть на рѣку, протекавшую посрединѣ города; дорогою оторвалъ прибитую къ столбу афишу, съ тѣмъ, чтобы, пришедши домой, прочитать ее хорошенько, посмотрѣлъ пристально на проходившую по деревянному тротуару даму недурной наружности, за которой слѣдовалъ мальчикъ въ военной ливреѣ, съ узелкомъ въ рукѣ, и еще разъ окинувши все глазами, какъ бы съ тѣмъ, чтобы хорошо припомнить положеніе мѣста, отправился домой прямо въ свой нумеръ, поддерживаемый слегка на лѣстницѣ трактирнымъ слугою. Накушавшись чаю, онъ

усѣлся передъ столомъ, велѣлъ подать себѣ свѣчу, вынулъ изъ кармана афишу, поднесъ ее къ свѣчѣ и сталъ читать, прищуря немного правый глазъ. Впрочемъ, замѣчательнаго немного было въ афишкѣ: давалась драма г. Коцебу, въ которой Ролла игралъ г. Поплёвинъ, Кору—дѣвица Зяблова, прочія лица были и того менѣе замѣчательны; однакоже онъ прочелъ ихъ всѣхъ, добрался даже до цѣны партера и узналъ, что афиша была напечатана въ типографіи губернскаго правленія; потомъ переворотилъ на другую сторону—узнать, нѣтъ ли и тамъ чего-нибудь, но, не нашедши ничего, протеръ глаза, свернулъ опрятно и положилъ въ свой ларчикъ, куда имѣлъ обыкновеніе складывать все, что̀ ни попадалось. День, кажется, былъ заключенъ порціей холодной телятины, бутылкою кислыхъ щей и крѣпкимъ сномъ во всю насосную завертку, какъ выражаются въ иныхъ мѣстахъ обширнаго русскаго государства.

Весь слѣдующій день посвященъ былъ визитамъ. Пріѣзжій отправился дѣлать визиты всѣмъ городскимъ сановникамъ. Былъ съ почтеніемъ у губернатора, который, какъ оказалось, подобно Чичикову, былъ ни толстъ, ни тонокъ собой, имѣлъ на шеѣ Анну и поговаривали даже, что былъ представленъ къ звѣздѣ; впрочемъ, былъ большой добрякъ и даже самъ вышивалъ иногда по тюлю. Потомъ отправился къ вице-губернатору, потомъ былъ у прокурора, у предсѣдателя палаты, у полицеймейстера, у откупщика, у начальника надъ казенными фабриками... жаль, что нѣсколько трудно упомнить всѣхъ сильныхъ міра сего; но довольно сказать, что пріѣзжій оказалъ необыкновенную дѣятельность насчетъ визитовъ: онъ явился даже засвидѣтельствовать почтеніе инспектору врачебной управы и городскому архитектору. И потомъ еще долго сидѣлъ въ бричкѣ, придумывая, кому бы еще отдать визитъ, да ужъ больше въ городѣ не нашлось чиновниковъ. Въ разговорахъ съ сими властителями, онъ очень искусно умѣлъ польстить каждому. Губернатору намекнулъ какъ-то вскользь, что въ его губернію въѣзжаешь какъ въ рай, дороги вездѣ бархатныя,

и что тѣ правительства, которыя назначаютъ мудрыхъ сановниковъ, достойны большой похвалы. Полицеймейстеру сказалъ что-то очень лестное насчетъ городскихъ будочниковъ; а въ разговорахъ съ вице-губернаторомъ и предсѣдателемъ палаты, которые были еще только статскіе совѣтники, сказалъ даже ошибкою два раза: «ваше превосходительство», что̀ очень имъ понравилось. Слѣдствіемъ этого было то, что губернаторъ сдѣлалъ ему приглашеніе пожаловать къ нему того же дня на домашнюю вечеринку, прочіе чиновники тоже, съ своей стороны, кто на обѣдъ, кто на бостончикъ, кто на чашку чаю.

О себѣ пріѣзжій, какъ казалось, избѣгалъ много говорить; если же говорилъ, то какими-то общими мѣстами, съ замѣтною скромностью, и разговоръ его въ такихъ случаяхъ принималъ нѣсколько книжные обороты: что онъ незначащій червь міра сего и недостоинъ того, чтобы много о немъ заботились, что испыталъ много на вѣку своемъ, претерпѣлъ на службѣ за правду, имѣлъ много непріятелей, покушавшихся даже на жизнь его, и что теперь, желая успокоиться, ищетъ избрать наконецъ мѣсто для жительства, и что, прибывши въ этотъ городъ, почелъ за непремѣнный долгъ засвидѣтельствовать свое почтеніе первымъ его сановникамъ. Вотъ все, что̀ узнали въ городѣ объ этомъ новомъ лицѣ, которое очень скоро не преминуло показать себя на губернаторской вечеринкѣ. Приготовленіе къ этой вечеринкѣ заняло слишкомъ два часа времени, и здѣсь въ пріѣзжемъ оказалась такая внимательность къ туалету, какой даже не вездѣ видывано. Послѣ небольшого послѣобѣденнаго сна, онъ приказалъ подать умыться и чрезвычайно долго теръ мыломъ обѣ щеки, подперши ихъ изнутри языкомъ; потомъ, взявши съ плеча трактирнаго слуги полотенце, вытеръ имъ со всѣхъ сторонъ полное свое лицо, начавъ изъ-за ушей и фыркнувъ прежде раза два въ самое лицо трактирнаго слуги; потомъ надѣлъ передъ зеркаломъ манишку, выщипнулъ вылѣзшіе изъ носу два волоска и непосредственно за тѣмъ очутился во фракѣ брусничнаго

цвѣта съ искрой. Такимъ образомъ одѣвшись, покатился онъ въ собственномъ экипажѣ по безконечно широкимъ улицамъ, озареннымъ тощимъ освѣщеніемъ изъ кое-гдѣ мелькавшихъ оконъ. Впрочемъ, губернаторскій домъ былъ такъ освѣщенъ, хоть бы и для бала; коляски съ фонарями, передъ подъѣздомъ два жандарма, форейторскіе крики вдали,— словомъ все, какъ нужно. Вошедши въ залъ, Чичиковъ долженъ былъ на минуту зажмурить глаза, потому что блескъ отъ свѣчей, лампъ и дамскихъ платьевъ былъ страшный. Все было залито свѣтомъ. Черные фраки мелькали и носились врознь и кучами тамъ и тамъ, какъ носятся мухи на бѣломъ сіяющемъ рафинадѣ въ пору жаркаго іюльскаго лѣта, когда старая ключница рубитъ и дѣлитъ его на сверкающіе обломки передъ открытымъ окномъ: дѣти всѣ глядятъ, собравшись вокругъ, слѣдя любопытно за движеніями жесткихъ рукъ ея, подымающихъ молотъ, а воздушные эскадроны мухъ, поднятые легкимъ воздухомъ, влетаютъ смѣло, какъ полные хозяева, и, пользуясь подслѣповатостью старухи и солнцемъ, безпокоющимъ глаза ея, обсыпаютъ лакомые куски, гдѣ въ-разбитную, гдѣ густыми кучами. Насыщенныя богатымъ лѣтомъ, и безъ того на всякомъ шагу разставляющимъ лакомыя блюда, онѣ влетѣли вовсе не съ тѣмъ, чтобы ѣсть, но чтобы только показать себя, пройтись взадъ и впередъ по сахарной кучѣ, потереть одна о другую заднія или переднія ножки, или почесать ими у себя подъ крылышками, или, протянувши обѣ переднія лапки, потереть ими у себя надъ головою, повернуться, и опять улетѣть, и опять прилетѣть съ новыми докучными эскадронами. Не успѣлъ Чичиковъ осмотрѣться, какъ уже былъ схваченъ подъ руку губернаторомъ, который представилъ его тутъ же губернаторшѣ. Пріѣзжій гость и тутъ не уронилъ себя: онъ сказалъ какой-то комплиментъ, весьма приличный для человѣка среднихъ лѣтъ, имѣющаго чинъ не слишкомъ большой и не слишкомъ малый. Когда установившіяся пары танцующихъ притиснули всѣхъ къ стѣнѣ, онъ, заложивши руки назадъ, глядѣлъ на нихъ минуты двѣ очень внимательно. Многія

дамы были хорошо одѣты и по модѣ, другія одѣлись во что̀ Богъ послалъ въ губернскій городъ. Мужчины здѣсь, какъ и вездѣ, были двухъ родовъ: одни тоненькіе, которые все увивались около дамъ; нѣкоторые изъ нихъ были такого рода, что съ трудомъ можно было отличить ихъ отъ петербургскихъ: имѣли такъ же весьма обдуманно и со вкусомъ зачесанныя бакенбарды, или просто благовидные, весьма гладко выбритые овалы лицъ, такъ же небрежно подсѣдали къ дамамъ, такъ же говорили по-французски и смѣшили дамъ такъ же, какъ и въ Петербургѣ. Другой родъ мужчинъ составляли толстые или такіе же, какъ Чичиковъ, т. е. не такъ чтобы слишкомъ толстые, однакожъ и не тонкіе. Эти, напротивъ того, косились и пятились отъ дамъ и посматривали только по сторонамъ, не разставлялъ ли гдѣ губернаторскій слуга зеленаго стола для виста. Лица у нихъ были полныя и круглыя, на иныхъ даже были бородавки, кое-кто былъ и рябоватъ; волосъ они на головѣ не носили ни хохлами, ни буклями, ни на манеръ *чортъ меня побери,* какъ говорятъ французы; волосы у нихъ были или низко подстрижены, или прилизаны, а черты лица больше закругленныя и крѣпкія. Это были почетные чиновники въ городѣ. Увы! толстые умѣютъ лучше на этомъ свѣтѣ обдѣлывать дѣла свои, нежели тоненькіе. Тоненькіе служатъ больше по особеннымъ порученіямъ или только числятся и виляютъ туда и сюда; ихъ существованіе какъ-то слишкомъ легко, воздушно и совсѣмъ ненадежно. Толстые же никогда не занимаютъ косвенныхъ мѣстъ, а все прямыя, и ужъ если сядутъ гдѣ, то сядутъ надежно и крѣпко, такъ что скорѣй мѣсто затрещитъ и угнется подъ ними, а ужъ они не слетятъ. Наружнаго блеска они не любятъ; на нихъ фракъ не такъ ловко скроенъ, какъ у тоненькихъ, зато въ шкатулкахъ благодать Божія. У тоненькаго въ три года не остается ни одной души, не заложенной въ ломбардъ; у толстаго спокойно глядь—и явился гдѣ-нибудь въ концѣ города домъ, купленный на имя жены, потомъ въ другомъ концѣ другой домъ; потомъ близъ города деревенька, потомъ

и село со всѣми угодьями. Наконецъ, толстый, послуживши Богу и государю, заслуживши всеобщее уваженіе, оставляетъ службу, перебирается и дѣлается помѣщикомъ, славнымъ русскимъ бариномъ, хлѣбосоломъ, и живетъ, и хорошо живетъ. А послѣ него опять тоненькіе наслѣдники спускаютъ, по русскому обычаю, на курьерскихъ все отцовское добро. Нельзя утаить, что почти такого рода размышленія занимали Чичикова въ то время, когда онъ разсматривалъ общество, и слѣдствіемъ этого было то, что онъ наконецъ присоединился къ толстымъ, гдѣ встрѣтилъ почти все знакомыя лица: прокурора, съ весьма черными густыми бровями и нѣсколько подмигивавшимъ лѣвымъ глазомъ, такъ, какъ будто бы говорилъ: «пойдемъ, братъ, въ другую комнату, тамъ я тебѣ что-то скажу», — человѣка, впрочемъ, серьезнаго и молчаливаго; почтмейстера, низенькаго человѣка, но остряка и философа; предсѣдателя палаты, весьма разсудительнаго и любезнаго человѣка,—которые всѣ привѣтствовали его какъ стариннаго знакомаго, на что̀ Чичиковъ раскланивался, нѣсколько на бокъ, впрочемъ не безъ пріятности. Тутъ же познакомился онъ съ весьма обходительнымъ и учтивымъ помѣщикомъ Маниловымъ и нѣсколько неуклюжимъ на взглядъ Собакевичемъ, который съ перваго раза ему наступилъ на ногу, сказавши: «Прошу прощенія». Тутъ же ему всунули карту на вистъ, которую онъ принялъ съ такимъ же вѣжливымъ поклономъ. Они сѣли за зеленый столъ и не вставали уже до ужина. Всѣ разговоры совершенно прекратились, какъ случается всегда, когда наконецъ предаются занятію дѣльному. Хотя почтмейстеръ былъ очень рѣчистъ, но и тотъ, взявши въ руки карты, тотъ же часъ выразилъ на лицѣ своемъ мыслящую физіономію, покрылъ нижнею губою верхнюю и сохранилъ такое положеніе во все время игры. Выходя съ фигуры, онъ ударялъ по столу крѣпко рукою, приговаривая, если была дама: «Пошла, старая попадья!» если же король: «Пошелъ, тамбовскій мужикъ!» А предсѣдатель приговаривалъ: «А я его по усамъ! А я ее по усамъ!» Иногда при ударѣ

картъ по столу вырывались выраженія: «А! была не была, не съ чего, такъ съ бубенъ!» или же просто восклицанія: «черви! червоточина! пикенція!» или «пикендрасъ! пичурущухъ! пичура!» и даже просто: «пичукъ!»—названія, которыми перекрестили они масти въ своемъ обществѣ. По окончаніи игры, спорили, какъ водится, довольно громко. Пріѣзжій нашъ гость также спорилъ, но какъ-то чрезвычайно искусно, такъ что всѣ видѣли, что онъ спорилъ, а между тѣмъ пріятно спорилъ. Никогда онъ не говорилъ: «Вы пошли», но «вы изволили пойти; я имѣлъ честь покрыть вашу двойку», и тому подобное. Чтобы еще болѣе согласить въ чемъ-нибудь своихъ противниковъ, онъ всякій разъ подносилъ имъ всѣмъ свою серебряную съ финифтью табакерку, на днѣ которой замѣтили двѣ фіалки, положенныя туда для запаха. Вниманіе пріѣзжаго особенно заняли помѣщики Маниловъ и Собакевичъ, о которыхъ было упомянуто выше. Онъ тотчасъ же освѣдомился о нихъ, отозвавши тутъ же нѣсколько въ сторону предсѣдателя и почтмейстера. Нѣсколько вопросовъ, имъ сдѣланныхъ, показали въ гостѣ не только любознательность, но и основательность, ибо прежде всего разспросилъ онъ, сколько у каждаго изъ нихъ душъ крестьянъ, и въ какомъ положеніи находятся ихъ имѣнія, а потомъ уже освѣдомился, какъ имя и отчество. Въ немного времени онъ совершенно успѣлъ очаровать ихъ. Помѣщикъ Маниловъ, еще вовсе человѣкъ не пожилой, имѣвшій глаза сладкіе какъ сахаръ, и щурившій ихъ всякій разъ, когда смѣялся, былъ отъ него безъ памяти. Онъ очень долго жалъ ему руку и просилъ убѣдительно сдѣлать ему честь своимъ пріѣздомъ въ деревню, къ которой, по его словамъ, было только пятнадцать верстъ отъ городской заставы, на что̀ Чичиковъ, съ весьма вѣжливымъ наклоненіемъ головы и искреннимъ пожатіемъ руки, отвѣчалъ, что онъ не только съ большою охотою готовъ это исполнить, но даже почтетъ за священнѣйшій долгъ. Собакевичъ тоже сказалъ нѣсколько лаконически: «И ко мнѣ прошу», шаркнувши ногою, обутою въ сапогъ такого испо-

линскаго размѣра, которому врядъ ли гдѣ можно найти отвѣчающую ногу, особливо въ нынѣшнее время, когда и на Руси начинаютъ выводиться богатыри.

На другой день Чичиковъ отправился на обѣдъ и вечеръ къ полицеймейстеру, гдѣ съ трехъ часовъ послѣ обѣда засѣли въ вистъ и играли до двухъ часовъ ночи. Тамъ, между прочимъ, онъ познакомился съ помѣщикомъ Ноздревымъ, человѣкомъ лѣтъ тридцати, разбитнымъ малымъ, который ему, послѣ трехъ-четырехъ словъ, началъ говорить *ты*. Съ полицеймейстеромъ и прокуроромъ Ноздревъ тоже былъ на *ты* и обращался по-дружески; но, когда сѣли играть въ большую игру, полицеймейстеръ и прокуроръ чрезвычайно внимательно разсматривали его взятки и слѣдили почти за всякою картою, съ которой онъ ходилъ. На другой день Чичиковъ провелъ вечеръ у предсѣдателя палаты, который принималъ гостей своихъ въ халатѣ, нѣсколько замасленомъ, и въ томъ числѣ двухъ какихъ-то дамъ. Потомъ былъ на вечерѣ у вице-губернатора, на большомъ обѣдѣ у откупщика, на небольшомъ обѣдѣ у прокурора, который впрочемъ стоилъ большого; на закускѣ послѣ обѣдни, данной городскимъ главою, которая тоже стоила обѣда. Словомъ, ни одного часа не приходилось ему оставаться дома, и въ гостиницу пріѣзжалъ онъ съ тѣмъ только, чтобы заснуть. Пріѣзжій во всемъ какъ-то умѣлъ найтиться и показалъ въ себѣ опытнаго свѣтскаго человѣка. О чемъ бы разговоръ ни былъ, онъ всегда умѣлъ поддержать его: шла ли рѣчь о лошадиномъ заводѣ—онъ говорилъ и о лошадиномъ заводѣ; говорили ли о хорошихъ собакахъ, и здѣсь онъ сообщалъ очень дѣльныя замѣчанія; трактовали ли касательно слѣдствія, произведеннаго казенною палатою—онъ показалъ, что ему не безъизвѣстны и судейскія продѣлки; было ли разсужденіе о бильярдной игрѣ—и въ бильярдной игрѣ не давалъ онъ промаха; говорили ли о добродѣтели—и о добродѣтели разсуждалъ онъ очень хорошо, даже со слезами на глазахъ; объ выдѣлкѣ горячаго вина—и въ горячемъ винѣ зналъ онъ прокъ; о таможенныхъ надсмотр-

щикахъ и чиновникахъ—и о нихъ онъ судилъ такъ, какъ будто бы и самъ былъ и чиновникомъ, и надсмотрщикомъ. Но замѣчательно, что онъ все это умѣлъ облекать какою-то степенностью, умѣлъ хорошо держать себя. Говорилъ ни громко, ни тихо, а совершенно такъ, какъ слѣдуетъ. Словомъ, куда ни повороти, былъ очень порядочный человѣкъ. Всѣ чиновники были довольны пріѣздомъ новаго лица. Губернаторъ объ немъ изъяснился, что онъ благонамѣренный человѣкъ; прокуроръ—что онъ дѣльный человѣкъ; жандармскій полковникъ говорилъ, что онъ ученый человѣкъ; предсѣдатель палаты—что онъ знающій и почтенный человѣкъ; полицеймейстеръ—что онъ почтенный и любезный человѣкъ; жена полицеймейстера—что онъ любезнѣйшій и обходительнѣйшій человѣкъ. Даже самъ Собакевичъ, который рѣдко отзывался о комъ-нибудь съ хорошей стороны, пріѣхавши довольно поздно изъ города и уже совершенно раздѣвшись и легши на кровать возлѣ худощавой жены своей, сказалъ ей: «Я, душенька, былъ у губернатора на вечерѣ, и у полицеймейстера обѣдалъ, и познакомился съ коллежскимъ совѣтникомъ Павломъ Ивановичемъ Чичиковымъ: препріятный человѣкъ!» На что̀ супруга отвѣчала: «Гм!» и толкнула его ногою.

Такое мнѣніе, весьма лестное для гостя, составилось о немъ въ городѣ, и оно держалось до тѣхъ поръ, покамѣстъ одно странное свойство гостя и предпріятіе, или, какъ говорятъ въ провинціяхъ, пассажъ, о которомъ читатель скоро узнаетъ, не привело въ совершенное недоумѣніе почти весь городъ.

ГЛАВА II.

Уже болѣе недѣли пріѣзжій господинъ жилъ въ городѣ, разъѣзжая по вечеринкамъ и обѣдамъ и такимъ образомъ проводя, какъ говорится, очень пріятно время. Наконецъ онъ рѣшился перенести свои визиты за городъ и навѣстить помѣщиковъ Манилова и Собакевича, которымъ далъ слово.

Можетъ-быть, къ сему побудила его другая, болѣе существенная причина, дѣло болѣе серьезное, близшее къ сердцу... Но обо всемъ этомъ читатель узнаетъ постепенно и въ свое время, если только будетъ имѣть терпѣніе прочесть предлагаемую повѣсть, очень длинную, имѣющую потомъ раздвинуться шире и просторнѣе, по мѣрѣ приближенія къ концу, вѣнчающему дѣло. Кучеру Селифану отдано было приказаніе рано поутру заложить лошадей въ извѣстную бричку; Петрушкѣ приказано было оставаться дома, смотрѣть за комнатой и чемоданомъ. Для читателя будетъ не лишнимъ познакомиться съ сими двумя крѣпостными людьми нашего героя. Хотя, конечно, они лица не такъ замѣтныя и то, что̀ называютъ второстепенныя или даже третьестепенныя, хотя главные ходы и пружины поэмы не на нихъ утверждены и развѣ кое-гдѣ касаются и легко зацѣпляютъ ихъ; но авторъ любитъ чрезвычайно быть обстоятельнымъ во всемъ, и съ этой стороны, несмотря на то, что самъ человѣкъ русскій, хочетъ быть аккуратенъ, какъ нѣмецъ. Это займетъ, впрочемъ, не много времени и мѣста, потому что не много нужно прибавить къ тому, что̀ уже читатель знаетъ, то-есть, что Петрушка ходилъ въ нѣсколько широкомъ коричневомъ сюртукѣ съ барскаго плеча и имѣлъ, по обычаю людей своего званія, крупный носъ и губы. Характера онъ былъ больше молчаливаго, чѣмъ разговорчиваго; имѣлъ даже благородное побужденіе къ просвѣщенію, т. е. чтенію книгъ, содержаніемъ которыхъ не затруднялся: ему было совершенно все равно, похожденіе ли влюбленнаго героя, просто букварь, или молитвенникъ, — онъ все читалъ съ равнымъ вниманіемъ; если бы ему подвернули химію, онъ и отъ нея бы не отказался. Ему нравилось не то, о чемъ читалъ онъ, но больше самое чтеніе, или, лучше сказать, процессъ самого чтенія, что вотъ-де изъ буквъ вѣчно выходитъ какое-нибудь слово, которое, иной разъ, чортъ знаетъ, что̀ и значитъ. Это чтеніе совершалось болѣе въ лежачемъ положеніи, въ передней, на кровати и на тюфякѣ, сдѣлавшемся отъ такого обстоятельства убитымъ и тоненькимъ, какъ лепешка.

Кромѣ страсти къ чтенію, онъ имѣлъ еще два обыкновенія, составлявшія двѣ другія его характеристическія черты: спать не раздѣваясь, такъ, какъ есть, въ томъ же сюртукѣ, и носить всегда съ собою какой-то свой особенный воздухъ, своего собственнаго запаха, отзывавшійся нѣсколько жилымъ покоемъ, такъ что достаточно было ему только пристроить гдѣ-нибудь свою кровать, хоть даже въ необитаемой дотолѣ комнатѣ, да перетащить туда шинель и пожитки, и уже казалось, что въ этой комнатѣ лѣтъ десять жили люди. Чичиковъ, будучи человѣкъ весьма щекотливый и даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ привередливый, потянувши къ себѣ воздухъ на свѣжій носъ поутру, только помарщивался, да встряхивалъ головою, приговаривая: «Ты, братъ, чортъ тебя знаетъ, потѣешь, что ли. Сходилъ бы ты хоть въ баню». На что̀ Петрушка ничего не отвѣчалъ и старался тутъ же заняться какимъ-нибудь дѣломъ: или подходилъ со щеткой къ висѣвшему барскому фраку, или просто прибиралъ что-нибудь. Что̀ думалъ онъ въ то время, когда молчалъ? Можетъ-быть, онъ говорилъ про себя: «И ты однакожъ хорошъ; не надоѣло тебѣ сорокъ разъ повторять одно и то же...» Богъ вѣдаетъ, трудно знать, что̀ думаетъ дворовый крѣпостной человѣкъ въ то время, когда баринъ ему даетъ наставленіе. Итакъ, вотъ что̀ на первый разъ можно сказать о Петрушкѣ. Кучеръ Селифанъ былъ совершенно другой человѣкъ... Но авторъ весьма совѣстится занимать такъ долго читателей людьми низкаго класса, зная по опыту, какъ неохотно они знакомятся съ низкими сословіями. Таковъ уже русскій человѣкъ: страсть сильная зазнаться съ тѣмъ, который бы хотя однимъ чиномъ былъ его повыше, и шапочное знакомство съ графомъ или княземъ для него лучше всякихъ тѣсныхъ дружескихъ отношеній. Авторъ даже опасается за своего героя, который только коллежскій совѣтникъ. Надворные совѣтники, можетъ быть, и познакомятся съ нимъ, но тѣ, которые подобрались уже къ чинамъ генеральскимъ, — тѣ, Богъ вѣсть, можетъ-быть, даже бросятъ одинъ изъ тѣхъ презрительныхъ взглядовъ, которые

бросаются гордо человѣкомъ на все, что ни пресмыкается у ногъ его, или, что еще хуже, можетъ-быть, пройдутъ убійственнымъ для автора невниманіемъ. Но какъ ни прискорбно то и другое, а все однакожъ нужно возвратиться къ герою. Итакъ, отдавши нужныя приказанія еще съ вечера, проснувшись поутру очень рано, вымывшись, вытершись съ ногъ до головы мокрою губкой, что дѣлалось только по воскреснымъ днямъ,—а въ тотъ день случилось воскресенье,—выбрившись такимъ образомъ, что щеки сдѣлались настоящій атласъ, въ разсужденіи гладкости и лоска, надѣвши фракъ брусничнаго цвѣта съ искрой и потомъ шинель на большихъ медвѣдяхъ, онъ сошелъ съ лѣстницы, поддерживаемый подъ руку то съ одной, то съ другой стороны трактирнымъ слугою, и сѣлъ въ бричку. Съ громомъ выѣхала бричка изъ-подъ воротъ гостиницы на улицу. Проходившій попъ снялъ шляпу, нѣсколько мальчишекъ въ замаранныхъ рубашкахъ протянули руки, приговаривая: «Баринъ, подай сиротинкѣ!» Кучеръ, замѣтивши, что одинъ изъ нихъ былъ большой охотникъ становиться на запятки, хлыснулъ его кнутомъ, и бричка пошла прыгать по камнямъ. Не безъ радости былъ вдали узрѣтъ полосатый шлагбаумъ, дававшій знать, что мостовой, какъ и всякой другой мукѣ, будетъ скоро конецъ, и, еще нѣсколько разъ ударившись довольно крѣпко головою въ кузовъ, Чичиковъ понесся наконецъ по мягкой землѣ. Едва только ушелъ назадъ городъ, какъ уже пошли писать, по нашему обычаю, чушь и дичь по обѣимъ сторонамъ дороги: кочки, ельникъ, низенькіе, жидкіе кусты молодыхъ сосенъ, обгорѣлые стволы старыхъ, дикій верескъ и тому подобный вздоръ. Попадались вытянутыя по шнурку деревни, постройкою похожія на старыя складенныя дрова, покрытыя сѣрыми крышами съ рѣзными деревянными подъ ними украшеніями, въ видѣ висячихъ шитыхъ узорами утиральниковъ. Нѣсколько мужиковъ, по обыкновенію, зѣвали, сидя на лавкахъ передъ воротами, въ своихъ овчиныхъ тулупахъ; бабы, съ толстыми лицами и перевязанными грудями, смотрѣли изъ верхнихъ оконъ; изъ

нижнихъ глядѣлъ теленокъ, или высовывала слѣпую морду свою свинья. Словомъ, виды извѣстные. Проѣхавши пятнадцатую версту, онъ вспомнилъ, что здѣсь, по словамъ Манилова, должна быть его деревня, но и шестнадцатая верста пролетѣла мимо, а деревни все не было видно, и если бы не два мужика, попавшіеся навстрѣчу, то врядъ ли бы довелось имъ потрафить на ладъ. На вопросъ: «далеко ли деревня Заманиловка», — мужики сняли шляпы, и одинъ изъ нихъ, бывшій поумнѣе и носившій бороду клиномъ, отвѣчалъ: «Маниловка, можетъ-быть, а не Заманиловка?»

«Ну, да, Маниловка».

«Маниловка! А какъ проѣдешь еще одну версту, такъ вотъ тебѣ, то-есть, такъ прямо направо».

«Направо?» отозвался кучеръ.

«Направо», сказалъ мужикъ. «Это будетъ тебѣ дорога въ Маниловку; а Заманиловки никакой нѣтъ. Она зовется такъ, то-есть, ея прозваніе Маниловка, а Заманиловки тутъ вовсе нѣтъ. Тамъ прямо на горѣ увидишь домъ, каменный, въ два этажа,—господскій домъ, въ которомъ, то-есть, живетъ самъ господинъ. Вотъ это тебѣ и есть Маниловка, а Заманиловки совсѣмъ нѣтъ никакой здѣсь и не было».

Поѣхали отыскивать Маниловку. Проѣхавши двѣ версты, встрѣтили поворотъ на проселочную дорогу; но уже и двѣ, и три, и четыре версты, кажется, сдѣлали, а каменнаго дома въ два этажа все еще не было видно. Тутъ Чичиковъ вспомнилъ, что если пріятель приглашаетъ къ себѣ въ деревню за пятнадцать верстъ, то значитъ, что къ ней есть вѣрныхъ тридцать. Деревня Маниловка немногихъ могла заманить своимъ мѣстоположеніемъ. Домъ господскій стоялъ одиночкой на юру, то-есть на возвышеніи, открытомъ всѣмъ вѣтрамъ, какимъ только вздумается подуть; покатость горы, на которой онъ стоялъ, была одѣта подстриженнымъ дерномъ. На ней были разбросаны по-англійски двѣ-три клумбы съ кустами сиреней и желтыхъ акацій; пять-шесть березъ небольшими купами кое-гдѣ возносили свои мелколистныя, жиденькія

вершины. Подъ двумя изъ нихъ видна была бесѣдка съ плоскимъ зеленымъ куполомъ, деревянными голубыми колоннами и надписью: «храмъ уединеннаго размышленія»; пониже прудъ, покрытый зеленью, что̀, впрочемъ, не въ диковинку въ аглицкихъ садахъ русскихъ помѣщиковъ. У подошвы этого возвышенія, и частію по самому скату, темнѣли вдоль и поперекъ сѣренькія бревенчатыя избы, которыя герой нашъ, неизвѣстно, по какимъ причинамъ, въ ту-жъ минуту принялся считать и насчиталъ болѣе двухсотъ. Нигдѣ между ними растущаго деревца или какой-нибудь зелени; вездѣ глядѣло только одно бревно. Видъ оживляли двѣ бабы, которыя, картинно подобравши платья и подтыкавшись со всѣхъ сторонъ, брели по колѣни въ прудѣ, влача за два деревянные кляча изорванный бредень, гдѣ видны были два запутавшіеся рака и блестѣла попавшаяся плотва; бабы, казалось, были между собою въ ссорѣ и за что-то перебранивались. Поодаль, въ сторонѣ, темнѣлъ какимъ-то скучно-синеватымъ цвѣтомъ сосновый лѣсъ. Даже самая погода весьма кстати прислужилась: день былъ не то ясный, не то мрачный, а какого-то свѣтло-сѣраго цвѣта,— какой бываетъ только на старыхъ мундирахъ гарнизонныхъ солдатъ, этого, впрочемъ, мирнаго войска, но отчасти нетрезваго по воскреснымъ днямъ. Для пополненія картины не было недостатка въ пѣтухѣ, предвозвѣстникѣ перемѣнчивой погоды, который, несмотря на то, что голова продолблена была до самаго мозгу носами другихъ пѣтуховъ по извѣстнымъ дѣламъ волокитства, горланилъ очень громко и даже похлопывалъ крыльями, обдерганными какъ старыя рогожки. Подъѣзжая ко двору, Чичиковъ замѣтилъ на крыльцѣ самого хозяина, который стоялъ въ зеленомъ шалоновомъ сюртукѣ, приставивъ руку ко лбу, въ видѣ зонтика надъ глазами, чтобы разсмотрѣть получше подъѣзжавшій экипажъ. По мѣрѣ того, какъ бричка близилась къ крыльцу, глаза его дѣлались веселѣе, и улыбка раздвигалась болѣе и болѣе.

«Павелъ Ивановичъ!» вскричалъ онъ наконецъ, когда

Чичиковъ вылѣзалъ изъ брички. «Насилу вы таки насъ вспомнили!»

Оба пріятеля очень крѣпко поцѣловались, и Маниловъ увелъ своего гостя въ комнату. Хотя время, въ продолженіе котораго они будутъ проходить сѣни, переднюю и столовую, нѣсколько коротковато, но попробуемъ, не успѣемъ ли какъ-нибудь имъ воспользоваться и сказать кое-что о хозяинѣ дома. Но тутъ авторъ долженъ признаться, что подобное предпріятіе очень трудно. Гораздо легче изображать характеры большого размѣра: тамъ просто бросай краски со всей руки на полотно—черные палящіе глаза, нависшія брови, перерѣзанный морщиною лобъ, перекинутый черезъ плечо черный или алый какъ огонь плащъ,—и портретъ готовъ; но вотъ эти всѣ господа, которыхъ много на свѣтѣ, которые съ вида очень похожи между собою, а между тѣмъ, какъ приглядишься, увидишь много самыхъ неуловимыхъ особенностей,—эти господа страшно трудны для портретовъ. Тутъ придется сильно напрягать вниманіе, пока заставишь передъ собою выступить всѣ тонкія, почти невидимыя черты, и вообще далеко придется углублять уже изощренный въ наукѣ выпытыванія взглядъ.

Одинъ Богъ развѣ могъ сказать, какой былъ характеръ Манилова. Есть родъ людей, извѣстныхъ подъ именемъ: *люди такъ себѣ, ни то, ни сё, ни въ городѣ Богданъ, ни въ селѣ Селифанъ,* по словамъ пословицы. Можетъ-быть, къ нимъ слѣдуетъ примкнуть и Манилова. На взглядъ онъ былъ человѣкъ видный; черты лица его были не лишены пріятности, но въ эту пріятность, казалось, черезчуръ было передано сахару; въ пріемахъ и оборотахъ его было что-то заискивающее расположенія и знакомства. Онъ улыбался заманчиво, былъ бѣлокуръ, съ голубыми глазами. Въ первую минуту разговора съ нимъ не можешь не сказать: «Какой пріятный и добрый человѣкъ!» Въ слѣдующую затѣмъ минуту ничего не скажешь, а въ третью скажешь: «Чортъ знаетъ, что̀ такое!» и отойдешь подальше; если-жъ не отойдешь, то почувствуешь скуку смертельную. Отъ него не

дождешься никакого живого или хоть даже заносчиваго слова, какое можешь услышать почти отъ всякаго, если коснешься задирающаго его предмета. У всякаго есть свой задоръ: у одного задоръ обратился на борзыхъ собакъ; другому кажется, что онъ сильный любитель музыки и удивительно чувствуетъ всѣ глубокія мѣста въ ней; третій мастеръ лихо пообѣдать; четвертый сыграть роль, хоть однимъ вершкомъ повыше той, которая ему назначена; пятый, съ желаніемъ болѣе ограниченнымъ, спитъ и грезитъ о томъ, какъ бы пройтиться на гуляньи съ флигель-адъютантомъ, напоказъ своимъ пріятелямъ, знакомымъ и даже незнакомымъ; шестой уже одаренъ такою рукою, которая чувствуетъ желаніе сверхъестественное заломить уголъ какому-нибудь бубновому тузу или двойкѣ, тогда какъ рука седьмого такъ и лѣзетъ произвести гдѣ-нибудь порядокъ, подобраться поближе къ личности станціоннаго смотрителя или ямщиковъ, словомъ — у всякаго есть свое, но у Манилова ничего не было. Дома онъ говорилъ очень мало и бо̀льшею частью размышлялъ и думалъ, но о чемъ онъ думалъ, тоже развѣ Богу было извѣстно. Хозяйствомъ, нельзя сказать, чтобы онъ занимался, онъ даже никогда не ѣздилъ на поля; хозяйство шло какъ-то само собою. Когда приказчикъ говорилъ: «хорошо бы, баринъ, то и то сдѣлать»; «да, не дурно», отвѣчалъ онъ обыкновенно, куря трубку, которую курить сдѣлалъ привычку, когда еще служилъ въ арміи, гдѣ считался скромнѣйшимъ, деликатнѣйшимъ и образованнѣйшимъ офицеромъ. «Да, именно не дурно», повторялъ онъ. Когда приходилъ къ нему мужикъ и, почесавши рукою затылокъ, говорилъ: «Баринъ, позволь отлучиться на работу, по̀дать заработать»; «ступай», говорилъ онъ, куря трубку, и ему даже въ голову не приходило, что мужикъ шелъ пьянствовать. Иногда, глядя съ крыльца на дворъ и на прудъ, говорилъ онъ о томъ, какъ бы хорошо было, если бы вдругъ отъ дома провести подземный ходъ, или чрезъ прудъ выстроить каменный мостъ, на которомъ бы были по обѣимъ сторонамъ лавки, и чтобы въ нихъ сидѣли купцы и продавали

разные мелкіе товары, нужные для крестьянъ. При этомъ глаза его дѣлались чрезвычайно сладкими, и лицо принимало самое довольное выраженіе. Впрочемъ, всѣ эти прожекты такъ и оканчивались только одними словами. Въ его кабинетѣ всегда лежала какая-то книжка, заложенная закладкою на 14 страницѣ, которую онъ постоянно читалъ уже два года. Въ домѣ его чего-нибудь вѣчно недоставало: въ гостиной стояла прекрасная мебель, обтянутая щегольской шелковой матеріей, которая, вѣрно, стòила весьма не дешево; но на два кресла ея не достало, и кресла стояли обтянуты просто рогожею; впрочемъ, хозяинъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ всякій разъ предостерегалъ своего гостя словами: «Не садитесь на эти кресла, они еще не готовы». Въ иной комнатѣ и вовсе не было мебели, хотя и было говорено въ первые дни послѣ женитьбы: «Душенька, нужно будетъ завтра похлопотать, чтобы въ эту комнату хоть на время поставить мебель». Ввечеру подавался на столъ очень щегольской подсвѣчникъ изъ темной бронзы, съ тремя античными граціями, съ перламутнымъ щегольскимъ щитомъ, и рядомъ съ нимъ ставился какой-то просто мѣдный инвалидъ, хромой, свернувшійся на сторону и весь въ салѣ, хотя этого не замѣчалъ ни хозяинъ, ни хозяйка, ни слуги. Жена его... впрочемъ, они были совершенно довольны другъ другомъ. Несмотря на то, что минуло болѣе восьми лѣтъ ихъ супружеству, изъ нихъ все еще каждый приносилъ другому или кусочекъ яблочка, или конфетку, или орѣшекъ, и говорилъ трогательно-нѣжнымъ голосомъ, выражавшимъ совершенную любовь: «Разинь, душенька, свой ротикъ, я тебѣ положу этотъ кусочекъ». Само собою разумѣется, что ротикъ раскрывался при этомъ случаѣ очень граціозно. Ко дню рожденія приготовляемы были сюрпризы—какой-нибудь бисерный чехольчикъ на зубочистку. И весьма часто, сидя на диванѣ, вдругъ, совершенно неизвѣстно, изъ какихъ причинъ, одинъ, оставивши свою трубку, а другая работу, если только она держалась на ту пору въ рукахъ, они напечатлѣвали другъ другу такой томный и длинный

поцѣлуй, что въ продолженіе его можно бы легко выкурить маленькую соломенную сигарку. Словомъ, они были то, что̀ говорится счастливы. Конечно, можно бы замѣтить, что въ домѣ есть много другихъ занятій, кромѣ продолжительныхъ поцѣлуевъ и сюрпризовъ, и много бы можно сдѣлать разныхъ запросовъ. Зачѣмъ, напримѣръ, глупо и безъ толку готовится на кухнѣ? Зачѣмъ довольно пусто въ кладовой? Зачѣмъ воровка ключница? Зачѣмъ нечистоплотны и пьяницы слуги? Зачѣмъ вся дворня спитъ немилосерднымъ образомъ и повѣсничаетъ все остальное время? Но все это предметы низкіе, а Манилова воспитана хорошо. А хорошее воспитаніе, какъ извѣстно, получается въ пансіонахъ; а въ пансіонахъ, какъ извѣстно, три главные предмета составляютъ основу человѣческихъ добродѣтелей: французскій языкъ, необходимый для счастія семейственной жизни, фортепьяно, для доставленія пріятныхъ минутъ супругу и, наконецъ, собственно хозяйственная часть: вязаніе кошельковъ и другихъ сюрпризовъ. Впрочемъ, бываютъ разныя усовершенствованія и измѣненія въ методахъ, особенно въ нынѣшнее время: все это болѣе зависитъ отъ благоразумія и способностей самихъ содержательницъ пансіона. Въ другихъ пансіонахъ бываетъ такимъ образомъ, что прежде фортепьяно, потомъ французскій языкъ, а тамъ уже хозяйственная часть. А иногда бываетъ и такъ, что прежде хозяйственная часть, т. е. вязаніе сюрпризовъ, потомъ французскій языкъ, а тамъ уже фортепьяно. Разныя бываютъ методы. Не мѣшаетъ сдѣлать еще замѣчаніе, что Манилова... но, признаюсь, о дамахъ я очень боюсь говорить, да притомъ мнѣ пора возвратиться къ нашимъ героямъ, которые стояли уже нѣсколько минутъ передъ дверями гостиной, взаимно упрашивая другъ друга пройти впередъ.

«Сдѣлайте милость, не безпокойтесь такъ для меня, я пройду послѣ», говорилъ Чичиковъ.

«Нѣтъ, Павелъ Ивановичъ, нѣтъ, вы—гость», говорилъ Маниловъ, показывая ему рукою на дверь.

«Не затрудняйтесь, пожалуйста не затрудняйтесь; пожалуйста проходите», говорилъ Чичиковъ.

«Нѣтъ, ужъ извините, не допущу пройти позади такому пріятному, образованному гостю».

«Почему-жъ образованному?.. Пожалуйста проходите!»

«Ну, да ужъ извольте проходить вы».

«Да отчего-жъ?»

«Ну, да ужъ оттого!» сказалъ съ пріятною улыбкою Маниловъ.

Наконецъ оба пріятеля вошли въ дверь бокомъ и нѣсколько притиснули другъ друга.

«Позвольте мнѣ вамъ представить жену мою», сказалъ Маниловъ. «Душенька! Павелъ Ивановичъ!»

Чичиковъ, точно, увидѣлъ даму, которую онъ совершенно было не примѣтилъ, раскланиваясь въ дверяхъ съ Маниловымъ. Она была недурна, одѣта къ лицу. На ней хорошо сидѣлъ матерчатый шелковый капотъ блѣднаго цвѣта; тонкая небольшая кисть руки ея что-то бросила поспѣшно на столъ и сжала батистовый платокъ съ вышитыми уголками. Она поднялась съ дивана, на которомъ сидѣла. Чичиковъ не безъ удовольствія подошелъ къ ея ручкѣ. Манилова проговорила, нѣсколько даже картавя, что онъ очень обрадовалъ ихъ своимъ пріѣздомъ, и что мужъ ея, не проходило дня, чтобы не вспоминалъ о немъ.

«Да», примолвилъ Маниловъ: «ужъ она бывало все спрашиваетъ меня: «Да что̀ же твой пріятель не ѣдетъ?» «Погоди, душенька, пріѣдетъ». А вотъ вы наконецъ и удостоили насъ своимъ посѣщеніемъ. Ужъ такое право доставили наслажденіе—майскій день... именины сердца»...

Чичиковъ, услышавши, что дѣло уже дошло до именинъ сердца, нѣсколько даже смутился и отвѣчалъ скромно, что ни громкаго имени не имѣетъ, ни даже ранга замѣтнаго.

«Вы все имѣете», прервалъ Маниловъ съ такою же пріятною улыбкою: «все имѣете, даже еще болѣе».

«Какъ вамъ показался нашъ городъ?» примолвила Манилова. «Пріятно ли провели тамъ время?»

«Очень хорошій городъ, прекрасный городъ», отвѣчалъ Чичиковъ: «и время провелъ очень пріятно: общество самое обходительное».

«А какъ вы нашли нашего губернатора?» сказала Манилова.

«Не правда ли, что препочтеннѣйшій и прелюбезнѣйшій человѣкъ?» прибавилъ Маниловъ.

«Совершенная правда», сказалъ Чичиковъ: «препочтеннѣйшій человѣкъ. И какъ онъ вошелъ въ свою должность, какъ понимаетъ ее! Нужно желать побольше такихъ людей».

«Какъ онъ можетъ этакъ, знаете, принять всякаго, наблюсти деликатность въ своихъ поступкахъ», присовокупилъ Маниловъ съ улыбкою, и отъ удовольствія почти совсѣмъ зажмурилъ глаза, какъ котъ, у котораго слегка пощекотали за ушами пальцемъ.

«Очень обходительный и пріятный человѣкъ», продолжалъ Чичиковъ: «и какой искусникъ! Я даже никакъ не могъ предполагать этого: какъ хорошо вышиваетъ разные домашніе узоры! Онъ мнѣ показывалъ своей работы кошелекъ: рѣдкая дама можетъ такъ искусно вышить».

«А вице-губернаторъ, не правда ли, какой милый человѣкъ?» сказалъ Маниловъ, опять нѣсколько прищуривъ глаза.

«Очень, очень достойный человѣкъ», отвѣчалъ Чичиковъ.

«Ну, позвольте, а какъ вамъ показался полицеймейстеръ? Не правда ли, что очень пріятный человѣкъ?»

«Чрезвычайно пріятный, и какой умный, какой начитанный человѣкъ! Мы у него проиграли въ вистъ вмѣстѣ съ прокуроромъ и предсѣдателемъ палаты до самыхъ позднихъ пѣтуховъ. Очень, очень достойный человѣкъ!»

«Ну, а какого вы мнѣнія о женѣ полицеймейстера?» прибавила Манилова. «Не правда ли, прелюбезная женщина?».

«О, это одна изъ достойнѣйшихъ женщинъ, какихъ только я знаю», отвѣчалъ Чичиковъ.

За симъ не пропустили предсѣдателя палаты, почтмейстера, и такимъ образомъ перебрали почти всѣхъ чиновниковъ города, которые всѣ оказались самыми достойными людьми.

«Вы всегда въ деревнѣ проводите время?» сдѣлалъ наконецъ въ свою очередь вопросъ Чичиковъ.

«Больше въ деревнѣ», отвѣчалъ Маниловъ. «Иногда, впрочемъ, пріѣзжаемъ въ городъ для того только, чтобы увидѣться съ образованными людьми. Одичаешь, знаете, если будешь все время жить взаперти».

«Правда, правда», сказалъ Чичиковъ.

«Конечно», продолжалъ Маниловъ: «другое дѣло, если бы сосѣдство было хорошее, если бы, напримѣръ, такой человѣкъ, съ которымъ бы, въ нѣкоторомъ родѣ, можно было поговорить о любезности, о хорошемъ обращеніи, слѣдить какую-нибудь этакую науку, чтобы этакъ расшевелило душу, дало бы, такъ сказать, паренье этакое...» Здѣсь онъ еще что-то хотѣлъ выразить, но, замѣтивши, что нѣсколько зарапортовался, ковырнулъ только рукою въ воздухѣ и продолжалъ: «тогда, конечно, деревня и уединеніе имѣли бы очень много пріятностей. Но рѣшительно нѣтъ никого... Вотъ только иногда почитаешь «Сынъ Отечества».

Чичиковъ согласился съ этимъ совершенно, прибавивши, что ничего не можетъ быть пріятнѣе, какъ жить въ уединеньи, наслаждаться зрѣлищемъ природы и почитать иногда какую-нибудь книгу...

«Но знаете ли», прибавилъ Маниловъ: «все, если нѣтъ друга, съ которымъ бы можно подѣлиться...»

«О, это справедливо, это совершенно справедливо!» прервалъ Чичиковъ. «Что̀ всѣ сокровища тогда въ мірѣ! *Не имѣй денегъ, имѣй хорошихъ людей для обращенія,* сказалъ одинъ мудрецъ».

«И знаете, Павелъ Ивановичъ», сказалъ Маниловъ, явя въ лицѣ своемъ выраженіе не только сладкое, но даже приторное, подобное той микстурѣ, которую ловкій свѣтскій докторъ засластилъ немилосердно, воображая ею обрадовать

паціента: «тогда чувствуешь какое-то, въ нѣкоторомъ родѣ, духовное наслажденіе... Вотъ какъ, напримѣръ, теперь, когда случай мнѣ доставилъ счастіе, можно сказать, рѣдкое, образцовое, говорить съ вами и наслаждаться пріятнымъ вашимъ разговоромъ...»

«Помилуйте, что̀-жъ за пріятный разговоръ?.. Ничтожный человѣкъ, и больше ничего», отвѣчалъ Чичиковъ.

«О, Павелъ Ивановичъ! Позвольте мнѣ быть откровеннымъ: я бы съ радостью отдалъ половину всего моего состоянія, чтобы имѣть часть тѣхъ достоинствъ, которыя имѣете вы!..»

«Напротивъ, я бы почелъ съ своей стороны за величайшее...»

Неизвѣстно, до чего бы дошло взаимное изліяніе чувствъ обоихъ пріятелей, если бы вошедшій слуга не доложилъ, что кушанье готово.

«Прошу покорнѣйше», сказалъ Маниловъ.

«Вы извините, если у насъ нѣтъ такого обѣда, какой на паркетахъ и въ столицахъ: у насъ просто, по русскому обычаю, щи, но отъ чистаго сердца. Покорнѣйше прошу».

Тутъ они еще нѣсколько времени поспорили о томъ, кому первому войти, и наконецъ Чичиковъ вошелъ бокомъ въ столовую.

Въ столовой уже стояли два мальчика, сыновья Манилова, которые были въ тѣхъ лѣтахъ, когда сажаютъ уже дѣтей за столъ, но еще на высокихъ стульяхъ. При нихъ стоялъ учитель, поклонившійся вѣжливо и съ улыбкою. Хозяйка сѣла за свою суповую чашку; гость былъ посаженъ между хозяиномъ и хозяйкою, слуга завязалъ дѣтямъ на шею салфетки.

«Какія миленькія дѣти!» сказалъ Чичиковъ, посмотрѣвъ на нихъ: «а который годъ?»

«Старшему осьмой, а меньшому вчера только минуло шесть», сказала Манилова.

«Ѳемистоклюсъ!» сказалъ Маниловъ, обратившись къ старшему, который старался освободить свой подбородокъ, за-

вязанный лакеемъ въ салфетку. Чичиковъ поднялъ нѣсколько бровь, услышавъ такое отчасти греческое имя, которому, не извѣстно почему, Маниловъ далъ окончаніе на *юсъ;* но постарался тотъ же часъ привесть лицо въ обыкновенное положеніе.

«Ѳемистоклюсъ, скажи мнѣ: какой лучшій городъ во Франціи?»

Здѣсь учитель обратилъ все вниманіе на Ѳемистоклюса и, казалось, хотѣлъ ему вскочить въ глаза, но, наконецъ, совершенно успокоился и кивнулъ головою, когда Ѳемистоклюсъ сказалъ: «Парижъ».

«А у насъ какой лучшій городъ?» спросилъ опять Маниловъ.

Учитель опять настроилъ вниманіе.

«Петербургъ», отвѣчалъ Ѳемистоклюсъ.

«А еще какой?»

«Москва», отвѣчалъ Ѳемистоклюсъ.

«Умница, душенька!» сказалъ на это Чичиковъ. «Скажите однакожъ...» продолжалъ онъ, обратившись тутъ же съ нѣкоторымъ видомъ изумленія къ Маниловымъ. «Въ такія лѣта и уже такія свѣдѣнія. Я долженъ вамъ сказать, что въ этомъ ребенкѣ будутъ большія способности!»

«О, вы еще не знаете его!» отвѣчалъ Маниловъ: «у него чрезвычайно много остроумія. Вотъ меньшой, Алкидъ, тотъ не такъ быстръ, а этотъ сейчасъ, если что-нибудь встрѣтитъ: букашку, козявку, такъ ужъ у него вдругъ глазенки и забѣгаютъ; побѣжитъ за ней слѣдомъ и тотчасъ обратитъ вниманіе. Я его прочу по дипломатической части. Ѳемистоклюсъ!» продолжалъ онъ, снова обратясь къ нему: «хочешь быть посланникомъ?»

«Хочу», отвѣчалъ Ѳемистоклюсъ, жуя хлѣбъ и болтая головой направо и налѣво.

Въ это время стоявшій позади лакей утеръ посланнику носъ и очень хорошо сдѣлалъ, иначе бы канула въ супъ препорядочная посторонняя капля. Разговоръ начался за столомъ объ удовольствіи спокойной жизни, прерываемый

замѣчаніями хозяйки о городскомъ театрѣ и объ актерахъ. Учитель очень внимательно глядѣлъ на разговаривающихъ и, какъ только замѣчалъ, что они были готовы усмѣхнуться, въ ту же минуту открывалъ ротъ и смѣялся съ усердіемъ. Вѣроятно, онъ былъ человѣкъ признательный и хотѣлъ заплатить этимъ хозяину за хорошее обращеніе. Одинъ разъ, впрочемъ, лицо его приняло суровый видъ, и онъ строго застучалъ по столу, устремивъ глаза на сидѣвшихъ насупротивъ его дѣтей. Это было у мѣста, потому что Ѳемистоклюсъ укусилъ за ухо Алкида, и Алкидъ, зажмуривъ глаза и открывъ ротъ, готовъ былъ зарыдать самымъ жалкимъ образомъ, но, почувствовавъ, что за это легко можно было лишиться блюда, привелъ ротъ въ прежнее положеніе и началъ со слезами грызть баранью кость, отъ которой у него обѣ щеки лоснились жиромъ.

Хозяйка очень часто обращалась къ Чичикову со словами: «Вы ничего не кушаете, вы очень мало взяли». На что́ Чичиковъ отвѣчалъ всякій разъ: «Покорнѣйше благодарю, я сытъ. Пріятный разговоръ лучше всякаго блюда».

Уже встали изъ-за стола. Маниловъ былъ доволенъ чрезвычайно и, поддерживая рукою спину своего гостя, готовился такимъ образомъ препроводить его въ гостиную, какъ вдругъ гость объявилъ, съ весьма значительнымъ видомъ, что онъ намѣренъ съ нимъ поговорить объ одномъ очень нужномъ дѣлѣ.

«Въ такомъ случаѣ позвольте мнѣ васъ попросить въ мой кабинетъ», сказалъ Маниловъ, и повелъ въ небольшую комнату, обращенную окномъ на синѣвшій лѣсъ. «Вотъ мой уголокъ», сказалъ Маниловъ.

«Пріятная комнатка», сказалъ Чичиковъ, окинувши ее глазами. Комната была, точно, не безъ пріятности: стѣны были выкрашены какой-то голубенькой краской, въ родѣ сѣренькой; четыре стула, одно кресло, столъ, на которомъ лежала книжка съ заложенною закладкою, о которой мы уже имѣли случай упомянуть; нѣсколько исписанныхъ бумагъ; но больше всего было табаку. Онъ былъ въ разныхъ

видахъ: въ картузахъ и въ табашницѣ, и, наконецъ, насыпанъ былъ просто кучею на столѣ. На обоихъ окнахъ тоже помѣщены были горки выбитой изъ трубки золы, разставленныя не безъ старанія очень красивыми рядками. Замѣтно было, что это иногда доставляло хозяину препровожденіе времени.

«Позвольте васъ попросить расположиться въ этихъ креслахъ», сказалъ Маниловъ. «Здѣсь вамъ будетъ попокойнѣе».

«Позвольте, я сяду на стулѣ».

«Позвольте вамъ этого не позволить», сказалъ Маниловъ съ улыбкою. «Это кресло у меня ужъ ассигновано для гостя: ради, или не ради, но должны сѣсть».

Чичиковъ сѣлъ.

«Позвольте мнѣ васъ попотчивать трубочкою».

«Нѣтъ, не курю», отвѣчалъ Чичиковъ ласково и какъ бы съ видомъ сожалѣнія.

«Отчего?» сказалъ Маниловъ, тоже ласково и съ видомъ сожалѣнія.

«Не сдѣлалъ привычки, боюсь; говорятъ, трубка сушитъ»

«Позвольте мнѣ вамъ замѣтить, что это предубѣжденіе. Я полагаю даже, что курить трубку гораздо здоровѣе, нежели нюхать табакъ. Въ нашемъ полку былъ поручикъ, прекраснѣйшій и образованнѣйшій человѣкъ, который не выпускалъ изо рта трубки не только за столомъ, но даже, съ позволенія сказать, во всѣхъ прочихъ мѣстахъ. И вотъ ему теперь уже сорокъ слишкомъ лѣтъ, но, благодаря Бога, до сихъ поръ такъ здоровъ, какъ нельзя лучше».

Чичиковъ замѣтилъ, что это точно случается и что въ натурѣ находится много вещей, неизъяснимыхъ даже для обширнаго ума.

«Но позвольте прежде одну просьбу...» проговорилъ онъ голосомъ, въ которомъ отдалось какое-то странное, или почти странное выраженіе, и вслѣдъ за тѣмъ, неизвѣстно отчего, оглянулся назадъ. Маниловъ тоже, неизвѣстно отчего, оглянулся назадъ. «Какъ давно вы изволили подавать ревизскую сказку?»

«Да, ужъ давно; а лучше сказать—не припомню».

«Какъ съ того времени много у васъ умерло крестьянъ?»

«А не могу знать: объ этомъ, я полагаю, нужно спросить приказчика. Эй, человѣкъ! позови приказчика; онъ долженъ быть сегодня здѣсь».

Приказчикъ явился. Это былъ человѣкъ лѣтъ подъ сорокъ, брившій бороду, ходившій въ сюртукѣ и, повидимому, проводившій очень покойную жизнь, потому что лицо его глядѣло какою-то пухлою полнотою, а желтоватый цвѣтъ кожи и маленькіе глаза показывали, что онъ зналъ слишкомъ хорошо, что такое пуховики и перины. Можно было видѣть тотчасъ, что онъ совершилъ свое поприще, какъ совершаютъ его всѣ господскіе приказчики: былъ прежде просто грамотнымъ мальчишкой въ домѣ, потомъ женился на какой-нибудь Агашкѣ, ключницѣ, барыниной фавориткѣ, сдѣлался самъ ключникомъ, а тамъ и приказчикомъ. А сдѣлавшись приказчикомъ, поступалъ, разумѣется, какъ всѣ приказчики: водился и кумился съ тѣми, которые на деревнѣ были побогаче, подбавлялъ на тягла побѣднѣе; проснувшись въ девятомъ часу утра, поджидалъ самовара и пилъ чай.

«Послушай, любезный! сколько у насъ умерло крестьянъ съ тѣхъ поръ, какъ подавали ревизію?»

«Да какъ—сколько? Многіе умирали съ тѣхъ поръ», сказалъ приказчикъ, и при этомъ икнулъ, заслонивъ ротъ слегка рукою, наподобіе щитка.

«Да, признаюсь, я самъ такъ думалъ», подхватилъ Маниловъ: «именно очень многіе умирали!» Тутъ онъ оборотился къ Чичикову и прибавилъ еще: «точно, очень многіе».

«А какъ, напримѣръ, числомъ?» спросилъ Чичиковъ.

«Да, сколько числомъ?» подхватилъ Маниловъ.

«Да какъ сказать — числомъ? Вѣдь не извѣстно, сколько умирало: ихъ никто не считалъ».

«Да, именно», сказалъ Маниловъ, обратясь къ Чичикову: «я тоже предполагалъ, большая смертность; совсѣмъ не извѣстно, сколько умерло».

«Ты, пожалуйста, ихъ перечти», сказалъ Чичиковъ: «и сдѣлай подробный реестрикъ всѣхъ поименно».

«Да, всѣхъ поименно», сказалъ Маниловъ.

Приказчикъ сказалъ: «Слушаю!» и ушелъ.

«А для какихъ причинъ вамъ это нужно?» спросилъ, по уходѣ приказчика, Маниловъ.

Этотъ вопросъ, казалось, затруднилъ гостя: въ лицѣ его показалось какое-то напряженное выраженіе, отъ котораго онъ даже покраснѣлъ, — напряженіе что-то выразить не совсѣмъ покорное словамъ. И въ самомъ дѣлѣ, Маниловъ наконецъ услышалъ такія странныя и необыкновенныя вещи, какихъ еще никогда не слыхали человѣческія уши.

«Вы спрашиваете, для какихъ причинъ? Причины вотъ какія: я хотѣлъ бы купить крестьянъ...» сказалъ Чичиковъ, заикнулся и не кончилъ рѣчи.

«Но позвольте спросить васъ», сказалъ Маниловъ: «какъ желаете вы купить крестьянъ: съ землею, или просто на выводъ, то-есть безъ земли?»

«Нѣтъ, я не то, чтобы совершенно крестьянъ», сказалъ Чичиковъ: «я желаю имѣть мертвыхъ...»

«Какъ-съ? Извините... я нѣсколько тугъ на ухо, мнѣ послышалось престранное слово...»

«Я полагаю пріобрѣсть мертвыхъ, которые, впрочемъ, значились бы по ревизіи, какъ живые», сказалъ Чичиковъ.

Маниловъ выронилъ тутъ же чубукъ съ трубкою на полъ, и какъ разинулъ ротъ, такъ и остался съ разинутымъ ртомъ въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ. Оба пріятеля, разсуждавшіе о пріятностяхъ дружеской жизни, остались недвижимы, вперя другъ въ друга глаза, какъ тѣ портреты, которые вѣшались въ старину одинъ противъ другого, по обѣимъ сторонамъ зеркала. Наконецъ, Маниловъ поднялъ трубку съ чубукомъ и поглядѣлъ снизу ему въ лицо, стараясь высмотрѣть, не видно ли какой усмѣшки на губахъ его, не пошутилъ ли онъ; но ничего не было видно такого; напротивъ, лицо даже казалось степеннѣе обыкновеннаго. Потомъ подумалъ, не спятилъ ли гость какъ-нибудь невзна-

чай съ ума, и со страхомъ посмотрѣлъ на него пристально; но глаза гостя были совершенно ясны; не было въ нихъ дикаго, безпокойнаго огня, какой бѣгаетъ въ глазахъ сумасшедшаго человѣка; все было прилично и въ порядкѣ. Какъ ни придумывалъ Маниловъ, какъ ему быть и что̀ ему сдѣлать, но ничего другого не могъ придумать, какъ только выпустить изо рта оставшійся дымъ очень тонкою струею.

«Итакъ, я бы желалъ знать, можете ли вы мнѣ таковыхъ, не живыхъ въ дѣйствительности, но живыхъ относительно законной формы, передать, уступить, или какъ вамъ заблагоразсудится лучше?»

Но Маниловъ такъ сконфузился и смѣшался, что только смотрѣлъ на него.

«Мнѣ кажется, вы затрудняетесь?» замѣтилъ Чичиковъ.

«Я?.. нѣтъ, я не то», сказалъ Маниловъ: «но я не могу постичь... извините... я, конечно, не могъ получить такого блестящаго образованія, какое, такъ сказать, видно во всякомъ вашемъ движеніи; не имѣю высокаго искусства выражаться... Можетъ-быть, здѣсь... въ этомъ, вами сейчасъ выраженномъ изъясненіи... скрыто другое... Можетъ-быть, вы изволили выразиться такъ для красоты слога?»

«Нѣтъ», подхватилъ Чичиковъ: «нѣтъ, я разумѣю предметъ таковъ, какъ есть, то-есть, тѣ души, которыя точно уже умерли».

Маниловъ совершенно растерялся. Онъ чувствовалъ, что ему нужно что-то сдѣлать, предложить вопросъ, а какой вопросъ—чортъ его знаетъ. Кончилъ онъ, наконецъ, тѣмъ, что выпустилъ опять дымъ, но только уже не ртомъ, а черезъ носовыя ноздри.

«Итакъ, если нѣтъ препятствій, то съ Богомъ можно бы приступить къ совершенію купчей крѣпости», сказалъ Чичиковъ.

«Какъ, на мертвыя души купчую?»

«А, нѣтъ!» сказалъ Чичиковъ. «Мы напишемъ, что онѣ живы, такъ, какъ стоитъ дѣйствительно въ ревизской сказкѣ. Я привыкъ ни въ чемъ не отступать отъ гражданскихъ за-

коновъ; хотя за это и потерпѣлъ на службѣ, но ужъ извините: обязанность для меня—дѣло священное, законъ—я нѣмѣю предъ закономъ».

Послѣднія слова понравились Манилову, но въ толкъ самаго дѣла онъ все-таки никакъ не вникъ и, вмѣсто отвѣта, принялся насасывать свой чубукъ такъ сильно, что тотъ началъ, наконецъ, хрипѣть, какъ фаготъ. Казалось, какъ будто онъ хотѣлъ вытянуть изъ него мнѣніе относительно такого неслыханнаго обстоятельства; но чубукъ хрипѣлъ—и больше ничего.

«Можетъ-быть, вы имѣете какія-нибудь сомнѣнія?»

«О, помилуйте, ничуть! Я не насчетъ того говорю, чтобы имѣлъ какое-нибудь, то-есть, критическое предосужденіе о васъ. Но позвольте доложить, не будетъ ли это предпріятіе, или, чтобъ еще болѣе, такъ сказать, выразиться, негоція,—такъ не будетъ ли эта негоція несоотвѣтствующею гражданскимъ постановленіямъ и дальнѣйшимъ видамъ Россіи?»

Здѣсь Маниловъ, сдѣлавши нѣкоторое движеніе головою, посмотрѣлъ очень значительно въ лицо Чичикова, показавъ во всѣхъ чертахъ лица своего и въ сжатыхъ губахъ такое глубокое выраженіе, какого, можетъ-быть, и не видано было на человѣческомъ лицѣ, развѣ только у какого-нибудь слишкомъ умнаго министра, да и то въ минуту самаго головоломнаго дѣла.

Но Чичиковъ сказалъ просто, что подобное предпріятіе, или негоція никакъ не будетъ несоотвѣтствующею гражданскимъ постановленіямъ и дальнѣйшимъ видамъ Россіи, а чрезъ минуту потомъ прибавилъ, что казна получитъ даже выгоды, ибо получитъ законныя пошлины.

«Такъ вы полагаете?...»

«Я полагаю, что это будетъ хорошо».

«А, если хорошо, это другое дѣло: я противъ этого ничего», сказалъ Маниловъ и совершенно успокоился.

«Теперь остается условиться въ цѣнѣ...»

«Какъ въ цѣнѣ?» сказалъ опять Маниловъ и остановился. «Неужели вы полагаете, что я стану брать деньги за души,

которыя въ нѣкоторомъ родѣ окончили свое существованіе? Если ужъ вамъ пришло этакое, такъ сказать, фантастическое желаніе, то, съ своей стороны, я предаю ихъ вамъ безъинтересно и купчую беру на себя».

Великій упрекъ былъ бы историку предлагаемыхъ событій, если бы онъ упустилъ сказать, что удовольствіе одолѣло гостя послѣ такихъ словъ, произнесенныхъ Маниловымъ. Какъ онъ ни былъ степененъ и разсудителенъ, но тутъ чуть не произвелъ даже скачокъ по образцу козла, что̀, какъ извѣстно, производится только въ самыхъ сильныхъ порывахъ радости. Онъ поворотился такъ сильно въ креслахъ, что лопнула шерстяная матерія, обтягивавшая подушку; самъ Маниловъ посмотрѣлъ на него въ нѣкоторомъ недоумѣніи. Побужденный признательностью, онъ наговорилъ тутъ же столько благодарностей, что тотъ смѣшался, весь покраснѣлъ, производилъ головою отрицательный жестъ, и, наконецъ, уже выразился, что это сущее ничего, что онъ, точно, хотѣлъ бы доказать чѣмъ-нибудь сердечное влеченіе, магнитизмъ души; а умершія души въ нѣкоторомъ родѣ—совершенная дрянь.

«Очень не дрянь», сказалъ Чичиковъ, пожавъ ему руку.

Здѣсь былъ испущенъ очень глубокій вздохъ. Казалось, онъ былъ настроенъ къ сердечнымъ изліяніямъ; не безъ чувства и выраженія произнесъ онъ, наконецъ, слѣдующія слова: «Если-бъ вы знали, какую услугу оказали сей, повидимому, дряню человѣку безъ племени и роду! Да и дѣйствительно, чего не потерпѣлъ я? Какъ барка какая-нибудь среди свирѣпыхъ волнъ... Какихъ гоненій, какихъ преслѣдованій не испыталъ, какого горя не вкусилъ! А за что̀? За то, что соблюдалъ правду, что былъ чистъ на своей совѣсти, что подавалъ руку и вдовицѣ безпомощной, и сиротѣ горемыкѣ!..» Тутъ даже онъ отеръ платкомъ выкатившуюся слезу.

Маниловъ былъ совершенно растроганъ. Оба пріятеля долго жали другъ другу руку и долго смотрѣли молча одинъ другому въ глаза, въ которыхъ видны были навернувшіяся

слезы. Маниловъ никакъ не хотѣлъ выпустить руки нашего героя и продолжалъ жать ее такъ горячо, что тотъ уже не зналъ, какъ ее выручить. Наконецъ, выдернувши ее потихоньку, онъ сказалъ, что не худо бы купчую совершить поскорѣе и хорошо бы, если бы онъ самъ понавѣдался въ городъ; потомъ взялъ шляпу и сталъ откланиваться.

«Какъ? Вы ужъ хотите ѣхать?» сказалъ Маниловъ, вдругъ очнувшись и почти испугавшись.

Въ это время вошла въ кабинетъ Манилова.

«Лизанька», сказалъ Маниловъ съ нѣсколько жалостливымъ видомъ: «Павелъ Ивановичъ оставляетъ насъ!»

«Потому что мы надоѣли Павлу Ивановичу», отвѣчала Манилова.

«Сударыня! Здѣсь», сказалъ Чичиковъ: «здѣсь, вотъ гдѣ»,— тутъ онъ положилъ руку на сердце:—«да, здѣсь пребудетъ пріятность времени, проведеннаго съ вами! И, повѣрьте, не было бы для меня бо̀льшаго блаженства, какъ жить съ вами, если не въ одномъ домѣ, то, по крайней мѣрѣ, въ самомъ ближайшемъ сосѣдствѣ».

«А знаете, Павелъ Ивановичъ», сказалъ Маниловъ, которому очень понравилась такая мысль: «какъ было бы въ самомъ дѣлѣ хорошо, если бы жить этакъ вмѣстѣ, подъ одною кровлею или подъ тѣнью какого-нибудь вяза пофилософствовать о чемъ-нибудь, углубиться!..»

«О, это была бы райская жизнь!» сказалъ Чичиковъ, вздохнувши. «Прощайте, сударыня!» продолжалъ онъ, подходя къ ручкѣ Маниловой. «Прощайте, почтеннѣйшій другъ! Не позабудьте просьбы!»

«О, будьте увѣрены!» отвѣчалъ Маниловъ. «Я съ вами разстаюсь не долѣе, какъ на два дня».

Всѣ вышли въ столовую.

«Прощайте, миленькія малютки!» сказалъ Чичиковъ, увидѣвши Алкида и Ѳемистоклюса, которые занимались какимъ-то деревяннымъ гусаромъ, у котораго уже не было ни руки, ни носа. «Прощайте, мои крошки. Вы извините меня, что я не привезъ вамъ гостинца, потому что, признаюсь,

не зналъ даже, живете ли вы на свѣтѣ; но теперь, какъ пріѣду, непремѣнно привезу. Тебѣ привезу саблю. Хочешь саблю?»

«Хочу», отвѣчалъ Ѳемистоклюсъ.

«А тебѣ барабанъ. Не правда ли, тебѣ барабанъ?» продолжалъ Чичиковъ, наклонившись къ Алкиду.

«Парапанъ», отвѣчалъ шопотомъ и потупивъ голову Алкидъ.

«Хорошо, я тебѣ привезу барабанъ,—такой славный барабанъ! Этакъ все будетъ туррр... ру... тра-та-та, та-та-та... Прощай, душенька! Прощай!» Тутъ поцѣловалъ онъ его въ голову и обратился къ Манилову и его супругѣ съ небольшимъ смѣхомъ, съ какимъ обыкновенно обращаются къ родителямъ, давая имъ знать о невинности желаній ихъ дѣтей.

«Право, останьтесь, Павелъ Ивановичъ!» сказалъ Маниловъ, когда уже всѣ вышли на крыльцо. «Посмотрите, какія тучи».

«Это маленькія тучки», отвѣчалъ Чичиковъ.

«Да знаете ли вы дорогу къ Собакевичу?»

«Объ этомъ хочу спросить васъ».

«Позвольте, я сейчасъ разскажу вашему кучеру». Тутъ Маниловъ съ такою же любезностью разсказалъ дѣло кучеру, и сказалъ ему даже одинъ разъ *вы*.

Кучеръ, услышавъ, что нужно пропустить два поворота и поворотить на третій, сказалъ: «Потрафимъ, ваше благородіе», и Чичиковъ уѣхалъ, сопровождаемый долго поклонами и маханьями платка приподымавшихся на цыпочкахъ хозяевъ.

Маниловъ долго стоялъ на крыльцѣ, провожая глазами удалявшуюся бричку, и когда она уже совершенно стала невидна, онъ все еще стоялъ, куря трубку. Наконецъ, вошелъ онъ въ комнату, сѣлъ на стулѣ и предался размышленію, душевно радуясь, что доставилъ гостю своему небольшое удовольствіе. Потомъ мысли его перенеслись незамѣтно къ другимъ предметамъ и наконецъ занеслись,

Богъ знаетъ, куда. Онъ думалъ о благополучіи дружеской жизни, о томъ, какъ бы хорошо было жить съ другомъ на берегу какой-нибудь рѣки, потомъ чрезъ эту рѣку началъ строиться у него мостъ, потомъ огромнѣйшій домъ съ такимъ высокимъ бельведеромъ, что можно оттуда видѣть даже Москву, и тамъ пить вечеромъ чай, на открытомъ воздухѣ, и разсуждать о какихъ-нибудь пріятныхъ предметахъ; потомъ, что они вмѣстѣ съ Чичиковымъ пріѣхали въ какое-то общество, въ хорошихъ каретахъ, гдѣ обворожаютъ всѣхъ пріятностью обращенія, и что будто бы государь, узнавши о такой ихъ дружбѣ, пожаловалъ ихъ генералами, и далѣе, наконецъ, Богъ знаетъ, что̀ такое, чего уже онъ и самъ никакъ не могъ разобрать. Странная просьба Чичикова прервала вдругъ всѣ его мечтанія. Мысль о ней какъ-то особенно не варилась въ его головѣ: какъ ни переворачивалъ онъ ее, но никакъ не могъ изъяснить себѣ, и все время сидѣлъ онъ и курилъ трубку, что̀ тянулось до самаго ужина.

ГЛАВА III.

А Чичиковъ, въ довольномъ расположеніи духа, сидѣлъ въ своей бричкѣ, катившейся давно по столбовой дорогѣ. Изъ предыдущей главы уже видно, въ чемъ состоялъ главный предметъ его вкуса и склонностей, а потому не диво, что онъ скоро погрузился весь въ него и тѣломъ, и душою. Предположенія, смѣты и соображенія, блуждавшія по лицу его, видно, были очень пріятны, ибо ежеминутно оставляли послѣ себя слѣды довольной усмѣшки. Занятый ими, онъ не обращалъ никакого вниманія на то, какъ его кучеръ, довольный пріемомъ дворовыхъ людей Манилова, дѣлалъ весьма дѣльныя замѣчанія чубарому пристяжному коню, запряженному съ правой стороны. Этотъ чубарый конь былъ сильно лукавъ и показывалъ только для вида, будто бы везетъ, тогда какъ коренной гнѣдой и пристяжной каурой масти, называвшійся Засѣдателемъ, потому что былъ прі-

обрѣтенъ отъ какого-то засѣдателя, трудились отъ всего сердца, такъ что даже въ глазахъ ихъ было замѣтно получаемое ими отъ того удовольствіе. «Хитри, хитри! Вотъ я тебя перехитрю!» говорилъ Селифанъ, приподнявшись и хлыснувъ кнутомъ лѣнивца. «Ты знай свое дѣло, панталонникъ ты нѣмецкій! Гнѣдой—почтенный конь, онъ сполняетъ свой долгъ; я ему съ охотою дамъ лишнюю мѣру, потому что онъ почтенный конь; и Засѣдатель—тожъ хорошій конь... Ну, ну! что потряхиваешь ушами? Ты, дуракъ, слушай, коли говорятъ! Я тебя, невѣжа, не стану дурному учить. Ишь, куда ползетъ!» Здѣсь онъ опять хлыснулъ его кнутомъ, примолвивъ: «У, варваръ! Бонапартъ ты проклятый!..» Потомъ прикрикнулъ на всѣхъ: «Эй, вы, любезные!» и стегнулъ по всѣмъ по тремъ уже не въ видѣ наказанія, но чтобы показать, что былъ ими доволенъ. Доставивъ такое удовольствіе, онъ опять обратилъ рѣчь къ чубарому: «Ты думаешь, что скроешь свое поведеніе. Нѣтъ, ты живи по правдѣ, когда хочешь чтобы тебѣ оказывали почтеніе. Вотъ у помѣщика, что̀ мы были, хорошіе люди. Я съ удовольствіемъ поговорю, коли хорошій человѣкъ; съ человѣкомъ хорошимъ мы всегда свои други, тонкіе пріятели: выпить ли чаю, или закусить—съ охотою, коли хорошій человѣкъ. Хорошему человѣку всякій отдастъ почтеніе. Вотъ барина нашего всякій уважаетъ, потому что онъ, слышь ты, сполнялъ службу государскую, онъ сколѣской совѣтникъ...»

Такъ разсуждая, Селифанъ забрался наконецъ въ самыя отдаленныя отвлеченности. Если бы Чичиковъ прислушался, то узналъ бы много подробностей, относившихся лично къ нему; но мысли его такъ были заняты своимъ предметомъ, что одинъ только сильный ударъ грома заставилъ его очнуться и посмотрѣть вокругъ себя: все небо было совершенно обложено тучами, и пыльная почтовая дорога опрыскалась каплями дождя. Наконецъ, громовый ударъ раздался въ другой разъ громче и ближе, и дождь хлынулъ вдругъ, какъ изъ ведра. Сначала, принявши косое направленіе, хлесталъ онъ въ одну сторону кузова кибитки, потомъ въ

другую; потомъ, измѣнивши образъ нападенія и сдѣлавшись совершенно прямымъ, барабанилъ прямо въ верхъ его кузова; брызги, наконецъ, стали долетать ему въ лицо. Это заставило его задернуться кожаными занавѣсками съ двумя круглыми окошечками, опредѣленными на разсматриваніе дорожныхъ видовъ, и приказать Селифану ѣхать скорѣе. Селифанъ, прерванный тоже на самой серединѣ рѣчи, смекнулъ, что, точно, не нужно мѣшкать, вытащилъ тутъ же изъ-подъ козелъ какую-то дрянь изъ сѣраго сукна, надѣлъ ее въ рукава, схватилъ въ руки вожжи и прикрикнулъ на свою тройку, которая чуть-чуть переступала ногами, ибо чувствовала пріятное разслабленіе отъ поучительныхъ рѣчей. Но Селифанъ никакъ не могъ припомнить, два или три поворота проѣхалъ. Сообразивъ и припоминая нѣсколько дорогу, онъ догадался, что много было поворотовъ, которые всѣ пропустилъ онъ мимо. Такъ какъ русскій человѣкъ въ рѣшительныя минуты найдется, что̀ сдѣлать, не вдаваясь въ дальнія разсужденія, то, поворотивши направо, на первую перекрестную дорогу, прикрикнулъ онъ: «Эй, вы, други почтенные!» и пустился вскачь, мало помышляя о томъ, куда приведетъ взятая дорога.

Дождь, однакоже, казалось, зарядилъ надолго. Лежавшая на дорогѣ пыль быстро замѣсилась въ грязь, и лошадямъ ежеминутно становилось тяжеле тащить бричку. Чичиковъ уже начиналъ сильно безпокоиться, не видя такъ долго деревни Собакевича. По расчету его, давно бы пора было пріѣхать. Онъ высматривалъ по сторонамъ, но темнота была такая—хоть глазъ выколи.

«Селифанъ!» сказалъ онъ наконецъ, высунувшись изъ брички.

«Что̀, баринъ?» отвѣчалъ Селифанъ.

«Погляди-ка, не видно ли деревни?»

«Нѣтъ, баринъ, нигдѣ не видно!» Послѣ чего Селифанъ, помахивая кнутомъ, затянулъ—пѣсню не пѣсню, но что-то такое длинное, чему и конца не было. Туда все вошло: всѣ ободрительные и понудительные крики, которыми пот-

чиваютъ лошадей по всей Россіи отъ одного конца ея до другого, прилагательныя всѣхъ родовъ безъ дальнѣйшаго разбора, а какъ что̀ первое попалось на языкъ. Такимъ образомъ дошло до того, что онъ началъ называть ихъ, наконецъ, секретарями.

Между тѣмъ Чичиковъ сталъ примѣчать, что бричка качалась на всѣ стороны и надѣляла его пресильными толчками; это дало ему почувствовать, что они своротили съ дороги и, вѣроятно, тащились по взбороненному полю. Селифанъ, казалось, самъ смекнулъ, но не говорилъ ни слова.

«Что̀, мошенникъ, по какой дорогѣ ты ѣдешь?» сказалъ Чичиковъ.

«Да что̀-жъ, баринъ, дѣлать, время-то такое; кнута не видишь, такая потьма!» Сказавши это, онъ такъ покосилъ бричку, что Чичиковъ принужденъ былъ держаться обѣими руками. Тутъ только замѣтилъ онъ, что Селифанъ подгулялъ.

«Держи, держи, опрокинешь!» кричалъ онъ ему.

«Нѣтъ, баринъ, какъ можно, чтобъ я опрокинулъ», говорилъ Селифанъ. «Это не хорошо опрокинуть, я ужъ самъ знаю; ужъ я никакъ не опрокину». Затѣмъ началъ онъ слегка поворачивать бричку, поворачивалъ, поворачивалъ и наконецъ выворотилъ ее совершенно на-бокъ. Чичиковъ и руками, и ногами шлепнулся въ грязь. Селифанъ лошадей, однакожъ, остановилъ; впрочемъ, онѣ остановились бы и сами, потому что были сильно изнурены. Такой непредвидѣнный случай совершенно изумилъ его. Слѣзши съ козелъ, онъ сталъ передъ бричкою, подперся въ бока обѣими руками, въ то время, какъ баринъ барахтался въ грязи, силясь оттуда вылѣзть, и сказалъ послѣ нѣкотораго размышленія: «Вишь ты, и перекинулась!»

«Ты пьянъ, какъ сапожникъ!» сказалъ Чичиковъ.

«Нѣтъ, баринъ; какъ можно, чтобъ я былъ пьянъ! Я знаю, что это не хорошее дѣло—быть пьянымъ. Съ пріятелемъ поговорилъ, потому что съ хорошимъ человѣкомъ можно поговорить,—въ томъ нѣтъ худого,—и закусили вмѣ-

стѣ. Закуска не обидное дѣло: съ хорошимъ человѣкомъ можно закусить».

«А что я тебѣ сказалъ послѣдній разъ, когда ты напился? а? забылъ?» сказалъ Чичиковъ.

«Нѣтъ, ваше благородіе, какъ можно, чтобы я позабылъ! Я уже дѣло свое знаю. Я знаю, что не хорошо быть пьянымъ. Съ хорошимъ человѣкомъ поговорилъ, потому что...»

«Вотъ я тебя какъ высѣку, такъ ты у меня будешь знать, какъ говорить съ хорошимъ человѣкомъ».

«Какъ милости вашей будетъ завгодно», отвѣчалъ на все согласный Селифанъ: «коли высѣчь, то и высѣчь: я ничуть не прочь отъ того. Почему-жъ не посѣчь, коли за дѣло? на то воля господская. Оно нужно посѣчь, потому что мужикъ балуется; порядокъ нужно наблюдать. Коли за дѣло, то и посѣки; почему-жъ не посѣчь?»

На такое разсужденіе баринъ совершенно не нашелся, что отвѣчать. Но въ это время, казалось, какъ будто сама судьба рѣшилась надъ нимъ сжалиться. Издали послышался собачій лай. Обрадованный Чичиковъ далъ приказаніе погонять лошадей. Русскій возница имѣетъ доброе чутье вмѣсто глазъ; отъ этого случается, что онъ, зажмуря глаза, качаетъ иногда во весь духъ и всегда куда-нибудь да пріѣзжаетъ. Селифанъ, не видя ни зги, направилъ лошадей такъ прямо на деревню, что остановился тогда только, когда бричка ударилась оглоблями въ заборъ и когда рѣшительно уже некуда было ѣхать. Чичиковъ только замѣтилъ, сквозь густое покрывало ливщаго дождя, что-то похожее на крышу. Онъ послалъ Селифана отыскивать ворота, что, безъ сомнѣнія, продолжалось бы долго, если бы на Руси не было, вмѣсто швейцаровъ, лихихъ собакъ, которыя доложили о немъ такъ звонко, что онъ поднесъ пальцы къ ушамъ своимъ. Свѣтъ мелькнулъ въ одномъ окошкѣ и досягнулъ туманною струею до забора, указавши нашимъ дорожнымъ ворота. Селифанъ принялся стучать, и скоро, отворивъ калитку, высунулась какая-то фигура, покрытая армякомъ, и

баринъ со слугою услышали хриплый бабій голосъ: «Кто стучитъ? Чего расходились?»

«Пріѣзжіе, матушка, пусти переночевать», произнесъ Чичиковъ.

«Вишь, ты какой востроногій», сказала старуха: «пріѣхалъ въ какое время! Здѣсь тебѣ не постоялый дворъ: помѣщица живетъ».

«Что-жъ дѣлать, матушка? Вишь, съ дороги сбились. Не ночевать же въ такое время въ степи».

«Да, время темное, нехорошее время», прибавилъ Селифанъ.

«Молчи, дуракъ», сказалъ Чичиковъ.

«Да кто вы такой?» сказала старуха.

«Дворянинъ, матушка».

Слово *дворянинъ* заставило старуху какъ будто нѣсколько подумать. «Погодите, я скажу барынѣ», произнесла она, и минуты черезъ двѣ уже возвратилась съ фонаремъ въ рукѣ. Ворота отперлись. Огонекъ мелькнулъ и въ другомъ окнѣ. Бричка, въѣхавши на дворъ, остановилась передъ небольшимъ домикомъ, который за темнотою трудно было разсмотрѣть. Только одна половина его была озарена свѣтомъ, исходившимъ изъ оконъ; видна была еще лужа передъ домомъ, на которую прямо ударялъ тотъ же свѣтъ. Дождь стучалъ звонко по деревянной крышѣ и журчащими ручьями стекалъ въ подставленную бочку. Между тѣмъ псы заливались всѣми возможными голосами: одинъ, забросивши вверхъ голову, выводилъ такъ протяжно и съ такимъ стараніемъ, какъ будто за это получалъ, Богъ знаетъ, какое жалованье; другой отхватывалъ наскоро, какъ понамарь; промежъ нихъ звенѣлъ, какъ почтовый звонокъ, неугомонный дискантъ, вѣроятно, молодого щенка, и все это наконецъ повершалъ басъ, можетъ-быть, старикъ, надѣленный дюжею собачьей натурой, потому что хрипѣлъ, какъ хрипитъ пѣвческій контрабасъ, когда концертъ въ полномъ разливѣ: тенора поднимаются на цыпочки отъ сильнаго желанія вывести высокую ноту, и все, что ни есть, порывается кверху, закиды-

вая голову, а онъ одинъ, засунувши небритый подбородокъ въ галстукъ, присѣвъ и опустившись почти до земли, пропускаетъ оттуда свою ноту, отъ которой трясутся и дребезжатъ стекла. Уже по одному собачьему лаю, составленному изъ такихъ музыкантовъ, можно было предположить, что деревушка была порядочная; но промокшій и озябшій герой нашъ ни о чемъ не думалъ, какъ только о постели. Не успѣла бричка совершенно остановиться, какъ онъ уже соскочилъ на крыльцо, пошатнулся и чуть не упалъ. На крыльцо вышла опять какая-то женщина помоложе прежней, но очень на нее похожая. Она проводила его въ комнату. Чичиковъ кинулъ вскользь два взгляда: комната была обвѣшана старенькими, полосатыми обоями; картины съ какими-то птицами; между оконъ—старинныя маленькія зеркала, съ темными рамками въ видѣ свернувшихся листьевъ; за всякимъ зеркаломъ заложены были или письмо, или старая колода картъ, или чулокъ; стѣнные часы, съ нарисованными цвѣтами на циферблатѣ... не въ мочь было ничего болѣе замѣтить. Онъ чувствовалъ, что глаза его липнули, какъ будто ихъ кто-нибудь вымазалъ медомъ. Минуту спустя, вошла хозяйка, женщина пожилыхъ лѣтъ, въ какомъ-то спальномъ чепцѣ, надѣтомъ наскоро, съ фланелью на шеѣ, одна изъ тѣхъ матушекъ, небольшихъ помѣщицъ, которыя плачутся на неурожаи, убытки, и держатъ голову нѣсколько на-бокъ, а между тѣмъ набираютъ понемногу деньжонокъ въ пестрядевые мѣшечки, размѣщенные по ящикамъ комодовъ. Въ одинъ мѣшечекъ отбираютъ все цѣлковики, въ другой полтиннички, въ третій четвертачки, хотя съ виду и кажется, будто бы въ комодѣ ничего нѣтъ кромѣ бѣлья, да ночныхъ кофточекъ, да нитяныхъ моточковъ, да распоротаго салопа, имѣющаго потомъ обратиться въ платье, если старое какъ-нибудь прогоритъ во время печенія праздничныхъ лепешекъ со всякими пряженцами или поизотрется само собою. Но не сгоритъ платье и не изотрется само собою: бережлива старушка, и салопу суждено пролежать долго въ распоротомъ видѣ, а потомъ достаться, по духов-

ному завѣщанію, племянницѣ внучатной сестры, вмѣстѣ со всякимъ другимъ хламомъ.

Чичиковъ извинился, что побезпокоилъ неожиданнымъ пріѣздомъ. «Ничего, ничего!» сказала хозяйка. «Въ какое это время васъ Богъ принесъ! Сумятица и вьюга такая... Съ дороги бы слѣдовало поѣсть чего-нибудь, да пора-то ночная, приготовить нельзя».

Слова хозяйки были прерваны страннымъ шипѣніемъ, такъ что гость было испугался: шумъ походилъ на то, какъ бы вся комната наполнилась змѣями; но, взглянувши вверхъ, онъ успокоился, ибо смекнулъ, что стѣннымъ часамъ пришла охота бить. За шипѣньемъ тотчасъ же послѣдовало хрипѣнье и, наконецъ, понатужась всѣми силами, они пробили два часа такимъ звукомъ, какъ бы кто колотилъ палкой по разбитому горшку, послѣ чего маятникъ пошелъ опять покойно щелкать направо и налѣво.

Чичиковъ поблагодарилъ хозяйку, сказавши, что ему не нужно ничего, чтобы она не безпокоилась ни о чемъ, что кромѣ постели онъ ничего не требуетъ, и полюбопытствовалъ только знать, въ какія мѣста заѣхалъ онъ, и далеко ли отсюда пути къ помѣщику Собакевичу, на что̀ старуха сказала, что и не слыхивала такого имени, и что такого помѣщика вовсе нѣтъ.

«По крайней мѣрѣ, знаете Манилова?» сказалъ Чичиковъ.

«А кто таковъ Маниловъ?»

«Помѣщикъ, матушка».

«Нѣтъ, не слыхивала; нѣтъ такого помѣщика».

«Какіе же есть?»

«Бобровъ, Свиньинъ, Канапатьевъ, Харпакинъ, Трепакинъ, Плѣшаковъ».

«Богатые люди, или нѣтъ?»

«Нѣтъ, отецъ, богатыхъ слишкомъ нѣтъ. У кого двадцать душъ, у кого тридцать; а такихъ, чтобъ по сотнѣ, такихъ нѣтъ».

Чичиковъ замѣтилъ, что онъ заѣхалъ въ порядочную глушь.

«Далеко ли, по крайней мѣрѣ, до города?»

«А верстъ шестьдесятъ будетъ. Какъ жаль мнѣ, что нечего вамъ покушать! Не хотите ли, батюшка, выпить чаю?»

«Благодарю, матушка. Ничего не нужно, кромѣ постели».

«Правда, съ такой дороги и очень нужно отдохнуть. Вотъ здѣсь и расположитесь, батюшка, на этомъ диванѣ. Эй, Фетинья, принеси перину, подушки и простыню. Какое-то время послалъ Богъ: громъ такой—у меня всю ночь горѣла свѣча передъ образомъ. Эхъ, отецъ мой, да у тебя-то, какъ у борова, вся спина и бокъ въ грязи; гдѣ такъ изволилъ засалиться?»

«Еще слава Богу, что только засалился; нужно благодарить, что не отломалъ совсѣмъ боковъ».

«Святители, какія страсти! Да не нужно ли чѣмъ потереть спину?»

«Спасибо, спасибо. Не безпокойтесь, а прикажите только вашей дѣвкѣ повысушить и вычистить мое платье».

«Слышишь, Фетинья!» сказала хозяйка, обратясь къ женщинѣ, выходившей на крыльцо со свѣчою, которая успѣла уже притащить перину и, взбивши ее съ обоихъ боковъ руками, напустила цѣлый потопъ перьевъ по всей комнатѣ. «Ты возьми ихній-то кафтанъ вмѣстѣ съ исподнимъ и прежде просуши ихъ передъ огнемъ, какъ дѣлывали покойнику барину, а послѣ перетри и выколоти хорошенько».

«Слушаю, сударыня!» говорила Фетинья, постилая сверхъ перины простыню и кладя подушки.

«Ну, вотъ тебѣ постель готова», сказала хозяйка. «Прощай, батюшка; желаю покойной ночи. Да не нужно ли еще чего? Можетъ, ты привыкъ, отецъ мой, чтобы кто-нибудь почесалъ на ночь пятки. Покойникъ мой безъ этого никакъ не засыпалъ».

Но гость отказался и отъ почесыванія пятокъ. Хозяйка вышла, и онъ тотъ же часъ поспѣшилъ раздѣться, отдавъ Фетиньѣ всю снятую съ себя сбрую, какъ верхнюю, такъ и нижнюю, и Фетинья, пожелавъ также съ своей стороны

покойной ночи, утащила эти мокрые доспѣхи. Оставшись одинъ, онъ не безъ удовольствія взглянулъ на свою постель, которая была почти до потолка. Фетинья, какъ видно, была мастерица взбивать перины. Когда, подставивши стулъ, взобрался онъ на постель, она опустилась подъ нимъ почти до самаго пола, и перья, вытѣсненныя имъ изъ предѣловъ, разлетѣлись во всѣ углы комнаты. Погасивъ свѣчу, онъ накрылся ситцевымъ одѣяломъ и, свернувшись подъ нимъ кренделемъ, заснулъ въ ту же минуту. Проснулся на другой день онъ уже довольно позднимъ утромъ. Солнце сквозь окно блистало ему прямо въ глаза, и мухи, которыя вчера спали спокойно на стѣнахъ и на потолкѣ, всѣ обратились къ нему: одна сѣла ему на губу, другая на ухо, третья норовила, какъ бы усѣсться на самый глазъ; ту же, которая имѣла неосторожность подсѣсть близко къ носовой ноздрѣ, онъ потянулъ впросонкахъ въ самый носъ, что̀ заставило его крѣпко чихнуть,—обстоятельство, бывшее причиною его пробужденія. Окинувши взглядомъ комнату, онъ теперь замѣтилъ, что на картинахъ не всё были птицы: между ними висѣлъ портретъ Кутузова и писанный масляными красками какой-то старикъ съ красными обшлагами на мундирѣ, какъ нашивали при Павлѣ Петровичѣ. Часы опять испустили шипѣніе и пробили десять: въ дверь выглянуло женское лицо и въ ту же минуту спряталось, ибо Чичиковъ, желая получше заснуть, скинулъ съ себя совершенно все. Выглянувшее лицо показалось ему какъ будто нѣсколько знакомо. Онъ сталъ припоминать себѣ, кто бы это былъ, и наконецъ вспомнилъ, что это была хозяйка. Онъ надѣлъ рубаху; платье, уже высушенное и вычищенное, лежало возлѣ него. Одѣвшись, подошелъ онъ къ зеркалу и чихнулъ опять такъ громко, что подошедшій въ это время къ окну индѣйскій пѣтухъ, — окно же было очень близко отъ земли. — заболталъ ему что-то вдругъ и весьма скоро на своемъ странномъ языкѣ, вѣроятно: «желаю здравствовать», на что̀ Чичиковъ сказалъ ему дурака. Подошедши къ окну, онъ началъ разсматривать бывшіе передъ нимъ виды; окно

глядѣло едва ли не въ курятникъ; по крайней мѣрѣ, находившійся передъ нимъ узенькій дворикъ весь былъ наполненъ птицами и всякой домашней тварью. Индѣйкамъ и курамъ не было числа; промежъ нихъ расхаживалъ пѣтухъ мѣрными шагами, потряхивая гребнемъ и поворачивая голову на-бокъ, какъ будто къ чему-то прислушиваясь; свинья съ семействомъ очутилась тутъ же; тутъ же, разгребая кучу сора, съѣла она мимоходомъ цыпленка и, не замѣчая этого, продолжала уписывать арбузныя корки своимъ порядкомъ. Этотъ небольшой дворикъ, или курятникъ перегораживалъ дощатый заборъ, за которымъ тянулись пространные огороды съ капустой, лукомъ, картофелемъ, свеклой и прочимъ хозяйственнымъ овощемъ. По огороду были разбросаны кое-гдѣ яблони и другія фруктовыя деревья, накрытыя сѣтями для защиты отъ сорокъ и воробьевъ, изъ которыхъ послѣдніе цѣлыми косвенными тучами переносились съ одного мѣста на другое. Для этой же самой причины водружено было нѣсколько чучелъ на длинныхъ шестахъ съ растопыренными руками; на одномъ изъ нихъ надѣтъ былъ чепецъ самой хозяйки. За огородами слѣдовали крестьянскія избы, которыя хотя были выстроены вразсыпную и не заключены въ правильныя улицы, но, по замѣчанію, сдѣланному Чичиковымъ, показывали довольство обитателей, ибо были поддерживаемы, какъ слѣдуетъ: изветшавшій тесъ на крышахъ вездѣ былъ замѣненъ новымъ; ворота нигдѣ не покосились; а въ обращенныхъ къ нему крестьянскихъ крытыхъ сараяхъ замѣтилъ онъ—гдѣ стоявшую запасную, почти новую, телѣгу, а гдѣ и двѣ. «Да у ней деревушка не маленькая», сказалъ онъ и положилъ тутъ же разговориться и познакомиться съ хозяйкой покороче. Онъ заглянулъ въ щелочку двери, изъ которой она было высунула голову, и, увидѣвъ ее, сидящую за чайнымъ столикомъ, вошелъ къ ней съ веселымъ и ласковымъ видомъ.

«Здравствуйте, батюшка. Каково почивали?» сказала хозяйка, приподнимаясь съ мѣста. Она была одѣта лучше,

нежели вчера,—въ темномъ платьѣ и уже не въ спальномъ чепцѣ; но на шеѣ все такъ же было что-то навязано.

«Хорошо, хорошо», говорилъ Чичиковъ, садясь въ кресла. «Вы какъ, матушка?»

«Плохо, отецъ мой».

«Какъ такъ?»

«Безсонница. Все поясница болитъ, и нога, что̀ повыше косточки, такъ вотъ и ломитъ».

«Пройдетъ, пройдетъ, матушка. На это нечего глядѣть».

«Дай Богъ, чтобы прошло. Я-то смазывала свинымъ саломъ и скипидаромъ тоже смачивала. А съ чѣмъ прихлебнете чайку? Во фляжкѣ фруктовая».

«Не дурно, матушка; хлебнемъ и фруктовой».

Читатель, я думаю, уже замѣтилъ, что Чичиковъ, несмотря на ласковый видъ, говорилъ, однакоже, съ большею свободою, нежели съ Маниловымъ, и вовсе не церемонился. Надобно сказать, что у насъ на Руси если не угнались еще кой въ чемъ другомъ за иностранцами, то далеко перегнали ихъ въ умѣнiи обращаться. Пересчитать нельзя всѣхъ оттѣнковъ и тонкостей нашего обращенiя. Французъ или нѣмецъ вѣкъ не смекнетъ и не пойметъ всѣхъ его особенностей и различiй; онъ почти тѣмъ же голосомъ и тѣмъ же языкомъ станетъ говорить и съ миллiонщикомъ, и съ мелкимъ табачнымъ торгашомъ, хотя, конечно, въ душѣ поподличаетъ въ мѣру передъ первымъ. У насъ не то: у насъ есть такiе мудрецы, которые съ помѣщикомъ, имѣющимъ двѣсти душъ, будутъ говорить совсѣмъ иначе, нежели съ тѣмъ, у котораго ихъ триста, а съ тѣмъ, у котораго ихъ триста, будутъ говорить опять не такъ, какъ съ тѣмъ, у котораго ихъ пятьсотъ; а съ тѣмъ, у котораго ихъ пятьсотъ, опять не такъ, какъ съ тѣмъ, у котораго ихъ восемьсотъ; словомъ, хоть восходи до миллiона, все найдутся оттѣнки. Положимъ, напримѣръ, существуетъ канцелярiя — не здѣсь, а въ тридевятомъ государствѣ; а въ канцелярiи, положимъ, существуетъ правитель канцелярiи. Прошу посмотрѣть на него, когда онъ сидитъ среди своихъ

подчиненныхъ — да просто отъ страха и слова не выговоришь. Гордость и благородство... и ужъ чего не выражаетъ лицо его? Просто бери кисть, да и рисуй: Прометей, рѣшительный Прометей! Высматриваетъ орломъ, выступаетъ плавно, мѣрно. Тотъ же самый орелъ, какъ только вышелъ изъ комнаты и приближается къ кабинету своего начальника, куропаткой такой спѣшитъ съ бумагами подъ мышкой, что мочи нѣтъ. Въ обществѣ и на вечеринкѣ, будь всѣ небольшого чина, Прометей такъ и останется Прометеемъ, а чуть немного повыше его, съ Прометеемъ сдѣлается такое превращеніе, какого и Овидій не выдумаетъ: муха, меньше даже мухи,—уничтожился въ песчинку! «Да это не Иванъ Петровичъ», говоришь, глядя на него. «Иванъ Петровичъ выше ростомъ, а этотъ и низенькій, и худенькій; тотъ говоритъ громко, баситъ и никогда не смѣется, а этотъ чортъ знаетъ что̀: пищитъ птицей и все смѣется». Подходишь ближе, глядишь — точно Иванъ Петровичъ! «Эхе, хе, хе!» думаешь себѣ... Но однакожъ обратимся къ дѣйствующимъ лицамъ. Чичиковъ, какъ мы ужъ видѣли, рѣшился вовсе не церемониться, и потому, взявши въ руки чашку съ чаемъ и вливши туда фруктовой, повелъ такія рѣчи:

«У васъ, матушка, хорошая деревенька. Сколько въ ней душъ?»

«Душъ-то въ ней, отецъ мой, безъ малаго 80», сказала хозяйка: «да бѣда, времена плохи: вотъ и прошлый годъ былъ такой неурожай, что Боже храни».

«Однакожъ мужички на видъ дюжіе, избенки крѣпкія. А позвольте узнать фамилію вашу. Я такъ разсѣялся... пріѣхалъ въ ночное время...»

«Коробочка, коллежская секретарша».

«Покорнѣйше благодарю. А имя и отчество?»

«Настасья Петровна».

«Настасья Петровна? Хорошее имя—Настасья Петровна. У меня тетка родная, сестра моей матери, Настасья Петровна».

«А ваше имя какъ?» спросила помѣщица: «вѣдь вы, я чай, засѣдатель?»

«Нѣтъ, матушка!» отвѣчалъ Чичиковъ, усмѣхнувшись: чай, не засѣдатель, а такъ ѣздимъ по своимъ дѣлишкамъ».

«А, такъ вы покупщикъ! Какъ же жаль, право, что я продала медъ купцамъ такъ дешево; а вотъ ты бы, отецъ мой, у меня, вѣрно, его купилъ».

«А вотъ меду и не купилъ бы».

«Что̀-жъ другое? Развѣ пеньку? Да вить и пеньки у меня теперь маловато—полпуда всего».

«Нѣтъ, матушка, другого рода товарецъ: скажите, у васъ умирали крестьяне?»

«Охъ, батюшка, осьмнадцать человѣкъ!» сказала старуха, вздохнувши. «И умеръ такой все славный народъ, все работники. Послѣ того, правда, народилось, да что̀ въ нихъ? все такая мелюзга. А засѣдатель подъѣхалъ—по̀дать, говоритъ, уплачивать съ души. Народъ мертвый, а плати какъ за живого. На прошлой недѣлѣ сгорѣлъ у меня кузнецъ, такой искусный кузнецъ и слесарное мастерство зналъ».

«Развѣ у васъ былъ пожаръ, матушка?»

«Богъ приберегъ отъ такой бѣды; пожаръ бы еще хуже: самъ сгорѣлъ, отецъ мой. Внутри у него какъ-то загорѣлось, чрезчуръ выпилъ; только синій огонекъ пошелъ отъ него, весь истлѣлъ, истлѣлъ и почернѣлъ, какъ уголь; а такой былъ преискусный кузнецъ! И теперь мнѣ выѣхать не на чемъ: некому лошадей подковать».

«На все воля Божья, матушка!» сказалъ Чичиковъ, вздохнувши: «противъ мудрости Божіей ничего нельзя сказать... Уступите-ка ихъ мнѣ, Настасья Петровна!»

«Кого, батюшка?»

«Да вотъ этихъ-то всѣхъ, что̀ умерли».

«Да какъ же уступить ихъ?»

«Да такъ просто. Или, пожалуй, продайте. Я вамъ за нихъ дамъ деньги».

«Да какъ же? Я, право, въ толкъ-то не возьму. Нешто хочешь ты ихъ откапывать изъ земли?»

Чичиковъ увидѣлъ, что старуха хватила далеко и что необходимо ей нужно растолковать, въ чемъ дѣло. Въ немногихъ словахъ объяснилъ онъ ей, что переводъ или покупка будетъ значиться только на бумагѣ и души будутъ прописаны какъ бы живыя.

«Да на что-жъ онѣ тебѣ?» сказала старуха, выпучивъ на него глаза.

«Это ужъ мое дѣло».

«Да вѣдь онѣ-жъ мертвыя».

«Да кто же говоритъ, что онѣ живыя? Потому-то и въ убытокъ вамъ, что мертвыя: вы за нихъ платите, а теперь я васъ избавлю отъ хлопотъ и платежа. Понимаете? Да не только избавлю, да еще сверхъ того дамъ вамъ пятнадцать рублей. Ну, теперь ясно?»

«Право, не знаю», произнесла хозяйка съ разстановкой: «вѣдь я мертвыхъ никогда еще не продавала».

«Еще бы! Это бы скорѣй походило на диво, если бы вы ихъ кому-нибудь продали. Или вы думаете, что въ нихъ есть въ самомъ дѣлѣ какой-нибудь прокъ?»

«Нѣтъ, этого-то я не думаю. Что-жъ въ нихъ за прокъ? Проку никакого нѣтъ. Меня только то и затрудняетъ, что онѣ уже мертвыя».

«Ну, баба, кажется, крѣпколобая!» подумалъ про себя Чичиковъ. «Послушайте, матушка! Да вы разсудите только хорошенько: вѣдь вы разоряетесь, платите за него подать, какъ за живого...»

«Охъ, отецъ мой, и не говори объ этомъ!» подхватила помѣщица. «Еще третью недѣлю взнесла больше полутораста, да засѣдателя подмаслила».

«Ну, видите, матушка! А теперь примите въ соображеніе только то, что засѣдателя вамъ подмасливать больше не нужно, потому что теперь я плачу за нихъ,—я, а не вы; я принимаю на себя всѣ повинности; я совершу даже крѣпость на свои деньги, понимаете ли вы это?»

Старуха задумалась. Она видѣла, что дѣло, точно, какъ будто выгодно, да только ужъ слишкомъ новое и небывалое,

а потому начала сильно побаиваться, чтобы какъ-нибудь не надулъ ее этотъ покупщикъ; пріѣхалъ же, Богъ знаетъ, откуда, да еще и въ ночное время.

«Такъ что̀-жъ, матушка, по рукамъ, что ли?» говорилъ Чичиковъ.

«Право, отецъ мой, никогда еще не случалось продавать мнѣ покойниковъ. Живыхъ-то я уступила вотъ и третьяго года Протопопову—двухъ дѣвокъ по сту рублей каждую, и очень благодарилъ: такія вышли славныя работницы: сами салфетки ткутъ».

«Ну, да не о живыхъ дѣло; Богъ съ ними! Я спрашиваю мертвыхъ».

«Право, я боюсь на первыхъ-то порахъ, чтобы какъ-нибудь не понести убытку. Можетъ-быть, ты, отецъ мой, меня обманываешь, а они того... они больше какъ-нибудь сто́ятъ».

«Послушайте, матушка... эхъ какія вы! что́-жъ они могутъ сто̀ить? Разсмотрите: вѣдь это прахъ. Понимаете ли? это, просто, прахъ. Вы возьмите всякую негодную, послѣднюю вещь, напримѣръ, даже простую тряпку,—и тряпкѣ есть цѣна: ее хоть, по крайней мѣрѣ, купятъ на бумажную фабрику, а вѣдь это ни на что́ не нужно. Ну, скажите сами, на что̀ оно нужно?»

«Ужъ это, точно, правда. Ужъ совсѣмъ ни на что́ не нужно; да вѣдь меня одно только и останавливаетъ, что вѣдь они уже мертвые».

«Экъ ее, дубинно-головая какая!» сказалъ про себя Чичиковъ, уже начиная выходить изъ терпѣнія. «Пойди ты, сладь съ нею! Въ потъ бросила, проклятая старуха!» Тутъ онъ, вынувши изъ кармана платокъ, началъ отирать потъ, въ самомъ дѣлѣ выступившій на лбу. Впрочемъ, Чичиковъ напрасно сердился: иной и почтенный, и государственный даже человѣкъ, а на дѣлѣ выходитъ совершенная Коробочка. Какъ зарубилъ что̀ себѣ въ голову, то ужъ ничѣмъ его не пересилишь; сколько ни представляй ему доводовъ, ясныхъ какъ день, все отскакиваетъ отъ него, какъ резинный мячъ отскакиваетъ отъ стѣны. Отерши потъ, Чичиковъ

рѣшился попробовать, нельзя ли ее навести на путь какою-нибудь иною стороною. «Вы, матушка», сказалъ онъ: «или не хотите понимать словъ моихъ, или такъ нарочно говорите, лишь бы что-нибудь говорить... Я вамъ даю деньги: пятнадцать рублей ассигнаціями,—понимаете ли? Вѣдь это деньги. Вы ихъ не сыщете на улицѣ. Ну, признайтесь, почемъ продали медъ?»

«По 12-ти рублей пудъ».

«Хватили немножко грѣха на душу, матушка. По двѣнадцати не продали».

«Ей Богу, продала».

«Ну, видите-ль? Такъ зато—это медъ. Вы собирали его, можетъ-быть, около года съ заботами, со стараніемъ, хлопотами; ѣздили, морили пчелъ, кормили ихъ въ погребѣ цѣлую зиму, а мертвыя души—дѣло не отъ міра сего. Тутъ вы съ своей стороны никакого не прилагали старанія: на то была воля Божія, чтобы онѣ оставили міръ сей, нанеся ущербъ вашему хозяйству. Тамъ вы получили за трудъ, за стараніе двѣнадцать рублей, а тутъ вы берете ни за что̀, даромъ, да и не двѣнадцать, а пятнадцать, да и не серебромъ, а все синими ассигнаціями». Послѣ такихъ сильныхъ убѣжденій Чичиковъ почти уже не сомнѣвался, что старуха, наконецъ, подастся.

«Право», отвѣчала помѣщица: «мое такое неопытное вдовье дѣло! Лучше-жъ я маленько повремeню, авось понаѣдутъ купцы, да примѣнюсь къ цѣнамъ».

«Страмъ, страмъ, матушка! просто, страмъ! Ну, что̀ вы это говорите, подумайте сами! Кто-жъ станетъ покупать ихъ? Ну, какое употребленіе онъ можетъ изъ нихъ сдѣлать?»

«А, можетъ, въ хозяйствѣ-то какъ-нибудь подъ случай понадобятся...» возразила старуха, да и не кончила рѣчи, открыла ротъ и смотрѣла на него почти со страхомъ, желая знать, что̀ онъ на это скажетъ.

«Мертвые въ хозяйствѣ! Экъ куда хватили! Воробьевъ развѣ пугать по ночамъ въ вашемъ огородѣ, что ли?»

«Съ нами крестная сила! Какія ты страсти говоришь!» проговорила старуха, крестясь.

«Куда-жъ еще вы ихъ хотѣли пристроить? Да, впрочемъ, вѣдь кости и могилы—все вамъ остается: переводъ только на бумагѣ. Ну, такъ что́ же? Какъ же? Отвѣчайте, по крайней мѣрѣ».

Старуха вновь задумалась.

«О чемъ же вы думаете, Настасья Петровна?»

«Право, я все не приберу, какъ мнѣ быть; лучше я вамъ пеньку продамъ».

«Да что́-жъ пенька? Помилуйте, я васъ прошу совсѣмъ о другомъ, а вы мнѣ пеньку суете! Пенька—пенькою, въ другой разъ пріѣду—заберу и пеньку. Такъ какъ же, Настасья Петровна?»

«Ей Богу, товаръ такой странный, совсѣмъ небывалый!»

Здѣсь Чичиковъ вышелъ совершенно изъ границъ всякаго терпѣнія, хватилъ въ сердцахъ стуломъ объ полъ и посулилъ ей чорта.

Чорта помѣщица испугалась необыкновенно. «Охъ, не припоминай его, Богъ съ нимъ!» вскрикнула она, вся поблѣднѣвъ. «Еще третьяго дня всю ночь мнѣ снился окаянный. Вздумала было на ночь загадать на картахъ послѣ молитвы, да, видно, въ наказаніе-то Богъ и наслалъ его. Такой гадкій привидѣлся; а рога-то длиннѣе бычачьихъ».

«Я дивлюсь, какъ они вамъ десятками не снятся. Изъ одного христіанскаго человѣколюбія хотѣлъ: вижу—бѣдная вдова убивается, терпитъ нужду... Да пропади и околѣй со всей вашей деревней!...»

«Ахъ, какія ты забранки пригинаешь!» сказала старуха, глядя на него со страхомъ.

«Да не найдешь словъ съ вами! Право, словно какая-нибудь, не говоря дурного слова, дворняшка, что̀ лежитъ на сѣнѣ: и сама не ѣстъ сѣна, и другимъ не даетъ. Я хотѣлъ было закупать у васъ хозяйственные продукты разные, потому что я и казенные подряды тоже веду...» Здѣсь онъ прилгнулъ, хоть и вскользь, и безъ всякаго дальнѣйшаго

размышленія, но неожиданно-удачно. Казенные подряды подѣйствовали сильно на Настасью Петровну; по крайней мѣрѣ, она произнесла уже почти просительнымъ голосомъ: «Да чего-жъ ты разсердился такъ горячо? Знай я прежде, что ты такой сердитый, да я бы совсѣмъ тебѣ и не прекословила».

«Есть изъ чего сердиться! Дѣло яйца выѣденнаго не стòитъ, а я стану изъ-за него сердиться!»

«Ну, да изволь, я готова отдать за пятнадцать ассигнаціей! Только смотри, отецъ мой, насчетъ подрядовъ-то: если случится муки брать ржаной, или гречневой, или крупъ, или скотины битой, такъ ужъ, пожалуйста, не обидь меня».

«Нѣтъ, матушка, не обижу», говорилъ онъ, а между тѣмъ отиралъ рукою потъ, который въ три ручья катился по лицу его. Онъ разспросилъ ее, не имѣетъ ли она въ городѣ какого-нибудь повѣреннаго или знакомаго, котораго бы могла уполномочить на совершеніе крѣпости и всего, чтò слѣдуетъ.—«Какъ же! Протопопа, отца Кирилла, сынъ служитъ въ палатѣ», сказала Коробочка. Чичиковъ попросилъ ее написать къ нему довѣренное письмо и, чтобы избавить лишнихъ затрудненій, самъ даже взялся сочинить.

«Хорошо бы было», подумала между тѣмъ про себя Коробочка: «если бы онъ забиралъ у меня въ казну муку и скотину. Нужно его задобрить: тѣста со вчерашняго вечера еще осталось, такъ пойти сказать Фетиньѣ, чтобъ спекла блиновъ. Хорошо бы также загнуть пирогъ прѣсный съ яйцомъ: у меня его славно загибаютъ, да и времени беретъ не много». Хозяйка вышла съ тѣмъ, чтобы привести въ исполненіе мысль насчетъ загнутія пирога, и, вѣроятно, пополнить ее и другими произведеніями домашней пекарни и стряпни; а Чичиковъ вышелъ въ гостиную, гдѣ провелъ ночь, съ тѣмъ, чтобы вынуть нужныя бумаги изъ своей шкатулки. Въ гостиной давно уже было все прибрано, роскошныя перины вынесены вонъ, передъ диваномъ стоялъ покрытый столъ. Поставивъ на него шкатулку, онъ нѣсколько отдохнулъ, ибо чувствовалъ, что былъ весь въ поту, какъ въ рѣкѣ: все, чтò ни было на немъ, начиная отъ рубашки

до чулокъ, все было мокро̀. «Экъ уморила какъ, проклятая старуха!» сказалъ онъ, немного отдохнувши, и отперъ шкатулку. Авторъ увѣренъ, что есть читатели такіе любопытные, которые пожелаютъ даже узнать планъ и внутреннее расположеніе шкатулки. Пожалуй, почему же не удовлетворить? Вотъ оно, внутреннее расположеніе: въ самой срединѣ мыльница, за мыльницею шесть-семь узенькихъ перегородокъ для бритвъ; потомъ квадратные закоулки для песочницы и чернильницы съ выдолбленною между ними лодочкою для перьевъ, сургучей и всего, что̀ подлиннѣе; потомъ всякія перегородки съ крышечками и безъ крышечекъ для того, что̀ покороче, наполненныя билетами, визитными, похоронными, театральными и другими, которые складывались на память. Весь верхній ящикъ со всѣми перегородками вынимался, и подъ нимъ находилось пространство, занятое кипами бумагъ въ листъ; потомъ слѣдовалъ маленькій потаенный ящикъ для денегъ, выдвигавшійся незамѣтно сбоку шкатулки. Онъ всегда такъ поспѣшно выдвигался и задвигался въ ту же минуту хозяиномъ, что навѣрно нельзя сказать, сколько было тамъ денегъ. Чичиковъ тутъ же занялся и, очинивъ перо, началъ писать. Въ это время вошла хозяйка.

«Хорошъ у тебя ящикъ, отецъ мой», сказала она, подсѣвши къ нему. «Чай, въ Москвѣ купилъ его?»

«Въ Москвѣ», отвѣчалъ Чичиковъ, продолжая писать.

«Я ужъ знала это: тамъ все хорошая работа. Третьяго года сестра моя привезла оттуда теплые сапожки для дѣтей: такой прочный товаръ—до сихъ поръ носится. Ахти, сколько у тебя тутъ гербовой бумаги!» продолжала она, заглянувши къ нему въ шкатулку. И въ самомъ дѣлѣ, гербовой бумаги было тамъ не мало. «Хоть бы мнѣ листокъ подарилъ! А у меня такой недостатокъ: случится въ судъ просьбу подать, а и не на чемъ».

Чичиковъ объяснилъ ей, что эта бумага не такого рода, что она назначена для совершенія крѣпостей, а не для просьбъ. Впрочемъ, чтобы успокоить ее, онъ далъ ей ка-

кой-то листъ въ рубль цѣною. Написавши письмо, далъ онъ ей подписаться и попросилъ маленькій списочекъ мужиковъ. Оказалось, что помѣщица не вела никакихъ записокъ, ни списковъ, а знала почти всѣхъ наизусть. Онъ заставилъ ее тутъ же продиктовать ихъ. Нѣкоторые крестьяне нѣсколько изумили его своими фамиліями, а еще болѣе прозвищами, такъ что онъ всякій разъ, слыша ихъ, прежде останавливался, а потомъ уже начиналъ писать. Особенно поразилъ его какой-то Петръ Савельевъ Неуважай-Корыто, такъ что онъ не могъ не сказать: «Экой длинный!» Другой имѣлъ прицѣпленный къ имени—«Коровій Кирпичъ», иной оказался просто: «Колесо Иванъ». Оканчивая писать, онъ потянулъ нѣсколько къ себѣ носомъ воздухъ и услышалъ завлекательный запахъ чего-то горячаго въ маслѣ.

«Прошу покорно закусить», сказала хозяйка. Чичиковъ оглянулся и увидѣлъ, что на столѣ стояли уже грибки, пирожки, скородумки, шанишки, пряглы, блины, лепешки со всякими припеками: припекой съ лучкомъ, припекой съ макомъ, припекой съ творогомъ, припекой со сняточками, и ни вѣсть чего не было.

«Прѣсный пирогъ съ яйцомъ!» сказала хозяйка.

Чичиковъ подвинулся къ прѣсному пирогу съ яйцомъ и, съѣвши тутъ же съ небольшимъ половину, похвалилъ его. И въ самомъ дѣлѣ, пирогъ самъ по себѣ былъ вкусенъ, а послѣ всей возни и продѣлокъ со старухой показался еще вкуснѣе.

«А блинковъ?» сказала хозяйка.

Въ отвѣтъ на это Чичиковъ свернулъ три блина вмѣстѣ и, обмакнувши ихъ въ растопленное масло, отправилъ въ ротъ, а губы и руки вытеръ салфеткой. Повторивши это раза три, онъ попросилъ хозяйку приказать заложить его бричку. Настасья Петровна тутъ же послала Фетинью, приказавши въ то же время принести еще горячихъ блиновъ.

«У васъ, матушка, блинцы очень вкусны», сказалъ Чичиковъ, принимаясь за принесенные горячіе.

«Да у меня-то ихъ хорошо пекутъ», сказала хозяйка: «да

вотъ бѣда: урожай плохъ, мука ужъ такая не авантажная... Да что же, батюшка, вы такъ спѣшите?» проговорила она, увидя, что Чичиковъ взялъ въ руки картузъ: «вѣдь и бричка еще не заложена».

«Заложатъ, матушка, заложатъ. У меня скоро закладываютъ».

«Такъ ужъ пожалуйста, не позабудьте насчетъ подрядовъ»

«Не забуду, не забуду», говорилъ Чичиковъ, выходя въ сѣни.

«А свиного сала не покупаете?» сказала хозяйка, слѣдуя за нимъ.

«Почему не покупать? Покупаю, только послѣ».

«У меня о святкахъ и свиное сало будетъ».

«Купимъ, купимъ, всего купимъ, и свиного сала купимъ».

«Можетъ-быть, понадобится птичьихъ перьевъ. У меня къ Филиппову посту будутъ и птичьи перья».

«Хорошо, хорошо», говорилъ Чичиковъ.

«Вотъ видишь, отецъ мой, и бричка твоя еще не готова», сказала хозяйка, когда они вышли на крыльцо.

«Будетъ, будетъ готова. Разскажите только мнѣ, какъ добраться до большой дороги».

«Какъ же бы это сдѣлать?» сказала хозяйка. «Разсказать-то мудрено, поворотовъ много; развѣ я тебѣ дамъ дѣвчонку, чтобы проводила. Вѣдь у тебя, чай, мѣсто есть на козлахъ, гдѣ бы присѣсть ей?»

«Какъ не быть».

«Пожалуй, я тебѣ дамъ дѣвчонку; она у меня знаетъ дорогу; только ты, смотри, не завези ее: у меня уже одну завезли купцы».

Чичиковъ увѣрилъ ее, что не завезетъ, и Коробочка, успокоившись, уже стала разсматривать все, что было во дворѣ ея: вперила глаза на ключницу, выносившую изъ кладовой деревянную побратиму съ медомъ, на мужика, показавшагося въ воротахъ, и мало-по-малу вся переселилась въ хозяйственную жизнь. Но зачѣмъ такъ долго заниматься Коробочкой? Коробочка ли, Манилова ли, хозяйственная ли

жизнь, или нехозяйственная—мимо ихъ! Не то на свѣтѣ дивно устроено: веселое мигомъ обратится въ печальное, если только долго застоишься передъ нимъ, и тогда, Богъ знаетъ, что̀ взбредетъ въ голову. Можетъ-быть, станешь даже думать: «Да полно, точно ли Коробочка стоитъ такъ низко на безконечной лѣстницѣ человѣческаго совершенствованія? Точно ли такъ велика пропасть, отдѣляющая ее отъ сестры ея, недосягаемо огражденной стѣнами аристократическаго дома съ благовонными чугунными лѣстницами, сіяющей мѣдью, краснымъ деревомъ и коврами, зѣвающей за недочитанной книгой, въ ожиданіи остроумно-свѣтскаго визита, гдѣ ей предстанетъ поле блеснуть умомъ и высказать вытверженныя мысли,—мысли, занимающія, по законамъ моды, на цѣлую недѣлю городъ, мысли не о томъ, что̀ дѣлается въ ея домѣ и въ ея помѣстьяхъ, запутанныхъ и разстроенныхъ, благодаря незнанью хозяйственнаго дѣла, а о томъ, какой политическій переворотъ готовится во Франціи, какое направленіе принялъ модный католицизмъ. Но мимо, мимо! Зачѣмъ говорить объ этомъ? Но зачѣмъ же среди недумающихъ, веселыхъ, безпечныхъ минутъ, сама собою вдругъ пронесется иная, чудная струя? Еще смѣхъ не успѣлъ совершенно сбѣжать съ лица, а уже сталъ другимъ среди тѣхъ же людей, и уже другимъ свѣтомъ освѣтилось лицо...

«А вотъ бричка, вотъ бричка!» вскричалъ Чичиковъ, увидя наконецъ подъѣзжавшую свою бричку. «Что̀ ты, болванъ, такъ долго копался? Видно, вчерашній хмель у тебя не весь еще вывѣтрило?»

Селифанъ на это ничего не отвѣчалъ.

«Прощайте, матушка! А что̀ же? гдѣ ваша дѣвчонка?»

«Эй, Пелагея!» сказала помѣщица стоявшей около крыльца дѣвчонкѣ лѣтъ одиннадцати, въ платьѣ изъ домашней крашенины и съ босыми ногами, которыя издали можно было принять за сапоги, такъ онѣ были облѣплены свѣжею грязью: «покажи-ка барину дорогу».

Селифанъ помогъ взлѣзть дѣвчонкѣ на козлы, которая,

ставши одной ногой на барскую ступеньку, сначала запачкала ее грязью, а потомъ уже взобралась на верхушку и помѣстилась возлѣ него. Вслѣдъ за нею и самъ Чичиковъ занесъ ногу на ступеньку, и, понагнувши бричку на правую сторону, потому что былъ тяжеленекъ, наконецъ помѣстился, сказавши: «А, теперь хорошо! Прощайте, матушка!» Кони тронулись.

Селифанъ былъ во всю дорогу суровъ и съ тѣмъ вмѣстѣ очень внимателенъ къ своему дѣлу, что̀ случалось съ нимъ всегда послѣ того, когда либо въ чемъ провинился, либо былъ пьянъ. Лошади были удивительно какъ вычищены. Хомутъ на одной изъ нихъ, надѣвавшійся дотолѣ почти всегда въ разодранномъ видѣ, такъ что изъ-подъ кожи выглядывала пакля, былъ искусно зашитъ. Во всю дорогу былъ онъ молчаливъ, только похлестывалъ кнутомъ и не обращалъ никакой поучительной рѣчи къ лошадямъ, хотя чубарому ко̀ню, конечно, хотѣлось бы выслушать что-нибудь наставительное, ибо въ это время вожжи всегда какъ-то лѣниво держались въ рукахъ словоохотнаго возницы, и кнутъ только для формы гулялъ поверхъ спинъ. Но изъ угрюмыхъ устъ слышны были на сей разъ одни однообразно-непріятныя восклицанія: «Ну же, ну, ворона! зѣвай, зѣвай!» и больше ничего. Даже самъ гнѣдой и Засѣдатель были недовольны, не услышавши ни разу ни *любезные,* ни *почтенные.* Чубарый чувствовалъ пренепріятные удары по своимъ полнымъ и широкимъ частямъ. «Вишь ты, какъ разнесло его!» думалъ онъ самъ про себя, нѣсколько припрядывая ушами. «Небось знаетъ, гдѣ бить! Не хлыснетъ прямо по спинѣ, а такъ и выбираетъ мѣсто, гдѣ поживѣе: по ушамъ зацѣпитъ, или подъ брюхо захлыснетъ».

«Направо, что ли?» съ такимъ сухимъ вопросомъ обратился Селифанъ къ сидѣвшей возлѣ него дѣвчонкѣ, показывая ей кнутомъ на почернѣвшую отъ дождя дорогу между ярко-зелеными, освѣженными полями.

«Нѣтъ, нѣтъ, я ужъ покажу», отвѣчала дѣвчонка.

«Куда-жъ?» сказалъ Селифанъ, когда подъѣхали поближе.

«Вотъ куды», отвѣчала дѣвчонка, показывая рукою.

«Эхъ ты!» сказалъ Селифанъ. «Да это и есть направо: не знаетъ, гдѣ право, гдѣ лѣво!»

Хотя день былъ очень хорошъ, но земля до такой степени загрязнилась, что колеса брички, захватывая ее, сдѣлались скоро покрытыми ею, какъ войлокомъ, что̀ значительно отяжелило экипажъ; къ тому же почва была глиниста и цѣпка необыкновенно. То и другое было причиною, что они не могли выбраться изъ проселковъ раньше полудня. Безъ дѣвчонки было бы трудно сдѣлать и это, потому что дороги расползались во всѣ стороны, какъ пойманные раки, когда ихъ высыплютъ изъ мѣшка, и Селифану довелось бы поколесить уже не по своей винѣ. Скоро дѣвчонка показала рукою на чернѣвшее вдали строеніе, сказавши: «Вонъ столбовая дорога!»

«А строеніе?» спросилъ Селифанъ.

«Трактиръ», сказала дѣвчонка.

«Ну, теперь мы сами доѣдемъ», сказалъ Селифанъ: «ступай себѣ домой».

Онъ остановился и помо́гъ ей сойти, проговоривъ сквозь зубы: «Эхъ ты, черноногая!»

Чичиковъ далъ ей мѣдный грошъ, и она побрела восвояси, уже довольная тѣмъ, что посидѣла на козлахъ.

ГЛАВА IV.

Подъѣхавши къ трактиру, Чичиковъ велѣлъ остановиться по двумъ причинамъ: съ одной стороны, чтобъ дать отдохнуть лошадямъ, а съ другой стороны, чтобъ и самому нѣсколько закусить и подкрѣпиться. Авторъ долженъ признаться, что весьма завидуетъ аппетиту и желудку такого рода людей. Для него рѣшительно ничего не значатъ всѣ господа большой руки, живущіе въ Петербургѣ и Москвѣ, проводящіе время въ обдумываніи, что̀ бы такое поѣсть завтра и какой бы обѣдъ сочинить на послѣзавтра, и принимающіеся за этотъ обѣдъ не иначе, какъ отправивши

прежде въ ротъ пилюли, глотающіе устерсъ, морскихъ пауковъ и прочихъ чудъ, а потомъ отправляющіеся въ Карлсбадъ или на Кавказъ. Нѣтъ, эти господа никогда не возбуждали въ немъ зависти. Но господа средней руки, чтò на одной станціи потребуютъ ветчины, на другой поросенка, на третьей ломоть осетра или какую-нибудь запеканную колбасу съ лукомъ, и потомъ, какъ ни въ чемъ не бывало, садятся за столъ, въ какое хочешь время, и стерляжья уха съ налимами и молòками шипитъ и ворчитъ у нихъ межъ зубами, заѣдаемая растегаемъ или кулебякой съ сомовьимъ плёсомъ, такъ что вчужѣ пронимаетъ аппетитъ,—вотъ эти господа, точно, пользуются завиднымъ даяніемъ неба! Не одинъ господинъ большой руки пожертвовалъ бы сію же минуту половину душъ крестьянъ и половину имѣній, заложенныхъ и незаложенныхъ, со всѣми улучшеніями на иностранную и русскую ногу, съ тѣмъ только, чтобы имѣть такой желудокъ, какой имѣетъ господинъ средней руки; но то бѣда, что ни за какія деньги, нижè имѣнія, съ улучшеніями и безъ улучшеній, нельзя пріобрѣсть такого желудка, какой бываетъ у господина средней руки.

Деревянный, потемнѣвшій трактиръ принялъ Чичикова подъ свой узенькій гостепріимный навѣсъ, на деревянныхъ выточенныхъ столбикахъ, похожихъ на старинные церковные подсвѣчники. Трактиръ былъ что-то въ родѣ русской избы, нѣсколько въ бòльшемъ размѣрѣ. Рѣзные узорочные карнизы изъ свѣжаго дерева, вокругъ оконъ и подъ крышей, рѣзко и живо пестрили темныя его стѣны; на ставняхъ были нарисованы кувшины съ цвѣтами.

Взобравшись узенькою деревянною лѣстницею наверхъ, въ широкія сѣни, онъ встрѣтилъ отворявшуюся со скрипомъ дверь и толстую старуху въ пестрыхъ ситцахъ, проговорившую: «Сюда пожалуйте!» Въ комнатѣ попались все старые пріятели, попадающіеся всякому въ небольшихъ деревянныхъ трактирахъ, какихъ не мало выстроено по дорогамъ, а именно: заиндевѣвшій самоваръ, выскобленныя

гладко сосновыя стѣны, треугольный шкафъ съ чайниками и чашками въ углу, фарфоровыя вызолоченныя яички предъ образами, висѣвшія на голубыхъ и красныхъ ленточкахъ, окотившаяся недавно кошка, зеркало, показывавшее вмѣсто двухъ—четыре глаза, а вмѣсто лица какую-то лепешку, наконецъ натыканныя пучками душистыя травы и гвоздики у образовъ, высохшія до такой степени, что желавшій понюхать ихъ только чихалъ, и больше ничего.

«Поросенокъ есть?» съ такимъ вопросомъ обратился Чичиковъ къ стоявшей бабѣ.

«Есть».

«Съ хрѣномъ и со сметаною?»

«Съ хрѣномъ и со сметаною».

«Давай его сюда!»

Старуха пошла копаться и принесла тарелку, салфетку, накрахмаленную до того, что дыбилась, какъ засохшая кора, потомъ ножъ съ пожелтѣвшею костяною колодочкою, тоненькій, какъ перочинный, двузубую вилку и солонку, которую никакъ нельзя было поставить прямо на столъ.

Герой нашъ, по обыкновенію, сейчасъ вступилъ съ нею въ разговоръ и разспросилъ, сама ли она держитъ трактиръ, или есть хозяинъ, и сколько даетъ доходу трактиръ, и съ ними ли живутъ сыновья, и что̀ старшій сынъ — холостой или женатый человѣкъ, и какую взялъ жену, съ большимъ ли приданымъ, или нѣтъ, и доволенъ ли былъ тесть, и не сердился ли, что мало подарковъ получилъ на свадьбѣ; словомъ, не пропустилъ ничего. Само собою разумѣется, что полюбопытствовалъ узнать, какіе въ окружности находятся у нихъ помѣщики, и узналъ, что всякіе есть помѣщики: Блохинъ, Почитаевъ, Мыльной, Чепраковъ, полковникъ, Собакевичъ. «А! Собакевича знаешь?» спросилъ онъ и тутъ же услышалъ, что старуха знаетъ не только Собакевича, но и Манилова, и что Маниловъ будетъ поделикатнѣй Собакевича: велитъ тотчасъ сварить курицу, спроситъ и телятинки; коли есть баранья печенка, то и бараньей печенки спроситъ, и всего только, что попро-

буетъ, а Собакевичъ одного чего-нибудь спроситъ, да ужъ за то все съѣстъ, даже и надбавки потребуетъ за ту же цѣну.

Когда онъ такимъ образомъ разговаривалъ, кушая поросенка, котораго оставался уже послѣдній кусокъ, послышался стукъ колесъ подъѣхавшаго экипажа. Выглянувши въ окно, увидѣлъ онъ остановившуюся передъ трактиромъ легонькую бричку, запряженную тройкою добрыхъ лошадей. Изъ брички вылѣзали двое какихъ-то мужчинъ: одинъ бѣлокурый, высокаго роста, другой немного пониже, чернявый. Бѣлокурый былъ въ темносиней венгеркѣ, чернявый — просто въ полосатомъ архалукѣ. Издали тащилась еще колясчонка, пустая, влекомая какой-то длинношерстной четверней съ изорванными хомутами и веревочной упряжью. Бѣлокурый тотчасъ же отправился по лѣстницѣ наверхъ, между тѣмъ какъ черномазый еще оставался и щупалъ что-то въ бричкѣ, разговаривая тутъ же со слугою и махая въ то же время ѣхавшей за ними коляскѣ. Голосъ его показался Чичикову какъ будто нѣсколько знакомымъ. Пока онъ его разсматривалъ, бѣлокурый успѣлъ уже нащупать дверь и отворить ее. Это былъ мужчина высокаго роста, лицомъ худощавый, или, что̀ называютъ, издержанный, съ рыжими усиками. По загорѣвшему лицу его можно было заключить, что онъ зналъ, что̀ такое дымъ, если не пороховой, то, по крайней мѣрѣ, табачный. Онъ вѣжливо поклонился Чичикову, на что̀ послѣдній отвѣтилъ тѣмъ же. Въ продолженіе немногихъ минутъ они, вѣроятно, бы разговорились и хорошо познакомились между собою, потому что уже начало было сдѣлано и оба почти въ одно и то же время изъявили удовольствіе, что пыль по дорогѣ была совершенно прибита вчерашнимъ дождемъ и теперь ѣхать и прохладно, и пріятно, какъ вошелъ чернявый его товарищъ, сбросивъ съ головы на столъ картузъ свой, молодцовато взъерошивъ рукой свои черные густые волосы. Это былъ средняго роста, очень недурно сложенный молодецъ, съ полными румяными щеками, съ бѣлыми, какъ снѣгъ,

зубами и черными, какъ смоль, бакенбардами. Свѣжъ онъ былъ, какъ кровь съ молокомъ; здоровье, казалось, такъ и прыскало съ лица его.

«Ба, ба, ба!» вскричалъ онъ вдругъ, разставивъ обѣ руки при видѣ Чичикова. «Какими судьбами?»

Чичиковъ узналъ Ноздрева, того самаго, съ которымъ онъ вмѣстѣ обѣдалъ у прокурора и который съ нимъ, въ нѣсколько минутъ, сошелся на такую короткую ногу, что началъ уже говорить *ты*, хотя, впрочемъ, онъ съ своей стороны не подалъ къ тому никакого повода.

«Куда ѣздилъ?» говорилъ Ноздревъ и, не дождавшись отвѣта, продолжалъ: «А я, братъ, съ ярмарки. Поздравь: продулся въ пухъ! Вѣришь ли, что никогда въ жизни такъ не продувался? Вѣдь я на обывательскихъ пріѣхалъ! Вотъ посмотри нарочно въ окно!» Здѣсь онъ нагнулъ самъ голову Чичикова, такъ что тотъ чуть не ударился ею объ рамку. «Видишь, какая дрянь? Насилу дотащили, проклятыя; я уже перелѣзъ вотъ въ его бричку». Говоря это, Ноздревъ показалъ пальцемъ на своего товарища. «А вы еще не знакомы? Зять мой, Мижуевъ! Мы съ нимъ все утро говорили о тебѣ. «Ну, смотри», говорю, «если мы не встрѣтимъ Чичикова». Ну, братъ, если-бъ ты зналъ, какъ я продулся! Повѣришь ли, что не только убухалъ четырехъ рысаковъ — все спустилъ. Вѣдь на мнѣ нѣтъ ни цѣпочки, ни часовъ...» Чичиковъ взглянулъ и увидѣлъ, точно, что на немъ не было ни цѣпочки, ни часовъ. Ему даже показалось, что и одинъ бакенбардъ былъ у него меньше и не такъ густъ, какъ другой. «А вѣдь будь только двадцать рублей въ карманѣ», продолжалъ Ноздревъ: «именно не больше, какъ двадцать, я отыгралъ бы все, то-есть, кромѣ того, что отыгралъ бы, вотъ, какъ честный человѣкъ, тридцать тысячъ сейчасъ положилъ бы въ бумажникъ».

«Ты, однако, и тогда такъ говорилъ», отвѣчалъ бѣлокурый: «а когда я тебѣ далъ пятьдесятъ рублей, тутъ же просадилъ ихъ».

«И не просадилъ бы! Ей Богу, не просадилъ бы! Не сдѣлай я самъ глупость, право, не просадилъ бы. Не загни я послѣ пароле на проклятой семеркѣ утку, я бы могъ сорвать весь банкъ».

«Однакожъ не сорвалъ», сказалъ бѣлокурый.

«Не сорвалъ, потому что загнулъ утку не во̀-время. А ты думаешь, маіоръ твой хорошо играетъ?»

«Хорошо или не хорошо, однакожъ онъ тебя обыгралъ».

«Эка важность!» сказалъ Ноздревъ: «этакъ и я его обыграю. Нѣтъ, вотъ попробуй онъ играть дублетомъ, такъ вотъ тогда я посмотрю, я посмотрю тогда, какой онъ игрокъ! Зато, братъ Чичиковъ, какъ покутили мы въ первые дни! Правда, ярмарка была отличнѣйшая. Сами купцы говорятъ, что никогда не было такого съѣзда. У меня все, что̀ ни привезли изъ деревни, продали по самой выгоднѣйшей цѣнѣ. Эхъ, братецъ, какъ покутили! Теперь даже, какъ вспомнишь... чортъ возьми! то-есть, какъ жаль, что ты не былъ! Вообрази, что въ трехъ верстахъ отъ города стоялъ драгунскій полкъ. Вѣришь ли, что офицеры, сколько ихъ ни было, сорокъ человѣкъ однихъ офицеровъ было въ городѣ... Какъ начали мы, братецъ, пить... Штабсъ-ротмистръ Поцѣлуевъ... такой славный! усы, братецъ, такіе! Бордо называетъ просто бурдашкой. «Принеси-ка, братъ», говоритъ, «бурдашки!» Поручикъ Кувшинниковъ... Ахъ, братецъ, какой премилый человѣкъ! Вотъ ужъ, можно сказать, во всей формѣ кутила. Мы все были съ нимъ вмѣстѣ. Какого вина отпустилъ намъ Пономаревъ! Нужно тебѣ знать, что онъ мошенникъ, и въ его лавкѣ ничего нельзя брать: въ вино мѣшаетъ всякую дрянь: сандалъ, жженую пробку, и даже бузиной, подлецъ, затираетъ; но зато, ужъ если вытащитъ изъ дальней комнатки, которая называется у него особенной, какую-нибудь бутылочку, ну, просто, братъ, находишься въ эмпиреяхъ. Шампанское у насъ было такое... что̀ предъ нимъ губернаторское? — просто квасъ. Вообрази, не клико, а какое-то клико-матрадура; это значитъ — двойное клико. И еще досталъ одну буты-

лочку французскаго подъ названіемъ: бонбонъ. Запахъ?— розетка и все, что̀ хочешь. Ужъ такъ покутили!.. Послѣ насъ пріѣхалъ какой-то князь, послалъ въ лавку за шампанскимъ — нѣтъ ни одной бутылки во всемъ городѣ: все офицеры выпили. Вѣришь ли, что я одинъ въ продолженіе обѣда выпилъ семнадцать бутылокъ шампанскаго!»

«Ну, семнадцать бутылокъ ты не выпьешь», замѣтилъ бѣлокурый.

«Какъ честный человѣкъ говорю, что выпилъ», отвѣчалъ Ноздревъ.

«Ты можешь себѣ говорить, что̀ хочешь, а я тебѣ говорю, что и десяти не выпьешь».

«Ну, хочешь объ закладъ, что выпью?»

«Къ чему же объ закладъ?»

«Ну, поставь свое ружье, которое купилъ въ городѣ».

«Не хочу».

«Ну, да поставь, попробуй!»

«И пробовать не хочу».

«Да, былъ бы ты безъ ружья, какъ безъ шапки. Эхъ, братъ Чичиковъ, то-есть, какъ я жалѣлъ, что тебя не было! Я знаю, что ты бы не разстался съ поручикомъ Кувшинниковымъ. Ужъ какъ бы вы съ нимъ хорошо сошлись! Это не то, что̀ прокуроръ и всѣ губернскіе скряги въ нашемъ городѣ, которые такъ и трясутся за каждую копѣйку. Этотъ, братецъ, и въ гальбикъ, и въ банчишку, и во все, что̀ хочешь. Эхъ, Чичиковъ, ну что̀ бы тебѣ сто̀ило пріѣхать? Право, свинтусъ ты за это, скотоводъ этакой! Поцѣлуй меня, душа; смерть люблю тебя! Мижуевъ, смотри: вотъ судьба свела! Ну, что̀ онъ мнѣ, или я ему? Онъ пріѣхалъ, Богъ знаетъ откуда, я тоже здѣсь живу... А сколько было, братъ, каретъ, и все это en gros. Въ фортунку крутнулъ, выигралъ двѣ банки помады, фарфоровую чашку и гитару; потомъ опять поставилъ одинъ разъ и прокутилъ, канальство, еще сверхъ шесть цѣлковыхъ. А какой, если-бъ ты зналъ, волокита Кувшинниковъ! Мы съ нимъ были на всѣхъ почти балахъ. Одна

была такая разодѣтая, рюши на ней и трюши, и чортъ знаетъ, чего не было... Я думаю себѣ только: «Чортъ возьми!» А Кувшинниковъ, то-есть, это такая бестія, подсѣлъ къ ней и на французскомъ языкѣ подпускаетъ ей такіе комплименты... Повѣришь ли, простыхъ бабъ не пропустилъ. Это онъ называетъ: «попользоваться насчетъ клубнички». Рыбъ и балыковъ навезли чудныхъ. Я таки привезъ съ собою одинъ,—хорошо, что догадался купить, когда были еще деньги. Ты куда теперь ѣдешь?»

«А я къ человѣчку къ одному», сказалъ Чичиковъ.

«Ну, что̀ человѣчекъ? брось его! Поѣдемъ ко мнѣ!»

«Нельзя, нельзя; есть дѣло».

«Ну, вотъ ужъ и дѣло! ужъ и выдумалъ! Ахъ, ты Оподельдокъ Ивановичъ!»

«Право, дѣло, да еще и нужное».

«Пари держу, врешь! Ну, скажи только, къ кому ѣдешь?»

«Ну, къ Собакевичу».

Здѣсь Ноздревъ захохоталъ тѣмъ звонкимъ смѣхомъ, какимъ заливается только свѣжій, здоровый человѣкъ, у котораго всѣ до послѣдняго выказываются бѣлые, какъ сахаръ, зубы, дрожатъ и прыгаютъ щеки, и сосѣдъ за двумя дверями, въ третьей комнатѣ, вскидывается со сна, вытаращивъ очи, и произноситъ: «Экъ его разобрало!»

«Что̀-жъ тутъ смѣшного?» сказалъ Чичиковъ, отчасти недовольный такимъ смѣхомъ.

Но Ноздревъ продолжалъ хохотать во все горло, приговаривая: «Ой, пощади! право, тресну со смѣху!»

«Ничего нѣтъ смѣшного: я далъ ему слово», сказалъ Чичиковъ.

«Да вѣдь ты жизни не будешь радъ, когда пріѣдешь къ нему: это просто жидоморъ! Вѣдь я знаю твой характеръ: ты жестоко опѣшишься, если думаешь найти тамъ банчишку и добрую бутылку какого-нибудь бонбона. Послушай, братецъ: ну, къ чорту Собакевича! Поѣдемъ ко мнѣ! Какимъ балыкомъ попотчую! Пономаревъ, бестія, такъ

раскланивался, говоритъ: «Для васъ только; всю ярмарку», говоритъ, «обыщите, не найдете такого». Плутъ, однакожъ, ужасный. Я ему въ глаза это говорилъ. «Вы», говорю, «съ нашимъ откупщикомъ первые мошенники!» Смѣется, бестія, поглаживая бороду. Мы съ Кувшинниковымъ каждый день завтракали въ его лавкѣ. Ахъ, братъ, вотъ позабылъ тебѣ сказать: знаю, что ты теперь не отстанешь, но за десять тысячъ не отдамъ, напередъ говорю. — Эй, Порфирій!» закричалъ онъ, подошедши къ окну, на своего человѣка, который держалъ въ одной рукѣ ножикъ, а въ другой корку хлѣба съ кускомъ балыка, который посчастливилось ему мимоходомъ отрѣзать, вынимая что-то изъ брички. «Эй, Порфирій!» кричалъ Ноздревъ: «принеси-ка щенка! Каковъ щенокъ!» продолжалъ онъ, обращаясь къ Чичикову. «Краденый, ни за самого себя не отдавалъ хозяинъ. Я ему сулилъ каурую кобылу, которую, помнишь, вымѣнялъ у Хвостырева...» Чичиковъ, впрочемъ, отъ роду не видалъ ни каурой кобылы, ни Хвостырева.

«Баринъ! ничего не хотите закусить?» сказала въ это время, подходя къ нему, старуха.

«Ничего. Эхъ, братъ, какъ покутили! Впрочемъ, давай рюмку водки. Какая у тебя есть?»

«Анисовая», отвѣчала старуха.

«Ну, давай анисовой», сказалъ Ноздревъ.

«Давай ужъ и мнѣ рюмку!» сказалъ бѣлокурый.

«Въ театрѣ одна актриса такъ, каналья, пѣла, какъ канарейка! Кувшинниковъ, который сидѣлъ возлѣ меня, «вотъ», говоритъ, «братъ, попользоваться бы насчетъ клубнички!» Однихъ балагановъ, я думаю, было пятьдесятъ. Фенарди четыре часа вертѣлся мельницею». Здѣсь онъ принялъ рюмку изъ рукъ старухи, которая ему за то низко поклонилась. «А, давай его сюда!» закричалъ онъ, увидѣвши Порфирія, вошедшаго со щенкомъ. Порфирій былъ одѣтъ такъ же, какъ и баринъ, въ какомъ-то архалукѣ, стеганомъ на ватѣ, но нѣсколько позамаслянѣй.

«Давай его, клади сюда на полъ!»

Порфирій положилъ щенка на полъ, который, растянувшись на всѣ четыре лапы, нюхалъ землю.

«Вотъ щенокъ!» сказалъ Ноздревъ, взявши его за спинку и приподнявши рукою. Щенокъ испустилъ довольно жалобный вой.

«Ты, однакожъ, не сдѣлалъ того, что́ я тебѣ говорилъ», сказалъ Ноздревъ, обратившись къ Порфирію и разсматривая тщательно брюхо щенка: «и не подумалъ вычесать его?»

«Нѣтъ, я его вычесывалъ».

«А отчего же блохи?»

«Не могу знать. Статься можетъ, какъ-нибудь изъ брички поналѣзли».

«Врешь, врешь, и не воображалъ чесать; я думаю, дуракъ, еще своихъ напустилъ. Вотъ посмотри-ка, Чичиковъ, посмотри, какія уши; на-ка, пощупай рукою».

«Да зачѣмъ? я и такъ вижу: доброй породы!» отвѣчалъ Чичиковъ.

«Нѣтъ, возьми-ка нарочно, пощупай уши!»

Чичиковъ въ угодность ему пощупалъ уши, примолвивши: «Да, хорошая будетъ собака».

«А носъ, чувствуешь, какоі холодный? Возьми-ка рукою». Не желая обидѣть его, Чичиковъ взялъ и за носъ, сказавши: «Хорошее чутье».

«Настоящій мордашъ», продолжалъ Ноздревъ: «я, признаюсь, давно острилъ зубы на мордаша. На, Порфирій, отнеси его!»

Порфирій, взявши щенка подъ брюхо, унесъ его въ бричку.

«Послушай, Чичиковъ, ты долженъ непремѣнно теперь ѣхать ко мнѣ; пять верстъ всего, духомъ домчимся, а тамъ, пожалуй, можешь и къ Собакевичу».

«А что̀-жъ», подумалъ про-себя Чичиковъ: «заѣду-ка я въ самомъ дѣлѣ къ Ноздреву. Чѣмъ же онъ хуже другихъ? такой же человѣкъ, да еще и проигрался. Гораздъ онъ, какъ видно, на все; стало-быть, у него даромъ можно коечто выпросить».—«Изволь, ѣдемъ», сказалъ онъ: «но чуръ не задержать: мнѣ время дорого».

«Ну, душа, вотъ это такъ! Вотъ это хорошо! Постой же! я тебя поцѣлую за это». Здѣсь Ноздревъ и Чичиковъ поцѣловались. «И славно: втроемъ и покатимъ!»

«Нѣтъ, ты ужъ пожалуйста меня-то отпусти», говорилъ бѣлокурый: «мнѣ нужно домой».

«Пустяки, пустяки, братъ; не пущу».

«Право, жена будетъ сердиться; теперь же ты можешь пересѣсть вотъ въ ихнюю бричку».

«Ни, ни, ни! И не думай».

Бѣлокурый былъ одинъ изъ тѣхъ людей, въ характерѣ которыхъ на первый взглядъ есть какое-то упорство. Еще не успѣешь открыть рта, какъ они уже готовы спорить и, кажется, никогда не согласятся на то, что́ явно противоположно ихъ образу мыслей, что никогда не назовутъ глупаго умнымъ и что въ особенности не согласятся плясать по чужой дудкѣ; а кончится всегда тѣмъ, что въ характерѣ ихъ окажется мягкость, что они согласятся именно на то, что̀ отвергали, глупое назовутъ умнымъ и пойдутъ потомъ поплясывать, какъ нельзя лучше, подъ чужую дудку—словомъ, начнутъ гладью, а кончатъ гадью.

«Вздоръ!» сказалъ Ноздревъ въ отвѣтъ на какое-то представленіе бѣлокураго, надѣлъ ему на голову картузъ, и—бѣлокурый отправился вслѣдъ за ними.

«За водочку, баринъ, не заплатили...» сказала старуха.

«А, хорошо, хорошо, матушка. Послушай, зятекъ! заплати пожалуйста. У меня нѣтъ ни копѣйки въ карманѣ».

«Сколько тебѣ?» сказалъ зятекъ.

«Да что, батюшка? двугривенникъ всего», сказала старуха.

«Врешь, врешь. Дай ей полтину, предовольно съ нея».

«Маловато, баринъ», сказала старуха, однакожъ взяла деньги съ благодарностью и еще побѣжала впопыхахъ отворять имъ дверь. Она была не въ убыткѣ, потому что запросила вчетверо противъ того, что̀ стоила водка.

Пріѣзжіе усѣлись. Бричка Чичикова ѣхала рядомъ съ бричкой, въ которой сидѣли Ноздревъ и его зять, и потому

они всѣ трое могли свободно между собою разговаривать въ продолженіе дороги. За ними слѣдовала, безпрестанно отставая, небольшая колясчонка Ноздрева на тощихъ обывательскихъ лошадяхъ. Въ ней сидѣлъ Порфирій со щенкомъ.

Такъ какъ разговоръ, который путешественники вели между собою, былъ не очень интересенъ для читателя, то сдѣлаемъ лучше, если скажемъ что-нибудь о самомъ Ноздревѣ, которому, можетъ-быть, доведется сыграть не вовсе послѣднюю роль въ нашей поэмѣ.

Лицо Ноздрева, вѣрно, уже сколько-нибудь знакомо читателю. Такихъ людей приходилось всякому встрѣчать не мало. Они называются разбитными малыми, слывутъ еще въ дѣтствѣ и въ школѣ за хорошихъ товарищей, и при всемъ томъ бываютъ весьма больно поколачиваемы. Въ ихъ лицахъ всегда видно что-то открытое, прямое, удалое. Они скоро знакомятся, и не успѣешь оглянуться, какъ уже говорятъ тебѣ *ты*. Дружбу заведутъ, кажется, навѣкъ; но всегда почти такъ случается, что подружившійся подерется съ ними того же вечера на дружеской пирушкѣ. Они всегда говоруны, кутилы, лихачи, народъ видный. Ноздревъ въ тридцать пять лѣтъ былъ таковъ же совершенно, какимъ былъ въ осьмнадцать и двадцать: охотникъ погулять. Женитьба его ничуть не перемѣнила, тѣмъ болѣе, что жена скоро отправилась на тотъ свѣтъ, оставивши двухъ ребятишекъ, которые рѣшительно ему были не нужны. За дѣтьми, однакожъ, присматривала смазливая нянька. Дома онъ больше дня никакъ не могъ усидѣть. Чуткій носъ его слышалъ за нѣсколько десятковъ верстъ, гдѣ была ярмарка со всякими съѣздами и балами; онъ ужъ въ одно мгновенье ока былъ тамъ, спорилъ и заводилъ сумятицу за зеленымъ столомъ, ибо имѣлъ, подобно всѣмъ таковымъ, страстишку къ картишкамъ. Въ картишки, какъ мы уже видѣли изъ первой главы, игралъ онъ не совсѣмъ безгрѣшно и чисто, зная много разныхъ передержекъ и другихъ тонкостей, и потому игра весьма часто оканчивалась другою игрою: или поколачивали его сапогами, или же задавали передержку его

густымъ и очень хорошимъ бакенбардамъ, такъ что возвращался домой онъ иногда съ одной только бакенбардой и то довольно жидкой. Но здоровыя и полныя щеки его такъ хорошо были сотворены и вмѣщали въ себѣ столько растительной силы, что бакенбарды скоро выростали вновь, еще даже лучше прежнихъ. И, что̀ всего страннѣе, что̀ можетъ только на одной Руси случиться, онъ чрезъ нѣсколько времени уже встрѣчался опять съ тѣми пріятелями, которые его тузили, и встрѣчался, какъ ни въ чемъ не бывало: и онъ, какъ говорится, ничего, и они ничего.

Ноздревъ былъ въ нѣкоторомъ отношеніи историческій человѣкъ. Ни на одномъ собраніи, гдѣ онъ былъ, не обходилось безъ исторіи. Какая-нибудь исторія непремѣнно происходила: или выведутъ его подъ руки изъ зала жандармы, или принуждены бываютъ вытолкать свои же пріятели. Если же этого не случится, то все-таки что-нибудь да будетъ такое, чего съ другимъ никакъ не будетъ: или нарѣжется въ буфетѣ такимъ образомъ, что только смѣется, или проврется самымъ жестокимъ образомъ, такъ что наконецъ самому сдѣлается совѣстно. И навретъ совершенно безъ всякой нужды: вдругъ разскажетъ, что у него была лошадь какой-нибудь голубой или розовой шерсти и тому подобную чепуху, такъ что слушающіе наконецъ всѣ отходятъ, произнесши: «Ну, братъ, ты, кажется, ужъ началъ пули лить». Есть люди, имѣющіе страстишку нагадить ближнему, иногда вовсе безъ всякой причины. Иной, напримѣръ, даже человѣкъ въ чинахъ, съ благородною наружностью, со звѣздой на груди, будетъ вамъ жать руку, разговорится съ вами о предметахъ глубокихъ, вызывающихъ на размышленія, а потомъ, смотришь, тутъ же, предъ вашими глазами, и нагадитъ вамъ; и нагадитъ такъ, какъ простой коллежскій регистраторъ, а вовсе не такъ, какъ человѣкъ со звѣздой на груди, разговаривающій о предметахъ, вызывающихъ на размышленіе, такъ что стоишь только да дивишься, пожимая плечами, да и ничего болѣе. Такую же странную страсть имѣлъ и Ноздревъ. Чѣмъ кто ближе съ

нимъ сходился, тому онъ скорѣе всѣхъ насаливалъ: распускалъ небылицу, глупѣе которой трудно выдумать, разстраивалъ свадьбу, торговую сдѣлку и вовсе не почиталъ себя вашимъ непріятелемъ; напротивъ, если случай приводилъ его опять встрѣтиться съ вами, онъ обходился вновь по-дружески и даже говорилъ: «Вѣдь ты такой подлецъ,—никогда ко мнѣ не заѣдешь». Ноздревъ во многихъ отношеніяхъ былъ многосторонній человѣкъ, то-есть человѣкъ на всѣ руки. Въ ту же минуту онъ предлагалъ вамъ ѣхать, куда угодно, хоть на край свѣта, войти въ какое хотите предпріятіе, мѣнять все, что̀ ни есть, на все, что̀ хотите. Ружье, собака, лошадь— все было предметомъ мѣны, но вовсе не съ тѣмъ, чтобы выиграть; это происходило просто отъ какой-то неугомонной юркости и бойкости характера. Если ему на ярмаркѣ посчастливилось напасть на простака и обыграть его, онъ накупалъ кучу всего, что̀ прежде попадалась ему на глаза въ лавкахъ: хомутовъ, курительныхъ свѣчекъ, платковъ для няньки, жеребца, изюму, серебряный рукомойникъ, голландскаго холста, крупичатой муки, табаку, пистолетовъ, селедокъ, картинъ, точильный инструментъ, горшковъ, сапоговъ, фаянсовую посуду — насколько хватало денегъ. Впрочемъ, рѣдко случалось, чтобы это было довезено домой: почти въ тотъ же день спускалось оно все другому, счастливѣйшему игроку, иногда даже прибавлялась собственная трубка съ кисетомъ и мундштукомъ, а въ другой разъ и вся четверня со всѣмъ — съ коляской и кучеромъ, такъ что самъ хозяинъ отправлялся въ коротенькомъ сюртучкѣ, или архалукѣ, искать какого-нибудь пріятеля, чтобы попользоваться его экипажемъ. Вотъ какой былъ Ноздревъ! Можетъ-быть, назовутъ его характеромъ избитымъ, станутъ говорить, что теперь нѣтъ уже Ноздрева. Увы! несправедливы будутъ тѣ, которые станутъ говорить такъ. Ноздревъ долго еще не выведется изъ міра. Онъ вездѣ между нами и, можетъ быть, только ходитъ въ другомъ кафтанѣ; но легкомысленно-непроницательны люди, и человѣкъ въ другомъ кафтанѣ кажется имъ другимъ человѣкомъ.

Между тѣмъ три экипажа подкатили уже къ крыльцу дома Ноздрева. Въ домѣ не было никакого приготовленія къ ихъ принятію. Посерединѣ столовой стояли деревянные козлы̀, и два мужика, стоя на нихъ, бѣлили стѣны, затягивая какую-то безконечную пѣсню; полъ весь былъ обрызганъ бѣлилами. Ноздревъ приказалъ тотъ же часъ мужиковъ и козлы̀ вонъ и выбѣжалъ въ другую комнату отдавать повелѣнія. Гости слышали, какъ онъ заказывалъ повару обѣдъ; сообразивъ это, Чичиковъ, начинавшій уже нѣсколько чувствовать аппетитъ, увидѣлъ, что раньше пяти часовъ они не сядутъ за столъ. Ноздревъ, возвратившись, повелъ гостей осматривать все, что̀ ни было у него на деревнѣ, и, въ два часа съ небольшимъ, показалъ рѣшительно все, такъ что ничего ужъ больше не осталось показывать. Прежде всего пошли они обсматривать конюшню, гдѣ видѣли двухъ кобылъ, одну сѣрую въ яблокахъ, другую каурую, потомъ гнѣдого жеребца, на видъ и не казистаго, но за котораго Ноздревъ божился, что заплатилъ десять тысячъ.

«Десяти тысячъ ты за него не далъ», замѣтилъ зять. «Онъ и одной не сто̀итъ».

«Ей Богу, далъ десять тысячъ», сказалъ Ноздревъ.

«Ты себѣ можешь божиться, сколько хочешь», отвѣчалъ зять.

«Ну, хочешь, побьемся объ закладъ?» сказалъ Ноздревъ.

Объ закладъ зять не захотѣлъ биться.

Потомъ Ноздревъ показалъ пустыя стойла, гдѣ были прежде тоже хорошія лошади. Въ этой же конюшнѣ видѣли козла, котораго, по старому повѣрью, почитали необходимымъ держать при лошадяхъ, который, какъ казалось, былъ съ ними въ ладу, гулялъ подъ ихъ брюхами, какъ у себя дома. Потомъ Ноздревъ повелъ ихъ глядѣть волченка, бывшаго на привязи. «Вотъ волченокъ!» сказалъ онъ: «я его нарочно кормлю сырымъ мясомъ. Мнѣ хочется, чтобы онъ былъ совершеннымъ звѣремъ». Пошли смотрѣть прудъ, въ которомъ, по словамъ Ноздрева, водилась рыба

такой величины, что два человѣка съ трудомъ вытаскивали штуку, въ чемъ, однакожъ, родственникъ не преминулъ усомниться. «Я тебѣ, Чичиковъ», сказалъ Ноздревъ: «покажу отличнѣйшую пару собакъ: крѣпость черныхъ мясовъ, просто, наводитъ изумленіе, щитокъ—игла!» и повелъ ихъ къ выстроенному очень красиво маленькому домику, окруженному большимъ, загороженнымъ со всѣхъ сторонъ дворомъ. Вошедши на дворъ, увидѣли тамъ всякихъ собакъ, и густо-псовыхъ, и чисто-псовыхъ, всѣхъ возможныхъ цвѣтовъ и мастей: муругихъ, черныхъ съ подпалинами, полвопѣгихъ, муруго-пѣгихъ, красно-пѣгихъ, черноухихъ, сѣроухихъ... Тутъ были всѣ клички, всѣ повелительныя наклоненія: стрѣляй, обругай, порхай, пожаръ, скосырь, черкай, допекай, припекай, северга, касатка, награда, попечительница. Ноздревъ былъ среди ихъ совершенно, какъ отецъ среди семейства: всѣ онѣ, тутъ же пустивши вверхъ хвосты, зовомые у собачеевъ прави́лами, полетѣли прямо навстрѣчу гостямъ и стали съ ними здороваться. Штукъ десять изъ нихъ положили свои лапы Ноздреву на плеча. Обругай оказалъ такую же дружбу Чичикову и, поднявшись на заднія ноги, лизнулъ его языкомъ въ самыя губы, такъ что Чичиковъ тутъ же выплюнулъ. Осмотрѣли собакъ, наводившихъ изумленіе крѣпостью черныхъ мясовъ—хорошія были собаки. Потомъ пошли осматривать крымскую суку, которая была уже слѣпая и, по словамъ Ноздрева, должна была скоро издохнуть, но, года два тому назадъ, была очень хорошая сука. Осмотрѣли и суку — сука, точно, была слѣпая. Потомъ пошли осматривать водяную мельницу, гдѣ недоставало порхлицы, въ которую утверждается верхній камень, быстро вращающійся на веретенѣ, — *порхающій*, по чудному выраженію русскаго мужика. «А вотъ тутъ скоро будетъ и кузница», сказалъ Ноздревъ. Немного прошедши, они увидѣли, точно, кузницу; осмотрѣли и кузницу.

«Вотъ на этомъ полѣ», сказалъ Ноздревъ, указывая пальцемъ на поле: «русаковъ такая гибель, что земли не видно; я самъ своими руками поймалъ одного за заднія ноги».

«Ну, русака ты не поймаешь рукою», замѣтилъ зять.

«А вотъ же поймалъ, нарочно поймалъ!» отвѣчалъ Ноздревъ. «Теперь я поведу тебя посмотрѣть», продолжалъ онъ, обращаясь къ Чичикову: «границу, гдѣ оканчивается моя земля».

Ноздревъ повелъ своихъ гостей полемъ, которое во многихъ мѣстахъ состояло изъ кочекъ. Гости должны были пробираться между перелогами и взбороненными нивами. Чичиковъ начиналъ чувствовать усталость. Во многихъ мѣстахъ ноги ихъ выдавливали подъ собою воду: до такой степени мѣсто было низко. Сначала они было береглись и переступали осторожно, но потомъ, увидя, что это ни къ чему не служитъ, брели прямо, не разбирая, гдѣ бо̀льшая, а гдѣ мѐньшая грязь. Прошедши порядочное разстояніе, увидѣли, точно, границу, состоявшую изъ деревяннаго столбика и узенькаго рва.

«Вотъ граница!» сказалъ Ноздревъ: «все, что̀ ни видишь по эту сторону,—все это мое, и даже по ту сторону, весь этотъ лѣсъ, который вонъ синѣетъ, и все, что̀ за лѣсомъ— все мое».

«Да когда же этотъ лѣсъ сдѣлался твоимъ?» спросилъ зять. «Развѣ ты недавно купилъ его? Вѣдь онъ не былъ твой».

«Да, я купилъ его недавно», отвѣчалъ Ноздревъ.

«Когда же ты успѣлъ его такъ скоро купить?»

«Какъ же, я еще третьяго дня купилъ, и дорого, чортъ возьми, далъ».

«Да вѣдь ты былъ въ то время на ярмаркѣ».

«Эхъ ты Софронъ! Развѣ нельзя быть въ одно время и на ярмаркѣ, и купить землю? Ну, я былъ на ярмаркѣ, а приказчикъ мой тутъ безъ меня и купилъ».

«Да, ну развѣ приказчикъ», сказалъ зять, но и тутъ усомнился и покачалъ головою.

Гости воротились тою же гадкою дорогою къ дому. Ноздревъ повелъ ихъ въ свой кабинетъ, въ которомъ, впрочемъ, не было замѣтно слѣдовъ того, что̀ бываетъ въ каби-

нетахъ, то-есть книгъ или бумаги; висѣли только сабли и два ружья, одно въ триста, а другое въ восемьсотъ рублей. Зять, осмотрѣвши, покачалъ только головою. Потомъ были показаны турецкіе кинжалы, на одномъ изъ которыхъ, по ошибкѣ, было вырѣзано: *Мастеръ Савелій Сибиряковъ.* Вслѣдъ затѣмъ показалась гостямъ шарманка. Ноздревъ, тутъ же, провертѣлъ предъ ними кое-что. Шарманка играла не безъ пріятности, но въ срединѣ ея, кажется, что-то случилось, ибо мазурка оканчивалась пѣснью: *Мальбругъ въ походъ поѣхалъ*, а *Мальбругъ въ походъ поѣхалъ* неожиданно завершался какимъ-то давно-знакомымъ вальсомъ. Уже Ноздревъ давно пересталъ вертѣть, но въ шарманкѣ была одна дудка, очень бойкая, никакъ не хотѣвшая угомониться, и долго еще потомъ свистѣла она одна. Потомъ показались трубки деревянныя, глиняныя, пѣнковыя, обкуренныя и необкуренныя, обтянутыя замшею и необтянутыя, чубукъ съ янтарнымъ мундштукомъ, недавно выигранный, кисетъ, вышитый какою-то графинею, гдѣ-то на почтовой станціи влюбившеюся въ него по уши, у которой ручки, по словамъ его, были самой субдительной *сюперфлю*,—слово, вѣроятно, означавшее у него высочайшую точку совершенства. Закусивши балыкомъ, они сѣли за столъ близъ пяти часовъ. Обѣдъ, какъ видно, не составлялъ у Ноздрева главнаго въ жизни; блюда не играли большой роли: кое-что и пригорѣло, кое-что и вовсе не сварилось. Видно, что поваръ руководствовался болѣе какимъ-то вдохновеньемъ и клалъ первое, что̀ попадалось подъ руку: стоялъ ли возлѣ него перецъ—онъ сыпалъ перецъ, капуста ли попалась—совалъ капусту, пичкалъ молоко, ветчину, горохъ, — словомъ: катай-валяй, было бы горячо, а вкусъ какой-нибудь, вѣрно, выйдетъ. Зато Ноздревъ налегъ на вина: еще не подавали супа, онъ ужъ налилъ гостямъ по большому стакану портвейна и по другому го-сотерна, потому что въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ не бываетъ простого сотерна. Потомъ Ноздревъ велѣлъ принести бутылку мадеры, «лучше которой не пивалъ самъ фельдмаршалъ». Мадера, точно, даже

горѣла во рту, ибо купцы, зная уже вкусъ помѣщиковъ, любившихъ добрую мадеру, заправляли ее безпощадно ромомъ, а иной разъ вливали туда и царской водки, въ надеждѣ, что все вынесутъ русскіе желудки. Потомъ Ноздревъ велѣлъ еще принесть какую-то особенную бутылку, которая, по словамъ его, была и бургоньонъ, и шампаньонъ вмѣстѣ. Онъ наливалъ очень усердно въ оба стакана — и направо, и налѣво, и зятю, и Чичикову; Чичиковъ замѣтилъ однакоже, какъ-то вскользь, что самому себѣ онъ не много прибавлялъ. Это заставило его быть осторожнымъ, и какъ только Ноздревъ какъ-нибудь заговаривался или наливалъ зятю, онъ опрокидывалъ въ ту же минуту свой стаканъ въ тарелку. Въ непродолжительномъ времени была принесена на столъ рябиновка, имѣвшая, по словамъ Ноздрева, совершенный вкусъ сливокъ, но въ которой, къ изумленію, слышна была сивушища во всей своей силѣ. Потомъ пили какой-то бальзамъ, носившій такое имя, которое даже трудно было припомнить, да и самъ хозяинъ въ другой разъ назвалъ его уже другимъ именемъ. Обѣдъ давно уже кончился, и вина были перепробованы, но гости все еще сидѣли за столомъ. Чичиковъ никакъ не хотѣлъ заговорить съ Ноздревымъ при зятѣ насчетъ главнаго предмета: все-таки зять былъ человѣкъ посторонній, а предметъ требовалъ уединеннаго и дружескаго разговора. Впрочемъ, зять врядъ ли могъ быть человѣкомъ опаснымъ, потому что нагрузился, кажется, вдоволь и, сидя на стулѣ, ежеминутно клевался носомъ. Замѣтивъ и самъ, что находился не въ надежномъ состояніи, онъ сталъ, наконецъ, отпрашиваться домой, но такимъ лѣнивымъ и вялымъ голосомъ, какъ будто бы, по русскому выраженію, натаскивалъ клещами на лошадь хомутъ.

«И ни, ни! не пущу!» сказалъ Ноздревъ.

«Нѣтъ, не обижай меня, другъ мой, право, поѣду», говорилъ зять; «ты меня очень обидишь».

«Пустяки, пустяки! Мы соорудимъ сію минуту банчишку».

«Нѣтъ, сооружай, братъ, самъ, а я не могу: жена будетъ въ большой претензіи, право; я долженъ ей разсказать о ярмаркѣ. Нужно, братъ, право нужно, доставить ей удовольствіе. Нѣтъ, ты не держи меня!»

«Ну, ее, жену, къ!... важное въ самомъ дѣлѣ дѣло станете дѣлать вмѣстѣ!»

«Нѣтъ, братъ! Она такая добрая жена. Ужъ, точно, примѣрная, такая почтенная и вѣрная! Услуги оказываетъ такія... повѣришь? у меня слезы на глазахъ. Нѣтъ, ты не держи меня; какъ честный человѣкъ, поѣду. Я тебя въ этомъ увѣряю по истинной совѣсти».

«Пусть его ѣдетъ: что̀ въ немъ проку?» сказалъ тихо Чичиковъ Ноздреву.

«А и вправду!» сказалъ Ноздревъ: «смерть не люблю такихъ разстепелей!» и прибавилъ вслухъ: «Ну, чортъ съ тобою, поѣзжай бабиться съ женою, ѳетюкъ!»

«Нѣтъ, братъ, ты не ругай меня ѳетюкомъ» *), отвѣчалъ зять: «я ей жизнью обязанъ. Такая, право, добрая, милая, такія ласки оказываетъ... до слезъ разбираетъ. Спроситъ, что̀ видѣлъ на ярмаркѣ, — нужно все разсказать... такая, право, милая».

«Ну, поѣзжай, ври ей чепуху! Вотъ картузъ твой».

«Нѣтъ, братъ, тебѣ совсѣмъ не слѣдуетъ о ней такъ отзываться; этимъ ты, можно сказать, меня самого обижаешь, она такая милая».

«Ну, такъ и убирайся къ ней скорѣе!»

«Да, братъ, поѣду; извини, что не могу остаться. Душой радъ бы былъ, но не могу». Зять еще долго повторялъ свои извиненія, не замѣчая, что самъ уже давно сидѣлъ въ бричкѣ, давно выѣхалъ за ворота, и передъ нимъ давно были одни пустыя поля. Должно думать, что жена не много слышала подробностей о ярмаркѣ.

«Такая дрянь!» говорилъ Ноздревъ, стоя передъ окномъ и глядя на уѣзжавшій экипажъ. «Вонъ какъ потащился! Ко-

*) Ѳетюкъ—слово обидное для мужчины, происходитъ отъ Ѳ, буквы, почитаемой нѣкоторыми неприличною буквою.

некъ пристяжной не дуренъ, я давно хотѣлъ подцѣпить его. Да вѣдь съ нимъ нельзя никакъ сойтиться. Ѳетюкъ, просто ѳетюкъ!»

За симъ вошли они въ комнату. Порфирій подалъ свѣчи, и Чичиковъ замѣтилъ въ рукахъ хозяина, неизвѣстно откуда взявшуюся, колоду картъ.

«А что, братъ», говорилъ Ноздревъ, прижавши бока колоды пальцами и нѣсколько погнувши ее, такъ что треснула и отскочила бумажка: «ну, для препровожденія времени, держу триста рублей банку!»

Но Чичиковъ прикинулся какъ будто и не слышалъ, о чемъ рѣчь, и сказалъ, какъ бы вдругъ припомнивъ: «А! чтобъ не позабыть: у меня къ тебѣ просьба».

«Какая?»

«Дай прежде слово, что исполнишь».

«Да какая просьба?»

«Ну, да ужъ дай слово!

«Изволь».

«Честное слово?»

«Честное слово».

«Вотъ какая просьба: у тебя есть, чай, много умершихъ крестьянъ, которые еще не вычеркнуты изъ ревизіи?»

«Ну, есть; а что̀?»

«Переведи ихъ на меня, на мое имя».

«А на что̀ тебѣ?»

«Ну, да мнѣ нужно».

«Да на что̀?»

«Ну, да ужъ нужно... ужъ это мое дѣло, — словомъ, нужно».

«Ну, ужъ, вѣрно, что-нибудь затѣялъ. Признайся, что̀?»

«Да что̀-жъ затѣялъ? Изъ этакого пустяка и затѣять ничего нельзя».

«Да зачѣмъ же они тебѣ?»

«Охъ, какой любопытный! Ему всякую дрянь хотѣлось бы пощупать рукой, да еще и понюхать!»

«Да къ чему-жъ ты не хочешь сказать?»

«Да что̀ же тебѣ за прибыль знать? Ну, просто, такъ, пришла фантазія».

«Такъ вотъ же: до тѣхъ поръ, пока не скажешь, не сдѣлаю».

«Ну, вотъ видишь, вотъ ужъ и нечестно съ твоей стороны: слово далъ, да и на попятный дворъ».

«Ну, какъ ты себѣ хочешь, а не сдѣлаю, пока не скажешь, на что̀».

«Что̀ бы такое сказать ему?» подумалъ Чичиковъ и, послѣ минутнаго размышленія, объявилъ, что мертвыя души нужны ему для пріобрѣтенія вѣсу въ обществѣ, что онъ помѣстьевъ большихъ не имѣетъ, такъ до того времени хоть бы какія-нибудь душонки.

«Врешь, врешь!» сказалъ Ноздревъ, не давши окончить: «врешь, братъ!»

Чичиковъ и самъ замѣтилъ, что придумалъ не очень ловко, и предлогъ довольно слабъ. «Ну, такъ я-жъ тебѣ скажу прямѣе», сказалъ онъ, поправившись: «только, пожалуйста, не проговорись никому. Я задумалъ жениться; но нужно тебѣ знать, что отецъ и мать невѣсты преамбиціонные люди. Такая, право, комиссія! не радъ, что связался: хотятъ непремѣнно, чтобы у жениха было никакъ не меньше трехсотъ душъ, а такъ какъ у меня цѣлыхъ почти полутораста крестьянъ недостаетъ...»

«Ну, врешь! врешь!» закричалъ опять Ноздревъ.

«Ну, вотъ ужъ здѣсь», сказалъ Чичиковъ: «ни вотъ на столько не солгалъ», и показалъ большимъ пальцемъ на своемъ мизинцѣ самую маленькую часть.

«Голову ставлю, что врешь!»

«Однакожъ это обидно! Что̀ же я такое въ самомъ дѣлѣ? Почему я непремѣнно лгу?»

«Ну, да вѣдь я знаю тебя: вѣдь ты большой мошенникъ — позволь мнѣ это сказать тебѣ по дружбѣ! Ежели бы я былъ твоимъ начальникомъ, я бы тебя повѣсилъ на первомъ деревѣ».

Чичиковъ оскорбился такимъ замѣчаніемъ. Уже всякое

выраженіе, сколько-нибудь грубое или оскорбляющее благопристойность, было ему непріятно. Онъ даже не любилъ допускать съ собой ни въ какомъ случаѣ фамильярнаго обращенія, развѣ только если особа была слишкомъ высокаго званія. И потому теперь онъ совершенно обидѣлся.

«Ей Богу, повѣсилъ бы», повторилъ Ноздревъ: «я тебѣ говорю это откровенно, не съ тѣмъ, чтобы тебя обидѣть, а просто по-дружески говорю».

«Всему есть границы», сказалъ Чичиковъ, съ чувствомъ достоинства: «если хочешь пощеголять подобными рѣчами, такъ ступай въ казармы»,—и потомъ присовокупилъ: «не хочешь подарить, такъ продай».

«Продать! Да вѣдь я знаю тебя, вѣдь ты подлецъ, вѣдь ты дорого не дашь за нихъ?»

«Эхъ! да ты вѣдь тоже хорошъ! Смотри ты! Что̀ онѣ у тебя, брильянтовыя, что ли?»

«Ну, такъ и есть. Я ужъ тебя зналъ».

«Помилуй, братъ, что-жъ у тебя за жидовское побужденіе! Ты бы долженъ просто отдать мнѣ ихъ».

«Ну, послушай: чтобъ доказать тебѣ, что я вовсе не какой-нибудь скалдырникъ, я не возьму за нихъ ничего. Купи у меня жеребца, я тебѣ дамъ ихъ въ придачу».

«Помилуй, на что̀-жъ мнѣ жеребецъ?» сказалъ Чичиковъ, изумленный въ самомъ дѣлѣ такимъ предложеніемъ.

«Какъ на что̀? Да вѣдь я за него заплатилъ десять тысячъ, а тебѣ отдаю за четыре».

«Да на что̀ мнѣ жеребецъ? Завода я не держу».

«Да послушай, ты не понимаешь: вѣдь я съ тебя возьму теперь всего только три тысячи, а остальную тысячу ты можешь заплатить мнѣ послѣ».

«Да не нуженъ мнѣ жеребецъ, Богъ съ нимъ!»

«Ну, купи каурую кобылу».

«И кобылы не нужно».

«За кобылу и за сѣраго коня, котораго ты у меня видѣлъ, возьму я съ тебя только двѣ тысячи».

«Да не нужны мнѣ лошади».

«Ты ихъ продашь: тебѣ на первой ярмаркѣ дадутъ за нихъ втрое больше».

«Такъ лучше-жъ ты ихъ самъ продай, когда увѣренъ, что выиграешь втрое».

«Я знаю, что выиграю, да мнѣ хочется, чтобы и ты получилъ выгоду».

Чичиковъ поблагодарилъ за расположеніе и напрямикъ отказался и отъ сѣраго коня, и отъ каурой кобылы.

«Ну, такъ купи собакъ. Я тебѣ продамъ такую пару, просто — морозъ по кожѣ подираетъ! брудастая съ усами; шерсть стоитъ вверхъ, какъ щетина; бочковатость ребръ уму непостижимая; лапа вся въ комкѣ—земли не задѣнетъ!»

«Да зачѣмъ мнѣ собаки? я не охотникъ».

«Да мнѣ хочется, чтобы у тебя были собаки. Послушай, если ужъ не хочешь собакъ, такъ купи у меня шарманку. Чудная шарманка! Самому, какъ честный человѣкъ, обошлась въ полторы тысячи; тебѣ отдаю за 900 рублей».

«Да зачѣмъ же мнѣ шарманка? Вѣдь я не нѣмецъ, чтобы, тащася съ ней по дорогамъ, выпрашивать деньги».

«Да вѣдь это не такая шарманка, какъ носятъ нѣмцы. Это органъ; посмотри нарочно: вся изъ краснаго дерева. Вотъ я тебѣ покажу ее еще!» Здѣсь Ноздревъ, схвативши за руку Чичикова, сталъ тащить его въ другую комнату, и, какъ тотъ ни упирался ногами въ полъ и ни увѣрялъ, что онъ знаетъ уже, какая шарманка, но долженъ былъ услышать еще разъ, какимъ образомъ поѣхалъ въ походъ Мальбругъ. «Когда ты не хочешь на деньги, такъ вотъ что̀, слушай: я тебѣ дамъ шарманку и всѣ, сколько ни есть у меня, мертвыя души, а ты мнѣ дай свою бричку и триста рублей придачи».

«Ну, вотъ еще! А я-то въ чемъ поѣду?»

«Я тебѣ дамъ другую бричку. Вотъ пойдемъ въ сарай, я тебѣ покажу ее! Ты ее только перекрасишь, и будетъ чудо-бричка».

«Эхъ его неугомонный бѣсъ какъ обуялъ!» подумалъ про себя Чичиковъ и рѣшился, во что̀ бы то ни стало, отдѣ-

латься отъ всякихъ бричекъ, шарманокъ и всѣхъ возможныхъ собакъ, несмотря на непостижимую уму бочковатость ребръ и комкость лапъ.

«Да вѣдь бричка, шарманка и мертвыя души — все вмѣстѣ».

«Не хочу!» сказалъ еще разъ Чичиковъ.

«Отчего-жъ ты не хочешь?»

«Оттого, что, просто, не хочу—да и полно».

«Экой ты, право, такой! Съ тобой, какъ я вижу, нельзя, какъ водится между хорошими друзьями и товарищами... такой, право!.. Сейчасъ видно, что двуличный человѣкъ!»

«Да что же я, дуракъ, что ли? Ты посуди самъ: зачѣмъ же пріобрѣтать вещь, рѣшительно для меня ненужную?»

«Ну, ужъ, пожалуйста, не говори. Теперь я очень хорошо тебя знаю. Такая, право, ракалія! Ну, послушай: хочешь метнемъ банчикъ? Я поставлю всѣхъ умершихъ на карту, шарманку тоже».

«Ну, рѣшаться въ банкъ — значитъ подвергаться неизвѣстности», говорилъ Чичиковъ и между тѣмъ взглянулъ искоса на бывшія въ рукахъ у него карты. Обѣ таліи ему показались очень похожими на искусственныя, и самый крапъ глядѣлъ весьма подозрительно.

«Отчего-жъ неизвѣстности?» сказалъ Ноздревъ. «Никакой неизвѣстности! Будь только на твоей сторонѣ счастіе, ты можешь выиграть чортову пропасть. Вонъ она! Экое счастье!» говорилъ онъ, начиная метать для возбужденія задору. «Экое счастье! экое счастье! Вонъ: такъ и колотитъ! Вотъ та проклятая девятка, на которой я все просадилъ! Чувствовалъ, что продастъ, да уже, зажмуривъ глаза, думаю себѣ: «чортъ тебя побери, продавай, проклятая!»

Когда Ноздревъ это говорилъ, Порфирій принесъ бутылку. Но Чичиковъ отказался рѣшительно какъ играть, такъ и пить.

«Отчего-жъ ты не хочешь играть? сказалъ Ноздревъ.

«Ну, оттого, что не расположенъ. Да признаться сказать, я вовсе не охотникъ играть».

«Отчего-жъ не охотникъ?»

Чичиковъ пожалъ плечами и прибавилъ: «Потому что не охотникъ».

«Дрянь же ты!»

«Что̀-жъ дѣлать? такъ Богъ создалъ».

«Ѳетюкъ, просто! Я думалъ было прежде, что ты хоть сколько-нибудь порядочный человѣкъ, а ты никакого не понимаешь обращенія. Съ тобой никакъ нельзя говорить, какъ съ человѣкомъ близкимъ... Никакого прямодушія, ни искренности! Совершенный Собакевичъ, такой подлецъ!»

«Да за что̀ же ты бранишь меня? Виноватъ развѣ я, что не играю? Продай мнѣ душъ однѣхъ, если ужъ ты такой человѣкъ, что дрожишь изъ-за этого вздору».

«Чорта лысаго получишь! Хотѣлъ было, даромъ хотѣлъ отдать, но теперь вотъ не получишь же! Хоть три царства давай—не отдамъ. Такой шильникъ, печникъ гадкій! Съ этихъ поръ съ тобою никакого дѣла не хочу имѣть. Порфирій, ступай, скажи конюху, чтобы не давалъ овса лошадямъ его, пусть ихъ ѣдятъ одно сѣно».

Послѣдняго заключенія Чичиковъ никакъ не ожидалъ.

«Лучше-бъ ты мнѣ, просто, на глаза не показывался!» сказалъ Ноздревъ.

Несмотря, однакожъ, на такую размолвку, гость и хозяинъ поужинали вмѣстѣ, хотя на этотъ разъ не стояло на столѣ никакихъ винъ съ затѣйливыми именами. Торчала одна только бутылка съ какимъ-то кипрскимъ, которое было то, что̀ называютъ кислятина во всѣхъ отношеніяхъ. Послѣ ужина Ноздревъ сказалъ Чичикову, отведя его въ боковую комнату, гдѣ была приготовлена для него постель: «Вотъ тебѣ постель! Не хочу и доброй ночи желать тебѣ».

Чичиковъ остался по уходѣ Ноздрева въ самомъ непріятномъ расположеніи духа. Онъ внутренно досадовалъ на себя, бранилъ себя за то, что къ нему заѣхалъ и потерялъ даромъ время; но еще болѣе бранилъ себя за то, что заговорилъ съ нимъ о дѣлѣ; поступилъ неосторожно, какъ ребенокъ, какъ дуракъ: ибо дѣло совсѣмъ не такого рода,

чтобы быть ввѣрену Ноздреву... Ноздревъ—человѣкъ-дрянь, Ноздревъ можетъ наврать, прибавить, распустить, чортъ знаетъ, что̀, выйдутъ еще какія-нибудь сплетни... Не хорошо, не хорошо. «Просто, дуракъ я!» говорилъ онъ самъ себѣ. Ночь спалъ онъ очень дурно. Какія-то маленькія, пребойкія насѣкомыя кусали его нестерпимо больно, такъ что онъ всей горстью скребъ по уязвленному мѣсту, приговаривая: «А, чтобъ васъ чортъ побралъ вмѣстѣ съ Ноздревымъ!» Проснулся онъ раннимъ утромъ. Первымъ дѣломъ его было, надѣвши халатъ и сапоги, отправиться чрезъ дворъ въ конюшню, приказать Селифану сей же часъ закладывать бричку. Возвращаясь черезъ дворъ, онъ встрѣтился съ Ноздревымъ, который былъ также въ халатѣ, съ трубкою въ зубахъ.

Ноздревъ привѣтствовалъ его по-дружески и спросилъ, каково ему спалось.

«Такъ себѣ», отвѣчалъ Чичиковъ весьма сухо.

«А я, братъ», говорилъ Ноздревъ: «такая мерзость лѣзла всю ночь, что гнусно разсказывать; и во рту послѣ вчерашняго точно эскадронъ переночевалъ. Представь, снилось, что меня высѣкли, ей, ей! И вообрази, кто? Вотъ ни за что̀ не угадаешь:—штабсъ-ротмистръ Поцѣлуевъ вмѣстѣ съ Кувшинниковымъ».

«Да», подумалъ про-себя Чичиковъ: «хорошо бы, если-бъ тебя отодрали на-яву».

«Ей Богу! Да пребольно! Проснулся, чортъ возьми, въ самомъ дѣлѣ что-то почесывается; вѣрно, вѣдьмы блохи. Ну, ты ступай теперь, одѣвайся; я къ тебѣ сейчасъ приду. Нужно только ругнуть подлеца приказчика».

Чичиковъ ушелъ въ комнату одѣться и умыться. Когда послѣ того вышелъ онъ въ столовую, тамъ уже стоялъ на столѣ чайный приборъ съ бутылкою рома. Въ комнатѣ были слѣды вчерашняго обѣда и ужина; кажется, половая щетка не притрогивалась вовсе. На полу валялись хлѣбныя крохи, а табачная зола видна даже была на скатерти. Самъ хозяинъ, не замедлившій скоро войти, ничего не имѣлъ у

себя подъ халатомъ, кромѣ открытой груди, на которой росла какая-то борода. Держа въ рукѣ чубукъ и прихлебывая изъ чашки, онъ былъ очень хорошъ для живописца, не любящаго страхъ господъ прилизанныхъ и завитыхъ, подобно цырюльнымъ вывѣскамъ, или выстриженныхъ подъ гребенку.

«Ну, такъ какъ же думаешь?» сказалъ Ноздревъ, немного помолчавши: «не хочешь играть на души?»

«Я уже сказалъ тебѣ, братъ, что не играю; купить,— изволь, куплю».

«Продать я не хочу: это будетъ не по-пріятельски. Я не стану снимать плевы съ чортъ знаетъ чего. Въ банчикъ— другое дѣло. Прокинемъ хоть талію!»

«Я ужъ сказалъ, что нѣтъ».

«А мѣняться не хочешь?»

«Не хочу».

«Ну, послушай: сыграемъ въ шашки; выиграешь—твои всѣ. Вѣдь у меня много такихъ, которыхъ нужно вычеркнуть изъ ревизіи. Эй, Порфирій, принеси-ка сюда шашечницу!»

«Напрасенъ трудъ: я не буду играть».

«Да вѣдь это не въ банкъ; тутъ никакого не можетъ быть счастія или фальши: все вѣдь отъ искусства. Я даже тебя предваряю, что я совсѣмъ не умѣю играть, развѣ что-нибудь мнѣ дашь впередъ».

«Сѣмъ-ка я»,—подумалъ про-себя Чичиковъ,—«сыграю съ нимъ въ шашки. Въ шашки игрывалъ я недурно, а на штуки ему здѣсь трудно подняться».

«Изволь, такъ и быть, въ шашки сыграю».

Души идутъ въ ста рубляхъ!»

«Зачѣмъ же? Довольно, если пойдутъ въ пятидесяти».

«Нѣтъ, что̀-жъ за кушъ пятьдесятъ? Лучше-жъ въ эту сумму я включу тебѣ какого-нибудь щенка средней руки или золотую печатку къ часамъ».

«Ну, изволь!» сказалъ Чичиковъ.

«Сколько же ты мнѣ дашь впередъ?» сказалъ Ноздревъ.

«Это съ какой стати? Конечно, ничего».

«По крайней мѣрѣ, пусть будутъ мои два хода».

«Не хочу: я самъ плохо играю».

«Знаемъ мы васъ, какъ вы плохо играете!» сказалъ Ноздревъ, выступая шашкой.

«Давненько не бралъ я въ руки шашекъ!» говорилъ Чичиковъ, подвигая тоже шашку.

«Знаемъ мы васъ, какъ вы плохо играете!» сказалъ Ноздревъ, выступая шашкой.

«Давненько не бралъ я въ руки шашекъ!» говорилъ Чичиковъ, подвигая шашку.

«Знаемъ мы васъ, какъ вы плохо играете!» сказалъ Ноздревъ, подвигая шашку, да въ то же самое время подвинулъ обшлагомъ рукава и другую шашку.

«Давненько не бралъ я въ руки!... Э, э! Это, братъ, что̀? отсади-ка ее назадъ!» говорилъ Чичиковъ.

«Кого?»

«Да шашку-то», сказалъ Чичиковъ, и въ то же время увидѣлъ почти передъ самымъ носомъ своимъ и другую, которая, какъ казалось, пробиралась въ дамки. Откуда она взялась, это одинъ только Богъ зналъ. «Нѣтъ», сказалъ Чичиковъ, вставши изъ-за стола: «съ тобой нѣтъ никакой возможности играть. Этакъ не ходятъ — по три шашки вдругъ!».

«Отчего-жъ по три? Это по ошибкѣ. Одна подвинулась нечаянно; я ее отодвину, изволь».

«А другая-то откуда взялась?»

«Какая другая?»

«А вотъ эта, что̀ пробирается въ дамки?»

«Вотъ тебѣ на! будто не помнишь!».

«Нѣтъ, братъ, я всѣ ходы считалъ, и все помню; ты ее только теперь пристроилъ. Ей мѣсто вонъ гдѣ!»

«Какъ—гдѣ мѣсто?» сказалъ Ноздревъ, покраснѣвши: «да ты, братъ, какъ я вижу, сочинитель!»

«Нѣтъ, братъ, это, кажется, ты сочинитель, да только неудачно».

«За кого-жъ ты меня почитаешь?» говорилъ Ноздревъ: «стану я развѣ плутовать?»

«Я тебя ни за кого не почитаю, но только играть съ этихъ поръ никогда не буду».

«Нѣтъ, ты не можешь отказаться», говорилъ Ноздревъ, горячась: «игра начата!»

«Я имѣю право отказаться, потому что ты не такъ играешь, какъ прилично честному человѣку».

«Нѣтъ, врешь, ты этого не можешь сказать!»

«Нѣтъ, братъ, самъ ты врешь!»

«Я не плутовалъ, а ты отказаться не можешь; ты долженъ кончить партію!»

«Этого ты меня не заставишь сдѣлать», сказалъ Чичиковъ хладнокровно и, подошедши къ доскѣ, смѣшалъ шашки.

Ноздревъ вспыхнулъ и подошелъ къ Чичикову такъ близко, что тотъ отступилъ шага два назадъ.

«Я тебя заставлю играть. Это ничего, что ты смѣшалъ шашки! Я помню всѣ ходы. Мы ихъ поставимъ опять такъ, какъ были».

«Нѣтъ, братъ, дѣло кончено: я съ тобою не стану играть».

«Такъ ты не хочешь играть?»

«Ты самъ видишь, что съ тобою нѣтъ возможности играть».

«Нѣтъ, скажи напрямикъ: ты не хочешь играть?» говорилъ Ноздревъ, подступая еще ближе.

«Не хочу», сказалъ Чичиковъ и поднесъ, однакожъ, обѣ руки на всякій случай поближе къ лицу, ибо дѣло становилось въ самомъ дѣлѣ жарко. Эта предосторожность была весьма у мѣста, потому что Ноздревъ размахнулся рукой... и очень бы могло статься, что одна изъ пріятныхъ и полныхъ щекъ нашего героя покрылась бы несмываемымъ безчестіемъ; но, счастливо отведши ударъ, онъ схватилъ Ноздрева за обѣ задорныя его руки и держалъ его крѣпко.

«Порфирій, Павлушка!» кричалъ Ноздревъ въ бѣшенствѣ, порываясь вырваться.

Услыша эти слова, Чичиковъ, чтобы не сдѣлать дворовыхъ людей свидѣтелями соблазнительной сцены и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствуя, что держать Ноздрева было безполезно, выпустилъ его руки. Въ это самое время вошелъ Порфирій и съ нимъ Павлушка, парень дюжій, съ которымъ имѣть дѣло было совсѣмъ невыгодно.

«Такъ ты не хочешь оканчивать партіи?» говорилъ Ноздревъ. «Отвѣчай мнѣ напрямикъ!»

«Партіи нѣтъ возможности оканчивать», говорилъ Чичиковъ, и заглянулъ въ окно. Онъ увидѣлъ свою бричку, которая стояла совсѣмъ готовая, а Селифанъ ожидалъ, казалось, мановенія, чтобы подкатить подъ крыльцо; но изъ комнаты не было никакой возможности выбраться: въ дверяхъ стояли два дюжихъ крѣпостныхъ дурака.

«Такъ ты не хочешь доканчивать партіи?» повторилъ Ноздревъ съ лицомъ, горѣвшимъ какъ въ огнѣ.

«Если-бъ ты игралъ, какъ прилично честному человѣку... но теперь не могу».

«А! такъ ты не можешь, подлецъ! Когда увидѣлъ, что не твоя беретъ, такъ и не можешь! Бейте его!» кричалъ онъ изступленно, обратившись къ Порфирію и Павлушкѣ, а самъ схватилъ въ руку черешневый чубукъ. Чичиковъ сталъ блѣденъ, какъ полотно. Онъ хотѣлъ что-то сказать, но чувствовалъ, что губы его шевелились безъ звука.

«Бейте его!» кричалъ Ноздревъ, порываясь впередъ съ черешневымъ чубукомъ, весь въ жару, въ поту, какъ будто подступалъ подъ неприступную крѣпость. — «Бейте его!» кричалъ онъ такимъ же голосомъ, какъ во время великаго приступа кричитъ своему взводу: «Ребята, впередъ!» какой-нибудь отчаянный поручикъ, котораго взбалмошная храбрость уже пріобрѣла такую извѣстность, что дается нарочный приказъ держать его за руки во время горячихъ дѣлъ. Но поручикъ уже почувствовалъ бранный задоръ, все пошло кругомъ въ головѣ его; передъ нимъ носится Суворовъ, онъ лѣзетъ на великое дѣло. «Ребята, впередъ!» кричитъ онъ, порываясь, не помышляя, что вредитъ уже

обдуманному плану общаго приступа, что милліоны ружейныхъ дулъ выставились въ амбразуры неприступныхъ, уходящихъ за облака крѣпостныхъ стѣнъ, что взлетитъ, какъ пухъ, на воздухъ его безсильный взводъ, и что уже свищетъ роковая пуля, готовясь захлопнуть его крикливую глотку. Но если Ноздревъ выразилъ собою подступавшаго подъ крѣпость отчаяннаго, потерявшагося поручика, то крѣпость, на которую онъ шелъ, никакъ не была похожа на неприступную. Напротивъ, крѣпость чувствовала такой страхъ, что душа ея спряталась въ самыя пятки. Уже стулъ, которымъ онъ вздумалъ было защищаться, былъ вырванъ крѣпостными людьми изъ рукъ его; уже, зажмуривъ глаза, ни живъ, ни мертвъ, онъ готовился отвѣдать черкесскаго чубука своего хозяина и, Богъ знаетъ, чего бы ни случилось съ нимъ; но судьбамъ угодно было спасти бока, плеча и всѣ благовоспитанныя части нашего героя. Неожиданнымъ образомъ звякнули вдругъ, какъ съ облаковъ, задребезжавшіе звуки колокольчика, раздался ясно стукъ колесъ подлетѣвшей къ крыльцу телѣги и отозвались даже въ самой комнатѣ тяжелый храпъ и тяжкая одышка разгоряченныхъ коней остановившейся тройки. Всѣ невольно глянули въ окно: кто-то съ усами, въ полувоенномъ сюртукѣ, вылѣзалъ изъ телѣги. Освѣдомившись въ передней, вошелъ онъ въ ту самую минуту, когда Чичиковъ не успѣлъ еще опомниться отъ своего страха и былъ въ самомъ жалкомъ положеніи, въ какомъ когда-либо находился смертный.

«Позвольте узнать, кто здѣсь г. Ноздревъ?» сказалъ незнакомецъ, посмотрѣвши въ нѣкоторомъ недоумѣніи на Ноздрева, который стоялъ съ чубукомъ въ рукѣ, и на Чичикова, который едва начиналъ оправляться отъ своего невыгоднаго положенія.

«Позвольте прежде узнать, съ кѣмъ имѣю честь говорить?» сказалъ Ноздревъ, подходя къ нему ближе.

«Капитанъ-исправникъ».

«А что̀ вамъ угодно?»

«Я пріѣхалъ вамъ объявить сообщенное мнѣ извѣщеніе,

что вы находитесь подъ судомъ до времени окончанія рѣшенія по вашему дѣлу».

«Что̀ за вздоръ, по какому дѣлу?» сказалъ Ноздревъ.

«Вы были замѣшаны въ исторію, по случаю нанесенія помѣщику Максимову личной обиды розгами, въ пьяномъ видѣ».

«Вы врете! Я и въ глаза не видалъ помѣщика Максимова».

«Милостивый государь! позвольте вамъ доложить, что я офицеръ. Вы можете это сказать вашему слугѣ, а не мнѣ».

Здѣсь Чичиковъ, не дожидаясь, что̀ будетъ отвѣчать на это Ноздревъ, скорѣе за шапку, да по-за спиною капитана-исправника выскользнулъ на крыльцо, сѣлъ въ бричку и велѣлъ Селифану погонять лошадей во весь духъ.

ГЛАВА V.

Герой нашъ трухнулъ, однакожъ, порядкомъ. Хотя бричка мчалась во всю пропалую, и деревня Ноздрева давно унеслась изъ вида, закрывшись полями, отлогостями и пригорками; но онъ все еще поглядывалъ назадъ со страхомъ, какъ бы ожидая, что вотъ-вотъ налетитъ погоня. Дыханіе его переводилось съ трудомъ, и когда онъ попробовалъ приложить руку къ сердцу, то почувствовалъ, что оно билось, какъ перепелка въ клѣткѣ. «Экъ, какую баню задалъ! Смотри ты, какой!» Тутъ много было посулено Ноздреву всякихъ нелегкихъ и сильныхъ желаній; попались даже и нехорошія слова. Что̀-жъ дѣлать? Русскій человѣкъ, да еще и въ сердцахъ! Къ тому-жъ дѣло было совсѣмъ нешуточное. «Что̀ ни говори», сказалъ онъ самъ въ себѣ: «а не подоспѣй капитанъ-исправникъ, мнѣ бы, можетъ-быть, не далось болѣе и на свѣтъ Божій взглянуть! Пропалъ бы, какъ волдырь на водѣ, безъ всякаго слѣда, не оставивши потомковъ, не доставивъ будущимъ дѣтямъ ни состоянія, ни честнаго имени!» Герой нашъ очень заботился о своихъ потомкахъ.

«Экой скверный баринъ!» думалъ про себя Селифанъ: «я еще не видалъ такого барина. То-есть, плюнуть бы ему за это! Ты лучше человѣку не дай ѣсть, а коня ты долженъ накормить, потому что конь любитъ овесъ. Это его продовольство: что̀, примѣромъ, намъ коштъ, то для него овесъ: онъ его продовольство».

Кони тоже, казалось, думали невыгодно объ Ноздревѣ: не только гнѣдой и Засѣдатель, но и самъ чубарый былъ не въ духѣ. Хотя ему на часть и доставался всегда овесъ похуже, и Селифанъ не иначе всыпа̀лъ ему въ корыто, какъ сказавши прежде: «Эхъ, ты, подлецъ!» но, однакожъ, это все-таки былъ овесъ, а не простое сѣно: онъ жевалъ его съ удовольствіемъ и часто засовывалъ длинную морду свою въ корытца къ товарищамъ, поотвѣдать, какое у нихъ было продовольствіе, особливо когда Селифана не было въ конюшнѣ; но теперь одно сѣно,—не хорошо! Всѣ были недовольны.

Но скоро всѣ недовольные были прерваны, среди изліяній своихъ, внезапнымъ и совсѣмъ неожиданнымъ образомъ. Всѣ, не исключая и самого кучера, опомнились и очнулись только тогда, когда на нихъ наскакала коляска съ шестерикомъ коней и почти надъ головами ихъ раздались крикъ сидѣвшихъ въ коляскѣ дамъ, брань и угрозы чужого кучера: «Ахъ, ты, мошенникъ этакой! Вѣдь я тебѣ кричалъ въ голосъ: «сворачивай, воро̀на, направо!»—«Пьянъ ты, что ли?» Селифанъ почувствовалъ свою оплошность, но такъ какъ русскій человѣкъ не любитъ сознаться передъ другимъ, что онъ виноватъ, то тутъ же вымолвилъ онъ, пріосанясь: «А ты что такъ разскакался? Глаза-то свои въ кабакѣ заложилъ, что ли?» Вслѣдъ за симъ онъ принялся отсаживать назадъ бричку, чтобы высвободиться такимъ образомъ изъ чужой упряжи, но не тутъ-то было, — все перепуталось. Чубарый съ любопытствомъ обнюхивалъ новыхъ своихъ пріятелей, которые очутились по обѣимъ сторонамъ его. Между тѣмъ сидѣвшія въ коляскѣ дамы глядѣли на все это съ выраженіемъ страха въ лицахъ. Одна была

Bayerische
Staatsbibliothek
München

старуха, другая молоденькая, шестнадцатилѣтняя, съ золотистыми волосами, весьма ловко и мило приглаженными на небольшой головкѣ. Хорошенькій овалъ лица ея круглился, какъ свѣженькое яичко, и, подобно ему, бѣлѣлъ какою-то прозрачною бѣлизною, когда свѣжее, только-что снесенное, оно держится противъ свѣта въ смуглыхъ рукахъ испытующей его ключницы и пропускаетъ сквозь себя лучи сіяющаго солнца: ея тоненькія ушки также сквозили, рдѣя проникавшимъ ихъ теплымъ свѣтомъ. При этомъ испугъ въ открытыхъ, остановившихся устахъ, на глазахъ слезы— все это въ ней было такъ мило, что герой нашъ глядѣлъ на нее нѣсколько минутъ, не обращая никакого вниманія на происшедшую кутерьму между лошадьми и кучерами. «Отсаживай, что ли, нижегородская ворòна!» кричалъ чужой кучеръ. Селифанъ потянулъ поводья назадъ, чужой кучеръ сдѣлалъ то же, лошади нѣсколько попятились назадъ и потомъ опять сшиблись, переступивши постромки. При этомъ обстоятельствѣ чубарому коню такъ понравилось новое знакомство, что онъ никакъ не хотѣлъ выходить изъ колеи, въ которую попалъ непредвидѣнными судьбами, и, положивши свою морду на шею своего новаго пріятеля, казалось, что-то нашептывалъ ему въ самое ухо, вѣроятно, чепуху страшную, потому что пріѣзжій безпрестанно встряхивалъ ушами.

На такую сумятицу успѣли, однакожъ, собраться мужики изъ деревни, которая была, къ счастью, неподалеку. Такъ какъ подобное зрѣлище для мужика—сущая благодать, все равно, что для нѣмца газеты или клубъ, то скоро около экипажа накопилась ихъ бездна, и въ деревнѣ остались только старыя бабы да малые ребята. Постромки отвязали; нѣсколько тычковъ чубарому коню въ морду заставили его попятиться; словомъ, ихъ разрознили и развели. Но досада ли, которую почувствовали пріѣзжіе кони за то, что разлучили ихъ съ пріятелями, или, просто, дурь,—только, сколько ни хлесталъ ихъ кучеръ, они не двигались и стояли, какъ вкопанные. Участіе мужиковъ возросло до невѣроятной сте-

пени. Каждый наперерывъ совался съ совѣтомъ: «Ступай, Андрюшка, проведи-ка ты пристяжного, что съ правой стороны, а дядя Митяй пусть сядетъ верхомъ на коренного! Садись, дядя Митяй!» Сухощавый и длинный дядя Митяй, съ рыжей бородой, взобрался на коренного коня и сдѣлался похожимъ на деревенскую колокольню или, лучше, на крючокъ, которымъ достаютъ воду въ колодцахъ. Кучеръ ударилъ по лошадямъ, но не тутъ-то было: ничего не пособилъ дядя Митяй. «Стой, стой!» кричали мужики: «садись-ка, ты, дядя Митяй, на пристяжную, а на коренную пусть сядетъ дядя Миняй!» Дядя Миняй, широкоплечій мужикъ, съ черною какъ уголь бородою, и брюхомъ, похожимъ на тотъ исполинскій самоваръ, въ которомъ варится сбитень для всего прозябнувшаго рынка, съ охотою сѣлъ на коренного, который чуть не пригнулся подъ нимъ до земли. «Теперь дѣло пойдетъ», кричали мужики. «Накаливай, накаливай его! Пришпандорь кнутомъ вонъ того, соловаго,—что онъ корячится, какъ корамора?» *) Но, увидѣвши, что дѣло не шло, и не помогло никакое накаливанье, дядя Митяй и дядя Миняй сѣли оба на коренного, а на пристяжного посадили Андрюшку. Наконецъ кучеръ, потерявши терпѣніе, прогналъ и дядю Митяя, и дядю Миняя; и хорошо сдѣлалъ, потому что отъ лошадей пошелъ такой паръ, какъ будто бы онѣ отхватали, не переводя духа, станцію. Онъ далъ имъ минуту отдохнуть, послѣ чего онѣ пошли сами собою. Во все продолженіе этой продѣлки Чичиковъ глядѣлъ очень внимательно на молоденькую незнакомку. Онъ пытался нѣсколько разъ съ нею заговорить, но какъ-то не пришлось такъ. А между тѣмъ дамы уѣхали, хорошенькая головка, съ тоненькими чертами лица и тоненькимъ станомъ, скрылась, какъ что-то похожее на видѣнье, и опять осталась—дорога, бричка, тройка знакомыхъ читателю лошадей,

*) *Корамора*—большой, длинный, вялый комаръ; иногда залетаетъ онъ въ комнату и торчитъ гдѣ-нибудь одиночкой на стѣнѣ. Къ нему спокойно можно подойти и ухватить его за ногу, въ отвѣтъ на что онъ только топырится, или корячится, какъ говоритъ народъ.

Селифанъ, Чичиковъ, гладь и пустота окрестныхъ полей. Вездѣ, гдѣ бы ни было, въ жизни, среди ли черствыхъ, шероховато-бѣдныхъ и неопрятно-плѣснѣющихъ низменныхъ рядовъ ея, или среди однообразно-хладныхъ и скучно-опрятныхъ сословій высшихъ,—вездѣ, хоть разъ, встрѣтится на пути человѣку явленье, не похожее на все то, что̀ случалось ему видѣть дотолѣ, которое, хоть разъ, пробудитъ въ немъ чувство, не похожее на тѣ, которыя суждено ему чувствовать всю жизнь. Вездѣ, поперекъ какимъ бы ни было печалямъ, изъ которыхъ плетется жизнь наша, весело промчится блистающая радость, какъ иногда блестящій экипажъ съ золотой упряжью, картинными конями и сверкающимъ блескомъ стеколъ, вдругъ, неожиданно, пронесется мимо какой-нибудь заглохнувшей бѣдной деревушки, не видавшей ничего, кромѣ сельской телѣги: и долго мужики стоятъ, зѣвая съ открытыми ртами, не надѣвая шапокъ, хотя давно уже унесся и пропалъ изъ виду дивный экипажъ. Такъ и блондинка тоже, вдругъ, совершенно неожиданнымъ образомъ, показалась въ нашей повѣсти и такъ же скрылась. Попадись на ту пору вмѣсто Чичикова какой-нибудь двадцатилѣтній юноша—гусаръ ли онъ, студентъ ли онъ, или, просто, только-что начавшій жизненное поприще—и, Боже! чего бы не проснулось, не зашевелилось, не заговорило въ немъ! Долго бы стоялъ онъ безчувственно на одномъ мѣстѣ, вперивши безсмысленно очи въ даль, позабывъ и дорогу, и всѣ ожидающіе впереди выговоры и распеканья за промедленіе, позабывъ и себя, и службу, и міръ, и все, что̀ ни есть въ мірѣ.

Но герой нашъ уже былъ среднихъ лѣтъ и осмотрительно-охлажденнаго характера. Онъ тоже задумался и думалъ, но положительнѣе: не такъ безотчетны и даже отчасти очень основательны были его мысли. «Славная бабёшка!» сказалъ онъ, открывши табакерку и понюхавши табаку. «Но вѣдь что̀, главное, въ ней хорошо?—Хорошо то, что она сейчасъ только, какъ видно, выпущена изъ какого-нибудь пансіона или института; что въ ней, какъ говорится, нѣтъ еще

ничего бабьяго, то-есть именно того, что у нихъ есть самаго непріятнаго. Она теперь, какъ дитя; все въ ней просто: она скажетъ, что̀ ей вздумается, засмѣется, гдѣ захочетъ засмѣяться. Изъ нея все можно сдѣлать, она можетъ быть чудо, а можетъ выдти и дрянь,—и выйдетъ дрянь! Вотъ пусть-ка только за нее примутся теперь маменьки и тетушки. Въ одинъ годъ такъ ее наполнятъ всякимъ бабьемъ, что самъ родной отецъ не узнаетъ. Откуда возьмется и надутость, и чопорность; станетъ ворочаться по вытверженнымъ наставленіямъ, станетъ ломать голову и придумывать, съ кѣмъ и какъ, и сколько нужно говорить, какъ на кого смотрѣть; всякую минуту будетъ бояться, чтобы не сказать больше, чѣмъ нужно; запутается наконецъ сама, и кончится тѣмъ, что станетъ наконецъ врать всю жизнь, и выйдетъ, просто, чортъ знаетъ что̀!» Здѣсь онъ нѣсколько времени помолчалъ и потомъ прибавилъ: «А любопытно бы знать, чьихъ она? что̀, какъ ея отецъ? богатый ли помѣщикъ почтеннаго нрава или, просто, благомыслящій человѣкъ, съ капиталомъ, пріобрѣтеннымъ на службѣ? Вѣдь, если, положимъ, этой дѣвушкѣ да придать тысячонокъ двѣсти приданаго, изъ нея бы могъ выдти очень, очень лакомый кусочекъ. Это бы могло составить, такъ сказать, счастье порядочнаго человѣка». Двѣсти тысячонокъ такъ привлекательно стали рисоваться въ головѣ его, что онъ внутренно началъ досадовать на самого себя, зачѣмъ, въ продолженіе хлопотни около экипажей, не развѣдалъ отъ форейтора или кучера, кто такія были проѣзжающія. Скоро, однакожъ, показавшаяся деревня Собакевича разсѣяла его мысли и заставила ихъ обратиться къ своему постоянному предмету.

Деревня показалась ему довольно велика; два лѣса, березовый и сосновый, какъ два крыла—одно темнѣе, другое свѣтлѣе, были у ней справа и слѣва; посреди виднѣлся деревянный домъ съ мезониномъ, красной крышей и темносѣрыми или, лучше, дикими стѣнами,—домъ въ родѣ тѣхъ, какіе у насъ строятъ для военныхъ поселеній и нѣмецкихъ колонистовъ. Было замѣтно, что при постройкѣ его зодчій

безпрестанно боролся со вкусомъ хозяина. Зодчій былъ педантъ и хотѣлъ симметріи, хозяинъ—удобства и, какъ видно, вслѣдствіе того, заколотилъ на одной сторонѣ всѣ отвѣчающія окна и провертѣлъ на мѣсто ихъ одно маленькое, вѣроятно, понадобившееся для темнаго чулана. Фронтонъ тоже никакъ не пришелся посреди дома, какъ ни бился архитекторъ, потому что хозяинъ приказалъ одну колонну сбоку выкинуть, и оттого очутилось не четыре колонны, какъ было назначено, а только три. Дворъ окруженъ былъ крѣпкою и непомѣрно толстою деревянною рѣшеткой. Помѣщикъ, казалось, хлопоталъ много о прочности. На конюшни, сараи и кухни были употреблены полновѣсныя и толстыя бревна, опредѣленныя на вѣковое стояніе. Деревенскія избы мужиковъ тожъ срублены были на диво: не было кирченыхъ стѣнъ, рѣзныхъ узоровъ и прочихъ затѣй, но все было пригнано плотно и какъ слѣдуетъ. Даже колодецъ былъ обдѣланъ въ такой крѣпкій дубъ, какой идетъ только на мельницы да на корабли. Словомъ, все, на что̀ ни глядѣлъ онъ, было упористо, безъ пошатки, въ какомъ-то крѣпкомъ и неуклюжемъ порядкѣ. Подъѣзжая къ крыльцу, замѣтилъ онъ выглянувшія изъ окна, почти въ одно время, два лица: женское, въ чепцѣ, узкое, длинное, какъ огурецъ, и мужское—круглое, широкое, какъ молдаванскія тыквы, называемыя горлянками, изъ которыхъ дѣлаютъ на Руси балалайки, двухструнныя, легкія балалайки, красу и потѣху ухватливаго двадцатилѣтняго парня, мигача и щеголя, и подмигивающаго, и посвистывающаго на бѣлогрудыхъ и бѣлошейныхъ дѣвицъ, собравшихся послушать его тихоструннаго треньканья. Выглянувши, оба лица въ ту же минуту спрятались. На крыльцо вышелъ лакей, въ сѣрой курткѣ съ голубымъ стоячимъ воротникомъ, и ввелъ Чичикова въ сѣни, куда вышелъ уже самъ хозяинъ. Увидѣвъ гостя, онъ сказалъ отрывисто: «Прошу!» и повелъ его во внутреннія жилья.

Когда Чичиковъ взглянулъ искоса на Собакевича, онъ ему на этотъ разъ показался весьма похожимъ на средней

величины медвѣдя. Для довершенія сходства, фракъ на немъ былъ совершенно медвѣжьяго цвѣта, рукава длинны, панталоны длинны, ступнями ступалъ онъ и вкривь, и вкось и наступалъ безпрестанно на чужія ноги. Цвѣтъ лица имѣлъ каленый, горячій, какой бываетъ на мѣдномъ пятакѣ. Извѣстно, что есть много на свѣтѣ такихъ лицъ, надъ отдѣлкою которыхъ натура не долго мудрила, не употребляла никакихъ мелкихъ инструментовъ, какъ-то: напильниковъ, буравчиковъ и прочаго, но просто рубила со всего плеча: хватила топоромъ разъ—вышелъ носъ, хватила въ другой—вышли губы, большимъ сверломъ ковырнула глаза и, не обскобливши, пустила на свѣтъ, сказавши: «живетъ!» Такой же самый крѣпкій и на диво стаченный образъ былъ у Собакевича: держалъ онъ его болѣе внизъ, чѣмъ вверхъ, шеей не ворочалъ вовсе и, въ силу такого неповорота, рѣдко глядѣлъ на того, съ которымъ говорилъ, но всегда или на уголъ печки, или на дверь. Чичиковъ еще разъ взглянулъ на него искоса, когда проходили они столовую: медвѣдь! совершенный медвѣдь! Нужно же такое странное сближеніе: его даже звали Михайломъ Семеновичемъ. Зная привычку его наступать на ноги, онъ очень осторожно передвигалъ своими и давалъ ему дорогу впередъ. Хозяинъ, казалось, самъ чувствовалъ за собою этотъ грѣхъ и тотъ же часъ спросилъ: «Не побезпокоилъ ли я васъ?» Но Чичиковъ поблагодарилъ, сказавъ, что еще не произошло никакого безпокойства.

Вошедъ въ гостиную, Собакевичъ показалъ на кресла, сказавши опять: «прошу!» Садясь, Чичиковъ взглянулъ на стѣны и на висѣвшія на нихъ картины. На картинахъ все были молодцы, все греческіе полководцы, гравированные во весь ростъ: Маврокордато въ красныхъ панталонахъ и мундирѣ, съ очками на носу, Міаули, Канари. Всѣ эти герои были съ такими толстыми ляжками и неслыханными усами, что дрожь проходила по тѣлу. Между крѣпкими греками, неизвѣстно, какимъ образомъ и для чего, помѣстился Багратіонъ, тощій, худенькій, съ маленькими знаменами и

пушками внизу и въ самыхъ узенькихъ рамкахъ. Потомъ опять слѣдовала героиня греческая Бобелина, которой одна нога казалась больше всего туловища тѣхъ щеголей, которые наполняютъ нынѣшнія гостиныя. Хозяинъ, будучи самъ человѣкъ здоровый и крѣпкій, казалось, хотѣлъ, чтобы и комнату его украшали тоже люди крѣпкіе и здоровые. Возлѣ Бобелины, у самаго окна, висѣла клѣтка, изъ которой глядѣлъ дроздъ темнаго цвѣта съ бѣлыми крапинками, очень похожій тоже на Собакевича. Гость и хозяинъ не успѣли помолчать двухъ минутъ, какъ дверь въ гостиной отворилась и вошла хозяйка, дама весьма высокая, въ чепцѣ съ лентами, перекрашенными домашнею краскою. Вошла она степенно, держа голову прямо, какъ пальма.

«Это моя Ѳеодулія Ивановна», сказалъ Собакевичъ.

Чичиковъ подошелъ къ ручкѣ Ѳеодуліи Ивановны, которую она почти впихнула ему въ губы, при чемъ онъ имѣлъ случай замѣтить, что руки были вымыты огуречнымъ разсоломъ.

«Душенька, рекомендую тебѣ», продолжалъ Собакевичъ:— «Павелъ Ивановичъ Чичиковъ! У губернатора и почтмейстера имѣлъ честь познакомиться».

Ѳеодулія Ивановна попросила садиться, сказавши тоже: «Прошу!» и сдѣлавъ движеніе головою, подобно актрисамъ, представляющимъ королевъ. Затѣмъ она усѣлась на диванѣ, накрылась своимъ мериносовымъ платкомъ и уже не двигнула болѣе ни глазомъ, ни бровью.

Чичиковъ опять поднялъ глаза вверхъ и опять увидѣлъ Канари съ толстыми ляжками и нескончаемыми усами, Бобелину и дрозда въ клѣткѣ.

Почти въ теченіе цѣлыхъ пяти минутъ всѣ хранили молчаніе; раздавался только стукъ, производимый носомъ дрозда о дерево деревянной клѣтки, на днѣ которой удилъ онъ хлѣбныя зернышки. Чичиковъ еще разъ окинулъ комнату и все, что́ въ ней ни было: все было прочно, неуклюже въ высочайшей степени и имѣло какое-то странное сходство съ самимъ хозяиномъ дома. Въ углу гостиной стояло пузатое

орѣховое бюро на пренелѣпыхъ четырехъ ногахъ — совершенный медвѣдь. Столъ, кресла, стулья — все было самаго тяжелаго и безпокойнаго свойства; словомъ, каждый предметъ, каждый стулъ, казалось, говорилъ: «И я тоже Собакевичъ!» или: «И я тоже очень похожъ на Собакевича!»

«Мы объ васъ вспоминали у предсѣдателя палаты, у Ивана Григорьевича», сказалъ, наконецъ, Чичиковъ, видя, что никто не располагается начинать разговора: «въ прошедшій четвергъ. Очень пріятно провели тамъ время».

«Да, я не былъ тогда у предсѣдателя», отвѣчалъ Собакевичъ.

«А прекрасный человѣкъ!»

«Кто такой?» сказалъ Собакевичъ, глядя на уголъ печи.

«Предсѣдатель».

«Ну, можетъ-быть, это вамъ такъ показалось: онъ только что массонъ, а такой дуракъ, какого свѣтъ не производилъ».

Чичиковъ немного озадачился такимъ, отчасти рѣзкимъ, опредѣленіемъ, но потомъ, поправившись, продолжалъ: «Конечно, всякій человѣкъ не безъ слабостей, но зато губернаторъ — какой превосходный человѣкъ!»

«Губернаторъ превосходный человѣкъ?»

«Да, не правда ли?»

«Первый разбойникъ въ мірѣ!»

«Какъ, губернаторъ разбойникъ!» сказалъ Чичиковъ, и совершенно не могъ понять, какъ губернаторъ могъ попасть въ разбойники. «Признаюсь, этого я бы никакъ не подумалъ», продолжалъ онъ. «Но позвольте, однакоже, замѣтить: поступки его совершенно не такіе; напротивъ, скорѣе даже мягкости въ немъ много». Тутъ онъ привелъ въ доказательство даже кошельки, вышитые его собственными руками, и отозвался съ похвалою объ ласковомъ выраженіи лица его.

«И лицо разбойничье!» сказалъ Собакевичъ. «Дайте ему только ножъ, да выпустите его на большую дорогу, — зарѣжетъ, за копѣйку зарѣжетъ! Онъ да еще вице-губернаторъ — это Гога и Магога».

«Нѣтъ, онъ съ ними не въ ладахъ», подумалъ про себя

Чичиковъ. «А вотъ заговорю я съ нимъ объ полицеймейстерѣ: онъ, кажется, другъ его».—«Впрочемъ, что до меня», сказалъ онъ: «мнѣ, признаюсь, болѣе всѣхъ нравится полицеймейстеръ. Какой-то этакой характеръ прямой, открытый; въ лицѣ видно что-то простосердечное».

«Мошенникъ!» сказалъ Собакевичъ очень хладнокровно: «продастъ, обманетъ, еще и пообѣдаетъ съ вами. Я ихъ знаю всѣхъ: это все мошенники; весь городъ тамъ такой: мошенникъ на мошенникѣ сидитъ и мошенникомъ погоняетъ. Всѣ христопродавцы. Одинъ тамъ только и есть порядочный человѣкъ — прокуроръ, да и тотъ, если сказать правду, свинья».

Послѣ такихъ похвальныхъ, хотя нѣсколько краткихъ біографій, Чичиковъ увидѣлъ, что о другихъ чиновникахъ нечего упоминать, и вспомнилъ, что Собакевичъ не любилъ ни о комъ хорошо отзываться.

«Что́-жъ, душенька, пойдемъ обѣдать», сказала Собакевичу его супруга.

«Прошу!» сказалъ Собакевичъ. За симъ, подошедши къ столу, гдѣ была закуска, гость и хозяинъ выпили, какъ слѣдуетъ, по рюмкѣ водки; закусили, какъ закусываетъ вся пространная Россія по городамъ и деревнямъ, то-есть, всякими соленостями и иными возбуждающими благодатями, и потекли всѣ въ столовую; впереди ихъ, какъ плавный гусь, понеслась хозяйка. Небольшой столъ былъ накрытъ на четыре прибора. На четвертое мѣсто явилась очень скоро — трудно сказать утвердительно, кто такая, дама или дѣвица, родственница, домоводка, или, просто, проживающая въ домѣ,—что-то безъ чепца, около тридцати лѣтъ, въ пестромъ платкѣ. Есть лица, которыя существуютъ на свѣтѣ не какъ предметъ, а какъ постороннія крапинки или пятнышки на предметѣ. Сидятъ они на томъ же мѣстѣ, одинаково держатъ голову, ихъ почти готовъ принять за мебель и думаешь, что отъ роду еще не выходило слово изъ такихъ устъ; а гдѣ-нибудь въ дѣвичьей или въ кладовой окажется просто — ого-го!

«Щи, моя душа, сегодня очень хороши,» сказалъ Собакевичъ, хлебнувши щей и отваливши себѣ съ блюда огромный кусокъ няни, извѣстнаго блюда, которое подается къ щамъ и состоитъ изъ бараньяго желудка, начиненнаго гречневой кашей, мозгомъ и ножками. «Этакой няни», — продолжалъ онъ, обратившись къ Чичикову, — «вы не будете ѣсть въ городѣ: тамъ вамъ чортъ знаетъ что́ подадутъ!»

«У губернатора, однакожъ, недуренъ столъ», сказалъ Чичиковъ.

«Да знаете ли, изъ чего это все готовится? Вы ѣсть не станете, когда узнаете».

«Не знаю, какъ приготовляется, объ этомъ я не могу судить; но свиныя котлеты и разварная рыба были превосходны».

«Это вамъ такъ показалось. Вѣдь я знаю, что̀ они на рынкѣ покупаютъ. Купитъ вонъ тотъ каналья-поваръ, что̀ выучился у француза, кота, обдеретъ его да и подаетъ на столъ вмѣсто зайца».

«Фу, какую ты непріятность говоришь!» сказала супруга Собакевича.

«А что̀-жъ, душенька! такъ у нихъ дѣлается; я не виноватъ, такъ у нихъ у всѣхъ дѣлается. Все, что̀ ни есть ненужнаго, что̀ Акулька у насъ бросаетъ, съ позволенія сказать, въ помойную лохань, они его въ супъ, да въ супъ! туда его!»

«Ты за столомъ всегда этакое разскажешь,» возразила опять супруга Собакевича.

«Что-жъ, душа моя», сказалъ Собакевичъ: «если-бъ я самъ это дѣлалъ, но я тебѣ прямо въ глаза скажу, что я гадостей не стану ѣсть. Мнѣ лягушку хоть сахаромъ облѣпи, не возьму ея въ ротъ, и устрицы тоже не возьму: я знаю, на что̀ устрица похожа. Возьмите барана», продолжалъ онъ, обращаясь къ Чичикову: «это бараній бокъ съ кашей. Это не тѣ фрикасе, что̀ дѣлаются на барскихъ кухняхъ изъ баранины, какая сутокъ по четыре на рынкѣ валяется. Это все выдумали доктора нѣмцы да французы; я

бы ихъ перевѣшалъ за это. Выдумали діэту—лѣчить голодомъ! Что у нихъ нѣмецкая жидкокостная натура, такъ они воображаютъ, что и съ русскимъ желудкомъ сладятъ! Нѣтъ, это все не то, это все выдумки, это все...» Здѣсь Собакевичъ даже сердито покачалъ головою. «Толкуютъ—просвѣщенье, просвѣщенье, а это просвѣщенье.... фукъ! Сказалъ бы и другое слово, да вотъ только что за столомъ неприлично. У меня не такъ. У меня, когда свинина — всю свинью давай на столъ, баранина—всего барана тащи, гусь—всего гуся! Лучше я съѣмъ двухъ блюдъ, да съѣмъ въ мѣру, какъ душа требуетъ». Собакевичъ подтвердилъ это дѣломъ: онъ опрокинулъ половину бараньяго бока къ себѣ на тарелку, съѣлъ все, обгрызъ, обсосалъ до послѣдней косточки.

«Да»,—подумалъ Чичиковъ,—«у этого губа не дура».

«У меня не такъ», говорилъ Собакевичъ, вытирая салфеткою руки: «у меня не такъ, какъ у какого-нибудь Плюшкина: 800 душъ имѣетъ, а живетъ и обѣдаетъ хуже моего пастуха».

«Кто такой этотъ Плюшкинъ?» спросилъ Чичиковъ.

«Мошенникъ», отвѣчалъ Собакевичъ. «Такой скряга, какого вообразить трудно. Въ тюрьмѣ колодники лучше живутъ, чѣмъ онъ: всѣхъ людей переморилъ голодомъ».

«Вправду?» подхватилъ съ участіемъ Чичиковъ: «и вы говорите, что у него, точно, люди умираютъ въ большомъ количествѣ?»

«Какъ мухи мрутъ».

«Неужели, какъ мухи? А позвольте спросить: какъ далеко живетъ онъ отъ васъ?»

«Въ пяти верстахъ».

«Въ пяти верстахъ!» воскликнулъ Чичиковъ и даже почувствовалъ небольшое сердечное біеніе. «Но если выѣхать изъ вашихъ воротъ, это будетъ направо или налѣво?»

«Я вамъ даже не совѣтую дороги знать къ этой собакѣ!» сказалъ Собакевичъ. «Извинительнѣй сходить въ какое-нибудь непристойное мѣсто, чѣмъ къ нему».

«Нѣтъ, я спросилъ не для какихъ-либо... а потому только, что интересуюсь познаніемъ всякаго рода мѣстъ», отвѣчалъ на это Чичиковъ.

За бараньимъ бокомъ послѣдовали вотрушки, изъ которыхъ каждая была гораздо больше тарелки, потомъ индюкъ ростомъ въ теленка, набитый всякимъ добромъ: яйцами, рисомъ, печенками и ни вѣсть чѣмъ, что̀ все ложилось комомъ въ желудкѣ. Этимъ обѣдъ и кончился; но, когда встали изъ-за стола, Чичиковъ почувствовалъ въ себѣ тяжести на цѣлый пудъ больше. Пошли въ гостиную, гдѣ уже очутилось на блюдечкѣ варенье,—ни груша, ни слива, ни иная ягода, — до котораго, впрочемъ, не дотронулись ни гость, ни хозяинъ. Хозяйка вышла съ тѣмъ, чтобы накласть его и на другія блюдечки. Воспользовавшись ея отсутствіемъ, Чичиковъ обратился къ Собакевичу, который, лежа въ креслахъ, только покряхтывалъ послѣ такого сытнаго обѣда и издавалъ ртомъ какіе-то невнятные звуки, крестясь и закрывая поминутно его рукою. Чичиковъ обратился къ нему съ такими словами: «Я хотѣлъ было поговорить съ вами объ одномъ дѣльцѣ».

«Вотъ еще варенье», сказала хозяйка, возвращаясь съ блюдечкомъ: «рѣдька, вареная въ меду!»

«А вотъ мы его послѣ!» сказалъ Собакевичъ. «Ты ступай теперь въ свою комнату, мы съ Павломъ Ивановичемъ скинемъ фраки, маленько пріотдохнемъ!»

Хозяйка уже изъявила было готовность послать за пуховиками и подушками, но хозяинъ сказалъ: «Ничего, мы отдохнемъ въ креслахъ», и хозяйка ушла.

Собакевичъ слегка принагнулъ голову, приготовляясь слышать, въ чемъ было дѣльцо.

Чичиковъ началъ какъ-то очень отдаленно, коснулся вообще всего русскаго государства, и отозвался съ большою похвалою объ его пространствѣ, сказалъ, что даже самая древняя римская монархія не была такъ велика, и иностранцы справедливо удивляются... (Собакевичъ все слушалъ, наклонивши голову) и что по существующимъ поло-

женіямъ этого государства, въ славѣ которому нѣтъ равнаго, ревизскія души, окончивши жизненное поприще, числятся, однакожъ, до подачи новой ревизской сказки, наравнѣ съ живыми, чтобъ такимъ образомъ не обременить присутственныя мѣста множествомъ мелочныхъ и безполезныхъ справокъ и не увеличить сложность, и безъ того уже весьма сложнаго, государственнаго механизма... (Собакевичъ все слушалъ, наклонивши голову) и что однакоже, при всей справедливости этой мѣры, она бываетъ отчасти тягостна для многихъ владѣльцевъ, обязывая ихъ взносить подати такъ, какъ бы за живой предметъ, и что онъ, чувствуя уваженіе личное къ нему, готовъ бы даже отчасти принять на себя эту дѣйствительно тяжелую обязанность. Насчетъ главнаго предмета Чичиковъ выразился очень осторожно: никакъ не назвалъ души умершими, а только — несуществующими.

Собакевичъ слушалъ все попрежнему, нагнувши голову, и хоть бы что-нибудь, похожее на выраженіе, показалось на лицѣ его. Казалось, въ этомъ тѣлѣ совсѣмъ не было души, или она у него была, но вовсе не тамъ, гдѣ слѣдуетъ, а, какъ у безсмертнаго Кощея, гдѣ-то за горами и закрыта такою толстою скорлупою, что все, что̀ ни ворочалось на днѣ ея, не производило рѣшительно никакого потрясенія на поверхности.

«Итакъ?..» сказалъ Чичиковъ, ожидая, не безъ нѣкотораго волненія, отвѣта.

«Вамъ нужно мертвыхъ душъ?» спросилъ Собакевичъ очень просто, безъ малѣйшаго удивленія, какъ бы рѣчь шла о хлѣбѣ.

«Да», отвѣчалъ Чичиковъ и опять смягчилъ выраженіе, прибавивши: «несуществующихъ».

«Найдутся; почему не быть...» сказалъ Собакевичъ.

«А если найдутся, то вамъ, безъ сомнѣнія... будетъ пріятно отъ нихъ избавиться?»

«Извольте, я готовъ продать», сказалъ Собакевичъ, уже нѣсколько приподнявши голову и смекнувши, что покуп-

щикъ, вѣрно, долженъ имѣть здѣсь какую-нибудь выгоду.

«Чортъ возьми!» подумалъ Чичиковъ про себя: «этотъ ужъ продаетъ прежде, чѣмъ я заикнулся!» И проговорилъ вслухъ: «А, напримѣръ, какъ же цѣна? хотя, впрочемъ, это такой предметъ... что о цѣнѣ даже странно...»

«Да чтобы не запрашивать съ васъ лишняго, по сту рублей за штуку», сказалъ Собакевичъ.

«По сту!» вскричалъ Чичиковъ, разинувъ ротъ и поглядѣвши ему въ самые глаза, не зная, самъ ли онъ ослышался, или языкъ Собакевича, по своей тяжелой натурѣ, не такъ поворотившись, брякнулъ, вмѣсто одного, другое слово.

«Что̀-жъ, развѣ это для васъ дорого?» произнесъ Собакевичъ, и потомъ прибавилъ: «А какая бы, однакожъ, ваша цѣна?»

«Моя цѣна! Мы, вѣрно, какъ-нибудь ошиблись или не понимаемъ другъ друга, позабыли, въ чемъ состоитъ предметъ. Я полагаю съ своей стороны, положа руку на сердце: по восьми гривенъ за душу—это самая красная цѣна!»

«Экъ куда хватили—по восьми гривенокъ!»

«Что̀-жъ, по моему сужденію, какъ я думаю, больше нельзя».

«Вѣдь я продаю не лапти».

«Однакожъ, согласитесь сами, вѣдь это тоже и не люди».

«Такъ вы думаете, сыщете такого дурака, который бы вамъ продалъ по двугривенному ревизскую душу?»

«Но позвольте: зачѣмъ вы ихъ называете ревизскими? Вѣдь души-то самыя давно уже умерли, остался одинъ неосязаемый чувствами звукъ. Впрочемъ, чтобы не входить въ дальнѣйшіе разговоры по этой части, по полтора рубля, извольте, дамъ, а больше не могу».

«Стыдно вамъ и говорить такую сумму! Вы торгуйтесь, говорите настоящую цѣну!»

«Не могу, Михаилъ Семеновичъ; повѣрьте моей совѣсти, не могу: чего ужъ невозможно сдѣлать, того никакъ невоз-

можно сдѣлать», говорилъ Чичиковъ, однакожъ по полтинкѣ еще прибавилъ.

«Да чего вы скупитесь?» сказалъ Собакевичъ: «право, не дорого! Другой мошенникъ обманетъ васъ, продастъ вамъ дрянь, а не души; а у меня, что ядреный орѣхъ, всѣ на отборъ: не мастеровой, такъ иной какой-нибудь здоровый мужикъ. Вы разсмотрите: вотъ, напримѣръ, каретникъ Михѣевъ! вѣдь больше никакихъ экипажей и не дѣлалъ, какъ только рессорные. И не то, какъ бываетъ московская работа, что на одинъ часъ: прочность такая... самъ и обобьетъ, и лакомъ покроетъ!»

Чичиковъ открылъ ротъ съ тѣмъ, чтобы замѣтить, что Михѣева, однакоже, давно нѣтъ на свѣтѣ; но Собакевичъ вошелъ, какъ говорится, въ самую силу рѣчи: откуда взялась рысь и даръ слова.

«А Пробка Степанъ, плотникъ? Я голову прозакладую, если вы гдѣ сыщете такого мужика. Вѣдь что за силища была! Служи онъ въ гвардіи — ему бы, Богъ знаетъ, что́ дали: трехъ аршинъ съ вершкомъ ростомъ!»

Чичиковъ опять хотѣлъ замѣтить, что и Пробки нѣтъ на свѣтѣ; но Собакевича, какъ видно, пронесло: полились такіе потоки рѣчей, что только нужно было слушать.

«Милушкинъ, кирпичникъ! могъ поставить печь въ какомъ угодно домѣ. Максимъ Телятниковъ, сапожникъ: что шиломъ кольнетъ, то и сапоги; что сапоги, то и спасибо, и хоть бы въ ротъ хмельного. А Еремѣй Сорокоплёхинъ! Да этотъ мужикъ одинъ станетъ за всѣхъ: въ Москвѣ торговалъ, одного оброку приносилъ по пятисотъ рублей. Вѣдь вотъ какой народъ! Это не то, что́ вамъ продастъ какой-нибудь Плюшкинъ».

«Но, позвольте», сказалъ наконецъ Чичиковъ, изумленный такимъ обильнымъ наводненіемъ рѣчей, которымъ, казалось, и конца не было: «зачѣмъ вы исчисляете всѣ ихъ качества? Вѣдь въ нихъ толку теперь нѣтъ никакого, вѣдь это все народъ мертвый. Мертвымъ тѣломъ хоть заборъ подпирай, говоритъ пословица».

«Да, конечно, мертвые», сказалъ Собакевичъ, какъ бы одумавшись и припомнивъ, что они въ самомъ дѣлѣ были уже мертвые; а потомъ прибавилъ: «впрочемъ и то сказать: чтó изъ этихъ людей, которые числятся теперь живущими? Чтó это за люди?—мухи, а не люди».

«Да все же они существуютъ, а это вѣдь мечта».

«Ну, нѣтъ, не мечта! Я вамъ доложу, каковъ былъ Михѣевъ, такъ вы такихъ людей не сыщете: машинища такая, что въ эту комнату не войдетъ: нѣтъ, это не мечта! А въ плечищахъ у него была такая силища, какой нѣтъ у лошади. Хотѣлъ бы я знать, гдѣ бы вы въ другомъ мѣстѣ нашли такую мечту!» Послѣднія слова онъ уже сказалъ, обратившись къ висѣвшимъ на стѣнѣ портретамъ Багратіона и Колокотрони, какъ обыкновенно случается съ разговаривающими, когда одинъ изъ нихъ вдругъ, неизвѣстно почему, обратится не къ тому лицу, къ которому относятся слова, а къ какому-нибудь нечаянно пришедшему третьему, даже вовсе незнакомому, отъ котораго, знаетъ, что не услышитъ ни отвѣта, ни мнѣнія, ни подтвержденія, но на котораго, однакожъ, такъ устремитъ взглядъ, какъ будто призываетъ его въ посредники: и нѣсколько смѣшавшійся въ первую минуту незнакомецъ не знаетъ, отвѣчать ли ему на то дѣло, о которомъ ничего не слышалъ, или такъ постоять, соблюдши надлежащее приличіе, и потомъ уже уйти прочь.

«Нѣтъ, больше двухъ рублей я не могу дать», сказалъ Чичиковъ.

«Извольте, чтобъ не претендовали на меня, что дорого запрашиваю и не хочу сдѣлать вамъ никакого одолженія, извольте—по семидесяти пяти рублей за душу, только ассигнаціями—право, только для знакомства!»

«Чтó онъ въ самомъ дѣлѣ», подумалъ про себя Чичиковъ: «за дурака, что ли, принимаетъ меня?» и прибавилъ потомъ вслухъ: «Мнѣ странно, право: кажется, между нами происходитъ какое-то театральное представленіе, или комедія: иначе я не могу себѣ объяснить... Вы, кажется, человѣкъ довольно умный, владѣете свѣдѣніями образованности. Вѣдь

предметъ просто—фу, фу! Что́-жъ онъ сто́итъ? кому нуженъ?»

«Да, вотъ, вы же покупаете; стало-быть, нуженъ».

Здѣсь Чичиковъ закусилъ губу и не нашелся, что отвѣчать. Онъ сталъ было говорить про какія-то обстоятельства фамильныя и семейственныя, но Собакевичъ отвѣчалъ просто: «Мнѣ не нужно знать, какія у васъ отношенія: я въ дѣла фамильныя не мѣшаюсь,—это ваше дѣло. Вамъ понадобились души, я и продаю вамъ, и будете раскаиваться, что не купили».

«Два рублика», сказалъ Чичиковъ.

«Экъ, право! *Затвердила сорока Якова — одно про всякаго*, какъ говоритъ пословица: какъ наладили на два, такъ не хотите съ нихъ и съѣхать. Вы давайте настоящую цѣну!»

«Ну, ужъ чортъ его побери!» подумалъ про себя Чичиковъ: «по полтинѣ ему прибавлю, собакѣ, на орѣхи!»— «Извольте, по полтинѣ прибавлю».

«Ну, извольте, и я вамъ скажу тоже мое послѣднее слово: пятьдесятъ рублей! Право, убытокъ себѣ, дешевле нигдѣ не купите такого хорошаго народа!»

«Экой кулакъ!» сказалъ про себя Чичиковъ, и потомъ продолжалъ вслухъ съ нѣкоторою досадою: «Да что̀ въ самомъ дѣлѣ?... Какъ будто точно серьезное дѣло! Да я въ другомъ мѣстѣ нипочемъ возьму. Еще мнѣ всякій съ охотой сбудетъ ихъ, чтобы только поскорѣй избавиться отъ нихъ. Дуракъ развѣ станетъ держать ихъ при себѣ и платить за нихъ подати!»

«Но знаете ли, что такого рода покупки,—я это говорю между нами, по дружбѣ,—не всегда позволительны, и разскажи я, или кто иной — такому человѣку не будетъ никакой довѣренности относительно контрактовъ или вступленія въ какія-нибудь выгодныя обязательства».

«Вишь, куда мѣтитъ, подлецъ!» подумалъ Чичиковъ, и тутъ же произнесъ съ самымъ хладнокровнымъ видомъ: «Какъ вы себѣ хотите, я покупаю не для какой-либо надобности, какъ вы думаете, а такъ... по наклонности собственныхъ мыслей. Два съ полтиною не хотите — прощайте!»

«Его не собьешь, не податливъ!» подумалъ Собакевичъ. «Ну, Богъ съ вами, давайте по тридцати и берите ихъ себѣ!»

«Нѣтъ, я вижу, вы не хотите продать; прощайте!»

«Позвольте, позвольте!» сказалъ Собакевичъ, не выпуская его руки и наступивъ ему на ногу, ибо герой нашъ позабылъ поберечься, въ наказанье за что̀ долженъ былъ зашипѣть и подскочить на одной ногѣ.

«Прошу прощенья! Я, кажется, васъ побезпокоилъ. Пожалуйте, садитесь сюда! Прошу!» Здѣсь онъ усадилъ его въ кресла съ нѣкоторою даже ловкостію, какъ такой медвѣдь, который уже побывалъ въ рукахъ, умѣетъ и перевертываться, и дѣлать разныя штуки на вопросы: «А покажи, Миша, какъ бабы парятся?» или: «А какъ, Миша, малые ребята горохъ крадутъ?»

«Право, я напрасно время трачу; мнѣ нужно спѣшить».

«Посидите одну минуточку, я вамъ сейчасъ скажу одно пріятное для васъ слово». Тутъ Собакевичъ подсѣлъ поближе и сказалъ ему тихо на ухо, какъ будто секретъ: «Хотите—уголъ?»

«То-есть, двадцать пять рублей? Ни, ни, ни! Даже четверти угла не дамъ, копѣйки не прибавлю».

Собакевичъ замолчалъ, Чичиковъ тоже замолчалъ. Минуты двѣ длилось молчаніе. Багратіонъ съ орлинымъ носомъ глядѣлъ со стѣны чрезвычайно внимательно на эту покупку.

«Какая-жъ ваша будетъ послѣдняя цѣна?» сказалъ наконецъ Собакевичъ.

«Два съ полтиною».

«Право, у васъ душа человѣческая все равно, что̀ пареная рѣпа. Ужъ хоть по три рубля дайте!»

«Не могу».

«Ну, нечего съ вами дѣлать, извольте! Убытокъ, да ужъ нравъ такой собачій: не могу не доставить удовольствія ближнему. Вѣдь, я чай, нужно и купчую совершить, чтобъ все было въ порядкѣ?»

«Разумѣется».

«Ну, вотъ то-то же; нужно будетъ ѣхать въ городъ».

Такъ совершилось дѣло. Оба рѣшили, чтобы завтра же быть въ городѣ и управиться съ купчей крѣпостью. Чичиковъ попросилъ списочка крестьянъ. Собакевичъ согласился охотно и тутъ же, подошедъ къ бюро, собственноручно принялся выписывать всѣхъ не только поименно, но даже съ означеніемъ похвальныхъ качествъ.

А Чичиковъ, отъ нечего дѣлать, занялся, находясь позади, разсматриваньемъ всего просторнаго его оклада. Какъ взглянулъ онъ на его спину, широкую, какъ у вятскихъ приземистыхъ лошадей, и на ноги его, походившія на чугунныя тумбы, которыя ставятъ на тротуарахъ, не могъ не воскликнуть внутренно: «Экъ наградилъ-то тебя Богъ! Вотъ ужъ, точно, какъ говорятъ, не ладно скроенъ, да крѣпко сшитъ!.. Родился ли ты ужъ такъ медвѣдемъ, или омедвѣдила тебя захолустная жизнь, хлѣбные посѣвы, возня съ мужиками, и ты чрезъ нихъ сдѣлался то, что̀ называютъ человѣкъ-кулакъ? Но нѣтъ: я думаю, ты все былъ бы тотъ же, хотя бы даже воспитали тебя по модѣ, пустили бы въ ходъ, и жилъ бы ты въ Петербургѣ, а не въ захолустьи. Вся разница въ томъ, что теперь ты упишешь полъ бараньяго бока съ кашей, закусивши ватрушкою въ тарелку, а тогда бы ты ѣлъ какія-нибудь котлетки съ трюфелями. Да вотъ теперь у тебя подъ властью мужики: ты съ ними въ ладу и, конечно, ихъ не обидишь, потому что они твои— тебѣ же будетъ хуже; а тогда бы у тебя были чиновники, которыхъ бы ты сильно пощелкивалъ, смекнувши, что они не твои же крѣпостные, или грабилъ бы ты казну! Нѣтъ, кто ужъ кулакъ, тому не разогнуться въ ладонь! А разогни кулаку одинъ или два пальца—выйдетъ еще хуже. Попробуй онъ слегка верхушекъ какой-нибудь науки, дастъ онъ знать потомъ, занявши мѣсто повиднѣе, всѣмъ тѣмъ, которые въ самомъ дѣлѣ узнали какую-нибудь науку! Да еще, пожалуй, скажетъ потомъ: «Дай-ка, себя покажу!» Да такое выдумаетъ мудрое постановленіе, что многимъ придется солоно... Эхъ, если бы всѣ кулаки!»...

«Готова записка!» сказалъ Собакевичъ, оборотившись.

«Готова? Пожалуйте ее сюда!» Онъ пробѣжалъ ее глазами и подивился аккуратности и точности: не только было обстоятельно прописано ремесло, званіе, лѣта и семейное состояніе, но даже на поляхъ находились особенныя отмѣтки насчетъ поведенія, трезвости,—словомъ: любо было глядѣть.

«Теперь пожалуйте же задаточекъ», сказалъ Собакевичъ.

«Къ чему же вамъ задаточекъ? Вы получите въ городѣ за однимъ разомъ всѣ деньги».

«Все, знаете, такъ ужъ водится», возразилъ Собакевичъ.

«Не знаю, какъ вамъ дать: я не взялъ съ собою денегъ. Да, вотъ, десять рублей есть».

«Что̀-жъ десять! Дайте, по крайней мѣрѣ, хоть пятьдесятъ!»

Чичиковъ сталъ было отговариваться, что нѣтъ; но Собакевичъ такъ сказалъ утвердительно, что у него есть деньги, что онъ вынулъ еще бумажку, сказавши: «Пожалуй, вотъ вамъ еще пятнадцать, итого двадцать пять. Пожалуйте только росписку».

«Да на что̀-жъ вамъ росписка?»

«Все, знаете, лучше росписку. Не ровенъ часъ... все можетъ случиться».

«Хорошо, дайте же сюда деньги».

«На что̀-жъ деньги? У меня вотъ онѣ въ рукѣ! Какъ только напишите росписку, въ ту же минуту ихъ возьмете».

«Да позвольте, какъ же мнѣ писать росписку? Прежде нужно видѣть деньги».

Чичиковъ выпустилъ изъ рукъ бумажки Собакевичу, который, приблизившись къ столу и накрывши ихъ пальцами лѣвой руки, другою написалъ на лоскуткѣ бумаги, что задатокъ двадцать пять рублей государственными ассигнаціями за проданныя души получилъ сполна. Написавши записку, онъ пересмотрѣлъ еще разъ ассигнаціи.

«Бумажка-то старенькая», произнесъ онъ, разсматривая одну изъ нихъ на свѣтѣ: «немножко разорвана: ну, да между пріятелями нечего на это глядѣть».

«Кулакъ, кулакъ!» подумалъ про себя Чичиковъ: «да еще и бестія въ придачу!»

«А женскаго пола не хотите?»

«Нѣтъ, благодарю».

«Я бы недорого и взялъ. Для знакомства, по рублику за штуку».

«Нѣтъ, въ женскомъ полѣ не нуждаюсь».

«Ну, когда не нуждаетесь, такъ нечего и говорить. На вкусы нѣтъ закона: *кто любитъ попа, а кто попадью,* говоритъ пословица».

«Еще я хотѣлъ васъ попросить, чтобы эта сдѣлка осталась между нами», говорилъ Чичиковъ, прощаясь.

«Да ужъ само собою разумѣется. Третьяго сюда нечего мѣшать: что̀ по искренности происходитъ между короткими друзьями, то должно остаться во взаимной ихъ дружбѣ. Прощайте! Благодарю, что посѣтили; прошу и впередъ не забывать; коли выберется свободный часикъ, пріѣзжайте пообѣдать, время провести. Можетъ-быть, опять случится услужить чѣмъ-нибудь другъ другу».

«Да, какъ бы не такъ!» думалъ про себя Чичиковъ, садясь въ бричку. «По два съ полтиною содралъ за мертвую душу, чортовъ кулакъ!»

Онъ былъ недоволенъ поведеніемъ Собакевича. Все-таки, какъ бы то ни было, человѣкъ знакомый, и у губернатора, и у полицеймейстера видались, а поступилъ, какъ бы совершенно чужой: за дрянь взялъ деньги! Когда бричка выѣхала со двора, онъ оглянулся назадъ и увидѣлъ, что Собакевичъ все еще стоялъ на крыльцѣ и, какъ казалось, приглядывался, желая знать, куда гость поѣдетъ.

«Подлецъ, до сихъ поръ еще стоитъ!» проговорилъ онъ сквозь зубы и велѣлъ Селифану, поворотивши къ крестьянскимъ избамъ, отъѣхать такимъ образомъ, чтобы нельзя было видѣть экипажа со стороны господскаго двора. Ему хотѣлось заѣхать къ Плюшкину, у котораго, по словамъ Собакевича, люди умирали, какъ мухи; но не хотѣлось, чтобы Собакевичъ зналъ про это. Когда бричка была уже на концѣ деревни, онъ подозвалъ къ себѣ перваго мужика, который, поднявши гдѣ-то на дорогѣ претолстое бревно, та-

щилъ его на плечѣ, подобно неутомимому муравью, къ себѣ въ избу.

«Эй, борода! а какъ проѣхать отсюда къ Плюшкину, такъ, чтобъ не мимо господскаго дома?»

Мужикъ, казалось, затруднился симъ вопросомъ.

«Что̀-жъ, не знаешь?»

«Нѣтъ, баринъ, не знаю».

«Эхъ, ты! А и сѣдымъ волосомъ еще подернуло! Скрягу Плюшкина не знаешь,—того, что̀ плохо кормитъ людей?»

«А! заплатанной, заплатанной!» вскрикнулъ мужикъ. Было имъ прибавлено и существительное къ слову *заплатанной*, очень удачное, но неупотребительное въ свѣтскомъ разговорѣ, а потому мы его пропустимъ. Впрочемъ, можно догадываться, что оно выражено было очень мѣтко, потому что Чичиковъ, хотя мужикъ давно уже пропалъ изъ виду и много уѣхали впередъ, однакожъ все еще усмѣхался, сидя въ бричкѣ. Выражается сильно россійскій народъ! И если наградитъ кого словцомъ, то пойдетъ оно ему въ родъ и потомство, утащитъ онъ его съ собою и на службу, и въ отставку, и въ Петербургъ, и на край свѣта. И какъ ужъ потомъ ни хитри и ни облагораживай свое прозвище, хоть заставь пишущихъ людишекъ выводить его за наемную плату отъ древне-княжескаго рода, ничто не поможетъ: каркнетъ само за себя прозвище во все свое воронье горло и скажетъ ясно, откуда вылетѣла птица. Произнесенное мѣтко, все равно, что писанное, не вырубливается топоромъ. А ужъ куда бываетъ мѣтко все то, что̀ вышло изъ глубины Руси, гдѣ нѣтъ ни нѣмецкихъ, ни чухонскихъ, ни всякихъ иныхъ племенъ, а все самъ-самородокъ, живой и бойкій русскій умъ, что̀ не лѣзетъ за словомъ въ карманъ, не высиживаетъ его, какъ насѣдка цыплятъ, а влѣпливаетъ сразу, какъ пашпортъ на вѣчную носку, и нечего прибавлять уже потомъ, какой у тебя носъ или губы: одной чертой обрисованъ ты съ ногъ до головы!

Какъ несмѣтное множество церквей, монастырей съ куполами, главами, крестами, разсыпано на святой благоче-

стивой Руси, такъ несмѣтное множество племенъ, поколѣній, народовъ толпится, пестрѣетъ и мечется по лицу земли. И всякій народъ, носящій въ себѣ залогъ силъ, полный творящихъ способностей души, своей яркой особенности и другихъ даровъ Бога, своеобразно отличился каждый своимъ собственнымъ словомъ, которымъ, выражая какой ни есть предметъ, отражаетъ въ выраженьи его часть собственнаго своего характера. Сердцевѣдѣніемъ и мудрымъ познаньемъ жизни отзовется слово британца; легкимъ щеголемъ блеснетъ и разлетится недолговѣчное слово француза; затѣйливо придумаетъ свое не всякому доступное, умно-худощавое слово нѣмецъ; но нѣтъ слова, которое было бы такъ замашисто, бойко, такъ вырвалось бы изъ-подъ самаго сердца, такъ бы кипѣло и животрепетало, какъ мѣтко сказанное русское слово.

ГЛАВА VI.

Прежде, давно, въ лѣта моей юности, въ лѣта невозвратно мелькнувшаго моего дѣтства, мнѣ было весело подъѣзжать въ первый разъ къ незнакомому мѣсту: все равно, была ли то деревушка, бѣдный уѣздный городишка, село ли, слободка,—любопытнаго много открывалъ въ немъ дѣтскій любопытный взглядъ. Всякое строеніе, все, что̀ носило только на себѣ напечатлѣніе какой-нибудь замѣтной особенности, все останавливало меня и поражало. Каменный ли казенный домъ извѣстной архитектуры, съ половиною фальшивыхъ оконъ, одинъ-одинёшенекъ торчавшій среди бревенчатой тесаной кучи одноэтажныхъ мѣщанскихъ обывательскихъ домиковъ; круглый ли правильный куполъ, весь обитый листовымъ бѣлымъ желѣзомъ, вознесенный надъ выбѣленною, какъ снѣгъ, новою церковью, рынокъ ли, франтъ ли уѣздный, попавшійся среди города,—ничто не ускользало отъ свѣжаго, тонкаго вниманія, и, высунувши носъ изъ походной телѣги своей, я глядѣлъ и на невиданный дотолѣ покрой какого-нибудь сюртука, и на деревян-

ные ящики съ гвоздями, съ сѣрой, желтѣвшей вдали, съ изюмомъ и мыломъ, мелькавшіе изъ дверей овощной лавки вмѣстѣ съ банками высохшихъ московскихъ конфектъ; глядѣлъ и на шедшаго въ сторонѣ пѣхотнаго офицера, занесеннаго, Богъ знаетъ, изъ какой губерніи, на уѣздную скуку, и на купца, мелькнувшаго въ сибиркѣ на бѣговыхъ дрожкахъ,—и уносился мысленно за ними въ бѣдную жизнь ихъ. Уѣздный чиновникъ пройди мимо — я уже и задумывался: куда онъ идетъ, на вечеръ ли къ какому-нибудь своему брату, или прямо къ себѣ домой, чтобы, посидѣвши съ полчаса на крыльцѣ, пока не совсѣмъ еще сгустились сумерки, сѣсть за ранній ужинъ съ матушкой, съ женой, съ сестрой жены и всей семьей; и о чемъ будетъ веденъ разговоръ у нихъ въ то время, когда дворовая дѣвка въ монистахъ или мальчикъ въ толстой курткѣ принесетъ, уже послѣ супа, сальную свѣчу въ долговѣчномъ домашнемъ подсвѣчникѣ. Подъѣзжая къ деревнѣ какого-нибудь помѣщика, я любопытно смотрѣлъ на высокую, узкую деревянную колокольню или широкую, темную деревянную старую церковь. Заманчиво мелькали мнѣ издали, сквозь древесную зелень, красная крыша и бѣлыя трубы помѣщичьяго дома, и я ждалъ нетерпѣливо, пока разойдутся на обѣ стороны заступавшіе его сады и онъ покажется весь, съ своею, тогда, увы! вовсе не пошлою наружностью, и по немъ старался я угадать: кто таковъ самъ помѣщикъ, толстъ ли онъ, и сыновья ли у него, или цѣлыхъ шестеро дочерей, съ звонкимъ дѣвическихъ смѣхомъ, играми и вѣчною красавицей меньшою сестрицею, и черноглазы ли онѣ, и весельчакъ ли онъ самъ, или хмуренъ, какъ сентябрь въ послѣднихъ числахъ, глядитъ въ календарь, да говоритъ про скучную для юности рожь и пшеницу.

Теперь равнодушно подъѣзжаю ко всякой незнакомой деревнѣ и равнодушно гляжу на ея пошлую наружность; моему охлажденному взору непріютно, мнѣ не смѣшно, и то, что̀ пробудило бы въ прежніе годы живое движеніе въ лицѣ, смѣхъ и немолчныя рѣчи, то скользитъ теперь мимо, и без-

участное молчаніе хранятъ мои недвижныя уста. О, моя юность! о, моя свѣжесть!

Покамѣстъ Чичиковъ думалъ и внутренно посмѣивался надъ прозвищемъ, отпущеннымъ мужиками Плюшкину, онъ не замѣтилъ, какъ въѣхалъ въ средину обширнаго села, со множествомъ избъ и улицъ. Скоро, однакоже, далъ замѣтить ему это препорядочный толчокъ, произведенный бревенчатою мостовою, предъ которою городская каменная была ничто. Эти бревна, какъ фортепьянныя клавиши, подымались то вверхъ, то внизъ, и необерегшійся ѣздокъ пріобрѣталъ или шишку на затылокъ, или синее пятно на лобъ, или же случалось своими собственными зубами откусить пребольно хвостикъ собственнаго же языка. Какую-то особенную ветхость замѣтилъ онъ на всѣхъ деревенскихъ строеніяхъ: бревно на избахъ было темно и старо; многія крыши сквозили, какъ рѣшето; на иныхъ оставался только конекъ вверху, да жерди по сторонамъ въ видѣ ребръ. Кажется, сами хозяева снесли съ нихъ дранье и тесъ, разсуждая, и, конечно, справедливо, что въ дождь избы не кроютъ, а въ вёдро и сама не каплетъ, бабиться же въ ней не зачѣмъ, когда есть просторъ и въ кабакѣ, и на большой дорогѣ, — словомъ, гдѣ хочешь. Окна въ избенкахъ были безъ стеколъ, иныя были затнуты тряпкой или зипуномъ; балкончики подъ крышами съ перилами, неизвѣстно для какихъ причинъ, дѣлаемые въ иныхъ русскихъ избахъ, покосились и почернѣли даже не живописно. Изъ-за избъ тянулись во многихъ мѣстахъ рядами огромныя клади хлѣба, застоявшіяся, какъ видно, долго: цвѣтомъ походили онѣ на старый, плохо выжженный кирпичъ, на верхушкѣ ихъ росла всякая дрянь, и даже прицѣпился сбоку кустарникъ. Хлѣбъ, какъ видно, былъ господскій. Изъ-за хлѣбныхъ кладей и ветхихъ крышъ возносились и мелькали на чистомъ воздухѣ то справа, то слѣва, по мѣрѣ того, какъ бричка дѣлала повороты, двѣ сельскія церкви, одна возлѣ другой— опустѣвшая деревянная и каменная, съ желтенькими стѣнами, испятнанная, истрескавшаяся. Частями сталъ выка-

зываться господскій домъ и, наконецъ, глянулъ весь въ томъ мѣстѣ, гдѣ цѣпь избъ прервалась, и на мѣсто ихъ остался пустыремъ огородъ или капустникъ, обнесенный низкою, мѣстами изломанною городьбою. Какимъ-то дряхлымъ инвалидомъ глядѣлъ сей странный зàмокъ, длинный, длинный непомѣрно. Мѣстами былъ онъ въ одинъ этажъ, мѣстами въ два; на темной крышѣ, не вездѣ надежно защищавшей его старость, торчали два бельведера, одинъ противъ другого, оба уже пошатнувшіеся, лишенные когда-то покрывавшей ихъ краски. Стѣны дома ощеливали мѣстами нагую штукатурную рѣшетку и, какъ видно, много потерпѣли отъ вскихъ непогодъ, дождей, вихрей и осеннихъ перемѣнъ. Изъ оконъ только два были открыты, прочія были заставлены ставнями или даже забиты досками. Эти два окна, съ своей стороны, были тоже подслѣповаты; на одномъ изъ нихъ темнѣлъ наклеенный треугольникъ изъ синей сахарной бумаги.

Старый, обширный, тянувшійся позади дома садъ, выходившій за село и потомъ пропадавшій въ полѣ, заросшій и заглохлый, казалось, одинъ освѣжалъ эту обширную деревню и одинъ былъ вполнѣ живописенъ въ своемъ картинномъ опустѣніи. Зелеными облаками и неправильными, трепетолистными куполами лежали на небесномъ горизонтѣ соединенныя вершины разросшихся на свободѣ деревъ. Бѣлый колоссальный стволъ березы, лишенный верхушки, отломленной бурею или грозою, подымался изъ этой зеленой гущи и круглился на воздухѣ, какъ правильная мраморная, сверкающая колонна; косой, остроконечный изломъ его, которымъ онъ оканчивался кверху вмѣсто капители, темнѣлъ на снѣжной бѣлизнѣ его, какъ шапка или черная птица. Хмель, глушившій внизу кусты бузины, рябины и лѣсного орѣшника и пробѣжавшій потомъ по верхушкѣ всего частокола, взбѣгалъ, наконецъ, вверхъ и обвивалъ до половины сломленную березу. Достигнувъ середины ея, онъ оттуда свѣшивался внизъ и начиналъ уже цѣплять вершины другихъ деревъ или же висѣлъ на воздухѣ, завя-

завши кольцами свои тонкіе, цѣпкіе крючья, легко колеблемые воздухомъ. Мѣстами расходились зеленыя чащи, озаренныя солнцемъ, и показывали неосвѣщенное между нихъ углубленіе, зіявшее какъ темная пасть; оно было все окинуто тѣнью, и чуть-чуть мелькали въ черной глубинѣ его: бѣжавшая узкая дорожка, обрушенныя перилы, пошатнувшаяся бесѣдка, дуплистый дряхлый стволъ ивы, сѣдой чапыжникъ, густой щетиною вытыкавшій изъ-за ивы изсохшіе отъ страшной глушины, перепутавшіеся и скрестившіеся листья и сучья, и, наконецъ, молодая вѣтвь клена, протянувшая сбоку свои зеленые лапы-листы, подъ одинъ изъ которыхъ забравшись, Богъ вѣсть какимъ образомъ, солнце превращало его вдругъ въ прозрачный и огненный, чудно сіявшій въ этой густой темнотѣ. Въ сторонѣ, у самаго края сада, нѣсколько высокорослыхъ, не вровень другимъ, осинъ подымали огромныя вороньи гнѣзда на трепетныя свои вершины. У иныхъ изъ нихъ отдернутыя и не вполнѣ отдѣленныя вѣтви висѣли внизъ вмѣстѣ съ изсохшими листьями. Словомъ, все было хорошо, какъ не выдумать ни природѣ, ни искусству, но какъ бываетъ только тогда, когда они соединятся вмѣстѣ, когда по нагроможденному, часто безъ толку, труду человѣка пройдетъ окончательнымъ рѣзцомъ своимъ природа, облегчитъ тяжелыя массы, уничтожитъ грубоощутительную правильность и нищенскія прорѣхи, сквозь которыя проглядываетъ нескрытый, нагой планъ, и дастъ чудную теплоту всему, что̀ создалось въ хладѣ размѣренной чистоты и опрятности.

Сдѣлавъ одинъ или два поворота, герой нашъ очутился, наконецъ, передъ самымъ домомъ, который показался теперь еще печальнѣе. Зеленая плѣснь уже покрыла ветхое дерево на оградѣ и воротахъ. Толпа строеній,—людскихъ, амбаровъ, погребовъ, — видимо ветшавшихъ, наполняла дворъ; возлѣ нихъ направо и налѣво видны были ворота въ другіе дворы. Все говорило, что здѣсь когда-то хозяйство текло въ обширномъ размѣрѣ, и все глядѣло нынѣ

пасмурно. Ничего не замѣтно было оживляющаго картину— ни отворявшихся дверей, ни выходившихъ откуда-нибудь людей, никакихъ живыхъ хлопотъ и заботъ дома! Только одни главныя ворота были растворены, и то потому, что въѣхалъ мужикъ съ нагруженною телѣгою, покрытою рогожею, показавшійся какъ бы нарочно для оживленія сего вымершаго мѣста: въ другое время и они были заперты наглухо, ибо въ желѣзной петлѣ висѣлъ замокъ-исполинъ. У одного изъ строеній Чичиковъ скоро замѣтилъ какую-то фигуру, которая начала вздорить съ мужикомъ, пріѣхавшимъ на телѣгѣ. Долго онъ не могъ распознать, какого пола была фигура—баба или мужикъ. Платье на ней было совершенно неопредѣленное, похожее очень на женскій капотъ; на головѣ колпакъ, какой носятъ деревенскія дворовыя бабы; только одинъ голосъ показался ему нѣсколько сиплымъ для женщины. «Ой, баба!» подумалъ онъ про себя и тутъ же прибавилъ: «Ой, нѣтъ!»—«Конечно, баба!» наконецъ сказалъ онъ, разсмотрѣвъ попристальнѣе. Фигура, съ своей стороны, глядѣла на него тоже пристально. Казалось, гость былъ для нея въ диковинку, потому что она обсмотрѣла не только его, но и Селифана, и лошадей, начиная съ хвоста и до морды. По висѣвшимъ у ней за поясомъ ключамъ и по тому, что она бранила мужика довольно поносными словами, Чичиковъ заключилъ, что это, вѣрно, ключница.

«Послушай, матушка», сказалъ онъ, выходя изъ брички: «что̀ баринъ?..»

«Нѣтъ дома», прервала ключница, не дожидаясь окончанія вопроса, и потомъ, спустя минуту, прибавила: «А что̀ вамъ нужно?»

«Есть дѣло».

«Идите въ комнаты!» сказала ключница, отворотившись и показавъ ему спину, запачканную мукою, съ большой прорѣхою пониже.

Онъ вступилъ въ темныя, широкія сѣни, отъ которыхъ подуло холодомъ, какъ изъ погреба. Изъ сѣней онъ попалъ

въ комнату, тоже темную, чуть-чуть озаренную свѣтомъ, выходившимъ изъ-подъ широкой щели, находившейся внизу двери. Отворивши эту дверь, онъ, наконецъ, очутился въ свѣту и былъ пораженъ представшимъ безпорядкомъ. Казалось, какъ будто въ домѣ происходило мытье половъ и сюда на время нагромоздили всю мебель. На одномъ столѣ стоялъ даже сломанный стулъ и, рядомъ съ нимъ, часы съ остановившимся маятникомъ, къ которому паукъ уже приладилъ паутину. Тутъ же стоялъ, прислоненный бокомъ къ стѣнѣ, шкапъ съ стариннымъ серебромъ, графинчиками и китайскимъ фарфоромъ. На бюро, выложенномъ перламутною мозаикой, которая мѣстами уже выпала и оставила послѣ себя одни желтенькіе желобки, наполненные клеемъ, лежало множество всякой всячины: куча исписанныхъ мелко бумажекъ, накрытыхъ мраморнымъ позеленѣвшимъ прессомъ съ яичкомъ наверху, какая-то старинная книга въ кожаномъ переплетѣ съ краснымъ обрѣзомъ, лимонъ весь высохшій, ростомъ не болѣе лѣсного орѣха, отломленная ручка креселъ, рюмка съ какою-то жидкостью и тремя мухами, накрытая письмомъ, кусочекъ сургучика, кусочекъ гдѣ-то поднятой тряпки, два пера, запачканныя чернилами, высохшія какъ въ чахоткѣ, зубочистка совершенно пожелтѣвшая, которою хозяинъ, можетъ-быть, ковырялъ въ зубахъ своихъ еще до нашествія на Москву французовъ.

По стѣнамъ навѣшано было весьма тѣсно и безтолково нѣсколько картинъ, длинный, пожелтѣвшій гравюръ какого-то сраженія, съ огромными барабанами, кричащими солдатами въ треугольныхъ шляпахъ и тонущими конями, безъ стекла, вставленный въ раму краснаго дерева съ тоненькими бронзовыми полосками и бронзовыми же кружками по угламъ. Въ рядъ съ ними занимала полстѣны огромная почернѣвшая картина, писанная масляными красками, изображавшая цвѣты, фрукты, разрѣзанный арбузъ, кабанью морду и висѣвшую головою внизъ утку. Съ середины потолка висѣла люстра въ холстинномъ мѣшкѣ, отъ пыли сдѣлавшаяся похожею на шелковый коконъ, въ которомъ си-

дитъ червякъ. Въ углу комнаты была навалена на полу куча того, что̀ погрубѣе и что̀ недостойно лежать на столахъ. Что̀ именно находилось въ кучѣ—рѣшить было трудно, ибо пыли на ней было въ такомъ изобиліи, что руки всякаго касавшагося становились похожими на перчатки; замѣтнѣе прочаго высовывались оттуда отломленный кусокъ деревянной лопаты и старая подошва сапога. Никакъ бы нельзя было сказать, чтобы въ комнатѣ сей обитало живое существо, если бы не возвѣщалъ его пребываніе старый, поношенный колпакъ, лежавшій на столѣ. Пока онъ разсматривалъ все странное ея убранство, отворилась боковая дверь, и взошла та же самая ключница, которую встрѣтилъ онъ на дворѣ. Но тутъ увидѣлъ онъ, что это былъ скорѣе ключникъ, чѣмъ ключница: ключница, по крайней мѣрѣ, не брѣетъ бороды, а этотъ, напротивъ того, брилъ, и, казалось, довольно рѣдко, потому что весь подбородокъ съ нижней частью щеки походилъ у него на скребницу изъ желѣзной проволоки, какою чистятъ на конюшнѣ лошадей. Чичиковъ, давши вопросительное выраженіе лицу своему, ожидалъ съ нетерпѣніемъ, что̀ хочетъ сказать ему ключникъ. Ключникъ тоже, съ своей стороны, ожидалъ, что̀ хочетъ ему сказать Чичиковъ. Наконецъ, послѣдній, удивленный такимъ страннымъ недоумѣніемъ, рѣшился спросить:

«Что̀-жъ баринъ? У себя, что ли?»

«Здѣсь хозяинъ», сказалъ ключникъ.

«Гдѣ же?» повторилъ Чичиковъ.

«Что́, батюшка, слѣпы-то, что ли?» сказалъ ключникъ. «Эхва! А вить хозяинъ-то я!»

Здѣсь герой нашъ поневолѣ отступилъ наза́дъ и поглядѣлъ на него пристально. Ему случалось видѣть не мало всякаго рода людей, даже такихъ, какихъ намъ съ читателемъ, можетъ-быть, никогда не придется увидать; но такого онъ еще не видывалъ. Лицо его не представляло ничего особеннаго: оно было почти такое же, какъ у многихъ худощавыхъ стариковъ; одинъ подбородокъ только выступалъ

очень далеко впередъ, такъ что онъ долженъ былъ всякій разъ закрывать его платкомъ, чтобы не заплевать; маленькіе глазки его не потухнули и бѣгали изъ-подъ высоко выросшихъ бровей, какъ мыши, когда, высунувши изъ темныхъ норъ остренькія морды, насторожа уши и моргая усомъ, онѣ высматриваютъ, не затаился ли гдѣ котъ или шалунъ мальчишка, и нюхаютъ подозрительно самый воздухъ. Гораздо замѣчательнѣе былъ нарядъ его. Никакими средствами и стараньями нельзя бы докопаться, изъ чего состряпанъ былъ его халатъ: рукава и верхнія полы до того засалились и залоснились, что походили на юфть, какая идетъ на сапоги; назади, вмѣсто двухъ, болталось четыре полы, изъ которыхъ охлопьями лѣзла хлопчатая бумага. На шеѣ у него тоже было повязано что-то такое, котораго нельзя было разобрать: чулокъ ли, подвязка ли, или набрюшникъ, только никакъ не галстукъ. Словомъ, если бы Чичиковъ встрѣтилъ его, такъ принаряженнаго, гдѣ-нибудь у церковныхъ дверей, то, вѣроятно, далъ бы ему мѣдный грошъ, ибо къ чести героя нашего нужно сказать, что сердце у него было сострадательно и онъ не могъ никакъ удержаться, чтобы не подать бѣдному человѣку мѣднаго гроша. Но предъ нимъ стоялъ не нищій, предъ нимъ стоялъ помѣщикъ. У этого помѣщика была тысяча слишкомъ душъ, и попробовалъ бы кто найти у кого другого столько хлѣба, зерномъ, мукою и, просто, въ кладяхъ, у кого бы кладовыя, амбары и сушилы загромождены были такимъ множествомъ холстовъ, суконъ, овчинъ, выдѣланныхъ и сыромятныхъ, высушенными рыбами и всякой овощью, или губиной. Заглянулъ бы кто-нибудь къ нему на рабочій дворъ, гдѣ наготовлено было на запасъ всякаго дерева и посуды, никогда не употреблявшейся — ему бы показалось, ужъ не попалъ ли онъ какъ-нибудь въ Москву на щепной дворъ, куда ежедневно отправляются расторопныя тещи и свекрухи, съ кухарками позади, дѣлать свои хозяйственные запасы, и гдѣ горами бѣлѣетъ всякое дерево, шитое, точеное, лаженое и плетеное: бочки, пересѣки, ушаты, лагуны, жбаны съ рыльцами и безъ рылецъ,

побратимы, лукошки, мыкальники, куда бабы кладутъ свои мочки и прочій дрязгъ, коробья изъ тонкой гнутой осины, бураки изъ плетеной берестки и много всего, что̀ идетъ на потребу богатой и бѣдной Руси. На что̀ бы, казалось, нужна была Плюшкину такая гибель подобныхъ издѣлій? Во всю жизнь не пришлось бы ихъ употребить даже на два такихъ имѣнія, какія были у него; но ему и этого казалось мало. Не довольствуясь симъ, онъ ходилъ еще каждый день по улицамъ своей деревни, заглядывалъ подъ мостики, подъ перекладины, и все, что̀ ни попадалось ему: старая подошва, бабья тряпка, желѣзный гвоздь, глиняный черепокъ,—все тащилъ къ себѣ и складывалъ въ ту кучу, которую Чичиковъ замѣтилъ въ углу комнаты. «Вонъ, уже рыболовъ пошелъ на охоту!» говорили мужики, когда видѣли его, идущаго на добычу. И въ самомъ дѣлѣ, послѣ него не зачѣмъ было мести улицу: случилось проѣзжавшему офицеру потерять шпору,—шпора эта мигомъ отправилась въ извѣстную кучу; если баба, какъ-нибудь зазѣвавшись у колодца, позабывала ведро, онъ утаскивалъ и ведро. Впрочемъ, когда примѣтившій мужикъ уличалъ его тутъ же, онъ не спорилъ и отдавалъ похищенную вещь; но если только она попадала въ кучу, тогда все кончено: онъ божился, что вещь его, куплена имъ тогда-то, у того-то, или досталась отъ дѣда. Въ комнатѣ своей онъ подымалъ съ пола все, что̀ ни видѣлъ: сургучикъ, лоскутокъ бумажки, перышко и все это клалъ на бюро или на окошко.

А вѣдь было время, когда онъ только былъ бережливымъ хозяиномъ! Былъ женатъ и семьянинъ, и сосѣдъ заѣзжалъ къ нему пообѣдать, слушать и учиться у него хозяйству и мудрой скупости. Все текло живо и совершалось размѣреннымъ ходомъ: двигались мельницы, валильни, работали суконныя фабрики, столярные станки, прядильни; вездѣ, во все входилъ зоркій взглядъ хозяина и, какъ трудолюбивый паукъ, бѣгалъ, хлопотливо, но расторопно, по всѣмъ концамъ своей хозяйственной паутины. Слишкомъ сильныя чувства не отражались въ чертахъ лица его, но въ глазахъ былъ

виденъ умъ; опытностью и познаніемъ свѣта была проникнута рѣчь его, и гостю было пріятно его слушать; привѣтливая и говорливая хозяйка славилась хлѣбосольствомъ; навстрѣчу выходили двѣ миловидныя дочки, обѣ бѣлокурыя и свѣжія, какъ розы; выбѣгалъ сынъ, разбитной мальчишка, и цѣловался со всѣми, мало обращая вниманія на то, радъ ли, или не радъ былъ этому гость. Въ домѣ были открыты всѣ окна; антресоли были заняты квартирою учителя-француза, который славно брился и былъ большой стрѣлокъ: приносилъ всегда къ обѣду тетерекъ или утокъ, а иногда и одни воробьиныя яйца, изъ которыхъ заказывалъ себѣ яичницу, потому что больше въ цѣломъ домѣ никто ея не ѣлъ. На антресоляхъ жила также его компатріотка, наставница двухъ дѣвицъ. Самъ хозяинъ являлся къ столу въ сюртукѣ, хотя нѣсколько поношенномъ, но опрятномъ; локти были въ порядкѣ; нигдѣ никакой заплаты. Но добрая хозяйка умерла; часть ключей, а съ ними мелкихъ заботъ, перешла къ нему. Плюшкинъ сталъ безпокойнѣе и, какъ всѣ вдовцы, подозрительнѣе и скупѣе. На старшую дочь, Александру Степановну, онъ не могъ во всемъ положиться, да и былъ правъ, потому что Александра Степановна скоро убѣжала съ штабсъ-ротмистромъ, Богъ вѣсть какого, кавалерійскаго полка и обвѣнчалась съ нимъ гдѣ-то наскоро, въ деревенской церкви, зная, что отецъ не любитъ офицеровъ по странному предубѣжденію, будто бы всѣ военные — картежники и мотишки. Отецъ послалъ ей на дорогу проклятіе, а преслѣдовать не заботился. Въ домѣ стало еще пустѣе. Во владѣльцѣ стала замѣтнѣе обнаруживаться скупость; сверкнувшая въ жесткихъ волосахъ его сѣдина, вѣрная подруга ея, помогла ей еще болѣе развиться. Учитель-французъ былъ отпущенъ, потому что сыну пришла пора на службу; мадамъ была прогнана, потому что оказалась не безгрѣшною въ похищеніи Александры Степановны. Сынъ, будучи отправленъ въ губернскій городъ съ тѣмъ, чтобы узнать въ палатѣ, по мнѣнію отца, службу существенную, опредѣлился вмѣсто того въ полкъ и написалъ къ отцу, уже по своемъ

опредѣленіи, прося денегъ на обмундировку; весьма естественно, что онъ получилъ на это то, чтó называется въ простонародіи шишъ. Наконецъ послѣдняя дочь, остававшаяся съ нимъ въ домѣ, умерла, и старикъ очутился одинъ сторожемъ, хранителемъ и владѣтелемъ своихъ богатствъ. Одинокая жизнь дала сытную пищу скупости, которая, какъ извѣстно, имѣетъ волчій голодъ и, чѣмъ болѣе пожираетъ, тѣмъ становится ненасытнѣе; человѣческія чувства, которыя и безъ того не были въ немъ глубоки, мелѣли ежеминутно, и каждый день что-нибудь утрачивалось въ этой изношенной развалинѣ. Случись же подъ такую минуту, какъ будто нарочно въ подтвержденіе его мнѣнія о военныхъ, что сынъ его проигрался въ карты; онъ послалъ ему отъ души свое отцовское проклятіе и никогда уже не интересовался знать, существуетъ ли онъ на свѣтѣ, или нѣтъ. Съ каждымъ годомъ притворялись окна въ его домѣ, наконецъ осталось только два, изъ которыхъ одно, какъ уже видѣлъ читатель, было заклеено бумагою; съ каждымъ годомъ уходили изъ вида его, болѣе и болѣе, главныя части хозяйства, и мелкій взглядъ его обращался къ бумажкамъ и перышкамъ, которыя онъ собиралъ въ своей комнатѣ; неуступчивѣе становился онъ къ покупщикамъ, которые пріѣзжали забирать у него хозяйственныя произведенія: покупщики торговались, торговались и наконецъ бросили его вовсе, сказавши, что это бѣсъ, а не человѣкъ; сѣно и хлѣбъ гнили; клади и стоги обращались въ чистый навозъ, хоть разводи на нихъ капусту; мука въ подвалахъ превратилась въ камень, и нужно было ее рубить; къ сукнамъ, холстамъ и домашнимъ матеріямъ страшно было притронуться: они обращались въ пыль. Онъ уже позабывалъ самъ, сколько у него было чего, и помнилъ только, въ какомъ мѣстѣ стоялъ у него въ шкапу графинчикъ съ остаткомъ какой-нибудь настойки, на которомъ онъ самъ сдѣлалъ намѣтку, чтобы никто воровскимъ образомъ ее не выпилъ, да гдѣ лежало перышко или сургучикъ. А между тѣмъ въ хозяйствѣ доходъ собирался попрежнему: столько же оброку долженъ былъ принесть му-

жикъ, такимъ же приносомъ орѣховъ обложена была всякая баба, столько же поставовъ холста должна была наткать ткачиха. Все это сваливалось въ кладовыя и все становилось гниль и прорѣха, и самъ онъ обратился, наконецъ, въ какую-то прорѣху на человѣчествѣ. Александра Степановна какъ-то пріѣзжала раза два съ маленькимъ сынкомъ, пытаясь, нельзя ли чего-нибудь получить: видно, походная жизнь съ штабсъ-ротмистромъ не была такъ привлекательна, какою казалась до свадьбы. Плюшкинъ, однакоже, ее простилъ и даже далъ маленькому внучку поиграть какую-то пуговицу, лежавшую на столѣ, но денегъ ничего не далъ. Въ другой разъ Александра Степановна пріѣхала съ двумя малютками и привезла ему куличъ къ чаю и новый халатъ, потому что у батюшки былъ такой халатъ, на который глядѣть не только было совѣстно, но даже стыдно. Плюшкинъ приласкалъ обоихъ внуковъ и, посадивши ихъ къ себѣ одного на правое колѣно, а другого на лѣвое, покачалъ ихъ совершенно такимъ образомъ, какъ будто они ѣхали на лошадяхъ; куличъ и халатъ взялъ, но дочери рѣшительно ничего не далъ; съ тѣмъ и уѣхала Александра Степановна.

Итакъ, вотъ какого рода помѣщикъ стоялъ передъ Чичиковымъ! Должно сказать, что подобное явленіе рѣдко попадается на Руси, гдѣ все любитъ скорѣе развернуться, нежели съежиться, и тѣмъ поразительнѣе бываетъ оно, что тутъ же, въ сосѣдствѣ, подвернется помѣщикъ, кутящій во всю ширину русской удали и барства, прожигающій, какъ говорится, насквозь жизнь. Небывалый проѣзжій остановится съ изумленіемъ при видѣ его жилища, недоумѣвая, какой владѣтельный принцъ очутился внезапно среди маленькихъ, темныхъ владѣльцевъ: дворцами глядятъ его бѣлые, каменные дома съ безчисленнымъ множествомъ трубъ, бельведеровъ, флюгеровъ, окруженные стадомъ флигелей и всякими помѣщеньями для пріѣзжихъ гостей. Чего нѣтъ у него? Театры, балы; всю ночь сіяетъ убранный огнями, плошками, оглашенный громомъ музыки садъ. Полгуберніи разодѣто и весело гуляетъ подъ деревьями, и ни-

кому не является дикое и грозящее въ семъ насильственномъ освѣщенiи, когда театрально выскакиваетъ изъ древесной гущи озаренная поддѣльнымъ свѣтомъ вѣтвь, лишенная своей яркой зелени, а вверху темнѣе, и суровѣе, и въ двадцать разъ грознѣе является чрезъ то ночное небо, и, далеко трепеща листьями въ вышинѣ, уходя глубже въ непробудный мракъ, негодуютъ суровыя вершины деревъ на сей мишурный блескъ, освѣтившiй снизу ихъ корни.

Уже нѣсколько минутъ стоялъ Плюшкинъ, не говоря ни слова, а Чичиковъ все еще не могъ начать разговора, развлеченный какъ видомъ самого хозяина, такъ и всего того, что̀ было въ его комнатѣ. Долго не могъ онъ придумать, въ какихъ бы словахъ изъяснить причину своего посѣщенiя. Онъ уже хотѣлъ было выразиться въ такомъ духѣ, что, наслышась о добродѣтели и рѣдкихъ свойствахъ души его, почелъ долгомъ принести лично дань уваженiя; но спохватился и почувствовалъ, что это слишкомъ. Искоса бросивъ еще одинъ взглядъ на все, что̀ было въ комнатѣ, онъ почувствовалъ, что слово: *добродѣтель* и *рѣдкiя свойства души* можно съ успѣхомъ замѣнить словами: *экономiя* и *порядокъ;* и потому, преобразивши такимъ образомъ рѣчь, онъ сказалъ, что, наслышась объ экономiи его и рѣдкомъ управленiи имѣнiями, онъ почелъ за долгъ познакомиться и принести лично свое почтенiе. Конечно, можно бы было привести иную, лучшую причину, но ничего иного не взбрело тогда на умъ.

На это Плюшкинъ что-то пробормоталъ сквозь губы,—ибо зубовъ не было,—что̀ именно, неизвѣстно, но, вѣроятно, смыслъ былъ таковъ: «А побралъ бы тебя чортъ съ твоимъ почтенiемъ!» Но такъ какъ гостепрiимство у насъ въ такомъ ходу, что и скряга не въ силахъ преступить его законовъ, то онъ прибавилъ тутъ же нѣсколько внятнѣе: «Прошу покорнѣйше садиться!»

«Я давненько не вижу гостей», сказалъ онъ: «да, признаться сказать, въ нихъ мало вижу проку. Завели пренеприличный обычай ѣздить другъ къ другу, а въ хозяйствѣ-то

упущенія... да и лошадей ихъ корми сѣномъ! Я давно ужъ отобѣдалъ, а кухня у меня низкая, прескверная, и труба-то совсѣмъ развалилась: начнешь топить, еще пожару надѣлаешь».

«Вонъ оно какъ!» подумалъ про себя Чичиковъ: «хорошо же, что я у Собакевича перехватилъ вотрушку да ломоть бараньяго бока».

«И такой скверный анекдотъ, что сѣна хоть бы клокъ въ цѣломъ хозяйствѣ!» продолжалъ Плюшкинъ. «Да и въ самомъ дѣлѣ, какъ прибережешь его? Землишка маленькая, мужикъ лѣнивъ, работать не любитъ, думаетъ, какъ бы въ кабакъ... того и гляди, пойдешь на старости лѣтъ по-міру!»

«Мнѣ, однакоже, сказывали», скромно замѣтилъ Чичиковъ: «что у васъ болѣе тысячи душъ».

«А кто это сказывалъ? А вы бы, батюшка, наплевали въ глаза тому, который это сказывалъ! Онъ пересмѣшникъ, видно, хотѣлъ пошутить надъ вами. Вотъ, баютъ, тысяча душъ, а подитка сосчитай, а и ничего не начтешь! Послѣдніе три года проклятая горячка выморила у меня здоровённой кушъ мужиковъ».

«Скажите! и много выморила?» воскликнулъ Чичиковъ съ участіемъ.

«Да, снесли многихъ».

«А позвольте узнать: сколько числомъ?»

«Душъ восемьдесятъ».

«Нѣтъ?»

«Не стану лгать, батюшка».

«Позвольте еще спросить: вѣдь эти души, я полагаю, вы считаете со дня подачи послѣдней ревизіи?»

«Это бы еще слава Богу», сказалъ Плюшкинъ: «да лихъ-то, что съ того времени, до ста двадцати наберется».

«Вправду? Цѣлыхъ сто двадцать?» воскликнулъ Чичиковъ и даже разинулъ нѣсколько ротъ отъ изумленія.

«Старъ я, батюшка, чтобы лгать: седьмой десятокъ живу!» сказалъ Плюшкинъ. Онъ, казалось, обидѣлся такимъ, почти радостнымъ, восклицаніемъ. Чичиковъ замѣтилъ, что

въ самомъ дѣлѣ неприлично подобное безучастіе къ чужому горю, и потому вздохнулъ тутъ же и сказалъ, что соболѣзнуетъ.

«Да вѣдь соболѣзнованіе въ карманъ не положишь», сказалъ Плюшкинъ. «Вотъ возлѣ меня живетъ капитанъ, чортъ знаетъ его, откуда взялся, говоритъ—родственникъ: «Дядюшка, дядюшка!» и въ руку цѣлуетъ; а какъ начнетъ соболѣзновать, вой такой подыметъ, что уши береги. Съ лица весь красный: пѣннику, чай, на-смерть придерживается. Вѣрно, спустилъ денежки, служа въ офицерахъ, или театральная актерка выманила, такъ вотъ онъ теперь и соболѣзнуетъ!»

Чичиковъ постарался объяснить, что его соболѣзнованіе совсѣмъ не такого рода, какъ капитанское, и что онъ не пустыми словами, а дѣломъ готовъ доказать его и, не откладывая дѣла далѣе, безъ всякихъ обиняковъ, тутъ же изъявилъ готовность принять на себя обязанность платить подати за всѣхъ крестьянъ, умершихъ такими несчастными случаями. Предложеніе, казалось, совершенно изумило Плюшкина. Онъ, вытаращивъ глаза, долго смотрѣлъ на него и наконецъ спросилъ: «Да вы, батюшка, не служили ли въ военной службѣ?»

«Нѣтъ», отвѣчалъ Чичиковъ довольно лукаво: «служилъ по статской».

«По статской?» повторилъ Плюшкинъ и сталъ жевать губами, какъ будто что-нибудь кушалъ. «Да вѣдь какъ же? Вѣдь это вамъ самимъ-то въ убытокъ?»

«Для удовольствія вашего готовъ и на убытокъ».

«Ахъ, батюшка! Ахъ, благодѣтель мой!» вскрикнулъ Плюшкинъ, не замѣчая отъ радости, что у него изъ носа выглянулъ весьма некартинно табакъ, на образецъ густого кофея, и полы халата, раскрывшись, показали платье, не весьма приличное для разсматриванья. «Вотъ утѣшили старика! Ахъ, Господи ты мой! Ахъ, святители вы мои!..» Далѣе Плюшкинъ и говорить не могъ. Но не прошло и минуты, какъ эта радость, такъ мгновенно показавшаяся

на деревянномъ лицѣ его, такъ же мгновенно и прошла, будто ея вовсе не бывало, и лицо его вновь приняло заботливое выраженіе. Онъ даже утерся платкомъ и, свернувши его въ комокъ, сталъ имъ возить себя по верхней губѣ.

«Какъ же, съ позволенія вашего, чтобы не разсердить васъ, вы за всякій годъ беретесь платить за нихъ подать и деньги будете выдавать мнѣ или въ казну?»

«Да мы вотъ какъ сдѣлаемъ: мы совершимъ на нихъ купчую крѣпость, какъ бы они были живые и какъ бы вы ихъ мнѣ продали».

«Да, купчую крѣпость...» сказалъ Плюшкинъ, задумался и сталъ опять кушать губами. «Вѣдь вотъ купчую крѣпость— все издержки. Приказные такіе безсовѣстные! Прежде бывало полтиной мѣди отдѣлаешься, да мѣшкомъ муки, а теперь пошли цѣлую подводу крупъ, да и красную бумажку прибавь,—такое сребролюбіе! Я не знаю, какъ никто другой не обратитъ на это вниманье. Ну, сказалъ бы ему какъ-нибудь душеспасительное слово! Вѣдь словомъ хоть кого проймешь. Кто чтò ни говори, а противъ душеспасительнаго слова не устоишь».

«Ну, ты, я думаю, устоишь!» подумалъ про-себя Чичиковъ и произнесъ тутъ же, что, изъ уваженія къ нему, онъ готовъ принять даже издержки по купчей на свой счетъ.

Услыша, что даже издержки по купчей онъ принимаетъ на себя, Плюшкинъ заключилъ, что гость долженъ быть совершенно глупъ и только прикидывается, будто служилъ по статской, а, вѣрно, былъ въ офицерахъ и волочился за актерками. При всемъ томъ онъ, однакожъ, не могъ скрыть своей радости и пожелалъ всякихъ утѣшеній не только ему, но даже и дѣткамъ его, не спросивъ, были ли они у него, или нѣтъ. Подошедъ къ окну, постучалъ онъ пальцами въ стекло и закричалъ: «Эй, Прошка!» Чрезъ минуту было слышно, что кто-то вбѣжалъ впопыхахъ въ сѣни, долго возился тамъ и стучалъ сапогами, наконецъ дверь отворилась, и вошелъ Прошка, мальчикъ лѣтъ тринадцати, въ такихъ большихъ

сапогахъ, что, ступая, едва не вынулъ изъ нихъ ноги. Почему у Прошки были такіе большіе сапоги, это можно узнать сейчасъ же: у Плюшкина для всей дворни, сколько ни было ея въ домѣ, были одни только сапоги, которые должны были всегда находиться въ сѣняхъ. Всякій призываемый въ барскіе покои обыкновенно отплясывалъ черезъ весь дворъ босикомъ, но, входя въ сѣни, надѣвалъ сапоги и такимъ уже образомъ являлся въ комнату. Выходя изъ комнаты, онъ оставлялъ сапоги опять въ сѣняхъ и отправлялся вновь на собственной подошвѣ. Если бы кто взглянулъ изъ окошка въ осеннее время и особенно, когда по утрамъ начинаются маленькія изморози, то бы увидѣлъ, что вся дворня дѣлала такіе скачки, какіе врядъ ли удастся выдѣлать на театрахъ самому бойкому танцовщику.

«Вотъ посмотрите, батюшка, какая рожа!» сказалъ Плюшкинъ Чичикову, указывая пальцемъ на лицо Прошки. «Глупъ вѣдь, какъ дерево, а попробуй что-нибудь положить — мигомъ украдетъ! Ну, чего ты пришелъ, дуракъ? скажи, чего?» Тутъ онъ произвелъ небольшое молчаніе, на которое Прошка отвѣчалъ тоже молчаніемъ. «Поставь самоваръ, — слышишь? — да вотъ возьми ключъ, да отдай Маврѣ, чтобы пошла въ кладовую: тамъ на полкѣ есть сухарь изъ кулича, который привезла Александра Степановна, — чтобы подали его къ чаю!... Постой, куда же ты? Дурачина! Эхва, дурачина!... Бѣсъ у тебя въ ногахъ, что ли, чешется?... Ты выслушай прежде. Сухарь-то сверху, чай, поиспортился, такъ пусть соскоблитъ его ножомъ, да крохъ не бросаетъ, а снесетъ въ курятникъ. Да смотри ты, ты не входи, братъ, въ кладовую; не то — я тебя, знаешь? березовымъ-то вѣникомъ, чтобы для вкуса-то! Вотъ у тебя теперь славный аппетитъ, такъ чтобы еще былъ получше! Вотъ попробуй-ка пойти въ кладовую, а я тѣмъ временемъ изъ окна стану глядѣть.— Имъ ни въ чемъ нельзя довѣрять», продолжалъ онъ, обратившись къ Чичикову послѣ того, какъ Прошка убрался вмѣстѣ съ своими сапогами. Вслѣдъ затѣмъ онъ началъ и на Чичикова посматривать подозрительно. Черты такого

необыкновеннаго великодушія стали ему казаться невѣроятными, и онъ подумалъ про-себя: «Вѣдь чортъ его знаетъ; можетъ-быть, онъ, просто, хвастунъ, какъ всѣ эти мотишки: навретъ, навретъ, чтобы поговорить да напиться чаю, а потомъ и уѣдетъ!» А потому изъ предосторожности и вмѣстѣ желая нѣсколько поиспытать его, сказалъ онъ, что не дурно бы совершить купчую поскорѣе, потому что де въ человѣкѣ не увѣренъ: сегодня живъ, а завтра и Богъ вѣсть.

Чичиковъ изъявилъ готовность совершить хоть сію же минуту и потребовалъ только списка всѣмъ крестьянамъ.

Это успокоило Плюшкина. Замѣтно было, что онъ придумывалъ что-то сдѣлать, и точно, взявши ключи, приблизился къ шкафу и, отперши дверцу, рылся долго между стаканами и чашками и, наконецъ, произнесъ: «Вѣдь вотъ не сыщешь, а у меня былъ славный ликерчикъ, если только не выпили: народъ — такіе воры! А вотъ развѣ не это ли онъ?» Чичиковъ увидѣлъ въ рукахъ его графинчикъ, который былъ весь въ пыли, какъ въ фуфайкѣ. «Еще покойница дѣлала», продолжалъ Плюшкинъ: «мошенница-ключница совсѣмъ было его забросила и даже не закупорила, каналья! Козявки и всякая дрянь было напичкались туда, но я весь соръ-то повынулъ и теперь вотъ чистенькая, я вамъ налью рюмочку».

Но Чичиковъ постарался отказаться отъ такого ликерчика, сказавши, что онъ уже и пилъ, и ѣлъ.

«Пили уже и ѣли!» сказалъ Плюшкинъ. «Да, конечно, хорошаго общества человѣка хоть гдѣ узнаешь: онъ не ѣстъ, а сытъ; а какъ этакой какой-нибудь воришка, да его сколько ни корми... Вѣдь вотъ капитанъ пріѣдетъ: «Дядюшка», говоритъ, «дайте чего-нибудь поѣсть!» А я ему такой же дядюшка, какъ онъ мнѣ дѣдушка. У себя дома ѣсть, вѣрно, нечего, такъ вотъ онъ и шатается! Да, вѣдь вамъ нуженъ реестрикъ всѣхъ этихъ тунеядцевъ? Какъ же! Я, какъ зналъ, всѣхъ ихъ списалъ на особую бумажку, чтобы, при первой подачѣ ревизіи, всѣхъ ихъ вычеркнуть».— Плюшкинъ надѣлъ очки и сталъ рыться въ бумагахъ. Раз-

вязывая всякія связки, онъ попотчивалъ своего гостя такою пылью, что тотъ чихнулъ. Наконецъ, вытащилъ бумажку, всю исписанную кругомъ. Крестьянскія имена усыпали ее тѣсно, какъ мошки. Были тамъ всякіе: и Парамоновъ, и Пименовъ, и Пантелеймоновъ, и даже выглянулъ какой-то Григорій Доѣзжай-не-доѣдешь; всѣхъ было сто двадцать слишкомъ. Чичиковъ улыбнулся при видѣ такой многочисленности. Спрятавъ ее въ карманъ, онъ замѣтилъ Плюшкину, что ему нужно будетъ для совершенія крѣпости пріѣхать въ городъ.

«Въ городъ? Да какъ же?... А домъ-то какъ оставить? Вѣдь у меня народъ—или воръ, или мошенникъ: въ день такъ оберутъ, что и кафтана не на чемъ будетъ повѣсить».

«Такъ не имѣете ли кого-нибудь знакомаго?»

«Да кого же знакомаго? Всѣ мои знакомые перемерли, или раззнакомились... Ахъ, батюшка! какъ не имѣть? имѣю!» вскричалъ онъ. «Вѣдь знакомъ самъ предсѣдатель, ѣзжалъ даже въ старые годы ко мнѣ. Какъ не знать! однокорытниками были, вмѣстѣ по заборамъ лазили! Какъ не знакомый? Ужъ такой знакомый!... Такъ ужъ не къ нему ли написать?»

«И конечно, къ нему».

«Какъ же, ужъ такой знакомый! Въ школѣ были пріятели».

И на этомъ деревянномъ лицѣ вдругъ скользнулъ какой-то теплый лучъ, выразилось—не чувство, а какое-то блѣдное отраженіе чувства: явленіе, подобное неожиданному появленію на поверхности водъ утопающаго, произведшему радостный крикъ въ толпѣ, обступившей берегъ; но напрасно обрадовавшіеся братья и сестры кидаютъ съ берега веревку и ждутъ, не мелькнетъ ли вновь спина или утомленныя бореньемъ руки—появленіе было послѣднее. Глухо все, и еще страшнѣе и пустыннѣе становится послѣ того затихнувшая поверхность безотвѣтной стихіи. Такъ и лицо Плюшкина, вслѣдъ за мгновенно скользнувшимъ на немъ чувствомъ, стало еще безчувственнѣй и еще пошлѣе.

«Лежала на столѣ четвертка чистой бумаги», сказалъ онъ: «да не знаю, куда запропастилась: люди у меня такіе не-

годные!»—Тутъ сталъ онъ заглядывать и подъ столъ, и на столъ, шарилъ вездѣ и, наконецъ, закричалъ: «Мавра, а Мавра!» На зовъ явилась женщина съ тарелкой въ рукахъ, на которой лежалъ сухарь, уже знакомый читателю. И между ними произошелъ такой разговоръ:

«Куда ты дѣла, разбойница, бумагу?»

«Ей Богу, баринъ, не видывала, опричь небольшого лоскутка, которымъ изволили прикрыть рюмку».

«А вотъ я по глазамъ вижу, что подтибрила».

«Да на что̀-жъ бы я подтибрила? Вѣдь мнѣ проку съ ней никакого: я грамотѣ не знаю.»

«Врешь, ты снесла понамаренку: онъ маракуетъ, такъ ты ему и снесла».

«Да понамаренокъ, если захочетъ, такъ достанетъ себѣ бумаги. Не видалъ онъ вашего лоскутка!»

«Вотъ погоди-ко: на страшномъ судѣ черти припекутъ тебя за это желѣзными рогатками! Вотъ посмотришь, какъ припекутъ!»

«Да за что̀ же припекутъ, коли я не брала и въ руки четвертки? Ужъ скорѣе другой какой бабьей слабостью, а воровствомъ меня еще никто не попрекалъ».

«А вотъ черти-то тебя и припекутъ! Скажутъ: «А вотъ тебѣ, мошенница, за то, что барина-то обманывала!» да горячими-то тебя и припекутъ!»

«А я скажу: «Не за что̀! ей Богу, не за что̀: не брала я...» Да вонъ она лежитъ на столѣ. Всегда понапраслиной попрекаете!»

Плюшкинъ увидѣлъ, точно, четвертку и на минуту остановился, пожевалъ губами и произнесъ: «Ну, что-жъ ты расходилась такъ? Экая занозистая! Ей скажи только одно слово, а она ужъ въ отвѣтъ десятокъ! Поди-ко принеси огоньку запечатать письмо. Да стой! Ты схватишь сальную свѣчу; сало—дѣло топкое: сгоритъ да и нѣтъ, только убытокъ; а ты принеси-ко мнѣ лучинку!»

Мавра ушла, а Плюшкинъ, сѣвши въ кресла и взявши въ руку перо, долго еще ворочалъ на всѣ стороны чет-

вертку, придумывая, нельзя ли отдѣлить отъ нея еще осьмушку, но наконецъ убѣдился, что никакъ нельзя; всунулъ перо въ чернильницу съ какою-то заплѣснѣвшею жидкостью и множествомъ мухъ на днѣ, и сталъ писать, выставляя буквы, похожія на музыкальныя ноты, придерживая поминутно прыть руки, которая разскакивалась по всей бумагѣ, лѣпя скупо строка на строку и не безъ сожалѣнія подумывая о томъ, что все еще останется много чистаго пробѣла.

И до такой ничтожности, мелочности, гадости могъ снизойти человѣкъ? могъ такъ измѣниться? И похоже это на правду?—Все похоже на правду, все можетъ статься съ человѣкомъ. Нынѣшній же пламенный юноша отскочилъ бы съ ужасомъ, если бы показали ему его же портретъ въ старости. Забирайте же съ собою въ путь, выходя изъ мягкихъ юношескихъ лѣтъ въ суровое, ожесточающее мужество,—забирайте съ собою всѣ человѣческія движенія, не оставляйте ихъ на дорогѣ: не подымете потомъ! Грозна, страшна грядущая впереди старость и ничего не отдаетъ назадъ и обратно! Могила милосерднѣе ея, на могилѣ напишется: «*здѣсь погребенъ человѣкъ*»; но ничего не прочитаешь въ хладныхъ, безчувственныхъ чертахъ безчеловѣчной старости.

«А не знаете ли вы какого-нибудь вашего пріятеля», сказалъ Плюшкинъ, складывая письмо: «которому бы понадобились бѣглыя души?»

«А у васъ есть и бѣглыя?» быстро спросилъ Чичиковъ, очнувшись.

«Въ томъ-то и дѣло, что есть. Зять дѣлалъ выправки: говоритъ, будто и слѣдъ простылъ; но вѣдь онъ человѣкъ военный: мастеръ притопывать шпорой, а если бы похлопотать по судамъ...»

«А сколько ихъ будетъ числомъ?»

«Да десятковъ до семи тоже наберется».

«Нѣтъ?»

«А, ей Богу, такъ! Вѣдь у меня что годъ, то бѣгаютъ. Народъ-то больно прожорливъ, отъ праздности завелъ привычку трескать, а у меня ѣсть и самому нечего... А ужъ

я бы за нихъ, что̀ ни дай, взялъ бы. Такъ посовѣтуйте вашему пріятелю-то: отыщись вѣдь только десятокъ, такъ вотъ ужъ у него славная деньга. Вѣдь ревизская душа стоитъ въ пятистахъ рубляхъ».

«Нѣтъ, этого мы пріятелю и понюхать не дадимъ», сказалъ про себя Чичиковъ и потомъ объяснилъ, что такого пріятеля никакъ не найдется, что однѣ издержки по этому дѣлу будутъ стоить болѣе, ибо отъ судовъ нужно отрѣзать полы собственнаго кафтана, да уходить подалѣе; но что если онъ уже дѣйствительно такъ стиснутъ, то, будучи подвигнутъ участіемъ, онъ готовъ дать... но что это такая бездѣлица, о которой даже не сто̀итъ и говорить».

«А сколько бы вы дали?» спросилъ Плюшкинъ, и самъ ожидовѣлъ; руки его задрожали, какъ ртуть.

«Я бы далъ по двадцати пяти копѣекъ за душу».

«А какъ вы покупаете—на чистыя?»

«Да, сейчасъ деньги».

«Только, батюшка, ради нищеты-то моей, уже дали бы по сорока копѣекъ».

«Почтеннѣйшій!» сказалъ Чичиковъ: «не только по сорока копѣекъ, по пятисотъ рублей заплатилъ бы! Съ удовольствіемъ заплатилъ бы, потому что вижу—почтенный, добрый старикъ терпитъ по причинѣ собственнаго добродушія».

«А, ей Богу, такъ! Ей Богу, правда!» сказалъ Плюшкинъ, свѣсивъ голову внизъ и сокрушительно покачавъ ее: «все отъ добродушія».

«Ну, видите ли, я вдругъ постигнулъ вашъ характеръ. Итакъ, почему-жъ не дать бы мнѣ по пятисотъ рублей за душу, но... состоянья нѣтъ; по пяти копѣекъ, извольте, готовъ прибавить, чтобы каждая душа обошлась такимъ образомъ въ тридцать копѣекъ».

«Ну, батюшка, воля ваша, хоть по двѣ копѣйки пристегните».

«По двѣ копѣечки пристегну, извольте. Сколько ихъ у васъ? Вы, кажется, говорили—семьдесятъ?»

«Нѣтъ, всего наберется семьдесятъ восемь».

«Семьдесятъ восемь, семьдесятъ восемь, по тридцати копѣекъ за душу, это будетъ...» Здѣсь герой нашъ одну секунду, не болѣе, подумалъ и сказалъ вдругъ: «это будетъ двадцать четыре рубля девяносто шесть копѣекъ!» Онъ былъ въ ариѳметикѣ силенъ. Тутъ же заставилъ онъ Плюшкина написать росписку и выдалъ ему деньги, которыя тотъ принялъ въ обѣ руки и понесъ ихъ къ бюро съ такою же осторожностью, какъ будто бы несъ какую-нибудь жидкость, ежеминутно боясь расхлестать ее. Подошедши къ бюро, онъ переглядѣлъ ихъ еще разъ и уложилъ, тоже чрезвычайно осторожно, въ одинъ изъ ящиковъ, гдѣ, вѣрно, имъ суждено быть погребенными до тѣхъ поръ, покамѣстъ отецъ Карпъ и отецъ Поликарпъ, два священника его деревни, не погребутъ его самого, къ неописанной радости зятя и дочери, а можетъ-быть, и капитана, приписавшагося ему въ родню. Спрятавши деньги, Плюшкинъ сѣлъ въ кресла и уже, казалось, больше не могъ найти матеріи о чемъ говорить.

«А что̀, вы ужъ собираетесь ѣхать?» сказалъ онъ, замѣтивъ небольшое движеніе, которое сдѣлалъ Чичиковъ для того только, чтобы достать изъ кармана платокъ.

Этотъ вопросъ напомнилъ ему, что въ самомъ дѣлѣ не зачѣмъ болѣе мѣшкать. «Да, мнѣ пора!» произнесъ онъ, взявшись за шляпу.

«А чайку̀?»

«Нѣтъ, ужъ чайку̀ пусть лучше когда-нибудь въ другое время.»

«Какъ же? А я приказалъ самоваръ. Я, признаться сказать, не охотникъ до чаю: напитокъ дорогой, да и цѣна на сахаръ поднялась немилосердная. Прошка! не нужно самовара! Сухарь отнеси Маврѣ, слышишь? Пусть его положитъ на то же мѣсто; или, нѣтъ, подай его сюда, я ужо снесу его самъ. Прощайте, батюшка! Да благословитъ васъ Богъ! А письмо-то предсѣдателю вы отдайте. Да! Пусть прочтетъ, онъ мой старый знакомый. Какъ же! Были съ нимъ однокорытниками!»

За симъ, это странное явленіе, этотъ съежившійся старичишка проводилъ его со двора, послѣ чего велѣлъ ворота тотъ же часъ запереть; потомъ обошелъ кладовыя, съ тѣмъ, чтобы осмотрѣть, на своихъ ли мѣстахъ сторожа, которые стояли на всѣхъ углахъ, колотя деревянными лопатками въ пустой боченокъ, намѣсто чугунной доски; послѣ того заглянулъ въ кухню, гдѣ, подъ видомъ того, чтобы попробовать, хорошо ли ѣдятъ люди, наѣлся препорядочно щей съ кашею и, выбранивши всѣхъ до послѣдняго за воровство и дурное поведеніе, возвратился въ свою комнату. Оставшись одинъ, онъ даже подумалъ о томъ, какъ бы ему возблагодарить гостя за такое, въ самомъ дѣлѣ, безпримѣрное великодушіе. «Я ему подарю»,—подумалъ онъ про себя,—«карманные часы: они вѣдь хорошіе, серебряные часы, а не то, чтобы какіе-нибудь томпаковые или бронзовые,—немножко поиспорчены, да вѣдь онъ себѣ переправитъ; онъ человѣкъ еще молодой, такъ ему нужны карманные часы, чтобы понравиться своей невѣстѣ. Или нѣтъ»,—прибавилъ онъ, послѣ нѣкотораго размышленія,—«лучше я оставлю ихъ ему, послѣ моей смерти, въ духовной, чтобы вспоминалъ обо мнѣ».

Но герой нашъ, и безъ часовъ, былъ въ самомъ веселомъ расположеніи духа. Такое неожиданное пріобрѣтеніе было сущій подарокъ. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ ни говори, не только однѣ мертвыя души, но еще и бѣглыя, и всего двѣсти слишкомъ человѣкъ! Конечно, еще подъѣзжая къ деревнѣ Плюшкина, онъ уже предчувствовалъ, что будетъ коекакая пожива, но такой прибыточной никакъ не ожидалъ. Всю дорогу онъ былъ веселъ необыкновенно, посвистывалъ, наигрывалъ губами, приставивши ко рту кулакъ, какъ будто игралъ на трубѣ, и наконецъ затянулъ какую-то пѣсню, до такой степени необыкновенную, что самъ Селифанъ слушалъ, слушалъ и потомъ, покачавъ слегка головой, сказалъ. «Вишь ты, какъ баринъ поетъ!» Были уже густыя сумерки, когда подъѣхали они къ городу. Тѣнь со свѣтомъ перемѣшалась совершенно и, казалось, самые предметы перемѣша-

лись тоже. Пестрый шлагбаумъ принялъ какой-то неопредѣленный цвѣтъ; усы у стоявшаго на часахъ солдата казались на лбу и гораздо выше глазъ, а носа какъ будто не было вовсе. Громъ и прыжки дали замѣтить, что бричка взъѣхала на мостовую. Фонари еще не зажигались, кое-гдѣ только начинали освѣщаться окна домовъ, а въ переулкахъ и закоулкахъ происходили сцены и разговоры, неразлучные съ этимъ временемъ во всѣхъ городахъ, гдѣ много солдатъ, извозчиковъ, работниковъ и особеннаго рода существъ, въ видѣ дамъ въ красныхъ шаляхъ и башмакахъ безъ чулокъ, которыя, какъ летучія мыши, шныряютъ по перекресткамъ. Чичиковъ не замѣчалъ ихъ и даже не замѣтилъ многихъ тоненькихъ чиновниковъ съ тросточками, которые, вѣроятно, сдѣлавши прогулку за городомъ, возвращались домой. Изрѣдка доходили до слуха его какія-то, казалось, женскія восклицанія: «Врешь, пьяница, я никогда не позволяла ему такого грубіянства!» или: «Ты не дерись, невѣжа, а ступай въ часть, тамъ я тебѣ докажу!..» Словомъ, тѣ слова, которыя вдругъ обдадутъ, какъ варомъ, какого-нибудь замечтавшагося двадцатилѣтняго юношу, когда, возвращаясь изъ театра, несетъ онъ въ головѣ испанскую улицу, ночь, чудный женскій образъ съ гитарой и кудрями. Чего нѣтъ, и что̀ не грезится въ головѣ его? Онъ въ небесахъ и къ Шиллеру заѣхалъ въ гости — и вдругъ раздаются надъ нимъ, какъ громъ, роковыя слова, и видитъ онъ, что вновь очутился на землѣ, и даже на Сѣнной площади, и даже близъ кабака, и вновь пошла по будничному щеголять передъ нимъ жизнь.

Наконецъ, бричка, сдѣлавши порядочный скачокъ, опустилась, какъ будто въ яму, въ ворота гостиницы, и Чичиковъ былъ встрѣченъ Петрушкою, который одною рукою придерживалъ полу своего сюртука, ибо не любилъ, чтобы расходились полы, а другою сталъ помогать ему вылѣзать изъ брички. Половой тоже выбѣжалъ со свѣчою въ рукѣ и салфеткою на плечѣ. Обрадовался ли Петрушка пріѣзду барина—неизвѣстно; по крайней мѣрѣ, они перемигнулись

съ Селифаномъ, и обыкновенно суровая его наружность, на этотъ разъ, какъ будто нѣсколько прояснилась.

«Долго изволили погулять», сказалъ половой, освѣщая лѣстницу.

«Да», сказалъ Чичиковъ, когда взошелъ на лѣстницу. «Ну, а ты что̀?»

«Слава Богу», отвѣчалъ половой, кланяясь. «Вчера прiѣхалъ поручикъ какой-то военный, занялъ шестнадцатый номеръ».

«Поручикъ?»

«Неизвѣстно какой, изъ Рязани, гнѣдыя лошади».

«Хорошо, хорошо, веди себя и впередъ хорошо!» сказалъ Чичиковъ и вошелъ въ свою комнату. Проходя переднюю, онъ покрутилъ носомъ и сказалъ Петрушкѣ: «Ты бы, по крайней мѣрѣ, хоть окна отперъ!»

«Да я ихъ отпиралъ», сказалъ Петрушка, да и совралъ. Впрочемъ, баринъ и самъ зналъ, что онъ совралъ, но ужъ не хотѣлъ ничего возражать. Послѣ сдѣланной поѣздки, онъ чувствовалъ сильную усталость. Потребовавши самый легкiй ужинъ, состоявшiй только въ поросенкѣ, онъ тотъ же часъ раздѣлся и, забравшись подъ одѣяло, заснулъ сильно, крѣпко, заснулъ чуднымъ образомъ, какъ спятъ одни только тѣ счастливцы, которые не вѣдаютъ ни гемороя, ни блохъ, ни слишкомъ сильныхъ умственныхъ способностей.

ГЛАВА VII.

Счастливъ путникъ, который, послѣ длинной, скучной дороги съ ея холодами, слякотью, грязью, невыспавшимися станцiонными смотрителями, бряканьями колокольчиковъ, починками, перебранками, ямщиками, кузнецами и всякаго рода дорожными подлецами, видитъ, наконецъ, знакомую крышу съ несущимися навстрѣчу огоньками—и предстанутъ предъ нимъ знакомыя комнаты, радостный крикъ выбѣжавшихъ навстрѣчу людей, шумъ и бѣготня дѣтей, и успокоительныя тихiя рѣчи, прерываемыя пылающими лобзанiями,

властными истребить все печальное изъ памяти. Счастливъ семьянинъ, у кого есть такой уголъ, но горе холостяку!

Счастливъ писатель, который, мимо характеровъ скучныхъ, противныхъ, поражающихъ печальною своею дѣйствительностью, приближается къ характерамъ, являющимъ высокое достоинство человѣка, который, изъ великаго омута ежедневно вращающихся образовъ, избралъ одни немногія исключенія, который не измѣнялъ ни разу возвышеннаго строя своей лиры, не ниспускался съ вершины своей къ бѣднымъ, ничтожнымъ своимъ собратьямъ и, не касаясь земли, весь повергался въ свои далеко отторгнутые отъ нея и возвеличенные образы. Вдвойнѣ завиденъ прекрасный удѣлъ его: онъ среди ихъ, какъ въ родной семьѣ; а между тѣмъ далеко и громко разносится его слава. Онъ окурилъ упоительнымъ куревомъ людскія очи; онъ чудно польстилъ имъ, сокрывъ печальное въ жизни, показавъ имъ прекраснаго человѣка. Все, рукоплеща, несется за нимъ и мчится вслѣдъ за торжественной его колесницей. Великимъ всемірнымъ поэтомъ именуютъ его, парящимъ высоко надъ всѣми другими геніями міра, какъ паритъ орелъ надъ другими высоколетающими. При одномъ имени его уже объемлются трепетомъ молодыя пылкія сердца; отвѣтныя слезы ему блещутъ во всѣхъ очахъ... Нѣтъ равнаго ему въ силѣ — онъ Богъ! Но не таковъ удѣлъ, и другая судьба писателя, дерзнувшаго вызвать наружу все, что ежеминутно предъ очами, и чего не зрятъ равнодушныя очи,—всю страшную, потрясающую тину мелочей, опутавшихъ нашу жизнь, всю глубину холодныхъ, раздробленныхъ, повседневныхъ характеровъ, которыми кишитъ наша земная, подчасъ горькая и скучная дорога, и крѣпкою силою неумолимаго рѣзца дерзнувшаго выставить ихъ выпукло и ярко на всенародныя очи! Ему не собрать народныхъ рукоплесканій, ему не зрѣть признательныхъ слезъ и единодушнаго восторга взволнованныхъ имъ душъ; къ нему не полетитъ навстрѣчу шестнадцатилѣтняя дѣвушка съ закружившеюся головою и геройскимъ увлеченьемъ; ему не позабыться въ сладкомъ

обаяньи имъ же исторгнутыхъ звуковъ; ему не избѣжать, наконецъ, отъ современнаго суда, лицемѣрно-безчувственнаго современнаго суда, который назоветъ ничтожными и низкими имъ лелѣянныя созданья, отведетъ ему презрѣнный уголъ въ ряду писателей, оскорбляющихъ человѣчество, придастъ ему качества имъ же изображенныхъ героевъ, отниметъ отъ него и сердце, и душу, и божественное пламя таланта: ибо не признаётъ современный судъ, что равно чудны стекла, озирающія солнцы и передающія движенья незамѣченныхъ насѣкомыхъ; ибо не признаётъ современный судъ, что много нужно глубины душевной, дабы озарить картину, взятую изъ презрѣнной жизни, и возвести ее въ перлъ созданья; ибо не признаётъ современный судъ, что высокій восторженный смѣхъ достоинъ стать рядомъ съ высокимъ лирическимъ движеніемъ, и что цѣлая пропасть между нимъ и кривляньемъ балаганнаго скомороха! Не признаётъ сего современный судъ, и все обратитъ въ упрекъ и поношенье непризнанному писателю: безъ раздѣленья, безъ отвѣта, безъ участья, какъ безсемейный путникъ, останется онъ одинъ посреди дороги. Сурово его поприще, и горько почувствуетъ онъ свое одиночество.

И долго еще опредѣлено мнѣ чудной властью итти объ руку съ моими странными героями, озирать всю громадно-несущуюся жизнь, озирать ее сквозь видный міру смѣхъ и незримыя, невѣдомыя ему слезы! И далеко еще то время, когда инымъ ключомъ грозная вьюга вдохновенья подымется изъ облеченной въ священный ужасъ и блистанье главы, и почуютъ, въ смущенномъ трепетѣ, величавый громъ другихъ рѣчей...

Въ дорогу! въ дорогу! Прочь набѣжавшая на чело морщина и строгій сумракъ лица! Разомъ и вдругъ окунемся въ жизнь, со всей ея беззвучной трескотней и бубенчиками, и посмотримъ, что̀ дѣлаетъ Чичиковъ.

Чичиковъ проснулся, потянулъ руки и ноги, и почувствовалъ, что выспался хорошо. Полежавъ минуты двѣ на спинѣ, онъ щелкнулъ рукою и вспомнилъ съ просіявшимъ

лицомъ, что у него теперь безъ малаго четыреста душъ. Тутъ же вскочилъ онъ съ постели, не посмотрѣлъ даже на свое лицо, которое любилъ искренно и въ которомъ, какъ кажется, привлекательнѣе всего находилъ подбородокъ, ибо весьма часто хвалился имъ предъ кѣмъ-нибудь изъ пріятелей, особливо, если это происходило во время бритья. «Вотъ, посмотри», говорилъ онъ обыкновенно, поглаживая его рукою: «какой у меня подбородокъ: совсѣмъ круглый!»— Но теперь онъ не взглянулъ ни на подбородокъ, ни на лицо, а прямо, такъ, какъ былъ, надѣлъ сафьянные сапоги съ рѣзными выкладками всякихъ цвѣтовъ, какими бойко торгуетъ городъ Торжокъ, благодаря халатнымъ побужденьямъ русской натуры, и, по-шотландски, въ одной короткой рубашкѣ, позабывъ свою степенность и приличныя среднія лѣта, произвелъ по комнатѣ два прыжка, пришлепнувъ себя весьма ловко пяткой ноги. Потомъ, въ ту же минуту, приступилъ къ дѣлу: передъ шкатулкой потеръ руки съ такимъ же удовольствіемъ, какъ потираетъ ихъ, выѣхавшій на слѣдствіе, неподкупный земскій судъ, подходящій къ закускѣ, и тотъ же часъ вынулъ изъ нея бумаги. Ему хотѣлось поскорѣе кончить все, не откладывая въ долгій ящикъ. Самъ рѣшился онъ сочинить крѣпости, написать и переписать, чтобъ не платить ничего подьячимъ. Форменный порядокъ былъ ему совершенно извѣстенъ: бойко выставилъ онъ большими буквами: *Тысяча восемьсотъ такого-то года;* потомъ вслѣдъ за тѣмъ мелкими: *помѣщикъ такой-то,* и все, что́ слѣдуетъ. Въ два часа готово было все. Когда взглянулъ онъ потомъ на эти листики, на мужиковъ, которые, точно, были когда-то мужиками, работали, пахали, пьянствовали, извозничали, обманывали баръ, а можетъ-быть, и просто были хорошими мужиками, то какое-то странное, непонятное ему самому, чувство овладѣло имъ. Каждая изъ записочекъ какъ будто имѣла какой-то особенный характеръ, и чрезъ то, какъ будто бы, самые мужики получали свой собственный характеръ. Мужики, принадлежавшіе Коробочкѣ, всѣ почти

были съ придатками и прозвищами. Записка Плюшкина отличалась краткостью въ слогѣ: часто были выставлены только начальныя слова именъ и отчествъ, и потомъ двѣ точки. Реестръ Собакевича поражалъ необыкновенною полнотою и обстоятельностью; ни одно изъ качествъ мужика не было пропущено: объ одномъ было сказано: «хорошій столяръ»; къ другому приписано: «дѣло смыслитъ и хмельного не беретъ». Означено было также обстоятельно, кто отецъ и кто мать, и какого оба были поведенія; у одного только, какого-то Ѳедотова, было написано: «отецъ неизвѣстно кто, а родился отъ дворовой дѣвки Капитолины, но хорошаго нрава и не воръ». Всѣ сіи подробности придавали какой-то особенный видъ свѣжести: казалось, какъ будто мужики еще вчера были живы. Смотря долго на имена ихъ, онъ умилился духомъ и, вздохнувши, произнесъ: «Батюшки мои, сколько васъ здѣсь напичкано! Чтó вы, сердечные мои, подѣлывали на вѣку своемъ? какъ перебивались?» И глаза его невольно остановились на одной фамиліи. Это былъ извѣстный Петръ Савельевъ Неуважай-Корыто, принадлежавшій когда-то помѣщицѣ Коробочкѣ. Онъ опять не утерпѣлъ, чтобъ не сказать: «Эхъ какой длинный, во всю строку разъѣхался! Мастеръ ли ты былъ, или просто мужикъ, и какою смертью тебя прибрало? Въ кабакѣ ли, или середи дороги переѣхалъ тебя сонного неуклюжій обозъ?—Пробка Степанъ, *плотникъ, трезвости примѣрной.*—А! вотъ онъ, Степанъ Пробка, вотъ тотъ богатырь, чтó въ гвардію годился бы! Чай, всѣ губерніи исходилъ съ топоромъ за поясомъ и сапогами на плечахъ, съѣдалъ на грошъ хлѣба, да на два сушеной рыбы, а въ мошнѣ, чай, притаскивалъ всякій разъ домой цѣлковиковъ по сту, а можетъ и государственную зашивалъ въ холстяные штаны или затыкалъ въ сапогъ. Гдѣ тебя прибрало? Взмостился ли ты для бóльшаго прибытку подъ церковный куполъ, а, можетъ-быть, и на крестъ потащился и, поскользнувшись оттуда съ перекладины, шлепнулся о-земь, и только какой-нибудь стоявшій возлѣ тебя дядя Михей,

почесавъ рукою въ затылкѣ, примолвилъ: «Эхъ, Ваня, угораздило тебя!» а самъ, подвязавшись веревкой, полѣзъ на твое мѣсто. — Максимъ Телятниковъ, *сапожникъ*. Хе, сапожникъ! *Пьянъ, какъ сапожникъ,* говоритъ пословица. Знаю, знаю тебя, голубчикъ; если хочешь, всю исторію твою разскажу. Учился ты у нѣмца, который кормилъ васъ всѣхъ вмѣстѣ, билъ ремнемъ по спинѣ за неаккуратность и не выпускалъ на улицу повѣсничать, и былъ ты чудо, а не сапожникъ; и не нахвалился тобою нѣмецъ, говоря съ женой или съ камрадомъ. А какъ кончилось твое ученье: «А вотъ теперь я заведусь своимъ домкомъ», сказалъ ты: «да не такъ, какъ нѣмецъ, что̀ изъ копѣйки тянется, а вдругъ разбогатѣю». И вотъ, давши барину порядочный оброкъ, завелъ ты лавчонку, набравъ заказовъ кучу, и пошелъ работать. Досталъ гдѣ-то въ-три-дешева гнилушки кожи и выигралъ, точно, вдвое на всякомъ сапогѣ, да черезъ недѣли двѣ перелопались твои сапоги, и выбранили тебя подлѣйшимъ образомъ. И вотъ лавчонка твоя запустѣла, и ты пошелъ попивать да валяться по улицамъ, приговаривая: «Нѣтъ, плохо на свѣтѣ! Нѣтъ житья русскому человѣку: все нѣмцы мѣшаютъ!» — «Это что̀ за мужикъ: Елизавета Воробей? Фу, ты пропасть: баба! Она какъ сюда затесалась? Подлецъ Собакевичъ, и здѣсь надулъ!» Чичиковъ былъ правъ; это была, точно, баба. Какъ она забралась туда—неизвѣстно; но такъ искусно была прописана, что издали можно было принять ее за мужика и даже имя оканчивалось на букву ъ, то-есть, не Елизавета, а Елизаветъ. Однакоже онъ это не принялъ въ уваженье и тутъ же ее вычеркнулъ. — «Григорій Доѣзжай-недоѣдешь! Ты что̀ былъ за человѣкъ? Извозомъ ли промышлялъ и, заведши тройку и рогожную кибитку, отрекся навѣки отъ дому, отъ родной берлоги, и пошелъ тащиться съ купцами на ярмарку? На дорогѣ ли ты отдалъ душу Богу, или уходили тебя твои же пріятели за какую-нибудь толстую и краснощекую солдатку, или приглядѣлись лѣсному бродягѣ ременныя твои рукавицы и тройка призе-

мистыхъ, но крѣпкихъ коньковъ, или, можетъ, и самъ, лежа на полатяхъ, думалъ, думалъ, да ни съ того, ни съ другого заворотилъ въ кабакъ, а потомъ прямо въ прорубь, и поминай какъ звали? Эхъ, русскій народецъ! Не любитъ умирать своею смертью!» — «А вы что́, мои голубчики?» продолжалъ онъ, переводя глаза на бумажку, гдѣ были помѣчены бѣглыя души Плюшкина: «вы хоть и въ живыхъ еще, а что́ въ васъ толку? то же, что̀ и мертвые. И гдѣ-то носятъ васъ теперь ваши быстрыя ноги? Плохо ли вамъ было у Плюшкина, или, просто, по своей охотѣ гуляете по лѣсамъ да дерете проѣзжихъ? По тюрьмамъ ли сидите, или пристали къ другимъ господамъ и пашете землю? — Еремей Карякинъ, Никита Волокита, сынъ его Антонъ Волокита. Эти, и по прозвищу видно, что хорошіе бѣгуны.— Поповъ, дворовый человѣкъ... Долженъ быть грамотей: ножа, я чай, не взялъ въ руки, а проворовался благороднымъ образомъ. Но вотъ ужъ тебя, безпашпортнаго, поймалъ капитанъ-исправникъ. Ты стоишь бодро на очной ставкѣ. «Чей ты?» говоритъ капитанъ-исправникъ, ввернувши тебѣ, при сей вѣрной оказіи, кое-какое крѣпкое словцо.—«Такого-то и такого-то помѣщика», отвѣчаешь ты бойко. «Зачѣмъ ты здѣсь?» говоритъ капитанъ-исправникъ.— «Отпущенъ на оброкъ», отвѣчаешь ты безъ запинки. «Гдѣ твой пашпортъ?» — «У хозяина, мѣщанина Пименова». — «Позвать Пименова! Ты Пименовъ?» — «Я Пименовъ». — «Давалъ онъ тебѣ пашпортъ свой?» — «Нѣтъ, не давалъ онъ мнѣ никакого пашпорта».—«Что̀-жъ ты врешь?» говоритъ капитанъ-исправникъ, съ прибавкою кое-какого крѣпкаго словца. «Такъ точно», отвѣчаешь ты бойко: «я не давалъ ему, потому что пришелъ домой поздно, а отдалъ на подержаніе Антипу Прохорову, звонарю».—«Позвать звонаря! Давалъ онъ тебѣ пашпортъ?»—«Нѣтъ, не получалъ я отъ него пашпорта».—Что́-жъ ты опять врешь?» говоритъ капитанъ-исправникъ, скрѣпивши рѣчь кое-какимъ крѣпкимъ словцомъ. «Гдѣ-жъ твой пашпортъ?»—«Онъ у меня былъ», говоришь ты проворно: «да, статься-можетъ, видно, какъ-

нибудь дорогой пообронилъ его».—«А солдатскую шинель», говоритъ капитанъ-исправникъ, загвоздивши тебѣ опять въ придачу кое-какое крѣпкое словцо: «зачѣмъ стащилъ? и у священника тоже сундукъ съ мѣдными деньгами?» — «Никакъ нѣтъ», говоришь ты, не сдвинувшись: «въ воровскомъ дѣлѣ никогда еще не оказывался». — «А почему же шинель нашли у тебя?»—«Не могу знать: вѣрно, кто-нибудь другой принесъ ее». — «Ахъ, ты бестія, бестія!» говоритъ капитанъ-исправникъ, покачивая головою и взявшись подъ бока. «А набейте ему на ноги колодки, да сведите въ тюрьму». — «Извольте! я съ удовольствіемъ», отвѣчаешь ты. И вотъ, вынувши изъ кармана табакерку, ты потчиваешь дружелюбно какихъ-то двухъ инвалидовъ, набивающихъ на тебя колодки, и разспрашиваешь ихъ, давно ли они въ отставкѣ и въ какой войнѣ бывали. И вотъ ты себѣ живешь въ тюрьмѣ, покамѣстъ въ судѣ производится твое дѣло. И пишетъ судъ: препроводить тебя изъ Царево-Кокшайска въ тюрьму такого-то города; а тотъ судъ пишетъ опять: препроводить тебя въ какой-нибудь Весьегонскъ; и ты переѣзжаешь себѣ изъ тюрьмы въ тюрьму, и говоришь, осматривая новое обиталище: «Нѣтъ, вотъ весьегонская тюрьма будетъ почище: тамъ хоть и въ бабки, такъ есть мѣсто, да и общества больше».—«Абакумъ Ѳыровъ! Ты, братъ, что́? гдѣ, въ какихъ мѣстахъ шатаешься? Занесло ли тебя на Волгу, и взлюбилъ ты вольную жизнь, приставши къ бурлакамъ?...» Тутъ Чичиковъ остановился и слегка задумался. Надъ чѣмъ онъ задумался? Задумался ли онъ надъ участью Абакума Ѳырова, или задумался такъ, самъ собою, какъ задумывается всякій русскій, какихъ бы ни былъ лѣтъ, чина и состоянія, когда замыслитъ объ разгулѣ широкой жизни? И въ самомъ дѣлѣ, гдѣ теперь Ѳыровъ? Гуляетъ шумно и весело на хлѣбной пристани, порядившись съ купцами. Цвѣты и ленты на шляпѣ, вся веселится бурлацкая ватага, прощаясь съ любовницами и женами, высокими, стройными, въ монистахъ и лентахъ; хороводы, пѣсни; кипитъ вся площадь, а но-

сильщики между тѣмъ, при крикахъ, браняхъ и понуканьяхъ, нацѣпляя крючкомъ по девяти пудовъ себѣ на спину, съ шумомъ сыплютъ горохъ и пшеницу въ глубокія суда, валятъ кули съ овсомъ и крупой, и далече виднѣются по всей площади кучи наваленныхъ въ пирамиду, какъ ядра, мѣшковъ, и громадно выглядываетъ весь хлѣбный арсеналъ, пока не перегрузится весь въ глубокія суда-суряки и не понесется гусемъ, вмѣстѣ съ весенними льдами, безконечный флотъ. Тамъ-то вы наработаетесь, бурлаки! и дружно, какъ прежде гуляли и бѣсились, приметесь за трудъ и потъ, таща лямку подъ одну безконечную, какъ Русь, пѣсню!

«Эхе, хе! двѣнадцать часовъ!» сказалъ наконецъ Чичиковъ, взглянувъ на часы. «Что же я такъ закопался? Да еще пусть бы дѣло дѣлалъ, а то ни съ того, ни съ другого, сначала загородилъ околесину, а потомъ задумался. Экой я дуракъ въ самомъ дѣлѣ!» Сказавши это, онъ перемѣнилъ свой шотландскій костюмъ на европейскій, стянулъ покрѣпче пряжкой свой полный животъ, вспрыснулъ себя одеколономъ, взялъ въ руки теплый картузъ и бумаги подъ мышку и отправился въ гражданскую палату совершать купчую. Онъ спѣшилъ не потому, что боялся опоздать, — опоздать онъ не боялся, ибо предсѣдатель былъ человѣкъ знакомый и могъ продлить и укоротить, по его желанію, присутствіе, подобно древнему Зевесу Гомера, длившему дни и насылавшему быстрыя ночи, когда нужно было прекратить брань любезныхъ ему героевъ или дать имъ средство додраться; но онъ самъ въ себѣ чувствовалъ желаніе скорѣе, какъ можно, привести дѣло къ концу; до тѣхъ поръ ему казалось все неспокойно и неловко: все-таки приходила мысль, что души не совсѣмъ настоящія и что въ подобныхъ случаяхъ такую обузу всегда нужно поскорѣе съ плечъ. Не успѣлъ онъ выйти на улицу, размышляя обо всемъ этомъ и въ то же время таща на плечахъ медвѣди, крытые коричневымъ сукномъ, какъ, на самомъ поворотѣ въ переулокъ, столкнулся тоже съ господиномъ въ медвѣдяхъ, кры-

тыхъ коричневымъ сукномъ, и въ тепломъ картузѣ съ ушами. Господинъ вскрикнулъ—это былъ Маниловъ. Они заключили тутъ же другъ друга въ объятія и минутъ пять оставались на улицѣ въ такомъ положеніи. Поцѣлуи съ обѣихъ сторонъ такъ были сильны, что у обоихъ весь день почти болѣли передніе зубы. У Манилова отъ радости остались только носъ да губы на лицѣ, глаза совершенно исчезли. Съ четверть часа держалъ онъ обѣими руками руку Чичикова и нагрѣлъ ее страшно. Въ оборотахъ самыхъ тонкихъ и пріятныхъ онъ разсказалъ, какъ летѣлъ обнять Павла Ивановича; рѣчь была заключена такимъ комплиментомъ, какой развѣ только приличенъ одной дѣвицѣ, съ которой идутъ танцовать. Чичиковъ открылъ ротъ, еще не зная самъ, какъ благодарить, какъ вдругъ Маниловъ вынулъ изъ-подъ шубы бумагу, свернутую въ трубочку и связанную розовою ленточкой.

«Это что̀?»

«Мужички».

«А!»—Онъ тутъ же развернулъ ее, пробѣжалъ глазами и подивился чистотѣ и красотѣ почерка. «Славно написано», сказалъ онъ: «не нужно и переписывать. Еще и каемка вокругъ! Кто это такъ искусно сдѣлалъ каемку?»

«Ну, ужъ не спрашивайте», сказалъ Маниловъ.

«Вы?»

«Жена».

«Ахъ, Боже мой! Мнѣ, право, совѣстно, что нанесъ столько затрудненій».

«Для Павла Ивановича не существуетъ затрудненій».

Чичиковъ поклонился съ признательностью. Узнавши, что онъ шелъ въ палату за совершеніемъ купчей, Маниловъ изъявилъ готовность ему сопутствовать. Пріятели взялись подъ руку и пошли вмѣстѣ. При всякомъ небольшомъ возвышеніи, или горкѣ, или ступенькѣ, Маниловъ поддерживалъ Чичикова и почти приподнималъ его рукою, присовокупляя съ пріятною улыбкою, что онъ не допуститъ никакъ Павла Ивановича зашибить свои ножки. Чичиковъ совѣ-

стился, не зная, какъ благодарить, ибо чувствовалъ, что нѣсколько былъ тяжеленекъ. Во взаимныхъ услугахъ, они дошли, наконецъ, до площади, гдѣ находились присутственныя мѣста—большой трехъ-этажный каменный домъ, весь бѣлый, какъ мѣлъ, вѣроятно, для изображенія чистоты душъ помѣщавшихся въ немъ должностей. Прочія зданія на площади не отвѣчали огромностью каменному дому. Это были: караульная будка, у которой стоялъ солдатъ съ ружьемъ, двѣ-три извозчичьи биржи и, наконецъ, длинные заборы, съ извѣстными заборными надписями и рисунками, нацарапанными углемъ и мѣломъ. Болѣе не находилось ничего на сей уединенной или, какъ у насъ выражаются, красивой площади. Изъ оконъ второго и третьяго этажа высовывались неподкупныя головы жрецовъ Ѳемиды и въ ту-жъ минуту прятались опять: вѣроятно, въ то время входилъ въ комнату начальникъ. Пріятели не взошли, а взбѣжали по лѣстницѣ, потому что Чичиковъ, стараясь избѣгнуть поддерживанья подъ руку со стороны Манилова, ускорялъ шагъ, а Маниловъ тоже, съ своей стороны, летѣлъ впередъ, стараясь не позволить Чичикову устать, и потому оба запыхались весьма сильно, когда вступили въ темный коридоръ. Ни въ коридорахъ, ни въ комнатахъ взоръ ихъ не былъ пораженъ чистотою. Тогда еще не заботились о ней, и то, что̀ было грязно, такъ и оставалось грязнымъ, не принимая привлекательной наружности. Ѳемида просто, какова есть, въ неглиже и халатѣ, принимала гостей. Слѣдовало бы описать канцелярскія комнаты, которыми проходили наши герои, но авторъ питаетъ сильную робость ко всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ. Если и случалось ему проходить ихъ даже въ блистательномъ и облагороженномъ видѣ, съ лакированными полами и столами, онъ старался пробѣжать, какъ можно, скорѣе, смиренно опустивъ и потупивъ глаза въ землю, а потому совершенно не знаетъ, какъ тамъ все благоденствуетъ и процвѣтаетъ. Герои наши видѣли много бумаги, и черновой и бѣлой, наклонившіяся головы, широкіе затылки, фраки, сюртуки губернскаго покроя и даже, просто,

какую-то свѣтло-сѣрую куртку, отдѣлившуюся весьма рѣзко, которая, своротивъ голову на-бокъ и положивъ ее почти на самую бумагу, выписывала бойко и замашисто какой-нибудь протоколъ объ оттяганіи земли или опискѣ имѣнія, захваченнаго какимъ-нибудь мирнымъ помѣщикомъ, покойно доживающимъ вѣкъ свой подъ судомъ, нажившимъ себѣ и дѣтей, и внуковъ, подъ его покровомъ; да слышались урывками короткія выраженія, произносимыя хриплымъ голосомъ: «Одолжите, Ѳедосѣй Ѳедосѣевичъ, дѣльцо за № 368!» — «Вы всегда куда-нибудь затаскаете пробку съ казенной чернильницы!» Иногда голосъ, болѣе величавый, безъ сомнѣнія, одного изъ начальниковъ, раздавался повелительно: «На, перепиши! а не то — снимутъ сапоги, и просидишь ты у меня шесть сутокъ, не ѣвши». Шумъ отъ перьевъ былъ большой и походилъ на то, какъ будто бы нѣсколько телѣгъ съ хворостомъ проѣзжали лѣсъ, заваленный на четверть аршина изсохшими листьями.

Чичиковъ и Маниловъ подошли къ первому столу, гдѣ сидѣли два чиновника еще юныхъ лѣтъ, и спросили: «Позвольте узнать, гдѣ здѣсь дѣла по крѣпостямъ?»

«А что̀ вамъ нужно?» сказали оба чиновника, оборотившись.

«А мнѣ нужно подать просьбу».

«А вы что̀ купили такое?»

«Я бы хотѣлъ прежде знать, гдѣ крѣпостной столъ, здѣсь или въ другомъ мѣстѣ?»

«Да скажите прежде, что̀ купили и въ какую цѣну, такъ мы вамъ тогда и скажемъ, гдѣ; а такъ нельзя знать».

Чичиковъ тотчасъ увидѣлъ, что чиновники были, просто, любопытны, подобно всѣмъ молодымъ чиновникамъ, и хотѣли придать болѣе вѣсу и значенія себѣ и своимъ занятіямъ.

«Послушайте, любезные», сказалъ онъ: «я очень хорошо знаю, что всѣ дѣла по крѣпостямъ, въ какую бы ни было цѣну, находятся въ одномъ мѣстѣ, а потому прошу васъ показать намъ столъ; а если вы не знаете, что̀ у васъ дѣлается, такъ мы спросимъ у другихъ». Чиновники на это

ничего не отвѣчали, одинъ изъ нихъ только ткнулъ пальцемъ въ уголъ комнаты, гдѣ сидѣлъ за столомъ какой-то старикъ, перемѣчавшій какія-то бумаги. Чичиковъ и Маниловъ прошли промежъ столами прямо къ нему. Старикъ занимался очень внимательно.

«Позвольте узнать», сказалъ Чичиковъ съ поклономъ: «здѣсь дѣла по крѣпостямъ?»

Старикъ поднялъ глаза и произнесъ съ разстановкою: «Здѣсь нѣтъ дѣлъ по крѣпостямъ».

«А гдѣ же?»

«Это въ крѣпостной экспедиціи».

«А гдѣ же крѣпостная экспедиція?»

«Это у Ивана Антоновича».

«А гдѣ же Иванъ Антоновичъ?»

Старикъ ткнулъ пальцемъ въ другой уголъ комнаты. Чичиковъ и Маниловъ отправились къ Ивану Антоновичу. Иванъ Антоновичъ уже запустилъ одинъ глазъ назадъ и оглянулъ ихъ искоса, но въ ту же минуту погрузился еще внимательнѣе въ писаніе.

«Позвольте узнать», сказалъ Чичиковъ съ поклономъ: «здѣсь крѣпостной столъ?»

Иванъ Антоновичъ какъ будто бы и не слыхалъ и углубился совершенно въ бумаги, не отвѣчая ничего. Видно было вдругъ, что это былъ уже человѣкъ благоразумныхъ лѣтъ,—не то, что молодой болтунъ и вертоплясъ. Иванъ Антоновичъ, казалось, имѣлъ уже далеко за сорокъ лѣтъ; волосъ на немъ былъ черный, густой; вся середина лица выступала у него впередъ и пошла въ носъ; словомъ, это было то лицо, которое называютъ въ общежитіи кувшиннымъ рыломъ.

«Позвольте узнать, здѣсь крѣпостная экспедиція?» сказалъ Чичиковъ.

«Здѣсь», сказалъ Иванъ Антоновичъ, поворотилъ свое кувшинное рыло и приложился опять писать.

«А у меня дѣло вотъ какое: куплены мною у разныхъ владѣльцевъ здѣшняго уѣзда крестьяне на выводъ; купчая есть, остается совершить».

«А продавцы на-лицо?»

«Нѣкоторые здѣсь, а отъ другихъ довѣренность».

«А просьбу принесли?»

«Принесъ и просьбу Я бы хотѣлъ... мнѣ нужно поторопиться... Такъ нельзя ли, напримѣръ, кончить дѣло сегодня?»

«Да, сегодня!.. Сегодня нельзя», сказалъ Иванъ Антоновичъ: «Нужно навести еще справки, нѣтъ ли еще запрещеній».

«Впрочемъ, что̀ до того, чтобъ ускорить дѣло, такъ Иванъ Григорьевичъ, предсѣдатель, мнѣ большой другъ...»

«Да вѣдь Иванъ Григорьевичъ не одинъ; бываютъ и другіе», сказалъ сурово Иванъ Антоновичъ.

Чичиковъ понялъ заковыку, которую завернулъ Иванъ Антоновичъ, и сказалъ: «Другіе тоже не будутъ въ обидѣ; я самъ служилъ, дѣло знаю...»

«Идите къ Ивану Григорьевичу», сказалъ Иванъ Антоновичъ, голосомъ нѣсколько поласковѣе: «Пусть онъ дастъ приказъ, кому слѣдуетъ, а за нами дѣло не постоитъ».

Чичиковъ, вынувъ изъ кармана бумажку, положилъ ее передъ Иваномъ Антоновичемъ, которую тотъ совершенно не замѣтилъ, и накрылъ тотчасъ ее книгою. Чичиковъ хотѣлъ было указать ему ее, но Иванъ Антоновичъ движеніемъ головы далъ знать, что не нужно показывать.

«Вотъ, онъ васъ проведетъ въ присутствіе», сказалъ Иванъ Антоновичъ, кивнувъ головою, и одинъ изъ священнодѣйствующихъ, тутъ же находившихся,—приносившій съ такимъ усердіемъ жертвы Ѳемидѣ, что оба рукава лопнули на локтяхъ и давно лѣзла оттуда подкладка, за что̀ и получилъ въ свое время коллежскаго регистратора,—прислужился нашимъ пріятелямъ, какъ нѣкогда Виргилій прислужился Данту, и провелъ ихъ въ комнату присутствія, гдѣ стояли однѣ только широкія кресла, и въ нихъ, передъ столомъ за зерцаломъ и двумя толстыми книгами, сидѣлъ одинъ, какъ солнце, предсѣдатель. Въ этомъ мѣстѣ новый Виргилій почувствовалъ такое благоговѣніе, что никакъ не осмѣлился занести туда ногу и поворотилъ назадъ, пока-

завъ свою спину, вытертую какъ рогожка, съ прилипнувшимъ гдѣ-то куринымъ перомъ. Вошедши въ залу присутствія, они увидѣли, что предсѣдатель былъ не одинъ: подлѣ него сидѣлъ Собакевичъ, совершенно заслоненный зерцаломъ. Приходъ гостей произвелъ восклицаніе, правительственныя кресла были отодвинуты съ шумомъ. Собакевичъ тоже привсталъ со стула и сталъ виденъ со всѣхъ сторонъ съ длинными своими рукавами. Предсѣдатель принялъ Чичикова въ объятія, и комната присутствія огласилась поцѣлуями; спросили другъ друга о здоровьѣ; оказалось, что у обоихъ побаливаетъ поясница, чт̀о тутъ же было отнесено къ сидячей жизни. Предсѣдатель, казалось, уже былъ увѣдомленъ Собакевичемъ о покупкѣ, потому что принялся поздравлять, чт̀о сначала нѣсколько смѣшало нашего героя, особливо, когда онъ увидѣлъ, что и Собакевичъ, и Маниловъ, оба продавцы, съ которыми дѣло было улажено келейно, теперь стояли вмѣстѣ лицомъ другъ къ другу. Однакоже онъ поблагодарилъ предсѣдателя и, обратившись тутъ же къ Собакевичу, спросилъ: «А ваше какъ здоровье?»

«Слава Богу, не пожалуюсь», сказалъ Собакевичъ. И точно, не на чт̀о было жаловаться: скорѣе желѣзо могло простудиться и кашлять, чѣмъ этотъ на диво сформированный помѣщикъ.

«Да вы всегда славились здоровьемъ», сказалъ предсѣдатель: «и покойный вашъ батюшка былъ также крѣпкій человѣкъ».

«Да, на медвѣдя одинъ хаживалъ», отвѣчалъ Собакевичъ.

«Мнѣ кажется, однакожъ», сказалъ предсѣдатель: «вы бы тоже повалили медвѣдя, если бы захотѣли выйти противъ него».

«Нѣтъ, не повалю», отвѣчалъ Собакевичъ: «покойникъ былъ меня покрѣпче». И, вздохнувши, продолжалъ: «Нѣтъ, теперь не тѣ люди: вотъ хоть и моя жизнь, чт̀о за жизнь? Такъ какъ-то себѣ...»

«Чѣмъ же ваша жизнь не красна?» сказалъ предсѣдатель.

«Не хорошо, не хорошо!» сказалъ Собакевичъ, покачавъ

головою. «Вы посудите, Иванъ Григорьевичъ: пятый десятокъ живу, ни разу не былъ боленъ; хоть бы горло заболѣло, вередъ или чирей выскочилъ... Нѣтъ, не къ добру! Когда-нибудь придется поплатиться за это». Тутъ Собакевичъ погрузился въ меланхолію.

«Экъ его!» подумали въ одно время и Чичиковъ, и предсѣдатель: «на что̀ вздумалъ пенять!»

«Къ вамъ у меня есть письмецо», сказалъ Чичиковъ, вынувъ изъ кармана письмо Плюшкина.

«Отъ кого?» сказалъ предсѣдатель и, распечатавши, воскликнулъ: «А, отъ Плюшкина! Онъ еще до сихъ поръ прозябаетъ на свѣтѣ. Вотъ судьба! Вѣдь какой былъ умнѣйшій, богатѣйшій человѣкъ! А теперь...»

«Собака», сказалъ Собакевичъ: «мошенникъ, всѣхъ людей переморилъ голодомъ».

«Извольте, извольте», сказалъ предсѣдатель, прочитавъ письмо: «я готовъ быть повѣреннымъ. Когда вы хотите совершить купчую, теперь или послѣ?»

«Теперь», сказалъ Чичиковъ: «я буду просить даже васъ, если можно, сегодня, потому что мнѣ завтра хотѣлось бы выѣхать изъ города; я принесъ и крѣпости, и просьбу».

«Все это хорошо, только, ужъ какъ хотите, мы васъ не выпустимъ такъ рано. Крѣпости будутъ совершены сегодня, а вы все-таки съ нами поживите. Вотъ я сейчасъ отдамъ приказъ», сказалъ онъ и отворилъ дверь въ канцелярскую комнату, всю наполненную чиновниками, которые уподобились трудолюбивымъ пчеламъ, разсыпавшимся по сотамъ, если только соты можно уподобить канцелярскимъ дѣламъ: «Иванъ Антоновичъ здѣсь?»

«Здѣсь!» отозвался голосъ изнутри.

«Позовите его сюда!»

Уже извѣстный читателямъ Иванъ Антоновичъ, кувшинное рыло, показался въ залѣ присутствія и почтительно поклонился.

«Вотъ возьмите, Иванъ Антоновичъ, всѣ эти крѣпости ихъ...»

«Да не позабудьте, Иванъ Григорьевичъ», подхватилъ Собакевичъ: «нужно будетъ свидѣтелей, хотя по два съ каждой стороны. Пошлите теперь же къ прокурору: онъ человѣкъ праздный и, вѣрно, сидитъ дома: за него все дѣлаетъ стряпчій Золотуха, первѣйшій хапуга въ мірѣ. Инспекторъ врачебной управы, онъ также человѣкъ праздный и, вѣрно, дома, если не поѣхалъ куда-нибудь играть въ карты; да еще тутъ много есть, кто поближе: Трухачевскій, Бѣгушкинъ—они всѣ даромъ бременятъ землю».

«Именно, именно!» сказалъ предсѣдатель, и тотъ же часъ отрядилъ за ними всѣми канцелярскаго.

«Еще я попрошу васъ», сказалъ Чичиковъ: «пошлите за повѣреннымъ одной помѣщицы, съ которой я тоже совершилъ сдѣлку,—сыномъ протопопа отца Кирилла; онъ служитъ у васъ же».

«Какъ же, пошлемъ и за нимъ!» сказалъ предсѣдатель: «все будетъ сдѣлано, а чиновнымъ вы никому не давайте ничего; объ этомъ я васъ прошу. Пріятели мои не должны платить». Сказавши это, онъ тутъ же далъ какое-то приказанье Ивану Антоновичу, какъ видно, ему не понравившееся. Крѣпости произвели, кажется, хорошее дѣйствіе на предсѣдателя, особливо, когда онъ увидѣлъ, что всѣхъ покупокъ было почти на сто тысячъ рублей. Нѣсколько минутъ онъ смотрѣлъ въ глаза Чичикову съ выраженьемъ большого удовольствія и, наконецъ, сказалъ: «Такъ вотъ какъ! Этакимъ-то образомъ, Павелъ Ивановичъ! Такъ вотъ вы пріобрѣли».

«Пріобрѣлъ», отвѣчалъ Чичиковъ.

«Благое дѣло! Право, благое дѣло!»

«Да я вижу самъ, что болѣе благого дѣла не могъ бы предпринять. Какъ бы то ни было, цѣль человѣка все еще не опредѣлена, если онъ не сталъ, наконецъ, твердою стопою на прочное основаніе, а не на какую-нибудь вольнодумную химеру юности». Тутъ онъ весьма кстати выбранилъ за либерализмъ, и по-дѣломъ, всѣхъ молодыхъ людей. Но замѣчательно, что въ словахъ его была все какая-то не-

твердость, какъ будто бы тутъ же сказалъ онъ самъ себѣ: «Эхъ, братъ, врешь ты, да еще и сильно!» Онъ даже не взглянулъ на Собакевича и Манилова, изъ боязни встрѣтить что-нибудь на ихъ лицахъ. Но напрасно боялся онъ: лицо Собакевича не шевельнулось, а Маниловъ, обвороженный фразою, отъ удовольствія только потряхивалъ одобрительно головою, погрузясь въ такое положеніе, въ какомъ находится любитель музыки, когда пѣвица перещеголяла самую скрипку и пискнула такую тонкую ноту, какая не въ мочь и птичьему горлу.

«Да что̀-жъ вы не скажете Ивану Григорьевичу», отозвался Собакевичъ: «что̀ такое именно вы пріобрѣли? А вы, Иванъ Григорьевичъ, что вы не спросите, какое пріобрѣтеніе они сдѣлали? Вѣдь какой народъ! Просто, золото! Вѣдь я имъ продалъ и каретника Михѣева».

«Нѣтъ, будто и Михѣева продали?» сказалъ предсѣдатель. «Я знаю каретника Михѣева: славный мастеръ; онъ мнѣ дрожки передѣлалъ. Только позвольте, какъ же... Вѣдь вы мнѣ сказывали, что онъ умеръ»...

«Кто, Михѣевъ умеръ?» сказалъ Собакевичъ, ничуть не смѣшавшись. «Это его братъ умеръ; а онъ преживехонькій и сталъ здоровѣе прежняго. На-дняхъ такую бричку наладилъ, что и въ Москвѣ не сдѣлать. Ему, по-настоящему, только на одного государя и работать».

«Да, Михѣевъ славный мастеръ», сказалъ предсѣдатель: «и я дивлюсь даже, какъ вы могли съ нимъ разстаться».

«Да будто одинъ Михѣевъ! А Пробка Степанъ, плотникъ, Милушкинъ, кирпичникъ, Телятниковъ Максимъ, сапожникъ,—вѣдь всѣ пошли, всѣхъ продалъ!» А когда предсѣдатель спросилъ, зачѣмъ же они пошли, будучи людьми необходимыми для дому и мастеровыми, Собакевичъ отвѣчалъ, махнувши рукой: «А такъ, просто, нашла дурь: дай, говорю, продамъ, да и продалъ сдуру!» Засимъ онъ повѣсилъ голову такъ, какъ будто самъ раскаивался въ этомъ дѣлѣ, и прибавилъ: «Вотъ и сѣдой человѣкъ, а до сихъ поръ не набрался ума».

«Но позвольте, Павелъ Ивановичъ», сказалъ предсѣдатель: «какъ же вы покупаете крестьянъ безъ земли? Развѣ на выводъ?»

«На выводъ».

«Ну, на выводъ—другое дѣло; а въ какія мѣста?»

«Въ мѣста... въ Херсонскую губернію».

«О, тамъ отличныя земли!» сказалъ предсѣдатель и отозвался съ большою похвалою насчетъ рослости тамошнихъ травъ.

«А земли въ достаточномъ количествѣ?»

«Въ достаточномъ,—столько, сколько нужно для купленныхъ крестьянъ».

«Рѣка или прудъ?»

«Рѣка. Впрочемъ, и прудъ есть». Сказавъ это, Чичиковъ взглянулъ ненарокомъ на Собакевича, и хотя Собакевичъ былъ попрежнему неподвиженъ, но ему казалось, будто бы было написано на лицѣ его: «Ой, врешь ты! Врядъ ли есть рѣка и прудъ, да и вся земля!»

Пока продолжались разговоры, начали мало-по-малу появляться свидѣтели: знакомый читателю прокуроръ-моргунъ, инспекторъ врачебной управы, Трухачевскій, Бѣгушкинъ и прочіе, по словамъ Собакевича, даромъ бременящіе землю. Многіе изъ нихъ были совсѣмъ незнакомы Чичикову; недостававшіе и лишніе набраны были тутъ же изъ палатскихъ чиновниковъ. Привели также не только сына протопопа отца Кирилла, но даже и самого протопопа. Каждый изъ свидѣтелей помѣстилъ себя со всѣми своими достоинствами и чинами, кто оборотнымъ шрифтомъ, кто косяками, кто, просто, чуть не вверхъ ногами, помѣщая такія буквы, какихъ даже и не видано было въ русскомъ алфавитѣ. Извѣстный Иванъ Антоновичъ управился весьма проворно, крѣпости были записаны, помѣчены, занесены въ книгу и куда слѣдуетъ, съ принятіемъ полупроцентовыхъ и за припечатку въ Вѣдомостяхъ, и Чичикову пришлось заплатить самую малость. Даже предсѣдатель далъ приказаніе изъ пошлинныхъ денегъ взять съ него только поло-

спну, а другая, неизвѣстно какимъ образомъ, отнесена была на счетъ какого-то другого просителя.

«Итакъ», сказалъ предсѣдатель, когда все было кончено: «остается теперь только вспрыснуть покупочку».

«Я готовъ», сказалъ Чичиковъ. «Отъ васъ зависитъ только назначить время. Былъ бы грѣхъ съ моей стороны, если бы для этакого пріятнаго общества да не раскупорить другую, третью бутылочку шипучаго».

«Нѣтъ, вы не такъ приняли дѣло: шипучаго мы сами поставимъ», сказалъ предсѣдатель: «это наша обязанность, нашъ долгъ. Вы у насъ гость: намъ должно угощать. Знаете ли что̀, господа? Покамѣстъ что̀, а мы вотъ какъ сдѣлаемъ: отправимтесь-ка всѣ, такъ какъ есть, къ полицеймейстеру; онъ у насъ чудотворецъ: ему сто̀итъ только мигнуть, проходя мимо рыбнаго ряда или погреба, такъ мы, знаете ли, какъ закусимъ! Да при этой оказіи и въ вистишку».

Отъ такого предложенія никто не могъ отказаться. Свидѣтели, уже при одномъ наименованьи рыбнаго ряда, почувствовали аппетитъ; взялись всѣ тотъ же часъ за картузы и шапки, и присутствіе кончилось. Когда проходили они канцелярію, Иванъ Антоновичъ, кувшинное рыло, учтиво поклонившись, сказалъ потихоньку Чичикову: «Крестьянъ накупили на сто тысячъ, а за труды дали только одну бѣленькую».

«Да вѣдь какіе крестьяне?» отвѣчалъ ему на это тоже шопотомъ Чичиковъ: «препустой и преничтожный народъ, и половины не сто̀итъ». Иванъ Антоновичъ понялъ, что посѣтитель былъ характера твердаго и больше не дастъ.

«А почемъ купили душу у Плюшкина?» шепнулъ ему на другое ухо Собакевичъ.

«А Воробья зачѣмъ приписали?» сказалъ ему въ отвѣтъ на это Чичиковъ.

«Какого Воробья?» сказалъ Собакевичъ.

«Да бабу, Елисавету Воробья, еще и букву ъ поставили на концѣ».

«Нѣтъ, никакого Воробья я не приписывалъ», сказалъ Собакевичъ и отошелъ къ другимъ гостямъ.

Гости добрались наконецъ гурьбой до дому полицеймейстера. Полицеймейстеръ, точно, былъ чудотворецъ: какъ только услышалъ онъ, въ чемъ дѣло, въ ту-жъ минуту кликнулъ квартальнаго, бойкаго малаго въ лакированныхъ ботфортахъ, и, кажется, всего два слова шепнулъ ему на ухо, да прибавилъ только: «понимаешь?» а ужъ тамъ, въ другой комнатѣ, въ продолженіе того времени, какъ гости рѣзались въ вистъ, появилась на столѣ бѣлуга, осетры, семга, икра паюсная, икра свѣжепросольная, селедки, севрюжки, сыры, копченые языки и балыки, — это все было со стороны рыбнаго ряда. Потомъ появились прибавленія съ хозяйской стороны, издѣлія кухни: пирогъ съ головизною, куда вошли хрящъ и щеки 9-ти-пудоваго осетра, другой пирогъ съ груздями, пряженцы, маслянцы, взваренцы. Полицеймейстеръ былъ, нѣкоторымъ образомъ, отецъ и благотворитель въ городѣ. Онъ былъ среди гражданъ совершенно, какъ въ родной семьѣ, а въ лавки и въ гостиный дворъ навѣдывался, какъ въ собственную кладовую. Вообще онъ сидѣлъ, какъ говорится, на своемъ мѣстѣ и должность свою постигнулъ въ совершенствѣ. Трудно было даже и рѣшить, онъ ли былъ созданъ для мѣста, или мѣсто для него. Дѣло было такъ поведено умно, что онъ получалъ вдвое больше доходовъ противъ всѣхъ своихъ предшественниковъ, а между тѣмъ заслужилъ любовь всего города. Купцы первые его очень любили, именно за то, что не гордъ; и точно, онъ крестилъ у нихъ дѣтей, кумился съ ними и хоть дралъ подчасъ съ нихъ сильно, но какъ-то чрезвычайно ловко: и по плечу потреплетъ, и засмѣется, и чаемъ напоитъ, пообѣщается и самъ притти поиграть въ шашки, разспроситъ обо всемъ: какъ дѣлишки, что̀ и какъ; если узнаетъ, что дѣтенышъ какъ-нибудь прихворнулъ, и лѣкарство присовѣтуетъ; словомъ, молодецъ! Поѣдетъ на дрожкахъ, дастъ порядокъ, а между тѣмъ и словцо промолвитъ тому-другому: «Что̀, Михѣичъ! Нужно бы намъ

съ тобою доиграть когда-нибудь въ горку».—«Да, Алексѣй Ивановичъ», отвѣчалъ тотъ, снимая шапку: «нужно бы».— «Ну, братъ, Ильи Парамонычъ, приходи ко мнѣ поглядѣть рысака: въ обгонъ съ твоимъ пойдетъ, да и своего заложи въ бѣговыя; попробуемъ». Купецъ, который на рысакѣ былъ помѣшанъ, улыбался на это съ особенною, какъ говорится, охотою и, поглаживая бороду, говорилъ: «Попробуемъ, Алексѣй Ивановичъ!» Даже всѣ сидѣльцы, обыкновенно въ это время снявши шапки, съ удовольствіемъ посматривали другъ на друга и какъ будто бы хотѣли сказать: «Алексѣй Ивановичъ хорошій человѣкъ!» Словомъ, онъ успѣлъ пріобрѣсть совершенную народность, и мнѣніе купцовъ было такое, что Алексѣй Ивановичъ «хоть оно и возьметъ, но за то ужъ никакъ тебя не выдастъ».

Замѣтивъ, что закуска была готова, полицеймейстеръ предложилъ гостямъ окончить вистъ послѣ завтрака, и всѣ пошли въ ту комнату, откуда несшійся запахъ давно начиналъ пріятнымъ образомъ щекотать ноздри гостей и куда уже Собакевичъ давно заглядывалъ въ дверь, намѣтивъ издали осетра, лежавшаго въ сторонѣ на большомъ блюдѣ. Гости, выпивши по рюмкѣ водки темнаго, оливковаго цвѣта, — какой бываетъ только на сибирскихъ прозрачныхъ камняхъ, изъ которыхъ рѣжутъ на Руси печати,— приступили со всѣхъ сторонъ съ вилками къ столу и стали обнаруживать, какъ говорится, каждый свой характеръ и склонности, налегая, кто на икру, кто на семгу, кто на сыръ. Собакевичъ, оставивъ безъ всякаго вниманія всѣ эти мелочи, пристроился къ осетру и, покамѣстъ тѣ пили, разговаривали и ѣли, онъ въ четверть часа съ небольшимъ доѣхалъ его всего, такъ что, когда полицеймейстеръ вспомнилъ было о немъ и, сказавши: «А каково вамъ, господа, покажется вотъ это произведенье природы?» подошелъ было къ нему съ вилкою вмѣстѣ съ другими, то увидѣлъ, что отъ произведенья природы оставался всего одинъ хвостъ; а Собакевичъ пришипился такъ, какъ будто и не онъ, и, подошедши къ тарелкѣ, которая была подальше прочихъ, ты-

калъ вилкою въ какую-то сушеную маленькую рыбку. Отдѣлавши осетра, Собакевичъ сѣлъ въ кресла и ужъ болѣе не ѣлъ, не пилъ, а только жмурилъ и хлопалъ глазами. Полицеймейстеръ, кажется, не любилъ жалѣть вина: тостамъ не было числа. Первый тостъ былъ выпитъ, какъ читатели, можетъ-быть, и сами догадаются, за здоровье новаго херсонскаго помѣщика, потомъ за благоденствіе крестьянъ его и счастливое ихъ переселеніе, потомъ за здоровье будущей жены его, красавицы, что̀ сорвало пріятную улыбку съ устъ нашего героя. Приступили къ нему со всѣхъ сторонъ и стали упрашивать убѣдительно остаться хоть на двѣ недѣли въ городѣ: «Нѣтъ, Павелъ Ивановичъ! Какъ вы себѣ хотите, это выходитъ—избу только выхолаживать: на порогъ да и назадъ! Нѣтъ, вы проведите время съ нами! Вотъ мы васъ женимъ. Не правда ли, Иванъ Григорьевичъ, женимъ его?»

«Женимъ, женимъ!» подхватилъ предсѣдатель. «Ужъ какъ ни упирайтесь руками и ногами, мы васъ женимъ! Нѣтъ, батюшка, попали сюда, такъ не жалуйтесь. Мы шутить не любимъ».

«Что̀-жъ? зачѣмъ упираться руками и ногами», сказалъ, усмѣхнувшись, Чичиковъ: «женитьба еще не такая вещь, чтобы того... была бы невѣста».

«Будетъ и невѣста! Какъ не быть? Все будетъ, все, что̀ хотите!...»

«А коли будетъ...»

«Браво, остается!» закричали всѣ: «виватъ, ура, Павелъ Ивановичъ! ура!» И всѣ подошли къ нему чокаться съ бокалами въ рукахъ. Чичиковъ перечокался со всѣми. «Нѣтъ, нѣтъ, еще!» говорили тѣ, которые были позадорнѣе, и вновь перечокались; потомъ полѣзли въ третій разъ чокаться: перечокались и въ третій разъ. Въ непродолжительное время всѣмъ сдѣлалось весело необыкновенно. Предсѣдатель, который былъ премилый человѣкъ, когда развеселялся, обнималъ нѣсколько разъ Чичикова, произнеся въ изліяніи сердечномъ: «Душа ты моя! маменька моя!» и даже, щелкнувъ

пальцами, пошелъ приплясывать вокругъ него, припѣвая извѣстную пѣсню: «Ахъ ты такой и этакой, комаринскій мужикъ!» — Послѣ шампанскаго, раскупорили венгерское, которое придало еще болѣе духу и развеселило общество. Объ вистѣ рѣшительно позабыли; спорили, кричали, говорили обо всемъ—объ политикѣ, объ военномъ даже дѣлѣ, излагали вольныя мысли, за которыя, въ другое время, сами бы высѣкли своихъ дѣтей. Рѣшили тутъ же множество самыхъ затруднительныхъ вопросовъ. Чичиковъ никогда не чувствовалъ себя въ такомъ веселомъ расположеніи, воображалъ себя уже настоящимъ херсонскимъ помѣщикомъ, говорилъ объ разныхъ улучшеніяхъ, о трехпольномъ хозяйствѣ, о счастіи и блаженствѣ двухъ душъ и сталъ читать Собакевичу посланіе, въ стихахъ, Вертера къ Шарлоттѣ, на которое тотъ хлопалъ только глазами, сидя въ креслахъ, ибо послѣ осетра чувствовалъ большой позывъ ко сну. Чичиковъ смекнулъ и самъ, что началъ уже слишкомъ развязываться, попросилъ экипажа и воспользовался прокурорскими дрожками. Прокурорскій кучеръ, какъ оказалось въ дорогѣ, былъ малый опытный, потому что правилъ одной только рукой, а другую засунувъ назадъ, придерживалъ ею барина. Такимъ образомъ уже на прокурорскихъ дрожкахъ доѣхалъ онъ къ себѣ въ гостиницу, гдѣ долго еще у него вертѣлся на языкѣ всякій вздоръ: бѣлокурая невѣста съ румянцемъ и ямочкой на правой щекѣ, херсонскія деревни, капиталы. Селифану даже были даны кое-какія хозяйственныя приказанія собрать всѣхъ вновь переселившихся мужиковъ, чтобы сдѣлать всѣмъ лично поголовную перекличку. Селифанъ молча слушалъ очень долго и потомъ вышелъ изъ комнаты, сказавши Петрушкѣ: «Ступай раздѣвать барина!» Петрушка принялся снимать съ него сапоги и чуть не стащилъ вмѣстѣ съ ними на полъ и самого барина. Но, наконецъ, сапоги были сняты, баринъ раздѣлся, какъ слѣдуетъ, и, поворочавшись нѣсколько времени на постели, которая скрипѣла немилосердно, заснулъ рѣшительно херсонскимъ помѣщикомъ. А Петрушка между тѣмъ вынесъ на

коридоръ панталоны и фракъ брусничнаго цвѣта съ искрой, который, растопыривши на деревянную вѣшалку, началъ бить хлыстомъ и щеткой, напустивши пыли на весь коридоръ. Готовясь уже снять ихъ, онъ взглянулъ съ галлереи внизъ и увидѣлъ Селифана, возвращавшагося изъ конюшни. Они встрѣтились взглядами и чутьемъ поняли другъ друга: баринъ де завалился спать—можно и заглянуть кое-куда. Тотъ же часъ, отнесши въ комнату фракъ и панталоны, Петрушка сошелъ внизъ, и оба пошли вмѣстѣ, не говоря другъ другу ничего о цѣли путешествія и балагуря дорогою совершенно о постороннемъ. Прогулку сдѣлали они недалекую: именно перешли только на другую сторону улицы, къ дому, бывшему насупротивъ гостиницы, и вошли въ низенькую, стеклянную, закоптившуюся дверь, приводившую почти въ подвалъ, гдѣ уже сидѣло за деревянными столами много всякихъ: и брившихъ, и небрившихъ бороды, и въ нагольныхъ тулупахъ, и, просто, въ рубахѣ, а кое-кто и во фризовой шинели. Что̀ дѣлали тамъ Петрушка съ Селифаномъ, Богъ ихъ вѣдаетъ; но вышли они оттуда черезъ часъ, взявшись за руки, сохраняя совершенное молчаніе, оказывая другъ другу большое вниманіе и предостерегая взаимно отъ всякихъ угловъ. Рука въ руку, не выпуская другъ друга, они цѣлыя четверть часа взбирались на лѣстницу, наконецъ одолѣли ее и взошли. Петрушка остановился съ минуту передъ низенькою своею кроватью, придумывая, какъ бы лечь приличнѣе, и легъ совершенно поперекъ, такъ что ноги его упирались въ полъ. Селифанъ легъ и самъ на той же кровати, помѣстивъ голову у Петрушки на брюхѣ и позабывъ о томъ, что ему слѣдовало спать вовсе не здѣсь, а, можетъ-быть, въ людской, если не въ конюшнѣ близъ лошадей. Оба заснули въ ту же минуту, поднявши храпъ неслыханной густоты, на который баринъ изъ другой комнаты отвѣчалъ тонкимъ носовымъ свистомъ. Скоро вслѣдъ за ними все угомонилось, и гостиница объялась непробуднымъ сномъ; только въ одномъ окошечкѣ виденъ еще былъ свѣтъ, гдѣ жилъ какой-то пріѣхавшій изъ

Рязани поручикъ, большой, повидимому, охотникъ до сапоговъ, потому что заказалъ уже четыре пары и безпрестанно примѣривалъ пятую. Нѣсколько разъ подходилъ онъ къ постели съ тѣмъ, чтобы ихъ скинуть и лечь, но никакъ не могъ: сапоги, точно, были хорошо сшиты; и долго еще поднималъ онъ ногу и обсматривалъ бойко и на диво стачанный каблукъ.

ГЛАВА VIII.

Покупки Чичикова сдѣлались предметомъ разговоровъ. Въ городѣ пошли толки, мнѣнія, разсужденія о томъ, выгодно ли покупать на выводъ крестьянъ. Изъ преній многія отзывались совершеннымъ познаніемъ предмета. «Конечно», говорили иные: «это такъ, противъ этого и спору нѣтъ: земли въ южныхъ губерніяхъ, точно, хороши и плодородны; но каково будетъ крестьянамъ Чичикова безъ воды? рѣки вѣдь нѣтъ никакой».—«Это бы еще ничего, что нѣтъ воды; это бы ничего, Степанъ Дмитріевичъ; но переселеніе-то ненадежная вещь. Дѣло извѣстное, что̀ мужикъ: на новой землѣ, да заняться еще хлѣбопашествомъ, да ничего у него нѣтъ— ни избы, ни двора—убѣжитъ, какъ дважды два, навостритъ такъ лыжи, что и слѣда не отыщешь». — «Нѣтъ, Алексѣй Ивановичъ, позвольте, позвольте, я не согласенъ съ тѣмъ, что̀ вы говорите, что мужикъ Чичикова убѣжитъ. Русскій человѣкъ способенъ ко всему и привыкаетъ ко всякому климату. Пошли его хоть въ Камчатку, да дай только теплыя рукавицы, онъ похлопаетъ руками, топоръ въ руки, и пошелъ рубить себѣ новую избу».—«Но, Иванъ Григорьевичъ, ты упустилъ изъ виду важное дѣло: ты не спросилъ еще, каковъ мужикъ у Чичикова. Позабылъ то, что вѣдь хорошаго человѣка не продастъ помѣщикъ; я готовъ голову положить, если мужикъ Чичикова не воръ и не пьяница въ послѣдней степени, праздношатайка и буйнаго поведенія».—«Такъ, такъ, на это я согласенъ, это правда, никто не продастъ хорошихъ людей, и мужики Чичикова пьяницы; но нужно принять во вниманіе, что вотъ тутъ-то и есть

мораль, тутъ-то и заключена мораль: они теперь негодяи, а, переселившись на новую землю, вдругъ могутъ сдѣлаться отличными подданными. Ужъ было не мало такихъ примѣровъ—просто въ мірѣ, да и по исторіи тоже».—«Никогда, никогда», говорилъ управляющій казенными фабриками: «повѣрьте, никогда это не можетъ быть, ибо у крестьянъ Чичикова будутъ теперь два сильные врага. Первый врагъ есть близость губерній малороссійскихъ, гдѣ, какъ извѣстно, свободная продажа вина. Я васъ увѣряю: въ двѣ недѣли они изопьются и будутъ стельки. Другой врагъ есть уже самая привычка къ бродяжнической жизни, которая необходимо пріобрѣтется крестьянами во время переселенія. Нужно развѣ, чтобы они вѣчно были предъ глазами Чичикова и чтобъ онъ держалъ ихъ въ ежовыхъ рукавицахъ, гонялъ бы ихъ за всякій вздоръ, да и не то, чтобы полагаясь на другого, а чтобы самъ таки лично, гдѣ слѣдуетъ, далъ бы и зуботычину, и подзатыльника». — «Зачѣмъ же Чичикову возиться самому и давать подзатыльники? Онъ можетъ найти и управителя». — «Да, найдете управителя: всѣ мошенники!»—«Мошенники потому, что господа не занимаются дѣломъ».—«Это правда!» подхватили многіе. — «Знай господинъ самъ хотя сколько-нибудь толку въ хозяйствѣ, да умѣй различать людей—у него будетъ всегда хорошій управитель». Но управляющій сказалъ, что меньше, какъ за 5000, нельзя найти хорошаго управителя. Но предсѣдатель сказалъ, что можно и за три тысячи сыскать. Но управляющій сказалъ: «Гдѣ же вы его сыщете? развѣ у себя въ носу?» Но предсѣдатель сказалъ: «Нѣтъ, не въ носу, а въ здѣшнемъ же уѣздѣ, именно—Петръ Петровичъ Самойловъ: вотъ управитель, какой нуженъ для мужиковъ Чичикова!» Многіе сильно входили въ положеніе Чичикова, и трудность переселенія такого огромнаго количества крестьянъ ихъ чрезвычайно устрашала; стали сильно опасаться, чтобы не произошло даже бунта между такимъ безпокойнымъ народомъ, каковы крестьяне Чичикова. На это полицеймейстеръ замѣтилъ, что бунта нечего опасаться, что, въ отвращеніе

его, существуетъ власть капитанъ-исправника, что капитанъ-исправникъ, хоть самъ и не ѣзди, а пошли только на мѣсто себя одинъ картузъ свой, то одинъ этотъ картузъ погонитъ крестьянъ до самаго мѣста ихъ жительства. Многіе предложили свои мнѣнія насчетъ того, какъ искоренить буйный духъ, обуревавшій крестьянъ Чичикова. Мнѣнія были всякаго рода: были такія, которыя уже черезчуръ отзывались военною жестокостью и строгостію, едва ли не излишнею; были, однакоже, и такія, которыя дышали кротостію. Почтмейстеръ замѣтилъ, что Чичикову предстоитъ священная обязанность, что онъ можетъ сдѣлаться среди своихъ крестьянъ нѣкотораго рода отцомъ, по его выраженію, ввести даже благодѣтельное просвѣщеніе, и при этомъ случаѣ отозвался съ большою похвалою объ Ланкастеровой школѣ взаимнаго обученья.

Такимъ образомъ разсуждали и говорили въ городѣ, и многіе, побуждаемые участіемъ, сообщили даже Чичикову лично нѣкоторые изъ сихъ совѣтовъ, предлагали даже конвой для безопаснаго препровожденья крестьянъ до мѣста жительства. За совѣты Чичиковъ благодарилъ, говоря, что при случаѣ не преминетъ ими воспользоваться, а отъ конвоя отказался рѣшительно, говоря, что онъ совершенно не нуженъ, что купленные имъ крестьяне отмѣнно смирнаго характера, чувствуютъ сами добровольное расположеніе къ переселенію и что бунта ни въ какомъ случаѣ между ними быть не можетъ.

Всѣ эти толки и разсужденія произвели, однакожъ, самыя благопріятныя слѣдствія, какихъ только могъ ожидать Чичиковъ, именно—пронеслись слухи, что онъ ни болѣе, ни менѣе, какъ милліонщикъ. Жители города и безъ того, какъ уже мы видѣли въ первой главѣ, душевно полюбили Чичикова, а теперь, послѣ такимъ слуховъ, полюбили еще душевнѣе. Впрочемъ, если сказать правду, они все были народъ добрый, жили между собою въ ладу, обращались совершенно по-пріятельски, и бесѣды ихъ носили печать какого-то особеннаго простодушія и короткости: «Любезный

другъ, Илья Ильичъ!»... «Послушай, братъ, Антипаторъ Захарьевичъ!»... «Ты заврался, мамочка, Иванъ Григорьевичъ». Къ почтмейстеру, котораго звали Иванъ Андреевичъ, всегда прибавляли: «Шпрехенъ зи дейчъ, Иванъ Андрейчъ?» Словомъ, все было очень семейственно. Многіе были не безъ образованія: предсѣдатель палаты зналъ наизусть «Людмилу» Жуковскаго, которая еще была тогда непростывшею новостью, и мастерски читалъ многія мѣста, особенно: «Боръ заснулъ, долина спитъ» и слово: «чу!» такъ, что въ самомъ дѣлѣ видѣлось, какъ будто долина спитъ; для бо̀льшаго сходства, онъ даже въ это время зажмуривалъ глаза. Почтмейстеръ вдался болѣе въ философію и читалъ весьма прилежно, даже по ночамъ, Юнговы «Ночи» и «Ключъ къ таинствамъ натуры» Эккартсгаузена, изъ которыхъ дѣлалъ весьма длинныя выписки; но какого рода онѣ были, это никому не было извѣстно. Впрочемъ, онъ былъ острякъ, цвѣтистъ въ словахъ и любилъ, какъ самъ выражался, «уснастить» рѣчь. А уснащивалъ онъ рѣчь множествомъ разныхъ частицъ, какъ-то: «сударь ты мой, этакой какой-нибудь, знаете, понимаете, можете себѣ представить, относительно такъ сказать, нѣкоторымъ образомъ», и прочими, которыя сыпалъ онъ мѣшками; уснащивалъ онъ рѣчь тоже довольно удачно подмаргиваніемъ, прищуриваніемъ одного глаза, что̀ все придавало весьма ѣдкое выраженіе многимъ его сатирическимъ намекамъ. Прочіе тоже были, болѣе или менѣе, люди просвѣщенные: кто читалъ Карамзина, кто «Московскія Вѣдомости», кто даже и совсѣмъ ничего не читалъ. Кто былъ то, что̀ называютъ тюрюкъ, то-есть, человѣкъ, котораго нужно было подымать пинкомъ на что-нибудь; кто былъ просто байбакъ, лежавшій, какъ говорится, весь вѣкъ на боку, котораго даже напрасно было подымать: не встанетъ ни въ какомъ случаѣ. Насчетъ благовидности, уже извѣстно, всѣ они были люди надежные— чахоточнаго между ними никого не было. Всѣ были такого рода, которымъ жены, въ нѣжныхъ разговорахъ, происходящихъ въ уединеніи, давали названія: кубышки, толстун-

чика, пузантика, чернушки, кики, жужу и проч. Но, вообще, они были народъ добрый, полны гостепріимства, и человѣкъ, вкусившій съ ними хлѣба-соли или просидѣвшій вечеръ за вистомъ, уже становился чѣмъ-то близкимъ,—тѣмъ болѣе Чичиковъ, съ своими обворожительными качествами и пріемами, знавшій въ самомъ дѣлѣ великую тайну нравиться. Они такъ полюбили его, что онъ не видѣлъ средствъ, какъ вырваться изъ города; только и слышалъ онъ: «Ну, недѣльку, еще одну недѣльку поживите съ нами, Павелъ Ивановичъ!» — словомъ, онъ былъ носимъ, какъ говорится, на рукахъ. Но несравненно замѣчательнѣе было впечатлѣніе (совершенный предметъ изумленія!), которое произвелъ Чичиковъ на дамъ. Чтобъ это сколько-нибудь изъяснить, слѣдовало бы сказать многое о самихъ дамахъ, объ ихъ обществѣ, описать, какъ говорится, живыми красками ихъ душевныя качества; но для автора это очень трудно. Съ одной стороны останавливаетъ его неограниченное почтеніе къ супругамъ сановниковъ, а съ другой стороны... съ другой стороны, просто, трудно. Дамы города N были... нѣтъ, никакимъ образомъ не могу: чувствуется, точно, робость. Въ дамахъ города N больше всего замѣчательно было то... Даже странно—совсѣмъ не подымается перо, точно будто свинецъ какой-нибудь сидитъ въ немъ. Такъ и быть: о характерахъ ихъ, видно, нужно предоставить сказать тому, у котораго поживѣе краски и побольше ихъ на палитрѣ; а намъ придется—развѣ слова два о наружности, да о томъ, что̀ поповерхностнѣй. Дамы города N были то, что̀ называютъ, презентабельны, и въ этомъ отношеніи ихъ можно было смѣло поставить въ примѣръ всѣмъ другимъ. Что̀ до того, какъ вести себя, соблюсти тонъ, поддержать этикетъ, множество приличій самыхъ тонкихъ, а особенно наблюсти моду въ самыхъ послѣднихъ мелочахъ, то въ этомъ онѣ опередили даже дамъ петербургскихъ и московскихъ. Одѣвались онѣ съ большимъ вкусомъ, разъѣзжали по городу въ коляскахъ, какъ предписывала послѣдняя мода, сзади покачивался лакей, и ливрея въ золотыхъ позументахъ,

Визитная карточка, будь она писана хоть на трефовой двойкѣ или бубновомъ тузѣ, но вещь была очень священная. Изъ-за нея двѣ дамы, большія пріятельницы и даже родственницы, перессорились совершенно, — именно за то, что одна изъ нихъ какъ-то манкировала контръ-визитомъ. И ужъ какъ ни старались потомъ мужья и родственники примирить ихъ, но нѣтъ,—оказалось, что все можно сдѣлать на свѣтѣ, одного только нельзя: примирить двухъ дамъ, поссорившихся за манкировку визита. Такъ обѣ дамы и остались «во взаимномъ нерасположеніи», по выраженію городского свѣта. Насчетъ занятія первыхъ мѣстъ происходило тоже множество весьма сильныхъ сценъ, внушавшихъ мужьямъ иногда совершенно рыцарскія великодушныя понятія о заступничествѣ. Дуэли, конечно, между ними не происходило, потому что всѣ были гражданскіе чиновники, но зато одинъ другому старался напакостить, гдѣ было можно, что̀, какъ извѣстно, подчасъ бываетъ тяжелѣе всякой дуэли. Въ нравахъ дамы города N были строги, исполнены благороднаго негодованія противу всего порочнаго и всякихъ соблазновъ, казнили безъ всякой пощады всякія слабости. Если же между ими и происходило какое-нибудь то, что̀ называютъ *другое-третье*, то оно происходило втайнѣ, такъ что не было подаваемо никакого вида, что̀ происходило; сохранялось все достоинство, и самый мужъ такъ былъ приготовленъ, что если и видѣлъ *другое-третье* или слышалъ о немъ, то отвѣчалъ коротко и благоразумно пословицею: *Кому какое дѣло, что кума съ кумомъ сидѣла?* Еще нужно сказать, что дамы города N отличались, подобно многимъ дамамъ петербургскимъ, необыкновенною осторожностію и приличіемъ въ словахъ и выраженіяхъ. Никогда не говорили онѣ: «я высморкалась, я вспотѣла, я плюнула», а говорили: «я облегчила себѣ носъ, я обошлась посредствомъ платка». Ни въ какомъ случаѣ нельзя было сказать: «этотъ стаканъ или эта тарелка воняетъ»; и даже нельзя было сказать ничего такого, что̀ бы подало намекъ на это, а говорили вмѣсто того: «этотъ стаканъ не хорошо ведетъ

себя», или что-нибудь въ родѣ этого. Чтобъ еще болѣе облагородить русскій языкъ, половина почти словъ была выброшена вовсе изъ разговора, и потому весьма часто было нужно прибѣгать къ французскому языку; за то ужъ тамъ, по-французски, другое дѣло: тамъ позволялись такія слова, которыя были гораздо пожестче упомянутыхъ. Итакъ, вотъ что̀ можно сказать о дамахъ города N, говоря поповерхностнѣй. Но если заглянуть поглубже, то, конечно, откроется много иныхъ вещей; но весьма опасно заглядывать поглубже въ дамскія сердца. Итакъ, ограничась поверхностью, будемъ продолжать. До сихъ поръ всѣ дамы какъ-то мало говорили о Чичиковѣ, отдавая, впрочемъ, ему полную справедливость въ пріятности свѣтскаго обращенія; но съ тѣхъ поръ, какъ пронеслись слухи объ его милліонствѣ, отыскались и другія качества. Впрочемъ, дамы были вовсе не интересанки: виною всему слово *милліонщикъ,* — не самъ милліонщикъ, а именно одно слово; ибо въ одномъ звукѣ этого слова, мимо всякаго денежнаго мѣшка, заключается что-то такое, которое дѣйствуетъ и на людей-подлецовъ, и на людей ни сё, ни то, и на людей хорошихъ, словомъ — на всѣхъ дѣйствуетъ. Милліонщикъ имѣетъ ту выгоду, что можетъ видѣть подлость, совершенно безкорыстную, чистую подлость, не основанную ни на какихъ расчетахъ: многіе очень хорошо знаютъ, что ничего не получатъ отъ него и не имѣютъ никакого права получить, но непремѣнно хоть забѣгутъ ему впередъ, хоть засмѣются, хоть снимутъ шляпу, хоть напросятся насильно на тотъ обѣдъ, куда, узнаютъ, что приглашенъ милліонщикъ. Нельзя сказать, чтобы это нѣжное расположеніе къ подлости было почувствовано дамами; однакоже во многихъ гостиныхъ стали говорить, что, конечно, Чичиковъ не первый красавецъ, но за то таковъ, какъ слѣдуетъ быть мужчинѣ, что будь онъ немного толще или полнѣе, ужъ это было бы не хорошо. При этомъ было сказано какъ-то даже нѣсколько обидно насчетъ тоненькаго мужчины, — что онъ больше ничего, какъ что-то въ родѣ зубочистки, а не человѣка. Въ дамскихъ нарядахъ оказались

многія разныя прибавленія. Въ гостиномъ дворѣ сдѣлалась толкотня, чуть не давка; образовалось даже гулянье — до такой степени наѣхало экипажей. Купцы изумились, увидя, какъ нѣсколько кусковъ матерій, привезенныхъ ими съ ярмарки и не сходившихъ съ рукъ по причинѣ цѣны, показавшейся высокою, пошли вдругъ въ ходъ и были раскуплены нарасхватъ. Во время обѣдни, у одной изъ дамъ замѣтили внизу платья такое руло, которое растопырило его на полцеркви, такъ что частный приставъ, находившійся тутъ же, далъ приказаніе подвинуться народу подалѣе, то-есть, поближе къ паперти, чтобъ какъ-нибудь не измялся туалетъ ея высокоблагородія. Самъ даже Чичиковъ не могъ отчасти не замѣтить такого необыкновеннаго вниманія. Одинъ разъ, возвратясь къ себѣ домой, онъ нашелъ на столѣ у себя письмо. Откуда и кто принесъ его, ничего нельзя было узнать: трактирный слуга отозвался, что принесли-де и не велѣли сказывать, отъ кого. Письмо начиналось очень рѣшительно, именно такъ: «Нѣтъ, я должна къ тебѣ писать!» Потомъ говорено было о томъ, что есть тайное сочувствіе между душами; эта истина скрѣплена была нѣсколькими точками, занявшими почти полстроки. Потомъ слѣдовало нѣсколько мыслей, весьма замѣчательныхъ по своей справедливости, такъ что считаемъ почти необходимымъ ихъ выписать: «Что̀ жизнь наша? — Долина, гдѣ поселились горести. Что̀ свѣтъ? — Толпа людей, которая не чувствуетъ». Затѣмъ писавшая упоминала, что омочаетъ слезами строки нѣжной матери, которая, протекло двадцать пять лѣтъ, какъ уже не существуетъ на свѣтѣ; приглашали Чичикова въ пустыню — оставить навсегда городъ, гдѣ люди въ душныхъ оградахъ не пользуются воздухомъ; окончаніе письма отзывалось даже рѣшительнымъ отчаяньемъ и заключалось такими стихами:

Двѣ горлицы покажутъ
Тебѣ мой хладный прахъ;
Воркуя томно, скажутъ,
Что она умерла во слезахъ.

Въ послѣдней строкѣ не было размѣра, но это, впрочемъ, ничего: письмо было написано въ духѣ тогдашняго времени. Никакой подписи тоже не было: ни имени, ни фамиліи, ни даже мѣсяца и числа. Въ postscriptum было только прибавлено, что его собственное сердце должно отгадать писавшую, и что на балѣ у губернатора, имѣющемъ быть завтра, будетъ присутствовать самъ оригиналъ.

Это очень его заинтересовало. Въ анонимѣ было такъ много заманчиваго и подстрекающаго любопытство, что онъ перечелъ и въ другой, и въ третій разъ письмо и, наконецъ, сказалъ: «Любопытно бы, однакожъ, знать, кто бы такая была писавшая!» Словомъ, дѣло, какъ видно, сдѣлалось серьезно; болѣе часу онъ все думалъ объ этомъ, наконецъ, разставивъ руки и наклоня голову, сказалъ: «А письмо очень, очень кудряво написано!» Потомъ, само собою разумѣется, письмо было свернуто и уложено въ шкатулку, въ сосѣдствѣ съ какою-то афишею и пригласительнымъ свадебнымъ билетомъ, семь лѣтъ сохранявшимся въ томъ же положеніи и на томъ же мѣстѣ. Немного спустя, принесли къ нему, точно, приглашенье на балъ къ губернатору — дѣло весьма обыкновенное въ губернскихъ городахъ: гдѣ губернаторъ, тамъ и балъ, иначе никакъ не будетъ надлежащей любви и уваженія со стороны дворянства.

Все постороннее было въ ту-жъ минуту оставлено и отстранено прочь, и все было устремлено на приготовленіе къ балу; ибо, точно, было много побудительныхъ и задирающихъ причинъ. За то, можетъ-быть, отъ самаго созданья свѣта не было употреблено столько времени на туалетъ. Цѣлый часъ былъ посвященъ только на одно разсматриваніе лица въ зеркалѣ. Пробовалось сообщить ему множество разныхъ выраженій: то важное и степенное, то почтительное, но съ нѣкоторою улыбкою, то просто почтительное безъ улыбки; отпущено было въ зеркало нѣсколько поклоновъ въ сопровожденіи неясныхъ звуковъ, отчасти похожихъ на французскіе, хотя по-французски Чичиковъ не зналъ вовсе. Онъ сдѣлалъ даже самому себѣ множество пріятныхъ сюр-

призовъ, подмигнулъ бровью и губами и сдѣлалъ кое-что даже языкомъ; словомъ, мало ли чего не дѣлаешь, оставшись одинъ, чувствуя притомъ, что хорошъ, да къ тому же будучи увѣренъ, что никто не заглядываетъ въ щелку. Наконецъ, онъ слегка трепнулъ себя по подбородку, сказавши: «Ахъ ты, мордашка этакой!» и сталъ одѣваться. Самое довольное расположеніе сопровождало его во все время одѣванія: надѣвая подтяжки или повязывая галстукъ, онъ расшаркивался и кланялся съ особенною ловкостію, и хотя никогда не танцовалъ, но сдѣлалъ антраша. Это антраша произвело маленькое невинное слѣдствіе: задрожалъ комодъ и упала со стола щетка.

Появленіе его на балѣ произвело необыкновенное дѣйствіе. Все, что̀ ни было, обратилось къ нему навстрѣчу,— кто съ картами въ рукахъ, кто на самомъ интересномъ пунктѣ разговора, произнесши: «А нижній земскій судъ отвѣчаетъ на это...» Но что̀ такое отвѣчаетъ земскій судъ, ужъ это онъ бросилъ въ сторону и спѣшилъ съ привѣтствіемъ къ нашему герою. «Павелъ Ивановичъ! Ахъ, Боже мой, Павелъ Ивановичъ! Любезный Павелъ Ивановичъ! Почтеннѣйшій Павелъ Ивановичъ! Душа моя Павелъ Ивановичъ! Вотъ вы гдѣ, Павелъ Ивановичъ! Вотъ онъ, нашъ Павелъ Ивановичъ! Позвольте прижать васъ, Павелъ Ивановичъ! Давайте-ка его сюда, вотъ я его поцѣлую покрѣпче, моего дорогого Павла Ивановича!» Чичиковъ разомъ почувствовалъ себя въ нѣсколькихъ объятіяхъ. Не успѣлъ совершенно выкарабкаться изъ объятій предсѣдателя, какъ очутился уже въ объятіяхъ полицеймейстера; полицеймейстеръ сдалъ его инспектору врачебной управы; инспекторъ врачебной управы — откупщику, откупщикъ — архитектору... Губернаторъ, который въ то время стоялъ возлѣ дамъ и держалъ въ одной рукѣ конфектный билетъ, а въ другой болонку, увидя его, бросилъ на полъ и билетъ, и болонку, — только завизжала собачонка, — словомъ, распространилъ онъ радость и веселье необыкновенное. Не было лица, на которомъ бы не выразилось удовольствіе или, по

крайней мѣрѣ, отраженіе всеобщаго удовольствія. Такъ бываетъ на лицахъ чиновниковъ во время осмотра пріѣхавшимъ начальникомъ ввѣренныхъ управленію ихъ мѣстъ: послѣ того, какъ уже первый страхъ прошелъ, они увидѣли, что многое ему нравится и онъ самъ изволилъ наконецъ пошутить, то-есть, произнести съ пріятною усмѣшкой нѣсколько словъ,—смѣются вдвое въ отвѣтъ на это обступившіе его приближенные чиновники; смѣются отъ души тѣ, которые, впрочемъ, нѣсколько плохо услыхали произнесенныя имъ слова, и, наконецъ, стоящій далеко у дверей, у самаго выхода, какой-нибудь полицейскій, отъ роду не смѣявшійся во всю жизнь свою и только-что показавшій передъ тѣмъ народу кулакъ, и тотъ, по неизмѣннымъ законамъ отраженія, выражаетъ на лицѣ своемъ какую-то улыбку, хотя эта улыбка болѣе похожа на то, какъ бы кто-нибудь собирался чихнуть послѣ крѣпкаго табаку. Герой нашъ отвѣчалъ всѣмъ и каждому и чувствовалъ какую-то ловкость необыкновенную: раскланивался направо и налѣво, по обыкновенію своему, нѣсколько на-бокъ, но совершенно свободно, такъ что очаровалъ всѣхъ. Дамы тутъ же обступили его блистающею гирляндою и нанесли съ собой цѣлыя облака всякаго рода благоуханій: одна дышала розами, отъ другой несло весной и фіалками, третья вся насквозь была продушена резедой; Чичиковъ подымалъ только носъ кверху да нюхалъ. Въ нарядахъ ихъ вкусу было пропасть: муслины, атласы, кисеи были такихъ блѣдныхъ модныхъ цвѣтовъ, какимъ даже и названья нельзя было прибрать—до такой степени дошла тонкость вкуса! Ленточные банты и цвѣточные букеты порхали тамъ и тамъ по платьямъ, въ самомъ картинномъ безпорядкѣ, хотя надъ этимъ безпорядкомъ трудилась много порядочная голова. Легкій головной уборъ держался только на однихъ ушахъ и, казалось, говорилъ: «Эй, улечу! Жаль только, что не подыму съ собой красавицу!» Таліи были обтянуты и имѣли самыя крѣпкія и пріятныя для глазъ формы (нужно замѣтить, что вообще всѣ дамы города N были нѣсколько полны, но шну-

ровались такъ искусно и имѣли такое пріятное обращеніе, что толщины никакъ нельзя было примѣтить). Все было у нихъ придумано и предусмотрѣно съ необыкновенною осмотрительностью: шея, плечи были открыты именно настолько, насколько нужно, и никакъ не дальше; каждая обнажила свои владѣнія до тѣхъ поръ, пока чувствовала, по собственному убѣжденію, что они способны погубить человѣка; остальное все было припрятано съ необыкновеннымъ вкусомъ: или какой-нибудь легонькій галстучекъ изъ ленты легче пирожнаго, извѣстнаго подъ именемъ *поцѣлуя*, эѳирно обнималъ шею, или выпущены были изъ-за плечъ, изъ-подъ платья, маленькія зубчатыя стѣнки изъ тонкаго батиста, извѣстныя подъ именемъ *скромностей*. Эти *скромности* скрывали напереди и сзади то, что̀ уже не могло нанести гибели человѣку, а между тѣмъ заставляли подозрѣвать, что тамъ-то именно и была самая погибель. Длинныя перчатки были надѣты не вплоть до рукавовъ, но обдуманно оставляли обнаженными возбудительныя части рукъ повыше локтя, которыя у многихъ дышали завидною полнотою; у иныхъ даже лопнули лайковыя перчатки, побужденныя надвинуться далѣе,—словомъ, кажется, какъ будто на всемъ было написано: «Нѣтъ, это не губернія, это столица, это самъ Парижъ!» Только мѣстами вдругъ высовывался какой-нибудь невиданный землею чепецъ или даже какое-то, чуть не павлиное, перо, въ противность всѣмъ модамъ, по собственному вкусу. Но ужъ безъ этого нельзя—таково свойство губернскаго города: гдѣ-нибудь ужъ онъ непремѣнно оборвется. Чичиковъ, стоя передъ ними, думалъ: «Которая, однакоже, сочинительница письма?» и высунулъ было впередъ носъ; но по самому носу дернулъ его цѣлый рядъ локтей, обшлаговъ, рукавовъ, концовъ лентъ, душистыхъ шемизетокъ и платьевъ. Галопадъ летѣлъ во всю пропалую: почтмейстерша, капитанъ-исправникъ, дама съ голубымъ перомъ, дама съ бѣлымъ перомъ, грузинскій князь Чипхайхилидзевъ, чиновникъ изъ Петербурга, чиновникъ изъ Москвы, французъ Куку, Пер-

хуновскій, Беребендовскій — все поднялось и понеслось...

«Вона! пошла писать губернія!» проговорилъ Чичиковъ, попятившись назадъ, и, какъ только дамы разсѣлись по мѣстамъ, онъ вновь началъ выглядывать, нельзя ли по выраженію въ лицѣ и въ глазахъ узнать, которая была сочинительница; но никакъ нельзя было узнать ни по выраженію въ лицѣ, ни по выраженію въ глазахъ, которая была сочинительница. Вездѣ было замѣтно такое чуть-чуть обнаруженное, такое неуловимо-тонкое,—у, какое тонкое!.. «Нѣтъ», сказалъ самъ въ себѣ Чичиковъ: «женщины,—это такой предметъ...»—здѣсь онъ и рукой махнулъ: «просто, и говорить нечего! Поди-ка, попробуй разсказать или передать все то, что̀ бѣгаетъ на ихъ лицахъ, всѣ тѣ излучинки, намеки... а вотъ, просто, ничего не передашь. Одни глаза ихъ такое безконечное государство, въ которое заѣхалъ человѣкъ—и поминай, какъ звали! Ужъ его оттуда ни крючкомъ, ничѣмъ не вытащишь. Ну, попробуй, напримѣръ, разсказать одинъ блескъ ихъ: влажный, бархатный, сахарный—Богъ ихъ знаетъ, какого нѣтъ еще! и жесткій, и мягкій, и даже совсѣмъ томный, или, какъ иные говорятъ, въ нѣгѣ, или безъ нѣги, но пуще нежели въ нѣгѣ,—такъ вотъ зацѣпитъ за сердце, да и поведетъ по всей душѣ, какъ будто смычкомъ. Нѣтъ, просто, не приберешь слова: галантёрная половина человѣческаго рода, да и ничего больше!»

Виноватъ! Кажется, изъ устъ нашего героя излетѣло словцо, подмѣченное на улицѣ. Что̀-жъ дѣлать? Таково на Руси положеніе писателя! Впрочемъ, если слово изъ улицы попало въ книгу, не писатель виноватъ, виноваты читатели и, прежде всего, читатели высшаго общества: отъ нихъ первыхъ не услышишь ни одного порядочнаго русскаго слова, а французскими, нѣмецкими и англійскими они, пожалуй, надѣлятъ въ такомъ количествѣ, что и не захочешь, и надѣлятъ даже съ сохраненіемъ всѣхъ возможныхъ произношеній—по-французски въ носъ и картавя, по-англійски произнесутъ, какъ слѣдуетъ птицѣ; и даже физіономію сдѣ-

лаютъ птичью, и даже посмѣются надъ тѣмъ, кто не сумѣетъ сдѣлать птичьей физіономіи. А вотъ только русскимъ ничѣмъ не надѣлятъ, развѣ изъ патріотизма выстроятъ для себя на дачѣ избу въ русскомъ вкусѣ. Вотъ каковы читатели высшаго сословія, а за ними и всѣ причитающіе себя къ высшему сословію! А между тѣмъ какая взыскательность! Хотятъ непремѣнно, чтобы все было написано языкомъ самымъ строгимъ, очищеннымъ и благороднымъ,—словомъ, хотятъ, чтобы русскій языкъ самъ собою опустился вдругъ съ облаковъ, обработанный, какъ слѣдуетъ, и сѣлъ бы имъ прямо на языкъ, а имъ бы больше ничего, какъ только разинуть рты да выставить его. Конечно, мудрена женская половина человѣческаго рода; но почтенные читатели, надо признаться, бываютъ еще мудренѣе.

А Чичиковъ приходилъ между тѣмъ въ совершенное недоумѣніе рѣшить, которая изъ дамъ была сочинительница письма. Попробовавши устремить внимательнѣе взоръ, онъ увидѣлъ, что съ дамской стороны тоже выражалось что-то такое, ниспосылающее вмѣстѣ и надежду, и сладкія муки въ сердце бѣднаго смертнаго, что онъ наконецъ сказалъ: «Нѣтъ, никакъ нельзя угадать!» Это, однакоже, никакъ не уменьшило веселаго расположе́нія духа, въ которомъ онъ находился. Онъ непринужденно и ловко размѣнялся съ нѣкоторыми изъ дамъ пріятными словами, подходилъ къ той и другой дробнымъ, мелкимъ шагомъ, или, какъ говорятъ, сѣменилъ ножками, какъ обыкновенно дѣлаютъ маленькіе старички-щеголи на высокихъ каблукахъ, называемые мышиными жеребчиками, забѣгающіе весьма проворно около дамъ. Посѣменивши съ довольно ловкими поворотами направо и налѣво, онъ подшаркнулъ тутъ же ножкой, въ видѣ коротенькаго хвостика, или на подобіе запятой. Дамы были очень довольны и не только отыскали въ немъ кучу пріятностей и любезностей, но даже стали находить величественное выраженіе въ лицѣ, что-то даже марсовское и военное, что̀, какъ извѣстно, очень нравится женщинамъ. Даже изъза него уже начинали нѣсколько ссориться: замѣтивши, что

онъ становился обыкновенно около дверей, нѣкоторыя наперерывъ спѣшили занять стулъ поближе къ дверямъ, и когда одной посчастливилось сдѣлать это прежде, то едва не произошла пренепріятная исторія, и многимъ, желавшимъ себѣ сдѣлать то же, показалась уже черезчуръ отвратительною подобная наглость.

Чичиковъ такъ занялся разговорами съ дамами, или, лучше, дамы такъ заняли и закружили его своими разговорами, подсыпая кучу самыхъ замысловатыхъ и тонкихъ аллегорій,—которыя всѣ нужно было разгадывать, отчего даже выступилъ у него на лбу потъ,—что онъ позабылъ исполнить долгъ приличія и подойти прежде всего къ хозяйкѣ. Вспомнилъ онъ объ этомъ уже тогда, когда услышалъ голосъ самой губернаторши, стоявшей передъ нимъ уже нѣсколько минутъ. Губернаторша произнесла нѣсколько ласковымъ и лукавымъ голосомъ, съ пріятнымъ потряхиваніемъ головы: «А, Павелъ Ивановичъ, такъ вотъ какъ вы!..» Въ точности не могу передать словъ губернаторши, но было сказано что-то, исполненное большой любезности, въ томъ духѣ, въ которомъ изъясняются дамы и кавалеры въ повѣстяхъ нашихъ свѣтскихъ писателей, охотниковъ описывать гостиныя и похвалиться знаніемъ высшаго тона,—въ духѣ того, что «неужели овладѣли такъ вашимъ сердцемъ, что въ немъ нѣтъ болѣе ни мѣста, ни самаго тѣснаго уголка для безжалостно позабытыхъ вами?» Герой нашъ поворотился въ ту-жъ минуту къ губернаторшѣ и уже готовъ былъ отпустить ей отвѣтъ, вѣроятно, ничѣмъ не хуже тѣхъ, какіе отпускаютъ въ модныхъ повѣстяхъ Звонскіе, Линскіе, Лидины, Гремины и всякіе ловкіе военные люди, какъ невзначай поднявши глаза, остановился вдругъ, будто оглушенный ударомъ.

Передъ нимъ стояла не одна губернаторша: она держала подъ-руку молоденькую шестнадцатилѣтнюю дѣвушку, свѣженькую блондинку, съ тоненькими и стройными чертами лица, съ остренькимъ подбородкомъ, съ очаровательно кругливщимся оваломъ лица, какое художникъ взялъ бы въ

образецъ для Мадонны и какое только рѣдкимъ случаемъ попадается на Руси, гдѣ любитъ все оказаться въ широкомъ размѣрѣ, все, что̀ ни есть: и горы, и лѣса, и степи, и лица, и губы, и ноги,—ту самую блондинку, которую онъ встрѣтилъ на дорогѣ, ѣхавши отъ Ноздрева, когда, по глупости кучеровъ или лошадей, ихъ экипажи такъ странно столкнулись, перепутавшись упряжью, и дядя Митяй съ дядею Миняемъ взялись распутывать дѣло. Чичиковъ такъ смѣшался, что не могъ произнести ни одного толковаго слова и пробормоталъ, чортъ знаетъ что̀ такое, чего бы ужъ никакъ не сказалъ ни Греминъ, ни Звонскій, ни Лидинъ.

«Вы не знаете еще моей дочери?» сказала губернаторша: «институтка, только-что выпущена».

Онъ отвѣчалъ, что уже имѣлъ счастіе нечаяннымъ образомъ познакомиться; попробовалъ еще кое-что прибавить, но кое-что совсѣмъ не вышло. Губернаторша, сказавъ два-три слова, наконецъ отошла съ дочерью въ другой конецъ залы къ другимъ гостямъ; а Чичиковъ все еще стоялъ неподвижно на одномъ и томъ же мѣстѣ, какъ человѣкъ, который весело вышелъ на улицу съ тѣмъ, чтобы прогуляться, съ глазами, расположенными глядѣть на все, и вдругъ неподвижно остановился, вспомнивъ, что онъ позабылъ что-то; и ужъ тогда глупѣе ничего не можетъ быть такого человѣка: вмигъ беззаботное выраженіе слетаетъ съ лица его; онъ силится припомнить, что̀ позабылъ онъ: не платокъ ли? но платокъ въ карманѣ; не деньги ли? но деньги тоже въ карманѣ; все, кажется, при немъ, а между тѣмъ какой-то невѣдомый духъ шепчетъ ему въ уши, что онъ позабылъ что-то. И вотъ уже глядитъ онъ растерянно и смутно на движущуюся толпу передъ нимъ, на летающіе экипажи, на кивера и ружья проходящаго полка, на вывѣску, и ничего хорошо не видитъ. Такъ и Чичиковъ вдругъ сдѣлался чуждымъ всему, что̀ ни происходило вокругъ него. Въ это время изъ дамскихъ благовонныхъ устъ къ нему устремилось множество намековъ и вопросовъ, проникнутыхъ насквозь тонкостію и любезностію: «Позволено ли намъ, бѣд-

нымъ жителямъ земли, быть такъ дерзкими, чтобы спросить васъ, о чемъ мечтаете?—«Гдѣ находятся тѣ счастливыя мѣста, въ которыхъ порхаетъ мысль ваша?»—«Можно ли знать имя той, которая погрузила васъ въ эту сладкую долину задумчивости?» Но онъ отвѣчалъ на все рѣшительнымъ невниманіемъ, и пріятныя фразы канули, какъ въ воду. Онъ даже до того былъ неучтивъ, что скоро ушелъ отъ нихъ въ другую сторону, желая повысмотрѣть, куда ушла губернаторша съ своей дочкой. Но дамы, кажется, не хотѣли оставить его такъ скоро: каждая внутренно рѣшилась употребить всевозможныя орудія, столь опасныя для сердецъ нашихъ, и пустить въ ходъ все, что̀ было лучшаго. Нужно замѣтить, что у нѣкоторыхъ дамъ,—я говорю у нѣкоторыхъ: это не то, что у всѣхъ,—есть маленькая слабость: если онѣ замѣтятъ у себя что-нибудь особенно хорошее — лобъ ли, ротъ ли, руки ли — то уже думаютъ, что лучшая часть лица ихъ такъ первая и бросится всѣмъ въ глаза, и всѣ вдругъ заговорятъ въ одинъ голосъ: «Посмотрите, посмотрите, какой у ней прекрасный греческій носъ!» или: «какой правильный, очаровательный лобъ!» У которой же хороши плечи, та увѣрена заранѣе, что всѣ молодые люди будутъ совершенно восхищены и, то и дѣло, станутъ повторять въ то время, когда она будетъ проходить мимо: «Ахъ, какія чудесныя у этой плечи!» а на лицо, волосы, носъ, лобъ даже не взглянутъ, если же и взглянутъ, то какъ на что-то постороннее. Такимъ образомъ думаютъ иныя дамы. Каждая дама дала себѣ внутренній обѣтъ быть какъ можно очаровательнѣй въ танцахъ и показать во всемъ блескѣ превосходство того, что̀ у нея было самаго превосходнаго. Почтмейстерша, вальсируя, съ такой томностію опустила на-бокъ голову, что слышалось въ самомъ дѣлѣ что-то неземное. Одна очень любезная дама,—которая пріѣхала вовсе не съ тѣмъ, чтобы танцовать, по причинѣ приключившагося, какъ сама выразилась, небольшого инкомодите въ видѣ горошинки на правой ногѣ, вслѣдствіе чего должна была даже надѣть плисовые сапоги,—не вытерпѣла,

однакоже, и сдѣлала нѣсколько круговъ въ плисовыхъ сапогахъ, для того именно, чтобы почтмейстерша не забрала ужъ въ самомъ дѣлѣ слишкомъ много себѣ въ голову.

Но все это никакъ не произвело предполагаемаго дѣйствія на Чичикова. Онъ даже не смотрѣлъ на круги, производимые дамами, но безпрестанно подымался на цыпочки выглядывать поверхъ головъ, куда бы могла забраться занимательная блондинка; присѣдалъ и внизъ тоже, высматривая промежъ плечей и спинъ, наконецъ доискался и увидѣлъ ее, сидящую вмѣстѣ съ матерью, надъ которою величаво колебалась какая-то восточная чалма съ перомъ. Казалось, какъ будто онъ хотѣлъ взять ихъ приступомъ. Весеннее ли расположеніе подѣйствовало на него, или толкалъ его кто сзади, только онъ протѣснялся рѣшительно впередъ, несмотря ни на что̀: откупщикъ получилъ отъ него такой толчокъ, что пошатнулся и чуть-чуть удержался на одной ногѣ, не то бы, конечно, повалилъ за собою цѣлый рядъ; почтмейстеръ тоже отступилъ и посмотрѣлъ на него съ изумленіемъ, смѣшаннымъ съ довольно тонкой ироніей, но онъ на нихъ не поглядѣлъ: онъ видѣлъ только вдали блондинку, надѣвавшую длинную перчатку и, безъ сомнѣнія, сгоравшую желаніемъ пуститься летать по паркету. А ужъ тамъ, въ сторонѣ, четыре пары откалывали мазурку; каблуки ломали полъ, и армейскій штабсъ-капитанъ работалъ и душою и тѣломъ, и руками и ногами, отвертывая такіе па, какіе и во снѣ никому не случалось отвертывать. Чичиковъ прошмыгнулъ мимо мазурки, почти по самымъ каблукамъ, и прямо къ тому мѣсту, гдѣ сидѣла губернаторша съ дочкой. Однакожъ онъ подступилъ къ нимъ очень робко, не сѣменилъ такъ бойко и франтовски ногами, даже нѣсколько замялся, и во всѣхъ движеніяхъ оказалась какая-то неловкость.

Нельзя сказать навѣрно, точно ли пробудилось въ нашемъ героѣ чувство любви; даже сомнительно, чтобы господа такого рода, то-есть, не такъ чтобы толстые, однакожъ и не то, чтобы тонкіе, способны были къ любви; но при

всемъ томъ здѣсь было что-то такое странное, что-то въ такомъ родѣ, чего онъ самъ не могъ себѣ объяснить: ему показалось, какъ самъ онъ потомъ сознавался, что весь балъ, со всѣмъ своимъ говоромъ и шумомъ, сталъ на нѣсколько минутъ какъ будто гдѣ-то вдали; скрипки и трубы нарѣзывали гдѣ-то за горами, и все подернулось туманомъ, похожимъ на небрежно замалеванное поле на картинѣ. И изъ этого мглистаго, кое-какъ набросаннаго поля выходили ясно и оконченно только однѣ тонкія черты увлекательной блондинки: ея овально-кругливщееся личико, ея тоненькій, тоненькій станъ, какой бываетъ у институтки въ первые мѣсяцы послѣ выпуска, ея бѣлое, почти простое платьице, легко и ловко обхватившее во всѣхъ мѣстахъ молоденькіе стройные члены, которые означались въ какихъ-то чистыхъ линіяхъ. Казалось, она вся походила на какую-то игрушку, отчетливо выточенную изъ слоновой кости; она только одна бѣлѣла и выходила прозрачною и свѣтлою изъ мутной и непрозрачной толпы.

Видно, такъ ужъ бываетъ на свѣтѣ; видно, и Чичиковы, на нѣсколько минутъ въ жизни, обращаются въ поэтовъ; но слово *поэтъ* будетъ уже слишкомъ. По крайней мѣрѣ, онъ почувствовалъ себя совершенно чѣмъ-то въ родѣ молодого человѣка, чуть-чуть не гусаромъ. Увидѣвши возлѣ нихъ пустой стулъ, онъ тотчасъ его занялъ. Разговоръ сначала не клеился, но послѣ дѣло пошло; онъ началъ даже получать форсъ, но... Здѣсь, къ величайшему прискорбію, надобно замѣтить, что люди степенные и занимающіе важныя должности какъ-то немного тяжеловаты въ разговорахъ съ дамами; на это мастера господа поручики, и никакъ не далѣе капитанскихъ чиновъ. Какъ они дѣлаютъ, Богъ ихъ вѣдаетъ: кажется, и не очень мудреныя вещи говорятъ, а дѣвица, то и дѣло, качается на стулѣ отъ смѣха; статскій же совѣтникъ, Богъ знаетъ что̀, разскажетъ: или поведетъ рѣчь о томъ, что Россія очень пространное государство, или отпустить комплиментъ, который, конечно, выдуманъ не безъ остроумія, но отъ него ужасно пахнетъ

книгою; если же скажетъ что-нибудь смѣшное, то самъ несравненно больше смѣется, чѣмъ та, которая его слушаетъ. Здѣсь это замѣчено для того, чтобы читатели видѣли, почему блондинка стала зѣвать во время разсказовъ нашего героя. Герой, однакоже, совсѣмъ этого не замѣчалъ, разсказывая множество пріятныхъ вещей, которыя уже случалось ему произносить въ подобныхъ случаяхъ въ разныхъ мѣстахъ, именно: въ Симбирской губерніи, у Софрона Ивановича Безпечнаго, гдѣ были тогда дочь его Аделаида Софроновна съ тремя золовками: Марьей Гавриловной, Александрой Гавриловной и Адельгейдой Гавриловной; у Ѳеодора Ѳедоровича Перекроева, въ Рязанской губерніи; у Фрола Васильевича Побѣдоноснаго, въ Пензенской губерніи, и у брата его Петра Васильевича, гдѣ были: свояченица его Катерина Михайловна и внучатныя сестры ея: Роза Ѳедоровна и Эмилія Ѳедоровна; въ Вятской губерніи, у Петра Варсонофьевича, гдѣ была сестра невѣстки его Пелагея Егоровна, съ племянницей Софьей Ростиславной и двумя сводными сестрами: Софьей Александровной и Маклатурой Александровной.

Всѣмъ дамамъ совершенно не понравилось такое обхожденіе Чичикова. Одна изъ нихъ нарочно прошла мимо его, чтобы дать ему это замѣтить, и даже задѣла блондинку довольно небрежно толстымъ руло своего платья, а шарфомъ, который порхалъ вокругъ плечъ ея, распорядилась такъ, что онъ махнулъ концомъ своимъ ее по самому лицу; въ то же самое время позади его изъ однихъ дамскихъ устъ изнеслось, вмѣстѣ съ запахомъ фіалокъ, довольно колкое и язвительное замѣчаніе. Но, или онъ не услышалъ въ самомъ дѣлѣ, или прикинулся, что не услышалъ, только это было не хорошо, ибо мнѣніемъ дамъ нужно дорожить: въ этомъ онъ и раскаялся, но уже послѣ, стало-быть, поздно.

Негодованіе, во всѣхъ отношеніяхъ справедливое, изобразилось во многихъ лицахъ. Какъ ни великъ былъ въ обществѣ вѣсъ Чичикова, хотя онъ и милліонщикъ, и въ лицѣ его выражалось величіе и даже что-то марсовское и воен-

ное; но есть вещи, которыхъ дамы не простятъ никому, будь онъ кто бы ни было, и тогда прямо пиши—пропало! Есть случаи, гдѣ женщина, какъ ни слаба и безсильна характеромъ въ сравненіи съ мужчиною, но становится вдругъ тверже не только мужчины, но и всего, что̀ ни есть на свѣтѣ. Пренебреженіе, оказанное Чичиковымъ, почти неумышленное, возстановило между дамами даже согласіе, бывшее было на краю погибели по случаю завладѣнія стуломъ. Въ произнесенныхъ имъ невзначай какихъ-то сухихъ и обыкновенныхъ словахъ нашли колкіе намеки. Въ довершеніе бѣдъ, какой-то изъ молодыхъ людей сочинилъ тутъ же сатирическіе стихи на танцовавшее общество, безъ чего, какъ извѣстно, никогда почти не обходится на губернскихъ балахъ. Эти стихи были приписаны тутъ же Чичикову. Негодованье росло, и дамы стали говорить о немъ въ разныхъ углахъ самымъ неблагопріятнымъ образомъ; а бѣдная институтка была уничтожена совершенно, и приговоръ ея уже былъ подписанъ.

А между тѣмъ герою нашему готовилась пренепріятнѣйшая неожиданность: въ то время, когда блондинка зѣвала, а онъ разсказывалъ ей кое-какія въ разныя времена случившіяся исторійки и даже коснулся было греческаго философа Діогена, показался изъ послѣдней комнаты Ноздревъ. Изъ буфета ли онъ вырвался, или изъ небольшой зеленой гостиной, гдѣ производилась игра посильнѣе, чѣмъ въ обыкновенный вистъ, своей ли волею, или вытолкали его, только онъ явился веселый, радостный, ухвативши подъ руку прокурора, котораго, вѣроятно, уже таскалъ нѣсколько времени, потому что бѣдный прокуроръ поворачивалъ на всѣ стороны свои густыя брови, какъ бы придумывая средство выбраться изъ этого дружескаго подручнаго путешествія. Въ самомъ дѣлѣ, оно было невыносимо. Ноздревъ, захлебнувъ куражу въ двухъ чашкахъ чаю, конечно, не безъ рома, вралъ немилосердно. Завидѣвъ еще издали его, Чичиковъ рѣшился даже на пожертвованіе, то-есть, оставить свое завидное мѣсто и, сколько можно, поспѣшнѣе удалиться: ничего хо-

рошаго не предвѣщала ему эта встрѣча. Но, какъ на бѣду, въ это время подвернулся губернаторъ, изъявившій необыкновенную радость, что нашелъ Павла Ивановича, и остановилъ его, прося быть судьею въ спорѣ его съ двумя дамами насчетъ того, продолжительна ли женская любовь, или нѣтъ; а между тѣмъ Ноздревъ уже увидалъ его и шелъ прямо навстрѣчу.

«А, херсонскій помѣщикъ, херсонскій помѣщикъ!» кричалъ онъ, подходя и заливаясь смѣхомъ, отъ котораго дрожали его свѣжія, румяныя, какъ весенняя роза, щеки. «Что̀? много наторговалъ мертвыхъ? Вѣдь вы не знаете, ваше превосходительство», горланилъ онъ тутъ же, обратившись къ губернатору: «онъ торгуетъ мертвыми душами! Ей Богу! Послушай, Чичиковъ! Вѣдь ты, я тебѣ говорю по дружбѣ, вотъ мы всѣ здѣсь твои друзья, вотъ и его превосходительство здѣсь,—я бы тебя повѣсилъ, ей Богу, повѣсилъ!»

Чичиковъ просто не зналъ, гдѣ сидѣлъ.

«Повѣрите ли, ваше превосходительство», продолжалъ Ноздревъ: «какъ сказалъ онъ мнѣ: «продай мертвыхъ душъ», я такъ и лопнулъ со смѣха. Пріѣзжаю сюда, мнѣ говорятъ, что накупилъ на три милліона крестьянъ на выводъ. Какихъ на выводъ! Да онъ торговалъ у меня мертвыхъ. Послушай, Чичиковъ: да ты скотина, ей Богу, скотина! Вотъ и его превосходительство здѣсь... не правда ли, прокуроръ?»

Но прокуроръ, и Чичиковъ, и самъ губернаторъ пришли въ такое замѣшательство, что не нашлись совершенно, что̀ отвѣчать; а между тѣмъ Ноздревъ, нимало не обращая вниманія, несъ полутрезвую рѣчь: «Ужъ ты, братъ, ты, ты... я не отойду отъ тебя, пока не узнаю, зачѣмъ ты покупалъ мертвыя души. Послушай, Чичиковъ, вѣдь тебѣ, право, стыдно; у тебя, ты самъ знаешь, нѣтъ лучшаго друга, какъ я. Вотъ и его превосходительство здѣсь... не правда ли, прокуроръ? Вы не повѣрите, ваше превосходительство, какъ мы другъ къ другу привязаны, то-есть, просто, если бы вы сказали,—вотъ, я тутъ стою, а вы бы сказали: «Ноздревъ, скажи по совѣсти, кто тебѣ дороже, отецъ родной,

или Чичиковъ?» скажу: «Чичиковъ», ей Богу... Позволь, душа, я тебѣ влѣплю одинъ безе. Ужъ вы позвольте, ваше превосходительство, поцѣловать мнѣ его. Да, Чичиковъ, ужъ ты не противься, одну безешку позволь напечатлѣть тебѣ въ бѣлоснѣжную щеку твою!» Ноздревъ былъ такъ оттолкнутъ съ своими безе, что чуть не полетѣлъ на землю. Отъ него всѣ отступились и не слушали больше. Но все же слова его о покупкѣ мертвыхъ душъ были произнесены во всю глотку и сопровождены такимъ громкимъ смѣхомъ, что привлекли вниманіе даже тѣхъ, которые находились въ самыхъ дальнихъ углахъ комнаты. Эта новость такъ показалась странною, что всѣ остановились съ какимъ-то деревяннымъ, глупо-вопросительнымъ выраженіемъ. Чичиковъ замѣтилъ, что многія дамы перемигнулись между собою съ какою-то злобною, ѣдкою усмѣшкою, и въ выраженіи нѣкоторыхъ лицъ показалось что-то такое двусмысленное, которое еще болѣе увеличило это смущеніе. Что Ноздревъ лгунъ отъявленный, это было извѣстно всѣмъ, и вовсе не было въ диковинку слышать отъ него рѣшительную безсмыслицу; но смертный—право, трудно даже понять, какъ устроенъ этотъ смертный: какъ бы ни была пошла новость, но лишь бы она была новость, онъ непремѣнно сообщитъ ее другому смертному, хотя бы именно для того только, чтобы сказать: «Посмотрите, какую ложь распустили!» А другой смертный съ удовольствіемъ преклонитъ ухо, хотя послѣ скажетъ самъ: «Да это совершенно пошлая ложь, нестоящая никакого вниманія!» И вслѣдъ за тѣмъ сей же часъ отправится искать третьяго смертнаго, чтобы, разсказавши ему, послѣ вмѣстѣ съ нимъ воскликнуть съ благороднымъ негодованіемъ: «Какая пошлая ложь!» И это непремѣнно обойдетъ весь городъ, и всѣ смертные, сколько ихъ ни есть, наговорятся непремѣнно досыта и потомъ признаютъ, что это не стоитъ вниманія и не достойно, чтобы о немъ говорить.

Это вздорное, повидимому, происшествіе замѣтно разстроило нашего героя. Какъ ни глупы слова дурака, а иногда

бываютъ они достаточны, чтобы смутить умнаго человѣка. Онъ сталъ чувствовать себя неловко, неладно, точь-въ-точь, какъ будто прекрасно вычищеннымъ сапогомъ вступилъ вдругъ въ грязную, вонючую лужу; словомъ — нехорошо, совсѣмъ нехорошо! Онъ пробовалъ объ этомъ не думать, старался разсѣяться, развлечься, присѣлъ въ вистъ, но все пошло, какъ кривое колесо: два раза сходилъ онъ въ чужую масть и, позабывъ, что по третьей не бьютъ, размахнулся со всей руки и хватилъ сдуру свою же. Предсѣдатель никакъ не могъ понять, какъ Павелъ Ивановичъ, такъ хорошо и, можно сказать, тонко разумѣвшій игру, могъ сдѣлать подобныя ошибки и подвелъ даже подъ обухъ его пиковаго короля, на котораго онъ, по собственному выраженію, надѣялся, какъ на Бога. Конечно, почтмейстеръ, и предсѣдатель, и даже самъ полицеймейстеръ, какъ водится, подшучивали надъ нашимъ героемъ, что ужъ не влюбленъ ли онъ, и что мы знаемъ, дескать, что у Павла Ивановича сердечишко прихрамываетъ, знаемъ, кѣмъ и подстрѣлено; но все это никакъ его не утѣшало, какъ онъ ни пробовалъ усмѣхаться и отшучиваться. За ужиномъ тоже онъ никакъ не былъ въ состояніи развернуться, несмотря на то, что общество за столомъ было пріятное и что Ноздрева давно уже вывели, ибо сами даже дамы наконецъ замѣтили, что поведеніе его черезчуръ становилось скандалезно. Посреди котильона, онъ сѣлъ на полъ и сталъ хватать за полы танцующихъ, что̀ было уже ни на что̀ не похоже, по выраженію дамъ. Ужинъ былъ очень веселъ: всѣ лица, мелькавшія передъ тройными подсвѣчниками, цвѣтами, конфектами и бутылками, были озарены самымъ непринужденнымъ довольствомъ. Офицеры, дамы, фраки—все сдѣлалось любезно, даже до приторности. Мужчины вскакивали со стульевъ и бѣжали отнимать у слугъ блюда, чтобы съ необыкновенною ловкостью предложить ихъ дамамъ. Одинъ полковникъ подалъ дамѣ тарелку съ соусомъ на концѣ обнаженной шпаги. Мужчины почтенныхъ лѣтъ, между которыми сидѣлъ Чичиковъ, спорили громко, заѣдая дѣльное слово ры-

бой или говядиной, обмакнутой нещаднымъ образомъ въ горчицу, и спорили о тѣхъ предметахъ, въ которыхъ онъ даже всегда принималъ участіе; но онъ былъ похожъ на какого-то человѣка, уставшаго или разбитаго дальней дорогой, которому ничто не лѣзетъ на умъ и который не въ силахъ войти ни во что̀. Даже не дождался онъ окончанія ужина и уѣхалъ къ себѣ несравненно ранѣе, чѣмъ имѣлъ обыкновеніе уѣзжать.

Тамъ, въ этой комнаткѣ, такъ знакомой читателю, съ дверью, заставленной комодомъ, и выглядывавшими иногда изъ угловъ тараканами, положеніе мыслей и духа его было такъ же не спокойно, какъ неспокойны тѣ кресла, въ которыхъ онъ сидѣлъ. Непріятно, смутно было у него на сердцѣ; какая-то тягостная пустота оставалась тамъ. «Чтобъ васъ чортъ побралъ всѣхъ, кто выдумалъ эти балы!» говорилъ онъ въ-сердцахъ. «Ну, чему сдуру обрадовались? Въ губерніи неурожаи, дороговизна, такъ вотъ они за балы! Экъ штука: разрядились въ бабьи тряпки! Невидаль, что иная навертѣла на себя тысячу рублей! А вѣдь на счетъ же крестьянскихъ оброковъ или, что̀ еще хуже, на счетъ совѣсти нашего брата. Вѣдь извѣстно, зачѣмъ берешь взятку и покривишь душой: для того, чтобы женѣ достать на шаль или на разные роброны, провалъ ихъ возьми, какъ ихъ называютъ! А изъ чего? чтобы не сказала какая-нибудь подстёга Сидоровна, что на почтмейстершѣ лучше было платье, да изъ за нея бухъ тысячу рублей. Кричатъ: «балъ, балъ, веселость!» Просто, дрянь балъ, не въ русскомъ духѣ, не въ русской натурѣ, чортъ знаетъ, что̀ такое: взрослый, совершеннолѣтній, вдругъ выскочитъ весь въ черномъ, общипанный, обтянутый, какъ чортикъ, и давай мѣсить ногами. Иной даже, стоя въ парѣ, переговариваетъ съ другимъ объ важномъ дѣлѣ, а ногами въ то же самое время, какъ козленокъ, вензеля направо и налѣво... Все изъ обезьянства, все изъ обезьянства! Что французъ въ сорокъ лѣтъ такой же ребенокъ, какимъ былъ и въ пятнадцать, такъ вотъ давай же и мы! Нѣтъ, право... послѣ всякаго бала, точно, какъ будто какой грѣхъ сдѣлалъ;

и вспомнить даже о немъ не хочется. Въ головѣ, просто, ничего, какъ послѣ разговора съ свѣтскимъ человѣкомъ: всего онъ наговоритъ, всего слегка коснется, все скажетъ, что̀ понадергалъ изъ книжекъ, пестро, красно, а въ головѣ хоть бы что-нибудь изъ того вынесъ; и видишь потомъ, какъ даже разговоръ съ простымъ купцомъ, знающимъ одно свое дѣло, но знающимъ его твердо и опытно, лучше всѣхъ этихъ побрякушекъ. Ну, что̀ изъ него выжмешь, изъ этого бала? Ну, если бы, положимъ, какой-нибудь писатель вздумалъ описывать всю эту сцену такъ, какъ она есть? Ну, и въ книгѣ, и тамъ была бы она такъ же безтолкова, какъ въ натурѣ. Что̀ она такое: нравственная ли, безнравственная ли? просто, чортъ знаетъ, что̀ такое! Плюнешь, да и книгу потомъ закроешь». Такъ отзывался неблагопріятно Чичиковъ о балахъ вообще; но, кажется, сюда вмѣшалась другая причина негодованья. Главная досада была не на балъ, а на то, что случилось ему оборваться, что онъ вдругъ показался предъ всѣми, Богъ знаетъ, въ какомъ видѣ, что сыгралъ какую-то странную, двусмысленную роль. Конечно, взглянувши окомъ благоразумнаго человѣка, онъ видѣлъ, что все это вздоръ, что глупое слово ничего не значитъ, особливо теперь, когда главное дѣло уже обдѣлано, какъ слѣдуетъ. Но—страненъ человѣкъ: его огорчало сильно нерасположенье тѣхъ самыхъ, которыхъ онъ не уважалъ и насчетъ которыхъ отзывался рѣзко, понося ихъ суетность и наряды. Это тѣмъ болѣе было ему досадно, что, разобравши дѣло ясно, онъ видѣлъ, какъ причиной этого былъ отчасти самъ. На себя, однакоже, онъ не разсердился, и въ томъ, конечно, былъ правъ. Всѣ мы имѣемъ маленькую слабость немножко пощадить себя, а постараемся лучше пріискать какого-нибудь ближняго, на комъ бы выместить свою досаду, напримѣръ, на слугѣ, на чиновникѣ, намъ подвѣдомственномъ, который въ пору подвернулся, на женѣ, или, наконецъ, на стулѣ, который швырнется, чортъ знаетъ, куда, къ самымъ дверямъ, такъ что отлетитъ отъ него ручка и спинка,—пусть, молъ, его знаетъ, что̀ такое гнѣвъ.

Такъ и Чичиковъ скоро нашелъ ближняго, который потащилъ на плечахъ своихъ все, что̀ только могла внушить ему досада. Ближній этотъ былъ Ноздревъ, и, нечего сказать, онъ былъ такъ отдѣланъ со всѣхъ боковъ и сторонъ, какъ развѣ только какой-нибудь плутъ-староста или ямщикъ бываетъ отдѣланъ какимъ-нибудь ѣзжалымъ, опытнымъ капитаномъ, а иногда и генераломъ, который, сверхъ многихъ выраженій, сдѣлавшихся классическими, прибавляетъ еще много неизвѣстныхъ, которыхъ изобрѣтеніе принадлежитъ ему собственно. Вся родословная Ноздрева была разобрана, и многіе изъ членовъ его фамиліи въ восходящей линіи сильно потерпѣли.

Но въ продолженіе того, какъ онъ сидѣлъ въ жесткихъ своихъ креслахъ, тревожимый мыслями и безсонницей, угощая усердно Ноздрева и всю родню его, и передъ нимъ теплилась сальная свѣчка, которой свѣтильня давно уже накрылась нагорѣвшею черною шапкою, ежеминутно грозя погаснуть, и глядѣла ему въ окна слѣпая, темная ночь, готовая посинѣть отъ приближавшагося разсвѣта, и пересвистывались вдали отдаленные пѣтухи, и въ совершенно заснувшемъ городѣ, можетъ-быть, плелась гдѣ-нибудь фризовая шинель, горемыка, неизвѣстно какого класса и чина, знающая одну только (увы!) слишкомъ протертую русскимъ забубеннымъ народомъ дорогу, — въ это время на другомъ концѣ города происходило событіе, которое готовилось увеличить непріятность положенія нашего героя. Именно, въ отдаленныхъ улицахъ и закоулкахъ города дребезжалъ весьма странный экипажъ, наводившій недоумѣніе насчетъ своего названія. Онъ не былъ похожъ ни на тарантасъ, ни на коляску, ни на бричку, а былъ скорѣе похожъ на толстощекій выпуклый арбузъ, поставленный на колеса. Щеки этого арбуза, то-есть дверцы, носившія слѣды желтой краски, затворялись очень плохо, по причинѣ плохого состоянія ручекъ и замковъ, кое-какъ связанныхъ веревками. Арбузъ былъ наполненъ ситцевыми подушками въ видѣ кисетовъ, валиковъ и, просто, подушекъ, напичканъ мѣшками съ хлѣ-

бами, калачами, кокурками, скородумками и кренделями изъ заварного тѣста. Пирогъ-курникъ и пирогъ-разсольникъ выглядывали даже наверхъ. Запятки были заняты лицомъ лакейскаго происхожденія, въ курткѣ изъ домашней пеструшки, съ небритой бородою, подернутой легкой просѣдью,—лицо, извѣстное подъ именемъ *малаго*. Шумъ и визгъ отъ желѣзныхъ скобокъ и ржавыхъ винтовъ разбудили на другомъ концѣ города будочника, который, поднявъ свою алебарду, закричалъ спросонья, что̀ стало мочи: «кто идетъ?» но, увидѣвъ, что никто не шелъ, а слышалось только издали дребезжанье, поймалъ у себя на воротникѣ какого-то звѣря и, подошедъ къ фонарю, казнилъ его тутъ же у себя на ногтѣ, послѣ чего, отставивши алебарду, опять заснулъ, по уставамъ своего рыцарства. Лошади, то и дѣло падали на переднія колѣнки, потому что не были подкованы, и притомъ, какъ видно, покойная городская мостовая была имъ мало знакома. Колымага, сдѣлавши нѣсколько поворотовъ изъ улицы въ улицу, наконецъ, поворотила въ темный переулокъ мимо небольшой приходской церкви Николы на Недотычкахъ и остановилась предъ воротами дома протопопши. Изъ брички вылѣзла дѣвка съ платкомъ на головѣ, въ тѣлогрѣйкѣ, и хватила обоими кулаками въ ворота такъ сильно, хоть бы и мужчинѣ (малый въ курткѣ изъ пеструшки былъ уже потомъ стащенъ за ноги, ибо спалъ мертвецки). Собаки залаяли, и ворота, разинувшись, наконецъ проглотили, хотя съ большимъ трудомъ, это неуклюжее дорожное произведеніе. Экипажъ въѣхалъ въ тѣсный дворъ, заваленный дровами, курятниками и всякими клѣтухами; изъ экипижа вылѣзла барыня: эта барыня была помѣщица, коллежская секретарша Коробочка. Старушка, вскорѣ послѣ отъѣзда нашего героя, въ такое пришла безпокойство насчетъ могущаго произойти со стороны его обмана, что, не поспавши три ночи сряду, рѣшилась ѣхать въ городъ,—несмотря на то, что лошади не были подкованы,—и тамъ узнать навѣрно, почемъ ходятъ мертвыя души и ужъ не промахнулась ли она, Боже сохрани, про-

давъ ихъ, можетъ-быть, въ-три-дешева. Какое произвело слѣдствіе это прибытіе, читатель можетъ узнать изъ одного разговора, который произошелъ между однѣми двумя дамами. Разговоръ сей... но пусть лучше сей разговоръ будетъ въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА IX.

Поутру, ранѣе даже того времени, которое назначено въ городѣ N для визитовъ, изъ дверей оранжеваго деревяннаго дома, съ мезониномъ и голубыми колоннами, выпорхнула дама въ клѣтчатомъ щегольскомъ клокѣ, сопровождаемая лакеемъ въ шинели съ нѣсколькими воротниками и золотымъ галуномъ на круглой лощеной шляпѣ. Дама вспорхнула въ тотъ же часъ съ необыкновенною поспѣшностью по откинутымъ ступенькамъ въ стоявшую у подъѣзда коляску. Лакей тутъ же захлопнулъ даму дверцами, закидалъ ступеньками и, ухватясь за ремни сзади коляски, закричалъ кучеру: «Пошелъ!» Дама везла только-что услышанную новость и чувствовала побужденіе непреодолимое скорѣе сообщить ее. Всякую минуту выглядывала она изъ окна и видѣла, къ несказанной досадѣ, что все еще остается полдороги. Всякій домъ казался ей длиннѣе обыкновеннаго; бѣлая каменная богадѣльня съ узенькими окнами тянулась нестерпимо долго, такъ что она наконецъ не вытерпѣла не сказать: «Проклятое строеніе, и конца нѣтъ!» Кучеръ уже два раза получалъ приказаніе: «Поскорѣе, поскорѣе, Андрюшка! Ты сегодня несносно долго ѣдешь!» Наконецъ. цѣль была достигнута. Коляска остановилась передъ деревяннымъ же одноэтажнымъ домомъ темно-сѣраго цвѣта, съ бѣлыми барельефчиками надъ окнами, съ высокою деревянною рѣшёткою передъ самыми окнами и узенькимъ палисадникомъ, за рѣшёткою котораго находившіяся тоненькія деревца побѣлѣли отъ никогда не сходившей съ нихъ городской пыли. Въ окнахъ мелькали горшки съ цвѣтами, попугай, качавшійся въ клѣткѣ, уцѣпясь носомъ за кольцо, и двѣ собачонки, спавшія передъ солнцемъ. Въ этомъ домѣ

жила искренняя пріятельница пріѣхавшей дамы. Авторъ чрезвычайно затрудняется, какъ назвать ему обѣихъ дамъ такимъ образомъ, чтобы не разсердились на него, какъ серживались встарь. Назвать выдуманною фамиліей—опасно. Какое ни придумай имя, ужъ непремѣнно найдется въ какомъ-нибудь углу нашего государства,—благо велико,—кто-нибудь носящій его, и непремѣнно разсердится не на животъ, а на смерть, станетъ говорить, что авторъ нарочно пріѣзжалъ секретно съ тѣмъ, чтобы вывѣдать все, что̀ онъ такое самъ, и въ какомъ тулупчикѣ ходитъ, и къ какой Аграфенѣ Ивановнѣ навѣдывается, и что̀ любитъ покушать. Назови же по чинамъ, Боже сохрани, и того опаснѣй. Теперь у насъ всѣ чины и сословія такъ раздражены, что все, что̀ ни есть въ печатной книгѣ, уже кажется имъ личностью: таково уже, видно, расположеніе въ воздухѣ. Достаточно сказать только, что есть въ одномъ городѣ глупый человѣкъ,—это уже и личность: вдругъ выскочитъ господинъ почтенной наружности и закричитъ: «Вѣдь я тоже человѣкъ, стало-быть, я тоже глупъ»; словомъ, вмигъ смекнетъ, въ чемъ дѣло. А потому, для избѣжанія всего этого, будемъ называть даму, къ которой пріѣхала гостья, такъ, какъ она называлась почти единогласно въ городѣ N, именно—дамою, пріятною во всѣхъ отношеніяхъ. Это названіе она пріобрѣла законнымъ образомъ, ибо, точно, ничего не пожалѣла, чтобы сдѣлаться любезною въ послѣдней степени, хотя, конечно, сквозь любезность прокрадывалась—ухъ, какая юркая прыть женскаго характера! и хотя подъчасъ въ пріятномъ словѣ ея торчала — ухъ, какая булавка! А ужъ не приведи Богъ, что̀ кипѣло въ сердцѣ противъ той, которая бы пролѣзла какъ-нибудь и чѣмъ-нибудь въ первыя. Но все это было облечено самою тонкою свѣтскостью, какая только бываетъ въ губернскомъ городѣ. Всякое движеніе производила она со вкусомъ, даже любила стихи, даже иногда мечтательно умѣла держать голову, и всѣ согласились, что она, точно, дама пріятная во всѣхъ отношеніяхъ. Другая же дама, то - есть, пріѣхавшая, не

имѣла такой многосторонности въ характерѣ, и потому будемъ называть ее—просто пріятная дама. Пріѣздъ гостьи разбудилъ собачонокъ, спавшихъ на солнцѣ: мохнатую Адель, безпрестанно путавшуюся въ собственной шерсти, и кобелька Попури на тоненькихъ ножкахъ. Тотъ и другая съ лаемъ понесли кольцами хвосты свои въ переднюю, гдѣ гостья освобождалась отъ своего клока и очутилась въ платьѣ моднаго узора и цвѣта и въ длинныхъ хвостахъ на шеѣ; жасмины понеслись по всей комнатѣ. Едва только во всѣхъ отношеніяхъ пріятная дама узнала о пріѣздѣ просто пріятной дамы, какъ уже вбѣжала въ переднюю. Дамы ухватились за руки, поцѣловались и вскрикнули, какъ вскрикиваютъ институтки, встрѣтившіяся вскорѣ послѣ выпуска, когда маменьки еще не успѣли объяснить имъ, что отецъ у одной бѣднѣе и ниже чиномъ, нежели у другой. Поцѣлуй совершился звонко, потому что собачонки залаяли снова, за что̀ были хлопнуты платкомъ,—и обѣ дамы отправились въ гостиную, разумѣется голубую, съ диваномъ, овальнымъ столомъ и даже ширмочками, обвитыми плющомъ; вслѣдъ за ними побѣжала ворча мохнатая Адель и высокій Попури на тоненькихъ ножкахъ. «Сюда, сюда, вотъ въ этотъ уголочекъ!» говорила хозяйка, усаживая гостью въ уголъ дивана. «Вотъ такъ! вотъ такъ! Вотъ вамъ и подушка!» Сказавши это, она запихнула ей за спину подушку, на которой былъ вышитъ шерстью рыцарь такимъ образомъ, какъ ихъ всегда вышиваютъ по канвѣ: носъ вышелъ лѣстницею, а губы четвероугольникомъ. «Какъ же я рада, что вы... Я слышу, кто-то подъѣхалъ, да думаю себѣ, кто бы могъ такъ рано? Параша говоритъ: «вице-губернаторша», а я говорю: «Ну, вотъ опять пріѣхала дура надоѣдать», и ужъ хотѣла сказать, что меня нѣтъ дома...»

Гостья уже хотѣла было приступить къ дѣлу и сообщить новость, но восклицаніе, которое издала въ это время дама пріятная во всѣхъ отношеніяхъ, вдругъ дало другое направленіе разговору.

«Какой веселенькій ситецъ!» воскликнула во всѣхъ отно-

шеніяхъ пріятная дама, глядя на платье просто пріятной дамы.

«Да, очень веселенькій. Прасковья Θедоровна, однакоже, находитъ, что лучше, если бы клѣточки были помельче, и чтобы не коричневыя были крапинки, а голубыя. Сестрѣ я прислала матерійку: это такое очарованье, котораго, просто, нельзя выразить словами. Вообразите себѣ: полосочки узенькія-узенькія, какія только можетъ представить воображеніе человѣческое, фонъ голубой и черезъ полоску все глазки и лапки, глазки и лапки, глазки и лапки... Словомъ, безподобно! Можно сказать рѣшительно, что ничего еще не было подобнаго на свѣтѣ».

«Милая, это пестро».

«Ахъ, нѣтъ! не пестро!»

«Ахъ, пестро!»

Нужно замѣтить, что во всѣхъ отношеніяхъ пріятная дама была отчасти матеріалистка, склонна къ отрицанію и сомнѣнію и отвергала весьма многое въ жизни.

Здѣсь просто пріятная дама объяснила, что это совсѣмъ не пестро и вскрикнула: «Да, поздравляю васъ: оборокъ болѣе не носятъ».

«Какъ не носятъ?»

«Намѣсто ихъ фестончики».

«Ахъ, это не хорошо—фестончики!»

«Фестончики, все фестончики: пелеринка изъ фестончиковъ, на рукавахъ фестончики, эполетцы изъ фестончиковъ, внизу фестончики, вездѣ фестончики».

«Нехорошо, Софья Ивановна, если все фестончики».

«Мило, Анна Григорьевна, до невѣроятности: шьется въ два рубчика, широкія проймы и сверху... Но вотъ, вотъ когда вы изумитесь, вотъ ужъ когда скажете, что... Ну, изумляйтесь: вообразите, лифчики пошли еще длиннѣе, впереди мыскомъ, и передняя косточка совсѣмъ выходитъ изъ границъ; юбка вся собирается вокругъ, какъ бывало въ старину фижмы, даже сзади немножко подкладываютъ ваты, чтобы была совершенная бель-фамъ».

«Ну, ужъ это, просто: признаюсь!» сказала дама пріятная во всѣхъ отношеніяхъ, сдѣлавши движеніе головою съ чувствомъ достоинства.

«Именно, это ужъ, точно: признаюсь!» отвѣчала просто пріятная дама.

«Ужъ какъ вы хотите, я ни за что̀ не стану подражать этому».

«Я сама тоже... Право, какъ вообразишь, до чего иногда доходитъ мода... ни на что̀ не похоже! Я выпросила у сестры выкройку нарочно для смѣху; Меланья моя принялась шить».

«Такъ у васъ развѣ есть выкройка?» вскрикнула во всѣхъ отношеніяхъ пріятная дама не безъ замѣтнаго сердечнаго движенія.

«Какъ же, сестра привезла».

«Душа моя, дайте ее мнѣ, ради всего святого».

«Ахъ, я ужъ дала слово Прасковьѣ Ѳедоровнѣ. Развѣ послѣ нея».

«Кто-жъ станетъ носить послѣ Прасковьи Ѳедоровны? Это уже слишкомъ странно будетъ, съ вашей стороны, если вы чужихъ предпочтете своимъ».

«Да вѣдь она тоже мнѣ двоюродная тетка».

«Она вамъ тетка, еще, Богъ знаетъ, какая: съ мужниной стороны... Нѣтъ, Софья Ивановна, я и слышать не хочу; это выходитъ—вы мнѣ хотите нанесть такое оскорбленье... Видно, я вамъ наскучила уже; видно, вы хотите прекратить со мною всякое знакомство».

Бѣдная Софья Ивановна не знала совершенно, что̀ ей дѣлать. Она чувствовала сама, между какихъ сильныхъ огней себя поставила. Вотъ тебѣ и похвасталась! Она бы готова была исколоть за это иголками глупый языкъ.

«Ну, что̀-жъ нашъ прелестникъ?» сказала между тѣмъ дама пріятная во всѣхъ отношеніяхъ.

«Ахъ, Боже мой! что̀-жъ я такъ сижу передъ вами! Вотъ хорошо! Вѣдь вы знаете, Анна Григорьевна, съ чѣмъ я пріѣхала къ вамъ?» Тутъ дыханіе гостьи сперлось, слова,

какъ ястребы, готовы были пуститься въ погоню одно за другимъ, и только нужно было до такой степени быть безчеловѣчной, какова была искренняя пріятельница, чтобы рѣшиться остановить ее.

«Какъ вы ни выхваляйте и ни превозносите его», говорила она съ живостью, болѣе нежели обыкновенною: «а я скажу прямо, и ему въ глаза скажу, что онъ негодный человѣкъ, негодный, негодный, негодный!»

«Да послушайте только, что̀ я вамъ открою...»

«Распустили слухи, что онъ хорошъ, а онъ совсѣмъ не хорошъ, совсѣмъ не хорошъ, и носъ у него... самый непріятный носъ».

«Позвольте же, позвольте же только разсказать вамъ... душенька, Анна Григорьевна, позвольте разсказать! Вѣдь это исторія, понимаете ли: исторія, сконапель истоаръ», говорила гостья съ выраженіемъ почти отчаянія и совершенно умоляющимъ голосомъ. Не мѣшаетъ замѣтить, что въ разговоръ обѣихъ дамъ вмѣшивалось очень много иностранныхъ словъ и цѣликомъ иногда длинныя французскія фразы. Но какъ ни исполненъ авторъ благоговѣнія къ тѣмъ спасительнымъ пользамъ, которыя приноситъ французскій языкъ Россіи, какъ ни исполненъ благоговѣнія къ похвальному обычаю нашего высшаго общества, изъясняющагося на немъ во всѣ часы дня, конечно, изъ глубокаго чувства любви къ отчизнѣ; но при всемъ томъ никакъ не рѣшается внести фразу какого бы ни было чуждаго языка въ сію русскую свою поэму. Итакъ, станемъ продолжать по-русски.

«Какая же исторія?»

«Ахъ, жизнь моя, Анна Григорьевна! если бы вы могли только представить то положеніе, въ которомъ я находилась! Вообразите, приходитъ ко мнѣ сегодня протопопша, протопопша, отца Кирилы жена, и что̀ бы вы думали? нашъ-то смиренникъ, пріѣзжій-то нашъ, каковъ, а?»

«Какъ, неужели онъ и протопопшѣ строилъ куры?»

«Ахъ, Анна Григорьевна, пусть бы еще куры, это бы еще ничего; слушайте только, что̀ разсказала протопопша.

Пріѣхала, говоритъ, къ ней помѣщица Коробочка, перепуганная и блѣдная, какъ смерть, и разсказываетъ, и какъ разсказываетъ! послушайте только, совершенный романъ: вдругъ, въ глухую полночь, когда все уже спало въ домѣ, раздается въ ворота стукъ, ужаснѣйшій, какой только можно себѣ представить; кричатъ: «Отворите, отворите, не то— будутъ выломаны ворота!...» Каково вамъ это покажется? Каковъ же послѣ этого прелестникъ?»

«Да что̀ Коробочка? развѣ молода и хороша собою?»

«Ничуть, старуха».

«Ахъ, прелести! Такъ онъ за старуху принялся? Ну, хорошъ же послѣ этого вкусъ нашихъ дамъ, нашли въ кого влюбиться».

«Да вѣдь нѣтъ, Анна Григорьевна, совсѣмъ не то, что̀ вы полагаете. Вообразите себѣ только то, что является вооруженный съ ногъ до головы въ родѣ Ринальда Ринальдина и требуетъ: «Продайте», говоритъ, «всѣ души, которыя умерли». Коробочка отвѣчаетъ очень резонно, говоритъ: «Я не могу продать, потому что онѣ мертвыя».—«Нѣтъ», говоритъ, «онѣ не мертвыя; это мое,» говоритъ, «дѣло знать, мертвыя ли онѣ, или нѣтъ; онѣ не мертвыя, не мертвыя!» кричитъ—«не мертвыя!» Словомъ, скандальозу надѣлалъ ужаснаго: вся деревня сбѣжалась, ребенки плачутъ, все кричитъ, никто никого не понимаетъ,—ну, просто, оррёръ, оррёръ, оррёръ!... Но вы себѣ представить не можете. Анна Григорьевна, какъ я перетревожилась, когда услышала все это. «Голубушка барыня», говоритъ мнѣ Машка: «посмотрите въ зеркало, вы блѣдны».—«Не до зеркала», говорю, «мнѣ: я должна ѣхать разсказать Аннѣ Григорьевнѣ». Въ ту же минуту приказываю заложить коляску; кучеръ Андрюшка спрашиваетъ меня, куда ѣхать, а я ничего не могу и говорить, гляжу просто ему въ глаза, какъ дура; я думаю, что онъ подумалъ, что я сумасшедшая. Ахъ, Анна Григорьевна! если-бъ вы только могли себѣ представить, какъ я перетревожилась!»

«Это, однакожъ, странно», сказала во всѣхъ отношеніяхъ

пріятная дама: «что̀ бы такое могли значить эти мертвыя души? Я, признаюсь, тутъ ровно ничего не понимаю. Вотъ уже во второй разъ я все слышу про эти мертвыя души; а мужъ мой еще говоритъ, что Ноздревъ вретъ: что-нибудь, вѣрно же, есть».

«Но представьте же, Анна Григорьевна, каково мое было положеніе, когда я услышала это. «И теперь», говоритъ Коробочка: «я не знаю», говоритъ, «что̀ мнѣ дѣлать. Заставилъ», говоритъ, «подписать меня какую-то фальшивую бумагу, бросилъ пятнадцать рублей ассигнаціями; я», говоритъ, «неопытная, безпомощная вдова, я ничего не знаю...» Такъ вотъ происшествія! Но только если бы вы могли сколько-нибудь себѣ представить, какъ я вся перетревожилась!»

«Но только, воля ваша, здѣсь не мертвыя души, здѣсь скрывается что-то другое».

«Я, признаюсь, тоже», произнесла не безъ удивленія просто пріятная дама и почувствовала тутъ же сильное желаніе узнать, что̀ бы такое могло здѣсь скрываться. Она даже произнесла съ разстановкой: «А что̀-жъ, вы полагаете, здѣсь скрывается?»

«Ну, какъ вы думаете?»

«Какъ я думаю?... Я, признаюсь, совершенно потеряна».

«Но, однакожъ, я бы все хотѣла знать: какія ваши насчетъ этого мысли?»

Но пріятная дама ничего не нашлась сказать. Она умѣла только тревожиться, но чтобы составить какое-нибудь смѣтливое предположеніе, для этого никакъ ея не ставало, и оттого, болѣе нежели всякая другая, она имѣла потребность въ нѣжной дружбѣ и совѣтахъ.

«Ну, слушайте же, что̀ такое эти мертвыя души,» сказала дама пріятная во всѣхъ отношеніяхъ, и гостья при такихъ словахъ вся обратилась въ слухъ: ушки ея вытянулись сами собою, она приподнялась, почти не сидя и не держась на диванѣ, и, несмотря на то, что была отчасти тяжеловата, сдѣлалась вдругъ тонѣе, стала похожа на лег-

кій пухъ, который вотъ такъ и полетитъ на воздухъ отъ дуновенія.

Такъ русскій баринъ, собачей и іора-охотникъ, подъѣзжая къ лѣсу, изъ котораго вотъ-вотъ выскочитъ оттопанный доѣзжачими заяцъ, превращается весь съ своимъ конемъ и поднятымъ арапникомъ въ одинъ застывшій мигъ, въ порохъ, къ которому вотъ-вотъ поднесутъ огонь. Весь впился онъ очами въ мутный воздухъ и ужъ настигнетъ звѣря, ужъ допечетъ его, неотбойный, какъ ни воздымайся противъ него вся мятущая снѣговая степь, пускающая серебряныя звѣзды ему въ уста, въ усы, въ очи, въ брови и въ бобровую его шапку.

«Мертвыя души...» произнесла во всѣхъ отношеніяхъ пріятная дама.

«Что̀, что̀?» подхватила гостья, вся въ волненьи.

«Мертвыя души!...»

«Ахъ, говорите ради Бога!»

«Это, просто, выдумано только для прикрытія, а дѣло вотъ въ чемъ: онъ хочетъ увезти губернаторскую дочку».

Это заключеніе, точно, было никакъ неожиданно и во всѣхъ отношеніяхъ необыкновенно. Пріятная дама, услышавъ это, такъ и окаменѣла на мѣстѣ, поблѣднѣла, поблѣднѣла, какъ смерть, и, точно, перетревожилась не на шутку. «Ахъ, Боже мой!» вскрикнула она, всплеснувъ руками: «ужъ этого я бы никакъ не могла предполагать».

«А я, признаюсь, какъ только вы открыли ротъ, я уже смекнула, въ чемъ дѣло», отвѣчала дама пріятная во всѣхъ отношеніяхъ.

«Но каково же послѣ этого, Анна Григорьевна, институтское воспитаніе! вѣдь вотъ невинность!»

«Какая невинность! Я слышала, какъ она говорила такія рѣчи, что, признаюсь, у меня не станетъ духа произнести ихъ».

«Знаете, Анна Григорьевна, вѣдь это, просто, раздираетъ сердце, когда видишь, до чего достигла, наконецъ, безнравственность».

«А мужчины отъ нея безъ ума. А по мнѣ, такъ я, признаюсь, ничего не нахожу въ ней...»

«Манерна нестерпимо».

«Ахъ, жизнь моя, Анна Григорьевна! она статуя, и хоть бы какое-нибудь выраженье въ лицѣ».

«Ахъ, какъ манерна! Ахъ, какъ манерна! Боже, какъ манерна! Кто выучилъ ее, я не знаю; но я еще не видывала женщины, въ которой бы было столько жеманства».

«Душенька! она статуя и блѣдна, какъ смерть»

«Ахъ, не говорите, Софья Ивановна: румянится безбожно».

«Ахъ, что̀ это вы, Анна Григорьевна: она мѣлъ, мѣлъ, чистѣйшій мѣлъ».

«Милая, я сидѣла возлѣ нея: румянецъ въ палецъ толщиной и отваливается, какъ штукатурка, кусками. Мать выучила, сама кокетка, а дочка еще превзойдетъ матушку».

«Ну, позвольте, ну, положите сами клятву, какую хотите, я готова сей же часъ лишиться дѣтей, мужа, всего имѣнья, если у ней есть хоть одна капелька, хоть частица, хоть тѣнь какого-нибудь румянца!»

«Ахъ, что̀ вы это говорите, Софья Ивановна!» сказала дама пріятная во всѣхъ отношеніяхъ и всплеснула руками.

«Ахъ, какія же вы, право, Анна Григорьевна! Я съ изумленьемъ на васъ гляжу!» сказала пріятная дама и всплеснула тоже руками.

Да не покажется читателю страннымъ, что обѣ дамы были несогласны между собою въ томъ, что̀ видѣли почти въ одно и то же время. Есть, точно, на свѣтѣ много такихъ вещей, которыя имѣютъ уже такое свойство: если на нихъ взглянетъ одна дама, онѣ выйдутъ совершенно бѣлыя; а взглянетъ другая—выйдутъ красныя, красныя, какъ брусника.

«Ну, вотъ вамъ еще доказательство, что она блѣдна», продолжала пріятная дама: «я помню, какъ теперь, что я сижу возлѣ Манилова и говорю ему: «Посмотрите, какая она блѣдная!» Право, нужно быть до такой степени без-

толковыми, какъ наши мужчины, чтобы восхищаться ею. А нашъ-то прелестникъ... Ахъ, какъ онъ мнѣ показался противнымъ! Вы не можете себѣ представить, Анна Григорьевна, до какой степени онъ мнѣ показался противнымъ».

«Да, однакоже, нашлись нѣкоторыя дамы, которыя были неравнодушны къ нему».

«Я, Анна Григорьевна? Вотъ ужъ никогда вы не можете сказать этого, никогда, никогда!»

«Да я не говорю объ васъ, какъ будто, кромѣ васъ, никого нѣтъ».

«Никогда, никогда, Анна Григорьевна! Позвольте мнѣ вамъ замѣтить, что я очень хорошо себя знаю; а развѣ со стороны какихъ-нибудь иныхъ дамъ, которыя играютъ роль недоступныхъ».

«Ужъ извините, Софья Ивановна! Ужъ позвольте вамъ сказать, что за мной подобныхъ скандальозностей никогда еще не водилось. За кѣмъ другимъ развѣ, а ужъ за мной нѣтъ, ужъ позвольте мнѣ вамъ это замѣтить».

«Отчего же вы обидѣлись? Вѣдь тамъ были и другія дамы, были даже такія, которыя первыя захватили стулъ у дверей, чтобы сидѣть къ нему поближе».

Ну, ужъ послѣ такихъ словъ, произнесенныхъ пріятною дамою, должна была неминуемо послѣдовать буря; но, къ величайшему изумленію, обѣ дамы вдругъ пріутихли, и совершенно ничего не послѣдовало. Во всѣхъ отношеніяхъ пріятная дама вспомнила, что выкройка для моднаго платья еще не находится въ ея рукахъ, а просто пріятная дама смекнула, что она еще не успѣла вывѣдать никакихъ подробностей насчетъ открытія, сдѣланнаго ея искреннею пріятельницею, и потому миръ послѣдовалъ очень скоро. Впрочемъ, обѣ дамы, нельзя сказать, чтобы имѣли въ своей натурѣ потребность наносить непріятность, и вообще въ характерахъ ихъ ничего не было злого, а такъ, нечувствительно, въ разговорѣ рождалось само собою маленькое желаніе кольнуть другъ друга; просто, одна другой, изъ небольшого наслажденія, при случаѣ всунетъ иное живое

словцо: «Вотъ, молъ, тебѣ! На, возьми, съѣшь!» Разнаго рода бываютъ потребности въ сердцахъ, какъ мужескаго, такъ и женскаго пола.

«Я не могу, однакоже, понять только того», сказала просто пріятная дама: «какъ Чичиковъ, будучи человѣкъ заѣзжій, могъ рѣшиться на такой отважный пассажъ. Не можетъ быть, чтобы тутъ не было участниковъ».

«А вы думаете—нѣтъ ихъ?»

«А кто же бы, полагаете, могъ помогать ему?»

«Ну, да хоть и Ноздревъ».

«Неужели Ноздревъ?»

«А что̀-жъ? вѣдь его на это станетъ. Вы знаете: онъ родного отца хотѣлъ продать или, еще лучше, проиграть въ карты».

«Ахъ, Боже мой, какія интересныя новости я узнаю отъ васъ! Я бы никакъ не могла предполагать, чтобы и Ноздревъ былъ замѣшанъ въ эту исторію!»

«А я всегда предполагала».

«Какъ подумаешь, право, чего не происходитъ на свѣтѣ: ну, можно ли было предполагать, когда, помните, Чичиковъ только-что пріѣхалъ къ намъ въ городъ, что онъ произведетъ такой странный маршъ въ свѣтѣ? Ахъ, Анна Григорьевна, если бы вы знали, какъ я перетревожилась! Если бы не ваша благосклонность и дружба... вотъ уже, точно, на краю погибели... куда-жъ? Машка моя видитъ, что я блѣдна, какъ смерть: «Душечка барыня», говоритъ мнѣ: «вы блѣдны, какъ смерть».—«Машка», говорю, «мнѣ не до того теперь». Такъ вотъ какой случай! Такъ и Ноздревъ здѣсь! прошу покорно!»

Пріятной дамѣ очень хотѣлось вывѣдать дальнѣйшія подробности насчетъ похищенія, то-есть, въ которомъ часу и прочее, но многаго захотѣла. Во всѣхъ отношеніяхъ пріятная дама прямо отозвалась незнаніемъ. Она не умѣла лгать: предположить что-нибудь—это другое дѣло, но и то въ такомъ случаѣ, когда предположеніе основывалось на внутреннемъ убѣжденіи; если-жъ было почувствовано внутреннее

убѣжденіе, тогда умѣла она постоять за себя, и попробовалъ бы какой-нибудь дока-адвокатъ, славящійся даромъ побѣждать чужія мнѣнія,—попробовалъ бы онъ состязаться здѣсь: увидѣлъ бы онъ, что̀ значитъ внутреннее убѣжденіе.

Что обѣ дамы, наконецъ, рѣшительно убѣдились въ томъ, что̀ прежде предположили только, какъ одно предположеніе,—въ этомъ нѣтъ ничего необыкновеннаго. Наша братья, народъ умный, какъ мы называемъ себя, поступаетъ почти такъ же, и доказательствомъ служатъ наши ученыя разсужденія. Сперва ученый подъѣзжаетъ въ нихъ необыкновеннымъ подлецомъ, начинаетъ робко, умѣренно, начинаетъ самымъ смиреннымъ запросомъ: «Не оттуда ли? не изъ того ли угла получила имя такая-то страна?» или: «Не принадлежитъ ли этотъ документъ къ другому, позднѣйшему времени?» или: «Не нужно ли подъ этимъ народомъ разумѣть вотъ какой народъ?» Цитуетъ немедленно тѣхъ и другихъ древнихъ писателей и чуть только видитъ какой-нибудь намекъ или, просто, показалось ему намекомъ, ужъ онъ получаетъ рысь и бодрится, разговариваетъ съ древними писателями запросто, задаетъ имъ запросы, и самъ даже отвѣчаетъ за нихъ, позабывая вовсе о томъ, что началъ робкимъ предположеніемъ; ему уже кажется, что онъ это видитъ, что это ясно—и разсужденіе заключено словами: «Такъ это вотъ какъ было! такъ вотъ какой народъ нужно разумѣть! такъ вотъ съ какой точки нужно смотрѣть на предметъ!» Потомъ во всеуслышанье съ каѳедры—и новооткрытая истина пошла гулять по свѣту, набирая себѣ послѣдователей и поклонниковъ.

Въ то время, когда обѣ дамы такъ удачно и остроумно рѣшили такое запутанное обстоятельство, вошелъ въ гостиную прокуроръ, съ вѣчно неподвижною своей физіономіей, густыми бровями и моргавшимъ глазомъ. Дамы наперерывъ принялись сообщать ему всѣ событія, разсказали о покупкѣ мертвыхъ душъ, о намѣреніи увезти губернаторскую дочку и сбили его совершенно съ толку, такъ что, сколько ни продолжалъ онъ стоять на одномъ и томъ же мѣстѣ,

хлопать лѣвымъ глазомъ и бить себя платкомъ по бородѣ, сметая оттуда табакъ, но ничего рѣшительно не могъ понять. Такъ на томъ и оставили его обѣ дамы и отправились, каждая въ свою сторону, бунтовать городъ. Это предпріятіе удалось произвести имъ съ небольшимъ въ полчаса. Городъ былъ рѣшительно взбунтованъ; все пришло въ броженіе, и хоть бы кто-нибудь могъ что-либо понять. Дамы умѣли напустить такого тумана въ глаза всѣмъ, что всѣ, а особенно чиновники, нѣсколько времени оставались ошеломленными. Положеніе ихъ въ первую минуту было похоже на положеніе школьника, которому сонному товарищи, вставшіе поранѣе, засунули въ носъ гусара, то-есть, бумажку, наполненную табакомъ. Потянувши въ-просонкахъ весь табакъ къ себѣ со всѣмъ усердіемъ спящаго, онъ пробуждается, вскакиваетъ, глядитъ, какъ дуракъ, выпучивъ глаза во всѣ стороны, и не можетъ понять, гдѣ онъ, что̀ съ нимъ было, и потомъ уже различаетъ озаренныя косвеннымъ лучомъ солнца стѣны, смѣхъ товарищей, скрывшихся по угламъ, и глядящее въ окно наступившее утро, съ проснувшимся лѣсомъ, звучащимъ тысячами птичьихъ голосовъ, и съ освѣтившеюся рѣчкою, тамъ и тамъ пропадающею блещущими загогулинами между тонкихъ тростниковъ, всю усыпанную нагими ребятишками, зазывающими на купанье,—и потомъ уже, наконецъ, чувствуетъ, что въ носу у него сидитъ гусаръ. Таково совершенно было въ первую минуту положеніе обитателей и чиновниковъ города. Всякій, какъ баранъ, остановился, выпучивъ глаза. Мертвыя души, губернаторская дочка и Чичиковъ сбились и смѣшались въ головахъ ихъ необыкновенно странно; и потомъ уже, послѣ перваго одурѣнія, они какъ будто бы стали различать ихъ порознь и отдѣлять одно отъ другого, стали требовать отчета и сердиться, видя, что дѣло никакъ не хочетъ объясниться. «Что̀-жъ за притча, въ самомъ дѣлѣ, что̀ за притча эти мертвыя души? Логики нѣтъ никакой въ мертвыхъ душахъ, какъ же покупать мертвыя души? гдѣ-жъ дуракъ такой возьмется? и на какія слѣпыя деньги

станетъ онъ покупать ихъ? и на какой конецъ, къ какому дѣлу можно приткнуть эти мертвыя души? и зачѣмъ вмѣшалась сюда губернаторская дочка? Если же онъ хотѣлъ увезти ее, такъ зачѣмъ для этого покупать мертвыя души? Если же покупать мертвыя души, такъ зачѣмъ увозить губернаторскую дочку? Подарить, что ли, онъ хотѣлъ ей эти мертвыя души? Чтò-жъ за вздоръ, въ самомъ дѣлѣ, разнесли по городу? Чтò-жъ за направленье такое, что не успѣешь поворотиться, а тутъ ужъ и выпустятъ исторію, и хоть бы какой-нибудь смыслъ былъ... Однакожъ разнесли, стало-быть, была же какая-нибудь причина? Какая же причина въ мертвыхъ душахъ? Даже и причины нѣтъ. Это, выходитъ, просто: Андроны ѣдутъ, чепуха, белиберда, сапоги въ смятку! это, просто, чортъ побери!»... Словомъ, пошли толки, толки, и весь городъ заговорилъ про мертвыя души и губернаторскую дочку, про Чичикова и мертвыя души, про губернаторскую дочку и Чичикова, и все, чтò ни есть, поднялось. Какъ вихорь взметнулся, дотолѣ, казалось, дремавшій, городъ. Вылѣзли изъ норъ всѣ тюрюки и байбаки, которые позалеживались въ халатахъ по нѣскольку лѣтъ дома, сваливая вину то на сапожника, сшившаго узкіе сапоги, то на портного, то на пьяницу кучера; всѣ тѣ, которые прекратили давно уже всякія знакомства и знались только, какъ выражаются, съ помѣщиками Завалишинымъ да Полежаевымъ (знаменитые термины, произведенные отъ глаголовъ *полежать* и *завалиться,* которые въ большомъ ходу у насъ на Руси, все равно, какъ фраза: *заѣхать къ Сопикову и Храповицкому,* означающая всякіе мертвецкіе сны на боку, на спинѣ и во всѣхъ иныхъ положеніяхъ, съ захрапами, носовыми свистами и прочими принадлежностями); всѣ тѣ, которыхъ нельзя было выманить изъ дому даже зазывомъ на расхлебку пятисотърублевой ухи, съ двухъ-аршинными стерлядями и всякими тающими во рту кулебяками;—словомъ, оказалось, что городъ и люденъ, и великъ, и населенъ, какъ слѣдуетъ. Показался какой-то Сысой Пафнутьевичъ и Макдональдъ Кар-

ловичъ, о которыхъ и не слышно было никогда; въ гостиныхъ заторчалъ какой-то длинный-длинный съ простреленною рукою, такого высокаго роста, какого даже и не видано было. На улицахъ показались крытыя дрожки, невѣдомыя линейки, дребезжалки, колесосвистки—и заварилась каша. Въ другое время и при другихъ обстоятельствахъ, подобные слухи, можетъ-быть, не обратили бы на себя никакого вниманія; но городъ N уже давно не получалъ никакихъ совершенно вѣстей. Даже не происходило въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ ничего такого, что̀ называютъ въ столицахъ комеражами, что̀, какъ извѣстно, для города то же, что своевременный подвозъ съѣстныхъ припасовъ. Въ городской толковнѣ оказалось вдругъ два совершенно противоположныхъ мнѣнія, и образовались вдругъ двѣ противоположныя партіи: мужская и женская. Мужская партія, самая безтолковая, обратила вниманіе на мертвыя души. Женская занялась исключительно похищеніемъ губернаторской дочки. Въ этой партіи, надо замѣтить къ чести дамъ, было несравненно болѣе порядка и осмотрительности. Таково уже, видно, самое назначеніе ихъ быть хорошими хозяйками и распорядительницами. Все у нихъ скоро приняло живой, опредѣленный видъ, облеклось въ ясныя и очевидныя формы, объяснилось, очистилось, однимъ словомъ—вышла оконченная картинка. Оказалось, что Чичиковъ давно уже былъ влюбленъ, и видѣлись они въ саду при лунномъ свѣтѣ, что губернаторъ даже бы отдалъ за него дочку, потому что Чичиковъ богатъ, какъ жидъ, если бы причиною не была жена его, которую онъ бросилъ (откуда онѣ узнали, что Чичиковъ женатъ — это никому не было вѣдомо), и что жена, которая страдаетъ отъ безнадежной любви, написала письмо къ губернатору самое трогательное, и что Чичиковъ, видя, что отецъ и мать никогда не согласятся, рѣшился на похищеніе. Въ другихъ домахъ разсказывалось это нѣсколько иначе: что у Чичикова нѣтъ вовсе никакой жены, но что онъ, какъ человѣкъ тонкій и дѣйствующій навѣрняка, предпринялъ съ тѣмъ, чтобы получить руку дочери, начать дѣло

съ матери и имѣлъ съ нею сердечную тайную связь, и что потомъ сдѣлалъ декларацію насчетъ руки дочери; но мать, испугавшись, чтобы не совершилось преступленіе, противное религіи, и чувствуя въ душѣ угрызеніе совѣсти, отказала наотрѣзъ, и что вотъ потому Чичиковъ рѣшился на похищеніе. Ко всему этому присоединялись многія объясненія и поправки, по мѣрѣ того, какъ слухи проникали, наконецъ, въ самые глухіе переулки. На Руси же общества низшія очень любятъ поговорить о сплетняхъ, бывающихъ въ обществахъ высшихъ, а потому начали обо всемъ этомъ говорить въ такихъ домишкахъ, гдѣ даже въ глаза не видывали и не знали Чичикова, пошли прибавленія и еще бо̀льшія поясненія. Сюжетъ становился ежеминутно занимательнѣе, принималъ съ каждымъ днемъ болѣе окончательныя формы и, наконецъ, такъ какъ есть, во всей своей окончательности, доставленъ былъ въ собственныя уши губернаторши. Губернаторша, какъ мать семейства, какъ первая въ городѣ дама, наконецъ, какъ дама, не подозрѣвавшая ничего подобнаго, была совершенно оскорблена подобными исторіями и пришла въ негодованіе, во всѣхъ отношеніяхъ справедливое. Бѣдная блондинка выдержала самый непріятный tête-à-tête, какой только когда-либо случалось имѣть шестнадцатилѣтней дѣвушкѣ. Полились цѣлые потоки разспросовъ, допросовъ, выговоровъ, угрозъ, упрековъ, увѣщаній, такъ что дѣвушка бросилась въ слезы, рыдала и не могла понять ни одного слова; швейцару данъ былъ строжайшій приказъ не принимать ни въ какое время и ни подъ какимъ видомъ Чичикова.

Сдѣлавши свое дѣло относительно губернаторши, дамы насѣли было на мужскую партію, пытаясь склонить ихъ на свою сторону и утверждая, что мертвыя души выдумка и употреблена только для того, чтобы отвлечь всякое подозрѣніе и успѣшнѣе произвесть похищеніе. Многіе даже изъ мужчинъ были совращены и пристали къ ихъ партіи, несмотря на то, что подвергнулись сильнымъ нареканіямъ отъ своихъ же товарищей, обругавшихъ ихъ бабами и

юбками,—именами, какъ извѣстно, очень обидными для мужескаго пола.

Но какъ ни вооружались и ни противились мужчины, а въ ихъ партіи совсѣмъ не было такого порядка, какъ въ женской. Все у нихъ было какъ-то черство, неотесанно, неладно, негоже, нестройно, нехорошо; въ головѣ кутерьма, сутолока, сбивчивость, неопрятность въ мысляхъ—однимъ словомъ, такъ и вызначилась во всемъ пустая природа мужчины, природа грубая, тяжелая, неспособная ни къ домостроительству, ни къ сердечнымъ убѣжденіямъ, маловѣрная, лѣнивая, исполненная безпрерывныхъ сомнѣній и вѣчной боязни. Они говорили, что все это вздоръ, что похищенье губернаторской дочки болѣе дѣло гусарское, нежели гражданское, что Чичиковъ не сдѣлаетъ этого, что бабы врутъ, что баба—что мѣшокъ: что̀ положатъ, то несетъ; что главный предметъ, на который нужно обратить вниманіе, есть мертвыя души, которыя, впрочемъ, чортъ его знаетъ, что̀ значатъ, но въ нихъ заключено, однакожъ, весьма скверное, нехорошее. Почему казалось мужчинамъ, что въ нихъ заключалось скверное и нехорошее, сію минуту узнаемъ. Въ губернію назначенъ былъ новый генералъ-губернаторъ,—событіе, какъ извѣстно, приводящее чиновниковъ въ тревожное состояніе: пойдутъ переборки, распеканья, взбутетениванья и всякія должностныя похлебки, которыми угощаетъ начальникъ своихъ подчиненныхъ. — «Ну, что̀», думали чиновники: «если онъ узнаетъ только, просто, что въ городѣ ихъ вотъ-де какіе глупые слухи, да за это одно можетъ вскипятить не на жизнь, а на самую смерть». Инспекторъ врачебной управы вдругъ поблѣднѣлъ: ему представилось, Богъ знаетъ что̀: что подъ словомъ *мертвыя души* не разумѣются ли больные, умершіе въ значительномъ количествѣ въ лазаретахъ и въ другихъ мѣстахъ отъ повальной горячки, противъ которой не было взято надлежащихъ мѣръ, и что Чичиковъ не есть ли подосланный чиновникъ изъ канцеляріи генералъ-губернатора для произведенія тайнаго слѣдствія. Онъ сообщилъ объ этомъ предсѣдателю. Предсѣдатель отвѣчалъ,

что это вздоръ, и потомъ вдругъ поблѣднѣлъ самъ, задавъ себѣ вопросъ: а что̀, если души, купленныя Чичиковымъ, въ самомъ дѣлѣ мертвыя? а онъ допустилъ совершить на нихъ крѣпость, да еще самъ сыгралъ роль повѣреннаго Плюшкина, и дойдетъ это до свѣдѣнія генералъ-губернатора,—что̀ тогда? Онъ объ этомъ больше ничего, какъ только сказалъ тому и другому, и вдругъ поблѣднѣли и тотъ, и другой: страхъ прилипчивѣе чумы и сообщается вмигъ. Всѣ вдругъ отыскали въ себѣ такіе грѣхи, какихъ даже не было. Слово *мертвыя души* такъ раздалось неопредѣленно, что стали подозрѣвать даже, нѣтъ ли здѣсь какого намека на скоропостижно погребенныя тѣла, вслѣдствіе двухъ, не такъ давно случившихся, событій. Первое событіе было съ какими-то сольвычегодскими купцами, пріѣхавшими въ городъ на ярмарку и задавшими послѣ торговъ пирушку пріятелямъ своимъ устьсысольскимъ купцамъ, — пирушку на русскую ногу, съ нѣмецкими затѣями: аршадами, пуншами, бальзамами и проч. Пирушка, какъ водится, кончилась дракой. Сольвычегодскіе уходили на-смерть устьсысольскихъ, хотя отъ нихъ понесли крѣпкую ссадку на бока, подъ микитки, и въ подсочельникъ, свидѣтельствовавшую о непомѣрной величинѣ кулаковъ, которыми были снабжены покойники. У одного изъ восторжествовавшихъ даже былъ вплоть сколотъ «нососъ», по выраженію бойцовъ, то-есть, весь размозженъ носъ, такъ что не оставалось его на лицѣ и на полъ-пальца. Въ дѣлѣ своемъ купцы повинились, изъясняясь, что немного пошалили. Носились слухи, будто при повинной головѣ они приложили по четыре государственныя каждый; впрочемъ, дѣло слишкомъ темное; изъ учиненныхъ выправокъ и слѣдствій оказалось, что устьсысольскіе ребята умерли отъ угара, а потому такъ ихъ и похоронили, какъ угорѣвшихъ. Другое происшествіе, недавно случившееся, было слѣдующее: казенные крестьяне сельца Вшивая-Спѣсь, соединившись съ таковыми же крестьянами сельца Боровки, Задирайлово тожъ, снесли съ лица земли будто бы земскую полицію, въ лицѣ засѣдателя, какого-то Дробяжкина; что будто

земская полиція, то-есть, засѣдатель Дробяжкинъ, повадился уже черезчуръ часто ѣздить въ ихъ деревню, что̀, въ иныхъ случаяхъ, сто̀итъ повальной горячки, а причина де та, что земская полиція, имѣя кое-какія слабости со стороны сердечной, приглядывался на бабъ и деревенскихъ дѣвокъ. Навѣрное, впрочемъ, неизвѣстно, хотя въ показаніяхъ крестьяне выразились прямо, что земская полиція былъ де блудливъ, какъ кошка, и что уже не разъ они его оберегали и одинъ разъ даже выгнали нагишомъ изъ какой-то избы, куда онъ было забрался. Конечно, земская полиція достоинъ былъ наказанія за сердечныя слабости, но мужиковъ какъ Вшивой-Спѣси, такъ и Задирайлова тожъ, нельзя было также оправдать за самоуправство, если они только дѣйствительно участвовали въ убіеніи. Но дѣло было темно, земскую полицію нашли на дорогѣ, мундиръ или сюртукъ на земской полиціи былъ хуже тряпки, а ужъ физіогноміи и распознать нельзя было. Дѣло ходило по судамъ и поступило, наконецъ, въ палату, гдѣ было сначала наединѣ разсужено въ такомъ смыслѣ: такъ какъ неизвѣстно, кто изъ крестьянъ именно участвовалъ, а всѣхъ ихъ много; Дробяжкинъ же человѣкъ мертвый, стало-быть, ему немного въ томъ проку, если бы даже онъ и выигралъ дѣло, а мужики были еще живы, стало-быть, для нихъ весьма важно рѣшеніе въ ихъ пользу; то вслѣдствіе того рѣшено было такъ: что засѣдатель Дробяжкинъ былъ самъ причиною, оказывая несправедливыя притѣсненія мужикамъ Вшивой-Спѣси и Задирайлова тожъ, а умеръ де онъ, возвращаясь въ саняхъ, отъ апоплексическаго удара. Дѣло, казалось бы, обдѣлано было кругло; но чиновники, неизвѣстно почему, стали думать, что, вѣрно, объ этихъ мертвыхъ душахъ идетъ теперь дѣло. Случись же такъ, что, какъ нарочно, въ то время, когда господа чиновники и безъ того находились въ затруднительномъ положеніи, пришли къ губернатору разомъ двѣ бумаги. Въ одной изъ нихъ содержалось, что, по дошедшимъ показаніямъ и донесеніямъ, находится въ ихъ губерніи дѣлатель фальшивыхъ ассигнацій, скрывающійся подъ разными

именами, и чтобы немедленно было учинено строжайшее розысканіе. Другая бумага содержала въ себѣ отношеніе губернатора сосѣдственной губерніи о убѣжавшемъ отъ законнаго преслѣдованія разбойникѣ, и что буде окажется въ ихъ губерніи какой подозрительный человѣкъ, не предъявящій никакихъ свидѣтельствъ и пашпортовъ, то задержать его немедленно. Эти двѣ бумаги такъ и ошеломили всѣхъ. Прежнія заключенія и догадки совсѣмъ были сбиты съ толку. Конечно, никакъ нельзя было предполагать, чтобы тутъ относилось что-нибудь къ Чичикову, однакожъ всѣ, какъ поразмыслили каждый съ своей стороны, какъ припомнили, что они еще не знаютъ, кто таковъ на самомъ дѣлѣ есть Чичиковъ, что онъ самъ весьма неясно отзывался насчетъ собственнаго лица, говорилъ, правда, что потерпѣлъ по службѣ за правду, да вѣдь все это какъ-то неясно; и когда вспомнили при этомъ, что онъ даже выразился, будто имѣлъ много непріятелей, покушавшихся на жизнь его, то задумались еще болѣе: стало-быть, жизнь его была въ опасности; стало-быть, его преслѣдовали; стало-быть, онъ вѣдь сдѣлалъ же что-нибудь такое... Да кто же онъ въ самомъ дѣлѣ такой? Конечно, нельзя думать, чтобы онъ могъ дѣлать фальшивыя бумажки, а тѣмъ болѣе быть разбойникомъ,—наружность благонамѣренна; но при всемъ томъ, кто же бы, однакожъ, онъ былъ такой на самомъ дѣлѣ? И вотъ, господа чиновники задали себѣ теперь вопросъ, который должны были задать себѣ вначалѣ, то-есть, въ первой главѣ нашей поэмы. Рѣшено было еще сдѣлать нѣсколько разспросовъ тѣмъ, у которыхъ были куплены души, чтобы, по крайней мѣрѣ, узнать, что̀ за покупка, и что̀ именно нужно разумѣть подъ этими мертвыми душами, и не объяснилъ ли онъ кому, хоть, можетъ-быть, невзначай, хоть вскользь какъ-нибудь, настоящихъ своихъ намѣреній, и не сказалъ ли онъ кому-нибудь о томъ, кто онъ такой. Прежде всего отнеслись къ Коробочкѣ, но тутъ почерпнули не много: купилъ де за пятнадцать рублей, и птичьи перья тоже покупаетъ, и много всего обѣщался накупить, въ казну сало тоже ста-

витъ, и потому навѣрно плутъ, ибо ужъ былъ одинъ такой, который покупалъ птичьи перья и въ казну сало поставлялъ, да обманулъ всѣхъ и протопопшу надулъ болѣе, чѣмъ на сто рублей. Все, что́ ни говорила она далѣе, было повтореніе почти одного и того же, и чиновники увидѣли только, что Коробочка была, просто, глупая старуха. Маниловъ отвѣчалъ, что за Павла Ивановича всегда готовъ онъ ручаться, какъ за самого себя, что онъ бы пожертвовалъ всѣмъ своимъ имѣніемъ, чтобы имѣть сотую долю качествъ Павла Ивановича, и отозвался о немъ вообще въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ, присовокупивъ нѣсколько мыслей насчетъ дружбы уже съ зажмуренными глазами. Эти мысли, конечно, удовлетворительно объяснили нѣжное движеніе его сердца, но не объяснили чиновникамъ настоящаго дѣла. Собакевичъ отвѣчалъ, что Чичиковъ, по его мнѣнію, человѣкъ хорошій, а что крестьянъ онъ ему продалъ на выборъ и народъ во всѣхъ отношеніяхъ живой; но что онъ не ручается за то, что̀ случится впередъ, что если они попримрутъ во время трудностей переселенія въ дорогѣ, то не его вина, и въ томъ властенъ Богъ, а горячекъ и разныхъ смертоносныхъ болѣзней есть на свѣтѣ не мало, и бываютъ примѣры, что вымираютъ де цѣлыя деревни. Господа чиновники прибѣгнули еще къ одному средству, не весьма благородному, но которое, однакоже, иногда употребляется, то-есть, стороною, посредствомъ разныхъ лакейскихъ знакомствъ, разспросить людей Чичикова, не знаютъ ли они какихъ подробностей насчетъ прежней жизни и обстоятельствъ барина; но услышали тоже не много. Отъ Петрушки услышали только запахъ жилого покоя, а отъ Селифана, что «сполнялъ службу государскую, да служилъ прежде по таможнѣ»—и ничего болѣе. У этого класса людей есть весьма странный обычай. Если его спросить прямо о чемъ-нибудь, онъ никогда не вспомнитъ, не приберетъ всего въ голову и даже просто отвѣтитъ, что не знаетъ, а если спросить о чемъ другомъ, тутъ-то онъ и приплететъ его, и разскажетъ съ такими подробностями, которыхъ и знать не захочешь.

Всѣ поиски, произведенные чиновниками, открыли имъ только то, что они навѣрное никакъ не знаютъ, что́ такое Чичиковъ, а что, однакоже, Чичиковъ что-нибудь да долженъ быть непремѣнно. Они положили, наконецъ, потолковать окончательно объ этомъ предметѣ и рѣшить, по крайней мѣрѣ, что́ и какъ имъ дѣлать, и какія мѣры предпринять, и что́ такое онъ именно: такой ли человѣкъ, котораго нужно задержать и схватить, какъ неблагонамѣреннаго, или же онъ такой человѣкъ, который можетъ самъ схватить и задержать ихъ всѣхъ, какъ неблагонамѣренныхъ. Для всего этого предположено было собраться нарочно у полицеймейстера, уже извѣстнаго читателямъ отца и благодѣтеля города.

ГЛАВА X.

Собравшись у полицеймейстера, уже извѣстнаго читателямъ отца и благодѣтеля города, чиновники имѣли случай замѣтить другъ другу, что они даже похудѣли отъ этихъ заботъ и тревогъ. Въ самомъ дѣлѣ, назначеніе новаго генералъ-губернатора и эти полученныя бумаги такого серьезнаго содержанія, и эти, Богъ знаетъ какіе, слухи,—все это оставило замѣтные слѣды въ ихъ лицахъ, и фраки на многихъ сдѣлались замѣтно просторнѣй. Все подалось: и предсѣдатель похудѣлъ, и инспекторъ врачебной управы похудѣлъ, и прокуроръ похудѣлъ, и какой-то Семенъ Ивановичъ, никогда не называвшійся по фамиліи, носившій на указательномъ пальцѣ перстень, который давалъ разсматривать дамамъ, даже и тотъ похудѣлъ. Конечно, нашлись, какъ и вездѣ бываетъ, кое-кто неробкаго десятка, которые не теряли присутствія духа; но ихъ было весьма не много: почтмейстеръ одинъ только. Онъ одинъ не измѣнялся въ постоянно ровномъ характерѣ и всегда въ подобныхъ случаяхъ имѣлъ обыкновеніе говорить: «Знаемъ мы васъ, генералъ-губернаторовъ! Васъ, можетъ-быть, три, четыре перемѣнится, а я вотъ уже тридцать лѣтъ, сударь мой, сижу на одномъ мѣстѣ». На это, обыкновенно, замѣчали другіе чиновники: «Хорошо тебѣ, шпрехенъ зи дейчъ Иванъ

Андрейчъ: у тебя дѣло почтовое — принять да отправить экспедицію; развѣ только надуешь, заперши присутствіе часомъ раньше, да возьмешь съ опоздавшаго купца за пріемъ письма въ неуказное время, или перешлешь иную посылку, которую не слѣдуетъ пересылать — тутъ, конечно, всякій будетъ святой. А вотъ пусть къ тебѣ повадится чортъ подвертываться всякій день подъ руку, такъ что вотъ и не хочешь брать, а онъ самъ суетъ. Тебѣ, разумѣется, съ-пола-горя: у тебя одинъ сынишка; а тутъ, братъ, Прасковью Ѳедоровну надѣлилъ Богъ такою благодатію,— что̀ годъ, то несетъ: либо Праскушку, либо Петрушу; тутъ, братъ, другое запоешь». Такъ говорили чиновники, а можно ли въ самомъ дѣлѣ устоять противъ чорта, объ этомъ судить не авторское дѣло. Въ собравшемся на сей разъ совѣтѣ очень замѣтно было отсутствіе той необходимой вещи, которую въ простонародьи называютъ толкомъ. Вообще мы какъ-то не создались для представительныхъ засѣданій. Во всѣхъ нашихъ собраніяхъ, начиная отъ крестьянской мірской сходки до всякихъ возможныхъ ученыхъ и прочихъ комитетовъ, если въ нихъ нѣтъ одной главы, управляющей всѣмъ, присутствуетъ препорядочная путаница. Трудно даже и сказать, почему это; видно, уже народъ такой, только и удаются тѣ совѣщанія, которыя составляются для того, чтобы покутить или пообѣдать, какъ-то: клубы и всякіе вокзалы на нѣмецкую ногу. А готовность всякую минуту есть, пожалуй, на все. Мы вдругъ, какъ вѣтеръ повѣетъ, заведемъ общества благотворительныя, поощрительныя и ни вѣсть какія. Цѣль будетъ прекрасна, а при всемъ томъ ничего не выйдетъ. Можетъ-быть, это происходитъ оттого, что мы вдругъ удовлетворяемся въ самомъ началѣ и уже почитаемъ, что все сдѣлано. Напримѣръ, затѣявши какое-нибудь благотворительное общество для бѣдныхъ и пожертвовавши значительныя суммы, мы тотчасъ, въ ознаменованіе такого похвальнаго поступка, задаемъ обѣдъ всѣмъ первымъ сановникамъ города, разумѣется, на половину всѣхъ пожертвованныхъ суммъ; на остальныя на-

нимается тутъ же для комитета великолѣпная квартира съ отопленіемъ и сторожами; а затѣмъ и остается всей суммы для бѣдныхъ пять рублей съ полтиною, да и тутъ въ распредѣленіи этой суммы еще не всѣ члены согласны между собою, и всякій суетъ какую-нибудь свою куму. Впрочемъ, собравшееся нынѣ совѣщаніе было совершенно другого рода: оно образовалось вслѣдствіе необходимости. Не о какихъ-либо бѣдныхъ или постороннихъ шло дѣло: дѣло касалось всякаго чиновника лично; дѣло касалось бѣды, всѣмъ равно грозившей, стало-быть, поневолѣ тутъ должно быть единодушнѣе, тѣснѣе. Но при всемъ томъ вышло, чортъ знаетъ что̀ такое. Не говоря уже о разногласіяхъ, свойственныхъ всѣмъ совѣтамъ, во мнѣніи собравшихся обнаружилась какая-то даже непостижимая нерѣшительность: одинъ говорилъ, что Чичиковъ дѣлатель государственныхъ ассигнацій, и потомъ самъ прибавлялъ: «а можетъ-быть, и не дѣлатель»; другой утверждалъ, что онъ чиновникъ генералъ-губернаторской канцеляріи, и тутъ же присовокуплялъ: «а, впрочемъ, чортъ его знаетъ; на лбу вѣдь не прочтешь». Противъ догадки, не переодѣтый ли разбойникъ, вооружились всѣ; нашли, что сверхъ наружности, которая сама по себѣ была уже благонамѣренна, въ разговорахъ его ничего не было такого, которое бы показывало человѣка съ буйными поступками. Вдругъ почтмейстеръ, остававшійся нѣсколько минутъ погруженнымъ въ какое-то размышленіе, — вслѣдствіе ли внезапнаго вдохновенія, осѣнившаго его, или чего иного,—вскрикнулъ неожиданно: «Знаете ли, господа, кто это?» Голосъ, которымъ онъ произнесъ это, заключалъ въ себѣ что-то потрясающее, такъ что заставилъ вскрикнуть всѣхъ въ одно время: «А кто?»—«Это, господа, сударь мой, не кто другой, какъ капитанъ Копѣйкинъ!» А когда всѣ тутъ же въ одинъ голосъ спросили: «Кто таковъ этотъ капитанъ Копѣйкинъ?» почтмейстеръ сказалъ: «Такъ вы не знаете, кто такой капитанъ Копѣйкинъ?»

Всѣ отвѣчали, что никакъ не знаютъ, кто таковъ капитанъ Копѣйкинъ.

«Капитанъ Копѣйкинъ», сказалъ почтмейстеръ, открывшій свою табакерку только вполовину, изъ боязни, чтобы кто-нибудь изъ сосѣдей не запустилъ туда своихъ пальцевъ, въ чистоту которыхъ онъ плохо вѣрилъ и даже имѣлъ обыкновеніе приговаривать: «Знаемъ, батюшка, вы пальцами своими, можетъ-быть, ни вѣсть въ какія мѣста навѣдываетесь, а табакъ — вещь, требующая чистоты». — «Капитанъ Копѣйкинъ», повторилъ онъ, уже понюхавши табаку: «да вѣдь это, впрочемъ, если разсказывать вамъ, выйдетъ даже презанимательнымъ для какого-нибудь писателя, въ нѣкоторомъ родѣ, цѣлая поэма».

Всѣ присутствующіе изъявили желаніе узнать эту исторію или, какъ выразился почтмейстеръ, «презанимательную для писателя, въ нѣкоторомъ родѣ, цѣлую поэму», и онъ началъ такъ:

Повѣсть о капитанѣ Копѣйкинѣ.

«Послѣ кампаніи двѣнадцатаго года, судырь ты мой, — такъ началъ почтмейстеръ, несмотря на то, что въ комнатѣ сидѣлъ не одинъ сударь, а цѣлыхъ шестеро, — послѣ кампаніи двѣнадцатаго года, вмѣстѣ съ ранеными присланъ былъ и капитанъ Копѣйкинъ. Пролетная голова, привередливъ, какъ чортъ, побывалъ и на гауптвахтахъ, и подъ арестомъ — всего отвѣдалъ. Подъ Краснымъ ли, или подъ Лейпцигомъ, только, можете вообразить, ему оторвало руку и ногу. Ну, тогда еще не сдѣлано было насчетъ раненыхъ никакихъ, знаете, этакихъ распоряженій: этотъ какой-нибудь инвалидный капиталъ былъ уже заведенъ, можете представить себѣ, въ нѣкоторомъ родѣ, гораздо послѣ. Капитанъ Копѣйкинъ видитъ: нужно работать бы, только рука-то у него, понимаете, лѣвая. Навѣдался было домой къ отцу; отецъ говоритъ: «Мнѣ нечѣмъ тебя кормить, я», можете представить себѣ, «самъ едва достаю хлѣбъ». Вотъ мой капитанъ Копѣйкинъ рѣшился отправиться, судырь мой, въ Петербургъ, чтобы хлопотать по начальству, не

будетъ ли какого вспоможенья, что вотъ де такъ и такъ, въ нѣкоторомъ родѣ, такъ сказать, жизнію жертвовалъ, проливалъ кровь... Ну, какъ-то тамъ, знаете, съ обозами, или фурами казенными, словомъ, судырь мой, дотащился онъ кое-какъ до Петербурга. Ну, можете представить себѣ: этакой, какой-нибудь, то-есть, капитанъ Копѣйкинъ, и очутился вдругъ въ столицѣ, которой подобной, такъ сказать, нѣтъ въ мірѣ! Вдругъ передъ нимъ свѣтъ, относительно сказать, нѣкоторое поле жизни, сказочная Шехерезада, понимаете, этакая. Вдругъ какой-нибудь этакой, можете представить себѣ, Невскій прешпектъ, или тамъ, знаете, какая-нибудь Гороховая, чортъ возьми, или тамъ этакая какая-нибудь Литейная; тамъ шпицъ этакой какой-нибудь въ воздухѣ; мосты тамъ висятъ этакимъ чортомъ, можете представить себѣ, безъ всякаго, то-есть, прикосновенія; словомъ, Семирамида, судырь, да и полно! Понатолкался было нанять квартиру, только все это кусается страшно: гардины, шторы, чертовство такое, понимаете, ковры—Персія, судырь мой, такая... словомъ, относительно такъ сказать, ногой попираешь капиталы. Идешь по улицѣ, а ужъ носъ слышитъ, что пахнетъ тысячами; а у моего капитана Копѣйкина весь ассигнаціонный банкъ, понимаете, состоитъ изъ какихъ-нибудь десяти синюгъ, да серебра мелочь... Ну, деревни на это не купишь, то-есть и купишь, можетъ-быть, если приложишь тысячъ сорокъ, да сорокъ-то тысячъ нужно занять у французскаго короля. Ну, какъ-то тамъ пріютился въ ревельскомъ трактирѣ за рубль въ сутки; обѣдъ—щи, кусокъ битой говядины... Видитъ—заживаться нечего. Разспросилъ, куда обратиться. «Что́-жъ, куда обратиться?» говорятъ: «высшаго начальства нѣтъ теперь въ столицѣ»; все это, понимаете, въ Парижѣ; войска не возвращались; а есть, говорятъ, «временная комиссія. Попробуйте, можетъ-быть, что-нибудь тамъ могутъ».—«Пойду въ комиссію», говоритъ Копѣйкинъ, «скажу: такъ и такъ, проливалъ, въ нѣкоторомъ родѣ, кровь, относительно сказать, жизнію жертвовалъ». Вотъ, судырь мой, вставши пораньше,

поскребъ онъ себѣ лѣвой рукой бороду, потому что платить цырюльнику—это составитъ, въ нѣкоторомъ родѣ, счетъ, натащилъ на себя мундиришка и на деревяжкѣ своей, можете вообразить, отправился къ самому начальнику въ комиссію. Разспросилъ, гдѣ живетъ начальникъ. «Вонъ», говорятъ, «домъ на набережной»: избенка, понимаете, мужичья: стеклушки въ окнахъ, можете себѣ представить, полутора-саженныя зеркала, марморы, лаки, судырь ты мой... словомъ, ума помраченье. Металлическая ручка какая-нибудь у двери—конфортъ первѣйшаго свойства, такъ что прежде, понимаете, нужно забѣжать въ лавочку, да купить на грошъ мыла, да часа съ два, въ нѣкоторомъ родѣ, тереть имъ руки, да ужъ послѣ развѣ можно взяться за нее. Одинъ швейцаръ на крыльцѣ, понимаете, съ булавой: графская этакая физіогномія, батистовые воротнички, какъ откормленный жирный мопсъ какой-нибудь... Копѣйкинъ мой вставщился кое-какъ съ своей деревяжкой въ пріемную, прижался тамъ въ уголку себѣ, чтобы не толкнуть локтемъ, можете себѣ представить, какую-нибудь Америку или Индію—раззолоченную, относительно сказать, фарфоровую вазу этакую. Ну, разумѣется, что онъ настоялся тамъ вдоволь, потому что пришелъ еще въ такое время, когда начальникъ, въ нѣкоторомъ родѣ, едва поднялся съ постели, и камердинеръ поднесъ ему какую-нибудь серебряную лаханку для разныхъ, понимаете, умыванiй этакихъ. Ждетъ мой Копѣйкинъ часа четыре, какъ вотъ входитъ дежурный чиновникъ, говоритъ: «Сейчасъ начальникъ выйдетъ». А въ комнатѣ ужъ и эполетъ, и эксельбантъ, народу, какъ бобовъ на тарелкѣ. Наконецъ, судырь мой, выходитъ начальникъ. Ну... можете представить себѣ—начальникъ! въ лицѣ, такъ сказать... ну, сообразно съ званіемъ, понимаете... съ чиномъ... такое и выраженье, понимаете. Во всемъ столичный поведенцъ; подходитъ къ одному, къ другому: «Зачѣмъ вы, зачѣмъ вы, чтò вамъ угодно, какое ваше дѣло?» Наконецъ, судырь мой, къ Копѣйкину. Копѣйкинъ: «Такъ и такъ», говоритъ, «проливалъ кровь, лишился, въ нѣко-

торомъ родѣ, руки и ноги, работать не могу,—осмѣливаюсь просить, не будетъ ли какого вспомоществованія, какихъ-нибудь этакихъ распоряженій, насчетъ, относительно такъ сказать, вознагражденія, пенсіона, что ли», понимаете. Начальникъ видитъ: человѣкъ на деревяжкѣ, и правый рукавъ пустой пристегнутъ къ мундиру: «Хорошо»,—говоритъ,—«понавѣдайтесь на-дняхъ». Копѣйкинъ мой въ восторгѣ: «Ну, думаетъ, дѣло сдѣлано». Въ духѣ, можете вообразить, такомъ, подпрыгиваетъ по тротуару, зашелъ въ Палкинскій трактиръ выпить рюмку водки, пообѣдалъ, судырь мой, въ Лондонѣ, приказалъ себѣ подать котлетку съ каперсами, пулярку съ разными финтерлеями, спросилъ бутылку вина, ввечеру отправился въ театръ — однимъ словомъ, кутнулъ во всю лопатку, такъ сказать. На тротуарѣ видитъ: идетъ какая-то стройная англичанка, какъ лебедь, можете себѣ представать, этакой. Мой Копѣйкинъ, — кровь-то, знаете, разыгралась,—побѣжалъ было за ней на своей деревяжкѣ, трюхъ-трюхъ слѣдомъ; «да нѣтъ»,—подумалъ,—«на время къ чорту волокитство! пусть послѣ, когда получу пенсіонъ; теперь ужъ я что-то слишкомъ расходился». А промоталъ онъ между тѣмъ, прошу замѣтить, въ одинъ день чуть не половину денегъ. Дня черезъ три-четыре является онъ, судырь ты мой, въ комиссію, къ начальнику, да!» «Пришелъ», говоритъ, «узнать: такъ и такъ, по одержимымъ болѣзнямъ и за ранами... проливалъ, въ нѣкоторомъ родѣ, кровь...» и тому подобное, понимаете, въ должностномъ слогѣ. «А что̀», говоритъ начальникъ: «прежде всего я долженъ вамъ сказать, что по дѣлу вашему безъ разрѣшенія высшаго начальства ничего не можемъ сдѣлать. Вы сами видите, какое теперь время. Военныя дѣйствія, относительно такъ сказать, еще не кончились совершенно. Обождите пріѣзда господина министра, потерпите. Тогда, будьте увѣрены, вы не будете оставлены. А если вамъ нечѣмъ жить, такъ вотъ вамъ, говоритъ, сколько могу...» Ну, и понимаете, далъ ему конечно немного, но съ умѣренностью стало бы протянуться до дальнѣйшихъ тамъ разрѣшеній.

Но Копѣйкину моему не того хотѣлось. Онъ-то ужъ думалъ, что вотъ ему завтра такъ и выдадутъ тысячный какой-нибудь этакой кушъ: «На тебѣ, голубчикъ, пей да веселись»; а вмѣсто того—жди, да и время не назначено. А ужъ у него, понимаете, въ головѣ и англичанка, и суплеты, и котлеты всякія. Вотъ онъ совой такой вышелъ съ крыльца, какъ пудель, котораго поваръ облилъ водой,—и хвостъ у него между ногъ, и уши повисли. Жизнь-то петербургская его уже поразобрала, кое-чего онъ уже и попробовалъ. А тутъ живи, чортъ знаетъ какъ; сластей-то, понимаете, никакихъ. Ну, а человѣкъ-то свѣжій, живой, аппетитъ, просто, волчій. Проходитъ мимо этакого какого-нибудь ресторана: поваръ тамъ, можете себѣ представить, иностранецъ, французъ этакой съ открытой физіогноміей, бѣлье на немъ голландское, фартукъ бѣлизною равный, въ нѣкоторомъ родѣ, снѣгамъ, работаетъ фензервъ какой-нибудь этакой, котлетки съ трюфелями,—словомъ разсупе-деликатесъ такой, что просто себя, то-есть, съѣлъ бы отъ аппетита. Пройдетъ ли мимо Милютинскихъ лавокъ: тамъ изъ окна выглядываетъ, въ нѣкоторомъ родѣ, семга этакая, вишенки по пяти рублей штучка, арбузъ-громадище, дилижансъ этакой, высунулся изъ окна и, такъ сказать, ищетъ дурака, который бы заплатилъ сто рублей—словомъ, на всякомъ шагу соблазнъ, относительно такъ сказать, слюнки текутъ, а онъ—жди. Такъ представьте себѣ его положеніе: тутъ съ одной стороны, такъ сказать, семга и арбузъ, а съ другой стороны ему подносятъ горькое блюдо подъ названіемъ *завтра*. «Ну, ужъ», думаетъ, «какъ они тамъ себѣ хотятъ, а я пойду», говоритъ, «подыму всю комиссію, всѣхъ начальниковъ, скажу: какъ хотите!» И въ самомъ дѣлѣ: человѣкъ назойливый, наянъ этакой, толку-то, поднимаете, въ головѣ нѣтъ, а рыси много. Приходитъ онъ въ комиссію. «Ну что?» говорятъ: «зачѣмъ еще? вѣдь вамъ ужъ сказано».—«Да что?» говоритъ, «я не могу», говоритъ, «перебиваться кое-какъ. Мнѣ нужно», говоритъ, «съѣсть и котлетку, бутылку французскаго вина, поразвлечь тоже себя, въ театръ», пони-

масте.—«Ну, ужъ», говоритъ начальникъ: «извините... Насчетъ этотъ есть, такъ сказать, въ нѣкоторомъ родѣ, терпѣніе. Вамъ даны пока средства для прокормленія, покамѣстъ выйдетъ резолюція, и, безъ сомнѣнія, вы будете вознаграждены, какъ слѣдуетъ: ибо не было еще примѣра, чтобы у насъ въ Россіи человѣкъ, приносившій, относительно такъ сказать, услуги отечеству, былъ оставленъ безъ призрѣнія. Но, если вы хотите теперь же лакомить себя котлетками, и въ театръ, понимаете, такъ ужъ тутъ извините. Въ такомъ случаѣ ищите сами себѣ средствъ, старайтесь сами себѣ помочь». Но Копѣйкинъ мой, можете вообразить себѣ, и въ усъ не дуетъ. Слова-то ему эти, какъ горохъ къ стѣнѣ. Шумъ поднялъ такой, всѣхъ распушилъ! Всѣхъ тамъ этихъ правителей, секретарей, всѣхъ началъ откалывать и гвоздить... «Да вы», говоритъ, «то!» говоритъ; «да вы», говоритъ, «это!» говоритъ; «да вы», говоритъ, «обязанностей своихъ не знаете! да вы», говоритъ, «законопродавцы!» говоритъ. Всѣхъ отшлепалъ. Генералъ тамъ, понимаете, подвернулся изъ какого-то даже вовсе посторонняго вѣдомства, онъ, судырь мой, и его! Бунтъ поднялъ такой! Что̀ прикажешь дѣлать съ этакимъ чортомъ? Начальникъ видитъ: нужно прибѣгнуть, относительно такъ сказать, къ мѣрамъ строгости. «Хорошо», говоритъ: «если вы не хотите довольствоваться тѣмъ, что̀ даютъ вамъ, и ожидать спокойно, въ нѣкоторомъ родѣ, здѣсь въ столицѣ рѣшенья вашей участи, такъ я васъ препровожу на мѣсто жительства. Позвать, говоритъ, фельдъ-егеря, препроводить его на мѣсто жительства!» А фельдъ-егерь ужъ тамъ, понимаете, за дверью и стоитъ: трехъ-аршинный мужичина какой-нибудь, ручища у него, можете вообразить, самой натурой устроена для ямщиковъ,—словомъ, дантистъ этакой... Вотъ его, раба Божія, въ телѣжку да съ фельдъ-егеремъ. «Ну», Копѣйкинъ думаетъ, «по крайней мѣрѣ, не нужно платить прогоновъ, спасибо и за то». Ѣдетъ онъ, судырь мой, на фельдъ-егерѣ, да, ѣдучи на фельдъ-егерѣ, въ нѣкоторомъ родѣ, такъ сказать, разсуждаетъ самъ себѣ: «Хо-

рошо», говоритъ: «вотъ ты, молъ, говоришь, чтобы я самъ себѣ поискалъ средствъ и помогъ бы; хорошо», говоритъ, «я», говоритъ, «найду средства!» Ну, ужъ какъ тамъ его доставили на мѣсто и куда именно привезли, ничего этого неизвѣстно. Такъ, понимаете, и слухи о капитанѣ Копѣйкинѣ канули въ рѣку забвенія, въ какую-нибудь этакую Лету, какъ называютъ поэты. Но позвольте, господа, вотъ тутъ-то и начинается, можно сказать, нить завязки романа. Итакъ, куда дѣлся Копѣйкинъ, неизвѣстно; но не прошло, можете представить себѣ, двухъ мѣсяцевъ, какъ появилась въ рязанскихъ лѣсахъ шайка разбойниковъ, и атаманъ-то этой шайки былъ, судырь мой, не кто другой»...

«Только позволь, Иванъ Андреевичъ», сказалъ вдругъ, прервавши его, полицеймейстеръ: «вѣдь капитанъ Копѣйкинъ, ты самъ сказалъ, безъ руки и ноги, а у Чичикова...»

Здѣсь почтмейстеръ вскрикнулъ и хлопнулъ со всего размаха рукой по своему лбу, назвавши себя публично при всѣхъ телятиной. Онъ не могъ понять, какъ подобное обстоятельство не пришло ему въ самомъ началѣ разсказа, и сознался, что совершенно справедлива поговорка: *русскій человѣкъ заднимъ умомъ крѣпокъ.* Однакожъ, минуту спустя, онъ тутъ же сталъ хитрить и попробовалъ было вывернуться, говоря, что, впрочемъ, въ Англіи очень усовершенствована механика, что видно по газетамъ, какъ одинъ изобрѣлъ деревянныя ноги, такимъ образомъ, что при одномъ прикосновеніи къ незамѣтной пружинкѣ, уносили эти ноги человѣка, Богъ знаетъ въ какія мѣста, такъ что послѣ нигдѣ и отыскать его нельзя было.

Но всѣ очень усомнились, чтобы Чичиковъ былъ капитанъ Копѣйкинъ, и нашли, что почтмейстеръ хватилъ уже слишкомъ далеко. Впрочемъ, они, съ своей стороны, тоже не ударили лицомъ въ грязь и, наведенные остроумной догадкой почтмейстера, забрели едва ли не далѣе. Изъ числа многихъ, въ своемъ родѣ, смѣтливыхъ предположеній было, наконецъ, одно,—странно даже и сказать,—что не есть ли Чичиковъ переодѣтый Наполеонъ, что англичанинъ издавна

завидуетъ, что, дескать, Россія такъ велика и обширна, что даже нѣсколько разъ выходили и карикатуры, гдѣ русскій изображенъ разговаривающимъ съ англичаниномъ: англичанинъ стоитъ и сзади держитъ на веревкѣ собаку, и подъ собакой разумѣется Наполеонъ: «Смотри, молъ», говоритъ, «если что̀ не такъ, такъ я на тебя сейчасъ выпущу эту собаку». И вотъ теперь они, можетъ-быть, и выпустили его съ острова Елены, и вотъ онъ теперь и пробирается въ Россію, будто бы Чичиковъ, а въ самомъ дѣлѣ вовсе не Чичиковъ.

Конечно, повѣрить этому чиновники не повѣрили, а, впрочемъ, призадумались и, разсматривая это дѣло каждый про себя, нашли, что лицо Чичикова, если онъ поворотится и станетъ бокомъ, очень сдаетъ на портретъ Наполеона. Полицеймейстеръ, который служилъ въ кампанію 12-го года и лично видѣлъ Наполеона, не могъ тоже не сознаться, что ростомъ онъ никакъ не будетъ выше Чичикова и что складомъ своей фигуры Наполеонъ тоже, нельзя сказать, чтобы слишкомъ толстъ, однакожъ и не такъ, чтобы тонокъ. Можетъ-быть, нѣкоторые читатели назовутъ все это невѣроятнымъ, авторъ тоже, въ угоду имъ, готовъ бы назвать все это невѣроятнымъ; но, какъ на бѣду, все именно произошло такъ, какъ разсказывается, и тѣмъ еще изумительнѣе, что городъ былъ не въ глуши, а напротивъ, недалеко отъ обѣихъ столицъ. Впрочемъ, нужно помнить, что все это происходило вскорѣ послѣ достославнаго изгнанія французовъ. Въ это время всѣ наши помѣщики, чиновники, купцы, сидѣльцы и всякій грамотный и даже неграмотный народъ сдѣлались, по крайней мѣрѣ, на цѣлыя восемь лѣтъ заклятыми политиками. «Московскія Вѣдомости» и «Сынъ Отечества» зачитывались немилосердно и доходили къ послѣднему чтецу въ кусочкахъ, не годныхъ ни на какое употребленіе. Вмѣсто вопросовъ: «Почемъ, батюшки, продали мѣру овса? какъ воспользовались вчерашней порошей?» говорили: «А что̀ пишутъ въ газетахъ? не выпустили ли опять Наполеона изъ острова?» Купцы этого сильно опаса-

лись, ибо совершенно вѣрили предсказанію одного пророка, уже три года сидѣвшаго въ острогѣ. Пророкъ пришелъ, неизвѣстно откуда, въ лаптяхъ и нагольномъ тулупѣ, страшно отзывавшемся тухлой рыбой, и возвѣстилъ, что Наполеонъ есть антихристъ и держится на каменной цѣпи, за шестью стѣнами и семью морями, но послѣ разорветъ цѣпь и овладѣетъ всѣмъ міромъ. Пророкъ за предсказаніе попалъ, какъ слѣдуетъ, въ острогъ, но тѣмъ не менѣе дѣло свое сдѣлалъ и смутилъ совершенно купцовъ. Долго еще, во время даже самыхъ прибыточныхъ сдѣлокъ, купцы, отправляясь въ трактиръ запивать ихъ чаемъ, поговаривали объ антихристѣ. Многіе изъ чиновниковъ и благороднаго дворянства тоже невольно подумывали объ этомъ и, зараженные мистицизмомъ, который, какъ извѣстно, былъ тогда въ большой модѣ, видѣли въ каждой буквѣ, изъ которыхъ было составлено слово *Наполеонъ*, какое-то особенное значеніе; многіе даже открыли въ немъ апокалипсическія цифры. Итакъ, ничего нѣтъ удивительнаго, что чиновники невольно задумались на этомъ пунктѣ; скоро, однакоже, спохватились, замѣтивъ, что воображеніе ихъ уже черезчуръ рыспсто и что все это не то. Думали-думали, толковали-толковали, и наконецъ рѣшили, что не худо бы еще разспросить хорошенько Ноздрева. Такъ какъ онъ первый вынесъ исторію о мертвыхъ душахъ и былъ, какъ говорится, въ какихъ-то тѣсныхъ отношеніяхъ съ Чичиковымъ, стало-быть, безъ сомнѣнія, знаетъ кое-что изъ обстоятельствъ его жизни, то попробовать еще, что̀ скажетъ Ноздревъ.

Странные люди эти господа чиновники, а за ними и всѣ прочія званія: вѣдь очень хорошо знали, что Ноздревъ лгунъ, что ему нельзя вѣрить ни въ одномъ словѣ, ни въ самой бездѣлицѣ, а между тѣмъ именно прибѣгнули къ нему. Поди ты, сладь съ человѣкомъ! не вѣритъ въ Бога, а вѣритъ, что если почешется переносье, то непремѣнно умретъ; пропуститъ мимо созданіе поэта, ясное какъ день, все проникнутое согласіемъ и высокою мудростью простоты, а бро-

сится именно на то, гдѣ какой-нибудь удалецъ напутаетъ, наплететъ, изломаетъ, выворотитъ природу, и ему оно понравится, и онъ станетъ кричать: «Вотъ оно, вотъ настоящее знаніе тайнъ сердца!» Всю жизнь не ставитъ въ грошъ докторовъ, а кончится тѣмъ, что обратится, наконецъ, къ бабѣ, которая лѣчитъ зашоптываньями и заплевками, или, еще лучше, выдумаетъ самъ какой-нибудь декоктъ изъ нивѣсть какой дряни, которая, Богъ знаетъ почему, вообразится ему именно средствомъ противъ его болѣзни. Конечно, можно отчасти извинить господъ чиновниковъ дѣйствительно затруднительнымъ ихъ положеніемъ. Утопающій, говорятъ, хватается и за маленькую щепку, и у него нѣтъ въ это время разсудка подумать, что на щепкѣ можетъ развѣ прокатиться верхомъ муха, а въ немъ вѣсу чуть не четыре пуда, если даже не цѣлыхъ пять; но не приходитъ ему въ то время соображеніе въ голову, и онъ хватается за щепку. Такъ и господа наши ухватились, наконецъ, и за Ноздрева. Полицеймейстеръ въ ту же минуту написалъ къ нему записочку пожаловать на вечеръ, и квартальный въ ботфортахъ, съ привлекательнымъ румянцемъ на щекахъ, побѣжалъ въ ту же минуту, придерживая шпагу, въ-прискочку, на квартиру Ноздрева. Ноздревъ былъ занятъ важнымъ дѣломъ; цѣлые четыре дня уже не выходилъ онъ изъ комнаты, не впускалъ никого и получалъ обѣдъ въ окошко, — словомъ, даже исхудалъ и позеленѣлъ. Дѣло требовало большой внимательности: оно состояло въ подбираніи изъ нѣсколькихъ десятковъ дюжинъ картъ одной таліи, но самой мѣткой, на которую можно было бы понадѣяться, какъ на вѣрнѣйшаго друга. Работы оставалось еще, но крайней мѣрѣ, на двѣ недѣли; во все продолженіе этого времени Порфирій долженъ былъ чистить меделянскому щенку пупъ особенной щеточкой и мыть его три раза на день въ мылѣ. Ноздревъ былъ очень разсерженъ за то, что потревожили его уединеніе; прежде всего онъ отправилъ квартальнаго къ чорту; но когда прочиталъ въ запискѣ городничаго, что можетъ случиться пожива, потому что на вечеръ ожидаютъ какого-

то новичка, смягчился въ ту-жъ минуту, заперъ комнату наскоро ключомъ, одѣлся, какъ попало, и отправился къ нимъ. Показанія, свидѣтельства и предположенія Ноздрева представили такую рѣзкую противоположность таковымъ же господъ чиновниковъ, что и послѣднія ихъ догадки были сбиты съ толку. Это былъ рѣшительно человѣкъ, для котораго не существовало сомнѣній вовсе; и сколько у нихъ замѣтно было шаткости и робости въ предположеніяхъ, столько у него твердости и увѣренности. Онъ отвѣчалъ на всѣ пункты, даже не заикнувшись, объявилъ, что Чичиковъ накупилъ мертвыхъ душъ на нѣсколько тысячъ, и что онъ самъ продалъ ему, потому что не видитъ причины, почему не продать. На вопросъ: не шпіонъ ли онъ и не старается ли что-нибудь развѣдать? Ноздревъ отвѣчалъ, что шпіонъ; что еще въ школѣ, гдѣ онъ съ нимъ вмѣстѣ учился, его называли фискаломъ и что за это товарищи, а въ томъ числѣ и онъ, нѣсколько его поизмяли, такъ что нужно было потомъ приставить къ однимъ вискамъ 240 пьявокъ, то-есть, онъ хотѣлъ было сказать 40, но 200 сказалось какъ-то само собою. На вопросъ: не дѣлатель ли онъ фальшивыхъ бумажекъ? онъ отвѣчалъ, что дѣлатель, и при этомъ случаѣ разсказалъ анекдотъ о необыкновенной ловкости Чичикова: какъ, узнавши, что въ его домѣ находилось на два милліона фальшивыхъ ассигнацій, опечатали домъ его и приставили караулъ, на каждую дверь по два солдата, и какъ Чичиковъ перемѣнилъ ихъ всѣ въ одну ночь, такъ что на другой день, когда сняли печати, увидѣли, что все были ассигнаціи настоящія. На вопросъ: точно ли Чичиковъ имѣлъ намѣреніе увезти губернаторскую дочку, и правда ли, что онъ самъ взялся помогать и участвовать въ этомъ дѣлѣ? Ноздревъ отвѣчалъ, что помогалъ и что если бы не онъ, то не вышло бы ничего. Тутъ онъ и спохватился было, видя, что солгалъ вовсе напрасно и могъ такимъ образомъ накликать на себя бѣду; но языкъ никакъ уже не могъ придержать. Впрочемъ, и трудно было, потому что представились сами собою такія интересныя по-

дробности, отъ которыхъ никакъ нельзя было отказаться: даже названа была по имени деревня, гдѣ находилась та приходская церковь, въ которой положено было вѣнчаться, именно деревня Трухмачевка, попъ отецъ Сидоръ, за вѣнчаніе 75 рублей, и то не согласился бы, если бы онъ не припугнулъ его, обѣщаясь донести на него, что перевѣнчалъ лабазника Михайла на кумѣ; что онъ уступилъ даже свою коляску и заготовилъ на всѣхъ станціяхъ перемѣнныхъ лошадей. Подробности дошли до того, что уже начиналъ называть по именамъ ямщиковъ. Попробовали было заикнуться о Наполеонѣ, но и сами были не рады, что попробовали, потому что Ноздревъ понесъ такую околесину, которая не только не имѣла никакого подобія правды, но даже, просто, ни на что̀ не имѣла подобія, такъ что чиновники, вздохнувши, всѣ отошли прочь; одинъ только полицеймейстеръ долго еще слушалъ, думая, не будетъ ли, по крайней мѣрѣ, чего-нибудь далѣе; но наконецъ и рукой махнулъ, сказавши: «Чортъ знаетъ, что̀ такое!» И всѣ согласились въ томъ, что *какъ съ быкомъ ни биться, а все молока отъ него не добиться.* И остались чиновники еще въ худшемъ положеніи, чѣмъ были прежде, и рѣшилось дѣло тѣмъ, что никакъ не могли узнать, что̀ такое былъ Чичиковъ. И оказалось ясно, какого рода созданье человѣкъ: мудръ, уменъ и толковъ онъ бываетъ во всемъ, что̀ касается другихъ, а не себя. Какими осмотрительными, твердыми совѣтами снабдитъ онъ въ трудныхъ случаяхъ жизни! «Экая расторопная голова!» кричитъ толпа: «какой неколебимый характеръ!» А нанесись на эту расторопную голову какая-нибудь бѣда, и доведись ему самому быть поставлену въ трудные случаи жизни—куда дѣлся характеръ! весь растерялся неколебимый мужъ, и вышелъ изъ него жалкій трусишка, ничтожный, слабый ребенокъ, или, просто, ѳетюкъ, какъ называетъ Ноздревъ.

Всѣ эти толки, мнѣнія и слухи, неизвѣстно по какой причинѣ, больше всего подѣйствовали на бѣднаго прокурора. Они подѣйствовали на него до такой степени, что

онъ, пришедши домой, сталъ думать, думать и вдругъ, какъ говорится, ни съ того, ни съ другого, умеръ. Параличомъ ли его, или чѣмъ другимъ прихватило, только онъ, какъ сидѣлъ, такъ и хлопнулся со стула навзничь. Вскрикнули, какъ водится, всплеснувъ руками: «Ахъ, Боже мой!» послали за докторомъ, чтобы пустить кровь, но увидѣли, что прокуроръ былъ уже одно бездушное тѣло. Тогда только съ соболѣзнованіемъ узнали, что у покойника была, точно, душа, хотя онъ, по скромности своей, никогда ея не показывалъ. А между тѣмъ появленье смерти такъ же было страшно въ маломъ, какъ страшно оно и въ великомъ человѣкѣ: тотъ, кто еще не такъ давно ходилъ, двигался, игралъ въ вистъ, подписывалъ разныя бумаги и былъ такъ часто виденъ между чиновниковъ съ своими густыми бровями и мигающимъ глазомъ, теперь лежалъ на столѣ, лѣвый глазъ уже не мигалъ вовсе, но бровь одна все еще была приподнята съ какимъ-то вопросительнымъ выраженіемъ. О чемъ покойникъ спрашивалъ: зачѣмъ онъ умеръ, или зачѣмъ жилъ,—объ этомъ одинъ Богъ вѣдаетъ.

«Но это, однакожъ, несообразно! это несогласно ни съ чѣмъ! это невозможно, чтобы чиновники такъ могли сами напугать себя, создать такой вздоръ, такъ отдалиться отъ истины, когда даже ребенку видно, въ чемъ дѣло!» Такъ скажутъ многіе читатели и укорятъ автора въ несообразностяхъ, или назовутъ бѣдныхъ чиновниковъ дураками, потому что щедръ человѣкъ на слово *дуракъ* и готовъ прислужиться имъ двадцать разъ на день своему ближнему. Довольно изъ десяти сторонъ имѣть одну глупую, чтобы быть признану дуракомъ мимо девяти хорошихъ. Читателямъ легко судить, глядя изъ своего покойнаго угла и верхушки, откуда открытъ весь горизонтъ на все, что̀ дѣлается внизу, гдѣ человѣку виденъ только близкій предметъ. И во всемірной лѣтописи человѣчества много есть цѣлыхъ столѣтій, которыя, казалось бы, вычеркнулъ и уничтожилъ, какъ ненужныя. Много совершилось въ мірѣ заблужденій, которыхъ бы, казалось, теперь не сдѣлалъ и ребенокъ. Ка-

кія искривленныя, глухія, узкія, непроходимыя, заносящія далеко въ сторону, дороги избирало человѣчество, стремясь достигнуть вѣчной истины, тогда какъ передъ нимъ весь былъ открытъ прямой путь, подобный пути, ведущему къ великолѣпной храминѣ, назначенной царю въ чертоги! Всѣхъ другихъ путей шире и роскошнѣе онъ, озаренный солнцемъ и освѣщенный всю ночь огнями; но мимо его, въ глухой темнотѣ, текли люди. И сколько разъ, уже наведенные нисходившимъ съ небесъ смысломъ, они и тутъ умѣли отшатнуться и сбиться въ сторону, умѣли среди бѣла дня попасть вновь въ непроходимыя захолустья, умѣли напустить вновь слѣпой туманъ другъ другу въ очи и, влачась вслѣдъ за болотными огнями, умѣли-таки добраться до пропасти, чтобы потомъ съ ужасомъ спросить другъ друга: «Гдѣ выходъ, гдѣ дорога?» Видитъ теперь все ясно текущее поколѣніе, дивится заблужденьямъ, смѣется надъ неразуміемъ своихъ предковъ, не зря, что небеснымъ огнемъ исчерчена сія лѣтопись, что кричитъ въ ней каждая буква, что отвсюду устремленъ пронзительный перстъ на него же, на него, на текущее поколѣніе; но смѣется текущее поколѣніе и самонадѣянно, гордо начинаетъ рядъ новыхъ заблужденій, надъ которыми также потомъ посмѣются потомки.

Чичиковъ ничего обо всемъ этомъ не зналъ совершенно. Какъ нарочно, въ то время онъ получилъ легкую простуду, флюсъ и небольшое воспаленіе въ горлѣ, въ раздачѣ которыхъ чрезвычайно щедръ климатъ многихъ нашихъ губернскихъ городовъ. Чтобы не прекратилась, Боже сохрани, какъ-нибудь жизнь безъ потомковъ, онъ рѣшился лучше посидѣть денька три въ комнатѣ. Въ продолженіе сихъ дней онъ полоскалъ безпрестанно горло молокомъ съ фигой, которую потомъ съѣдалъ, и носилъ привязанную къ щекѣ подушечку изъ ромашки и камфары. Желая чѣмъ-нибудь занять время, онъ сдѣлалъ нѣсколько новыхъ и подробныхъ списковъ всѣмъ накупленнымъ крестьянамъ, прочиталъ даже какой-то томъ герцогини Лавальеръ, отыскавшійся въ чемоданѣ, пересмотрѣлъ въ ларцѣ разные находившіеся тамъ

предметы и записочки, кое-что перечелъ и въ другой разъ, и все это прискучило ему сильно. Никакъ не могъ онъ понять, чтò бы значило, что ни одинъ изъ городскихъ чиновниковъ не пріѣхалъ къ нему хоть бы разъ навѣдаться о здоровьѣ, тогда какъ еще недавно, то и дѣло, стояли передъ гостиницей дрожки—то почтмейстерскія, то прокурорскія, то предсѣдательскія. Онъ пожималъ только плечами, ходя по комнатѣ. Наконецъ, почувствовалъ онъ себя лучше, и обрадовался, Богъ знаетъ какъ, когда увидѣлъ возможность выйти на свѣжій воздухъ. Не откладывая, принялся онъ немедленно за туалетъ, отперъ свою шкатулку, налилъ въ стаканъ горячей воды, вынулъ щетку и мыло и расположился бриться, чему, впрочемъ, давно была пора и время, потому что, пощупавъ бороду рукою и взглянувъ въ зеркало, онъ уже произнесъ: «Экъ, какіе пошли писать лѣса!» И въ самомъ дѣлѣ, лѣса не лѣса, а по всей щекѣ и подбородку высыпалъ довольно густой посѣвъ. Выбрившись, принялся онъ за одѣванье живо и скоро, такъ что чуть не выпрыгнулъ изъ панталонъ. Наконецъ, онъ былъ одѣтъ, вспрыснутъ одеколономъ и, закутанный потеплѣе, выбрался на улицу, завязавши изъ предосторожности щеку. Выходъ его, какъ всякаго выздоровѣвшаго человѣка, былъ точно праздничный. Все, чтò ни попадалось ему, приняло видъ смѣющійся, и дома, и проходившіе мужики, довольно впрочемъ серьезные, изъ которыхъ иной уже успѣлъ съѣздить своего брата въ ухо. Первый визитъ онъ намѣренъ былъ сдѣлать губернатору. Дорогою много приходило ему всякихъ мыслей на умъ: вертѣлась въ головѣ блондинка, воображенье начало даже слегка шалить, и онъ уже самъ сталъ немного шутить и подсмѣиваться надъ собою. Въ такомъ духѣ очутился онъ передъ губернаторскимъ подъѣздомъ. Уже сталъ онъ было въ сѣняхъ поспѣшно сбрасывать съ себя шинель, какъ швейцаръ поразилъ его совершенно неожиданными словами: «Не приказано принимать!»

«Какъ! чтò ты! Ты, видно, не узналъ меня? Ты всмотрись хорошенько въ лицо!» говорилъ ему Чичиковъ.

«Какъ не узнать! вѣдь я васъ не впервой вижу», сказалъ швейцаръ. «Да васъ-то именно однихъ и не велѣно пускать, другихъ всѣхъ можно».

«Вотъ тебѣ на! Отчего? почему?»

«Такой приказъ; такъ ужъ, видно, слѣдуетъ», сказалъ швейцаръ и прибавилъ къ тому слово: *да;* послѣ чего сталъ передъ нимъ совершенно непринужденно, не сохраняя того ласковаго вида, съ какимъ прежде торопился снимать съ него шинель. Казалось, онъ думалъ, глядя на него: «Эге! ужъ коли тебя бары гоняютъ съ крыльца, такъ ты, видно, такъ себѣ, шушера какая-нибудь!»

«Непонятно!» подумалъ про себя Чичиковъ и отправился тутъ же къ предсѣдателю палаты; но предсѣдатель палаты такъ смутился, увидя его, что не могъ связать двухъ словъ и наговорилъ такую дрянь, что даже имъ обоимъ сдѣлалось совѣстно. Уходя отъ него, какъ ни старался Чичиковъ изъяснить дорогою и добраться, что̀ такое разумѣлъ предсѣдатель и насчетъ чего могли относиться слова, но ничего не могъ понять. Потомъ зашелъ къ другимъ: къ полицеймейстеру, къ вице-губернатору, къ почтмейстеру, но всѣ или не приняли его, или приняли такъ странно, такой принужденный и непонятный вели разговоръ, такъ растерялись, и такая вышла безтолковщина изо всего, что онъ усомнился въ здоровьи ихъ мозга. Попробовалъ было еще зайти кое-къ-кому, чтобы узнать, по крайней мѣрѣ, причину, и не добрался никакой причины. Какъ полусонный, бродилъ онъ безъ цѣли по городу, не будучи въ состояніи рѣшить, онъ ли сошелъ съ ума, чиновники ли потеряли голову, во снѣ ли все это дѣлается, или наяву заварилась дурь почище сна. Поздно уже, почти въ сумерки, возвратился онъ къ себѣ въ гостиницу, изъ которой было вышелъ въ такомъ хорошемъ расположеніи духа, и отъ скуки велѣлъ подать себѣ чаю. Въ задумчивости и въ какомъ-то безсмысленномъ разсужденіи о странности положенія своего, сталъ онъ разливать чай, какъ вдругъ отворилась дверь его комнаты, и предсталъ Ноздревъ никакъ неожиданнымъ образомъ.

«Вотъ говоритъ пословица: *для друга семь верстъ не околица!*» говорилъ онъ, снимая картузъ: «прохожу мимо, вижу свѣтъ въ окнѣ. «Дай», думаю себѣ, «зайду! вѣрно, не спитъ». А! вотъ хорошо, что у тебя на столѣ чай, выпью съ удовольствіемъ чашечку: сегодня за обѣдомъ объѣлся всякой дряни, чувствую, что ужъ начинается въ желудкѣ возня. Прикажи-ка мнѣ набить трубку! Гдѣ твоя трубка?»

«Да вѣдь я не курю трубки», сказалъ сухо Чичиковъ.

«Пустое, будто я не знаю, что ты куряка. Эй! какъ-бишь зовутъ твоего человѣка? Эй, Вахрамѣй, послушай!»

«Да не Вахрамѣй, а Петрушка!»

«Какъ же? да у тебя вѣдь прежде былъ Вахрамѣй?»

«Никакого не было у меня Вахрамѣя».

«Да, точно, это у Деребина Вахрамѣй. Вообрази, Деребину какое счастье: тетка его поссорилась съ сыномъ за то, что женился на крѣпостной, и теперь записала ему все имѣнье. Я думаю себѣ, вотъ если бы этакую тетку имѣть для дальнѣйшихъ! Да что̀ ты, братъ, такъ отдалился отъ всѣхъ, нигдѣ не бываешь? Конечно, я знаю, что ты занятъ иногда учеными предметами, любишь читать (ужъ почему Ноздревъ заключилъ, что герой нашъ занимается учеными предметами и любитъ почитать, этого, признаемся, мы никакъ не можемъ сказать, а Чичиковъ и того менѣе). Ахъ, братъ, Чичиковъ! если бы ты только увидалъ... вотъ ужъ, точно, была бы пища твоему сатирическому уму (почему у Чичикова былъ сатирическій умъ—это тоже неизвѣстно). Вообрази, братъ, у купца Лихачева играли въ горку,—вотъ ужъ гдѣ смѣхъ былъ! Перепендевъ, который былъ со мною: «Вотъ», говоритъ, «если бы теперь Чичиковъ, ужъ вотъ бы ему точно!..» (между тѣмъ Чичиковъ отъ роду не зналъ никакого Перепендева). А вѣдь признайся, братъ, вѣдь ты, право, преподло поступилъ тогда со мною, помнишь, какъ играли въ шашки? Вѣдь я выигралъ... Да, братъ, ты, просто, поддедюлилъ меня. Но вѣдь я, чортъ меня знаетъ, никакъ не могу сердиться. Намедни съ предсѣдателемъ... Ахъ, да! я вѣдь тебѣ долженъ сказать, что въ городѣ всѣ

противъ тебя. Они думаютъ, что ты дѣлаешь фальшивыя бумажки, пристали ко мнѣ, да я за тебя горой—наговорилъ имъ, что съ тобой учился и отца зналъ; ну, и, ужъ нечего говорить, слилъ имъ пулю порядочную».

«Я дѣлаю фальшивыя бумажки?» вскрикнулъ Чичиковъ, приподнявшись со стула.

«Зачѣмъ ты, однакожъ, такъ напугалъ ихъ?» продолжалъ Ноздревъ. «Они, чортъ знаетъ, съ ума сошли со страху: нарядили тебя въ разбойники и въ шпіоны... А прокуроръ съ испугу умеръ; завтра будетъ погребеніе. Ты не будешь? Они, сказать правду, боятся новаго генералъ-губернатора, чтобы изъ-за тебя чего-нибудь не вышло; а я насчетъ генералъ-губернатора такого мнѣнія, что если онъ подыметъ носъ и заважничаетъ, то съ дворянствомъ рѣшительно ничего не сдѣлаетъ. Дворянство требуетъ радушія: не правда ли? Конечно, можно запрятаться къ себѣ въ кабинетъ и не дать ни одного бала, да вѣдь этимъ что̀-жъ? Вѣдь этимъ ничего не выиграешь. А вѣдь ты, однакожъ, Чичиковъ, рискованное дѣло затѣялъ».

«Какое рискованное дѣло?» спросилъ безпокойно Чичиковъ.

«Да увезти губернаторскую дочку. Я, признаюсь, ждалъ этого, ей Богу, ждалъ! Въ первый разъ, какъ только увидѣлъ васъ вмѣстѣ на балѣ: «Ну, ужъ», думаю себѣ, «Чичиковъ, вѣрно, не даромъ...» Впрочемъ, напрасно ты сдѣлалъ такой выборъ: я ничего въ ней не нахожу хорошаго. А есть одна, родственница Бикусова, сестры его дочь, такъ вотъ ужъ дѣвушка! можно сказать: чудо коленкоръ!»

«Да что̀ ты, что̀ ты путаешь? Какъ увезти губернаторскую дочку? что́ ты?» говорилъ Чичиковъ, выпуча глаза.

«Ну, полно, братъ: экой скрытный человѣкъ! Я, признаюсь, къ тебѣ съ тѣмъ пришелъ: изволь, я готовъ тебѣ помогать. Такъ и быть: подержу вѣнецъ тебѣ, коляска и перемѣнныя лошади будутъ мои, только съ уговоромъ: ты долженъ мнѣ дать три тысячи взаймы. Нужны, братъ, хоть зарѣжь!»

Въ продолженіе всей болтовни Ноздрева, Чичиковъ протиралъ нѣсколько разъ себѣ глаза, желая увѣриться, не во снѣ ли онъ все это слышитъ. Дѣлатель фальшивыхъ ассигнацій, увозъ губернаторской дочки, смерть прокурора, которой причиною будто бы онъ, пріѣздъ генералъ-губернатора,— все это навело на него порядочный испугъ. «Ну, ужъ коли пошло на то»,—подумалъ онъ самъ въ себѣ,—«такъ мѣшкать болѣе нечего, нужно отсюда убираться поскорѣй».

Онъ постарался сбыть поскорѣе Ноздрева, призвалъ къ себѣ тотъ же часъ Селифана и велѣлъ ему быть готовымъ на зарѣ, съ тѣмъ, чтобы завтра же въ 6 часовъ утра выѣхать изъ города непремѣнно, чтобы все было пересмотрѣно, бричка подмазана и прочее, и прочее. Селифанъ произнесъ: «Слушаю, Павелъ Ивановичъ», и остановился, однакожъ, нѣсколько времени у дверей, не двигаясь съ мѣста. Баринъ тутъ же велѣлъ Петрушкѣ выдвинуть изъ-подъ кровати чемоданъ, покрывшійся уже порядочно пылью, и принялся укладывать вмѣстѣ съ нимъ, безъ большого разбора, чулки, рубашки, бѣлье, мытое и немытое, сапожныя колодки, календарь... Все это укладывалось, какъ попало: онъ хотѣлъ непремѣнно быть готовымъ съ вечера, чтобы назавтра не могло случиться никакой задержки. Селифанъ, постоявши минуты двѣ у дверей, наконецъ очень медленно вышелъ изъ комнаты. Медленно, какъ только можно вообразить себѣ медленно, спускался онъ съ лѣстницы, отпечатывая своими мокрыми сапогами слѣды по сходившимъ внизъ избитымъ ступенямъ, и долго почесывалъ у себя рукою въ затылкѣ. Что̀ означало это почесыванье? и что̀, вообще, оно значитъ? Досада ли на то, что вотъ не удалась задуманная назавтра сходка съ своимъ братомъ въ неприглядномъ тулупѣ, опоясанномъ кушакомъ, гдѣ-нибудь во царевомъ кабакѣ; или уже завязалась въ новомъ мѣстѣ какая зазнобушка сердечная, и приходится оставлять вечернее стоянье у воротъ и политичное держанье за бѣлы ручки въ тотъ часъ, какъ нахлобучиваются на городъ сумерки, дѣтина въ красной рубахѣ бренчитъ на балалайкѣ

передъ дворовой челядью, и плететъ тихія рѣчи разночинный, отработавшійся народъ? или, просто, жаль оставлять отогрѣтое уже мѣсто на людской кухнѣ подъ тулупомъ, близъ печи, да щей съ городскимъ мягкимъ пирогомъ, съ тѣмъ, чтобы вновь тащиться подъ дождь и слякоть и всякую дорожную невзгоду? Богъ вѣсть,—не угадаешь. Многое разное значитъ у русскаго народа почесыванье въ затылкѣ.

ГЛАВА XI.

Ничто, однакоже, не случилось такъ, какъ предполагалъ Чичиковъ. Во-первыхъ, проснулся онъ позже, нежели думалъ—это была первая непріятность. Вставши, онъ послалъ тотъ же часъ узнать, заложена ли бричка и все ли готово; но донесли, что бричка еще была не заложена и ничего не было готово—это была вторая непріятность. Онъ разсердился, приготовился даже задать что-то въ родѣ потасовки пріятелю нашему Селифану и ожидалъ только съ нетерпѣніемъ, какую тотъ съ своей стороны приведетъ причину въ оправданіе. Скоро Селифанъ показался въ дверяхъ, и баринъ имѣлъ удовольствіе услышать тѣ же самыя рѣчи, какія обыкновенно слышатся отъ прислуги, въ такомъ случаѣ, когда нужно скоро ѣхать.

«Да вѣдь, Павелъ Ивановичъ, нужно будетъ лошадей ковать».

«Ахъ, ты, чушка! чурбанъ! а прежде зачѣмъ объ этомъ не сказалъ? Не было развѣ времени?»

«Да время-то было... Да вотъ и колесо тоже, Павелъ Ивановичъ, шину нужно будетъ совсѣмъ перетянуть, потому что теперь дорога ухабиста, шибень такой вездѣ пошелъ... Да если позволите доложить: передъ у брички совсѣмъ расшатался, такъ что она, можетъ-быть, и двухъ станцій не сдѣлаетъ».

«Подлецъ ты!» вскрикнулъ Чичиковъ, всплеснувъ руками, и подошелъ къ нему такъ близко, что Селифанъ изъ боязни,

чтобы не получить отъ барина подарка, попятился нѣсколько назадъ и посторонился.

«Убить ты меня собрался? а? зарѣзать меня хочешь? На большой дорогѣ меня собрался зарѣзать, разбойникъ, чушка ты проклятый, страшилище морское! а? а? Три недѣли сидѣли на мѣстѣ, а? Хоть бы заикнулся, безпутный, а вотъ теперь къ послѣднему часу и пригналъ! Когда ужъ почти на чеку: сѣсть бы да и ѣхать, а? а ты вотъ тутъ-то и напакостилъ, а? а? Вѣдь ты зналъ это прежде? Вѣдь ты зналъ это, а? а? Отвѣчай. Зналъ? а?

«Зналъ», отвѣчалъ Селифанъ, потупивши голову.

«Ну, такъ зачѣмъ же тогда не сказалъ, а?»

На этотъ вопросъ Селифанъ ничего не отвѣчалъ, но, потупивши голову, казалось, говорилъ самъ себѣ: «Вишь ты, какъ оно мудрено случилось: и зналъ вѣдь, да не сказалъ!»

«А вотъ теперь ступай, приведи кузнеца, да чтобъ въ два часа все было сдѣлано. Слышишь? непремѣнно въ два часа; а если не будетъ, такъ я тебя, я тебя... въ рогъ согну и узломъ завяжу!» Герой нашъ былъ сильно разсерженъ.

Селифанъ оборотился было къ дверямъ съ тѣмъ, чтобъ итти выполнить приказаніе, но остановился и сказалъ: «Да еще, сударь, чубараго коня, право, хоть бы продать, потому что онъ, Павелъ Ивановичъ, совсѣмъ подлецъ; онъ—такой конь, просто, не приведи Богъ, только помѣха».

«Да! вотъ пойду, побѣгу на рынокъ продавать!»

«Ей Богу, Павелъ Ивановичъ, онъ только что на видъ казистый, а на дѣлѣ самый лукавый конь; такого коня нигдѣ...»

«Дуракъ! Когда захочу продать, такъ продамъ. Еще пустился въ разсужденья! Вотъ посмотрю я: если ты мнѣ не приведешь сейчасъ кузнецовъ, да въ два часа не будетъ все готово, такъ я тебѣ такую дамъ потасовку... самъ на себѣ лица не увидишь! Пошелъ! ступай!» Селифанъ вышелъ.

Чичиковъ сдѣлался совершенно не въ духѣ и швырнулъ на полъ саблю, которая ѣздила съ нимъ въ дорогѣ для внушенія надлежащаго страха, кому слѣдуетъ. Около четверти

часа слишкомъ провозился онъ съ кузнецами, покамѣстъ сладилъ, потому что кузнецы, какъ водится, были отъявленные подлецы и, смекнувъ, что работа нужна къ спѣху, заломили ровно вшестеро. Какъ онъ ни горячился, называлъ ихъ мошенниками, разбойниками, грабителями проѣзжающихъ, намекнулъ даже на страшный судъ, но кузнецовъ ничѣмъ не пронялъ: они совершенно выдержали характеръ: не только не отступились отъ цѣны, но даже провозились за работой, вмѣсто двухъ часовъ, цѣлыхъ пять съ половиною. Въ продолженіе этого времени онъ имѣлъ удовольствіе испытать пріятныя минуты, извѣстныя всякому путешественнику, когда въ чемоданѣ все уложено и въ комнатѣ валяются только веревочки, бумажки, да разный соръ, когда человѣкъ не принадлежитъ ни къ дорогѣ, ни къ сидѣнью на мѣстѣ, видитъ изъ окна проходящихъ, плетущихся людей, толкующихъ объ своихъ гривнахъ и съ какимъ-то глупымъ любопытствомъ поднимающихъ глаза, чтобы, взглянувъ на него, опять продолжать свою дорогу, что̀ еще болѣе растравляетъ нерасположеніе духа бѣднаго неѣдущаго путешественника. Все, что̀ ни есть, все, что̀ ни видитъ онъ: и лавчонка противъ его оконъ, и голова старухи, живущей въ супротивномъ домѣ, подходящей къ окну съ коротенькими занавѣсками,—все ему гадко, однакоже онъ не отходитъ отъ окна. Стоитъ, то позабываясь, то обращая вновь какое-то притупленное вниманіе на все, что̀ передъ нимъ движется и не движется, и душитъ съ досады какую-нибудь муху, которая въ это время жужжитъ и бьется объ стекло подъ его пальцемъ. Но всему бываетъ конецъ, и желанная минута настала: все было готово, передъ у брички, какъ слѣдуетъ, былъ налаженъ, колесо было обтянуто новою шиною, кони приведены съ водопоя, и разбойники-кузнецы отправились, пересчитавъ полученные цѣлковые и пожелавъ благополучія. Наконецъ, и бричка была заложена, и два горячіе калача, только-что купленные, положены туда, и Селифанъ уже засунулъ кое-что для себя въ карманъ, бывшій у кучерскихъ козелъ, и самъ герой, наконецъ, при взмахиваніи

картузомъ полового, стоявшаго въ томъ же демикотоновомъ сюртукѣ, при трактирныхъ и чужихъ лакеяхъ и кучерахъ, собравшихся позѣвать, какъ выѣзжаетъ чужой баринъ, и при всякихъ другихъ обстоятельствахъ, сопровождающихъ выѣздъ, сѣлъ въ экипажъ, — и бричка, въ которой ѣздятъ холостяки, которая такъ долго застоялась въ городѣ и такъ, можетъ-быть, надоѣла читателю, наконецъ выѣхала изъ воротъ гостиницы. «Слава-те, Господи!» подумалъ Чичиковъ и перекрестился. Селифанъ хлыснулъ кнутомъ, къ нему подсѣлъ сперва повисѣвшій нѣсколько времени на подножкѣ Петрушка, и герой нашъ, усѣвшись получше на грузинскомъ коврикѣ, заложилъ за спину себѣ кожаную подушку, притиснулъ два горячіе калача, и экипажъ пошелъ опять подплясывать и покачиваться, благодаря мостовой, которая, какъ извѣстно, имѣла подкидывающую силу. Съ какимъ-то неопредѣленнымъ чувствомъ глядѣлъ онъ на дома, стѣны, заборъ и улицы, которые также, съ своей стороны, какъ будто подскакивая, медленно уходили назадъ, и которые, Богъ знаетъ, судила ли ему участь увидѣть еще когда-либо въ продолженіе своей жизни. При поворотѣ въ одну изъ улицъ, бричка должна была остановиться, потому что во всю длину ея проходила безконечная погребальная процессія. Чичиковъ, высунувшись, велѣлъ Петрушкѣ спросить, кого хоронятъ, и узналъ, что хоронятъ прокурора. Исполненный непріятныхъ ощущеній, онъ тотъ же часъ спрятался въ уголъ, закрылъ себя кожею и задернулъ занавѣски. Въ это время, когда экипажъ былъ такимъ образомъ остановленъ, Селифанъ и Петрушка, набожно снявши шляпу, разсматривали, кто, какъ, въ чемъ и на чемъ ѣхалъ, считая числомъ, сколько было всѣхъ, и пѣшихъ и ѣхавшихъ, а баринъ, приказавши имъ не признаваться и не кланяться никому изъ знакомыхъ лакеевъ, тоже принялся разсматривать робко сквозь стеклышка, находившіяся въ кожаныхъ занавѣскахъ. За гробомъ шли, снявши шляпы, всѣ чиновники. Онъ началъ было побаиваться, чтобы не узнали его экипажа; но имъ было не до того. Они даже не занялись

разными житейскими разговорами, какіе, обыкновенно, ведутъ между собою провожающіе покойника. Всѣ мысли ихъ были сосредоточены въ это время въ самихъ себѣ: они думали, каковъ-то будетъ новый генералъ-губернаторъ, какъ возьмется за дѣло и какъ приметъ ихъ. За чиновниками, шедшими пѣшкомъ, слѣдовали кареты, изъ которыхъ выглядывали дамы въ траурныхъ чепцахъ. По движеніямъ губъ и рукъ ихъ видно было, что онѣ были заняты живымъ разговоромъ; можетъ-быть, онѣ тоже говорили о пріѣздѣ новаго генералъ-губернатора и дѣлали предположенія насчетъ баловъ, какіе онъ дастъ, и хлопотали о вѣчныхъ своихъ фестончикахъ и нашивочкахъ. Наконецъ, за каретами слѣдовало нѣсколько пустыхъ дрожекъ, вытянувшихся гуськомъ, наконецъ и ничего уже не осталось, и герой нашъ могъ ѣхать. Открывши кожаныя занавѣски, онъ вздохнулъ, произнесши отъ души: «Вотъ, прокуроръ! жилъ-жилъ, а потомъ и умеръ! И вотъ напечатаютъ въ газетахъ, что скончался, къ прискорбію подчиненныхъ и всего человѣчества, почтенный гражданинъ, рѣдкій отецъ, примѣрный супругъ, и много напишутъ всякой всячины; прибавятъ, пожалуй, что былъ сопровождаемъ плачемъ вдовъ и сиротъ; а вѣдь если разобрать хорошенько дѣло, такъ, на повѣрку, у тебя всего только и было, что густыя брови». Тутъ онъ приказалъ Селифану ѣхать поскорѣе и между тѣмъ подумалъ про себя: «Это, однакожъ, хорошо, что встрѣтились похороны; говорятъ: значитъ счастіе, если встрѣтишь покойника».

Бричка между тѣмъ поворотила въ болѣе пустынныя улицы; скоро потянулись одни длинные деревянные заборы, предвѣщавшіе конецъ города. Вотъ уже и мостовая кончилась, и шлагбаумъ, и городъ назади, и ничего нѣтъ—и опять въ дорогѣ. И опять по обѣимъ сторонамъ столбового пути пошли вновь писать версты, станціонные смотрители, колодцы, обозы, сѣрыя деревни съ самоварами, бабами и бойкимъ бородатымъ хозяиномъ, бѣгущимъ изъ постоялаго двора съ овсомъ въ рукѣ; пѣшеходъ въ протертыхъ лаптяхъ, плетущійся за 800 верстъ; городишки, выстроенные живьемъ, съ

деревянными лавчонками, мучными бочками, лаптями, калачами и прочей мелюзгой, рябые шлагбаумы, чинимые мосты, поля неоглядныя и по ту сторону, и по другую, помѣщичьи рыдваны, солдатъ верхомъ на лошади, везущій зеленый ящикъ съ свинцовымъ горохомъ и подписью: «такой-то артиллерійской батареи», зеленыя, желтыя и свѣже-разрытыя черныя полосы, мелькающія по степямъ, затянутая вдали пѣсня, сосновыя верхушки въ туманѣ, пропадающій далече колокольный звонъ, вороны, какъ мухи, и горизонтъ безъ конца... Русь! Русь! вижу тебя, изъ моего чуднаго, прекраснаго далека тебя вижу. Бѣдно, разбросанно и непріютно въ тебѣ; не развеселятъ, не испугаютъ взоровъ дерзкія дива природы, вѣнчанныя дерзкими дивами искусства,—города съ многооконными, высокими дворцами, вросшими въ утесы, картинныя дерева и плющи, вросшіе въ домы, въ шумѣ и въ вѣчной пыли водопадовъ; не опрокинется назадъ голова посмотрѣть на громоздящіяся безъ конца надъ нею и въ вышинѣ каменныя глыбы; не блеснутъ сквозь наброшенныя одна на другую темныя арки, опутанныя виноградными сучьями, плющами и несмѣтными милліонами дикихъ розъ, не блеснутъ сквозь нихъ вдали вѣчныя линіи сіяющихъ горъ, несущихся въ серебряныя, ясныя небеса. Открыто-пустынно и ровно все въ тебѣ; какъ точки, какъ значки, непримѣтно торчатъ среди равнинъ невысокіе твои города: ничто не обольститъ и не очаруетъ взора. Но какая же непостижимая, тайная сила влечетъ къ тебѣ? Почему слышится и раздается немолчно въ ушахъ твоя тоскливая, несущаяся по всей длинѣ и ширинѣ твоей, отъ моря до моря, пѣсня? Что̀ въ ней, въ этой пѣснѣ? Что̀ зоветъ и рыдаетъ, и хватаетъ за сердце? Какіе звуки болѣзненно лобзаютъ и стремятся въ душу, и вьются около моего сердца? Русь! чего же ты хочешь отъ меня? Какая непостижимая связь таится между нами? Что̀ глядишь ты такъ, и зачѣмъ все, что̀ ни есть въ тебѣ, обратило на меня полныя ожиданія очи?... И еще, полный недоумѣнія, неподвижно стою я, а уже главу осѣнило грозное облако, тяжелое грядущими

дождями, и онѣмѣла мысль предъ твоимъ пространствомъ. Чтò пророчитъ сей необъятный просторъ? Здѣсь ли, въ тебѣ ли не родиться безпредѣльной мысли, когда ты сама безъ конца? Здѣсь ли не быть богатырю, когда есть мѣсто, гдѣ развернуться и пройтись ему? И грозно объемлетъ меня могучее пространство, страшною силою отразясь во глубинѣ моей; неестественной властью освѣтились мои очи... У, какая сверкающая, чудная, незнакомая землѣ даль! Русь!...

«Держи, держи, дуракъ!» кричалъ Чичиковъ Селифану.

«Вотъ я тебя палашомъ!» кричалъ скакавшій навстрѣчу фельдъ-егерь, съ усами въ аршинъ. «Не видишь, лѣшій дери твою душу, казенный экипажъ!» И, какъ призракъ, исчезнула съ громомъ и пылью тройка.

Какое странное, и манящее, и несущее, и чудесное въ словѣ: дорога! И какъ чудна она сама, эта дорога! Ясный день, осенніе листья, холодный воздухъ... покрѣпче въ дорожную шинель, шапку на уши, тѣснѣй и уютнѣй прижмемся къ углу! Въ послѣдній разъ пробѣжавшая дрожь прохватила члены, и уже смѣнила ее пріятная теплота. Кони мчатся... Какъ соблазнительно крадется дремота и смежаются очи, и уже сквозь сонъ слышатся: и «Не бѣлы снѣги», и сапъ лошадей, и шумъ колесъ, и уже храпишь, прижавши къ углу своего сосѣда. Проснулся—пять станцій убѣжало назадъ; луна; невѣдомый городъ; церкви со старинными деревянными куполами и чернѣющими остроконечьями; темные бревенчатые и бѣлые каменные дома; сіяніе мѣсяца тамъ и тамъ: будто бѣлые полотняные платки развѣшались по стѣнамъ, по мостовой, по улицамъ; косяками пересѣкаютъ ихъ черныя, какъ уголь, тѣни; подобно сверкающему металлу, блистаютъ вкось озаренныя деревянныя крыши; и нигдѣ ни души: все спитъ. Одинъ-одинёшенекъ, развѣ гдѣ-нибудь въ окошкѣ брезжитъ огонекъ: мѣщанинъ ли городской тачаетъ свою пару сапоговъ, пекарь ли возится въ печуркѣ—чтò до нихъ? А ночь!.. Небесныя силы! какая ночь совершается въ вышинѣ! А воздухъ, а небо, далекое, высокое, тамъ, въ недоступной глубинѣ своей, такъ не-

объятно, звучно и ясно раскинувшееся!.. Но дышитъ свѣжо въ самыя очи холодное ночное дыханіе и убаюкиваетъ тебя, и вотъ уже дремлешь и забываешься, и храпишь—и ворочается сердито, почувствовавъ на себѣ тяжесть, бѣдный, притиснутый въ углу сосѣдъ. Проснулся—и уже опять передъ тобою поля и степи; нигдѣ ничего: вездѣ пустырь, все открыто. Верста съ цифрой летитъ тебѣ въ очи; занимается утро; на побѣлѣвшемъ холодномъ небосклонѣ золотая блѣдная полоса; свѣжѣе и жестче становится вѣтеръ: покрѣпче въ теплую шинель!.. Какой славный холодъ! какой чудный, вновь обнимающій тебя сонъ! Толчокъ—и опять проснулся. На вершинѣ неба солнце. «Полегче! легче!» слышится голосъ; телѣга спускается съ кручи; внизу плотина широкая и широкій ясный прудъ, сіяющій, какъ мѣдное дно, передъ солнцемъ; деревня, избы разсыпались на косогорѣ; какъ звѣзда, блеститъ въ сторонѣ крестъ сельской церкви; болтовня мужиковъ, и невыносимый аппетитъ въ желудкѣ... Боже! какъ ты хороша подчасъ далекая, далекая дорога! Сколько разъ, какъ погибающій и тонущій, я хватался за тебя, и ты всякій разъ меня великодушно выносила и спасала! А сколько родилось въ тебѣ чудныхъ замысловъ, поэтическихъ грёзъ, сколько перечувствовалось дивныхъ впечатлѣній!.. Но и другъ нашъ Чичиковъ чувствовалъ въ это время не вовсе прозаическія грёзы. А посмотримъ, что̀ онъ чувствовалъ. Сначала онъ не чувствовалъ ничего и поглядывалъ только назадъ, желая увѣриться, точно ли выѣхалъ изъ города; но когда увидѣлъ, что городъ уже давно скрылся, ни кузницъ, ни мельницъ, ни всего того, что̀ находится вокругъ городовъ, не было видно, и даже бѣлыя верхушки каменныхъ церквей давно ушли въ землю, онъ занялся только одной дорогою, посматривалъ только направо и налѣво, и городъ N какъ будто не бывалъ въ его памяти, какъ будто проѣзжалъ онъ его давно, въ дѣтствѣ. Наконецъ, и дорога перестала занимать его, и онъ сталъ слегка закрывать глаза и склонять голову къ подушкѣ. Авторъ, признается, этому даже радъ, находя такимъ обра-

зомъ случай поговорить о своемъ героѣ, ибо доселѣ, какъ читатель видѣлъ, ему безпрестанно мѣшали то Ноздревъ, то балы, то дамы, то городскія сплетни, то, наконецъ, тысячи тѣхъ мелочей, которыя кажутся только тогда мелочами, когда внесены въ книгу, а покамѣстъ обращаются въ свѣтѣ, почитаются за весьма важныя дѣла. Но теперь отложимъ совершенно все въ сторону и прямо займемся дѣломъ.

Очень сомнительно, чтобы избранный нами герой понравился читателямъ. Дамамъ онъ не понравится, это можно сказать утвердительно, ибо дамы требуютъ, чтобъ герой былъ рѣшительное совершенство, и если какое-нибудь душевное или тѣлесное пятнышко, тогда—бѣда! Какъ глубоко ни загляни авторъ ему въ душу, хоть отрази чище зеркала его образъ, ему не дадутъ никакой цѣны. Самая полнота и среднія лѣта Чичикова много повредятъ ему: полноты ни въ какомъ случаѣ не простятъ герою, и весьма многія дамы, отворотившись, скажутъ: «Фи! такой гадкій!» Увы! все это извѣстно автору, и при всемъ томъ онъ не можетъ взять въ герои добродѣтельнаго человѣка. Но... можетъ-быть, въ сей же самой повѣсти почуются иныя, еще доселѣ небранныя струны, предстанетъ несмѣтное богатство русскаго духа, пройдетъ мужъ, одаренный божескими доблестями, или чудная русская дѣвица, какой не сыскать нигдѣ въ мірѣ, со всей дивной красотой женской души, вся изъ великодушнаго стремленія и самоотверженія. И мертвыми покажутся предъ ними всѣ добродѣтельные люди другихъ племенъ, какъ мертва книга предъ живымъ словомъ! Подымутся русскія движенія... и увидятъ, какъ глубоко заронилось въ славянскую природу то, что̀ скользнуло только по природѣ другихъ народовъ... Но къ чему и зачѣмъ говорить о томъ, что̀ впереди? Неприлично автору, будучи давно уже мужемъ, воспитанному суровой внутренней жизнью и свѣжительной трезвостью уединенія, забываться подобно юношѣ. Всему свой чередъ, и мѣсто, и время! А добродѣтельный человѣкъ все-таки не взятъ въ герои. И можно даже сказать, почему не взятъ. Потому что пора, наконецъ, дать

отдыхъ бѣдному добродѣтельному человѣку; потому что праздно вращается на устахъ слово: *добродѣтельный человѣкъ;* потому что обратили въ лошадь добродѣтельнаго человѣка, и нѣтъ писателя, который бы не ѣздилъ на немъ, понукая и кнутомъ, и всѣмъ, чѣмъ ни попало; потому что изморили добродѣтельнаго человѣка до того, что теперь нѣтъ на немъ и тѣни добродѣтели, а остались только ребра да кожа вмѣсто тѣла; потому что лицемѣрно призываютъ добродѣтельнаго человѣка; потому что не уважаютъ добродѣтельнаго человѣка. Нѣтъ, пора, наконецъ, припречь и подлеца. Итакъ, припряжемъ подлеца!

Темно и скромно происхожденіе нашего героя. Родители его было дворяне, но столбовые или личные—Богъ вѣдаетъ. Лицомъ онъ на нихъ не походилъ: по крайней мѣрѣ, родственница, бывшая при его рожденіи, низенькая, коротенькая женщина, которыхъ обыкновенно называютъ пигалицами, взявши въ руки ребенка, вскрикнула: «Совсѣмъ вышелъ не такой, какъ я думала! Ему бы слѣдовало пойти въ бабку съ матерней стороны, что̀ было бы и лучше, а онъ родился, просто, какъ говоритъ пословица: «*ни въ мать, ни въ отца, а въ проѣзжаго молодца*». Жизнь при началѣ взглянула на него какъ-то кисло-непріютно, сквозь какое-то мутное, занесенное снѣгомъ окошко: ни друга, ни товарища въ дѣтствѣ! Маленькая горенка съ маленькими окнами, не отворявшимися ни въ зиму, ни въ лѣто; отецъ — больной человѣкъ, въ длинномъ сюртукѣ на мерлушкахъ и въ вязаныхъ хлопанцахъ, надѣтыхъ на босую ногу, безпрестанно вздыхавшій, ходя по комнатѣ, и плевавшій въ стоявшую въ углу песочницу; вѣчное сидѣнье на лавкѣ, съ перомъ въ рукахъ, чернилами на пальцахъ и даже на губахъ; вѣчная пропись передъ глазами: «Не лги, послушествуй старшимъ и носи добродѣтель въ сердцѣ; вѣчный шаркъ и шлепанье по комнатѣ хлопанцевъ, знакомый, но всегда суровый голосъ: «опять задурилъ!» отзывавшійся въ то время, когда ребенокъ, наскуча однообразіемъ труда, придѣлывалъ къ буквѣ какую-нибудь кавыку или хвостъ; и вѣчно знакомое,

всегда непріятное чувство, когда, вслѣдъ за сими словами, краюшка уха его скручивалась очень больно ногтями длинныхъ протянувшихся сзади пальцевъ: вотъ бѣдная картина первоначальнаго его дѣтства, о которомъ едва сохранилъ онъ блѣдную память. Но въ жизни все мѣняется быстро и живо: и въ одинъ день, съ первымъ весеннимъ солнцемъ и разлившимися потоками, отецъ, взявши сына, выѣхалъ съ нимъ на телѣжкѣ, которую потащила мухортая пѣгая лошадка, извѣстная у лошадиныхъ барышниковъ подъ именемъ сорòки; ею правилъ кучеръ, маленькій горбунокъ, родоначальникъ единственной крѣпостной семьи, принадлежавшей отцу Чичикова, занимавшій почти всѣ должности въ домѣ. На сорòкѣ тащились они полтора дня слишкомъ; на дорогѣ ночевали, переправлялись черезъ рѣку, закусывали холоднымъ пирогомъ и жареною бараниною, и только на третій день утромъ добрались до города. Передъ мальчикомъ блеснули нежданнымъ великолѣпіемъ городскія улицы, заставившія его на нѣсколько минутъ разинуть ротъ. Потомъ сорòка бултыхнула вмѣстѣ съ телѣжкою въ яму, которою начинался узкій переулокъ, весь стремившійся внизъ и запруженный грязью; долго работала она тамъ всѣми силами и мѣсила ногами, подстрекаемая и горбуномъ, и самимъ бариномъ, и наконецъ втащила ихъ въ небольшой дворикъ, стоявшій на косогорѣ, съ двумя расцвѣтшими яблонями предъ старенькимъ домикомъ и садикомъ позади его, низенькимъ, маленькимъ, состоявшимъ только изъ рябины, бузины и скрывавшейся во глубинѣ ея деревянной будочки, крытой драньемъ, съ узенькимъ матовымъ окошечкомъ. Тутъ жила родственница ихъ, дряблая старушонка, все еще ходившая всякое утро на рынокъ и сушившая потомъ чулки свои у самовара, которая потрепала мальчика по щекѣ и полюбовалась его полнотою. Тутъ долженъ былъ онъ остаться и ходить ежедневно въ классы городского училища. Отецъ, переночевавши, на другой же день выбрался въ дорогу. При разставаніи, слезъ не было пролито изъ родительскихъ глазъ; дана была полтина мѣди на

расходъ и лакомства и, что̀ гораздо важнѣе, умное наставленіе: «Смотри же, Павлуша: учись, не дури и не повѣсничай, а больше всего — угождай учителямъ и начальникамъ. Коли будешь угождать начальнику, то, хоть и въ наукѣ не успѣешь, и таланту Богъ не далъ, все пойдешь въ ходъ и всѣхъ опередишь. Съ товарищами не водись: они тебя добру не научатъ; а если ужъ пошло на то, такъ водись съ тѣми, которые побогаче, чтобы при случаѣ могли быть тебѣ полезными. Не угощай и не потчивай никого, а веди себя лучше такъ, чтобы тебя угощали, а больше всего береги и копи копѣйку: эта вещь надежнѣе всего на свѣтѣ. Товарищъ или пріятель тебя надуетъ и въ бѣдѣ первый тебя выдастъ, а копѣйка не выдастъ, въ какой бы бѣдѣ ты ни былъ. Все сдѣлаешь и все прошибешь на свѣтѣ копѣйкой». Давши такое наставленіе, отецъ разстался съ сыномъ и потащился вновь домой на своей соро̀кѣ, и съ тѣхъ поръ уже никогда онъ больше его не видѣлъ; но слова и наставленія заронились глубоко ему въ душу.

Павлуша съ другого же дня принялся ходить въ классы. Особенныхъ способностей къ какой-нибудь наукѣ въ немъ не оказалось; отличился онъ больше прилежаніемъ и опрятностію; но зато оказался въ немъ большой умъ съ другой стороны — со стороны практической. Онъ вдругъ смекнулъ и понялъ дѣло, и повелъ себя въ отношеніи къ товарищамъ точно такимъ образомъ, что они его угощали, а онъ ихъ не только никогда, но даже иногда, припрятавъ полученное угощенье, потомъ продавалъ имъ же. Еще ребенкомъ, онъ умѣлъ уже отказать себѣ во всемъ. Изъ данной отцомъ полтины не издержалъ ни копѣйки, напротивъ, въ тотъ же годъ уже сдѣлалъ къ ней приращенія, показавъ оборотливость почти необыкновенную: слѣпилъ изъ воску снѣгиря, выкрасилъ его и продалъ очень выгодно. Потомъ, въ продолженіе нѣкотораго времени, пустился на другія спекуляціи, именно вотъ какія: накупивши на рынкѣ съѣстного, садился въ классѣ возлѣ тѣхъ, которые были побогаче, и какъ только замѣчалъ, что товарища начинало

тошнить,—признакъ подступающаго голода, — онъ высовывалъ ему изъ-подъ скамьи, будто невзначай, уголъ пряника или булки, и, раззадоривши его, бралъ деньги, соображаясь съ аппетитомъ. Два мѣсяца онъ провозился у себя на квартирѣ безъ отдыха около мыши, которую засадилъ въ маленькую деревянную клѣточку, и добился, наконецъ, до того, что мышь становилась на заднія лапки, ложилась и и вставала по приказу, и продалъ потомъ ее тоже очень выгодно. Когда набралось денегъ до пяти рублей, онъ мѣшочекъ зашилъ и сталъ копить въ другой. Въ отношеніи къ начальству онъ повелъ себя еще умнѣе. Сидѣть на лавкѣ никто не умѣлъ такъ смирно. Надобно замѣтить, что учитель былъ большой любитель тишины и хорошаго поведенія и терпѣть не могъ умныхъ и острыхъ мальчиковъ: ему казалось, что они непремѣнно должны надъ нимъ смѣяться. Достаточно было тому, который попалъ на замѣчаніе со стороны остроумія, достаточно было ему только пошевелиться или какъ-нибудь ненарокомъ мигнуть бровью, чтобы подпасть вдругъ подъ гнѣвъ. Онъ его гналъ и наказывалъ немилосердно. «Я, братъ, изъ тебя выгоню заносчивость и непокорность!» говорилъ онъ: «я тебя знаю насквозь, какъ ты самъ себя не знаешь. Вотъ ты у меня постоишь на колѣняхъ! ты у меня поголодаешь!» И бѣдный мальчишка, самъ не зная за что̀, натиралъ себѣ колѣни и голодалъ по суткамъ. «Способности и дарованія — это все вздоръ!» говаривалъ онъ: «я смотрю только на поведенье. Я поставлю полные баллы во всѣхъ наукахъ тому, кто ни аза не знаетъ, да ведетъ себя похвально; а въ комъ я вижу дурной духъ да насмѣшливость, я тому—нуль, хотя онъ Солона заткни за поясъ!» Такъ говорилъ учитель, не любившій на-смерть Крылова за то, что онъ сказалъ: «По мнѣ ужъ лучше пей, да дѣло разумѣй», и всегда разсказывавшій, съ наслажденіемъ въ лицѣ и въ глазахъ, какъ въ томъ училищѣ, гдѣ онъ преподавалъ прежде, такая была тишина, что слышно было, какъ муха летитъ, что ни одинъ изъ учениковъ въ теченіе круглаг● года не кашлянулъ и не высморкался въ

классѣ, и что до самаго звонка нельзя было узнать, былъ ли кто тамъ, или нѣтъ. Чичиковъ вдругъ постигнулъ духъ начальника и въ чемъ должно состоять поведеніе. Не шевельнулъ онъ ни глазомъ, ни бровью во все время класса, какъ ни щипали его сзади; какъ только раздавался звонокъ, онъ бросался опрометью и подавалъ учителю прежде всѣхъ треухъ (учитель ходилъ въ треухѣ); подавши треухъ, онъ выходилъ первый изъ класса и старался ему попасться раза три на дорогѣ, безпрестанно снимая шапку. Дѣло имѣло совершенный успѣхъ. Во все время пребыванія въ училищѣ былъ онъ на отличномъ счету и при выпускѣ получилъ полное удостоеніе во всѣхъ наукахъ, аттестатъ и книгу съ золотыми буквами: *за примѣрное прилежаніе и благонадежное поведеніе.* Вышедъ изъ училища, онъ очутился уже юношей довольно заманчивой наружности, съ подбородкомъ, потребовавшимъ бритвы. Въ это время умеръ отецъ его. Въ наслѣдствѣ оказались четыре заношенныя безвозвратно фуфайки, два старыхъ сюртука, подбитыхъ мерлушками, и незначительная сумма денегъ. Отецъ, какъ видно, былъ свѣдущъ только въ совѣтѣ копить копѣйку, а самъ накопилъ ея не много. Чичиковъ продалъ тутъ же ветхій дворишка съ ничтожной землицей за тысячу рублей, а семью людей перевелъ въ городъ, располагаясь основаться въ немъ и заняться службой. Въ это же время былъ выгнанъ изъ училища, за глупость или другую вину, бѣдный учитель, любитель тишины и похвальнаго поведенія. Учитель съ горя принялся пить; наконецъ, и пить уже было ему не на что̀; больной, безъ куска хлѣба и помощи, пропадалъ онъ гдѣ-то въ нетопленной, забытой конуркѣ. Бывшіе ученики его, умники и остряки, въ которыхъ ему мерещилась безпрестанно непокорность и заносчивое поведеніе, узнавши объ жалкомъ его положеніи, собрали тутъ же для него деньги, продавъ даже многое нужное; одинъ только Павлуша Чичиковъ отговорился неимѣніемъ и далъ какой-то пятакъ серебра, который тутъ же товарищи ему бросили, сказавши: «Эхъ ты, жила!» За-

крылъ лицо руками бѣдный учитель, когда услышалъ о такомъ поступкѣ бывшихъ учениковъ своихъ: слезы градомъ полились изъ погасавшихъ очей, какъ у безсильнаго дитяти. «При смерти на одрѣ привелъ Богъ заплакать», произнесъ онъ слабымъ голосомъ, и тяжело вздохнулъ, услышавъ о Чичиковѣ, прибавя тутъ же: «Эхъ, Павлуша! Вотъ какъ перемѣняется человѣкъ! Вѣдь какой былъ благонравный! ничего буйнаго—шелкъ! Надулъ, сильно надулъ...»

Нельзя, однакоже, сказать, чтобы природа героя нашего была такъ сурова и черства, и чувства его были до того притуплены, чтобы онъ не зналъ ни жалости, ни состраданія. Онъ чувствовалъ и то, и другое; онъ бы даже хотѣлъ помочь, но только, чтобы не заключалось это въ значительной суммѣ, чтобы не трогать уже тѣхъ денегъ, которыхъ положено было не трогать; словомъ, отцовское наставленіе: «береги и копи копѣйку» пошло въ прокъ. Но въ немъ не было привязанности собственно къ деньгамъ для денегъ; имъ не владѣли скряжничество и скупость. Нѣтъ, не онѣ двигали имъ: ему мерещилась впереди жизнь во всѣхъ довольствахъ, со всякими достатками; экипажи, домъ, отлично устроенный, вкусные обѣды — вотъ что̀ безпрерывно носилось въ головѣ его. Чтобы, наконецъ, потомъ, со временемъ, вкусить непремѣнно все это, вотъ для чего береглась копѣйка, скупо отказываемая до времени и себѣ, и другому. Когда проносился мимо его богачъ на пролетныхъ красивыхъ дрожкахъ, на рысакахъ въ богатой упряжи, онъ какъ вкопанный останавливался на мѣстѣ и потомъ, очнувшись, какъ послѣ долгаго сна, говорилъ: «А вѣдь былъ конторщикъ, волосы носилъ въ кружокъ!» И все, что̀ ни отзывалось богатствомъ и довольствомъ, производило на него впечатлѣніе, непостижимое имъ самимъ. Вышедъ изъ училища, онъ не хотѣлъ даже отдохнуть: такъ сильно было у него желанье скорѣе приняться за дѣло и службу. Однакоже, несмотря на похвальные аттестаты, съ большимъ трудомъ опредѣлился онъ въ казенную палату: и въ дальнихъ захолустьяхъ нужна протекція! Мѣстечко досталось ему ни-

чтожное, жалованья тридцать или сорокъ рублей въ годъ. Но рѣшился онъ жарко заняться службою, все побѣдить и преодолѣть. И, точно, самоотверженіе, терпѣнье и ограниченіе нуждъ показалъ онъ неслыханное. Съ ранняго утра до поздняго вечера, не уставая ни душевными, ни тѣлесными силами, писалъ онъ, погрязнувъ весь въ канцелярскія бумаги, не ходилъ домой, спалъ въ канцелярскихъ комнатахъ на столахъ, обѣдалъ подчасъ со сторожами и при всемъ томъ умѣлъ сохранить опрятность, порядочно одѣться, сообщить лицу пріятное выраженіе и даже что-то благородное въ движеніяхъ. Надобно сказать, что палатскіе чиновники особенно отличались невзрачностію и неблагообразіемъ. У иныхъ были лица—точно дурно выпеченный хлѣбъ; щеку раздуло въ одну сторону, подбородокъ покосило въ другую, верхнюю губу взнесло пузыремъ, которая, въ-прибавку къ тому, еще и треснула; словомъ, совсѣмъ не красиво. Говорили они всѣ какъ-то сурово, такимъ голосомъ, какъ бы собирались кого прибить; приносили частыя жертвы Вакху, показавъ такимъ образомъ, что въ славянской природѣ есть еще много остатковъ язычества; приходили даже подчасъ въ присутствіе, какъ говорится, нализавшись, отчего въ присутствіи было нехорошо и воздухъ былъ вовсе не ароматическій. Между такими чиновниками не могъ не быть замѣченъ и отличенъ Чичиковъ, представляя во всемъ совершенную противоположность и взрачностью лица, и привѣтливостью голоса, и совершеннымъ неупотребленьемъ никакихъ крѣпкихъ напитковъ. Но при всемъ томъ трудна была его дорога. Онъ попалъ подъ начальство уже престарѣлому повытчику, который былъ образъ какой-то каменной безчувственности и непотрясаемости: вѣчно тотъ же, неприступный, никогда въ жизни не явившій на лицѣ своемъ усмѣшки, не привѣтствовавшій ни разу никого даже запросомъ о здоровьѣ. Никто не видалъ, чтобы онъ хоть разъ былъ не тѣмъ, чѣмъ всегда, хоть на улицѣ, хоть у себя дома; хоть бы разъ показалъ онъ въ чемъ-нибудь участье; хоть бы напился пьянъ и въ

пьянствѣ разсмѣялся бы; хоть бы даже предался дикому веселью, какому предается разбойникъ въ пьяную минуту; но даже тѣни не было въ немъ ничего такого. Ничего не было въ немъ ровно: ни злодѣйскаго, ни добраго, и что-то страшное являлось въ семъ отсутствіи всего. Черство-мраморное лицо его, безъ всякой рѣзкой неправильности, не намекало ни на какое сходство; въ суровой соразмѣрности между собою были черты его. Однѣ только частыя рябины и ухабины, истыкавшія ихъ, причисляли его къ числу тѣхъ лицъ, на которыхъ, по народному выраженію, чортъ приходилъ по ночамъ молотить горохъ. Казалось, не было силъ человѣческихъ подбиться къ такому человѣку и привлечь его расположеніе; но Чичиковъ попробовалъ. Сначала онъ принялся угождать во всякихъ незамѣтныхъ мелочахъ: разсмотрѣлъ внимательно чинку перьевъ, какими писалъ онъ, и, приготовивши нѣсколько по образцу ихъ, клалъ ему всякій разъ ихъ подъ руку; сдувалъ и сметалъ со стола его песокъ и табакъ; завелъ новую тряпку для его чернильницы; отыскалъ гдѣ-то его шапку, прескверную шапку, какая когда-либо существовала въ мірѣ, и всякій разъ клалъ ее возлѣ него за минуту до окончанія присутствія; чистилъ ему спину, если тотъ запачкалъ ее мѣломъ у стѣны. Но все это осталось рѣшительно безъ всякаго замѣчанія, такъ, какъ будто ничего этого не было и дѣлано. Наконецъ, онъ пронюхалъ его домашнюю, семейственную жизнь: узналъ, что у него была зрѣлая дочь, съ лицомъ, тоже похожимъ на то, какъ будто бы на немъ происходила по ночамъ молотьба гороху. Съ этой-то стороны придумалъ онъ навести приступъ. Узналъ, въ какую церковь приходила она по воскреснымъ днямъ, становился всякій разъ насупротивъ ея, чисто одѣтый, накрахмаливши сильно манишку, и дѣло возъимѣло успѣхъ: пошатнулся суровый повытчикъ и зазвалъ его на чай! И въ канцеляріи не успѣли оглянуться, какъ устроилось дѣло такъ, что Чичиковъ переѣхалъ къ нему въ домъ, сдѣлался нужнымъ и необходимымъ человѣкомъ, закупалъ и муку, и сахаръ, съ дочерью обращался

какъ съ невѣстой, повытчика звалъ папенькой и цѣловалъ его въ руку. Всѣ положили въ палатѣ, что въ концѣ февраля, передъ Великимъ постомъ, будетъ свадьба. Суровый повытчикъ сталъ даже хлопотать за него у начальства, и чрезъ нѣсколько времени Чичиковъ самъ сѣлъ повытчикомъ на одно открывшееся вакантное мѣсто. Въ этомъ, казалось, и заключалась главная цѣль связей его со старымъ повытчикомъ, потому что тутъ же сундукъ свой онъ отправилъ секретно домой и на другой день очутился уже на другой квартирѣ. Повытчика пересталъ звать папенькой и не цѣловалъ больше его руки, а о свадьбѣ такъ дѣло и замялось, какъ будто вовсе ничего не происходило. Однакоже, встрѣчаясь съ нимъ, онъ всякій разъ ласково жалъ ему руку и приглашалъ его на чай, такъ что старый повытчикъ, несмотря на вѣчную неподвижность и черствое равнодушіе, всякій разъ встряхивалъ головою и произносилъ себѣ подъ носъ: «Надулъ, надулъ, чортовъ сынъ!»

Это былъ самый трудный порогъ, черезъ который перешагнулъ онъ. Съ этихъ поръ пошло легче и успѣшнѣе. Онъ сталъ человѣкомъ замѣтнымъ. Все оказалось въ немъ, что̀ нужно для этого міра: и пріятность въ оборотахъ и поступкахъ, и бойкость въ дѣловыхъ дѣлахъ. Съ такими средствами добылъ онъ въ непродолжительное время то, что̀ называютъ хлѣбное мѣстечко, и воспользовался имъ отличнымъ образомъ. Нужно знать, что въ то же самое время начались строжайшія преслѣдованія всякихъ взятокъ. Преслѣдованій онъ не испугался и обратилъ ихъ тотъ же часъ въ свою пользу, показавъ такимъ образомъ прямо русскую изобрѣтательность, являющуюся только во время прижимокъ. Дѣло устроено было вотъ какъ: какъ только приходилъ проситель и засовывалъ руку въ карманъ съ тѣмъ, чтобы вытащить оттуда извѣстныя рекомендательныя письма, за подписью князя Хованскаго, какъ выражаются у насъ на Руси, — «нѣтъ, нѣтъ», говорилъ онъ съ улыбкой, удерживая его руки: «вы думаете, что я... нѣтъ, нѣтъ! Это нашъ долгъ, наша обязанность; безъ всякихъ возмездій мы

должны сдѣлать! Съ этой стороны ужъ будьте покойны: завтра же все будетъ сдѣлано. Позвольте узнать вашу квартиру; вамъ и заботиться не нужно самимъ: все будетъ принесено къ вамъ на домъ». Очарованный проситель возвращался домой чуть не въ восторгѣ, думая: «Вотъ, наконецъ, человѣкъ, какихъ нужно побольше! это, просто, драгоцѣнный алмазъ!» Но ждетъ проситель день, другой — не приносятъ дѣла на домъ; на третій тоже. Онъ въ канцелярію— дѣло и не начиналось; онъ—къ драгоцѣнному алмазу. «Ахъ, извините!» говорилъ Чичиковъ очень учтиво, схвативши его за обѣ руки: «у насъ было столько дѣлъ, но завтра же все будетъ сдѣлано, завтра непремѣнно! Право, мнѣ даже совѣстно!» И все это сопровождалось движеніями обворожительными. Если при этомъ распахивалась какъ-нибудь пола халата, то рука въ ту же минуту старалась дѣло поправить и придержать полу. Но ни завтра, ни послѣзавтра, ни на третій день не несутъ дѣла на домъ. Проситель берется за умъ: «да полно, нѣтъ ли чего?» Вывѣдывать—говорятъ: «нужно дать писарямъ».—«Почему-жъ не дать? я готовъ четвертакъ, другой».—«Нѣтъ, не четвертакъ, а по бѣленькой».—«По бѣленькой писарямъ!» вскрикиваетъ проситель. — «Да чего вы такъ горячитесь?» отвѣчаютъ ему: «оно такъ и выйдетъ: писарямъ и достанется по четвертаку, а остальное пойдетъ къ начальству». Бьетъ себя по лбу недогадливый проситель и бранитъ, на чемъ свѣтъ стоитъ, новый порядокъ вещей, преслѣдованіе взятокъ и вѣжливыя, облагороженныя обращенія чиновниковъ. «Прежде было знаешь, по крайней мѣрѣ, что̀ дѣлать: принесъ правителю дѣлъ красную, да и дѣло въ шляпѣ; а теперь по бѣленькой, да еще недѣлю провозишься, пока догадаешься... чортъ бы побралъ безкорыстіе и чиновное благородство!» Проситель, конечно, правъ; но зато теперь нѣтъ взяточниковъ: всѣ правители дѣлъ честнѣйшіе и благороднѣйшіе люди, секретари только да писаря мошенники. Скоро представилось Чичикову поле гораздо пространнѣе: образовалась комиссія для построенія какого-то казеннаго, весьма капитальнаго,

строенія. Въ эту комиссію пристроился и онъ, и оказался однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ. Комиссія немедленно приступила къ дѣлу. Шесть лѣтъ возилась около зданія; но климатъ, что ли, мѣшалъ, или матеріалъ уже былъ такой, только никакъ не шло казенное зданіе выше фундамента. А между тѣмъ въ другихъ концахъ города очутилось у каждаго изъ членовъ по красивому дому гражданской архитектуры: видно, грунтъ земли былъ тамъ получше. Члены уже начинали благоденствовать и стали заводиться семействомъ. Тутъ только и теперь только сталъ Чичиковъ понемногу выпутываться изъ-подъ суровыхъ законовъ воздержанья и неумолимаго своего самоотверженья. Тутъ только долговременный постъ, наконецъ, былъ смягченъ, и оказалось, что онъ всегда не былъ чуждъ разныхъ наслажденій, отъ которыхъ умѣлъ удержаться въ лѣта пылкой молодости, когда ни одинъ человѣкъ совершенно не властенъ надъ собою. Оказались кое-какія излишества: онъ завелъ довольно хорошаго повара, тонкія голландскія рубашки. Уже сукна купилъ онъ себѣ такого, какого не носила вся губернія, и съ этихъ поръ сталъ держаться болѣе коричневыхъ и красноватыхъ цвѣтовъ съ искрою; уже пріобрѣлъ онъ отличную пару и самъ держалъ одну вожжу, заставляя пристяжную виться кольцомъ; уже завелъ онъ обычай вытираться губкой, намоченной въ водѣ, смѣшанной съ одеколономъ; уже покупалъ онъ весьма недешево какое-то мыло для сообщенія гладкости кожѣ; уже...

Но вдругъ, на мѣсто прежняго тюфяка, былъ присланъ новый начальникъ, человѣкъ военный, строгій, врагъ взяточниковъ и всего, что̀ зовется неправдой. На другой же день пугнулъ онъ всѣхъ до одного, потребовалъ отчеты, увидѣлъ недочеты, на каждомъ шагу недостающія суммы, замѣтилъ въ ту же минуту дома́ красивой гражданской архитектуры—и пошла переборка. Чиновники были отставлены отъ должности; дома́ гражданской архитектуры поступили въ казну и обращены были на разныя богоугодныя заведенія и школы для кантонистовъ; все распушено было въ

пухъ, и Чичиковъ болѣе другихъ. Лицо его вдругъ, несмотря на пріятность, не понравилось начальнику,—почему именно, Богъ вѣдаетъ: иногда даже, просто, не бываетъ на это причинъ,—и онъ возненавидѣлъ его на-смерть. И грозенъ былъ сильно для всѣхъ неумолимый начальникъ. Но, такъ какъ все же онъ былъ человѣкъ военный, стало-быть, не зналъ всѣхъ тонкостей гражданскихъ продѣлокъ, то чрезъ нѣсколько времени, посредствомъ правдивой наружности и умѣнья поддѣлаться ко всему, втерлись къ нему въ милость другіе чиновники, и генералъ скоро очутился въ рукахъ еще бо̀льшихъ мошенниковъ, которыхъ онъ вовсе не почиталъ такими; даже былъ доволенъ, что выбралъ, наконецъ, людей, какъ слѣдуетъ, и хвастался не въ шутку тонкимъ умѣньемъ различать способности. Чиновники вдругъ постигнули духъ его и характеръ. Все, что̀ ни было подъ начальствомъ его, сдѣлалось страшными гонителями неправды; вездѣ, во всѣхъ дѣлахъ они преслѣдовали ее, какъ рыбакъ острогой преслѣдуетъ какую-нибудь мясистую бѣлугу, и преслѣдовали ее съ такимъ успѣхомъ, что въ скоромъ времени у каждаго очутилось по нѣскольку тысячъ капиталу. Въ это время обратились на путь истины многіе изъ прежнихъ чиновниковъ и были вновь приняты на службу. Но Чичиковъ ужъ никакимъ образомъ не могъ втереться; какъ ни старался и не стоялъ за него, подстрекнутый письмами князя Хованскаго, первый генеральскій секретарь, постигнувшій совершенно управленье генеральскимъ носомъ, но тутъ онъ ничего рѣшительно не могъ сдѣлать. Генералъ былъ такого рода человѣкъ, котораго хотя и водили за носъ (впрочемъ, безъ его вѣдома), но зато уже, если въ голову ему западала какая-нибудь мысль, то она тамъ была все равно, что желѣзный гвоздь: ничѣмъ нельзя было ее оттуда вытеребить. Все, что̀ могъ сдѣлать умный секретарь, было уничтоженье запачканнаго послужного списка, и на то уже онъ подвинулъ начальника не иначе, какъ состраданіемъ, изобразивъ ему въ живыхъ краскахъ трогательную судьбу несчастнаго семейства Чичикова, котораго, къ счастію, у него не было.

«Ну, что̀-жъ!» сказалъ Чичиковъ: «зацѣпилъ, поволокъ, сорвалось—не спрашивай. Плачемъ горю не пособить, нужно дѣло дѣлать». И вотъ рѣшился онъ сызнова начать карьеру, вновь вооружиться терпѣніемъ, вновь ограничиться во всемъ, какъ ни привольно и ни хорошо было развернулся прежде. Нужно было переѣхать въ другой городъ, тамъ еще приводить себя въ извѣстность. Все какъ-то не клеилось. Двѣ, три должности долженъ онъ былъ перемѣнить въ самое короткое время. Должности какъ-то были грязны, низменны. Нужно знать, что Чичиковъ былъ самый благопристойный человѣкъ, какой когда-либо существовалъ въ свѣтѣ. Хотя онъ и долженъ былъ вначалѣ протираться въ грязномъ обществѣ, но въ душѣ всегда сохранялъ чистоту, любилъ, чтобы въ канцеляріяхъ были столы изъ лакированнаго дерева и все бы было благородно. Никогда не позволялъ онъ себѣ въ рѣчи неблагопристойнаго слова и оскорблялся всегда, если въ словахъ другихъ видѣлъ отсутствіе должнаго уваженія къ чину или званію. Читателю, я думаю, пріятно будетъ узнать, что онъ всякіе два дня перемѣнялъ на себѣ бѣлье, а лѣтомъ, во время жаровъ, даже и всякій день: всякій сколько-нибудь непріятный запахъ уже оскорблялъ его. По этой причинѣ онъ всякій разъ, когда Петрушка приходилъ раздѣвать его и скидавать сапоги, клалъ себѣ въ носъ гвоздичку; и во многихъ случаяхъ нервы у него были щекотливы, какъ у дѣвушки; и потому тяжело ему было очутиться вновь въ тѣхъ рядахъ, гдѣ все отзывалось пѣнникомъ и неприличьемъ въ поступкахъ. Какъ ни крѣпился онъ духомъ, однакоже похудѣлъ и даже позеленѣлъ во время такихъ невзгодъ. Уже начиналъ было онъ полнѣть и приходить въ тѣ круглыя и приличныя формы, въ какихъ читатель засталъ его при заключеніи съ нимъ знакомства, и уже не разъ, поглядывая въ зеркало, подумывалъ онъ о многомъ пріятномъ: о бабенкѣ, о дѣтской, и улыбка слѣдовала за такими мыслями; но теперь, когда онъ взглянулъ на себя какъ-то ненарокомъ въ зеркало, не могъ не вскрикнуть: «Мать ты моя Пресвятая! какой же я сталъ

гадкій!» И послѣ долго не хотѣлъ смотрѣться. Но переносилъ все герой нашъ, переносилъ сильно, терпѣливо переносилъ, и — перешелъ, наконецъ, въ службу по таможнѣ. Надобно сказать, что эта служба давно составляла тайный предметъ его помышленій. Онъ видѣлъ, какими щегольскими заграничными вещицами заводились таможенные чиновники, какіе фарфоры и батисты пересылали кумушкамъ, тетушкамъ и сестрамъ. Не разъ давно уже онъ говорилъ со вздохомъ: «Вотъ бы куда перебраться: и граница близко, и просвѣщенные люди, а какими тонкими голландскими рубашками можно обзавестись!» Надобно прибавить, что при этомъ онъ подумывалъ еще объ особенномъ сортѣ французскаго мыла, сообщавшаго необыкновенную бѣлизну кожѣ и свѣжесть щекамъ; какъ оно называлось, Богъ вѣдаетъ, но, по его предположеніямъ, непремѣнно находилось на границѣ. Итакъ, онъ давно бы хотѣлъ въ таможню, но удерживали текущія разныя выгоды по строительной комиссіи, и онъ разсуждалъ справедливо, что таможня, какъ бы то ни было, все еще не болѣе, какъ журавль въ небѣ, а комиссія уже была синица въ рукахъ. Теперь же рѣшился онъ, во что̀ бы то ни стало, добраться до таможни—и добрался. За службу свою принялся онъ съ ревностью необыкновенною. Казалось, сама судьба опредѣлила ему быть таможеннымъ чиновникомъ. Подобной расторопности, проницательности и прозорливости было не только не видано, но даже не слыхано. Въ три, четыре недѣли онъ уже такъ набилъ руку въ таможенномъ дѣлѣ, что зналъ рѣшительно все: даже не вѣсилъ, не мѣрялъ, а по фактурѣ узнавалъ, сколько въ какой штукѣ аршинъ сукна или иной матеріи; взявши въ руку свертокъ, онъ могъ сказать вдругъ, сколько въ немъ фунтовъ. Что̀ же касается до обысковъ, то здѣсь, какъ выражались даже сами товарищи, у него, просто, было собачье чутье: нельзя было не изумиться, видя, какъ у него доставало столько терпѣнія, чтобы ощупать всякую пуговку, и все это производилось съ убійственнымъ хладнокровіемъ, вѣжливымъ до невѣроятности. И въ то время,

когда обыскиваемые бѣсились, выходили изъ себя и чувствовали злобное побужденіе избить щелчками пріятную его наружность, онъ, не измѣняясь ни въ лицѣ, ни въ вѣжливыхъ поступкахъ, приговаривалъ только: «Не угодно ли вамъ будетъ немножко побезпокоиться и привстать?» или: «Не угодно ли вамъ будетъ, сударыня, пожаловать въ другую комнату? тамъ супруга одного изъ нашихъ чиновниковъ объяснится съ вами»; или: «Позвольте, вотъ я ножичкомъ немного распорю подкладку вашей шинели». И, говоря это, онъ вытаскивалъ оттуда шали, платки, хладнокровно, какъ изъ собственнаго сундука. Даже начальство изъяснилось, что это былъ чортъ, а не человѣкъ: онъ отыскивалъ въ колесахъ, дышлахъ, лошадиныхъ ушахъ и нивѣсть въ какихъ мѣстахъ, куда бы никакому автору не пришло въ мысль забраться и куда позволяется забираться только однимъ таможеннымъ чиновникамъ; такъ что бѣдный путешественникъ, переѣхавшій черезъ границу, все еще, въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ, не могъ опомниться и, отирая потъ, выступившій мелкою сыпью по всему тѣлу, только крестился да приговаривалъ: «Ну, ну!» Положеніе его весьма походило на положеніе школьника, выбѣжавшаго изъ секретной комнаты, куда начальникъ призвалъ его съ тѣмъ, чтобы дать кое-какое наставленіе, но вмѣсто того высѣкъ совершенно неожиданнымъ образомъ. Въ непродолжительное время не было отъ него никакого житья контрабандистамъ. Это была гроза и отчаяніе всего польскаго жидовства. Честность и неподкупность его были неодолимы, почти неестественны. Онъ даже не составилъ себѣ небольшого капитальца изъ разныхъ конфискованныхъ товаровъ и отбираемыхъ коекакихъ вещицъ, не поступающихъ въ казну во избѣжаніе лишней переписки. Такая ревностно-безкорыстная служба не могла не сдѣлаться предметомъ общаго удивленія и не дойти, наконецъ, до свѣдѣнія начальства. Онъ получилъ чинъ и повышеніе и вслѣдъ затѣмъ представилъ проектъ изловить всѣхъ контрабандистовъ, прося только средствъ исполнить его самому. Ему тотъ же часъ вручена была

команда и неограниченное право производить всякіе поиски. Этого только ему и хотѣлось. Въ то время образовалось сильное общество контрабандистовъ обдуманно-правильнымъ образомъ; на милліоны сулило выгодъ дерзкое предпріятіе. Онъ давно уже имѣлъ свѣдѣніе о немъ и даже отказалъ подосланнымъ подкупить, сказавши сухо: «Еще не время». Получивъ же въ свое распоряженіе все, въ ту же минуту далъ онъ знать обществу, сказавши: «Теперь пора». Расчетъ былъ слишкомъ вѣренъ. Тутъ въ одинъ годъ онъ могъ получить то, чего не выигралъ бы въ двадцать лѣтъ самой ревностной службы. Прежде онъ не хотѣлъ вступать ни въ какія сношенія съ ними, потому что былъ не болѣе, какъ простой пѣшкой, стало-быть, не много получилъ бы; но теперь... теперь совсѣмъ другое дѣло: онъ могъ предложить, какія угодно, условія. Чтобы дѣло шло безпрепятственнѣй, онъ склонилъ и другого чиновника, своего товарища, который не устоялъ противъ соблазна, несмотря на то, что волосомъ былъ сѣдъ. Условія были заключены, и общество приступило къ дѣйствіямъ. Дѣйствія начались блистательно. Читатель, безъ сомнѣнія, слышалъ такъ часто повторяемую исторію объ остроумномъ путешествіи испанскихъ барановъ, которые, совершивъ переходъ черезъ границу въ двойныхъ тулупчикахъ, пронесли подъ тулупчиками на милліонъ брабантскихъ кружевъ. Это происшествіе случилось именно тогда, когда Чичиковъ служилъ при таможнѣ. Не участвуй онъ самъ въ этомъ предпріятіи, никакимъ жидамъ въ мірѣ не удалось бы привести въ исполненіе подобнаго дѣла. Послѣ трехъ или четырехъ бараньихъ походовъ черезъ границу, у обоихъ чиновниковъ очутилось по четыреста тысячъ капиталу. У Чичикова, говорятъ, даже перевалило и за пятьсотъ, потому что былъ побойчѣе. Богъ знаетъ, до какой бы громадной цифры не возросли блогодатныя суммы, если бы какой-то нелегкій звѣрь не перебѣжалъ поперекъ всему. Чортъ сбилъ съ толку обоихъ чиновниковъ: чиновники, говоря попросту, перебѣсились и поссорились ни за что̀. Какъ-то въ жаркомъ разго-

ворѣ, а можетъ-быть, нѣсколько и выпивши, Чичиковъ назвалъ другого чиновника поповичемъ, а тотъ, хотя дѣйствительно былъ поповичъ, неизвѣстно почему—обидѣлся жестоко и отвѣтилъ ему тутъ же сильно и необыкновенно рѣзко, именно вотъ какъ: «Нѣтъ, врешь: я статскій совѣтникъ, а не поповичъ; а вотъ ты—такъ поповичъ!» И потомъ еще прибавилъ ему въ пику для бо̀льшей досады: «Да, вотъ, молъ, что!» Хотя онъ отбрилъ такимъ образомъ его кругомъ, обративъ на него имъ же приданное названіе и хотя выраженіе: «вотъ, молъ, что̀!» могло быть сильно, но, недовольный симъ, онъ послалъ еще на него тайный доносъ. Впрочемъ, говорятъ, что и безъ того была у нихъ ссора за какую-то бабенку, свѣжую и крѣпкую, какъ ядреная рѣпа, по выраженію таможенныхъ чиновниковъ; что были даже подкуплены люди, чтобы подъ вечерокъ, въ темномъ переулкѣ, поизбить нашего героя; но что оба чиновника были въ дуракахъ и бабенкой воспользовался какой-то штабсъ-капитанъ Шамшаревъ. Какъ было дѣло въ самомъ дѣлѣ — Богъ ихъ вѣдаетъ; пусть лучше читатель-охотникъ досочинитъ самъ. Главное въ томъ, что тайныя сношенія съ контрабандистами сдѣлались явными. Статскій совѣтникъ, хоть и самъ пропалъ, но таки упекъ своего товарища. Чиновниковъ взяли подъ судъ, конфисковали, описали все, что̀ у нихъ ни было, и все это разрѣшилось вдругъ, какъ громъ, надъ головами ихъ. Какъ послѣ чаду, опомнились они и увидѣли съ ужасомъ, что̀ надѣлали. Статскій совѣтникъ не устоялъ противъ судьбы и гдѣ-то погибъ въ глуши, но коллежскій устоялъ. Онъ умѣлъ затаить часть деньжонокъ, какъ ни чутко было обоняніе наѣхавшаго на слѣдствіе начальства; употребилъ всѣ тонкіе извороты ума, уже слишкомъ опытнаго, слишкомъ знающаго хорошо людей: гдѣ подѣйствовалъ пріятностью оборотовъ, гдѣ трогательною рѣчью, гдѣ покурилъ лестью, ни въ какомъ случаѣ не портящею дѣла, гдѣ всунулъ деньжонку, словомъ — обработалъ дѣло, по крайней мѣрѣ, такъ, что отставленъ былъ не съ такимъ безчестьемъ, какъ товарищъ, и увернулся изъ-подъ уголовнаго суда. Но

уже ни капитала, ни разныхъ заграничныхъ вещицъ—ничего не осталось ему: на все это нашлись другіе охотники. Удержалось у него тысячонокъ десятокъ, запрятанныхъ про черный день, да дюжины двѣ голландскихъ рубашекъ, да небольшая бричка, въ какой ѣздятъ холостяки, да два крѣпостныхъ человѣка: кучеръ Селифанъ и лакей Петрушка; да таможенные чиновники, движимые сердечною добротою, оставили ему пять или шесть кусковъ мыла для сбереженія свѣжести щекъ—вотъ и все. Итакъ, вотъ въ какомъ положеніи вновь очутился герой нашъ! Вотъ какая громада бѣдствій обрушилась ему на голову! Это называлъ онъ: потерпѣть по службѣ за правду. Теперь можно бы заключить, что, послѣ такихъ бурь, испытаній, превратностей судьбы и жизненнаго горя, онъ удалится съ оставшимися кровными десятью тысячонками въ какое-нибудь мирное захолустье уѣзднаго городишка и тамъ заклёкнетъ на-вѣки въ ситцевомъ халатѣ, у окна низенькаго домика, разбирая по воскреснымъ днямъ драку мужиковъ, возникшую предъ окнами, или, для освѣженія, пройдясь въ курятникъ пощупать лично курицу, назначенную въ супъ, и проведетъ такимъ образомъ нешумный, но, въ своемъ родѣ, тоже не безполезный вѣкъ. Но такъ не случилось. Надобно отдать справедливость непреодолимой силѣ его характера. Послѣ всего того, что̀ бы достаточно было если не убить, то охладить и усмирить навсегда человѣка, въ немъ не потухла непостижимая страсть. Онъ былъ въ горѣ, въ досадѣ, роптала на весь свѣтъ, сердился на несправедливость судьбы, негодовалъ на несправедливость людей и, однакоже, не могъ отказаться отъ новыхъ попытокъ. Словомъ, онъ показалъ терпѣніе, предъ которымъ ничто деревянное терпѣніе нѣмца, заключенное уже въ медленномъ, лѣнивомъ обращеніи крови его. Кровь Чичикова, напротивъ, играла сильно, и нужно было много разумной воли, чтобъ набросить узду на все то, что̀ хотѣло бы выпрыгнуть и погулять на свободѣ. Онъ разсуждалъ, и въ разсужденіи его видна была нѣкоторая сторона справедливости: «Почему-жъ я? Зачѣмъ на меня

обрушилась бѣда? Кто-жъ зѣваетъ теперь на должности?— всѣ пріобрѣтаютъ. Несчастнымъ я не сдѣлалъ никого: я не ограбилъ вдову, я не пустилъ никого по-міру; пользовался я отъ избытковъ; бралъ тамъ, гдѣ всякій бралъ бы; не воспользуйся я—другіе воспользовались бы. За что̀ же другіе благоденствуютъ, и почему долженъ я пропасть червемъ? И что̀ я теперь? Куда я гожусь? Какими глазами я стану смотрѣть теперь въ глаза всякому почтенному отцу семейства? Какъ не чувствовать мнѣ угрызенія совѣсти, зная, что даромъ бременю землю? И что̀ скажутъ потомъ мои дѣти?—«Вотъ», скажутъ: «отецъ—скотина: не оставилъ намъ никакого состоянія!»

Уже извѣстно, что Чичиковъ сильно заботился о своихъ потомкахъ. Такой чувствительный предметъ! Иной, можетъ-быть, и не такъ бы глубоко запустилъ руку, если бы не вопросъ, который, неизвѣстно почему, приходитъ самъ собою: «а что̀ скажутъ дѣти?» И вотъ будущій родоначальникъ, какъ осторожный котъ, покося только однимъ глазомъ въ бокъ, не глядитъ ли откуда хозяинъ, хватаетъ поспѣшно все, что̀ къ нему поближе: мыло ли стоитъ, свѣчи ли, сало, канарейка ли попалась подъ лапу, словомъ — не пропускаетъ ничего. Такъ жаловался и плакалъ герой нашъ, а между тѣмъ дѣятельность никакъ не умирала въ головѣ его; тамъ все хотѣло что-то строиться и ждало только плана. Вновь съежился онъ, вновь принялся вести трудную жизнь, вновь ограничилъ себя во всемъ, вновь изъ чистоты и приличнаго положенія опустился въ грязь и низменную жизнь. И, въ ожиданіи лучшаго, принужденъ былъ даже заняться званіемъ повѣреннаго, — званіемъ, еще не пріобрѣтшимъ у насъ гражданства, толкаемымъ со всѣхъ сторонъ, плохо уважаемымъ мелкою приказною тварью и даже самими довѣрителями, осужденнымъ на пресмыканье въ переднихъ, грубости и прочее, но нужда заставила рѣшиться на все. Изъ порученій досталось ему, между прочимъ, одно: похлопотать о заложеніи въ опекунскій совѣтъ нѣсколькихъ сотъ крестьянъ. Имѣніе было раз-

строено въ послѣдней степени. Разстроено оно было скотскими падежами, плутами-приказчиками, неурожаями, повальными болѣзнями, истребившими лучшихъ работниковъ, и, наконецъ, безтолковьемъ самого помѣщика, убиравшаго себѣ въ Москвѣ домъ въ послѣднемъ вкусѣ и убившаго на эту уборку все состояніе свое до послѣдней копѣйки, такъ что ужъ не на что̀ было ѣсть. По этой-то причинѣ понадобилось, наконецъ, заложить послѣднее оставшееся имѣніе. Закладъ въ казну былъ тогда еще дѣло новое, на которое рѣшались не безъ страха. Чичиковъ, въ качествѣ повѣреннаго, прежде расположивши всѣхъ (безъ предварительнаго расположенія, какъ извѣстно, не можетъ быть даже взята простая справка или выправка,—все же хоть по бутылкѣ мадеры придется влить во всякую глотку),—итакъ, расположивши всѣхъ, кого слѣдуетъ, объяснилъ онъ, что вотъ какое между прочимъ обстоятельство: половина крестьянъ вымерла, такъ чтобы не было какихъ-нибудь потомъ привязокъ... «Да вѣдь они по ревизской сказкѣ числятся?» сказалъ секретарь. «Числятся», отвѣчалъ Чичиковъ. «Ну, такъ чего же вы оробѣли?» сказалъ секретарь: «одинъ умеръ, другой родится, а все въ дѣло годится». Секретарь, какъ видно, умѣлъ говорить и въ риѳму. А между тѣмъ героя нашего осѣнила вдохновеннѣйшая мысль, какая когда-либо приходила въ человѣческую голову. «Эхъ я Акимъ-простота!» сказалъ онъ самъ въ себѣ: «ищу рукавицъ, а обѣ за поясомъ! Да накупи я всѣхъ этихъ, которые вымерли, пока еще не подавали новыхъ ревизскихъ сказокъ, пріобрѣти ихъ, положимъ, тысячу, да, положимъ, опекунскій совѣтъ дастъ по двѣсти рублей на душу: вотъ ужъ двѣсти тысячъ капиталу! А теперь же время удобное: недавно была эпидемія, народу вымерло, слава Богу, не мало. Помѣщики попроигрывались въ карты, закутили и промотались, какъ слѣдуетъ; все полѣзло въ Петербургъ служить: имѣнія брошены, управляются, какъ ни попало, подати уплачиваются съ каждымъ годомъ труднѣе; такъ мнѣ съ радостью уступитъ ихъ каждый, уже потому только, чтобы не платить за нихъ по-

душныхъ денегъ; а, можетъ, въ другой разъ такъ случится, что съ иного и я еще зашибу за это копѣйку. Конечно, трудно, хлопотливо, страшно, чтобы какъ-нибудь еще не досталось, чтобы не вывести изъ этого исторіи. Ну, да вѣдь данъ же человѣку на что-нибудь умъ. А главное то хорошо, что предметъ-то покажется всѣмъ невѣроятнымъ, никто не повѣритъ. Правда, безъ земли нельзя ни купить, ни заложить. Да вѣдь я куплю на выводъ, на выводъ; теперь земли въ Таврической и Херсонской губерніяхъ отдаются даромъ, только заселяй. Туда я ихъ всѣхъ и переселю! въ Херсонскую ихъ! пусть ихъ тамъ живутъ! А переселеніе можно сдѣлать законнымъ образомъ, какъ слѣдуетъ, по судамъ. Если захотятъ освидѣтельствовать крестьянъ—пожалуй, я и тутъ не прочь; почему же нѣтъ? Я представлю и свидѣтельство за собственноручнымъ подписаніемъ капитана-исправника. Деревню можно назвать Чичикова слободка, или по имени, данному при крещеніи: сельцо Павловское». И вотъ такимъ образомъ составился въ головѣ нашего героя сей странный сюжетъ, за который, не знаю, будутъ ли благодарны ему читатели, а ужъ какъ благодаренъ авторъ, такъ и выразить трудно, ибо, что̀ ни говори, не приди въ голову Чичикова эта мысль, не явилась бы на свѣтъ сія поэма.

Перекрестясь, по русскому обычаю, приступилъ онъ къ исполненію. Подъ видомъ избранія мѣста для жительства и подъ другими предлогами, предпринялъ онъ заглянуть въ тѣ и другіе углы нашего государства, и преимущественно въ тѣ, которые болѣе другихъ пострадали отъ несчастныхъ случаевъ: неурожаевъ, смертностей и прочаго, и прочаго, словомъ—гдѣ бы можно удобнѣе и дешевле накупить потребнаго народа. Онъ не обращался наобумъ ко всякому помѣщику, но избиралъ людей болѣе по своему вкусу, или такихъ, съ которыми бы можно было съ мѐньшими затрудненіями дѣлать подобныя сдѣлки, стараясь прежде познакомиться, расположить къ себѣ, чтобы, если можно, болѣе дружбою, а не покупкою пріобрѣсти мужиковъ. Итакъ, читатели не должны

негодовать на автора, если лица, донынѣ являвшіяся, не пришлись по его вкусу: это вина Чичикова; здѣсь онъ — полный хозяинъ, и куда ему вздумается, туда и мы должны тащиться. Съ нашей стороны, если, точно, падетъ обвиненіе за блѣдность и невзрачность лицъ и характеровъ, скажемъ только то, что никогда вначалѣ не видно всего широкаго теченья и объема дѣла. Въѣздъ въ какой бы ни было городъ, хоть даже въ столицу, всегда какъ-то блѣденъ; сначала все сѣро и однообразно: тянутся безконечные заводы да фабрики, закопченныя дымомъ, а потомъ уже выглянутъ углы шестиэтажныхъ домовъ, магазины, вывѣски, громадныя перспективы улицъ, всѣ въ колокольняхъ, колоннахъ, статуяхъ, башняхъ, съ городскимъ блескомъ, шумомъ и громомъ, и всѣмъ, что̀ на диво произвела рука и мысль человѣка. Какъ произвелись первыя покупки, читатель уже видѣлъ; какъ пойдетъ дѣло далѣе, какія будутъ удачи и неудачи герою, какъ придется разрѣшить и преодолѣть ему болѣе трудныя препятствія, какъ предстанутъ колоссальные образы, какъ двигнутся сокровенные рычаги широкой повѣсти, раздастся далече ея горизонтъ, и вся она приметъ величавое лирическое теченіе, то увидитъ потомъ. Еще много пути предстоитъ совершить всему походному экипажу, состоящему изъ господина среднихъ лѣтъ, брички, въ которой ѣздятъ холостяки, лакея Петрушки, кучера Селифана и тройки коней, уже извѣстныхъ поименно, отъ Засѣдателя до подлеца-чубараго. Итакъ, вотъ весь налицо герой нашъ, каковъ онъ есть! Но потребуютъ, можетъ-быть, заключительнаго опредѣленія одной чертою: кто же онъ относительно качествъ нравственныхъ? Что онъ не герой, исполненный совершенствъ и добродѣтелей,—это видно. Кто же онъ? Стало-быть, подлецъ? Почему-жъ подлецъ? Зачѣмъ же быть такъ строгу къ другимъ? Теперь у насъ подлецовъ не бываетъ: есть люди благонамѣренные, пріятные, а такихъ, которые бы на всеобщій позоръ выставили свою физіогномію подъ публичную оплеуху, отыщется развѣ какихъ-нибудь два-три человѣка, да и тѣ уже говорятъ те-

перь о добродѣтели. Справедливѣе всего назвать его *хозяинъ, пріобрѣтатель.* Пріобрѣтеніе — вина всего: изъ-за него произвелись дѣла, которымъ свѣтъ даетъ названіе *не очень чистыхъ.* Правда, въ такомъ характерѣ есть уже что-то отталкивающее, и тотъ же читатель, который на жизненной своей дорогѣ будетъ друженъ съ такимъ человѣкомъ, будетъ водить съ нимъ хлѣбъ-соль и проводить пріятно время, станетъ глядѣть на него косо, если онъ очутится героемъ драмы или поэмы. Но мудръ тотъ, кто не гнушается никакимъ характеромъ, но, вперя въ него испытующій взглядъ, извѣдываетъ его до первоначальныхъ причинъ. Быстро все превращается въ человѣкѣ; не успѣешь оглянуться, какъ уже выросъ внутри страшный червь, самовластно обратившій къ себѣ всѣ жизненные соки. И не разъ, не только широкая страсть, но ничтожная страстишка къ чему-нибудь мелкому разрасталась въ рожденномъ на лучшіе подвиги, заставляла его позабывать великія и святыя обязанности и въ ничтожныхъ побрякушкахъ видѣть великое и святое. Безчисленны, какъ морскіе пески, человѣческія страсти, и всѣ не похожи одна на другую, и всѣ онѣ, низкія и прекрасныя, вначалѣ покорны человѣку и потомъ уже становятся страшными властелинами его. Блаженъ избравшій себѣ изъ всѣхъ прекраснѣйшую страсть: растетъ и десятерится съ каждымъ часомъ и минутой безмѣрное его блаженство, и входитъ онъ глубже и глубже въ безконечный рай своей души. Но есть страсти, которыхъ избранье не отъ человѣка. Уже родились онѣ съ нимъ въ минуту рожденья его въ свѣтъ, и не дано ему силъ отклониться отъ нихъ. Высшими начертаньями онѣ ведутся, и есть въ нихъ что-то вѣчно зовущее, неумолкающее во всю жизнь. Земное великое поприще суждено совершить имъ, все равно, въ мрачномъ ли образѣ, или пронесшись свѣтлымъ явленьемъ, возрадующимъ міръ,—одинаково вызваны онѣ для невѣдомаго человѣкомъ блага. И, можетъ-быть, въ семъ же самомъ Чичиковѣ страсть, его влекущая, уже не отъ него, и въ холодномъ его существованіи заключено то, что̀ потомъ

повергнетъ въ прахъ и на колѣни человѣка предъ мудростью небесъ. И еще тайна, почему сей образъ предсталъ въ нынѣ являющейся на свѣтъ поэмѣ.

Но не то тяжело, что будутъ недовольны героемъ; тяжело то, что живетъ въ душѣ неотразимая увѣренность, что тѣмъ же самымъ героемъ, тѣмъ же самымъ Чичиковымъ были бы довольны читатели. Не загляни авторъ поглубже ему въ душу, не шевельни на днѣ ея того, что̀ ускользаетъ и прячется отъ свѣта, не обнаружь сокровеннѣйшихъ мыслей, которыхъ никому другому не ввѣряетъ человѣкъ, а покажи его такимъ, какимъ онъ показался всему городу, Манилову и другимъ людямъ, — и всѣ были бы радёшеньки и приняли бы его за интереснаго человѣка. Нѣтъ нужды, что ни лицо, ни весь образъ его не метался бы, какъ живой, предъ глазами: зато, по окончаніи чтенія, душа не встревожена ничѣмъ, и можно обратиться вновь къ карточному столу, тѣшащему всю Россію. Да, мои добрые читатели, вамъ бы не хотѣлось видѣть обнаруженную человѣческую бѣдность. «Зачѣмъ?» говорите вы: «къ чему это? Развѣ мы не знаемъ сами, что есть много презрѣннаго и глупаго въ жизни? И безъ того случается намъ часто видѣть то, что̀ вовсе не утѣшительно. Лучше же представляйте намъ прекрасное, увлекательное. Пусть лучше позабудемся мы!» — «Зачѣмъ ты, братъ, говоришь мнѣ, что дѣла въ хозяйствѣ идутъ скверно?» говоритъ помѣщикъ приказчику: «я, братъ, это знаю безъ тебя; да у тебя рѣчей развѣ нѣтъ другихъ, что̀ ли? Ты дай мнѣ позабыть это, не знать этого—я тогда счастливъ». И вотъ тѣ деньги, которыя бы поправили сколько-нибудь дѣло, идутъ на разныя средства для приведенія себя въ забвенье. Спитъ умъ, можетъ-быть, обрѣтшій бы внезапный родникъ великихъ средствъ; а тамъ имѣніе бухъ съ аукціона—и пошелъ помѣщикъ забываться по-міру, съ душою, отъ крайности готовою на низости, которыхъ бы самъ ужаснулся прежде.

Еще падетъ обвиненіе на автора со стороны такъ-называемыхъ патріотовъ, которые спокойно сидятъ себѣ по

угламъ и занимаются совершенно посторонними дѣлами, накопляютъ себѣ капитальцы, устраивая судьбу свою на счетъ другихъ; но какъ только случится что-нибудь, по мнѣнію ихъ, оскорбительное для отечества, появится какая-нибудь книга, въ которой скажется иногда горькая правда,— они выбѣгутъ со всѣхъ угловъ, какъ пауки, увидѣвшіе, что запуталась въ паутину муха, и подымутъ вдругъ крики: «Да хорошо ли выводить это на свѣтъ, провозглашать объ этомъ? Вѣдь это все, что̀ ни описано здѣсь, это все наше,— хорошо ли это? А что̀ скажутъ иностранцы? Развѣ весело слышать дурное мнѣніе о себѣ? Думаютъ: развѣ это не больно? Думаютъ: развѣ мы не патріоты?» На такія мудрыя замѣчанія, особенно насчетъ мнѣнія иностранцевъ, признаюсь, ничего нельзя прибрать въ отвѣтъ. А развѣ вотъ что̀. Жили въ одномъ отдаленномъ уголкѣ Россіи два обитателя. Одинъ былъ отецъ семейстаа, по имени Кифа Мокіевичъ, человѣкъ нрава кроткаго, проводившій жизнь халатнымъ образомъ. Семействомъ своимъ онъ не занимался; существованье его было обращено болѣе въ умозрительную сторону и занято слѣдующимъ, какъ онъ называлъ, философическимъ вопросомъ: «Вотъ, напримѣръ, звѣрь», говорилъ онъ, ходя по комнатѣ: «звѣрь родится нагишомъ. Почему же именно нагишомъ? Почему не такъ, какъ птица: почему не вылупливается изъ яйца? Какъ, право, того... совсѣмъ не поймешь натуры, какъ побольше въ нее углубишься!» Такъ мыслилъ обитатель Кифа Мокіевичъ. Но не въ этомъ еще главное дѣло. Другой обитатель былъ Мокій Кифовичъ, родной сынъ его. Былъ онъ то, что̀ называютъ на Руси богатырь, и, въ то время, когда отецъ занимался рожденьемъ звѣря, двадцатилѣтняя плечистая натура его такъ и порывалась развернуться. Ни за что̀ не умѣлъ онъ взяться слегка: все—или рука у кого-нибудь затрещитъ, или волдырь вскочитъ на чьемъ-нибудь носу. Въ домѣ и въ сосѣдствѣ все—отъ дворовой дѣвки до дворовой собаки — бѣжало прочь, его завидя; даже собственную кроватъ въ спальнѣ изломалъ онъ въ куски. Таковъ

былъ Мокій Кифовичъ, а впрочемъ былъ онъ доброй души. Но не въ этомъ еще главное дѣло. А главное дѣло вотъ въ чемъ. «Помилуй, батюшка баринъ, Кифа Мокіевичъ», говорила отцу и своя, и чужая дворня: «что у тебя за Мокій Кифовичъ? Никому нѣтъ отъ него покоя, такой припертѣнь!»—«Да, шаловливъ, шаловливъ», говорилъ обыкновенно на это отецъ: «да вѣдь какъ быть? Драться съ нимъ поздно, да и меня же всѣ обвинятъ въ жестокости; а человѣкъ онъ честолюбивый; укори его при другомъ-третьемъ— онъ уймется, да вѣдь гласность-то — вотъ бѣда! городъ узнаетъ, назоветъ его совсѣмъ собакой. Что, право, думаютъ, мнѣ развѣ не больно? развѣ я не отецъ? Что занимаюсь философіей, да иной разъ нѣтъ времени, такъ ужъ я и не отецъ? Анъ, вотъ нѣтъ же, отецъ! отецъ, чортъ ихъ побери, отецъ! У меня Мокій Кифовичъ вотъ тутъ сидитъ, въ сердцѣ!» Тутъ Кифа Мокіевичъ билъ себя весьма сильно въ грудь кулакомъ и приходилъ въ совершенный азартъ. «Ужъ если онъ и останется собакой, такъ пусть же не отъ меня объ этомъ узнаютъ, пустъ не я выдалъ его!» И показавъ такое отеческое чувство, онъ оставлялъ Мокія Кифовича продолжать богатырскіе свои подвиги, а самъ обращался вновь къ любимому предмету, задавъ себѣ вдругъ какой-нибудь подобный вопросъ: «Ну, а если бы слонъ родился въ яйцѣ, вѣдь скорлупа, чай, сильно бы толста была, — пушкой не прошибешь; нужно какое-нибудь новое огнестрѣльное орудіе выдумать». Такъ проводили жизнь два обитателя мирнаго уголка, которые нежданно, какъ изъ окошка, выглянули въ концѣ нашей поэмы, выглянули для того, чтобы отвѣчать скромно на обвиненье со стороны нѣкоторыхъ горячихъ патріотовъ, до времени покойно занимающихся какой-нибудь философіей или приращеніями насчетъ суммъ нѣжно любимаго ими отечества, думающихъ не о томъ, чтобы не дѣлать дурного, а о томъ, чтобы только не говорили, что они дѣлаютъ дурное. Но нѣтъ, не патріотизмъ и не первое чувство суть причины обвиненій; другое скрывается подъ ними. Къ чему

таить слово? Кто же, какъ не авторъ, долженъ сказать святую правду? Вы боитесь глубоко-устремленнаго взора, вы страшитесь сами устремить на что-нибудь глубокій взоръ, вы любите скользнуть по всему недумающими глазами. Вы посмѣетесь даже отъ души надъ Чичиковымъ; можетъ-быть, даже похвалите автора — скажете: «Однакожъ кое-что онъ ловко подмѣтилъ! долженъ быть веселаго нрава человѣкъ!» И послѣ такихъ словъ, съ удвоившеюся гордостію, обратитесь къ себѣ, самодовольная улыбка покажется на лицѣ вашемъ, и вы прибавите: «А вѣдь должно согласиться, престранные и пресмѣшные бываютъ люди въ нѣкоторыхъ провинціяхъ, да и подлецы притомъ немалые!» А кто изъ васъ, полный христіанскаго смиренья, не гласно, а въ тишинѣ, одинъ, въ минуты уединенныхъ бесѣдъ съ самимъ собой, углубитъ во-внутрь собственной души сей тяжелый запросъ: «А нѣтъ ли и во мнѣ какой-нибудь части Чичикова?» Да, какъ бы не такъ! А вотъ пройди въ это время мимо его какой-нибудь его же знакомый, имѣющій чинъ ни слишкомъ большой, ни слишкомъ малый,—онъ въ ту же минуту толкнетъ подъ руку своего сосѣда и скажетъ ему, чуть не фыркнувъ отъ смѣха: «Смотри, смотри: вонъ Чичиковъ, Чичиковъ пошелъ!» И потомъ, какъ ребенокъ, позабывъ всякое приличіе, должное званію и лѣтамъ, побѣжитъ за нимъ вдогонку, поддразнивая сзади и приговаривая: «Чичиковъ! Чичиковъ! Чичиковъ!»

Но мы стали говорить довольно громко, позабывъ, что герой нашъ, спавшій во все время разсказа его повѣсти, уже проснулся и легко можетъ услышать такъ часто повторяемую свою фамилію. Онъ же человѣкъ обидчивый и недоволенъ, если о немъ изъясняются неуважительно. Читателю съ-полугоря, разсердится ли на него Чичиковъ, или нѣтъ; но что̀ до автора, то онъ ни въ какомъ случаѣ не долженъ ссориться съ своимъ героемъ: еще не мало пути и дороги придется имъ пройти вдвоемъ рука объ руку; двѣ большія части впереди—это не бездѣлица.

— «Эхе-хе! что̀-жъ ты?» сказалъ Чичиковъ Селифану: «ты?...»

«Что?» сказалъ Селифанъ медленнымъ голосомъ.

«Какъ что? Гусь ты! Какъ ты ѣдешь? Ну же, потрогивай!»

И въ самомъ дѣлѣ Селифанъ давно уже ѣхалъ, зажмуря глаза, изрѣдка только потряхивая впросонкахъ вожжами по бокамъ дремавшихъ тоже лошадей; а съ Петрушки уже давно, нивѣсть въ какомъ мѣстѣ, слетѣлъ картузъ, и онъ самъ, опрокинувшись назадъ, уткнулъ свою голову въ колѣно Чичикову, такъ что тотъ долженъ былъ дать ей щелчка. Селифанъ пріободрился и, отшлепавши нѣсколько разъ по спинѣ чубараго, послѣ чего тотъ пустился рысцой, да помахавши сверху кнутомъ на всѣхъ, примолвилъ тонкимъ пѣвучимъ голоскомъ: «Не бойся!» Лошадки расшевелились и понесли какъ пухъ легонькую бричку. Селифанъ только помахивалъ да покрикивалъ: «эхъ! эхъ! эхъ!» плавно подскакивая на козлахъ, по мѣрѣ того, какъ тройка то взлетала на пригорокъ, то неслась духомъ съ пригорка, которыми была усѣяна вся столбовая дорога, стремившаяся чуть замѣтнымъ накатомъ внизъ. Чичиковъ только улыбался, слегка подлетывая на своей кожаной подушкѣ, ибо любилъ быструю ѣзду. И какой же русскій не любитъ быстрой ѣзды? Его ли душѣ, стремящейся закружиться, загуляться, сказать иногда: «чортъ побери все!» его ли душѣ не любить ея? Ея ли не любить, когда въ ней слышится что-то восторженно-чудное? Кажись, невѣдомая сила подхватила тебя на крыло къ себѣ, и самъ летишь, и все летитъ: летятъ версты, летятъ навстрѣчу купцы на облучкахъ своихъ кибитокъ, летитъ съ обѣихъ сторонъ лѣсъ съ темными строями елей и сосенъ, съ топорнымъ стукомъ и вороньимъ крикомъ; летитъ вся дорога нивѣсть куда въ пропадающую даль; и что-то страшное заключено въ семъ быстромъ мельканьи, гдѣ не успѣваетъ означиться пропадающій предметъ, только небо надъ головою да легкія тучи, да продирающійся мѣсяцъ одни кажутся недвижны. Эхъ, тройка, птица-тройка! кто тебя выдумалъ? Знать, у бойкаго народа ты могла только родиться,—въ той землѣ, что не любитъ шутить, а ровнемъ-гладнемъ разметнулась на

полсвѣта, да и ступай считать версты, пока не зарябитъ тебѣ въ очи. И не хитрый, кажись, дорожный снарядъ, не желѣзнымъ схваченъ винтомъ, а наскоро живьемъ, съ однимъ топоромъ да долотомъ, снарядилъ и собралъ тебя ярославскій расторопный мужикъ. Не въ нѣмецкихъ ботфортахъ ямщикъ: борода да рукавицы, и сидитъ, чортъ знаетъ на чемъ; а привсталъ, да замахнулся, да затянулъ пѣсню — кони вихремъ, спицы въ колесахъ смѣшались въ одинъ гладкій кругъ, только дрогнула дорога, да вскрикнулъ въ испугѣ остановившійся пѣшеходъ — и вонъ она понеслась, понеслась, понеслась!... И вонъ уже видно вдали, какъ что-то пылитъ и сверлитъ воздухъ.

Не такъ ли и ты, Русь, что̀ бойкая необгонимая тройка, несешься? Дымомъ дымится подъ тобою дорога, гремятъ мосты, все отстаетъ и остается позади. Остановился пораженный Божьимъ чудомъ созерцатель: не молнія ли это, сброшенная съ неба? Что̀ значитъ это наводящее ужасъ движеніе? и что̀ за невѣдомая сила заключена въ сихъ невѣдомыхъ свѣтомъ коняхъ? Эхъ, кони, кони,—что̀ за кони! Вихри ли сидятъ въ вашихъ гривахъ? Чуткое ли ухо горитъ во всякой вашей жилкѣ? Заслышали съ вышины знакомую пѣсню — дружно и разомъ напрягли мѣдныя груди и, почти не тронувъ копытами земли, превратились въ однѣ вытянутыя линіи, летящія по воздуху, и мчится, вся вдохновенная Богомъ!... Русь, куда-жъ несешься ты? дай отвѣтъ. Не даетъ отвѣта. Чуднымъ звономъ заливается колокольчикъ; гремитъ и становится вѣтромъ разорванный въ куски воздухъ; летитъ мимо все, что̀ ни есть на землѣ, и косясь посторанивваются и даютъ ей дорогу другіе народы и государства.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ПЕРВОМУ ТОМУ
МЕРТВЫХЪ ДУШЪ.

I.
ПРЕДИСЛОВІЕ
КО ВТОРОМУ ИЗДАНІЮ ПЕРВАГО ТОМА
МЕРТВЫХЪ ДУШЪ
(въ 1846 г.).

Къ читателю отъ сочинителя.

Кто бы ты ни былъ, мой читатель, на какомъ бы мѣстѣ ни стоялъ, въ какомъ бы званіи ни находился, почтенъ ли ты высшимъ чиномъ или человѣкъ простого сословія, но если тебя вразумилъ Богъ грамотѣ и попалась уже тебѣ въ руки моя книга, я прошу тебя помочь мнѣ.

Въ книгѣ, которая передъ тобой, которую, вѣроятно, ты уже прочелъ въ ея первомъ изданіи, изображенъ человѣкъ, взятый изъ нашего же государства. Ѣздитъ онъ по нашей Русской землѣ, встрѣчается съ людьми всякихъ сословій, отъ благородныхъ до простыхъ. Взятъ онъ больше затѣмъ, чтобы показать недостатки и пороки русскаго человѣка, а не его достоинства и добродѣтели, и всѣ люди, которые окружаютъ его, взяты также затѣмъ, чтобы показать наши слабости и недостатки; лучшіе люди и характеры будутъ въ другихъ частяхъ. Въ книгѣ этой многое описано невѣрно, не такъ, какъ есть и какъ дѣйствительно происходитъ въ Русской землѣ, потому что я не могъ узнать всего:

мало жизни человѣка на то, чтобы узнать одному и сотую часть того, что̀ дѣлается въ нашей землѣ. Притомъ, отъ моей собственной оплошности, незрѣлости и поспѣшности, произошло множество всякихъ ошибокъ и промаховъ, такъ что на всякой страницѣ есть, что̀ поправить: я прошу тебя, читатель, поправить меня. Не пренебреги такимъ дѣломъ. Какого бы ни былъ ты самъ высокаго образованія и жизни высокой, и какою бы ничтожною ни показалась въ глазахъ твоихъ моя книга, и какимъ бы ни показалось тебѣ мелкимъ дѣломъ ее исправлять и писать на нее замѣчанія,— я прошу тебя это сдѣлать. А ты, читатель невысокаго образованія и простого званія, не считай себя такимъ невѣжею, чтобы ты не могъ меня чему-нибудь поучить. Всякій человѣкъ, кто жилъ и видѣлъ свѣтъ и встрѣчался съ людьми, замѣтилъ что-нибудь такое, чего другой не замѣтилъ, и узналъ что-нибудь такое, чего другіе не знаютъ. А потому не лиши меня твоихъ замѣчаній: не можетъ быть, чтобы ты не нашелся чего-нибудь сказать на какое-нибудь мѣсто во всей книгѣ, если только внимательно прочтешь ее.

Какъ бы, напримѣръ, хорошо было, если бы хотя одинъ изъ тѣхъ, которые богаты опытомъ и познаніемъ жизни и знаютъ кругъ тѣхъ людей, которые мною описаны, сдѣлалъ свои замѣтки сплошь на всю книгу, не пропуская ни одного листа ея, и принялся бы читать ее не иначе, какъ взявши въ руки перо и положивши передъ собою листъ почтовой бумаги, и послѣ прочтенія нѣсколькихъ страницъ припомнилъ бы себѣ всю жизнь свою и всѣхъ людей, съ которыми встрѣчался, и всѣ происшествія, случившіяся передъ его глазами, и все, что̀ видѣлъ самъ или что̀ слышалъ отъ другихъ подобнаго тому, что̀ изображено въ моей книгѣ, или же противоположнаго тому, — все бы это описалъ въ такомъ точно видѣ, въ какомъ оно предстало его памяти, и посылалъ бы ко мнѣ всякій листъ, по мѣрѣ того, какъ онъ испишется, покуда такимъ образомъ не прочтется имъ вся книга. Какую бы кровную онъ оказалъ мнѣ услугу! О слогѣ или красотѣ выраженій здѣсь нечего заботиться: дѣло

въ *дѣлѣ* и въ *правдѣ* дѣла, а не въ слогѣ. Нечего ему также передо мною чиниться, если бы захотѣлось меня попрекнуть, или побранить, или указать мнѣ вредъ, какой я произвелъ, намѣсто пользы, необдуманнымъ и невѣрнымъ изображеніемъ чего бы то ни было. За все буду ему благодаренъ.

Хорошо бы также, если бы кто нашелся изъ сословія высшаго, отдаленный всѣмъ — и самой жизнью, и образованьемъ, отъ того круга людей, который изображенъ въ моей книгѣ, но знающій зато жизнь того сословія, середи котораго живетъ, и рѣшился бы такимъ же самымъ образомъ прочесть сызнова мою книгу и мысленно припомнить себѣ всѣхъ людей сословія высшаго, съ которыми встрѣчался на вѣку своемъ, и разсмотрѣть внимательно, нѣтъ ли какого сближенія между этими сословіями и не повторяется ли иногда то же самое въ кругѣ высшемъ, что̀ дѣлается въ низшемъ? и все, что̀ ни придетъ ему на умъ по этому поводу, то-есть, всякое происшествіе высшаго круга, служащее въ подтвержденіе или въ опроверженіе этого, описалъ бы, какъ оно случилось передъ его глазами, не пропуская ни людей съ ихъ нравами, склонностями и привычками, ни бездушныхъ вещей, ихъ окружающихъ, отъ одеждъ до мебелей и стѣнъ домовъ, въ которыхъ живутъ они. Мнѣ нужно знать это сословіе, которое есть цвѣтъ народа. Я не могу выдать послѣднихъ томовъ моего сочиненія по тѣхъ поръ, покуда сколько-нибудь не узнаю русскую жизнь со всѣхъ ея сторонъ, хотя въ такой мѣрѣ, въ какой мнѣ нужно ее знать для моего сочиненія.

Не дурно также, если бы кто-нибудь такой, кто надѣленъ способностью воображать или живо представлять себѣ различныя положенія людей и преслѣдовать ихъ мысленно на разныхъ поприщахъ, — словомъ, кто способенъ углубляться въ мысль всякаго читаемаго имъ автора, или развивать ее, прослѣдилъ бы пристально всякое лицо, выведенное въ моей книгѣ, и сказалъ бы мнѣ, какъ оно должно поступить въ такихъ и такихъ случаяхъ, что̀ съ нимъ,

судя по началу, должно случиться далѣе, какія могутъ ему представиться обстоятельства новыя, и что̀ было бы хорошо прибавить къ тому, что̀ уже мной описано: все это желалъ бы я принять въ соображенье къ тому времени, когда воспослѣдуетъ изданіе новое этой книги, въ другомъ и лучшемъ видѣ.

Объ одномъ прошу крѣпко того, кто захотѣлъ бы надѣлить меня своими замѣчаніями: не думать въ это время, какъ онъ будетъ писать, что пишетъ онъ ихъ для человѣка ему равнаго по образованію, который одинаковыхъ съ нимъ вкусовъ и мыслей, и можетъ уже многое смекнуть и самъ безъ объясненія; но, вмѣсто того, воображать себѣ, что передъ нимъ стоитъ человѣкъ, несравненно его низшій образованьемъ, ничему почти неучившійся. Лучше даже, если, намѣсто меня, онъ себѣ представитъ какого-нибудь деревенскаго дикаря, котораго вся жизнь прошла въ глуши, съ которымъ нужно входить въ подробнѣйшее объясненіе всякаго обстоятельства и быть просту въ рѣчахъ, какъ съ ребенкомъ, опасаясь ежеминутно, чтобъ не употребить выраженій свыше его понятія. Если это безпрерывно будетъ имѣть въ виду тотъ, кто станетъ дѣлать замѣчанья на мою книгу, то его замѣчанья выйдутъ болѣе значительны и любопытны, чѣмъ онъ думаетъ самъ, а мнѣ принесутъ истинную пользу.

Итакъ, если бы случилось, что моя сердечная просьба была бы уважена моими читателями и нашлись бы изъ нихъ дѣйствительно такія добрыя души, которыя захотѣли бы сдѣлать все такъ, какъ я хочу, то вотъ какимъ образомъ они могутъ мнѣ переслать свои замѣчанія: сдѣлавши сначала пакетъ на мое имя, завернуть его потомъ въ другой пакетъ, или на имя Ректора С.-Петербургскаго Университета, Его Превосходит. Петра Александровича Плетнева, адресуя прямо въ С.-Петербургскій Университетъ, или на имя Профессора Московскаго Университета, Его Высокор. Степана Петровича Шевырева, адресуя въ Московскій Университетъ, смотря по тому, къ кому какой городъ ближе.

А всѣхъ, какъ журналистовъ, такъ и вообще литераторовъ, благодаря искренно за всѣ ихъ прежніе отзывы о моей книгѣ, которые, несмотря на нѣкоторую неумѣренность и увлеченія, свойственныя человѣку, принесли, однакожъ, пользу большую какъ головѣ, такъ и душѣ моей, прошу не оставить и на этотъ разъ меня своими замѣчаніями. Увѣряю искренно, что все, что ни будетъ ими сказано на вразумленье или поученье мое, будетъ принято мною съ благодарностью.

II.

ЗАМѢТКИ, ОТНОСЯЩІЯСЯ

КЪ 1-й ЧАСТИ.

Идея города — возникшая до высшей степени пустота. Пустословіе. Сплетни, перешедшія предѣлы. Какъ все это возникло изъ бездѣлья и приняло выраженіе смѣшного въ высшей степени, какъ люди неглупые доходятъ до дѣланія совершенныхъ глупостей.

Частности въ разговорахъ дамъ. Какъ къ общимъ сплетнямъ примѣшиваются частныя сплетни; какъ въ нихъ не щадятъ одна другую. Какъ созидаются соображенія. Какъ эти соображенія восходятъ до верха смѣшного. Какъ всѣ невольно занимаются сплетнями, и какого рода бабичи и юбки образуются.

Какъ пустота и безсильная праздность жизни смѣняется мутною, ничего не говорящею смертью. Какъ это страшное событіе совершается безсмысленно. Не трогаются. Смерть поражаетъ нетрогающійся міръ. Еще сильнѣе между тѣмъ должна представиться читателю мертвая безчувственность жизни.

Проходитъ страшная мгла жизни, и еще глубокая сокрыта въ томъ тайна. Не ужасное ли это явленіе? Жизнь бунтующая, праздная — не страшно ли великое она явленье?. жизнь. При бальномъ. . ., при фракахъ,

при сплетняхъ и визитныхъ билетахъ никто не признаетъ смерти...

Частности. Дамы ссорятся именно изъ-за того, что одной хочется, чтобы Чичиковъ былъ тѣмъ-то, другой—тѣмъ-то, и потому принимаетъ только тѣ слухи, которые сообразны съ ея идеями.

Явленіе другихъ дамъ на сцену.

Дама пріятная во всѣхъ отношеніяхъ имѣетъ чувственныя наклонности и любитъ разсказывать, какъ она иногда побѣждала чувственныя наклонности, но посредствомъ ума своего, и чѣмъ умѣла не допустить до слишкомъ короткихъ съ нею изъясненій. Впрочемъ, это случилось самою собою, очень невиннымъ образомъ. До короткихъ объясненій никто не доходилъ уже потому, что она и въ молодости своей имѣла что-то похожее на будочника, несмотря на всѣ свои пріятности и хорошія качества.—«Нѣтъ, милая, я люблю—понимаете?—сначала мужчину приблизить и потомъ удалить, удалить и потомъ приблизить». Такимъ же образомъ она поступаетъ и на балѣ съ Чичиковымъ. У другихъ тоже составаются идеи, какъ себя вести. Одна почтительна. Двѣ дамы, взявшись подъ-руки, ходили и рѣшились хохотать, какъ можно дольше. Потомъ нашли, что совсѣмъ у Чичикова нѣтъ манеръ хорошихъ.

Дама пріятная во всѣхъ отношеніяхъ любила читать всякія описанія баловъ. Описаніе вѣнскаго конгресса ее очень занимаетъ. Туалетъ любила дама, то-есть, замѣчать о другихъ, что̀ на комъ хорошо и что̀ не хорошо.

Сидя разсматриваютъ входящихъ. «Н. совсѣмъ не умѣетъ одѣваться, совсѣмъ не умѣетъ. Этотъ шарфъ такъ ей не идетъ». — «Какъ хорошо одѣта губернаторская дочка....» —«Милая, она такъ гадко одѣта». Ужъ если и такъ...

— Весь городъ со всѣмъ вихремъ сплетней—преобразованіе бездѣльности жизни всего человѣчества въ массѣ. Рожденъ балъ и всѣ соединенія. Сторона главная и бальная общества.

Противуположное ему прообразованіе во II [части], занятой разорванным бездѣльем.

Как низвести всѣ міра бездѣлья во всѣх родах до сходства с городским бездѣльем? и как городское бездѣлье возвести до прообразованія бездѣлья міра?

Для [этого] включить все сходство и внести постепенный ход.

III.

ОКОНЧАНІЕ IX ГЛАВЫ

ВЪ ПЕРЕДѢЛАННОМЪ ВИДѢ.

Судили, судили и рѣшили на томъ, чтобы разспросить покупщиковъ, у которыхъ Чичиковъ торговалъ и купилъ эти загадочныя мертвыя души. Прокурору выпалъ жребій (итти) переговорить къ Собакевичу, а предсѣдатель вызвался самъ итти къ Коробочкѣ. А потому отправимся и мы вслѣдъ за ними и посмотримъ, что̀ такое тамъ разузнали.

ГЛАВА...

Собакевичъ квартировалъ съ супругой въ домѣ нѣсколько поодаль отъ шумныхъ мѣстъ. Домъ выбралъ этакой крѣпкій, чтобы потолокъ не проломился и можно бы въ немъ жить благополучно. Хозяинъ былъ купецъ Колотыркинъ, человѣкъ тоже прочный. Собакевичъ былъ съ супругой; дѣтей при немъ не было. Онъ началъ уже скучать и помышлялъ объ отъѣздѣ, ожидалъ только оброка за землю, которую нанимали подъ рѣпу трое городскихъ мѣщанъ, да окончанья какого-то моднаго капота на ватѣ, который вздумала заказать городскому портному супруга. Онъ уже, сидя на креслѣ, начиналъ побранивать и мошенничество, и прихоть, а самъ все глядѣлъ не на жену, а на уголъ печки. Въ это время вошелъ прокуроръ. Собакевичъ сказалъ: «Прошу», и, приподнявшись, сѣлъ опять на стулъ. Прокуроръ подошелъ къ

ручкѣ Ѳеодуліи Ивановны и, приложившись къ ней, сѣлъ также на стулъ. Ѳеодулія Ивановна, получивши себѣ на руку поцѣлуй, сѣла также на стулъ. Всѣ три стула были выкрашены зеленой масляной краской, съ малеванными кувшинчиками по уголкамъ.

«Пришелъ съ вами переговорить объ дѣлѣ», сказалъ прокуроръ.

«Душенька, ступай въ свою комнату! Тамъ тебя, вѣрно, ждетъ портниха».

Ѳеодулія пошла въ свою комнату.

Прокуроръ началъ такъ: «Позвольте васъ спросить: какого [рода] людей продали вы Павлу Ивановичу Чичикову?»

«Какъ, какого рода?» сказалъ Собакевичъ. «На это крѣпость есть; тамъ означено, какого рода: одинъ каретникъ...»

«По городу, однакожъ», сказалъ прокуроръ, нѣсколько замявшись: «по городу разнеслись слухи...»

«Много въ городѣ дураковъ, оттого и слухи», сказалъ спокойно Собакевичъ.

«Однакожъ, Михалъ Семенычъ, такіе слухи, что, просто, голова кружится: что души—не души, что цѣль совсѣмъ не та, чтобы переселить, и что самъ Чичиковъ — загадочный человѣкъ. Оказываются такія подозрѣнія... по городу пошли такіе пересуды...»

«Да позвольте спросить васъ: вы сами баба, чтò ли?» спросилъ Собакевичъ.

Этотъ вопросъ озадачилъ прокурора. Онъ самъ у себя никогда еще не спрашивалъ, баба ли онъ, или чтò другое.

«Вы бы съ этакими запросами посовѣстились даже и приходить ко мнѣ», сказалъ Собакевичъ.

Прокуроръ началъ извиняться.

«Вы бы пошли къ какимъ-нибудь пряхамъ, чтò по вечерамъ говорятъ объ вѣдьмахъ. Ужъ если Богъ не далъ о чемъ поумнѣй завести разговоръ, играли бы въ бабки съ малыми ребятами. Чтò вы въ самомъ дѣлѣ пришли смущать честнаго человѣка? Чтò я вамъ, въ насмѣшку, что ли? Въ службѣ своей, какъ слѣдуетъ, не упражняетесь; чтобы

отечеству какъ-нибудь послужить и на пользу ближнему,—храня товарищей, о томъ не думаете; а вотъ только, чтобы быть подальше другихъ. Куда дураки подтолкнутъ, туда и плететесь. Такъ себѣ за ничто и пропадете, и добраго слѣда послѣ васъ не останется».

Прокуроръ совсѣмъ не нашелся, что̀ отвѣчать на такое неожиданное поученіе. Разбитый въ прахъ и уничтоженный, пошелъ онъ отъ Собакевича; а Собакевичъ ему вслѣдъ: «Убирайся себѣ, собака!»

Въ это время вошла Өеодулія. «Что̀ это отъ тебя прокуроръ такъ скоро вышелъ?» сказала она.

«Угрызенье совѣсти ощутилъ, такъ и вышелъ», сказалъ Собакевичъ. «Вотъ тебѣ, душа моя, въ глазахъ примѣръ. Какой старый человѣкъ, ужъ и волосъ сѣдой въ головѣ, а я знаю, что онъ до сихъ поръ по чужимъ женамъ ходитъ. У нихъ ужъ обычай у всѣхъ: собаки всѣ. Мало того, что даромъ бременятъ землю, да еще дѣла такія дѣлаютъ, что ихъ всѣхъ бы въ одинъ мѣшокъ да въ воду! Весь городъ—разбойничій вертепъ. Не зачѣмъ намъ здѣсь оставаться больше, уѣдемъ!»

Супруга хотѣла было представить, что еще не готовъ капотъ и нужно купить для праздника какія-то ленты на чепцы, но Собакевичъ сказалъ: «Это, душа моя, все модныя выдумки; онѣ тебя къ добру не доведутъ». Велѣлъ собирать все въ дорогу; самъ пошелъ, вмѣстѣ съ квартальнымъ, къ мѣщанамъ и взялъ съ нихъ оброкъ за рѣпу; потомъ зашелъ къ портнихѣ и взялъ капотъ недошитый, такъ, какъ былъ въ работѣ, съ воткнутой иголкой и ниткой, съ тѣмъ, чтобы дошить его въ деревнѣ, и выѣхалъ изъ города, приговаривая, что опасно даже заѣзжать въ этотъ [городъ], потому что мошенникъ сидитъ на мошенникѣ и можно легко самому погрязнуть вмѣстѣ съ ними во всякихъ порокахъ.

Прокуроръ между тѣмъ такъ былъ озадаченъ пріемомъ Собакевича, что недоумѣвалъ, какъ и разсказать объ этомъ предсѣдателю.

Но и предсѣдатель тоже немного успѣлъ въ объясненьяхъ. Начать съ того, что, поѣхавши на дрожкахъ, попалъ онъ въ такой грязный и узкій переулокъ, что во всю дорогу то правое колесо выше лѣваго, то лѣвое выше праваго. Отъ этого ударилъ онъ самого себя весьма (сильно) палкой въ подбородокъ, потомъ затылкомъ........ и, въ заключенье, забрызгался грязью. Въѣхалъ онъ къ протопопу среди чавканья, шлепанья грязи, свиного хрюканья. Оставивши дрожки и пробравшись пѣшкомъ, позади всякихъ клѣтуховъ, вступилъ, наконецъ, въ сѣни. Здѣсь онъ прежде спросилъ полотенце и вытеръ лицо. Коробочка встрѣтила его такъ же, какъ и Чичикова, съ тѣмъ же меланхолическимъ видомъ. На шеѣ у ней было что-то наверчено, въ родѣ фланели. Въ комнатѣ было безчисленное множество мухъ и какое-то отравительное для нихъ блюдо, къ которому онѣ, казалось, уже привыкли. Коробочка попросила его садиться.

Предсѣдатель, начавши сначала тѣмъ, что зналъ нѣкогда ея мужа, потомъ вдругъ перешелъ къ такому вопросу: «Скажите, пожалуйста, точно ли къ вамъ, въ ночное время, съ пистолетомъ въ рукѣ, пріѣзжалъ одинъ человѣкъ, покушавшійся васъ убить, если вы не отдадите какихъ-то душъ? И не можете ли вы объяснить намъ, какое было его намѣренье?»

«Да ужъ какъ не могу! Возьмите вѣдь мое положеніе: двадцать пять рублей бумажками! Вѣдь я не знаю, право: я вдова, я человѣкъ неопытный; меня не трудно обмануть въ дѣлѣ, въ которомъ я, признаться вамъ сказать, батюшка, ничего не знаю. Пенькѣ-то я знаю цѣну, сало тоже продала третья»...

«Да разскажите прежде пообстоятельнѣе: какъ это? Пистолеты при немъ были?»

«Нѣтъ, батюшка, пистолетовъ, оборони Богъ, я не видала. А мое дѣло вдовье—я не могу знать, почемъ ходятъ мертвыя души. Ужъ, батюшка, не оставьте, поясните, по крайней мѣрѣ, чтобы я знала цѣну-то настоящую».

«Какую цѣну? Чтò за цѣна, матушка? Какая цѣна?»

«Да мертвая-то душа почемъ теперь ходитъ?»

«Да она дура отъ роду или рехнулась», подумалъ предсѣдатель, глядя ей въ глаза.

«Чтò-жъ, двадцать пять рублей? Вѣдь я не знаю: можетъ-быть, онѣ пятьдесятъ или больше».

«А покажите бумажку», сказалъ предсѣдатель и посмотрѣлъ ее противъ свѣта, не фальшивая ли. Но бумажка была — какъ бумажка.

«Да разскажите же вы, какъ онъ у васъ купилъ? чтò купилъ? Я въ голову... ничего не могу сообразить...»

«Купилъ», сказала Коробочка. «Да вы-то, батюшка, чтò-жъ вы-то не хотите мнѣ сказать, почемъ ходитъ мертвая душа, чтобъ я знала настоящую цѣну мертвыхъ душъ?»

«Да помилуйте, чтò это вы говорите! Гдѣ-жъ видано, чтобы мертвыхъ продавали?»

«Да чтò-жъ вы цѣны не хотите сказать?»

«Да чтò-жъ цѣны? Помилуйте, какая цѣна! Скажите мнѣ серьезно: какъ было дѣло? Угрожалъ онъ вамъ чѣмъ, хотѣлъ обольстить?»

«Нѣтъ, батюшка; да вы, право... Теперь я вижу, что вы тоже покупщикъ».—И посмотрѣла подозрительно въ глаза.

«Да я предсѣдатель, матушка, здѣшней палаты...»

«Нѣтъ, батюшка, какъ хотите, вы это ужъ того... изволите такъ... хотите сами меня обмануть. Да вѣдь чтò-жъ вамъ изъ того? вѣдь вамъ же хуже. Я бы вамъ продала и птичьихъ [перьевъ]: у меня о Рождествѣ и птичьи перья будутъ».

«Матушка, говорю вамъ, что я предсѣдатель. Чтò мнѣ ваши птичьи перья? Не покупаю ничего».

«Да вѣдь торгъ—честное дѣло», продолжала Коробочка. «Сегодня я тебѣ, завтра ты мнѣ продашь. Чтò-жъ, если мы станемъ этакъ другъ друга обманывать, да гдѣ-жъ и правда тогда? Вѣдь это передъ Богомъ грѣхъ».

«Матушка, я не покупщикъ, я предсѣдатель!»

«Да Богъ знаетъ. Можетъ-быть, вы и предсѣдаете; вѣдь

я не знаю. Что̀-жъ? Я вдова. Да что̀-жъ вы такъ разспрашиваете? Нѣтъ, батюшка, я вижу, что вы сами... того... хотите купить ихъ».

«Матушка, я вамъ совѣтую полѣчиться», сказалъ предсѣдатель, разсердившись. «У васъ вотъ недостаетъ...» сказалъ онъ, постучавши себя пальцемъ по лбу, и вышелъ отъ Коробочки.

Коробочка такъ на этомъ и осталась, что это былъ покупщикъ, и удивлялась только тому, какой сердитый сталъ народъ на бѣломъ свѣтѣ и какъ трудно бѣдной вдовѣ. Предсѣдатель изломалъ колесо въ дрожкахъ и забрызгался вонючею грязью. Вотъ все, что̀ пріобрѣлъ онъ въ этой неудачной экспедиціи, включая сюда разбитый палкою подбородокъ. Подъѣзжая къ дому, встрѣтилъ онъ прокурора, который тоже ѣхалъ на дрожкахъ не въ духѣ, повѣсивши [голову].

«Ну, что̀ узнали отъ Собакевича?»

Прокуроръ повѣсилъ голову и сказалъ: «Во всю жизнь не былъ трактованъ»...

«А что̀?»

«Оплевалъ совсѣмъ», сказалъ прокуроръ съ огорченнымъ видомъ.

«Какъ?»

«Говоритъ, что на службѣ отъ меня проку нѣтъ: ни одного доноса не подалъ на товарищей. Въ другихъ мѣстахъ прокуроръ, что недѣля, посылаетъ доносъ; я выставлялъ: «*челъ*» на всякомъ листкѣ, даже и тогда, когда иной разъ и слѣдовало бы подать доносъ, — не задерживалъ ни одной бумаги».

Прокуроръ истинно сокрушался.

«Такъ что̀-жъ онъ объ Чичиковѣ говоритъ?» сказалъ предсѣдатель.

«Что̀ говоритъ? Бабами назвалъ всѣхъ, обругалъ дураками».

Предсѣдатель задумался. Въ это время подъѣхали третьи дрожки; на нихъ сидѣлъ вице-губернаторъ.

«Господа! я долженъ васъ извѣстить, что нужно быть осторожну. Говорятъ, дѣйствительно въ нашу губернію назначается генералъ-губернаторъ». И предсѣдатель и прокуроръ разинули ротъ. Предсѣдатель подумалъ про себя: «Вотъ кстати пріѣдетъ на расхлебки! Заварили супъ такой, что чортъ и вкусъ въ немъ какой отыщетъ! Увидитъ, какая безтолочь въ городѣ!»

«Одно за другимъ!» подумалъ огорченный прокуроръ.

«Не знаете о томъ ничего, кто назначенъ въ генералъ-губернаторы, какого нрава, какого свойства?»

«Ничего еще неизвѣстно», сказалъ (вице-губернаторъ).

Въ это время подъѣхалъ на дрожкахъ почтмейстеръ.

«Господа! могу васъ поздравить съ генералъ-губернаторомъ».

«Слышали, да вѣдь еще неизвѣстно», сказалъ вице-губернаторъ.

«Извѣстно даже и кто», сказалъ почтмейстеръ: «князь Однозоровскій-Чементинскій».

«Что̀-жъ говорятъ?»

«Строжайшій человѣкъ, судырь мой», сказалъ почтмейстеръ: «дальновиднѣйшій и крутѣйшаго нрава. Былъ онъ прежде въ какомъ-то этакомъ, понимаете, казенномъ большомъ построеніи. Завелись тамъ кое-какіе грѣхи. Всѣхъ, сударь, распушилъ, стеръ въ прахъ, такъ что, понимаете, и подметать было нечего».

«А здѣсь въ городѣ нѣтъ никакой надобности въ строгихъ мѣрахъ».

«Палата, судырь мой, свѣдѣній; человѣкъ размѣра, понимаете, колоссальнаго!» продолжалъ почтмейстеръ. «Случилось одинъ разъ...»

«Однакожъ», сказалъ почтмейстеръ: «мы говоримъ на улицѣ при кучерахъ. Лучше-жъ заѣдемъ».

Всѣ опомнились. А ужъ на улицѣ собрались наблюдатели и глядѣли, разинувъ рты, на разговаривающихъ съ четырехъ дрожекъ. Кучера закричали, и четверо дрожекъ потянулись къ предсѣдателю.

«Кстати чортъ принесъ этого Чичикова», думалъ предсѣдатель, снимая съ себя въ передней забрызганную грязью шубу.

«У меня идетъ кругомъ голова», говорилъ [прокуроръ], снимая съ себя шубу.

«Я все не могу разобрать этого дѣла», сказалъ вице-губернаторъ, скидая шубу.

Почтмейстеръ ничего не сказалъ, сбросилъ просто.

Вошли въ комнату, гдѣ вдругъ явилась закуска. Губернскія власти [не обходятся] безъ закуски, и если въ губерніи хоть два чиновника сойдется, самъ-третей является закуска.

Предсѣдатель подошелъ и налилъ себѣ самой горькой полынной водки, сказавши: «Я, хоть убей, не знаю, кто таковъ этотъ Чичиковъ».

«Я и подавно», сказалъ прокуроръ. «Этакого запутаннаго дѣла я и въ бумагахъ не читывалъ, и не имѣю духу приступить...»

«А какъ человѣкъ между тѣмъ... свѣтскаго лоску», сказалъ почтмейстеръ, наливая сначала темной и розовой и составивъ себѣ смѣсь изъ разныхъ водокъ: «очевидно былъ въ Парижѣ. Я думаю, что едва ли не дипломатикомъ служилъ».

«Ну, господа!» сказалъ въ это время, входя, полицеймейстеръ, извѣстный благотворитель города, любимецъ купечества и чудотворецъ въ угощеніяхъ: «Господа! о Чичиковѣ я ничего не могъ узнать. Въ собственныхъ бумагахъ его порыться не могъ: изъ комнаты не выходитъ, чѣмъ-то заболѣлъ. Разспрашивалъ людей. Лакей пришелъ Петрушка, кучеръ Селифанъ. Первый былъ не въ трезвомъ состояніи, да и всегда былъ таковъ». При этомъ полицеймейстеръ подошелъ къ водкѣ и составилъ смѣсь изъ трехъ водокъ. «Петрушка говоритъ, что баринъ какъ баринъ, водился съ людьми, кажется, хорошими: съ Перекроевымъ... Назвалъ много помѣщиковъ—все коллежскіе и статскіе совѣтники. Кучеръ Селифанъ — «неглупымъ человѣкомъ», говоритъ,

«показывался всѣми за то, что службу хорошо исполнилъ. Былъ въ таможнѣ, при какихъ-то казенныхъ постройкахъ», а въ какихъ именно—не могъ сказать. Лошади три: «одна куплена», говоритъ, «три года назадъ тому; сѣрая», говоритъ, «вымѣнена на сѣрую, третья куплена... А самъ Чичиковъ дѣйствительно называется Павелъ Ивановичъ и точно коллежскій совѣтникъ».

Всѣ чиновники задумались.

«Порядочный человѣкъ, и коллежскій совѣтникъ», подумалъ прокуроръ: «и рѣшиться на такое дѣло, какъ увозить губернаторскую дочку, или возымѣть безуміе покупать мертвыя [души], пугать по ночамъ спокойныхъ престарѣлыхъ помѣщицъ—это прилично какому-нибудь гусарскому юнкеру, а не коллежскому совѣтнику».

«Если коллежскій совѣтникъ, какъ же пуститься въ такое уголовное преступленіе, какъ дѣлать бумажки!» подумалъ вице-губернаторъ, который былъ самъ коллежскій совѣтникъ, любилъ играть на флейтѣ и душу скорѣй имѣлъ склонную къ искусствамъ изящнымъ, а не къ преступленью.

«Воля ваша, господа, а это дѣло какъ-нибудь нужно кончить: пріѣдетъ генералъ-губернаторъ, увидитъ, что у насъ, просто, чортъ знаетъ что̀».

«Какъ же вы думаете поступить?»

Полицеймейстеръ: «Я думаю, надобно поступить рѣшительно».

«Какъ же рѣшительно?» сказалъ предсѣдатель.

«Задержать его, какъ подозрительнаго человѣка».

«А если онъ насъ задержитъ, какъ подозрительныхъ людей?»

«Какъ такъ?»

«Ну, а если онъ подосланъ? Ну, что̀ если онъ съ тайными порученьями? Мертвыя души! Гмъ! Будто купить, а, можетъ-быть, это—розысканіе обо всѣхъ тѣхъ умершихъ, о которыхъ было подано—«отъ неизвѣстныхъ случаевъ?»

Эти слова погрузили всѣхъ въ молчаніе. Прокурора эти слова поразили. Предсѣдатель тоже, сказавши ихъ, задумался. Обѣимъ прійти...

«Что̀-жъ, какъ поступить, господа?» сказалъ полицеймейстеръ, благотворитель [города] и благодѣтель купечества, и, произведши смѣшеніе водки сладкой [и] горькой, выпилъ, закусивши.

Человѣкъ подалъ бутылку мадеры и рюмки.

«Я, право, не знаю, какъ поступить», (сказалъ предсѣдатель).

«Господа!» сказалъ почтмейстеръ, выпивши рюмку мадеры и засунувши въ ротъ ломоть голландскаго сыру съ балыкомъ и масломъ: «я того мнѣнія, что это дѣло хорошенько нужно изслѣдовать, разобрать хорошенько, и разобрать камерально,—сообща, собравшись всѣмъ, какъ въ англійскомъ парламентѣ, понимаете, чтобы досконально раскрылось до всѣхъ изгибовъ, понимаете».

«Что̀-жъ, соберемся», сказалъ полицеймейстеръ.

«Да», сказалъ предсѣдатель: «собраться и рѣшить вкупѣ, что̀ такое Чичиковъ».

«Это благоразумнѣе всего—рѣшить, что̀ такое Чичиковъ».

«Да, отберемъ мнѣнья у всѣхъ и рѣшимъ, что̀ такое Чичиковъ».

Сказавши это, всѣ въ одно время пожелали выпить шампанскаго и разошлись довольные тѣмъ, что комитетъ этотъ все объяснитъ и покажетъ ясно и досконально, что̀ такое Чичиковъ.

IV.

ПОВѢСТЬ О КАПИТАНѢ КОПѢЙКИНѢ.

А. Одна изъ первоначальныхъ редакцій.

«После кампаніи двѣнадцатаго года, сударь ты мой»,—такъ началъ почтмейстеръ, несмотря на то, что въ комнатѣ сидѣлъ не одинъ сударь, а цѣлыхъ шестеро,—«послѣ кампаніи двѣнадцатаго года вмѣстѣ съ ранеными присланъ былъ и капитанъ Копѣйкинъ. Подъ Краснымъ ли, или подъ

Лейпцигомъ, только, сударь мой, вы можете себѣ представить, ему оторвало руку и ногу. Ну, тогда еще не сдѣлано было насчетъ раненыхъ никакихъ, знаете, этакихъ распоряженій; этотъ какой-нибудь инвалидный капиталъ былъ уже заведенъ, можете вообразить себѣ, въ нѣкоторомъ родѣ, гораздо послѣ. Капитанъ Копѣйкинъ видитъ: нужно работать бы, только рука-то у него, понимаете, лѣвая. Навѣдался было домой къ отцу; отецъ говоритъ: «Мнѣ нечѣмъ тебя кормить: я», можете представить себѣ, «самъ едва достаю хлѣбъ». Вотъ мой капитанъ Копѣйкинъ рѣшился отправиться, сударь мой, въ Петербургъ, чтобы просить государя, не будетъ ли какой монаршей милости: что вотъ де такъ и такъ, въ нѣкоторомъ родѣ, такъ сказать, жизнію жертвовалъ, проливалъ кровь... Ну, какъ-то тамъ, знаете, съ обозами или фурами казенными—словомъ, сударь мой, дотащился онъ кое-какъ до Петербурга. Ну, можете представить себѣ: этакой, какой-нибудь, то-есть, капитанъ Копѣйкинъ и очутился вдругъ въ столицѣ, которой подобной, такъ сказать, нѣтъ въ мірѣ. Вдругъ передъ нимъ свѣтъ, такъ сказать, нѣкоторое поле жизни, (какъ) сказочная Шехерезада, понимаете, этакая. Вдругъ какой-нибудь этакой, можете представить себѣ, Невскій проспектъ, или тамъ, знаете, какая-нибудь Гороховая, чортъ возьми, или тамъ этакая какая-нибудь Литейная; тамъ шпицъ этакой какой-нибудь въ воздухѣ; мосты тамъ висятъ этакимъ чортомъ, можете представить себѣ, безъ всякаго, то-есть, прикосновенія—словомъ, Семирамида, сударь, да и полно. Понатолкался было насчетъ квартиры, только все это кусается страшно: гардины тамъ, шторы, понимаете, ковры—Персія такая; ну, просто, то-есть, идешь по улицѣ, а ужъ носъ твой такъ и слышитъ, что пахнетъ тысячами; а у моего капитана Копѣйкина весь ассигнаціонный банкъ, понимаете, состоитъ изъ какихъ-нибудь четырехъ синенькихъ. Ну, какъ-то тамъ пріютился въ Ревельскомъ трактирѣ за рубль въ сутки; обѣдъ—щи этакіе, кусокъ битой говядины. Ну, заживаться, видитъ, нечего; на другой же день, сударь мой,

рѣшился итти къ министру. А государя, нужно вамъ знать, въ то время не было еще въ столицѣ; войска, можете себѣ представить, еще не возвращались изъ-за границы. Копѣйкинъ мой, вставшій поранѣе, поскребъ себѣ лѣвой рукой бороду, потому что платить цырюльнику—все это составитъ, въ нѣкоторомъ родѣ, счетъ, натянулъ свою мундиришку и на деревяжкѣ своей, можете вообразить, отправился къ министру. Разспросилъ у будочника квартиру. «Вонъ», говоритъ—указалъ ему домъ на Дворцовой набережной: избенка, понимаете, мужичья; стеклышки въ окнахъ, можете себѣ представить, полуторасаженныя зеркала, все это мраморъ, вездѣ металлическія галантереи. Какая-нибудь ручка у дверей, что нужно, знаете, забѣжать прежде въ мелочную лавочку, да купить на грошъ мыла, да прежде часа два тереть имъ руки, да потомъ уже рѣшишься ухватиться за нее. Словомъ, сударь мой, гебены, лаки такіе, что просто, въ нѣкоторомъ родѣ, ума помраченіе. Одинъ швейцаръ уже смотритъ генералиссимусомъ: вызолоченная булава, графская физіогномія, какъ откормленный жирный мопсъ какой-нибудь, батистовые воротнички, канальство!.. Копѣйкинъ мой встащился кое-какъ съ своей деревяжкой въ пріемную, прижался тамъ въ уголку себѣ, чтобы не толкнуть локтемъ, можете себѣ представить, какую-нибудь Америку или Индію—раззолоченную, понимаете, фарфоровую вазу этакую. Ну, разумѣется, что онъ настоялся тамъ вдоволь, потому что, можете представить себѣ, пришелъ еще въ такое время, когда министръ, въ нѣкоторомъ родѣ, едва поднялся съ постели, и камердинеръ, можетъ-быть, поднесъ ему какую-нибудь серебряную лоханку для разныхъ, понимаете, умываній этакихъ. Ждетъ мой Копѣйкинъ часа четыре, какъ вотъ входитъ, наконецъ, адъютантъ или тамъ другой дежурный чиновникъ: «министръ», говоритъ, «сейчасъ выйдетъ въ пріемную». А въ пріемной ужъ, понимаете, народу, какъ бобовъ на тарелкѣ, все это четвертаго класса, полковники, а кое-гдѣ и толстые золотые макароны на эполетахъ—генералитетъ, словомъ, такой... Наконецъ, ми-

нистръ выходитъ. Ну, подошелъ къ одному, къ другому: «Зачѣмъ вы? зачѣмъ вы? что̀ вамъ угодно?» Наконецъ—къ Копѣйкину. Копѣйкинъ, собравшись съ духомъ: «Такъ и такъ, ваше превосходительство, проливалъ, въ нѣкоторомъ родѣ, кровь, лишился, такъ сказать, руки и ноги, работать не могу—осмѣлился просить монаршей милости». Министръ видитъ: человѣкъ на деревяжкѣ, и правый рукавъ пустой пристегнутъ къ мундиру: «хорошо», говоритъ, «понавѣдайтесь на-дняхъ». Вотъ, сударь мой, не прошло четырехъ или пяти дней, мой Копѣйкинъ является опять. Министръ, понимаете, тотчасъ его узналъ: «а!» говоритъ: «на этотъ разъ ничего не могу вамъ сказать, какъ только то, что вамъ нужно будетъ ожидать пріѣзда государя: тогда, безъ сомнѣнія, будутъ сдѣланы распоряженія насчетъ раненыхъ, а безъ монаршей, такъ сказать, воли я ничего не могу сдѣлать». Поклонъ, понимаете, и—прощайте. Копѣйкинъ мой, можете вообразить себѣ, вышелъ въ положеніи, въ нѣкоторомъ родѣ, сомнительномъ, не получивши, такъ сказать, ни да, ни нѣтъ. А между тѣмъ, можете вообразить себѣ, столичная жизнь становится для него съ каждымъ часомъ затруднительнѣе. Думаетъ себѣ: «пойду опять къ министру: какъ хотите, ваше высокопревосходительство, послѣдній кусокъ доѣдаю; не поможете, долженъ умереть, въ нѣкоторомъ родѣ, съ голода». Приходитъ, — говорятъ: «нельзя, министръ не принимаетъ, приходите завтра»; на другой день—тоже, а швейцаръ на него просто и смотрѣть не хочетъ. У моего Копѣйкина всего-на-всего остается какой-нибудь полтинникъ. То, бывало, ѣдалъ щи, говядины кусокъ, а теперь въ лавочкѣ возьметъ какую-нибудь селедку или огурецъ соленый да хлѣба на два гроша—словомъ, голодаетъ бѣдняга, а между тѣмъ аппетитъ, просто, волчій. Проходитъ мимо этакого какого-нибудь ресторана, поваръ тамъ собака, можете себѣ представить, иностранецъ, бѣлье на немъ чистѣйшее голландское, работаетъ тамъ ѳензервъ какой-нибудь, котлетки съ трюфелями,—словомъ, разсупеделикасетъ такой, что просто себя, то-есть, съѣлъ отъ аппе-

тита. Пройдетъ ли мимо Милютинскихъ лавокъ, тамъ изъ окна выглядываетъ, въ нѣкоторомъ родѣ, семга этакая, вишенки—по пяти рублей штучка, арбузъ—громадище, дилижансъ этакой, высунулся изъ окна и, такъ сказать, ищетъ дурака, который бы заплатилъ сто рублей,—словомъ на всякомъ шагу соблазнъ такой—слюнки текутъ, а онъ слышитъ между тѣмъ все: «завтра». Такъ можете вообразить себѣ, каково его положеніе: тутъ съ одной стороны, такъ сказать, семга и арбузъ, а ему подносятъ все одно и то же блюдо: «завтра». Наконецъ, сдѣлалось бѣднягѣ, въ нѣкоторомъ родѣ, невтерпежъ: рѣшился, во что̀ бы ни стало, пролѣзть къ министру. Дождался у подъѣзда, не пройдетъ ли еще какой проситель, и тамъ съ какимъ-то генераломъ, понимаете, проскользнулъ со своей деревяжкой въ пріемную. Министръ, по обыкновенію, выходитъ: «зачѣмъ вы? зачѣмъ вы?» «А!» говоритъ, увидѣвши Копѣйкина: «вѣдь я уже объявилъ вамъ, что вы должны ожидать рѣшенія». — «Помилуйте, ваше высокопревосходительство: не имѣю, такъ сказать, куска хлѣба»... «Что̀-жъ дѣлать? Я для васъ ничего не могу сдѣлать, старайтесь, покамѣстъ, помочь себѣ сами, ищите сами средствъ».—«Но, ваше высокопревосходительство, сами можете, въ нѣкоторомъ родѣ, судить, какія средства могу сыскать, не имѣя ни руки, ни ноги». Онъ-то хотѣлъ прибавить: «а носомъ и подавно ничего не сдѣлаешь, только развѣ высморкаешься, да и для того нужно купить платокъ». Только министръ, сударь мой,—или ужъ онъ ему надоѣлъ такъ, или въ самомъ дѣлѣ онъ, можетъ, занятъ былъ дѣлами государственными,—началъ, можете себѣ представить, сердиться. «Ступайте же», говоритъ, «у меня много такихъ, какъ вы, ожидайте спокойно». А мой Копѣйкинъ,—голодъ, знаете, пришпорилъ его: «какъ хотите», говоритъ, «ваше высокопревосходительство, не сойду съ мѣста до тѣхъ поръ, пока не дадите надлежащей резолюціи». И, сударь мой! Можете себѣ представить, министръ вышелъ изъ себя. Въ самомъ дѣлѣ, до тѣхъ поръ, можетъ-быть, еще не было въ лѣтописяхъ міра, такъ сказать, чтобы какой-

нибудь Копѣйкинъ осмѣлился такъ говорить съ министромъ. Можете себѣ представить, каковъ долженъ быть разсерженный министръ, такъ сказать, государственный человѣкъ, въ нѣкоторомъ родѣ. «Грубіянъ!» закричалъ онъ. «Гдѣ фельдъ-егерь? Позвать фельдъ-егеря, препроводить его», говоритъ, «съ фельдъ-егеремъ на мѣсто жительства». А фельдъ-егерь ужъ тамъ, понимаете, и стоитъ: трехъ-аршинный мужичина какой-нибудь; ручища у него, можете вообразить, самой натурой устроена для ямщиковъ—словомъ, дантистъ этакой... Вотъ его, раба Божія, схватили, сударь мой, да въ телѣжку съ фельдъ-егеремъ. «Ну», Копѣйкинъ думаетъ, «по крайней мѣрѣ не нужно платить прогоновъ, спасибо и за то». Вотъ онъ, сударь мой, ѣдетъ на фельдъ-егерѣ, да, ѣдучи на фельдъ-егерѣ, въ нѣкоторомъ родѣ, такъ сказать, разсуждаетъ самъ себѣ: «Когда министръ», говоритъ, «самъ сказалъ, чтобы я поискалъ средствъ помочь себѣ—хорошо», говоритъ, «я», говоритъ, «найду средства». Ну, ужъ какъ только его доставили на мѣсто и куда именно привезли—ничего этого неизвѣстно. Такъ, понимаете, и слухи о капитанѣ Копѣйкинѣ канули въ рѣку забвенія, въ какую-нибудь этакую Лету, какъ называютъ поэты. Но, позвольте, господа, вотъ тутъ-то и начинается, можно сказать, нить завязки романа. Итакъ, куда дѣлся Копѣйкинъ—неизвѣстно; но не прошло, можете представить себѣ, двухъ мѣсяцевъ, какъ появилась въ рязанскихъ лѣсахъ шайка разбойниковъ, и атаманъ-то этой шайки былъ, сударь мой, не кто другой, какъ нашъ капитанъ Копѣйкинъ. Набралъ изъ разныхъ бѣглыхъ солдатъ нѣкоторымъ образомъ банду цѣлую. Это было, можете себѣ представить, тотчасъ послѣ войны: все привыкло, знаете, къ распускной жизни, всякому жизнь—копѣйка, забубешь вездѣ такой, хоть трава не расти—словомъ, сударь мой, у него просто армія. По дорогамъ никакого проѣзда нѣтъ, и все это собственно, такъ сказать, устремлено на одно только казенное. Если проѣзжающій по какой-нибудь своей надобности—ну, спросятъ только: «зачѣмъ?» да и ступай своей дорогой. А какъ только какой-

нибудь фуражъ казенный, провіантъ или деньги—словомъ, все, чтó носитъ, такъ сказать, имя казны—спуска никакого. Ну, можете себѣ представить, казенный карманъ опустошается ужасно. Услышитъ ли, что въ деревнѣ приходитъ срокъ платить казенный оброкъ,—онъ ужъ тамъ. Тотъ же часъ требуетъ къ себѣ старосту: «подавай, братъ, казенные оброки и подати». Ну, мужикъ видитъ: этакой безногій чортъ, на воротникѣ-то у него, понимаете, жаръ-птица, красное сукно—пахнетъ, чортъ возьми, оплеухой. «На, батюшка, вотъ тебѣ, отвяжись только». Думаетъ: «ужъ вѣрно какой-нибудь капитанъ-исправникъ, а, можетъ, еще и хуже. Только, сударь мой, деньги, понимаете, приметъ онъ, какъ слѣдуетъ, и тутъ же крестьянамъ пишетъ расписку, чтобы, нѣкоторымъ образомъ, оправдать ихъ: что деньги точно, молъ, взяты и подати сполна всѣ выплачены, а принялъ вотъ такой-то капитанъ Копѣйкинъ; еще даже и печать свою приложитъ—словомъ, сударь мой, грабитъ, да и полно. Посыланы были нѣсколько разъ команды изловить его, но Копѣйкинъ мой и въ усъ не дуетъ. Голодеры, понимаете, собрались все такіе.... Но наконецъ, можетъ-быть, испугавшись, самъ видя, что дѣло, такъ сказать, заварилъ не на шутку и что преслѣдованія ежеминутно усиливались, а между тѣмъ деньжонокъ у него набрался капиталецъ порядочный, онъ, сударь мой, за границу, и за границу-то, сударь мой, понимаете, въ Соединенные Штаты. И пишетъ оттуда, сударь мой, письмо къ государю краснорѣчивѣйшее, какъ только можете вообразить. Въ древности Платоны и Демосѳены какіе-нибудь—все это, можно сказать, тряпка, дьячокъ въ сравненіи съ нимъ. «Не подумай, государь», говоритъ: «чтобъ я того и того»... Круглоту періодовъ запустилъ такую... «Необходимость», говоритъ, «была причиною моего поступка; проливалъ кровь, не щадилъ, нѣкоторымъ образомъ, жизни, и хлѣба, какъ бы сказать, для пропитанія нѣтъ теперь у меня. Не наказуй», говоритъ, «моихъ сотоварищей, потому что они невинны, ибо вовлечены, такъ сказать, собственно мною, а окажи, лучше монаршую свою

милость, чтобы впредь, то-есть, если тамъ попадутся раненые, такъ чтобы примѣромъ за ними этакое, можете себѣ представить, смотрѣніе...» — словомъ, краснорѣчиво необыкновенно. Ну, государь, понимаете, былъ тронутъ. Дѣйствительно его монаршему сердцу было прискорбно: хотя онъ, точно, былъ преступникъ и достоинъ, въ нѣкоторомъ родѣ, смертельнаго наказанія, но, видя, такъ сказать, какъ можетъ невинный иногда произойти — подобное упущеніе, да и невозможно впрочемъ, чтобы въ тогдашнее смутное время все было можно вдругъ устроить, одинъ Богъ, можно сказать, только развѣ безъ проступковъ, — словомъ, сударь мой, государь изволилъ на этотъ разъ оказать безпримѣрное великодушіе: повелѣлъ остановить преслѣдованіе виновныхъ, а въ то же время издалъ строжайшее предписаніе составить комитетъ исключительно съ тѣмъ, чтобы заняться улучшеніемъ участи всѣхъ, то-есть, раненыхъ — и вотъ, сударь мой, это была, такъ сказать, причина, въ силу которой положено было основаніе инвалидному капиталу, обезпечившему, можно сказать, теперь раненыхъ совершенно, такъ что подобнаго попеченія дѣйствительно ни въ Англіи, ни въ разныхъ другихъ просвѣщенныхъ государствахъ не имѣется. Такъ вотъ кто, сударь мой, этотъ капитанъ Копѣйкинъ. Теперь, я полагаю, вотъ что: въ Соединенныхъ Штатахъ денежки онъ, безъ сомнѣнія, прожилъ, да вотъ и воротился къ намъ, чтобы еще какъ-нибудь попробовать, не удастся ли, такъ сказать, въ нѣкоторомъ родѣ, новое предпріятіе.

В. Редакція, зачеркнутая цензоромъ.

«Послѣ кампаніи двѣнадцатаго года, сударь ты мой»,— такъ началъ почтмейстеръ, несмотря на то, что въ комнатѣ сидѣлъ не одинъ сударь, а цѣлыхъ шестеро,—«послѣ кампаніи двѣнадцатаго года, вмѣстѣ съ ранеными присланъ былъ и капитанъ Копѣйкинъ. Подъ Краснымъ ли, или подъ Лейпцигомъ, только, можете вообразить, ему ото-

рвало руку и ногу. Ну, тогда еще не сдѣлано было насчетъ раненыхъ никакихъ, знаете, этакихъ распоряженій: этотъ какой-нибудь инвалидный капиталъ былъ уже заведенъ, можете представить себѣ, въ нѣкоторомъ родѣ, гораздо послѣ. Капитанъ Копѣйкинъ видитъ: нужно работать бы, только рука-то у него, понимаете, лѣвая. Навѣдался было домой къ отцу; отецъ говоритъ: «Мнѣ нечѣмъ тебя кормить, я», можете представить себѣ, «самъ едва достаю хлѣбъ». Вотъ мой капитанъ Копѣйкинъ рѣшился отправиться, сударь мой, въ Петербургъ, чтобы просить государя, не будетъ ли какой монаршей милости: «что вотъ де, такъ и такъ, въ нѣкоторомъ родѣ, такъ сказать, жизнію жертвовалъ, проливалъ кровь»... Ну, какъ-то тамъ, знаете, съ обозами или фурами казенными, словомъ, сударь мой, дотащился онъ кое-какъ до Петербурга. Ну, можете представить себѣ, этакой какой-нибудь, то-есть, капитанъ Копѣйкинъ и очутился вдругъ въ столицѣ, которой подобной, такъ сказать, нѣтъ въ мірѣ! Вдругъ передъ нимъ—свѣтъ, такъ сказать, нѣкоторое поле жизни, сказочная Шехерезада. Вдругъ какой-нибудь этакой, можете представить себѣ, Невскій проспектъ, или тамъ, знаете, какая-нибудь Гороховая, чортъ возьми! или тамъ этакая какая-нибудь Литейная; тамъ шпицъ этакой какой-нибудь въ воздухѣ; мосты тамъ висятъ этакимъ чортомъ, можете представить себѣ, безъ всякаго, то-есть, прикосновенія—словомъ, Семирамида, сударь, да и полно! Понатолкался было нанять квартиры, только все это кусается страшно: гардины, шторы, чертовство такое, понимаете, ковры—Персія цѣликомъ: ногой, такъ сказать, попираешь капиталы. Ну, просто, то-есть, идешь по улицѣ, а ужъ носъ твой такъ и слышитъ, что пахнетъ тысячами; а у моего капитана Копѣйкина весь ассигнаціонный банкъ, понимаете, состоитъ изъ какихъ-нибудь десяти синюхъ. Ну, какъ-то тамъ пріютился въ Ревельскомъ трактирѣ, за рубль въ сутки: обѣдъ — щи, кусокъ битой говядины. Видитъ, заживаться нечего. Разспросилъ, куда обратиться. Говорятъ, есть, въ нѣкоторомъ родѣ, высшая комиссія, правленье, понимаете,

этакое, и начальникомъ генералъ-аншефъ такой-то. А государя, нужно вамъ знать, въ то время не было еще въ столицѣ; войска, можете себѣ представить, еще не возвращались изъ Парижа, все было за границей. Копѣйкинъ мой, вставшій поранѣе, поскребъ себѣ лѣвой рукой бороду,—потому что платить цырюльнику—это составитъ, въ нѣкоторомъ родѣ, счетъ, — натащилъ на себя мундиришка и на деревяжкѣ своей, можете вообразить, отправился къ самому начальнику, къ вельможѣ. Разспросилъ квартиру. «Вонъ», говорятъ, указавъ ему домъ на Дворцовой набережной. Избенка, понимаете, мужичья: стеклушки въ окнахъ, можете себѣ представить, полуторасаженныя зеркала, такъ что вазы и все, что̀ тамъ ни есть въ комнатахъ, кажутся какъ бы въ-наружѣ: могъ бы, въ нѣкоторомъ родѣ, достать съ улицы рукой; драгоцѣнные марморы на стѣнахъ, металлическія галантереи, какая-нибудь ручка у дверей, такъ что нужно, знаете, забѣжать напередъ въ мелочную лавочку, да купить на грошъ мыла, да прежде часа два тереть имъ руки, да потомъ уже рѣшишься ухватиться за нее — словомъ: лаки на всемъ такіе — въ нѣкоторомъ родѣ, ума помраченіе. Одинъ швейцаръ уже смотритъ генералиссимусомъ: вызолоченная булава, графская физіогномія, какъ откормленный жирный мопсъ какой-нибудь; батистовые воротнички, канальство!... Копѣйкинъ мой встащился кое-какъ съ своей деревяжкой въ пріемную, прижался тамъ въ уголку себѣ, чтобы не толкнуть локтемъ, можете себѣ представить, какую-нибудь Америку или Индію — раззолоченную, понимаете, фарфоровую вазу этакую. Ну, разумѣется, что онъ настоялся тамъ вдоволь, потому что, можете представить себѣ, пришелъ еще въ такое время, когда генералъ, въ нѣкоторомъ родѣ, едва поднялся съ постели, и камердинеръ, можетъ-быть, поднесъ ему какую-нибудь серебряную лоханку для разныхъ, понимаете, умываній этакихъ. Ждетъ мой Копѣйкинъ часа четыре, какъ вотъ входитъ, наконецъ, адъютантъ или тамъ другой дежурный чиновникъ. «Генералъ», говоритъ, «сейчасъ выйдетъ въ пріемную». А въ

пріемной ужъ народу, какъ бобовъ на тарелкѣ. Все это не то, что̀ нашъ братъ холопъ, все четвертаго или пятаго класса, полковники, а кое-гдѣ и толстый макаронъ блеститъ на эполетѣ—генералитетъ, словомъ, такой. Вдругъ въ комнатѣ, понимаете, пронеслась чуть замѣтная суета, какъ эѳиръ какой-нибудь тонкій. Раздалось тамъ и тамъ: «шу, шу», и, наконецъ, тишина настала страшная. Вельможа входитъ. Ну... можете представить себѣ: государственный человѣкъ! Въ лицѣ, такъ сказать... ну, сообразно съ званіемъ, понимаете... съ высокимъ чиномъ... такое и выраженье, понимаете. Все, что̀ ни было въ передней, разумѣется, въ ту же минуту въ струнку, ожидаетъ, дрожитъ, ждетъ рѣшенья, въ нѣкоторомъ родѣ, судьбы. Министръ или вельможа подходитъ къ одному, къ другому: «Зачѣмъ вы? зачѣмъ вы? что̀ вамъ угодно? какое ваше дѣло?» Наконецъ, сударь мой, къ Копѣйкину. Копѣйкинъ, собравшись съ духомъ: «Такъ и такъ, ваше превосходительство: проливалъ кровь, лишился, въ нѣкоторомъ родѣ, руки и ноги, работать не могу, осмѣливаюсь просить монаршей милости». Министръ видитъ: человѣкъ на деревяжкѣ и правый рукавъ пустой пристегнутъ къ мундиру: «Хорошо», говоритъ: «понавѣдайтесь на-дняхъ». Копѣйкинъ мой выходитъ чуть не въ восторгѣ: одно то, что удостоился аудіенціи, такъ сказать, съ первостатейнымъ вельможею; а другое то, что вотъ теперь, наконецъ, рѣшится, въ нѣкоторомъ родѣ, насчетъ пенсіона. Въ духѣ, понимаете, такомъ, подпрыгиваетъ по тротуару. Зашелъ въ Палкинскій трактиръ выпить рюмку водки, пообѣдалъ, сударь мой, въ Лондонѣ, приказалъ подать себѣ котлетку съ каперсами, пулярку спросилъ съ разными финтерлеями; спросилъ бутылку вина, ввечеру отправился въ театръ, однимъ словомъ, понимаете, кутнулъ. На тротуарѣ, видитъ, идетъ какая-то стройная англичанка, какъ лебедь, можете себѣ представить, этакой. Мой Копѣйкинъ, кровь-то, знаете, разыгралась въ немъ, побѣжалъ было за ней на своей деревяжкѣ, трюхъ, трюхъ, слѣдомъ — «да нѣтъ», подумалъ, «пусть послѣ, когда получу пенсіонъ, теперь ужъ я что-то

расходился слишкомъ». Вотъ, сударь мой, какихъ-нибудь черезъ три-четыре дня является Копѣйкинъ мой снова къ министру, дождался выхода. «Такъ и такъ», говоритъ: «пришелъ», говоритъ, «услышать приказъ вашего высокопревосходительства по одержимымъ болѣзнямъ и за ранами»... и тому подобное, понимаете, въ должностномъ слогѣ. Вельможа, можете вообразить, тотчасъ его узналъ: «А», говоритъ, «хорошо», говоритъ, «на этотъ разъ ничего не могу сказать вамъ болѣе, какъ только то, что вамъ нужно будетъ ожидать пріѣзда государя; тогда, безъ сомнѣнія, будутъ сдѣланы распоряженія насчетъ раненыхъ, а безъ монаршей, такъ сказать, воли я ничего не могу сдѣлать». Поклонъ, понимаете, и — прощайте. Копѣйкинъ, можете вообразить себѣ, вышелъ въ положеніи самомъ неопредѣленномъ. Онъ-то уже думалъ, что вотъ ему завтра такъ и выдадутъ деньги: «На, тебѣ, голубчикъ, пей да веселись»; а вмѣсто того ему приказано ждать, да и время не назначено. Вотъ онъ совой такой вышелъ съ крыльца, какъ пудель, понимаете, котораго поваръ облилъ водой: и хвостъ у него между ногъ, и уши повѣсилъ. «Ну, нѣтъ», думаетъ себѣ: «пойду въ другой разъ, объясню, что послѣдній кусокъ доѣдаю — не поможете, долженъ умереть, въ нѣкоторомъ родѣ, съ голода». Словомъ, приходитъ онъ, сударь мой, опять на Дворцовую набережную, говорятъ: «Нельзя, не принимаетъ, приходите завтра». На другой день — тоже; а швейцаръ на него, просто, и смотрѣть не хочетъ. А между тѣмъ у него изъ синюхъ-то, понимаете, ужъ остается только одна въ карманѣ. То, бывало, ѣдалъ щи, говядины кусокъ; а теперь въ лавочкѣ возьметъ какую-нибудь селедку или огурецъ соленый, да хлѣба на два гроша, словомъ — голодаетъ бѣдняга, а между тѣмъ аппетитъ, просто, волчій. Проходитъ мимо этакого какого-нибудь ресторана — поваръ тамъ, можете себѣ представить, иностранецъ, французъ этакой съ открытой физіогноміей, бѣлье на немъ голландское, фартукъ бѣлизною равный снѣгамъ, работаетъ тамъ фензервъ какой-нибудь, котлетки съ трюфелями, словомъ — разсупе - деликасетъ такой, что,

просто, себя, то-есть, съѣлъ бы отъ аппетита. Пройдетъ ли мимо Милютинскихъ лавокъ, тамъ изъ окна выглядываетъ, въ нѣкоторомъ родѣ, семга этакая, вишенки—по пяти рублей штучка, арбузъ—громадище, дилижансъ этакой, высунулся изъ окна и, такъ сказать, ищетъ дурака, который бы заплатилъ сто рублей, словомъ—на всякомъ шагу соблазнъ такой—слюнки текутъ, а онъ слышитъ, между тѣмъ, все: «завтра». Такъ можете вообразить себѣ, каково его положеніе: тутъ, съ одной стороны, такъ сказать, семга и арбузъ, а съ другой-то ему подносятъ все одно и то же блюдо: «завтра». Наконецъ, сдѣлалось бѣднягѣ, въ нѣкоторомъ родѣ, невтерпежъ, рѣшился во что̀ бы ни стало пролѣзть штурмомъ, понимаете. Дождался у подъѣзда, не пройдетъ ли еще какой проситель, и тамъ съ какимъ-то генераломъ, понимаете, проскользнулъ съ своей деревяжкой въ пріемную. Вельможа, по обыкновенію, выходитъ: «Зачѣмъ вы? Зачѣмъ вы?» «А!» говоритъ, увидѣвши Копѣйкина: «вѣдь я уже объявилъ вамъ, что вы должны ожидать рѣшенія».—«Помилуйте, ваше высокопревосходительство,—не имѣю, такъ сказать, куска хлѣба...»—«Что̀-жъ дѣлать? Я для васъ ничего не могу сдѣлать; старайтесь покамѣстъ помочь себѣ сами, ищите сами средствъ».—«Но, ваше высокопревосходительство, сами можете, въ нѣкоторомъ родѣ, судить, какія средства могу сыскать, не имѣя ни руки, ни ноги».—«Но», говоритъ сановникъ, «согласитесь: я не могу васъ содержать, въ нѣкоторомъ родѣ, на свой счетъ; у меня много раненыхъ, всѣ они имѣютъ равное право... Вооружитесь терпѣніемъ. Пріѣдетъ государь, я могу вамъ дать честное слово, что его монаршая милость васъ не оставитъ».—«Но, ваше высокопревосходительство, я не могу ждать», говоритъ Копѣйкинъ, и говоритъ, въ нѣкоторомъ отношеніи, грубо. Вельможѣ, понимаете, сдѣлалось уже досадно. Въ самомъ дѣлѣ: тутъ со всѣхъ сторонъ генералы ожидаютъ рѣшеній, приказаній; дѣла, такъ сказать, важныя, государственныя, требующія самоскорѣйшаго исполненія,—минута упущенія можетъ быть важна,—а тутъ еще привязался

сбоку неотвязчивый чортъ. — «Извините», говоритъ, «мнѣ некогда... меня ждутъ дѣла важнѣе вашихъ». Напоминаетъ способомъ, въ нѣкоторомъ родѣ, тонкимъ, что пора, наконецъ, и выйти. А мой Копѣйкинъ,—голодъ-то, знаете, пришпорилъ его: «Какъ хотите, ваше высокопревосходительство», говоритъ, «не сойду съ мѣста до тѣхъ поръ, пока не дадите резолюцію». Ну... можете представить: отвѣчать такимъ образомъ вельможѣ, которому сто̀итъ только слово, такъ вотъ ужъ и полетѣлъ вверхъ тарашки, такъ что и чортъ тебя не отыщетъ... Тутъ если нашему брату скажетъ чиновникъ, однимъ чиномъ поменьше, подобное, такъ ужъ и грубость. Ну, а тамъ размѣръ-то, размѣръ каковъ: генералъ-аншефъ и какой-нибудь капитанъ Копѣйкинъ! 90 рублей и нуль! Генералъ, понимаете, больше ничего, какъ только взглянулъ, а взглядъ — огнестрѣльное оружіе: души ужъ нѣтъ—ужъ она ушла въ пятки. А мой Копѣйкинъ, можете вообразить, ни съ мѣста, стоитъ, какъ вкопанный. «Что̀ же вы?» говоритъ генералъ и принялъ его, какъ говорится, въ лопатки. Впрочемъ, сказать правду, обошелся онъ еще довольно милостиво: иной бы пугнулъ такъ, что дня три вертѣлась бы послѣ того улица вверхъ ногами, а онъ сказалъ только: «Хорошо», говоритъ: «если вамъ здѣсь дорого жить и вы не можете въ столицѣ покойно ожидать рѣшенія вашей участи, такъ я васъ вышлю на казенный счетъ. Позвать фельдъ-егеря! препроводить его на мѣсто жительства!» А фельдъ-егерь ужъ тамъ, понимаете, и стоитъ: трехъ-аршинный мужичина какой-нибудь, ручища у него, можете вообразить, самой натурой устроена для ямщиковъ, — словомъ, дантистъ этакой... Вотъ его, раба Божія, схватили, сударь мой, да въ телѣжку, съ фельдъ-егеремъ. «Ну», Копѣйкинъ думаетъ, «по крайней мѣрѣ не нужно платить прогоновъ, спасибо и за то». Вотъ онъ, сударь мой, ѣдетъ на фельдъ-егерѣ, да, ѣдучи на фельдъ-егерѣ, въ нѣкоторомъ родѣ, такъ сказать, разсуждаетъ самъ себѣ: «Когда генералъ говоритъ, чтобы я поискалъ самъ средствъ помочь себѣ,— хорошо», говоритъ, «я», говоритъ, «найду средства!» Ну,

ужъ какъ только его доставили на мѣсто и куда именно привезли—ничего этого неизвѣстно. Такъ, понимаете, и слухи о капитанѣ Копѣйкинѣ канули въ рѣку забвенія, въ какую-нибудь этакую Лету, какъ называютъ поэты. Но, позвольте, господа, вотъ тутъ-то и начинается, можно сказать, нить, завязка романа. Итакъ, куда дѣлся Копѣйкинъ—неизвѣстно; но не прошло, можете представить себѣ, двухъ мѣсяцевъ, какъ появилась въ рязанскихъ лѣсахъ шайка разбойниковъ, и атаманъ-то этой шайки былъ, сударь мой, не кто другой...

ПОХОЖДЕНІЯ ЧИЧИКОВА

или

МЕРТВЫЯ ДУШИ.

ПОЭМА.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

(ВЪ ОДНОЙ ИЗЪ ПЕРВОНАЧАЛЬНЫХЪ РЕДАКЦІЙ).

ГЛАВА I.

Зачѣмъ же выставлять на показъ бѣдность нашей жизни и наше грустное несовершенство, выкапывая людей изъ глуши, изъ отдаленныхъ закоулковъ государства? Что̀-жъ дѣлать, если такого свойства сочинитель и такъ уже заболѣлъ онъ самъ своимъ несовершенствомъ, и такъ уже устроенъ талантъ его, чтобы изображать ему бѣдность нашей жизни, выкапывая людей изъ глуши, изъ отдаленныхъ закоулковъ государства! И вотъ опять попали мы въ глушь, опять наткнулись на закоулокъ. Зато какая глушь и какой закоулокъ!

На тысячу слишкомъ верстъ неслись, извиваясь, горныя возвышенія. Точно какъ бы исполинскій валъ какой-то безконечной крѣпости, возвышались они надъ равнинами то желтоватымъ отломомъ, въ видѣ стѣнъ, съ промоинами и рытвинами, то зеленой кругловидной выпуклостью, покрытой, какъ мерлушками, молодымъ кустарникомъ, подымавшимся отъ срубленныхъ деревъ, то, наконецъ, темнымъ лѣсомъ, еще уцѣлѣвшимъ отъ топора. Рѣка, вѣрная своимъ высокимъ берегамъ, давала вмѣстѣ съ ними углы и колѣна по всему пространству; но иногда уходила отъ нихъ прочь, въ луга, затѣмъ, чтобы, извившись тамъ въ нѣсколько изворотъ, блеснуть, какъ огонь, передъ солнцемъ, скрыться въ рощи березъ, осинъ и ольхъ и выбѣжать оттуда въ торжествѣ, въ сопровожденіи мостовъ, мельницъ и плотинъ, какъ бы гонявшихся за нею на всякомъ поворотѣ.

Въ одномъ мѣстѣ крутой бокъ возвышеній воздымался выше прочихъ и весь отъ низу до верху убирался въ зелень столпившихся густо деревъ. Тутъ было все вмѣстѣ: и кленъ, и груша, и низкорослый ракитникъ, и чилига, и

березка, и ель, и рябина, опутанная хмелемъ; тутъ... мелькали красныя крышки господскихъ строеній, коньки и гребни сзади скрывшихся избъ и верхняя надстройка господскаго дома, а надъ всей этой кучей деревъ и крышъ старинная церковь возносила своихъ пять играющихъ верхушекъ. На всѣхъ ихъ были золотые прорѣзные кресты, золотыми прорѣзными цѣпями прикрѣпленные къ куполамъ, такъ что издали сверкало какъ бы на воздухѣ ни къ чему не прикрѣпленное, висѣвшее золото. И вся эта куча деревъ, крышъ, вмѣстѣ съ церковью, опрокинувшись верхушками внизъ, отдавалась въ рѣкѣ, гдѣ картинно-безобразныя старыя ивы, однѣ, стоя у береговъ, другія совсѣмъ въ водѣ, опустивши туда и вѣтви, и листья, точно какъ бы разсматривали это изображеніе, которымъ не могли налюбоваться во все продолженіе своей многолѣтней жизни.

Видъ былъ очень недуренъ, но видъ сверху внизъ, съ надстройки дома на равнины и отдаленья, былъ еще лучше. Равнодушно не могъ выстоять на балконѣ никакой гость и посѣтитель: у него захватывало въ груди, и онъ могъ только произнесть: «Господи, какъ здѣсь просторно!» Пространства открывались безъ конца. За лугами, усѣянными рощами и водяными мельницами, зеленѣли и синѣли густые лѣса, какъ моря или туманъ, далеко разливавшійся. За лѣсами, сквозь мглистый воздухъ, желтѣли пески. За песками лежали гребнемъ на отдаленномъ небосклонѣ мѣловыя горы, блиставшія ослѣпительной бѣлизной даже и въ ненастное время, какъ бы освѣщало ихъ вѣчное солнце *). Кое-гдѣ

*) Словами «вѣчное солнце» оканчивается первый полулистъ рукописи, подклеенный къ ней позднѣе; съ слѣдующей страницы начинается, какъ мы замѣтили уже, текстъ болѣе первоначальной редакціи; первыя строки этого текста зачеркнуты, для приведенія въ связь съ послѣдними строками предшествующей страницы. Зачеркнутое ставимъ въ скобкахъ: «(поворотахъ. За лугами пески, за песками мѣловыя (отлогимъ рядомъ) горы, отдаленнымъ рядомъ лежавшія на отдаленномъ небосклонѣ, нестерпимо блиставшія ослѣпительной бѣлизной даже и въ ненастное время, какъ бы освѣщало ихъ вѣчное солнце). Кое-гдѣ». *Ред.*

дымились по нимъ легкія туманно-сизыя пятна. Это были отдаленныя деревни; но ихъ уже не могъ разсмотрѣть человѣческій глазъ,—только вспыхивавшая, подобно искрѣ, золотая церковная маковка давала знать, что это было людное, большое селенье. Все это облечено было въ тишину невозмущаемую, которую не пробуждали даже чуть долетавшіе до слуха отголоски воздушныхъ пѣвцовъ, наполнявшихъ воздухъ. Словомъ, не могъ равнодушно выстоять на балконѣ никакой гость и посѣтитель, и послѣ какого-нибудь двухчасового созерцанія издавалъ онъ то же самое восклицаніе, какъ и въ первую минуту: «Силы небесъ, какъ здѣсь просторно!»

Кто-жъ былъ жилецъ этой деревни, къ которой, какъ къ неприступной крѣпости, нельзя было и подъѣхать отсюда, а нужно было подъѣзжать съ другой стороны—полями, хлѣбами и, наконецъ, рѣдкой дубровой, раскинутой картинно по зелени, вплоть до самыхъ избъ и господскаго дома,—кто былъ жилецъ, господинъ и владѣтель этой деревни? Какому счастливцу принадлежалъ этотъ закоулокъ?

А помѣщику Тремалаханскаго уѣзда Андрею Ивановичу Тѣнтѣтникову, молодому, тридцатитрехлѣтнему господину, коллежскому секретарю, неженатому, холостому человѣку.

Что̀ же за человѣкъ такой, какого нрава, какихъ свойствъ и какого характера былъ помѣщикъ Андрей Ивановичъ Тѣнтѣтниковъ?

Разумѣется, слѣдуетъ разспросить у сосѣдей. Сосѣдъ, принадлежавшій къ фамиліи отставныхъ штабъ-офицеровъ, брандеровъ, выражался о немъ лаконическимъ выраженьемъ: «Естественнѣйшій скотина!» Генералъ, проживавшій въ десяти верстахъ, говорилъ: «Молодой человѣкъ не глупый, но много забралъ себѣ въ голову. Я бы могъ быть ему полезнымъ, потому что у меня и въ Петербургѣ, и даже при...» Генералъ рѣчи не оканчивалъ. Капитанъ-исправникъ замѣчалъ: «Да вѣдь чинишка на немъ — дрянь; а вотъ я завтра же къ нему за недоимкой!» Мужикъ его деревни, на вопросъ о томъ, какой у нихъ баринъ, ничего не отвѣ-

чалъ. Словомъ, общественное мнѣніе о немъ было скорѣй неблагопріятное, чѣмъ благопріятное.

А, между тѣмъ, въ существѣ своемъ Андрей Ивановичъ былъ не то доброе, не то дурное существо, а просто—коптитель неба. Такъ какъ уже не мало есть на бѣломъ свѣтѣ людей, коптящихъ небо, то почему-жъ и Тѣнтѣтникову не коптить его? Впрочемъ, вотъ, въ немногихъ словахъ, весь журналъ его дня, и пусть изъ него судитъ читатель самъ, какой у него былъ характеръ.

Поутру просыпался онъ очень поздно и, приподнявшись, долго еще сидѣлъ на своей кровати, протирая глаза. Глаза же, какъ на бѣду, были довольно маленькіе, и потому протиранье ихъ производилось необыкновенно долго. Во все это время у дверей стоялъ человѣкъ Михайло, съ рукомойникомъ и полотенцемъ. Стоялъ этотъ бѣдный Михайло часъ, другой, отправлялся потомъ на кухню, потомъ вновь приходилъ,—баринъ все еще протиралъ глаза и сидѣлъ на кровати. Наконецъ, подымался онъ съ постели, умывался, надѣвалъ халатъ и выходилъ въ гостиную затѣмъ, чтобы пить чай, кофей, какао и даже парное молоко, всего прихлебывая понемногу, накрошивая хлѣба безжалостно и насоривая повсюду трубочной золы безсовѣстно. Два часа просиживалъ онъ за чаемъ; этого мало: онъ бралъ еще холодную чашку и съ ней подвигался къ окну, обращенному на дворъ. У окна же происходила всякій день слѣдующая сцена.

Прежде всего ревѣлъ небритый буфетчикъ Григорій, относившійся къ Перфильевнѣ, ключницѣ, въ сихъ выраженіяхъ: «Душонка ты мелкопомѣстная! ничтожность этакая! Тебѣ бы, гнусной бабѣ, молчать да и только».

«Ужъ тебя-то не послушаюсь, ненасытное горло!» выкрикивала ничтожность или Перфильевна.

«Да вѣдь съ тобой никто не уживется: вѣдь ты и съ приказчикомъ сцѣпишься, мелочь ты анбарная!» ревѣлъ Григорій.

«Да и приказчикъ—воръ такой же, какъ и ты!» выкрикивала ничтожность, такъ что было на деревнѣ слышно.

«Вы оба піющіе, губители господскаго, бездонныя бочки! Ты думаешь, баринъ не знаетъ васъ? Вѣдь онъ здѣсь, вѣдь онъ все слышитъ».

«Гдѣ баринъ?»

«Да вотъ онъ сидитъ у окна; онъ все видитъ».

И, точно, баринъ сидѣлъ у окна и все видѣлъ.

Къ довершенію этого, кричалъ кричмя дворовый ребятишка, получившій отъ матери затрещину; визжалъ борзой кобель, присѣвъ задомъ къ землѣ, по поводу горячаго кипятка, которымъ обкатилъ его, выглянувши изъ кухни, поваръ; словомъ, все голосило и верещало невыносимо. Баринъ все видѣлъ и слышалъ, и только тогда, когда это дѣлалось до такой степени невыносимо, что даже мѣшало барину ничѣмъ не заниматься, высылалъ онъ сказать, чтобы шумѣли потише.

За два часа до обѣда Андрей Ивановичъ уходилъ къ себѣ въ кабинетъ затѣмъ, чтобы заняться серьезно и, дѣйствительно, занятіе было, точно, серьезное. Оно состояло въ обдумываніи сочиненія, которое уже издавна и постоянно обдумывалось. Сочиненіе это долженствовало обнять всю Россію со всѣхъ точекъ—съ гражданской, политической, религіозной, философической, разрѣшить затруднительные задачи и вопросы, заданные ей временемъ, и опредѣлить ясно ея великую будущность; словомъ, большого объема. Но покуда все оканчивалось однимъ обдумываніемъ: изгрызалось перо, являлись на бумагѣ рисунки и потомъ все это отодвигалось на сторону, бралась, намѣсто того, въ руки книга и уже не выпускалась до самаго обѣда. Книга эта читалась вмѣстѣ съ супомъ, соусомъ, жаркимъ и даже съ пирожнымъ, такъ что иныя блюда оттого стыли, а другія принимались вовсе нетронутыми. Потомъ слѣдовала прихлебка чашки кофею съ трубкой; потомъ игра въ шахматы съ самимъ собой. Что̀ же дѣлалось потомъ до самаго ужина, право, уже и сказать трудно. Кажется, просто, ничего не дѣлалось.

И этакъ проводилъ время одинъ-одинёшенекъ въ цѣломъ

[мірѣ] молодой тридцатитрехлѣтній человѣкъ, сидень-сиднемъ, въ халатѣ, безъ галстука. Ему не гулялось, не ходилось, не хотѣлось даже подняться вверхъ—взглянуть на отдаленности и виды, не хотѣлось растворять окна затѣмъ, чтобы забрать свѣжаго воздуха въ комнату; и прекрасный видъ деревни, которымъ не могъ равнодушно любоваться никакой посѣтитель, точно не существовалъ для самого хозяина.

Изъ этого журнала читатель можетъ видѣть, что Андрей Ивановичъ Тѣнтѣтниковъ принадлежалъ къ семейству тѣхъ людей, которыхъ на Руси много, которымъ имена—увальни, лежебоки, байбаки и тому подобныя. Родятся ли уже сами собою такіе характеры, или создаются потомъ—это еще вопросъ. Я думаю, что лучше, вмѣсто отвѣта, разсказать исторію дѣтства и воспитанія Андрея Ивановича.

Въ дѣтствѣ былъ онъ остроумный, талантливый мальчикъ, то живой, то задумчивый. Счастливымъ или несчастливымъ случаемъ попалъ онъ въ такое училище, гдѣ былъ директоромъ человѣкъ, въ своемъ родѣ необыкновенный, несмотря на нѣкоторыя причуды. Александръ Петровичъ имѣлъ даръ слышать природу русскаго человѣка и зналъ языкъ, которымъ нужно говорить съ нимъ. Никто изъ дѣтей не уходилъ отъ него съ повиснувшимъ носомъ; напротивъ, даже послѣ строжайшаго выговора, чувствовалъ онъ какую-то бодрость и желанье загладить сдѣланную пакость и проступокъ. Толпа воспитанниковъ его была съ виду такъ шаловлива, развязна и жива, что можно было принять ее за необузданную вольницу; но онъ обманулся бы: власть одного слишкомъ была сильна въ этой вольницѣ. Не было проказника и шалуна, который бы не пришелъ къ нему самъ и не разсказалъ всего, что̀ ни напроказилъ. Малѣйшее движенье ихъ помышленій было ему извѣстно. Во всемъ поступалъ онъ необыкновенно. Онъ говорилъ, что прежде всего слѣдуетъ пробудить въ человѣкѣ честолюбіе,—честолюбіе называлъ онъ силою, толкающею впередъ человѣка,—безъ котораго не подвигнешь его на дѣятельность. Многихъ рѣз-

востей и шалостей онъ не удерживалъ вовсе: въ первоначальныхъ рѣзвостяхъ видѣлъ онъ начало развитія свойствъ душевныхъ. Онѣ были ему нужны затѣмъ, чтобы видѣть, что́ такое именно таится въ ребенкѣ. Такъ умный врачъ глядитъ спокойно на появляющіеся временные припадки и сыпи, показывающіяся на тѣлѣ, не истребляетъ ихъ, но всматривается внимательно, дабы узнать достовѣрно *), что̀ заключено внутри человѣка.

Учителей у него было немного: бо̀льшую часть наукъ читалъ онъ самъ, и надо сказать правду, что, безъ всякихъ педантскихъ терминовъ, огромныхъ воззрѣній и взглядовъ, которыми любятъ пощеголять молодые профессора, онъ умѣлъ въ немногихъ словахъ передать самую душу науки, такъ что и малолѣтнему было очевидно, на что̀ именно ему нужна наука. Онъ утверждалъ, что всего нужнѣе человѣку наука жизни, что, узнавъ ее, онъ узнаетъ тогда самъ, чѣмъ онъ долженъ заняться преимущественнѣе.

Эту-то науку жизни сдѣлалъ онъ предметомъ отдѣльнаго курса воспитанія, въ который поступали только одни самые отличные. Малоспособныхъ выпускалъ онъ на службу изъ перваго класса, утверждая, что ихъ не нужно много мучить: довольно съ нихъ, если пріучились быть терпѣливыми, работящими исполнителями, не пріобрѣтая заносчивости и всякихъ видовъ вдаль. «Но съ умниками, но съ даровитыми мнѣ нужно долго повозиться», обыкновенно говорилъ онъ. И становился въ этомъ курсѣ совершенно другой Александръ Петровичъ и съ первыхъ же разъ возвѣщалъ, что доселѣ онъ требовалъ отъ нихъ простого ума, теперь потребуетъ ума высшаго, — не того ума, который умѣетъ подтрунить надъ дуракомъ и посмѣяться, но умѣющаго вынесть всякое оскорбленіе, спустить дураку, не раздражиться. Здѣсь-то сталъ онъ требовать то́го, что другіе требуютъ отъ дѣтей. Это-то называлъ онъ высшей степенью ума. Сохранить по-

*) Шестая страница рукописи оканчивается на половинѣ этого слова: «досто»; съ слѣдующей страницы идетъ текстъ *позднѣйшаго* письма.
Ред.

среди какихъ бы то ни было огорченій высокій покой, въ которомъ вѣчно долженъ пребывать человѣкъ, — вотъ что̀ называлъ онъ умомъ. Въ этомъ-то курсѣ Александръ Петровичъ показалъ, что знаетъ точно науку жизни. Изъ наукъ были избраны только тѣ, которыя способны образовать изъ человѣка гражданина земли своей. Бо̀льшая часть лекцій состояла въ разсказахъ о томъ, что̀ ожидаетъ впереди человѣка на всѣхъ поприщахъ и ступеняхъ государственной службы и частныхъ занятій. Всѣ огорченья и преграды, какія только воздвигаются человѣку на пути его, всѣ искушенья и соблазны, ему предстоящіе, собиралъ онъ предъ нимъ во всей наготѣ, не скрывая ничего. Все было ему извѣстно, точно какъ бы перебылъ онъ самъ во всѣхъ званьяхъ и должностяхъ. Словомъ, чертилъ онъ предъ ними вовсе не радужную будущность. Странное дѣло! оттого ли, что честолюбіе уже такъ сильно было въ нихъ возбуждено; оттого ли, что уже въ самыхъ глазахъ необыкновеннаго наставника было что-то говорящее юношѣ *впередъ!*—это чудное словцо, производящее такія чудеса надъ русскимъ человѣкомъ, — то ли, другое ли, но юноша съ самаго начала искалъ только трудностей, алча дѣйствовать только тамъ, гдѣ трудно, гдѣ нужно было показать большую силу души. Было что-то трезвое въ ихъ жизни. Александръ Петровичъ дѣлалъ съ ними всякіе опыты и пробы, наносилъ имъ то самъ чувствительныя оскорбленія, то посредствомъ ихъ же товарищей; но, проникнувши это, они становились еще осторожнѣй. Изъ этого курса вышло немного, но эти немногіе были крѣпыши, были обкуренные порохомъ люди. Въ службѣ они удержались на самыхъ шаткихъ мѣстахъ, тогда какъ многіе, гораздо ихъ умнѣйшіе, не вытерпѣвъ, бросили службу изъ-за мелочныхъ личныхъ непріятностей, бросили вовсе, или же, не вѣдая ничего, очутились въ рукахъ взяточниковъ и плутовъ. Но воспитанные Александ[ромъ Петровичемъ] не только не пошатнулись, но умудренные познаньемъ человѣка и души возымѣли высокое нравственное вліяніе даже на взяточниковъ и дурныхъ людей.

Но этого ученья не удалось попробовать бѣдному Андрею Ивановичу. Только-что онъ былъ удостоенъ перевода въ этотъ высшій курсъ, какъ одинъ изъ самыхъ лучшихъ,— вдругъ несчастіе: необыкновенный наставникъ, котораго одно одобрительное слово уже бросало его въ сладкій трепетъ, скоропостижно заболѣлъ и умеръ. Все перемѣнилось въ училищѣ. На мѣсто Александра Петровича поступилъ какой-то Ѳедоръ Ивановичъ, человѣкъ добрый и старательный, но совершенно другого взгляда на вещи. Въ свободной развязности дѣтей перваго курса почудилось ему что-то необузданное. Началъ онъ заводить между ними какіе-то внѣшніе порядки, требовалъ, чтобы молодой народъ пребывалъ въ какой-то безмолвной тишинѣ, чтобы ни въ какомъ случаѣ иначе всѣ не ходили, какъ попарно; началъ даже самъ аршиномъ размѣрять разстояніе отъ пары до пары. За столомъ, для лучшаго вида, разсадилъ всѣхъ по росту, а не по уму, такъ что осламъ доставались лучшіе куски, умнымъ— оглодки. Все это произвело ропотъ, особенно, когда новый начальникъ, точно какъ наперекоръ своему предмѣстнику, объявилъ, что для него умъ и хорошіе успѣхи въ наукахъ ничего не значатъ, что онъ смотритъ только на поведенье, что если человѣкъ и плохо учится, но хорошо ведетъ себя, онъ предпочтетъ его умнику. Но именно того-то и не получилъ Ѳедоръ Ивановичъ, чего добивался. Завелись шалости потаенныя, которыя, какъ извѣстно, хуже открытыхъ: все было въ струнку днемъ, а по ночамъ—кутежи.

Въ большомъ курсѣ онъ тоже все переворотилъ вверхъ дномъ. Съ самыми благими намѣреніями завелъ онъ всякія нововведенія—и все невпопадъ. Выписалъ новыхъ преподавателей, съ новыми взглядами и новыми точками воззрѣній. Читали они учено, забросали слушателей множествомъ новыхъ терминовъ и словъ; была и ученость, и слѣдованье за новыми открытіями, но, увы! не было только жизни въ самой наукѣ. Мертвечиной стало все это казаться въ глазахъ уже начинавшихъ понимать слушателей. Все пошло навыворотъ. Но хуже всего было то, что потерялось

уваженье къ начальству и власти: стали насмѣхаться и надъ наставниками, и надъ преподавателями, директора стали называть Ѳедькой, булкой и другими разными именами; завелись такія дѣла, что нужно было многихъ выключить и выгнать.

Андрей Ивановичъ былъ нрава тихаго. Онъ не участвовалъ въ ночныхъ оргіяхъ съ товарищами, которые, несмотря на строжайшій присмотръ, завели на сторонѣ любовницу,—одну на восемь человѣкъ,—ни даже въ другихъ шалостяхъ, доходившихъ до кощунства и насмѣшекъ надъ самою религіей изъ-за того только, что директоръ требовалъ частаго хожденья въ церковь. Но онъ повѣсилъ носъ. Честолюбіе было возбуждено въ немъ сильно, а дѣятельности и поприща ему не было. Лучше-бъ было и не возбуждать его! Онъ слушалъ горячившихся на каѳедрѣ профессоровъ и вспоминалъ прежняго наставника, который, не горячась, умѣлъ говорить понятно. Онъ слушалъ и химію, и философію правъ, и профессорскія углубленія во всѣ тонкости политическихъ наукъ, и всеобщую исторію человѣчества въ такомъ огромномъ видѣ, что профессоръ въ три года успѣлъ только прочесть введеніе да развитіе общинъ какихъ-то нѣмецкихъ городовъ; но все это оставалось въ головѣ его какими-то безобразными клочками. Благодаря природному уму, онъ чувствовалъ только, что не такъ должно преподаваться, а какъ—не зналъ. И вспоминалъ онъ часто объ Александрѣ Петровичѣ, и ему бывало такъ грустно, что не зналъ онъ, куда дѣться отъ тоски.

Но у молодости есть будущее. По мѣрѣ того, какъ приближалось время къ выпуску, сердце у него билось. Онъ говорилъ себѣ: «Вѣдь это еще не жизнь; это только приготовленье къ жизни: настоящая жизнь на службѣ; тамъ подвиги». И, по обычаю всѣхъ честолюбцевъ, понесся онъ въ Петербургъ, куда, какъ извѣстно, стремится ото всѣхъ сторонъ Россіи наша пылкая молодежь—служить, блистать, выслуживаться, или же, просто, схватывать вершки безцвѣтнаго, холоднаго, какъ ледъ, общественнаго обманчиваго

образованья. Честолюбивое стремленіе Андрея Ивановича осадилъ, однакоже, съ самаго начала его дядя, дѣйствительный статскій совѣтникъ Онуфрій Ивановичъ. Онъ объявилъ, что главное дѣло — въ хорошемъ почеркѣ, а не въ чемъ-либо другомъ, что безъ этого не попадешь ни въ министры, ни въ государственные люди *); а Тѣнтѣтниковъ писалъ тѣмъ самымъ письмомъ, о которомъ говорятъ: «Писала сорока лапой, а не человѣкъ.» Съ большимъ трудомъ и съ помощью дядиныхъ протекцій, проведя два мѣсяца въ каллиграфическихъ урокахъ, досталъ онъ, наконецъ, мѣсто списывателя бумагъ въ какомъ-то департаментѣ. Когда взошелъ онъ въ свѣтлый залъ, гдѣ за письменными лакированными столами сидѣли пишущіе господа, шумя перьями и наклоня голову на-бокъ, и когда посадили его самого, предложа ему тутъ же переписать какую-то бумагу,—необыкновенно странное чувство его проникнуло. Ему на время показалось, какъ бы онъ очутился въ какой-то малолѣтней школѣ, затѣмъ, чтобы сызнова учиться азбукѣ. Сидѣвшіе вокругъ его господа показались ему такъ похожими на учениковъ! Иные изъ нихъ читали романъ, засунувъ его въ большіе листы разбираемаго дѣла, какъ бы занимались они самымъ дѣломъ, и въ то же время вздрагивая при всякомъ появленьи начальника. Ему вдругъ представилось, какъ невозвратно-потерянный рай, школьное время его: такъ высокими сдѣлались вдругъ занятія ученьемъ передъ этимъ мелкимъ письменнымъ занятіемъ! Какъ это учебное приготовленье къ службѣ казалось ему теперь выше самой службы! И вдругъ предсталъ въ его мысляхъ, какъ живой, его ни съ кѣмъ несравненный, чудесный воспитатель, никѣмъ незамѣнимый

*) Словомъ: «государственные люди» оканчивается десятая страница, слѣдующій послѣ нея листъ (страницы 11—14) писанъ другимъ почеркомъ и заключаетъ въ себѣ текстъ болѣе ранней редакціи. Одиннадцатая страница и начинается зачеркнутыми строками этой редакціи: «нельзя попасть, не пріобрѣтя прежде порядочнаго, хорошаго, хорошаго подчерка». Слово «люди» переправлено, на стр. 10-й, въ «сов» (совѣтъ), но «государственныЕ» осталось безъ измѣненія при прежнемъ согласованіи съ словомъ «люди». *Ред.*

Александръ Петровичъ, и въ три ручья потекли вдругъ слезы изъ глазъ его, закружилась комната, потемнѣли столы, перемѣшались чиновники, и чуть не упалъ онъ отъ мгновеннаго потемнѣнья. «Нѣтъ», сказалъ онъ въ себѣ, очнувшись: «примусь за дѣло, какъ бы оно ни казалось вначалѣ мелкимъ!» Скрѣпясь духомъ и сердцемъ, рѣшился онъ служить по примѣру прочихъ.

Гдѣ не бываетъ наслажденій? Живутъ они и въ Петербургѣ, несмотря на суровую, сумрачную его наружность. Трещитъ по улицамъ сердитый тридцатиградусный морозъ, визжитъ отчаяннымъ бѣсомъ вѣдьма-вьюга, нахлобучивая на голову воротники шубъ и шинелей, пудря усы людей и морды скотовъ; но привѣтливо свѣтитъ вверху окошко гдѣ-нибудь, даже и въ четвертомъ этажѣ; въ уютной комнатѣ, при скромныхъ стеариновыхъ свѣчкахъ, подъ шумокъ самовара, ведется согрѣвающій и сердце, и душу разговоръ, читается вдохновенная, свѣтлая страница поэта, какими наградилъ Богъ свою Россію, и такъ возвышенно-пылко трепещетъ молодое сердце юноши, какъ не случается нигдѣ въ другихъ земляхъ и подъ полуденнымъ роскошнымъ небомъ.

Скоро Тѣнтѣтниковъ свыкнулся съ службою, но только она сдѣлалась у него не первымъ дѣломъ и цѣлью, какъ онъ полагалъ было вначалѣ, но чѣмъ-то вторымъ. Она служила ему лучшимъ распредѣленіемъ времени, заставивъ его болѣе дорожить остававшимися минутами. Дядя, дѣйствительный статскій совѣтникъ, начиналъ было думать, что въ племянникѣ будетъ прокъ, какъ вдругъ племянникъ подгадилъ. Надобно сказать, что въ числѣ друзей Андрея Ивановича попалось два человѣка, которые были то, что̀ называется, огорченные люди. Это были тѣ безпокойно-странные характеры, которые не могутъ переносить равнодушно не только несправедливостей, но даже и всего того, что̀ кажется въ ихъ глазахъ несправедливостью. Добрые по началу, но безпорядочные сами въ своихъ дѣйствіяхъ, они исполнены нетерпимости къ другимъ. Пылкая рѣчь ихъ и

благородный образъ негодованья подѣйствовали на него сильно. Разбудивши въ немъ нервы и духъ раздражительности, они заставили замѣчать всѣ тѣ мелочи, на которыя онъ прежде и не думалъ обращать вниманіе. Ѳедоръ Николаичъ *) Лѣницынъ, начальникъ того отдѣленья, въ которомъ онъ числился, человѣкъ наипріятнѣйшей наружности, вдругъ ему не понравился. Онъ сталъ отыскивать въ немъ бездну недостатковъ и возненавидѣлъ его за то, будто бы онъ выражалъ въ лицѣ своемъ черезчуръ много сахару, когда говорилъ съ высшимъ, и тутъ же, оборотившись къ низшему, становился весь уксусъ. «Я бы ему простилъ», говорилъ Тѣнтѣтниковъ: «если бы эта перемѣна происходила не такъ скоро въ его лицѣ; но какъ тутъ же, при моихъ глазахъ, и сахаръ, и уксусъ въ одно и то же время!» Съ этихъ поръ онъ сталъ замѣчать всякій шагъ. Ему казалось, что и важничалъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ уже черезчуръ, что имѣлъ даже всѣ замашки мелкихъ начальниковъ, бралъ на замѣчанье тѣхъ, которые не являлись къ нему съ поздравленьемъ въ праздники, даже мстилъ всѣмъ тѣмъ, которыхъ имена не находились у швейцара на листѣ, и множество разныхъ тѣхъ грѣшныхъ принадлежностей, безъ которыхъ не обходится ни добрый, ни злой человѣкъ. Онъ чувствовалъ къ нему отвращенье нервическое. Какой-то злой духъ толкалъ его сдѣлать что-нибудь непріятное Ѳедору Ѳедоровичу. Онъ наискивался на это съ какимъ-то особымъ наслажденіемъ, и въ томъ успѣлъ. Разъ поговорилъ онъ съ нимъ до такой степени крупно, что ему объявлено было отъ начальства — или просить извиненія, или выходить въ отставку. Онъ подалъ въ отставку. Дядя, дѣйствительный статскій совѣтникъ, пріѣхалъ къ нему перепуганный и умоляющій. «Ради самого Христа, помилуй, Андрей Ивановичъ! Что̀ это ты дѣлаешь? Оставлять такъ выгодно начатый карьеръ изъ-за того только, что попался начальникъ не того!.. Что̀-жъ это? Вѣдь если на это глядѣть, тогда и въ

*) Черезъ нѣсколько строкъ это лицо называется «Ѳедоромъ Ѳедоровичемъ». *Ред.*

службѣ никто бы не остался. Образумься, образумься... еще есть время. Отринь гордость, самолюбіе, поѣзжай и объяснись съ нимъ!»

«Не въ томъ дѣло, дядюшка», сказалъ племянникъ. «Мнѣ не трудно попросить у него извиненья, тѣмъ болѣе, что я, точно, виноватъ: онъ мнѣ начальникъ, и мнѣ ни въ какомъ случаѣ не слѣдовало такъ говорить съ нимъ. Но дѣло вотъ въ чемъ: вы позабыли, что у меня есть другая служба: у меня триста душъ крестьянъ, имѣнье въ разстройствѣ, а управляющій — дуракъ. Государству утраты не много, если вмѣсто меня сядетъ въ канцелярію другой переписывать бумагу, но большая утрата, если триста человѣкъ не заплатятъ податей. Я помѣщикъ: званіе это также не бездѣльно. Если я позабочусь о сохраненіи, сбереженіи и улучшеніи ввѣренныхъ мнѣ людей и представлю государству триста трезвыхъ, работящихъ подданныхъ,—чѣмъ моя служба будетъ хуже службы какого-нибудь начальника отдѣленія Лѣницына?»

Дѣйствительный статскій совѣтникъ остался съ открытымъ ртомъ отъ изумленья: такого потока словъ онъ не ожидалъ. Немного подумавши, началъ онъ было въ такомъ родѣ: «Но всё же таки... но какъ же таки?.. какъ же запропастить себя въ деревнѣ? Какое же общество можетъ быть между мужичьемъ? Здѣсь все-таки на улицѣ пройдетъ мимо тебя генералъ, или князь. Захочешь — и самъ пройдешь мимо какихъ-нибудь публичныхъ красивыхъ зданій, на Неву пойдешь взглянуть; а вѣдь тамъ, что̀ ни попадется,—все это или мужикъ, или баба. За что̀-жъ себя осудить на невѣжество на всю жизнь свою?»

Такъ говорилъ дядя, дѣйствительный статскій совѣтникъ. Самъ же онъ во всю жизнь свою не ходилъ по другой улицѣ, кромѣ той, которая вела къ мѣсту его службы, гдѣ не было никакихъ публичныхъ красивыхъ зданій; не замѣчалъ никого изъ встрѣчныхъ, былъ ли онъ генералъ, или князь; не вѣдалъ никакихъ прихотей, какія дразнятъ въ столицахъ людей, падкихъ на невоздержанье, и даже отъ

роду не былъ въ театрѣ. Все это онъ говорилъ единственно затѣмъ, чтобы затеребить честолюбіе и подѣйствовать на воображеніе молодого человѣка. Въ этомъ, однакоже, не успѣлъ: Тѣнтѣтниковъ стоялъ на своемъ упрямо. Департаменты и столица стали ему надоѣдать. Деревня начинала представляться какимъ-то привольнымъ пріютомъ, воспоительницею думъ и помышленій, единственнымъ поприщемъ полезной дѣятельности. Черезъ недѣли двѣ послѣ этого разговора былъ онъ уже вблизи тѣхъ мѣстъ, гдѣ протекло его дѣтство.

Какъ стало все припоминаться, какъ забилось его сердце, когда почувствовалъ, что онъ уже вблизи отцовской деревни! Онъ уже многія мѣста позабылъ вовсе и смотрѣлъ любопытно, какъ новичокъ, на прекрасные виды. Когда дорога понеслась узкимъ оврагомъ въ чащу огромнаго заглохнувшаго лѣса и онъ увидѣлъ вверху, внизу, надъ собой и подъ собой, трехсотлѣтніе дубы, тремъ человѣкамъ въ обхватъ, вперемежку съ пихтой, вязомъ и осокоромъ, перераставшимъ вершину тополя, и когда на вопросъ: «чей лѣсъ?» ему сказали: «Тѣнтѣнтикова»; когда, выбравшись изъ лѣса, понеслась дорога лугами, мимо осиновыхъ рощъ, молодыхъ и старыхъ ивъ и лозъ, въ виду тянувшихся вдали возвышеній, и перелетѣла мостами въ разныхъ мѣстахъ одну и ту же рѣку, оставляя ее то вправо, то влѣво отъ себя, и когда на вопросъ: «чьи луга и поёмныя мѣста?» отвѣчали: «Тѣнтѣтникова»; когда поднялась потомъ дорога на гору и пошла по ровной возвышенности—съ одной стороны мимо неснятыхъ хлѣбовъ, пшеницы, ржи и ячменя, съ другой же стороны мимо всѣхъ прежде проѣханныхъ имъ мѣстъ, которыя всѣ вдругъ и разомъ показались въ картинномъ отдаленіи, и когда, постепенно темнѣя, входила и вошла потомъ дорога подъ тѣнь широкихъ развилистыхъ деревъ, размѣстившихся вразсыпку по зеленому ковру до самой деревни, и замелькали кирченныя избы мужиковъ и крытыя красными крышами господскія строенія; когда пылко забившееся сердце и безъ вопроса знало, куда пріѣхало,—

ощущенія и мысли, непрестанно накоплявшіяся, исторгнулись, наконецъ, почти такими словами: «Ну, не дуракъ ли я былъ доселѣ? Судьба назначила мнѣ быть обладателемъ земного рая, принцемъ, а я закабалилъ себя въ канцелярію писцомъ! Учившись, воспитавшись, просвѣтившись, сдѣлавши порядочный запасъ тѣхъ именно свѣдѣній, какія требуются для управленія людьми, улучшенія цѣлой области, для исполненія многообразныхъ обязанностей помѣщика, являющагося и судьей, и распорядителемъ, и блюстителемъ порядка, ввѣрить это мѣсто невѣжѣ-управителю! И выбрать вмѣсто этого что̀ же?—переписываніе бумагъ, что̀ можетъ несравненно лучше производить ничему не учившійся кантонистъ!» И еще разъ далъ себѣ названіе дурака Андрей Ивановичъ Тѣнтѣтниковъ.

А между тѣмъ его ожидало другое зрѣлище. Узнавши о пріѣздѣ барина, населеніе всей деревни собралось къ крыльцу. Пестрые платки, повязки, повойники, зипуны, бороды всѣхъ сортовъ: заступомъ, лопатой и клиномъ, рыжія, русыя и бѣлыя, какъ серебро, покрыли всю площадь. Мужики загремѣли: «Кормилецъ, дождались мы тебя!» Бабы заголосили: «Золото, серебро ты сердечное!» Стоявшіе подалѣ даже подрались отъ усердія пробраться. Дряблая старушонка, похожая на сушеную грушу, прошмыгнула промежъ ногъ другихъ, подступила къ нему, всплеснула руками и взвизгнула: «Соплюнчикъ ты нашъ! да какой же ты жиденькій! изморила тебя окаянная нѣмчура!»—«Пошла ты, баба!» закричали ей тутъ же бороды заступомъ, лопатой и клиномъ: «ишь куда полѣзла, корявая!» Кто-то приворотилъ къ этому такое словцо, отъ котораго одинъ только русскій мужикъ могъ не засмѣяться. Баринъ не выдержалъ и разсмѣялся, но тѣмъ не менѣе онъ тронутъ былъ глубоко въ душѣ своей. «Столько любви! и за что̀?» думалъ онъ въ себѣ. «За то, что я никогда не видалъ ихъ, никогда не занимался ими! Отнынѣ же даю слово раздѣлить съ вами труды и занятія ваши! Употреблю все, чтобы помочь вамъ сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ вы должны быть, чѣмъ вамъ назна-

чила быть ваша добрая, внутри васъ же самихъ заключенная природа ваша,—чтобы не даромъ была любовь ваша ко мнѣ, чтобы я, точно, былъ кормилецъ вашъ!»

И дѣйствительно, Тѣнтѣтниковъ не шутя принялся хозяйничать и распоряжаться. Онъ увидѣлъ на мѣстѣ, что приказчикъ былъ, точно, баба и дуракъ со всѣми качествами дрянного приказчика, то-есть, велъ аккуратно счетъ куръ и яицъ, пряжи и полотна, приносимыхъ бабами, но не зналъ ни бельмеса въ уборкѣ хлѣба и посѣвахъ и, въ прибавленіе ко всему, подозрѣвалъ всѣхъ мужиковъ въ покушеніи на жизнь свою. Дурака-приказчика онъ выгналъ, на мѣсто его выбралъ другого, бойкаго; оставилъ мелочи, обратилъ вниманіе на главныя части, уменьшилъ барщину, убавилъ дни работы на себя, прибавилъ времени мужикамъ работать на нихъ самихъ и думалъ, что теперь дѣла пойдутъ наиотличнѣйшимъ порядкомъ. Самъ сталъ входить во все, показываться на поляхъ, на гумнѣ, въ овинахъ, на мельницахъ, у пристани, при грузкѣ и сплавкѣ барокъ и плоскодоновъ.

«Да онъ, вишь ты, востроногой!» стали говорить мужики и даже почесывать въ затылкахъ, потому что отъ долговременнаго бабьяго управленія они всѣ изрядно поизлѣнились. Но это продолжалось не долго. Русскій мужикъ смѣтливъ и уменъ: онъ понялъ скоро, что баринъ хоть и прытокъ, и есть въ немъ охота взяться за многое, но какъ именно, какимъ образомъ взяться, этого еще не смыслитъ, говоритъ какъ-то чрезчуръ грамотно и затѣйливо, мужику не въ долбежъ и не въ науку. Вышло то, что баринъ и мужикъ какъ-то не то, чтобы совершенно не поняли другъ друга, но, просто, не спѣлись вмѣстѣ, не приспособились выводить одну и ту же ноту. Тѣнтѣтниковъ сталъ замѣчать, что на господской землѣ все выходило какъ-то хуже, чѣмъ на мужичьей: сѣялось раньше, всходило позже. А работали, казалось, хорошо: онъ самъ присутствовалъ и приказалъ выдать даже по чапорухѣ водки за усердные труды. У мужиковъ давно уже колосилась рожь, высыпался овесъ, ку-

стилось просо, а у него едва начиналъ только итти хлѣбъ въ трубку, пятка колоса еще не завязывалась. Словомъ, сталъ замѣчать баринъ, что мужикъ, просто, плутуетъ, несмотря на всѣ льготы. Попробовалъ было укорить, но получилъ такой отвѣтъ: «Какъ можно, баринъ, чтобы мы о господской, то-есть, выгодѣ не радѣли? Сами изволили видѣть, какъ старались, когда пахали и сѣяли: по чапорухѣ водки приказали подать». Что было на это возражать?— «Да отчего-жъ теперь вышло скверно?» допрашивалъ баринъ.—«Кто его знаетъ! Видно, червь подъѣлъ снизу! Да и лѣто, вишь ты, какое: совсѣмъ дождей не было». Но баринъ видѣлъ, что у мужиковъ червь не подъѣдалъ снизу, да и дождь шелъ какъ-то странно, полосою: мужику угодилъ, а на барскую ниву хоть бы каплю выронилъ. Еще труднѣй ему было ладить съ бабами. То и дѣло отпрашивались онѣ отъ работъ, жалуясь на тягость барщины. Странное дѣло! Онъ уничтожилъ вовсе всякіе приносы холста, ягодъ, грибовъ и орѣховъ, на половину сбавилъ съ нихъ другихъ работъ, думая, что бабы обратятъ это время на домашнее хозяйство, обошьютъ, одѣнутъ своихъ мужей, умножатъ огороды. Не тутъ-то было! Праздность, драка, сплетни и всякія ссоры завелись между прекраснымъ поломъ такія, что мужья то и дѣло приходили къ нему съ такими словами: «Баринъ, уйми бѣса-бабу! Точно чортъ какой! житья нѣтъ отъ ней!» Нѣсколько разъ, скрѣпя свое сердце, хотѣлъ онъ приняться за строгость. Но какъ быть строгимъ? Баба приходила такой бабой, такъ развизгивалась, такая была хворая, больная, такихъ скверныхъ, гадкихъ наворачивала на себя тряпокъ! (Ужъ откуда она ихъ набирала, Богъ ее вѣсть). «Ступай, ступай себѣ только съ глазъ моихъ подальше!» говорилъ бѣдный Тѣнтѣтниковъ и вослѣдъ за тѣмъ имѣлъ удовольствіе видѣть, какъ баба тутъ же, вышедъ за ворота, схватывалась съ сосѣдкой за какую-нибудь рѣпу и, несмотря на свою хворость, такъ отламывала ей бока, какъ не сумѣетъ и здоровый мужикъ. Вздумалъ онъ было какую-то школу между ними завести, но отъ этого

вышла такая чепуха, что онъ и голову повѣсилъ,—лучше было и не задумывать! Все это значительно охладило его рвеніе и къ хозяйству, и къ разбирательному судейскому дѣлу, и вообще къ дѣятельности. При работахъ онъ уже присутствовалъ почти безъ вниманія: мысли были далеко, глаза отыскивали посторонніе предметы. Во время покосовъ не глядѣлъ онъ на быстрое подыманье шестидесяти разомъ косъ и мѣрное паденье подъ ними, рядами, высокой травы; онъ глядѣлъ, вмѣсто того, на какой-нибудь въ сторонѣ извивъ рѣки, по берегамъ которой ходилъ красноносый, красноногій мартынъ—разумѣется, птица, а не человѣкъ; онъ глядѣлъ, какъ этотъ мартынъ, поймавъ рыбу, держалъ ее впоперекъ въ носу, раздумывая, глотать или не глотать, и глядя въ то же время пристально вдоль рѣки, гдѣ виденъ былъ другой мартынъ, еще не поймавшій рыбы, но глядѣвшій пристально на мартына, уже поймавшаго рыбу. Во время уборки хлѣбовъ не глядѣлъ онъ на то, какъ складывали снопы копнами, крестами, а иногда и просто шишомъ; ему не было дѣла до того, лѣниво или шибко метали стога и клали клади. Зажмуря глаза и приподнявъ голову кверху, къ пространствамъ небеснымъ, предоставлялъ онъ обонянью впивать запахъ полей, а слуху—поражаться голосами воздушнаго пѣвучаго населенія, когда оно отовсюду, отъ небесъ и отъ земли, соединяется въ одинъ хоръ, не переча другъ другу: бьетъ перепелъ, дергаетъ въ травѣ дергунъ, урчатъ и чиликаютъ перелетающія коноплянки, по невидимой воздушной лѣстницѣ сыплются трели жаворонковъ, и турлыканье журавлей, несущихся въ сторонѣ вереницею,—точный звонъ серебряныхъ трубъ, — слышится въ пустотѣ звонко сотрясающейся пустыни воздушной. Вблизи ли производилась работа—онъ былъ вдали отъ нея; была ли она вдали—его глаза отыскивали, что̀ было поближе. И былъ онъ похожъ на того разсѣяннаго ученика, который глядитъ въ книгу, но въ то же время видитъ и фигу, подставленную ему товарищемъ. Наконецъ, и совсѣмъ пересталъ онъ ходить на работы, бросилъ совершенно и судъ, и всякія

расправы, засѣлъ въ комнаты и пересталъ принимать къ себѣ даже съ докладами приказчика.

Временами изъ сосѣдей завернетъ къ нему, бывало, отставной гусаръ-поручикъ, прокуренный насквозь трубочный куряка, или брандеръ-полковникъ, мастеръ и охотникъ на разговоры обо всемъ. Но и это стало ему надоѣдать. Разговоры ихъ начали ему казаться какъ-то поверхностными; живое, ловкое обращенье, потрепки по колѣну и прочія развязности начали ему казаться уже черезчуръ прямыми и открытыми. Онъ рѣшился съ ними раззнакомиться и произвелъ это даже довольно рѣзко. Именно, когда представитель всѣхъ полковниковъ-брандеровъ, наипріятнѣйшій во всѣхъ поверхностныхъ разговорахъ обо всемъ, Варваръ Николаичъ Вишнепокромовъ, пріѣхалъ къ нему затѣмъ именно, чтобы наговориться вдоволь, коснувшись и политики, и философіи, и литературы, и морали, и даже состоянія финансовъ въ Англіи, онъ выслалъ сказать, что его нѣтъ дома, и въ то же время имѣлъ неосторожность показаться передъ окошкомъ. Гость и хозяинъ встрѣтились взорами. Одинъ, разумѣется, проворчалъ сквозь зубы: «скотина!» другой послалъ ему тоже нѣчто въ родѣ свиньи. Такъ и кончилось знакомство. Съ тѣхъ поръ не заѣзжалъ къ нему никто. Уединенье полное водворилось въ домѣ. Хозяинъ залѣзъ въ халатъ безвыходно, предавши тѣло бездѣйствію, а мысль — обдумыванью большого сочиненія о Россіи. Какъ обдумывалось это сочиненіе, читатель уже видѣлъ. День приходилъ и уходилъ однообразный и безцвѣтный. Нельзя сказать, однакоже, чтобы не было минутъ, въ которыя какъ будто пробуждался онъ отъ сна. Когда привозила почта газеты, новые книги и журналы и попадалось ему въ печати знакомое имя прежняго товарища, уже преуспѣвавшаго на видномъ поприщѣ государственной службы или приносившаго посильную дань наукамъ и образованію всемірному, тайная, тихая грусть подступала ему подъ сердце, и скорбная, безмолвно-грустная, тихая жалоба на бездѣйствіе свое прорывалась невольно. Тогда противной

и гадкой казалась ему жизнь его. Съ необыкновенной силою воскресало предъ нимъ школьное минувшее время и представалъ вдругъ, какъ живой, Александръ Петровичъ... Градомъ лились изъ глазъ его слезы, и рыданья продолжались почти весь день.

Что̀ значили эти рыданья? Обнаруживала ли ими болѣющая душа скорбную тайну своей болѣзни, что не успѣлъ образоваться и окрѣпнуть начинавшій въ немъ строиться высокій внутренній человѣкъ; что, неиспытанный заранѣ въ борьбѣ съ неудачами, не достигнулъ онъ до высокаго состоянія возвышаться и крѣпнуть отъ преградъ и препятствій; что, растопившись, подобно разогрѣтому металлу, богатый запасъ великихъ ощущеній не принялъ послѣдней закалки, и теперь, безъ упругости, безсильна его воля; что слишкомъ для него рано умеръ (чудный) необыкновенный наставникъ и что нѣтъ теперь никого во всемъ свѣтѣ, кто бы былъ въ силахъ воздвигнуть и поднять шатаемыя вѣчными колебаньями силы и лишенную упругости (или слабую), немощную волю,—кто бы крикнулъ живымъ, пробуждающимъ голосомъ,—крикнулъ душѣ пробуждающее слово: *впередъ!* котораго жаждетъ повсюду, на всѣхъ ступеняхъ стоящій, всѣхъ сословій, званій и промысловъ, русскій человѣкъ?

Гдѣ же тотъ, кто бы на родномъ языкѣ русской души нашей умѣлъ бы намъ сказать это всемогущее слово: *впередъ?* кто, зная всѣ силы, и свойства, и всю глубину нашей природы, однимъ чародѣйнымъ мановеньемъ могъ бы устремить на высокую жизнь русскаго человѣка? Какими слезами, какой любовью заплатилъ бы ему! Но вѣки проходятъ за вѣками; полмилліона сидней, увальней и байбаковъ дремлетъ непробудно, и рѣдко рождается на Руси мужъ, умѣющій произносить его, это всемогущее слово.

Одно обстоятельство чуть было, однакоже, не разбудило Тѣнтѣтникова и чуть было не произвело переворота въ его характерѣ. Случилось что-то въ родѣ любви, но и тутъ дѣло какъ-то свелось на ничего. Въ сосѣдствѣ, въ десяти

верстахъ отъ его деревни, проживалъ генералъ, отзывавшійся, какъ мы уже видѣли, не совсѣмъ благосклонно о Тѣнтѣтниковѣ. Генералъ жилъ генераломъ, хлѣбосольствовалъ, любилъ, чтобы сосѣди пріѣзжали изъявлять ему почтенье; самъ, разумѣется, визитовъ не платилъ, говорилъ хрипло, читалъ книги и имѣлъ дочь, существо невиданное, странное, которую скорѣй можно было почесть какимъ-то фантастическимъ видѣніемъ, чѣмъ женщиной. Иногда случается человѣку во снѣ увидѣть что-то подобное, и съ тѣхъ поръ онъ уже во всю жизнь свою грезитъ этимъ сновидѣньемъ (дѣйствительность для него пропадаетъ навсегда),— и онъ рѣшительно ни на что̀ не годится. Имя ей было Улинька. Воспиталась она какъ-то странно. Ее воспитывала англичанка-гувернантка, не знавшая ни слова по-русски. Матери лишилась она еще въ дѣтствѣ. Отцу было некогда. Впрочемъ, любя дочь до безумія, онъ могъ только избаловать ее. Необыкновенно трудно изобразить портретъ ея. Это было что-то живое, какъ сама жизнь. Она была миловиднѣй, чѣмъ красавица; лучше, чѣмъ умъ; стройнѣй, воздушнѣй классической женщины. Никакъ бы нельзя было сказать, какая страна положила на ней свой отпечатокъ, потому что подобнаго профиля и очертанья лица трудно было гдѣ-нибудь отыскать, развѣ только на античныхъ камеяхъ. Какъ въ ребенкѣ, воспитанномъ на свободѣ, въ ней было все своенравно. Если бы кто увидалъ, какъ внезапный гнѣвъ собиралъ вдругъ строгія морщины на прекрасномъ челѣ ея и какъ она спорила пылко съ отцомъ своимъ, онъ бы подумалъ, что это было капризнѣйшее созданье. Но гнѣвъ бывалъ у нея только тогда, когда она слышала о какой бы то ни было несправедливости или жестокомъ поступкѣ съ кѣмъ бы то ни было. Но какъ вдругъ исчезнулъ бы этотъ гнѣвъ, если бы она увидѣла того самаго, на кого гнѣвалась, въ несчастіи! Какъ бы вдругъ бросила она ему свой кошелекъ, не размышляя, умно ли это, или глупо, и разорвала на себѣ платье для перевязки, если-бъ онъ былъ раненъ! Было въ ней что-то стремительное.

Когда она говорила, у ней, казалось, все стремилось вслѣдъ за мыслью: выраженье лица, выраженье разговора, движенье рукъ; самыя складки платья какъ бы летѣли въ ту же сторону, и, казалось, какъ бы она сама вотъ улетитъ во слѣдъ за собственными ея словами. Ничего не было въ ней утаеннаго. Ни предъ кѣмъ не побоялась бы она обнаружить своихъ мыслей, и никакая сила не могла бы ее заставить молчать, когда ей хотѣлось говорить. Ея очаровательная, особенная, принадлежавшая ей одной походка была до того безтрепетно-свободна, что все ей уступало бы невольно дорогу. При ней какъ-то смущался недобрый человѣкъ и нѣмѣлъ, а добрый, даже самый застѣнчивый, могъ разговориться съ нею вдругъ, какъ съ сестрой, и — странный обманъ! — съ первыхъ минутъ разговора ему уже казалось, что гдѣ-то и когда-то онъ зналъ ее, что случилось это во дни какого-то незапамятнаго младенчества, въ какомъ-то родномъ домѣ, веселымъ вечеромъ, при радостныхъ играхъ дѣтской толпы, и послѣ того какъ-то становился ему скучнымъ разумный возрастъ человѣка.

Андрей Ивановичъ Тѣнтѣтниковъ не могъ бы никакъ разсказать, какъ это случилось, что съ перваго же дня онъ сталъ съ ней такъ, какъ бы знакомъ былъ вѣчно. Неизъяснимое, новое чувство вошло къ нему въ душу. Его жизнь на мгновенье озарилась. Халатъ на время былъ оставленъ, не такъ долго копался онъ на кровати, не такъ долго стоялъ Михайло съ рукомойникомъ въ рукахъ. Растворялись окна въ комнатахъ, и часто владѣтель картиннаго помѣстья долго ходилъ по темнымъ излучинамъ своего сада и останавливался по часамъ передъ плѣнительными видами на отдаленья. Генералъ принималъ сначала Тѣнтѣтникова довольно хорошо и радушно, но совершенно сойтись они не могли. Разговоры у нихъ всегда оканчивались споромъ и какимъ-то непріятнымъ ощущеньемъ съ обѣихъ сторонъ. Генералъ не любилъ противорѣчья и возраженья, хотя въ то же время любилъ по-

говорить даже и о томъ, чего не зналъ вовсе. Тѣнтѣтниковъ, съ своей стороны, тоже былъ человѣкъ щекотливый. Впрочемъ, ради дочери, прощалось многое отцу, и миръ у нихъ держался до тѣхъ поръ, покуда не пріѣхали гостить къ генералу родственницы, графиня Болдырева и княжна Юзякина: одна—вдова, другая—старая дѣвка, обѣ фрейлины прежнихъ временъ, отчасти болтуньи, отчасти сплетницы, не весьма обворожительныя любезностью своей, но, однакоже, имѣвшія значительныя связи въ Петербургѣ, и передъ которыми генералъ немножко даже подличалъ. Тѣнтѣтникову показалось, что, съ самаго дня пріѣзда ихъ, генералъ сталъ къ нему какъ-то холоднѣе, почти не замѣчалъ его и обращался какъ съ лицомъ безсловеснымъ или съ чиновникомъ, употребляемымъ для переписки, самымъ мелкимъ. Онъ говорилъ ему то *братецъ*, то *любезнѣйшій*, и одинъ разъ сказалъ ему даже *ты*. Андрея Ивановича взорвало; кровь бросилась ему въ голову. Скрѣпя сердце и стиснувъ зубы, онъ, однакоже, имѣлъ присутствіе духа сказать необыкновенно учтивымъ и мягкимъ голосомъ, между тѣмъ какъ пятна выступили на лицѣ его и все внутри кипѣло: «Я долженъ благодарить васъ, генералъ, за ваше расположеніе. Вы приглашаете и вызываете меня словомъ *ты* на самую тѣсную дружбу, обязывая и меня также говорить вамъ *ты*. Но позвольте вамъ замѣтить, что я помню различіе наше въ лѣтахъ, совершенно препятствующее такому фамильярному между нами обращенію». Генералъ смутился. Собирая слова и мысли, сталъ онъ говорить, хотя нѣсколько несвязно, что слово *ты* было имъ сказано не въ томъ смыслѣ, что старику иной разъ позволительно сказать молодому человѣку *ты* (о чинѣ своемъ онъ не упомянулъ ни слова). Разумѣется, съ этихъ поръ знакомство между ними прекратилось. Любовь кончилась при самомъ началѣ; потухнулъ свѣтъ, на минуту было передъ нимъ блеснувшій, и послѣдовавшія за нимъ сумерки стали еще сумрачнѣй. Байбакъ сызнова залѣзъ въ халатъ свой. Все поворотило сызнова на лежанье и бездѣйствіе. Въ домѣ заве-

лись гадость и безпорядокъ: половая щетка оставалась по цѣлому дню посреди комнаты вмѣстѣ съ соромъ; панталоны заходили даже въ гостиную; на щеголеватомъ столѣ, передъ диваномъ, лежали засаленныя подтяжки, точно угощенье гостю. И до того стала ничтожной и сонной его жизнь, что не только перестали уважать его дворовые люди, но даже чуть не клевали домашнія куры. Безсильно чертилъ онъ на бумагѣ, по цѣлымъ часамъ, рогульки, домики, избы, телѣги, тройки, или же выписывалъ *Милостивый Государь!* съ восклицательнымъ знакомъ всѣми почерками и характерами. А иногда же, все позабывши, перо чертило само собой, безъ вѣдома хозяина, маленькую головку, съ тонкими, острыми чертами, съ приподнятой легкой прядью волосъ, упадавшей изъ-подъ гребня длинными тонкими кудрями, молодыми обнаженными руками, какъ бы летѣвшую,—и въ изумленьи видѣлъ хозяинъ, что выходилъ портретъ той, съ которой портрета не могъ бы написать никакой живописецъ. И еще грустнѣе становилось ему потомъ, и, вѣря тому, что нѣтъ на землѣ счастья, оставался онъ на цѣлый день скучнымъ и безотвѣтнымъ.

Таковы были обстоятельства Андрея Ивановича Тѣнтѣтникова. Вдругъ въ одинъ день, подходя къ окну обычнымъ порядкомъ, съ трубкой и чашкой въ рукахъ, замѣтилъ онъ во дворѣ движенье и нѣкоторую суету. Поварченокъ и поломойка бѣжали отворять ворота, и въ воротахъ показались кони, точь-въ-точь, какъ лѣпять иль рисують ихъ на тріумфальныхъ воротахъ: морда направо, морда налѣво, морда посерединѣ. Свыше ихъ, на козлахъ—кучеръ и лакей въ широкомъ сюртукѣ, подвязанный носовымъ платкомъ; за ними господинъ въ картузѣ и шинели, закутанный въ косынку радужныхъ цвѣтовъ. Когда экипажъ изворотился передъ крыльцомъ, оказалось, что былъ онъ не что̀ другое, какъ рессорная легкая бричка. Господинъ необыкновенно приличной наружности соскочилъ на крыльцо съ быстротой и ловкостью почти военнаго человѣка.

Андрей Ивановичъ струсилъ. Онъ принялъ его за чи-

новника отъ правительства. Надобно сказать, что въ молодости своей онъ было замѣшался въ одно неразумное дѣло. Какіе-то философы изъ гусаръ, да недоучившійся студентъ, да промотавшійся игрокъ затѣяли какое-то филантропическое общество, подъ верховнымъ распоряженіемъ стараго плута, и масона, и карточнаго игрока, пьяницы и краснорѣчивѣйшаго человѣка. Общество было устроено съ необыкновенно обширной цѣлью—доставить счастіе всему человѣчеству. Касса денегъ потребовалась огромная, пожертвованья собирались съ великодушныхъ членовъ неимовѣрныя. Куда это все пошло — зналъ объ этомъ только одинъ верховный распорядитель. Въ общество это втянули его два пріятеля, принадлежавшіе къ классу огорченныхъ людей, добрые люди, но которые отъ частыхъ тостовъ во имя науки, просвѣщенья и прогресса сдѣлались потомъ горькими пьяницами. Тѣнтѣтниковъ скоро спохватился и выбылъ изъ этого круга. Но общество успѣло уже запутаться въ какихъ-то другихъ дѣйствіяхъ, даже не совсѣмъ приличныхъ дворянину, такъ что потомъ завязались дѣла и съ полиціей... А потому не мудрено, что и вышедши, и разорвавши всякія сношенія съ благодѣтелемъ человѣчества, Тѣнтѣтниковъ не могъ, однакоже, оставаться покоенъ: на совѣсти у него было не совсѣмъ ловко. И теперь не безъ страха глядѣлъ онъ на долженствовавшую раствориться дверь.

Страхъ его, однакоже, прошелъ вдругъ, когда гость расклanялся съ ловкостью неимовѣрной, сохраняя почтительное положеніе головы нѣсколько на-бокъ. Въ короткихъ, но опредѣлительныхъ словахъ изъяснилъ, что уже издавна ѣздитъ онъ по Россіи, побуждаемый и потребностями, и любознательностью; что государство наше преизобилуетъ предметами замѣчательными, не говоря ужъ о красотѣ мѣстъ, объ обиліи промысловъ и разнообразіи почвъ; что онъ увлекся картинностью мѣстоположенья его деревни; что, несмотря, однакоже, на картинность мѣстоположенья, онъ не дерзнулъ бы никакъ обезпокоить его неумѣстнымъ заѣздомъ своимъ, если бы не случилось что-то въ бричкѣ его,

требующее (искусной) руки помощи со стороны кузнецовъ и мастеровъ; что при всемъ томъ, однакоже, если бы даже и ничего не случилось въ его бричкѣ, онъ бы не могъ отказать себѣ въ удовольствіи засвидѣтельствовать ему лично свое почтеніе. Окончивъ рѣчь, гость, съ обворожительной пріятностью подшаркнувъ ножкой, отпрыгнулъ тутъ же нѣсколько назадъ съ легкостью резиннаго мячика.

Андрей Ивановичъ подумалъ, что это долженъ быть какой-нибудь любознательный ученый профессоръ, который ѣздитъ по Россіи затѣмъ, чтобы собирать какія-нибудь растенія или даже предметы ископаемые. Онъ изъявилъ ему всякую готовность споспѣшествовать; предложилъ ему своихъ мастеровъ, колесниковъ и кузнецовъ для поправки брички; просилъ расположиться у него какъ въ собственномъ домѣ; усадилъ обходительнаго гостя въ большія вольтеровскія [кресла] и приготовился слушать его разсказъ, безъ сомнѣнія, объ ученыхъ предметахъ и естественныхъ.

Гость, однакоже, коснулся больше событій внутренняго міра. Заговорилъ о превратностяхъ судьбы; уподобилъ жизнь свою судну посреди морей, гонимому отовсюду вѣтрами; упомянулъ о томъ, что долженъ былъ перемѣнить много мѣстъ и должностей, что много потерпѣлъ за правду, что даже самая жизнь его была не разъ въ опасности со стороны враговъ, и много еще разсказалъ онъ такого, изъ чего Тѣнтѣтниковъ могъ видѣть, что гость его былъ скорѣе практическій человѣкъ. Въ заключеніе всего, онъ высморкался въ бѣлый батистовый платокъ такъ громко, какъ Андрей Ивановичъ еще и не слыхивалъ. Подчасъ попадается въ оркестрѣ такая пройдоха-труба, которая когда хватитъ, покажется, что крякнуло не въ оркестрѣ, но въ собственномъ ухѣ: точно такой же звукъ раздался въ пробужденныхъ покояхъ дремавшаго дома, и немедленно вслѣдъ за нимъ воспослѣдовало благоуханье одеколона, невидимо распространенное ловкимъ встряхнутьемъ носового батистоваго платка.

Читатель, можетъ-быть, уже догадался, что гость былъ не

другой кто, какъ нашъ почтенный, давно нами оставленный Павелъ Ивановичъ Чичиковъ. Онъ немножно постарѣлъ: какъ видно, не безъ бурь и тревогъ было для него это время. Казалось, какъ бы и самый фракъ на немъ немножко поустарѣлъ, и бричка, и кучеръ, и слуга, и лошади, и упряжь какъ бы поистерлись и поизносились. Казалось, какъ бы и самые финансы не были въ завидномъ состояніи. Но выраженье лица, приличье, обхожденье остались тѣ же. Даже, казалось, какъ бы еще пріятнѣе сталъ онъ въ поступкахъ и оборотахъ. Еще ловче подвертывалъ подъ ножку ножку, когда садился въ кресла; еще болѣе было мягкости въ выговорѣ рѣчей, осторожной умѣренности въ словахъ и выраженьяхъ, болѣе умѣнья держать себя и болѣе такту во всемъ. Бѣлѣй и чище снѣговъ были на немъ воротнички и манишка, и, несмотря на то, что былъ онъ съ дороги, ни пушинки не сѣло къ нему на фракъ,—хоть на именинный обѣдъ! Щеки и подбородокъ выбриты были такъ ровно и гладко, что одинъ (развѣ только) слѣпой могъ не полюбоваться пріятной выпуклостью и круглотой ихъ.

Въ домѣ тотъ же часъ произошло преобразованье. Половина его, дотолѣ пребывавшая въ слѣпотѣ, съ заколоченными ставнями, вдругъ прозрѣла и озарилась. Изъ брички стали выносить поклажу; все начало размѣщаться въ освѣтившихся комнатахъ и скоро все приняло такой видъ: комната, опредѣленная быть спальней, вмѣстила въ себѣ вещи, необходимыя для ночного туалета; комната, опредѣленная быть кабинетомъ... Но прежде необходимо знать, что въ этой комнатѣ было три стола: одинъ письменный — передъ диваномъ, другой ломберный—между окнами у стѣны, третій угольный—въ углу, между дверью въ спальню и дверью въ необитаемый залъ съ инвалидною мебелью. На этомъ угольномъ столѣ помѣстилось вынутое изъ чемодана платье, а именно: панталоны (старые и новые) подъ фракъ, панталоны подъ сюртукъ, панталоны сѣренькіе, два бархатныхъ жилета и два атласныхъ, сюртукъ и два фрака. (Жилеты же бѣлаго пике и лѣтнія брюки отошли къ бѣлью

въ комодъ). Все это размѣстилось одинъ на другомъ пирамидкой и прикрылось сверху носовымъ шелковымъ платкомъ. Въ другомъ углу, между дверью и окномъ, выстроились рядкомъ сапоги: сапоги не совсѣмъ новые, сапоги совсѣмъ новые, сапоги съ новыми головками и лакированные полусапожки. Они также стыдливо занавѣсились шелковымъ носовымъ платкомъ, — такъ, какъ бы ихъ тамъ вовсе не было. На столѣ предъ двумя окнами помѣстилась шкатулка. На письменномъ столѣ передъ диваномъ—портфель, банка съ одеколономъ, сургучъ, зубныя щетки, новый календарь и два какіе-то романа, оба вторые тома. Чистое бѣлье (все) помѣстилось въ комодѣ, уже находившемся въ спальнѣ; бѣлье же, которое слѣдовало прачкѣ, завязано было въ узелъ и подсунуто подъ кровать. Чемоданъ, по опростаньи его, былъ тоже подсунутъ подъ кровать. Сабля помѣстилась также въ спальнѣ, повиснувши на гвоздѣ, невдалекѣ отъ кровати. Та и другая комната приняли видъ чистоты и опрятности необыкновенной: нигдѣ ни бумажки, ни перышка, ни соринки. Самый воздухъ какъ-то облагородился: въ немъ утвердился пріятный запахъ здороваго, свѣжаго мужчины, который бѣлья не занашиваетъ, въ баню ходитъ и вытираетъ себя мокрой губкой по воскреснымъ днямъ. Въ вестибюльной комнатѣ покушался было утвердиться на время запахъ служителя Петрушки, но Петрушка скоро перемѣщенъ былъ на кухню, какъ оно и слѣдовало.

Въ первые дни Андрей Ивановичъ опасался за свою независимость, чтобы какъ-нибудь гость не связалъ его, не стѣснилъ какими-нибудь измѣненіями въ образѣ жизни, и не разрушился бы порядокъ дня его, такъ удачно заведенный. Но опасенья были напрасны. Гость показалъ необыкновенно гибкую способность приспособиться ко всему. Одобрилъ философическую неторопливость хозяина, сказавши, что она обѣщаетъ столѣтнюю жизнь. Объ уединеньи (тоже) выразился весьма счастливо — именно, что оно питаетъ великія мысли въ человѣкѣ. Взглянувъ на библіотеку и отозвавшись съ похвалой о книгахъ вообще, замѣтилъ, что

онѣ спасаютъ отъ праздности человѣка. Словомъ, выронилъ словъ не много, но значительныхъ. Въ поступкахъ же своихъ поступалъ еще болѣе кстати: вò-время являлся, вò-время уходилъ; не затруднялъ хозяина запросами въ часы неразговорчивости его; съ удовольствіемъ игралъ съ нимъ въ шахматы, съ удовольствіемъ молчалъ. Въ то время, когда первый пускалъ кудреватыми облаками трубочный дымъ, другой, не куря трубки, придумывалъ соотвѣтствовавшее тому занятіе: вынималъ, напримѣръ, изъ кармана серебряную съ черню табакерку и, утвердивъ ее между двухъ пальцевъ лѣвой руки, оборачивалъ ее быстро пальцемъ правой, въ подобье того, какъ земная сфера обращается около своей оси, или же, просто, барабанилъ по ней пальцами, насвистывая какое-нибудь ни то, ни сё. Словомъ, онъ не мѣшалъ хозяину никакъ. «Я въ первый разъ вижу человѣка, съ которымъ можно жить», говорилъ про себя Тѣнтѣтниковъ. «Вообще этого искусства у насъ мало. Между нами есть довольно людей и умныхъ, и образованныхъ, и добрыхъ, но людей постоянно пріятныхъ, людей постоянно ровнаго характера, людей, съ которыми можно прожить вѣкъ и не поссориться, — я не знаю, много ли у насъ можно отыскать такихъ людей! Вотъ первый, единственный человѣкъ, котораго я вижу!» Такъ отзывался Тѣнтѣтниковъ о своемъ гостѣ.

Чичиковъ, съ своей стороны, былъ очень радъ, что поселился на время у такого мирнаго и смирнаго хозяина. Цыганская жизнь ему надоѣла. Пріотдохнуть, хотя на мѣсяцъ, въ прекрасной деревнѣ, въ виду полей и начинавшейся весны, полезно было даже и въ геморроидальномъ отношеніи.

Трудно было найти лучшій уголокъ для отдохновенія. Весна убрала его красотой несказанной. Чтò яркости въ зелени! Чтò свѣжести въ воздухѣ! Чтò птичьяго крику въ садахъ! Рай, радость и ликованье всего! Деревня звучала и пѣла, какъ будто новорожденная.

Чичиковъ ходилъ много. То направлялъ онъ прогулку

свою по плоской вершинѣ возвышеній (держась краевъ), въ виду разстилавшихся вдали долинъ, по которымъ вездѣ оставались еще большія озера отъ разлитія воды; или же вступалъ въ овраги, — гдѣ едва начинавшія убираться листьями, отягченныя птичьими гнѣздами дерева и узкая просинь чернѣли отъ перекрестнаго летанья, густыми стаями, воронъ,—оглушаемые карканьемъ воронъ, разговорами галокъ и граньями грачей*); или же спускался внизъ къ поёмнымъ мѣстамъ и разорваннымъ плотинамъ — глядѣть, какъ съ оглушительнымъ шумомъ неслась повергаться вода на мельничныя колеса; или же пробирался далѣ къ пристани, откуда неслись, вмѣстѣ съ теченіемъ воды, первыя суда, нагруженныя горохомъ, овсомъ, ячменемъ и пшеницей; или отправлялся въ поля на первыя весеннія работы— глядѣть, какъ свѣжая орань черной полосою проходила по зелени, или же какъ ловкій сѣятель бросалъ изъ горсти сѣмена, ровно, мѣтко, ни зернышка не передавши на ту или другую сторону. Толковалъ и говорилъ и съ приказчикомъ, и съ мужикомъ, и мельникомъ — что̀, и какъ, и каковыхъ урожаевъ нужно ожидать, и на какой ладъ идетъ у нихъ запашка, и на сколько хлѣба продается, и что̀ выбираютъ весной и осенью за умолъ муки, и какъ зовутъ каждаго мужика, и кто съ кѣмъ въ родствѣ, и гдѣ купилъ корову, и чѣмъ кормитъ свинью, словомъ — все. Узналъ и то, сколько перемерло мужиковъ. Оказалось, немного. Какъ умный человѣкъ, замѣтилъ онъ вдругъ, что незавидно идетъ хозяйство у Тѣнтѣтникова: повсюду упущенья, нерадѣнье,

*) Все это мѣсто въ рукописи перечеркнуто и не получило окончательной отдѣлки. Означая курсивомъ слова, написанныя позднѣе сверху строкъ, и заключая въ скобки зачеркнутыя, передаемъ это мѣсто въ близкомъ по возможности видѣ къ тому, какой оно имѣетъ въ рукописи: «или же вступая *въ гущи* въ лѣсныхъ овраги, *гдѣ* (едва начинавшихся) убираться листьями (лѣсовъ, усѣянные вороньи...), *дерева, отягченныя птичьими* гнѣздами (дерева и узкая просинь чернѣла отъ перекрестнаго летанья густыми стаями воронъ, оглушая оглушенными карканьемъ воронъ, разговорами галокъ и граньями) грачей (перекрестными летаньями, помрачавшими небо)». *Ред.*

воровство, не мало и пьянства. И мысленно говорилъ онъ въ себѣ: «Ка́кая, однакоже, скотина Тѣнтѣтниковъ! Запустить имѣніе, которое могло бы приносить, по малой мѣрѣ, пятьдесятъ тысячъ годового доходу!» И, не будучи въ силахъ удержать справедливаго негодованья, повторялъ онъ «Рѣшительно скотина!» Не разъ, посреди такихъ прогулокъ, приходило ему на мысль сдѣлаться когда-нибудь самому,—т. е., разумѣется не теперь, но послѣ, когда обдѣлается главное дѣло и будутъ средства въ рукахъ, — сдѣлаться самому мирнымъ владѣльцемъ подобнаго помѣстья. Тутъ обыкновенно представлялась ему молодая хозяйка, свѣжая, бѣлолицая бабёнка, можетъ-быть, даже изъ купеческаго сословія, впрочемъ, однакоже, образованная и воспитанная такъ, какъ и дворянка,—чтобы понимала и музыку, хотя, конечно, музыка и не главное, но почему же, если уже такъ заведено, зачѣмъ же итти противъ общаго мнѣнія? Представлялось ему и молодое поколѣніе, долженствовавшее увѣковѣчить фамилію Чичиковыхъ: рѣзвунчикъ-мальчишка и красавица-дочка, или даже два мальчугана, двѣ и даже три дѣвочки, чтобы было всѣмъ извѣстно, что онъ дѣйствительно жилъ и существовалъ, а не то, что прошелъ по землѣ какой-нибудь тѣнью или призракомъ,—чтобы не было стыдно и передъ отечествомъ. Представлялось ему даже и то, что не дурно бы и къ чину нѣкоторое прибавленіе: статскій совѣтникъ, напримѣръ, чинъ почтенный и уважительный... И много приходило ему въ голову того, что̀ такъ часто уноситъ человѣка отъ скучной настоящей минуты, теребитъ, дразнитъ, шевелитъ его и бываетъ ему любо даже и тогда, когда увѣренъ онъ самъ, что это никогда не сбудется.

Людямъ Павла Ивановича деревня тоже понравилась. Они такъ же, какъ и онъ, обжились въ ней. Петрушка сошелся очень скоро съ буфетчикомъ Григоріемъ, хотя сначала они оба важничали и дулись другъ передъ другомъ нестерпимо. Петрушка пустилъ Григорію пыль въ глаза тѣмъ, что онъ бывалъ въ Костромѣ, Ярославлѣ, Нижнемъ

и даже въ Москвѣ; Григорій же осадилъ его сразу Петербургомъ, въ которомъ Петрушка не былъ. Послѣдній хотѣлъ было подняться и выѣхать на дальности разстояній тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ онъ бывалъ; но Григорій назвалъ ему такое мѣсто, какого ни на какой картѣ нельзя было отыскать, и насчиталъ тридцать тысячъ слишкомъ верстъ, такъ что Петрушка осовѣлъ, разинулъ ротъ и былъ поднятъ на смѣхъ тутъ же всею дворней. Впрочемъ, дѣло кончилось между ними самой тѣсной дружбой: дядя лысый Пименъ держалъ въ концѣ деревни знаменитый кабакъ, которому имя было «Акулька»; въ этомъ заведеніи видѣли ихъ всѣ часы дня. Тамъ стали они свои други, или то, что̀ называютъ въ народѣ—кабацкіе завсегдатели.

У Селифана была другого рода приманка. На деревнѣ, что̀ ни вечеръ, пѣлись пѣсни, заплетались и расплетались хороводы. Породистыя, стройныя дѣвки, какихъ было трудно найти въ другомъ мѣстѣ, заставляли его по нѣсколькимъ часамъ стоять вороной. Трудно было сказать, которая лучше: всѣ бѣлогрудыя, бѣлошейныя; у всѣхъ глаза рѣпой, у всѣхъ глаза съ поволокой, походка павлиномъ и коса до пояса. Когда, взявшись обѣими руками за бѣлыя руки, медленно двигался онъ съ ними въ хороводѣ или же выходилъ на нихъ стѣной, въ ряду другихъ парней, и погасалъ горячо рдѣющій вечеръ, и тихо померкала вокругъ окольность, и далече за рѣкой отдавался вѣрный отголосокъ неизмѣнно грустнаго напѣва,—не зналъ онъ и самъ тогда, что̀ съ нимъ дѣлалось. Долго потомъ во снѣ и наяву, утромъ и въ сумерки, все мерещилось ему, что въ обѣихъ рукахъ его бѣлыя руки и движется онъ съ ними въ хороводѣ... Махнувъ рукой, говорилъ онъ: «Проклятыя лѣзли дѣвки!»

Конямъ Чичикова понравилось тоже новое жилище. И коренной, и пристяжной каурой масти, называемый Засѣдателемъ, и самый чубарый, о которомъ выражался Селифанъ: «подлецъ-лошадь», нашли пребываніе у Тѣнтѣтникова совсѣмъ нескучнымъ, овесъ отличнымъ, а расположенье конюшенъ необыкновенно удобнымъ: у всякаго стойло,

хотя и отгороженное, но черезъ перегородки можно было видѣть и другихъ лошадей, такъ что, если бы пришла кому-нибудь изъ нихъ, даже самому дальнему, фантазія вдругъ заржать, то можно было ему отвѣтствовать тѣмъ же тотъ же часъ.

Словомъ, всѣ обжились, какъ дома. Читатель, можетъ-быть, изумляется, что Чичиковъ доселѣ не заикнулся по части извѣстныхъ душъ. Какъ бы не такъ! Павелъ Ивановичъ сталъ очень остороженъ насчетъ этого предмета. Если бы даже пришлось вести дѣло съ дураками круглыми, онъ бы и тутъ не вдругъ его началъ. Тѣнтѣтниковъ же, какъ бы то ни было, читаетъ книги, философствуетъ, старается изъяснить себѣ всякія причины всего—и отчего, и почему... «Нѣтъ, чортъ его возьми! развѣ начать съ другого конца?» Такъ думалъ Чичиковъ. Раздобарывая почасту съ дворовыми людьми, онъ, между прочимъ, отъ нихъ развѣдалъ, что баринъ ѣздилъ прежде довольно нерѣдко къ сосѣду-генералу, что у генерала барышня, что баринъ было къ барышнѣ, да и барышня тоже къ барину... но потомъ вдругъ за что-то не поладили и разошлись. Онъ замѣтилъ и самъ, что Андрей Ивановичъ карандашомъ и перомъ все рисовалъ какія-то головки, одна на другую похожія. Одинъ разъ (скоро) послѣ обѣда, оборачивая, по обыкновенію, пальцемъ серебряную табакерку вокругъ ея оси, сказалъ онъ такъ: «У васъ все есть, Андрей Ивановичъ; одного только недостаетъ».—«Чего?» спросилъ тотъ, выпуская кудреватый дымъ. — «Подруги жизни», сказалъ Чичиковъ. Ничего не сказалъ Андрей Ивановичъ; тѣмъ разговоръ и кончился. Чичиковъ не смутился, выбралъ другое время, уже передъ ужиномъ, и, разговаривая о томъ и о семъ, сказалъ вдругъ: «А право, Андрей Ивановичъ, вамъ бы очень не мѣшало жениться». Хоть бы слово сказалъ на это Тѣнтѣтниковъ, точно какъ бы и самая рѣчь объ этомъ была ему непріятна. Чичиковъ не смутился. Въ третій разъ выбралъ онъ время, уже послѣ ужина, и сказалъ такъ: «А все-таки, какъ ни переворочу обстоятельства ваши, вижу,

что нужно вамъ жениться: впадете въ ипохондрію». Слова ли Чичикова были на этотъ разъ такъ убѣдительны, или же расположенье духа у Андрея Ивановича было какъ-то особенно настроено къ откровенности, — онъ вздохнулъ и сказалъ, пустивши кверху трубочный дымъ: «На все нужно родиться счастливцемъ, Павелъ Иванычъ». И разсказалъ все, какъ было, всю исторію знакомства съ генераломъ и разрыва.

Когда услышалъ Чичиковъ, отъ слова до слова, все дѣло и увидѣлъ, что изъ-за одного слова *ты* произошла такая исторія, онъ оторопѣлъ. Нѣсколько минутъ смотрѣлъ пристально въ глаза Тѣнтѣтникова и заключилъ: «Да онъ, просто, круглый дуракъ!»

«Андрей Ивановичъ, помилуйте!» сказалъ онъ, взявши его за обѣ руки: «какое-жъ оскорбленіе? что̀-жъ тутъ оскорбительнаго въ словѣ *ты?*»

«Въ самомъ словѣ нѣтъ ничего оскорбительнаго», сказалъ Тѣнтѣтниковъ: «но въ смыслѣ слова, но въ голосѣ, съ которымъ сказано оно, заключается оскорбленье. *Ты!* — это значитъ: «помни, что ты дрянь; я принимаю тебя потому только, что нѣтъ никого лучше, а пріѣхала какая-нибудь княжна Юзякина, — ты знай свое мѣсто, стой у порога». Вотъ что̀ это значитъ!» Говоря это, смирный и кроткій Андрей Ивановичъ засверкалъ глазами; въ голосѣ его послышалось раздраженье оскорбленнаго чувства.

«Да хоть бы даже и въ этомъ смыслѣ,—что̀-жъ тутъ такого?» сказалъ Чичиковъ.

«Какъ?» сказалъ Тѣнтѣтниковъ, смотря пристально въ глаза Чичикову: «вы хотите, чтобы [я] продолжалъ бывать у него послѣ такого поступка?»

«Да какой же это поступокъ? это даже не поступокъ!» сказалъ Чичиковъ.

«Какой странный человѣкъ этотъ Чичиковъ!» подумалъ про себя Тѣнтѣтниковъ.

«Какой странный человѣкъ этотъ Тѣнтѣтниковъ!» подумалъ про себя Чичиковъ.

«Это не поступокъ, Андрей Ивановичъ. Это, просто, генеральская привычка: они всѣмъ говорятъ *ты*. Да, впрочемъ, почему этого и не позволить заслуженному, почтенному человѣку?»

«Это другое дѣло», сказалъ Тѣнтѣтниковъ. «Если бы онъ былъ старикъ, бѣднякъ, не гордъ, не чванливъ, не генералъ, я бы тогда позволилъ ему говорить мнѣ *ты* и принялъ бы даже почтительно».

«Онъ совсѣмъ дуракъ!» подумалъ про себя Чичиковъ. «Оборвышу позволить, а генералу не позволить!» И, вслѣдъ за такимъ размышленьемъ, такъ возразилъ ему вслухъ: «Хорошо; положимъ, онъ васъ оскорбилъ, за то вы и поквитались съ нимъ: онъ вамъ, и вы ему. Но разставаться навсегда изъ пустяка,—помилуйте, на что̀ же это похоже? Какъ же оставлять дѣло, которое только-что началось? Если уже избрана цѣль, такъ тутъ уже нужно итти на-проломъ. Что̀ тутъ глядѣть на то, что человѣкъ плюется! Человѣкъ всегда плюется; да вы не отыщете теперь ни одного человѣка въ свѣтѣ, который бы не плевался».

Тѣнтѣтниковъ совершенно озадачился этими словами, оторопѣлъ, глядѣлъ въ глаза Павлу Ивановичу и думалъ про себя: «Престранный, однакожъ, человѣкъ этотъ Чичиковъ!»

«Какой, однакоже, чудакъ этотъ Тѣнтѣтниковъ!» думалъ между тѣмъ Чичиковъ. «Позвольте мнѣ какъ-нибудь обдѣлать это дѣло», сказалъ онъ вслухъ. «Я могу съѣздить къ его превосходительству и объясню, что случилось это съ вашей стороны по недоразумѣнію, по молодости и незнанью людей и свѣта».

«Подличать передъ нимъ я не намѣренъ!» сказалъ сильно Тѣнтѣтниковъ.

«Сохрани Богъ подличать!» сказалъ Чичиковъ и перекрестился. «Подѣйствовать словомъ увѣщанья, какъ благоразумный посредникъ, но подличать... извините, Андрей Ивановичъ, за мое доброе желанье и преданность, я даже не ожидалъ, чтобы слова принимали вы въ такомъ обидномъ смыслѣ!»

«Простите, Павелъ Ивановичъ, я виноватъ!» сказалъ тронутый Тѣнтѣтниковъ, схвативши признательно обѣ его руки. «Ваше доброе участіе мнѣ дорого, клянусь! Но оставимъ этотъ разговоръ, не будемъ больше никогда объ этомъ говорить!»

«Въ такомъ случаѣ я поѣду, просто, къ генералу безъ причины», сказалъ Чичиковъ.

«Зачѣмъ?» спросилъ Тѣнтѣтниковъ, въ недоумѣніи смотря на Чичикова.

«Засвидѣтельствовать почтенье», сказалъ Чичиковъ.

«Какой странный человѣкъ этотъ Чичиковъ!» подумалъ Тѣнтѣтниковъ.

«Какой странный человѣкъ этотъ Тѣнтѣтниковъ!» подумалъ Чичиковъ.

«Такъ какъ моя бричка», сказалъ Чичиковъ: «не пришла еще въ надлежащее состояніе, то позвольте мнѣ взять у васъ коляску. Я бы завтра же, этакъ около десяти часовъ, къ нему съѣздилъ».

«Помилуйте, что̀ за просьба! Вы — полный господинъ, выбирайте, какой хотите, экипажъ: все въ вашемъ распоряженіи».

Они простились и разошлись спать, не безъ разсужденья о странностяхъ другъ друга.

Чудная, однакоже, вещь: на другой день, когда подали Чичикову лошадей и вскочилъ онъ въ коляску, съ легкостью почти военнаго человѣка, одѣтый въ новый фракъ, бѣлый галстукъ и жилетъ, и покатился свидѣтельствовать почтенье генералу,—Тѣнтѣтниковъ пришелъ въ такое волненье духа, какого давно не испытывалъ. Весь этотъ ржавый и дремлющій ходъ его мыслей превратился въ дѣятельно-безпокойный. Возмущенье нервическое обуяло вдругъ всѣми чувствами доселѣ погруженнаго въ безпечную лѣнь байбака. То садился онъ на диванъ, то подходилъ къ окну, то принимался за книгу, то хотѣлъ мыслить. Безуспѣшное хотѣнье! Мысль не лѣзла къ нему въ голову. То старался ни о чемъ не мыслить. Безуспѣшное стараніе. Отрывки

чего-то похожаго на мысли, концы и хвостики мыслей лѣзли и отовсюду наклевывались къ нему въ голову. «Странное состоянье!» сказалъ онъ и придвинулся къ окну—глядѣть на дорогу, прорѣзавшую дуброву, въ концѣ которой еще курилась, не успѣвшая улечься, пыль, поднятая уѣхавшей коляской. Но оставимъ Тѣнтѣтникова и послѣдуемъ за Чичиковымъ.

ГЛАВА II.

Въ полчаса съ небольшимъ кони пронесли Чичикова чрезъ десятиверстное пространство — сначала дубровою, потомъ хлѣбами, начинавшими зеленѣть посреди свѣжей орани, потомъ горной окраиной, съ которой поминутно открывались виды на отдаленья, — и наконецъ, широкою аллеею раскидистыхъ липъ внесли его въ генеральскую деревню. Аллея липъ превратилась въ аллею тополей, огороженныхъ снизу плетеными коробками, и уперлась въ чугунныя сквозныя ворота, сквозь которыя глядѣлъ кудряво-великолѣпный рѣзной фронтонъ генеральскаго дома, опиравшійся на восемь колоннъ съ коринѳскими капителями. Пахнуло повсюду масляной краской, которою безпрерывно обновлялось все, ничему не давая состарѣться. Дворъ чистотой подобенъ былъ паркету. Подкативши къ подъѣзду, Чичиковъ съ почтеньемъ соскочилъ на крыльцо, приказалъ о себѣ доложить и былъ введенъ прямо въ кабинетъ.

Генералъ поразилъ его величественной наружностью. Онъ былъ на ту пору въ атласномъ малиновомъ халатѣ. Открытый взглядъ, лицо мужественное, бакенбарды и большіе усы съ просѣдью, стрижка низкая, а на затылкѣ даже подъ гребенку, шея толстая, широкая, такъ-называемая въ три этажа (въ три складки съ трещиной поперекъ), голосъ — басъ съ нѣкоторою охрипью, движенья генеральскія. Генералъ Бетрищевъ, какъ и всѣ мы грѣшные, былъ одаренъ многими достоинствами и многими недостатками. То и другое, какъ случается въ русскомъ человѣкѣ, было набросано

въ немъ въ какомъ-то картинномъ безпорядкѣ: самопожертвованье, великодушье, въ рѣшительныя минуты храбрость, умъ и ко всему этому—изрядная подмѣсь себялюбья, честолюбья, самолюбья, мелочной щекотливости личной и многаго того, безъ чего уже не обходится человѣкъ. Всѣхъ, которые ушли впередъ его по службѣ, онъ не любилъ, выражался о нихъ ѣдко, въ сардоническихъ, колкихъ эпиграммахъ. Всего больше доставалось отъ него его прежнему сотоварищу, котораго считалъ онъ ниже себя и умомъ, и способностями, и который, однакоже, обогналъ его и былъ уже генералъ-губернаторомъ двухъ губерній, въ одной изъ которыхъ находились его помѣстья, такъ что онъ очутился какъ бы въ зависимости отъ него. Въ отместку, язвилъ онъ его при всякомъ случаѣ, критиковалъ всякое распоряженье и видѣлъ во всѣхъ мѣрахъ и дѣйствіяхъ его верхъ неразумія. Несмотря на доброе сердце, генералъ былъ насмѣшливъ. Вообще говоря, онъ любилъ первенствовать, любилъ ѳиміамъ, любилъ блеснуть и похвастаться умомъ, любилъ знать то, чего другіе не знаютъ, и не любилъ тѣхъ людей, которые знаютъ что-нибудь такое, чего онъ не знаетъ. Воспитанный полуиностраннымъ воспитаньемъ, онъ хотѣлъ сыграть въ то же время роль русскаго барина. Съ такой неровностью въ характерѣ, съ такими крупными, яркими противоположностями, онъ долженъ былъ неминуемо встрѣтить по службѣ кучу непріятностей, вслѣдствіе которыхъ и вышелъ въ отставку, обвиняя во всемъ какую-то враждебную партію и не имѣя великодушія обвинить въ чемъ-либо себя самого. Въ отставкѣ сохранилъ онъ ту же картинную, величавую осанку. Въ сюртукѣ ли, во фракѣ ли, въ халатѣ—онъ былъ все тотъ же. Отъ голоса до малѣйшаго тѣлодвиженья въ немъ все было властительное, повелѣвающее, внушавшее въ низшихъ чинахъ если не уваженіе, то, по крайней мѣрѣ, робость.

Чичиковъ почувствовалъ то и другое: и уваженье, и робость. Наклоня почтительно голову на-бокъ, началъ онъ такъ: «Счелъ долгомъ представиться вашему превосходи-

тельству. Питая уваженіе къ доблестямъ мужей, спасавшихъ отечество на бранномъ полѣ, счелъ долгомъ представиться лично вашему превосходительству».

Генералу, какъ видно, не непонравился такой приступъ. Сдѣлавши весьма милостивое движенье головою, онъ сказалъ: «Весьма радъ познакомиться. Милости просимъ садиться. Вы гдѣ служили?»

«Поприще службы моей», сказалъ Чичиковъ, садясь въ кресла не въ серединѣ, но наискось, и ухватившись рукою за ручку креселъ: «началось въ казенной палатѣ, ваше превосходительство; дальнѣйшее же теченье оной продолжалъ въ разныхъ мѣстахъ: былъ и въ надворномъ судѣ, и въ коммиссіи построенія, и въ таможнѣ. Жизнь мою можно уподобить судну среди волнъ, ваше превосходительство. На терпѣньи, можно сказать, выросъ, терпѣньемъ воспоенъ, терпѣньемъ спеленатъ, и самъ, такъ сказать, не что̀ другое, какъ одно терпѣнье. А ужъ сколько претерпѣлъ отъ враговъ, такъ ни слова̀, ни краски не сумѣютъ передать. Теперь же, на вечерѣ, такъ сказать, жизни своей, ищу уголка, гдѣ бы провесть остатокъ дней. Пріостановился же, покуда, у близкаго сосѣда вашего превосходительства...»

«У кого это?»

«У Тѣнтѣтникова, ваше превосходительство».

Генералъ поморщился.

«Онъ, ваше превосходительство, весьма раскаивается въ томъ, что не оказалъ должнаго уваженья...»

«Къ чему уваженья?»

«Къ заслугамъ вашего превосходительства», сказалъ Чичиковъ. «Не находитъ словъ, (не знаетъ, какъ загладить проступокъ). Говоритъ: «Если бы я только могъ передъ его превосходительствомъ чему-нибудь... потому что, точно», говоритъ, «умѣю цѣнить мужей, спасавшихъ отечество...»

«Помилуйте, что̀-жъ онъ?... Да вѣдь я не сержусь!» сказалъ смягчившійся генералъ. «Въ душѣ моей я искренно полюбилъ его и увѣренъ, что со временемъ онъ будетъ преполезный человѣкъ».

«Преполезный!» подхватилъ Чичиковъ: «обладаетъ даромъ слова и владѣетъ перомъ».

«Но пишетъ, я чай, пустяки, какіе-нибудь стишки?»

«Нѣтъ, ваше превосходительство, не пустяки...»

«Что̀-жъ такое?»

«Онъ пишетъ... исторію, ваше превосходительство».

«Исторію! о чемъ исторію?»

«Исторію...» тутъ Чичиковъ остановился, и оттого ли, что передъ нимъ сидѣлъ генералъ, или, просто, чтобы придать болѣе важности предмету, прибавилъ: «исторію о генералахъ, ваше превосходительство».

«Какъ о генералахъ? о какихъ генералахъ?»

«Вообще о генералахъ, ваше превосходительство, въ общности... то-есть, говоря собственно, объ отечественныхъ генералахъ».

«Извините, я не очень понимаю... что̀-жъ это? выходитъ, исторію какого-нибудь времени, или отдѣльныя біографіи, и притомъ всѣхъ-ли, или только участвовавшихъ въ 12-мъ году?»

«Точно такъ, ваше превосходительство, участвовавшихъ въ 12-мъ году!»

«Такъ что̀-жъ онъ ко мнѣ не пріѣдетъ? Я бы могъ собрать ему весьма много любопытныхъ матеріаловъ».

«Не смѣетъ, ваше превосходительство».

«Какой вздоръ! Изъ какого-нибудь пустого слова... Да я совсѣмъ не такой человѣкъ. Я, пожалуй, къ нему самъ готовъ пріѣхать».

«Онъ къ тому не допуститъ, онъ самъ пріѣдетъ», сказалъ Чичиковъ и въ то же время подумалъ въ себѣ: «Генералы пришлись, однакоже, кстати; между тѣмъ вѣдь языкъ совершенно болтнулъ сдуру».

Въ кабинетѣ послышался шорохъ. Орѣховая дверь рѣзного шкафа отворилась сама собою. На обратной половинѣ растворенной двери, ухватившись чудесной ручкой за ручку двери, явилась живая фигурка. Если бы въ темной комнатѣ вдругъ вспыхнула прозрачная картина, освѣщенная сзади

лампою, она бы не поразила такъ, какъ эта сіявшая жизнью фигурка, которая точно предстала затѣмъ, чтобы освѣтить комнату. Казалось, какъ бы вмѣстѣ съ нею влетѣлъ солнечный лучъ въ комнату, озарившій вдругъ потолокъ, карнизъ и темные углы ея. Она казалась блистающаго роста. Это было обольщенье; происходило это отъ необыкновенной стройности и гармоническаго соотношенья между собою всѣхъ частей тѣла, отъ головы до пальчиковъ. Одноцвѣтное платье, на ней наброшенное, было наброшено съ такимъ [вкусомъ], что, казалось, швеи столицъ совѣщались между собой, какъ бы получше убрать ее. Это былъ обманъ. Одѣлась она кое-какъ, сама собой; въ двухъ-трехъ мѣстахъ схватила неизрѣзанный кусокъ ткани, и онъ прильнулъ и расположился вокругъ нея въ такихъ складкахъ, что ваятель перенесъ бы ихъ тотчасъ же на мраморъ, и барышни, одѣтыя по модѣ, всѣ казались бы передъ ней какими-то пеструшками. Несмотря на то, что Чичикову почти знакомо было лицо ея по рисункамъ Андрея Ивановича, онъ смотрѣлъ на нее, какъ оторопѣлый, и потомъ уже замѣтилъ, что у нея былъ существенный недостатокъ, именно—недостатокъ толщины.

«Рекомендую вамъ мою баловницу!» сказалъ генералъ, обратясь къ Чичикову. «Однакожъ, я вашего имени и отчества до сихъ поръ не знаю».

«Впрочемъ, должно ли быть знаемо имя и отчество человѣка, не ознаменовавшаго себя доблестями?» сказалъ Чичиковъ.

«Все же, однакожъ, нужно знать...»

«Павелъ Ивановичъ, ваше превосходительство», проговорилъ Чичиковъ, съ легкимъ наклономъ головы на-бокъ.

«Улинька! Павелъ Ивановичъ сейчасъ сказалъ преинтересную новость. Сосѣдъ нашъ Тѣнтѣтниковъ совсѣмъ не такой глупый человѣкъ, какъ мы полагали. Онъ занимается довольно важнымъ дѣломъ: исторіей генераловъ двѣнадцатаго года».

Улинька вдругъ какъ бы вспыхнула и оживилась. «Да

кто же думалъ, что онъ глупый человѣкъ?» проговорила она быстро. «Это могъ думать развѣ одинъ только Вишнепокромовъ, которому ты вѣришь, папа, который и пустой, и низкій человѣкъ!»

«Зачѣмъ же низкій? Онъ пустоватъ, это правда», сказалъ генералъ.

«Онъ подловатъ и гадковатъ, не только что пустоватъ», подхватила живо Улинька. «Кто такъ обидѣлъ своихъ братьевъ и выгналъ изъ дому родную сестру, тотъ гадкій человѣкъ»...

«Да вѣдь это разсказываютъ только».

«Разсказывать не будутъ напрасно. У тебя, отецъ, добрѣйшая душа и рѣдкое сердце, но ты поступаешь такъ, что иной подумаетъ о тебѣ совсѣмъ другое. Ты будешь принимать человѣка, о которомъ самъ знаешь, что онъ дуренъ, потому что онъ только краснобай и мастеръ передъ тобой увиваться».

«Душа моя! вѣдь мнѣ-жъ не прогнать его», сказалъ генералъ.

«Зачѣмъ прогонять, зачѣмъ и любить?!»

«А вотъ и нѣтъ, ваше превосходительство», сказалъ Чичиковъ Улинькѣ, съ легкимъ наклономъ головы, съ пріятной улыбкой: «По христіанству, именно такихъ мы должны любить». И тутъ же, обратясь къ генералу, сказалъ съ улыбкой, уже нѣсколько плутоватой: «Изволили ли, ваше превосходительство, слышать когда-нибудь о томъ, что̀ такое—«*полюби насъ черненькими, а бѣленькими насъ всякій полюбитъ?*»

«Нѣтъ, не слыхалъ».

«А это преказусный анекдотъ», сказалъ Чичиковъ съ плутоватой улыбкой. «Въ имѣніи, ваше превосходительство, у князя Гукзо̀вскаго, котораго, безъ сомнѣнія, ваше превосходительство, изволите знать...»

«Не знаю».

«Былъ управитель, ваше превосходительство, изъ нѣмцевъ, молодой человѣкъ. По случаю поставки рекрутъ и

прочаго, имѣлъ онъ надобность пріѣзжать въ городъ и, разумѣется, подмазывать судейскихъ. Впрочемъ, и они тоже полюбили, угощали. Вотъ какъ-то одинъ разъ у нихъ на обѣдѣ говоритъ онъ: «Чтò-жъ, господа, когда-нибудь и ко мнѣ, въ имѣнье къ князю». Говорятъ: «Пріѣдемъ». Скоро послѣ того случилось выѣхать суду на слѣдствіе, по дѣлу, случившемуся во владѣніяхъ графа Трехметьева, котораго, ваше превосходительство, безъ сомнѣнія, тоже изволите знать».

«Не знаю».

«Самого-то слѣдствія они не дѣлали, а всѣмъ судомъ заворотили на экономическій дворъ, къ старику, графскому эконому, да три дня и три ночи безъ просыпу—въ карты. Самоваръ и пуншъ, разумѣется, со стола не сходятъ. Старику-то они ужъ и надоѣли. Чтобы какъ-нибудь отъ нихъ отдѣлаться, онъ и говоритъ: «Вы бы, господа, заѣхали къ княжому управителю-нѣмцу: онъ недалеко отсюда».—«А и въ самомъ дѣлѣ», говорятъ, и съ-полупьяна, небритые и заспанные, какъ были, на телѣги да къ нѣмцу... А нѣмецъ, ваше превосходительство, надобно знать, въ это время только-что женился; женился на институткѣ, молоденькой, субтильной (Чичиковъ выразилъ въ лицѣ своемъ субтильность). Сидятъ они двое за чаемъ, ни о чемъ не думая, вдругъ отворяются двери—и ввалилось сонмище».

«Воображаю—хороши!» сказалъ генералъ, смѣясь.

«Управитель такъ и оторопѣлъ, говоритъ: «Чтò вамъ угодно?»—«А!» говорятъ, «такъ вотъ ты какъ!» И вдругъ, съ этимъ словомъ, перемѣна лицъ и физіогноміи... «За дѣломъ! Сколько вина выкуривается по имѣнью? Покажите книги!» Тотъ сюды-туды. «Эй, понятыхъ!» Взяли, связали, да въ городъ, да полтора года и просидѣлъ нѣмецъ въ тюрьмѣ».

«Вотъ на!» сказалъ генералъ.

Улинька всплеснула руками.

«Жена—хлопотать!» продолжалъ Чичиковъ. «Ну, чтò-жъ можетъ какая-нибудь неопытная молодая женщина? Спа-

сибо, что случились добрые люди, которые посовѣтовали пойти на мировую. Отдѣлался онъ двумя тысячами да угостительнымъ обѣдомъ. И на обѣдѣ, когда всѣ уже развеселились, и онъ также, вотъ и говорятъ они ему: «Не стыдно ли тебѣ такъ поступить съ нами? Ты все бы хотѣлъ насъ видѣть прибранными, да выбритыми, да во фракахъ. Нѣтъ, *ты полюби насъ черненькими, а бѣленькими насъ всякій полюбитъ*».

Генералъ расхохотался; болѣзненно застонала Улинька.

«Я не понимаю, папа, какъ ты можешь смѣяться!» сказала она быстро. Гнѣвъ отемнилъ прекрасный лобъ ея... «Безчестнѣйшій поступокъ, за который, я не знаю, куда бы ихъ слѣдовало всѣхъ услать...»

«Другъ мой, я ихъ ничуть не оправдываю», сказалъ генералъ: «но что̀-жъ дѣлать, если смѣшно? Какъ бишь: «полюби насъ бѣленькими?..»

«Черненькими, ваше превосходительство», подхватилъ Чичиковъ.

«Полюби насъ черненькими, а бѣленькими насъ всякій полюбитъ. Ха, ха, ха, ха!» И туловище генерала стало колебаться отъ смѣха. Плечи, носившія нѣкогда густые эполеты, тряслись, точно, какъ бы носили и понынѣ густые эполеты.

Чичиковъ разрѣшился тоже междометіемъ смѣха, но, изъ уваженія къ генералу, пустилъ его на букву *е*: хе, хе, хе, хе, хе! И туловище его также стало колебаться отъ смѣха, хотя плечи и не тряслись, ибо не носили густыхъ эполетъ.

«Воображаю, хорошъ былъ небритый судъ!» говорилъ генералъ, продолжая смѣяться.

«Да, ваше превосходительство, какъ бы то ни было, трехдневное бдѣніе безъ просыпу—тотъ же постъ: поизнурились, поизнурились!» говорилъ Чичиковъ, продолжая смѣяться.

Улинька опустилась въ кресла и закрыла рукой прекрасные глаза; какъ бы досадуя на то, что не съ кѣмъ было подѣлиться негодованіемъ, сказала она: «Я не знаю, меня только беретъ одна досада».

Въ самомъ дѣлѣ, необыкновенно странны были своею противоположностью тѣ чувства, которыя происходили въ сердцахъ троихъ бесѣдовавшихъ людей. Одному была смѣшна неповоротливая ненаходчивость нѣмца; другому смѣшно было оттого, что смѣшно изворотились плуты; третьему было грустно, что безнаказанно совершился несправедливый поступокъ. Не было только четвертаго, который бы задумался именно надъ этими словами, произведшими смѣхъ въ одномъ и грусть въ другомъ. Что̀ значитъ, однакоже, что и въ паденьи своемъ гибнущій грязный человѣкъ требуетъ любви къ себѣ? Животный ли инстинктъ это? или слабый крикъ души, заглушенной (тяжелымъ) гнетомъ подлыхъ страстей, еще пробивающійся сквозь деревенящую кору мерзостей, еще вопіющій: «Братъ, спаси!» Не было четвертаго, которому бы тяжелѣй всего была погибающая душа его брата.

«Я не знаю», говорила Улинька, отнимая отъ лица руку: «меня одна только досада беретъ».

«Только, пожалуйста, не гнѣвайся на насъ», сказалъ генералъ. «Мы тутъ ни въ чемъ не виноваты. Поцѣлуй меня и уходи къ себѣ, потому что я сейчасъ буду одѣваться къ обѣду. Вѣдь ты обѣдаешь у меня?» сказалъ генералъ, вдругъ обратясь къ Чичикову.

«Если только ваше превосходительство...»

«Безъ церемоніи. Щи есть!»

Чичиковъ пріятно наклонилъ голову, и когда приподнялъ потомъ ее вверхъ, онъ уже не увидалъ Улиньки: она исчезнула. Намѣсто ея предсталъ, въ густыхъ усахъ и бакенбардахъ, великанъ-камердинеръ, съ серебряной лоханкой и рукомойникомъ въ рукахъ.

«Ты мнѣ позволишь одѣваться при себѣ?» сказалъ генералъ, скидая халатъ и засучивая рукава рубашки на богатырскихъ рукахъ.

«Помилуйте, не только одѣваться, но можете совершать при мнѣ все, что̀ угодно вашему превосходительству», сказалъ Чичиковъ.

Генералъ сталъ умываться, брызгаясь и фыркая, какъ утка. Вода съ мыломъ летѣла во всѣ стороны.

«Какъ бишь?» сказалъ онъ, вытирая со всѣхъ сторонъ свою толстую шею: «полюби насъ бѣленькими?..»

«Черненькими, ваше превосходительство».

«Полюби насъ черненькими, а бѣленькими насъ всякій полюбитъ. Очень, очень хорошо!»

Чичиковъ былъ въ духѣ необыкновенномъ; онъ чувствовалъ какое-то вдохновенье. «Ваше превосходительство!» сказалъ онъ.

«Что̀?» сказалъ генералъ.

«Есть еще одна исторія».

«Какая?»

«Исторія тоже смѣшная, но мнѣ-то отъ ней не смѣшно. Даже такъ, что если ваше превосходительство...»

«Какъ такъ?»

«Да вотъ, ваше превосходительство, какъ!..» Тутъ Чичиковъ осмотрѣлся и, увидя, что камердинеръ съ лоханкою вышелъ, началъ такъ: «Есть у меня дядя, дряхлый старикъ. У него триста душъ и, кромѣ меня, наслѣдниковъ никого. Самъ управлять имѣньемъ, по дряхлости, не можетъ, а мнѣ не передаетъ тоже. И какой странный приводитъ резонъ: «Я», говоритъ, «племянника не знаю; можетъ-быть, онъ мотъ. Пусть онъ докажетъ мнѣ, что онъ надежный человѣкъ, пусть пріобрѣтетъ прежде самъ собой триста душъ, тогда я ему отдамъ и свои триста душъ».

«Какой дуракъ!»

«Справедливо изволили замѣтить, ваше превосходительство. Но представьте же теперь мое положеніе...» Тутъ Чичиковъ, понизивши голосъ, сталъ говорить какъ бы по секрету: «У него въ домѣ, ваше превосходительство, есть ключница, а у ключницы дѣти. Того и смотри, все перейдетъ имъ».

«Выжилъ глупый старикъ изъ ума и больше ничего» сказалъ генералъ. «Только я не вижу, чѣмъ тутъ я могу пособить».

«Я придумалъ вотъ что̀. Теперь покуда новыя ревизскія сказки не поданы, у помѣщиковъ большихъ имѣній наберется не мало, на ряду съ душами живыми, отбывшихъ и умершихъ... Такъ, если, напримѣръ, ваше превосходительство передадите мнѣ ихъ въ такомъ видѣ, какъ бы они были живыя, съ совершеньемъ купчей крѣпости, я бы тогда эту крѣпость представилъ старику, и онъ, какъ ни вертись, а наслѣдство бы мнѣ отдалъ».

Тутъ генералъ разразился такимъ смѣхомъ, какимъ врядъ ли когда смѣялся человѣкъ: какъ былъ, такъ и повалился онъ въ кресла; голову забросилъ назадъ и чуть не захлебнулся. Весь домъ встревожился. Предсталъ камердинеръ. Дочь прибѣжала въ испугѣ.

«Папа, что̀ съ тобой случилось?»

«Ничего, мой другъ. Ха, ха, ха! Ступай къ себѣ, мы сейчасъ явимся обѣдать. Ха, ха, ха!»

И нѣсколько разъ, задохнувшись, вырывался съ новою силою генеральскій хохотъ, раздаваясь отъ передней до послѣдней комнаты, въ высокихъ, звонкихъ генеральскихъ покояхъ.

Чичиковъ съ безпокойствомъ ожидалъ конца этому необыкновенному смѣху.

«Ну, братъ, извини: тебя самъ чортъ угораздилъ на такую штуку. Ха, ха, ха! Попотчивать старика, подсунуть ему мертвыхъ! Ха, ха, ха, ха! Дядя-то, дядя! Въ какихъ дуракахъ дядя! Ха, ха, ха, ха!»

Чичиковъ находился нѣсколько даже въ конфузномъ положеніи: тутъ же стоялъ камердинеръ, разинувши ротъ и выпуча глаза.

«Ваше превосходительство, вѣдь смѣхъ этотъ выдумали слезы», сказалъ онъ.

«Извини, братъ! Ну, уморилъ. Да я бы пятьсотъ тысячъ далъ за то только, чтобы посмотрѣть на твоего дядю въ то время, какъ ты поднесешь ему купчую на мертвыя души. Да что̀, онъ слишкомъ старъ? Сколько ему лѣтъ?»

«Восемьдесятъ лѣтъ, ваше превосходительство. Но это

келейное, я бы... чтобы...» Чичиковъ посмотрѣлъ значительно въ лицо генерала и въ то же время искоса на камердинера.

«Поди вонъ, братецъ. Придешь послѣ», сказалъ генералъ камердинеру. Усачъ удалился.

«Да, ваше превосходительство... Это, ваше превосходительство, дѣло такое, что я бы хотѣлъ подержать его въ секретѣ...»

«Разумѣется, я это очень понимаю. Экой дуракъ старикъ! Вѣдь придетъ же въ 80 лѣтъ этакая дурь въ голову! Да что̀ онъ съ виду какъ? бодръ? держится еще на ногахъ?»

«Держится, но съ трудомъ».

«Экой дуракъ! И зубы есть?»

«Два зуба всего, ваше превосходительство».

«Экой оселъ! Ты, братецъ, не сердись... а вѣдь онъ оселъ».

«Точно такъ, ваше превосходительство. Хоть онъ мнѣ и родственникъ, и тяжело сознаваться въ этомъ, но дѣйствительно—оселъ». Впрочемъ, какъ читатель можетъ смекнуть и самъ, Чичикову не тяжело было въ этомъ сознаться, тѣмъ болѣе, что врядъ ли у него былъ когда-либо какой дядя. «Такъ если, ваше превосходительство, будете уже такъ добры...»

«Чтобы отдать тебѣ мертвыхъ душъ? Да за такую выдумку я ихъ тебѣ съ землей, съ жильемъ! Возьми себѣ все кладбище! Ха, ха, ха, ха! Старикъ-то, старикъ! Ха, ха, ха, ха! Въ какихъ дуракахъ! Ха, ха, ха, ха!» И генеральскій смѣхъ пошелъ отдаваться вновь по генеральскимъ покоямъ *).

*) Послѣ этого значительный пропускъ.

Въ первомъ изданіи второго тома «Мертвыхъ Душъ» С. П. Шевыревъ замѣтилъ: «Здѣсь пропущено примиреніе генерала Бетрищева съ Тѣнтѣтниковымъ; обѣдъ у генерала и бесѣда ихъ о двѣнадцатомъ годѣ; помолвка Улиньки за Тѣнтѣтникова; молитва ея и плачъ на гробѣ матери; бесѣда помолвленныхъ въ саду. Чичиковъ отправляется, по порученію генерала Бетрищева, къ родственникамъ его, для извѣщенія о помолвкѣ дочери, и ѣдетъ къ одному изъ этихъ родственниковъ, полковнику Кошкареву». Ср. ниже въ «Примѣчаніяхъ». *Ред.*

ГЛАВА III.

«Нѣтъ, я не такъ», говорилъ Чичиковъ, очутившись опять посреди открытыхъ полей и пространствъ: «нѣтъ, я не такъ распоряжусь. Какъ только, дастъ Богъ, все покончу благополучно и сдѣлаюсь дѣйствительно состоятельнымъ, зажиточнымъ человѣкомъ, я поступлю тогда совсѣмъ иначе: будетъ у меня тогда и поваръ, и домъ, какъ полная чаша, но будетъ и хозяйственная часть въ порядкѣ. Концы сведутся съ концами, да понемножку всякій годъ будетъ откладываться сумма и для потомства, если только Богъ пошлетъ женѣ плодородье»...—«Эй, ты дурачина!»

Селифанъ и Петрушка оглянулись оба съ козелъ.

«А куда ты ѣдешь?»

«Да какъ изволили приказывать, Павелъ Ивановичъ,—къ полковнику Кошкареву», сказалъ Селифанъ.

«А дорогу разспросилъ?»

«Я, Павелъ Ивановичъ, изволите видѣть, такъ какъ все хлопоталъ около коляски, такъ оно-съ... генеральскаго конюха только видѣлъ... А Петрушка разспрашивалъ у кучера».

«Вотъ и дуракъ! На Петрушку, сказано, не полагаться: Петрушка—бревно».

«Вѣдь тутъ не мудрость какая», сказалъ Петрушка, глядя искоса: «окромѣ того, что, спустясь съ горы, взять попрямѣй, ничего больше и нѣтъ».

«А ты, окромѣ сивухи, ничего больше, чай, и въ ротъ не бралъ? Чай, и теперь налимонился?»

Увидя, что рѣчь повернула вона въ какую сторону, Петрушка закрутилъ только носомъ. Хотѣлъ онъ было сказать, что даже и не пробовалъ, да ужъ какъ-то и самому стало стыдно.

«Въ коляскѣ-съ хорошо-съ ѣхать», сказалъ Селифанъ, оборотившись.

«Что̀?»

«Говорю, Павелъ Ивановичъ, что въ коляскѣ де вашей

милости хорошо-съ ѣхать, получше-съ, какъ въ бричкѣ— не трясетъ».

«Пошелъ, пошелъ! Тебя вѣдь не спрашиваютъ объ этомъ».

Селифанъ хлыснулъ слегка бичомъ по крутымъ бокамъ лошадей и поворотилъ рѣчь къ Петрушкѣ: «Слышь, мужика Кошкаревъ, баринъ, одѣлъ, говорятъ, какъ нѣмца; поодаль и не распознаешь, — выступаетъ по журавлиному, какъ нѣмецъ. И на бабѣ не то, чтобы платокъ повязуютъ пирогомъ или кокошникъ на головѣ, а нѣмецкій капоръ такой, какъ нѣмки ходятъ, знашь, въ капорахъ,—такъ капоръ называется, знашь, капоръ—нѣмецкій такой капоръ».

«А тебя какъ бы нарядить нѣмцемъ да въ капоръ!» сказалъ Петрушка, острясь надъ Селифаномъ и ухмыльнувшись. Но что̀ за рожа вышла отъ этой усмѣшки! И подобья не было на усмѣшку, а точно какъ бы человѣкъ, доставши себѣ въ носъ насморкъ и силясь при насморкѣ чихнуть, не чихнулъ, но такъ и остался въ положеніи человѣка, собирающагося чихнуть.

Чичиковъ заглянулъ изъ-подъ низа ему въ рожу, желая знать, что̀ тамъ дѣлается, и сказалъ: «Хорошъ! а еще воображаетъ, что красавецъ!» Надобно сказать, что Павелъ Ивановичъ былъ серьезно увѣренъ въ томъ, что Петрушка влюбленъ въ красоту свою, тогда какъ послѣдній временами позабывалъ, есть ли у него даже вовсе рожа.

«Вотъ какъ бы догадались было, Павелъ Ивановичъ», сказалъ Селифанъ, оборотившись съ козелъ: «чтобы выпросить у Андрея Ивановича другого коня, въ обмѣнъ на чубараго; онъ бы, по дружественному расположенію къ вамъ, не отказалъ бы, а это конь-съ, право, подлецъ-лошадь и помѣха».

«Пошелъ, пошелъ, не болтай!» сказалъ Чичиковъ и про себя подумалъ: «Въ самомъ дѣлѣ, напрасно я не догадался».

Легкимъ ходомъ неслась тѣмъ временемъ легкая на ходу коляска. Легко подымалась и вверхъ, хотя подчасъ и неровна была дорога; легко опускалась и подъ гору, хотя были спуски проселочныхъ дорогъ. Съ горы спустились. Дорога

шла лугами черезъ извивы рѣки, мимо мельницъ. Вдали мелькали пески, выступали картинно одна изъ-за другой осиновыя рощи; вблизи же пролетали быстро кусты лозъ, тонькія ольхи и серебристые тополи, ударявшіе вѣтвями сидѣвшихъ на козлахъ Селифана и Петрушку. Съ послѣдняго ежеминутно сбрасывали они картузъ. Суровый служитель соскакивалъ съ козелъ, бранилъ глупое дерево и хозяина, который насадилъ его, но привязать картуза или даже придержать рукою не догадался, все надѣясь на то, что авось дальше не случится. Деревья же становились гуще: къ осинамъ и ольхамъ начала присоединяться береза, и скоро образовалась лѣсная гущина. Свѣтъ солнца сокрылся. Затемнѣли сосны и ели. Непробудный мракъ безконечнаго лѣса сгущался и, казалось, готовился превратиться въ ночь. И вдругъ промежъ деревъ свѣтъ, тамъ и тамъ промежъ вѣтвей и пней, точно живое серебро или зеркала. Лѣсъ сталъ освѣщаться, деревья рѣдѣть, послышались крики—и вдругъ передъ ними озеро. Водная равнина версты четыре въ поперечникѣ, вокругъ деревà, позади ихъ избы. Человѣкъ 20, по поясъ, по плеча и по горло въ водѣ, тянули къ супротивному берегу неводъ. Посреди ихъ плавалъ проворно, кричалъ и хлопоталъ за всѣхъ человѣкъ, почти такой же мѣры въ вышину, какъ и въ толщину, круглый кр̀угомъ, точный арбузъ. По причинѣ толщины, онъ уже не могъ ни въ какомъ случаѣ потонуть и какъ бы ни кувыркался, желая нырнуть, вода бы его все выносила наверхъ; и если бы сѣло къ нему на спину еще двое человѣкъ, онъ бы, какъ упрямый пузырь, остался съ ними на верхушкѣ воды, слегка только подъ ними покряхтывая да пуская носомъ и ртомъ пузыри.

«Этотъ, Павелъ Ивановичъ», сказалъ Селифанъ, оборотясь съ козелъ: «долженъ быть баринъ, полковникъ Кошкаревъ».

«Отчего?»

«Оттого, что тѣло у него, изволите видѣть, побѣлѣй, чѣмъ у другихъ, и дородство почтительное, какъ у барина».

Крики между тѣмъ становились явственнѣй. Скороговоркой и звонко выкрикивалъ баринъ-арбузъ: «Передавай, передавай, Денисъ, Козьмѣ! Козьма, бери хвостъ у Дениса! Ѳома большой, напирай туды жа, гдѣ и Ѳома меньшой! Заходи справа, справа заходи! Стой, стой, чортъ васъ побери обоихъ! Запутали меня самого въ неводъ! Зацѣпили, говорю, проклятые, зацѣпили за пупъ!»

Влачители праваго крыла остановились, увидя, что дѣйствительно случилась непредвидѣнная оказія: баринъ запутался въ сѣти.

«Вишь ты», сказалъ Селифанъ Петрушкѣ: «потащили барина, какъ рыбу».

Баринъ барахтался и, желая выпутаться, перевернулся на спину, брюхомъ вверхъ, запутавшись еще въ сѣтку. Боясь оборвать сѣть, плылъ онъ вмѣстѣ съ пойманною рыбою, приказавши себя перехватить только впоперекъ веревкой. Перевязавши его веревкой, бросили конецъ ея на берегъ. Человѣкъ съ двадцать рыбаковъ, стоявшихъ на берегу, подхватили конецъ и стали бережно тащить его. Добравшись до мелкаго мѣста, баринъ сталъ на ноги, покрытый клѣтками сѣти, какъ въ лѣтнее время дамская ручка подъ сквозной перчаткой, — взглянулъ вверхъ и увидѣлъ гостя, въ коляскѣ въѣзжавшаго на плотину. Увидя гостя, кивнулъ онъ головой. Чичиковъ снялъ картузъ и учтиво раскланялся съ коляски.

«Обѣдали?» закричалъ баринъ, подходя съ пойманною рыбою на берегъ, держа одну руку надъ глазами козырькомъ въ защиту отъ солнца, другую же—на манеръ Венеры Медицейской, выходящей изъ бани.

«Нѣтъ», сказалъ Чичиковъ.

«Ну, такъ благодарите же Бога».

«А что̀?» спросилъ Чичиковъ любопытно, держа надъ головою картузъ.

«А вотъ что̀!» сказалъ баринъ, очутившійся на берегу вмѣстѣ съ карпами и карасями, которые бились у ногъ его и прыгали на аршинъ отъ земли. «Это ничего, на это не

глядите; а вотъ штука, вонъ гдѣ!.. А покажите-ка, Ѳома большой, осетра». Два здоровыхъ мужика вытащили изъ кадушки какое-то чудовище. «Каковъ князекъ? изъ рѣки зашелъ!»

«Да это цѣлый князь!» сказалъ Чичиковъ.

«Вотъ то-то же. Поѣзжайте-ка вы теперь впередъ, а я за вами. Кучеръ, ты, братецъ, возьми дорогу пониже, черезъ огородъ. Побѣги, телепень Ѳома меньшой, снять перегородку. А я за вами — какъ тутъ, прежде чѣмъ успѣете оглянуться».

«Полковникъ чудаковатъ», подумалъ [Чичиковъ], проѣхавши, наконецъ, безконечную плотину и подъѣзжая къ избамъ, изъ которыхъ однѣ, подобно стаду утокъ, разсыпались по косогору возвышенья, а другія стояли внизу на сваяхъ, какъ цапли. Сѣти, невода, бредни развѣшаны были повсюду. Ѳома меньшой снялъ перегородку, коляска проѣхала огородомъ и очутилась на площади возлѣ устарѣвшей деревянной церкви. За церковью, подальше, видны были крыши господскихъ строеній.

«А вотъ я и здѣсь!» раздался голосъ сбоку. Чичиковъ оглянулся и увидѣлъ, что баринъ уже ѣхалъ возлѣ него, одѣтый, на дрожкахъ—травяно-зеленый нанковый сюртукъ, желтые штаны и шея безъ галстука, на манеръ купидона! Бокомъ сидѣлъ онъ на дрожкахъ, занявши собою всѣ дрожки. Чичиковъ хотѣлъ было что-то сказать ему, но толстякъ уже исчезъ. Дрожки показались на другой сторонѣ и только слышался голосъ: «Щуку и семь карасей отнесите повару-телепню, а осетра подавай сюда: я его свезу самъ на дрожкахъ». Раздались снова голоса: «Ѳома большой да Ѳома меньшой! Козьма да Денисъ!» Когда же подъѣхалъ онъ къ крыльцу дома, къ величайшему изумленью его, толстый баринъ былъ уже на крыльцѣ и принялъ его въ свои объятья. Какъ онъ успѣлъ такъ слетать, было непостижимо. Они поцѣловались троекратно навкрестъ.

«Я привезъ вамъ поклонъ отъ его превосходительства», сказалъ Чичиковъ.

«Отъ какого превосходительства?»

«Отъ родственника вашего, отъ генерала Александра Дмитріевича».

«Кто это Александръ Дмитріевичъ?»

«Генералъ Бетрищевъ», отвѣчалъ Чичиковъ съ нѣкоторымъ изумленьемъ.

«Не знаю-съ, незнакомъ».

Чичиковъ пришелъ еще въ бо̀льшее изумленіе.

«Какъ же это?.. Я надѣюсь, по крайней мѣрѣ, что имѣю удовольствіе говорить съ полковникомъ Кошкаревымъ?»

«Петръ Петровичъ Пѣтухъ, Пѣтухъ Петръ Петровичъ!» подхватилъ хозяинъ.

Чичиковъ остолбенѣлъ. «Вотъ тебѣ на! Какъ же вы, дураки», сказалъ онъ, оборотившись къ Селифану и Петрушкѣ, которые оба разинули рты и выпучили глаза, одинъ сидя на козлахъ, другой стоя у дверецъ коляски: «какъ же вы, дураки? Вѣдь вамъ сказано — къ полковнику Кошкареву... А вѣдь это Петръ Петровичъ Пѣтухъ...»

«Ребята сдѣлали отлично!» сказалъ Петръ Петровичъ. «За это вамъ по чапорухѣ водки и кулебяка въ придачу. Откладывайте коней и ступайте сей же часъ въ людскую!»

«Я со̀вѣщусь», говорилъ Чичиковъ, раскланиваясь: «такая нежданная ошибка...»

«Не ошибка», живо проговорилъ Петръ Петровичъ Пѣтухъ: «не ошибка. Вы прежде попробуйте, каковъ обѣдъ, да потомъ скажете: ошибка ли это? Покорнѣйше прошу», сказалъ [онъ], взявши Чичикова подъ руку и вводя его во внутренніе покои. Чичиковъ, чинясь, проходилъ въ дверь бокомъ, чтобъ дать и хозяину пройти съ нимъ вмѣстѣ; но это было напрасно: хозяинъ бы не прошелъ, да его уже и не было. Слышно было только, какъ раздавались его рѣчи по двору: «Да что̀-жъ, Ѳома большой? Зачѣмъ онъ до сихъ поръ не здѣсь? Ротозѣй Емельянъ, бѣги къ повару-телепню, чтобы потрошилъ поскорѣй осетра. Молоки, икру, потроха и лещей въ уху, а карасей—въ соусъ. Да раки, раки! Ро-

тозѣй Ѳома меньшой! гдѣ же раки? раки, говорю, раки?!» И долго раздавались все — раки да раки.

«Ну, хозяинъ захлопотался», сказалъ Чичиковъ, садясь въ кресла и осматривая углы и стѣны.

«А вотъ и я здѣсь», сказалъ, входя, хозяинъ и ведя за собой двухъ юношей, въ лѣтнихъ сюртукахъ,—тонкіе, точно ивовые хлысты, выгнало ихъ вверхъ почти на цѣлый аршинъ выше Петра Петровича.

«Сыны мои, гимназисты. Пріѣхали на праздники. — Николаша, ты побудь съ гостемъ, а ты, Алексаша, ступай за мною».

И снова исчезнулъ Петръ Петровичъ Пѣтухъ.

Чичиковъ занялся съ Николашей. Николаша былъ говорливъ. Онъ разсказалъ, что у нихъ въ гимназіи не очень хорошо учатъ, что больше благоволятъ къ тѣмъ, которыхъ маменьки шлютъ побогаче подарки; что въ городѣ стоитъ Ингерманландскій гусарскій полкъ; что у ротмистра Вѣтвицкаго лучше лошадь, нежели у самого полковника, хотя поручикъ Взъёмцевъ ѣздитъ гораздо его почище.

«А что̀, въ какомъ состояньи имѣніе вашего батюшки?» спросилъ Чичиковъ.

«Заложено», сказалъ на это самъ батюшка, снова очутившійся въ гостиной: «заложено!»

Чичикову хотѣлось сдѣлать то же самое движенье губами, которое дѣлаетъ человѣкъ, какъ дѣло идетъ на нуль и оканчивается ничѣмъ.

«Зачѣмъ же вы заложили?» спросилъ онъ.

«Да такъ. Всѣ пошли закладывать, такъ зачѣмъ же отставать отъ другихъ? Говорятъ, выгодно. Притомъ же все жилъ здѣсь, дай-ка еще попробую прожить въ Москвѣ».

«Дуракъ, дуракъ!» думалъ Чичиковъ: «промотаетъ все, да и дѣтей сдѣлаетъ мотишками. Оставался бы себѣ, кулебяка, въ деревнѣ».

«А вѣдь я знаю, что̀ вы думаете», сказалъ Пѣтухъ.

«Что̀?» спросилъ Чичиковъ, смутившись.

«Вы думаете: «Дуракъ, дуракъ этотъ Пѣтухъ! зазвалъ

обѣдать, а обѣда до сихъ поръ нѣтъ». Будетъ готовъ, почтеннѣйшій. Не успѣетъ стриженная дѣвка косы заплесть, какъ онъ поспѣетъ».

«Батюшка, Платонъ Михалычъ ѣдетъ!» сказалъ Алексаша, глядя въ окно.

«Верхомъ на гнѣдой лошади!» подхватилъ Николаша, нагибаясь къ окну. «Ты думаешь, Алексаша, нашъ чагравый хуже его?»

«Хуже не хуже, но выступка не такая».

Между ними завязался споръ о гнѣдомъ и чагравомъ. Между тѣмъ вошелъ въ комнату красавецъ — стройнаго роста, свѣтлорусыя блестящія кудри и темные глаза. Гремя мѣднымъ ошейникомъ, мордатый песъ, собака-страшилище, вошелъ вослѣдъ за нимъ.

«Обѣдали?» спросилъ Петръ Петровичъ Пѣтухъ.

«Обѣдалъ», сказалъ гость.

«Что̀-жъ, вы смѣяться, что ли, надо мной пріѣхали?» сказалъ, сердясь, Пѣтухъ. «Что мнѣ въ васъ послѣ обѣда?»

«Впрочемъ, Петръ Петровичъ», сказалъ гость, усмѣхнувшись: «могу васъ утѣшить тѣмъ, что ничего не ѣлъ за обѣдомъ: совсѣмъ нѣтъ аппетита».

«А каковъ былъ уловъ, если бы вы видѣли! Какой осетрище пожаловалъ! Карасей и не считали».

«Даже завидно васъ слушать», сказалъ гость. «Научите меня быть такъ же веселымъ, какъ вы».

«Да отчего же скучать? помилуйте!» сказалъ хозяинъ.

«Какъ отчего скучать?—оттого, что скучно».

«Мало ѣдите, вотъ и все. Попробуйте-ка хорошенько пообѣдать. Вѣдь это въ послѣднее время выдумали скуку. Прежде никто не скучалъ».

«Да полно хвастать! Будто ужъ вы никогда не скучали?»

«Никогда! Да и не знаю, даже и времени нѣтъ для скуки. Поутру проснешься—вѣдь нужно пить чай, а тутъ вѣдь приказчикъ, а тутъ и на рыбную ловлю, а тутъ и обѣдъ. Послѣ обѣда не успѣешь всхрапнуть, а тутъ и ужинъ,

а послѣ пришелъ поваръ — заказывать нужно на завтра обѣдъ. Когда же скучать?»

Во все время разговора Чичиковъ разсматривалъ гостя.

Платонъ Михалычъ Платоновъ былъ Ахиллесъ и Паридъ вмѣстѣ: стройное сложенье, картинный ростъ, свѣжесть — все было собрано въ немъ. Пріятная усмѣшка, съ легкимъ выраженьемъ ироніи, какъ бы еще усиливала его красоту. Но, несмотря на все это, было въ немъ что-то неоживленное и сонное. Страсти, печали и потрясенія не прорѣзали морщины на дѣвственное, свѣжее его лицо, но съ тѣмъ вмѣстѣ и не оживили его.

«Признаюсь, я тоже», произнесъ Чичиковъ: «не могу понять, — если позволите такъ замѣтить, — не могу понять, какъ при такой наружности, какъ ваша, скучать. Конечно, могутъ быть причины другія: недостача денегъ, притѣсненья отъ какихъ-нибудь злоумышленниковъ, какъ есть иногда такіе, которые готовы покуситься даже на самую жизнь».

«Въ томъ-то [и дѣло], что ничего этого нѣтъ», сказалъ Платоновъ. «Повѣрите ли, что иной разъ я бы хотѣлъ, чтобы это было, чтобы была какая-нибудь тревога и волненья, ну, хоть бы, просто, разсердилъ меня кто-нибудь. Но нѣтъ! Скучно—да и только». (Вотъ и все).

«Не понимаю. Но, можетъ-быть, имѣнье у васъ недостаточное, малое количество душъ?»

«Ничуть: у насъ съ братомъ земли на десять тысячъ десятинъ и при нихъ тысяча душъ крестьянъ».

«И при этомъ скучать — непонятно! Но, можетъ-быть, имѣнья въ безпорядкѣ? были неурожаи, много людей вымерло?»

«Напротивъ, все въ наилучшемъ порядкѣ, и братъ мой отличнѣйшій хозяинъ».

«Не понимаю!» сказалъ Чичиковъ и пожалъ плечами.

«А вотъ мы скуку сейчасъ прогонимъ», сказалъ хозяинъ. «Бѣжи, Алексаша, проворнѣй на кухню и скажи повару, чтобы поскорѣй прислалъ намъ растегайчиковъ. Да гдѣ-жъ

ротозѣй Емельянъ и воръ Антошка? Зачѣмъ не даютъ закуски?»

Но дверь растворилась. Ротозѣй Емельянъ и воръ Антошка явились съ салфетками, накрыли столъ, поставили подносъ съ шестью графинами разноцвѣтныхъ настоекъ. Скоро вокругъ подносовъ и графиновъ обстановилось ожерелье тарелокъ—икра, сыры, соленые грузди, опенки, да новое принесли изъ кухни что-то въ закрытыхъ тарелкахъ, сквозь которыя слышно было ворчавшее масло. Ротозѣй Емельянъ и воръ Антошка были народъ хорошій и расторопный. Названья эти хозяинъ давалъ только потому, что безъ прозвищъ все какъ-то выходило прѣсно, а онъ прѣснаго не любилъ; самъ былъ добръ душой, но словцо любилъ пряное. Впрочемъ, и люди за это не сердились.

Закускѣ послѣдовалъ обѣдъ. Здѣсь добродушный хозяинъ сдѣлался совершеннымъ разбойникомъ. Чуть замѣчалъ у кого одинъ кусокъ, подкладывалъ ему тутъ же другой, приговаривая: «Безъ пары ни человѣкъ, ни птица не могутъ жить на свѣтѣ». Съѣдалъ гость два—подваливалъ ему третій, приговаривая: «Что-жъ за число два? Богъ любитъ троицу». Съѣдалъ гость три — онъ ему: «Гдѣ-жъ бываетъ телѣга о трехъ колесахъ? Кто-жъ строитъ избу о трехъ углахъ?» На четыре у него была опять поговорка, на пять—тоже.

Чичиковъ съѣлъ чего-то чуть ли не двѣнадцать ломтей и думалъ: «Ну, теперь ничего не приберетъ больше хозяинъ». Не тутъ-то было: хозяинъ, не говоря ни слова, положилъ ему на тарелку хребтовую часть теленка, жаренаго на вертелѣ, лучшую часть, какая ни была, съ почками, да и какого теленка!

«Два года воспитывалъ на молокѣ», сказалъ хозяинъ: «ухаживалъ, какъ за сыномъ!»

«Не могу!» сказалъ Чичиковъ.

«Да вы попробуйте, да потомъ скажите: *не могу!*»

«Не взойдетъ, нѣтъ мѣста».

«Да вѣдь и въ церкви не было мѣста. взошелъ городни-

чій—нашлось; а вѣдь была такая давка, что и яблоку негдѣ было упасть. Вы только попробуйте: этотъ кусокъ — тотъ же городничій».

Попробовалъ Чичиковъ: дѣйствительно, кусокъ былъ въ родѣ городничаго: нашлось ему мѣсто, а, казалось, ничего нельзя было помѣстить.

Съ винами была тоже исторія. Получивши деньги изъ ломбарда, Петръ Петровичъ запасся провизіей на десять лѣтъ впередъ. Онъ, то и дѣло, подливалъ да подливалъ; чего-жъ не допивали гости, давалъ допить Алексашѣ и Николашѣ, которые такъ и хлопали рюмка за рюмкой, а встали изъ-за стола—какъ бы ни въ чемъ не бывали, точно выпили по стакану воды. Съ гостьми было не то: въ-силу, въ-силу перетащились они на балконъ и въ-силу помѣстились въ креслахъ. Хозяинъ, какъ сѣлъ въ свое, какое-то четырехмѣстное, такъ тутъ же и заснулъ. Тучная собственность его превратилась въ кузнечный мѣхъ: черезъ открытый ротъ и носовыя ноздри началъ онъ издавать звуки, какіе не бываютъ и въ новой музыкѣ. Тутъ было все—и барабанъ, и флейта, и какой-то отрывистый звукъ, точно собачій лай.

«Экъ его насвистываетъ!» сказалъ Платоновъ. Чичиковъ разсмѣялся.

«Разумѣется, если этакъ пообѣдать», заговорилъ Платоновъ: «какъ тутъ притти скукѣ! тутъ сонъ придетъ».

«Да», говорилъ Чичиковъ лѣниво. Глазки стали у него необыкновенно маленькіе. «А все-таки, однакожъ, извините, не могу понять, какъ можно скучать. Противъ скуки есть такъ много средствъ».

«Какія же?»

«Да мало ли для молодого человѣка! Можно танцовать, играть на какомъ-нибудь инструментѣ.... а не то — жениться».

«На комъ? скажите»,

«Да будто въ окружности нѣтъ хорошихъ и богатыхъ невѣстъ?»

«Да нѣтъ».

«Ну, поискать въ другихъ мѣстахъ, поѣздить». Тутъ богатая мысль сверкнула въ головѣ Чичикова; глаза его стали побольше. «Да вотъ прекрасное средство!» сказалъ онъ, глядя въ глаза Платонову.

«Какое?»

«Путешествіе».

«Куда-жъ ѣхать?»

«Да если вамъ свободно, такъ поѣдемъ со мной», сказалъ Чичиковъ и подумалъ про себя, глядя на Платонова: «А это было бы хорошо; тогда бы можно издержки пополамъ, а починку коляски отнести вовсе на его счетъ».

«А вы куда ѣдете?»

«Да какъ сказать—куда? Ѣду я, покуда, не столько по своей надобности, сколько по надобности другого. Генералъ Бетрищевъ, близкій пріятель и, можно сказать, благотворитель, просилъ навѣстить родственниковъ... Конечно, родственники-родственниками, но отчасти, такъ сказать, и для самого себя; ибо видѣть свѣтъ, коловращенье людей — кто что̀ ни говори, есть какъ бы живая книга, вторая наука».

Платоновъ задумался.

Чичиковъ между тѣмъ такъ помышлялъ: «Право, было [бы] хорошо! Можно даже и такъ, что всѣ издержки будутъ на его счетъ. Можно даже сдѣлать и такъ, чтобы отправиться на его лошадяхъ, а мои покормятся у него въ деревнѣ, а въ дорогу взять его коляску».

«Что̀-жъ? почему-жъ не проѣздиться?» думалъ между тѣмъ Платоновъ: «авось-либо будетъ повеселѣе. Дома же мнѣ дѣлать нечего, хозяйство и безъ того на рукахъ у брата; стало-быть, разстройства никакого. Почему-жъ, въ самомъ дѣлѣ, не проѣздиться?»—«А согласны ли вы», сказалъ онъ вслухъ: «погостить у брата денька два? Безъ этого онъ меня не отпуститъ».

«Съ большимъ удовольствіемъ, хоть три».

«Ну, если такъ—по рукамъ! Ѣдемъ!» сказалъ, оживясь, Платоновъ.

«Браво!» сказалъ Чичиковъ, хлопнувъ по рукѣ его: «ѣдемъ!»

«Куда? куда?» сказалъ хозяинъ, проснувшись и выпуча на нихъ глаза. «Нѣтъ, государи, и колеса приказано снять съ вашей коляски, а вашъ жеребецъ, Платонъ Михалычъ, отсюда теперь за пятнадцать верстъ. Нѣтъ, вотъ вы сегодня переночуйте, а завтра послѣ ранняго обѣда и поѣзжайте себѣ».

«Вотъ тебѣ на!» подумалъ Чичиковъ. Платоновъ ничего на это не сказалъ, зная, что Пѣтухъ держался обычаевъ своихъ крѣпко. Нужно было остаться.

Зато награждены они были удивительнымъ весеннимъ вечеромъ. Хозяинъ устроилъ гулянье на рѣкѣ. Двѣнадцать гребцовъ, въ двадцать четыре весла, съ пѣснями, понесли ихъ по гладкому хребту зеркальнаго озера. Изъ озера они пронеслись въ рѣку, безпредѣльную, съ пологими берегами по обѣ стороны. Хоть бы струйкой шевельнулись воды. На катерѣ они пили съ калачами чай, подходя ежеминутно подъ протянутые поперекъ рѣки канаты для ловли рыбы снастью. Еще до чаю [хозяинъ] успѣлъ раздѣться и выпрыгнуть въ рѣку, гдѣ барахтался и шумѣлъ съ полчаса съ рыбаками, покрикивая на Ѳому большого и Козьму, и, накричавшись, нахлопотавшись, намерзнувшись въ водѣ, очутился на катерѣ (съ аппетитомъ) и такъ пилъ чай, что было завидно. Тѣмъ временемъ солнце зашло; осталась небесная ясность. Крики отдавались звонко. Намѣсто рыбаковъ показались повсюду у береговъ группы купающихся ребятишекъ: хлопанье по водѣ, смѣхъ отдавались далече. Гребцы, хвативши разомъ въ двадцать четыре весла, подымали вдругъ всѣ весла вверхъ и катеръ самъ собой, какъ легкая птица, стремился по недвижной зеркальной поверхности. Здоровый, свѣжій дѣтина, третій отъ руля, запѣвалъ звонко одинъ, вырабатывая чистымъ голосомъ; пятеро подхватывало, шестеро выносило — и разливалась безпредѣльная, какъ Русь, пѣсня; и, заслонивши ухо рукой, какъ бы терялись сами пѣвцы въ ея безпредѣльности. Становилось какъ-то льготно, и думалъ Чичиковъ: «Эхъ, право, заведу

себѣ когда-нибудь деревеньку!»—«Ну, что̀ тутъ хорошаго», думалъ Платоновъ, «въ этой заунывной пѣснѣ? отъ ней еще бо̀льшая тоска находитъ на душу».

Возвращались назадъ уже сумерками. Весла ударяли впотьмахъ по водамъ, уже не отражавшимъ неба. Едва видны были по берегамъ огоньки. Мѣсяцъ подымался, когда они пристали къ берегу. Повсюду на треногахъ варили рыбаки уху, все изъ ершей да изъ животрепещущихъ рыбъ. Все уже было дома. Гуси, коровы, козы давно уже были пригнаны, и самая пыль отъ нихъ уже давно улеглась, и пастухи, пригнавшіе ихъ, стояли у воротъ, ожидая крынки молока и приглашенья къ ухѣ. Тамъ и тамъ слышались говоръ и гомонъ людской, громкое лаянье собакъ своей деревни и отдаленное — чужихъ деревень. Мѣсяцъ подымался, и стали озаряться потемки; и все наконецъ озарилось — и озеро, и избы; поблѣднѣли огни; сталъ виденъ дымъ изъ трубъ, осеребренный лучами. Николаша и Алексаша пронеслись передъ ними на двухъ лихихъ жеребцахъ, въ обгонку другъ друга; пыль за ними — какъ отъ стада барановъ. «Эхъ, право, заведу себѣ когда-нибудь деревеньку!» думалъ Чичиковъ. Бабенка и маленькіе Чичиковы начали ему снова представляться. Кого-жъ не разогрѣетъ такой вечеръ?

А за ужиномъ опять объѣлись. Когда вошелъ Павелъ Ивановичъ въ отведенную комнату для спанья и, ложась въ постель, пощупалъ животикъ свой: «Барабанъ!» сказалъ: «никакой городничій не взойдетъ!» — Надобно же было такому стеченью обстоятельствъ: за стѣной былъ кабинетъ хозяина, стѣна была тонкая, и слышалось все, что̀ тамъ ни говорилось. Хозяинъ заказывалъ повару, подъ видомъ ранняго завтрака, на завтрашній день, рѣшительный обѣдъ, и какъ заказывалъ! У мертваго родился бы аппетитъ. И губами подсасывалъ, и причвокивалъ. Раздавалось только: «Да поджарь, да дай взопрѣть хорошенько!» А поваръ приговаривалъ тоненькой фистулой: «Слушаю-съ. Можно-съ. Можно-съ и такой».

«Да кулебяку сдѣлай на четыре угла. Въ одинъ уголъ положи ты мнѣ щеки осетра да вязигу, въ другой запусти гречневой кащицы, да грибочковъ съ лучкомъ, да молокъ сладкихъ, да мозговъ, да еще чего знаешь тамъ этакого...»

«Слушаю-съ. Можно будетъ и такъ».

«Да чтобы съ одного боку она,—понимаешь?—зарумянилась бы, а съ другого пусти ее полегче. Да исподку-то, исподку—понимаешь?—пропеки такъ, чтобы разсыпалась, чтобы всю ее проняло, знаешь, сокомъ, чтобы и не услышалъ ее во рту—какъ снѣгъ бы растаяла».

«Чортъ побери!» думалъ Чичиковъ, ворочаясь: «просто, не дастъ спать!»

«Да сдѣлай ты мнѣ свиной сычугъ. Положи въ середку кусочекъ льду, чтобы онъ взбухнулъ хорошенько. Да чтобы къ осетру обкладка, гарниръ-то, гарниръ-то чтобы былъ побогаче! Обложи его раками да поджареной маленькой рыбкой, да проложи фаршецомъ изъ сняточковъ, да подбавь мелкой сѣчки, хрѣнку, да груздочковъ, да рѣпушки, да морковки, да бобковъ, да нѣтъ ли еще тамъ какого коренья?»

«Можно будетъ подпустить брюкву или свеклу звѣздочкой», сказалъ поваръ.

«Подпусти и брюкву, и свеклу. А къ жаркому ты сдѣлай вотъ какую обкладку...»

«Пропалъ совершенно сонъ!» сказалъ Чичиковъ, переворачиваясь на другую сторону, закуталъ голову въ подушки и закрылъ себя всего одѣяломъ, чтобы не слышать ничего. Но сквозь одѣяло слышалось безпрестанно: «Да поджарь, да подпеки, да дай взопрѣть хорошенько». Заснулъ онъ уже на какомъ-то индюкѣ.

На другой день до того объѣлись гости, что Платоновъ уже не могъ ѣхать верхомъ; жеребецъ былъ отправленъ съ конюхомъ Пѣтуха. Они сѣли въ коляску. Мордатый песъ лѣниво пошелъ за коляской: онъ тоже объѣлся.

«Нѣтъ, это уже слишкомъ», сказалъ Чичиковъ, когда

выѣхали они со двора. «Это даже по-свински. Не безпокойно ли вамъ, Платонъ Михалычъ? Препокойная была коляска, и вдругъ стало безпокойно. Петрушка, ты, вѣрно, по глупости, сталъ перекладывать? отовсюду торчатъ какія-то коробки!»

Платоновъ усмѣхнулся. «Это, я вамъ объясню», сказалъ онъ: «Петръ Петровичъ насовалъ въ дорогу».

«Точно такъ», сказалъ Петрушка, оборотясь съ козелъ: «приказано было все поставить въ коляску — пашкеты и пироги».

«Точно-съ, Павелъ Ивановичъ», сказалъ Селифанъ, оборотясь съ козелъ, веселый: «очень почтенный баринъ, угостительный помѣщикъ! По рюмкѣ шампанскаго выслалъ, точно-съ, и приказалъ отъ стола отпустить блюда, — очень хорошія блюда, деликатнаго скусу. Такого почтительнаго господина еще и не было».

«Видите ли? онъ всѣхъ удовлетворилъ», сказалъ Платоновъ. «Однакоже, скажите просто: есть ли у васъ время, чтобы заѣхать въ одну деревню, отсюда верстъ десять? Мнѣ бы хотѣлось проститься съ сестрой и зятемъ».

«Съ большимъ удовольствіемъ», сказалъ Чичиковъ.

«Отъ этого вы не будете въ накладѣ: зять мой—весьма замѣчательный человѣкъ».

«По какой части?» спросилъ Чичиковъ.

«Это первый хозяинъ, какой когда-либо бывалъ на Руси. Онъ въ десять лѣтъ съ небольшимъ, купивши разстроенное имѣніе, едва дававшее двадцать тысячъ, возвелъ его до того, что теперь получаетъ двѣсти тысячъ».

«А, почтенный человѣкъ! Вотъ этакого человѣка жизнь стóитъ того, чтобы быть переданной въ поученье людямъ! Очень, очень будетъ пріятно познакомиться. А какъ по фамиліи?»

«Скудронжогло».

«А имя и отчество».

«Константинъ Өедоровичъ».

«Константинъ Өедоровичъ Скудронжогло. Очень пріятно

познакомиться. Поучительно узнать этакого человѣка». И Чичиковъ пустился въ разспросы о Скудронжоглѣ, и все, что̀ онъ узналъ о немъ отъ Платонова, было, точно, изумительно.

«Вотъ смотрите, въ этомъ мѣстѣ уже начинаются его земли», говорилъ Платоновъ, указывая на поля. «Вы увидите тотчасъ отличье отъ другихъ. Кучеръ, здѣсь возьмешь дорогу налѣво. Видите ли этотъ молодникъ-лѣсъ? Это — сѣянный. У другого въ пятьдесятъ лѣтъ не поднялся [бы] такъ, а у него въ восемь выросъ. Смотрите, вотъ лѣсъ и кончился, начались уже хлѣба; а черезъ пятьдесятъ десятинъ опять будетъ лѣсъ, тоже сѣянный, а тамъ опять. Смотрите на хлѣба, во сколько разъ они гуще, чѣмъ у другого».

«Вижу. Да какъ же онъ это дѣлаетъ?»

«Ну, разспросите у него, вы увидите, что ни нѣтъ у него. Это всезнай, такой всезнай, какого вы нигдѣ не найдете. Онъ мало того, что знаетъ, какую почву что̀ любитъ, знаетъ, какое сосѣдство для кого не нужно, по близости какого лѣса нужно сѣять какой хлѣбъ. У насъ у всѣхъ земля трескается отъ засухъ, а у него нѣтъ. Онъ разсчитаетъ, насколько нужно влажности, столько и дерева разведетъ; у него все играетъ двѣ роли: лѣсъ лѣсомъ, а полю удобренье отъ листьевъ да отъ тѣни. И это во всемъ такъ».

«Изумительный человѣкъ!» сказалъ Чичиковъ и съ любопытствомъ посматривалъ на поля.

Все было въ порядкѣ необыкновенномъ. Лѣса были обгороженные; попадались скотные дворы, тоже не безъ причины обстроенные, завидно содержимые; хлѣбныя клади росту великанскаго. Обильно и хлѣбно было повсюду. Видно было вдругъ, что живетъ тузъ-хозяинъ. Поднявшись на небольшую возвышенность, [увидѣли] на супротивной сторонѣ большую деревню, разсыпавшуюся на трехъ горныхъ возвышеніяхъ. Все тутъ было богато: торныя улицы, крѣпкія избы; стояла гдѣ телѣга — телѣга была крѣпкая и новё-

шенькая; попадался ли конь — конь былъ откормленный и добрый; рогатый скотъ — какъ на отборъ, даже мужичья свинья глядѣла дворяниномъ. Такъ и видно, что здѣсь именно живутъ тѣ мужики, которые гребутъ, какъ поется въ пѣснѣ, серебро лопатой. Не было тутъ аглицкихъ парковъ, бесѣдокъ и мостовъ съ затѣями и разныхъ проспектовъ передъ домомъ; отъ избъ до господскаго двора потянулись рабочьи дворы. На крышѣ большой фонарь, не для видовъ, но для разсматриванья, гдѣ, и въ какомъ мѣстѣ, и какъ производились работы.

Они подъѣхали къ дому. Хозяина не было; встрѣтила ихъ жена, родная сестра Платонова, бѣлокурая, бѣлолицая, съ прямо русскимъ выраженьемъ, также красавица, но такъ же полусонная, какъ онъ. Кажется, какъ будто ее мало заботило то, о чемъ заботятся, или оттого, что всепоглощающая дѣятельность ничего не оставила на ея долю, или оттого, что она принадлежала, по самому сложенію своему, къ тому философическому разряду людей, которые, имѣя и чувства, и мысли, и умъ, живутъ какъ-то вполовину, на жизнь глядятъ въ полглаза и, видя возмутительныя тревоги и борьбы, говорятъ: «[Пусть] ихъ, дураки, бѣсятся! Имъ же хуже».

«Здравствуй, сестра!» сказалъ Платоновъ. «Гдѣ-жъ Константинъ?»

«Не знаю. Ему уже слѣдовало быть давно здѣсь. Вѣрно, захлопотался».

Чичиковъ на хозяйку не обратилъ [вниманія]. Ему было интересно разсмотрѣть жилище этого необыкновенно человѣка. Онъ оглянулъ въ комнатѣ все: думалъ онъ отыскать въ ней слѣды свойства самого хозяина, — какъ по раковинѣ можно судить, какого рода сидѣла въ ней устрица или улитка; но этого-то и не было. Комнаты были безхарактерны совершенно — просторны, и ничего больше. Ни фресковъ, ни картинъ по стѣнамъ, ни бронзы по столамъ, ни этажерокъ съ фарфоромъ и чашками, ни вазъ, ни цвѣтовъ, ни статуекъ, — словомъ, какъ-то голо. Простая обыкновенная

мебель да рояль стоялъ въ сторонѣ, и тотъ покрытъ: какъ видно, хозяйка рѣдко за него садилась. Изъ гостиной отворена [была дверь въ кабинетъ хозяина]; но и тамъ было такъ же голо,—просто и голо. Видно было, что хозяинъ приходилъ въ домъ только отдохнуть, а не то, чтобы жить въ немъ; что для обдумыванья своихъ плановъ и мыслей ему [не] надобно было кабинета съ пружинными креслами и всякими покойными удобствами и что жизнь его заключалась не въ очаровательныхъ грёзахъ у пылающаго камина, но прямо въ дѣлѣ: мысль исходила вдругъ изъ самихъ обстоятельствъ, въ ту минуту, какъ они представлялись, и обращалась вдругъ въ дѣло, не имѣя никакой надобности въ томъ, чтобы быть записанной.

«А! вотъ онъ! Идетъ, идетъ!» сказалъ Платоновъ. Чичиковъ тоже устремился къ окну. Къ крыльцу подходилъ лѣтъ сорока человѣкъ, живой, смуглой наружности. На немъ былъ триковый картузъ. По обѣимъ сторонамъ его, снявъ шапки, шли двое нижняго сословія,—шли, разговаривая и о чемъ-то съ [нимъ] толкуя. Одинъ, казалось, былъ простой мужикъ; другой, въ синей сибиркѣ, какой-то заѣзжій кулакъ и пройдоха.

«Такъ ужъ прикажите, батюшка, принять!» говорилъ мужикъ, кланяясь.

«Да нѣтъ, братецъ, я ужъ двадцать разъ вамъ повторялъ: не возите больше. У меня матеріалу столько накопилось, что дѣвать некуда».

«Да у васъ, батюшка Константинъ Ѳедоровичъ, весь пойдетъ въ дѣло. Ужъ этакого умнаго человѣка во всемъ свѣтѣ нельзя сыскать. Ваше здоровье всяку вещь въ мѣсто поставитъ. Такъ ужъ прикажите принять».

«Мнѣ, братецъ, руки нужны; мнѣ работниковъ доставляй, а не матеріалъ».

«Да ужъ въ работникахъ не будете имѣть недостатку. У насъ цѣлыя деревни пойдутъ въ работы: безхлѣбье такое, что и не запомнимъ. Ужъ вотъ бѣда-то, что не хотите насъ совсѣмъ взять, а отслужили бы вѣрою вамъ, ей Богу,

отслужили. У васъ всякому уму научишься, Константинъ Ѳедоровичъ. Такъ прикажите принять въ послѣдній разъ».

«Да вѣдь ты и тогда говорилъ: *въ послѣдній разъ,* а вѣдь вотъ опять привезъ».

«Ужъ въ послѣдній разъ, Константинъ Ѳедоровичъ. Если вы не возьмете, то у меня никто не возьметъ. Такъ ужъ прикажите, батюшка принять».

«Ну, слушай, этотъ разъ возьму, и то изъ сожалѣнія только, чтобы не провозилъ напрасно. Но если ты привезешь въ другой разъ, хоть три недѣли канючь—не возьму».

«Слушаю-съ, Константинъ Ѳедоровичъ; ужъ будьте покойны, въ другой разъ ужъ никакъ не привезу. Покорнѣйше благодарю». Мужикъ отошелъ, довольный. Вретъ, однакоже, привезетъ: *авось*—великое словцо.

«Такъ ужъ того-съ, Константинъ Ѳедоровичъ, ужъ сдѣлайте милость... посбавьте», говорилъ шедшій по другую сторону заѣзжій кулакъ въ синей сибиркѣ.

«Вѣдь я тебѣ на первыхъ порахъ объявилъ. Торговаться я не охотникъ. Я тебѣ говорю опять: я не то, что другой помѣщикъ, къ которому ты подъѣдешь подъ самый срокъ уплаты въ ломбардъ. Вѣдь я васъ знаю всѣхъ. У васъ есть списки всѣхъ, кому когда слѣдуетъ уплачивать. Что̀-жъ тутъ мудренаго? Ему приспичитъ, онъ тебѣ и отдастъ за полцѣны. А мнѣ что̀ твои деньги? У меня вещь хоть три года лежи: мнѣ въ ломбардъ не нужно уплачивать».

«Настоящее дѣло, Константинъ Ѳедоровичъ. Да вѣдь я того-съ... оттого только, чтобы и впредь имѣть съ вами касательство, а не ради какого корыстья. Три тысячи задаточку извольте принять». Кулакъ вынулъ изъ-за пазухи пукъ засаленныхъ ассигнацій. Скудронжогло прехладнокровно взялъ ихъ и, не считая, сунулъ въ задній карманъ своего сюртука.

«Гм», подумалъ Чичиковъ: «точно какъ бы носовой платокъ!»

Минуту спустя, Скудронжогло показался въ дверяхъ гостиной.

«Ба, братъ, ты здѣсь!» сказалъ онъ, увидѣвъ Платонова. Они обнялись и поцѣловались. Платоновъ рекомендовалъ Чичикова. Чичиковъ благоговѣйно подступилъ къ хозяину, лобызнулъ его въ щеку, принявши и отъ него впечатлѣніе поцѣлуя.

Лицо Скудронжогла было очень замѣчательно. Въ немъ было замѣтно южное происхожденіе. Волосы на головѣ и на бровяхъ темны и густы, глаза говорящіе, блеску сильнаго. Умъ сверкалъ во всякомъ выраженіи лица, и ужъ ничего не было въ немъ сoннаго. Но замѣтна, однакоже, была примѣсь чего-то желчнаго и озлобленнаго. Онъ былъ не совсѣмъ русскаго происхожденія. Есть много на Руси русскихъ не русскаго происхожденія, въ душѣ, однакоже, русскіе. Скудронжогло не занимался своимъ происхожденіемъ, находя, что это нейдетъ въ дѣло; притомъ не зналъ и другого языка, кромѣ русскаго.

«Знаешь ли, Константинъ, что̀ я выдумалъ?» сказалъ Платоновъ.

«А что̀?»

«Выдумалъ я проѣздиться по разнымъ губерніямъ; авось-ли это вылѣчитъ отъ хандры».

«Что̀-жъ? это очень можетъ быть».

«Вотъ вмѣстѣ съ Павломъ Ивановичемъ».

«Прекрасно! Въ какія же мѣста», спросилъ Скудронжогло, привѣтливо обращаясь къ Чичикову: «предполагаете теперь ѣхать?»

«Признаюсь», сказалъ Чичиковъ, наклоня голову на-бокъ и взявшись рукою за ручку креселъ: «вѣдь я, покамѣстъ, не столько по своей нуждѣ, сколько по нуждѣ другого. Генералъ Бетрищевъ, близкій пріятель и, можно сказать, благотворитель, просилъ навѣстить родственниковъ. Родственники, конечно, родственниками, но отчасти, такъ сказать, и для самого себя; потому что, точно, не говоря уже о пользѣ, которая можетъ быть въ геморoидальномъ отношеніи, одно уже то, чтобъ увидать свѣтъ, коловращеніе людей... кто что̀ ни говори, есть, такъ сказать, живая книга, та же наука».

«Да, заглянуть въ иные уголки не мѣшаетъ».

«Превосходно изволили замѣтить», отнесся Чичиковъ. «точно, не мѣшаетъ. Видишь вещи, которыхъ бы не видѣлъ; встрѣчаешь людей, которыхъ бы не встрѣтилъ. Разговоръ съ инымъ тотъ же червонецъ. Научите, почтеннѣйшій Константинъ Ѳедоровичъ, научите, къ вамъ прибѣгаю. Жду, какъ манны, сладкихъ словъ вашихъ».

Скудронжогло смутился. «Чему же, однако?... чему научить? Я и самъ учился на мѣдныя деньги».

«Мудрости, почтеннѣйшій, мудрости! мудрости управлять хозяйствомъ, подобно вамъ; подобно вамъ умѣть извлекать изъ него (не мечтательные, но) существенные доходы; пріобрѣсть, подобно вамъ, имущество не воображаемое, но существенное, дѣйствительное, и тѣмъ, исполня долгъ гражданина, заслужить уваженіе соотечественниковъ».

«Знаете ли что?» сказалъ Скудронжогло: «останьтесь денекъ у меня. Я покажу вамъ все управленіе и разскажу обо всемъ. Мудрости тутъ, какъ вы увидите, никакой нѣтъ».

«Братъ, оставайся этотъ день», сказала хозяйка, обращаясь къ Платонову.

«Мнѣ все равно», произнесъ тотъ равнодушно: «какъ Павелъ Ивановичъ?»

«Я съ большимъ удовольствіемъ... Но вотъ обстоятельство—нужно посѣтить родственника генерала Бетрищева. Есть нѣкто полковникъ Кошкаревъ...»

«Да вѣдь онъ... знаете ли вы это? Вѣдь онъ дуракъ и помѣшанъ».

«Объ этомъ я уже слышалъ. Мнѣ къ нему и дѣла нѣтъ. Но такъ какъ генералъ Бетрищевъ — близкій пріятель и, такъ сказать, благотворитель... такъ уже какъ-то и неловко».

«Въ такомъ случаѣ знаете ли что», сказалъ [Скудронжогло]: «поѣзжайте къ нему теперь же. У меня стоятъ готовыя пролетки. Къ нему и десяти верстъ [нѣтъ], такъ вы слетаете духомъ. Вы даже раньше ужина возвратитесь назадъ».

Чичиковъ съ радостью воспользовался предложеньемъ. Пролетки были поданы, и онъ поѣхалъ тотъ же часъ къ полковнику, который изумилъ его такъ, какъ еще никогда ему не случалось изумляться. Все было у полковника необыкновенно. Вся деревня была въ разброску: постройки, перестройки, кучи извести, кирпичу и бревенъ по всѣмъ улицамъ. Выстроены были какіе-то дома, въ родѣ присутственныхъ мѣстъ. На одномъ было написано золотыми буквами: *Депо земледѣльческихъ орудій*, на другомъ: *Главная счетная экспедиція*, на третьемъ: *Комитетъ сельскихъ дѣлъ; Школа нормальнаго просвѣщенья поселянъ;* словомъ, чортъ знаетъ, чего не было! Онъ думалъ, не въѣхалъ ли въ губернскій городъ. Самъ полковникъ былъ какой-то чопорный. Лицо какое-то чинное въ видѣ треугольника. Бакенбарды по щекамъ его были протянуты въ струнку; волосы, прическа, носъ, губы, подбородокъ—все какъ бы лежало дотолѣ подъ прессомъ. Началъ онъ говорить, какъ бы и дѣльный человѣкъ. Съ первыхъ началъ началъ онъ ему жаловаться на необразованность окружающихъ помѣщиковъ, на великіе труды, которые ему предстоятъ *). Принялъ онъ Чичикова ласково и радушно, и ввелъ его совершенно въ довѣренность и разсказалъ съ самоуслажденьемъ, сколькихъ и сколькихъ стоило ему трудовъ возвесть имѣнье до нынѣшняго **) благосостоянія; какъ трудно было дать понять простому мужику, что существуютъ высшія побужденія, которыя до-

*) Сверху строкъ Гоголь написалъ новый текстъ этого мѣста: «не въѣхалъ ли онъ въ губернскій городъ. Всего непонятнѣй то, что самъ полковникъ вовсе не походилъ на сумасшедшаго человѣка. Онъ былъ на видъ пределикатный. Манеры и обхожденіе деликатное, какъ бы у поряч... Принялъ Чичикова» (не дописано). Передѣлка не была доведена до конца. Слова: «Манеры и обхожденіе деликатное», потомъ были зачеркнуты и вмѣсто нихъ приписаны потомъ слова: «пределикатный и преобходительный человѣкъ».

**) Слова: «трудовъ возвесть имѣнье до нынѣш» представляютъ позднѣйшую прибавку; они приписаны въ концѣ 65-й страницы для связи послѣдней фразы, которая была недописана: «и разсказалъ съ самоуслажденьемъ, сколькихъ и сколькихъ стоило ему......» Для приписки конца оставлено пустое мѣсто.

ставляетъ человѣку просвѣщенная роскошь, что есть искусство; сколько нужно было бороться съ невѣжествомъ русскаго мужика, чтобы одѣть его въ нѣмецкіе штаны и заставить почувствовать, хотя сколько-нибудь, высшее достоинство человѣка; что бабъ, несмотря на всѣ усилія, онъ до сихъ [поръ] не могъ заставить надѣть корсетъ, тогда какъ въ Германіи, гдѣ онъ стоялъ съ полкомъ въ 14-мъ году, дочь мельника умѣла играть даже на фортепіано, говорила по-французски и дѣлала книксенъ. Съ соболѣзнованіемъ разсказывалъ онъ, какъ велика необразованность сосѣдей-помѣщиковъ; какъ мало думаютъ они о своихъ подвластныхъ; какъ они даже смѣялись, когда онъ старался изъяснить, какъ необходимо для хозяйства устроенье письменной конторы, конторъ, комиссіи и даже комитетовъ, чтобы тѣмъ предохранить [отъ] всякой кражи и всякая вещь была бы извѣстна, чтобы писарь, управитель и бухгалтеръ образовались бы не какъ-нибудь, но оканчивали бы университетское воспитаніе; что, несмотря на всѣ убѣжденія, онъ не могъ убѣдить помѣщиковъ въ томъ, что какая бы выгода была ихъ имѣніямъ, если бы каждый крестьянинъ былъ воспитанъ такъ, чтобы, идя за плугомъ, могъ читать въ то же время книгу о громовыхъ отводахъ.

На это Чичиковъ [подумалъ]: «Ну, врядъ ли выберется такое время. Вотъ я выучился грамотѣ, а «Графиня Лавальеръ» до сихъ поръ еще не прочитана».

«Ужасное невѣжество!» сказалъ въ заключенье полковникъ Кошкаревъ: «тьма среднихъ вѣковъ, и нѣтъ средствъ помочь... Повѣрьте, нѣтъ! А я бы могъ всему помочь; я знаю одно средство, вѣрнѣйшее средство».

«Какое?»

«Одѣть всѣхъ до одного въ Россіи, какъ ходятъ въ Германіи. Ничего больше, какъ только это, и я вамъ ручаюсь, что все пойдетъ, какъ по маслу: науки возвысятся, торговля подымется, золотой вѣкъ настанетъ въ Россіи».

Чичиковъ глядѣлъ на него пристально и думалъ: «Что̀-жъ? съ этимъ чиниться нечего». Не отлагая дѣла въ дальній

ящикъ, онъ объяснилъ полковнику тутъ же, что такъ и такъ: имѣется надобность вотъ въ какихъ душахъ, съ совершеньемъ такихъ-то крѣпостей и всѣхъ обрядовъ.

«Сколько могу видѣть изъ словъ вашихъ, это просьба; не такъ ли?»

«Такъ точно».

«Въ такомъ случаѣ, изложите ее письменно. Она пойдетъ въ коммиссію всякихъ прошеній. Коммиссія всякихъ прошеній, помѣтивши, препроводитъ ее ко мнѣ. Отъ меня поступитъ она въ комитетъ сельскихъ дѣлъ, тамъ сдѣлаютъ всякія справки и выправки по этому дѣлу. Главноуправляющій вмѣстѣ съ конторою въ самоскорѣйшемъ времени положитъ свою резолюцію, и дѣло будетъ сдѣлано».

Чичиковъ оторопѣлъ. «Позвольте», сказалъ: «этакъ дѣло затянется».

«А!» сказалъ съ улыбкой полковникъ: «вотъ тутъ-то и выгода бумажнаго производства! Оно, точно, нѣсколько затянется, но зато уже ничто не ускользнетъ; всякая мелочь будетъ видна».

«Но позвольте... Какъ же трактовать объ этомъ письменно? Вѣдь это такого рода дѣло... Души вѣдь нѣкоторымъ образомъ... мертвыя».

«Очень хорошо. Вы такъ и напишите, что души нѣкоторымъ образомъ мертвыя».

«Но вѣдь какъ же—мертвыя? Вѣдь этакъ же нельзя написать. Онѣ хотя и мертвыя, но нужно, чтобы казались, какъ бы были живыя».

«Хорошо. Вы такъ и напишите: *но нужно*, или *требуется, чтобы казалось, какъ бы живыя*».

Что было дѣлать съ полковникомъ? Чичиковъ рѣшился отправиться самъ поглядѣть, что̀ это за коммиссіи и комитеты; и что̀ нашелъ онъ тамъ, то было не только изумительно, но превышало рѣшительно всякое понятье. Коммиссія всякихъ прошеній существовала только на вывѣскѣ. Предсѣдатель ея, прежній камердинеръ, былъ переведенъ во вновь образовавшійся комитетъ сельскихъ построекъ. Мѣсто

его заступилъ конторщикъ Тимошка, откомандированный на слѣдствіе—разбирать пьяницу-приказчика со старостой, мошенникомъ и плутомъ. Чиновника—нигдѣ.

«Да гдѣ-жъ тутъ?.. да какъ добиться какого-нибудь толку?» сказалъ Чичиковъ своему сопутнику, чиновнику по особеннымъ порученіямъ, котораго полковникъ далъ ему въ проводники.

«Да никакого толку не добьетесь», сказалъ проводникъ: «у насъ безтолковщина. У насъ всѣмъ, извольте видѣть, распоряжается комиссія построенія, отрываетъ всѣхъ отъ дѣла, посылаетъ, куда угодно. Только и выгодно у насъ, что въ комиссіи построенія (онъ, какъ видно, былъ недоволенъ на комиссію построенія). У насъ такъ заведено, что всѣ водятъ за носъ барина. Онъ думаетъ, что все-съ какъ слѣдуетъ, а вѣдь это названье только одно».

«Это, однакоже, нужно ему сказать», подумалъ Чичиковъ и, пришедши къ полковнику, объявилъ, что у него каша и никакого толку нельзя добиться, и комиссія построеній воруетъ напропалую.

Полковникъ воскипѣлъ благороднымъ негодованьемъ; тутъ же написалъ восемь строжайшихъ запросовъ: на какомъ основаніи комиссія построеній самоуправно распорядилась съ неподвѣдомственными ей чиновниками? какъ могъ допустить главноуправляющій, чтобы предсѣдатель, не сдавши своего поста, отправился на слѣдствіе? и какъ могъ видѣть равнодушно комитетъ сельскихъ дѣлъ, что даже не существуетъ комиссіи прошеній?

«Ну, пойдетъ кутерьма», подумалъ Чичиковъ, и началъ раскланиваться.

«Нѣтъ, я васъ не отпущу. Въ два часа, не болѣе, вы будете удовлетворены во всемъ. Ваше дѣло поручу теперь особенному человѣку, который только-что окончилъ университетскій курсъ. Посидите у меня въ библіотекѣ. Тутъ все, что для васъ нужно — книги, бумага, перья, карандаши — все. Пользуйтесь, пользуйтесь всѣмъ—вы господинъ».

Такъ говорилъ Кошкаревъ, отворяя дверь въ книгохра-

нилище. Это былъ огромный залъ, снизу до верху уставленный книгами. Были тамъ даже и чучела животныхъ. Книги по всѣмъ частямъ—по части лѣсоводства, скотоводства, свиноводства, садоводства, тысячи всякихъ журналовъ, руководствъ и множество журналовъ, представлявшихъ самыя позднѣйшія развитія и усовершенствованія по коннозаводству и естественнымъ наукамъ. Были и такія названія: «Свиноводство, какъ наука». Видя, что здѣсь все вещи непріятнаго препровожденія [времени], онъ обратился къ другому шкафу. Изъ огня—въ полымя: тутъ были все книги философскія. На одной было заглавіе: «Философія, въ смыслѣ науки»; шесть томовъ въ рядъ, подъ названіемъ: «Предуготовительное вступленіе къ теоріи мышленія въ ихъ общности, совокупности и въ примѣненіи къ уразумѣнію органическихъ началъ (общества) обоюднаго раздвоенья общественной производительности». Что ни разворачивалъ Чичиковъ книгу, на всякой страницѣ — *проявленье, развитье, абстрактъ, замкнутость* и *сомкнутость*, и чортъ знаетъ, чего тамъ не было. «Нѣтъ, это (все) не по мнѣ», сказалъ Чичиковъ, и оборотился къ третьему шкафу, гдѣ были книги все по части искусствъ. Тутъ вытащилъ какую-то огромную книгу съ нескромными миѳологическими картинками и началъ ихъ разсматривать. Это было по его вкусу. Такого рода картинки нравятся холостякамъ среднихъ [лѣтъ]. Говорятъ, что въ послѣднее время стали онѣ нравиться даже и старичкамъ, изощрившимъ вкусъ на балетахъ. Что-жъ дѣлать! пряные коренья любитъ человѣкъ. Окончивши разсматриванье этой книги, Чичиковъ вытащилъ уже было и другую, въ томъ же родѣ, какъ вдругъ появился полковникъ Кошкаревъ, съ сіяющимъ видомъ и бумагою.

«Все сдѣлано, и сдѣлано отлично. Человѣкъ этотъ рѣшительно понимаетъ одинъ за всѣхъ. За это я его — выше всѣхъ: заведу особенное, высшее управленіе и поставлю его президентомъ. Вотъ что онъ пишетъ...»

«Ну, слава те, Господи!» подумалъ Чичиковъ, и приготовился слушать.

«Приступая къ обдумыванью возложеннаго на меня вашимъ высокородіемъ порученія, честь имѣю симъ донести на оное: 1) Въ самой просьбѣ господина коллежскаго совѣтника и кавалера Павла Ивановича Чичикова есть уже нѣкоторое недоразумѣніе: въ изъясненіи того, что требуются ревизскія души, постигнутыя всякими внезапностями, вставлены и умершія. Подъ симъ, вѣроятно, они изволили разумѣть близкія къ смерти, а не умершія; ибо умершія не пріобрѣтаются. Что̀-жъ и пріобрѣтать, если ничего нѣтъ? Объ этомъ говоритъ и самая логика, да и въ словесныхъ наукахъ они, какъ видно, не далеко уходили...» Тутъ на минуту Кошкаревъ остановился и сказалъ: «Въ этомъ мѣстѣ, плутъ... онъ немножко кольнулъ васъ. Но судите, однакоже, какое бойкое перо—статсъ-секретарскій слогъ; а вѣдь всего три года побылъ въ университетѣ, даже не кончилъ курса». Кошкаревъ продолжалъ: «...въ словесныхъ наукахъ, какъ видно, не далеко... ибо выразились о душахъ *умершія*, тогда какъ всякому, изучавшему курсъ познаній человѣческихъ, извѣстно заподлинно, что душа безсмертна.—2) Оныхъ упомянутыхъ ревизскихъ душъ, пришлыхъ или прибылыхъ, или, какъ они неправильно изволили выразиться, умершихъ, нѣтъ на-лицо таковыхъ, которыя бы не были въ залогѣ, ибо всѣ въ совокупности не только заложены безъ изъятія, но и перезаложены, съ прибавкой по полутораста рублей на душу, кромѣ небольшой деревни «Гурмайловка», находящейся въ спорномъ положеніи по случаю тяжбы съ помѣщикомъ Предищевымъ, и потому ни въ продажу, ни въ залогъ поступить не можетъ».

«Такъ зачѣмъ же вы мнѣ этого не объявили прежде? Зачѣмъ изъ пустяковъ держали?» сказалъ съ сердцемъ Чичиковъ.

«Да вѣдь какъ же я могъ знать объ этомъ сначала? Въ этомъ-то и выгода бумажнаго производства, что вотъ теперь все, какъ на ладони, оказалось ясно».

«Дуракъ ты, глупая скотина!» думалъ про-себя Чичиковъ. «Въ книгахъ копался, а чему выучился?» Мимо всякихъ

учтивствъ и приличій, схватилъ онъ шапку—изъ дома. Кучеръ стоялъ съ пролеткой наготовѣ и лошадей не откладывалъ: о кормѣ пошла бы письменная просьба, и резолюція—выдать овесъ лошадямъ вышла бы только на другой день. Какъ ни былъ Чичиковъ грубъ и неучтивъ, но Кошкаревъ, несмотря на все, былъ съ нимъ необыкновенно учтивъ и деликатенъ. Онъ насильно пожалъ ему руку и прижалъ ее къ сердцу (уже въ то время, какъ тотъ садился), и благодарилъ его за то, что онъ далъ ему случай увидѣть на дѣлѣ ходъ производства; что передрягу и гонку нужно дать необходимо, потому что способно все задремать и пружины сельскаго управленія заржавѣютъ и ослабѣютъ; что, вслѣдствіе этого событія, пришла ему счастливая мысль—устроить новую комиссію, которая будетъ называться комиссіей наблюденія за комиссіею построенія, такъ что уже тогда никто не осмѣлится украсть.

«Оселъ! дуракъ!» думалъ Чичиковъ, сердитый и недовольный во всю дорогу. Ѣхалъ онъ уже при звѣздахъ. Ночь была на небѣ. Въ деревняхъ были огни. Подъѣзжая къ крыльцу, онъ увидѣлъ въ окнахъ, что уже столъ былъ накрытъ для ужина.

«Что̀ это вы такъ запоздали?» сказалъ Скудронжогло, когда онъ показался въ дверяхъ.

«О чемъ вы это такъ долго съ нимъ толковали?» сказалъ Платоновъ.

«Уморилъ!» сказалъ Чичиковъ. «Этакого дурака я еще отъ роду не видывалъ».

«Это еще ничего!» сказалъ Скудронжогло. «Кошкаревъ—утѣшительное явленіе. Онъ нуженъ затѣмъ, что въ немъ отражаются карикатурно и виднѣй глупости умныхъ людей. Завели конторы и присутствія, и правителей, и мануфактуры, и фабрики, и школы, и комиссію, и чортъ ихъ знаетъ что̀ такое, точно какъ будто бы у нихъ государство какое! Какъ вамъ это нравится? я спрашиваю. Помѣщикъ, у котораго пахатныя земли и недостаетъ крестьянъ обрабатывать, а онъ завелъ свѣчной заводъ, изъ Лондона ма-

стеровъ выписалъ свѣчныхъ, торгашомъ сдѣлался! Вонъ другой дуракъ еще лучше: фабрику шелковыхъ матерій завелъ!»

«Да вѣдь и у тебя же есть фабрики», замѣтилъ Платоновъ.

«А кто ихъ заводилъ?—Сами завелись: накопилось шерсти, сбыть некуда, я и началъ ткать сукна, да и сукна толстыя, простыя; по дешевой цѣнѣ ихъ тутъ же на рынкахъ у меня и разбираютъ. Рыбью шелуху, напримѣръ, сбрасывали на мой берегъ шесть лѣтъ сряду; ну, куда ее дѣвать?—я началъ изъ нея варить клей, да сорокъ тысячъ и взялъ. Вѣдь у меня все такъ».

«Экой чортъ!» думалъ Чичиковъ, глядя на него въ оба глаза: «загребистая какая лапа!»

«Да я и строеній для этого не строю; у меня нѣтъ зданій съ колоннами да фронтонами. Мастеровъ я не выписываю изъ-за границы, а ужъ крестьянъ отъ хлѣбопашества ни за что не оторву; на фабрикахъ у меня работаютъ только въ голодный годъ, все пришлые, изъ-за куска хлѣба. Этакихъ фабрикъ у меня, братъ, наберется много. Разсмотри только попристальнѣе свое хозяйство, ты увидишь— всякая тряпка пойдетъ въ дѣло, всякая дрянь дастъ доходъ, такъ что послѣ отталкиваешь только да говоришь: не нужно!»

«Это изумительно», сказалъ Чичиковъ, исполнившись участья: «изумительно! изумительно! Изумительнѣе же всего то, что всякая дрянь даетъ доходъ».

«Гм! да не только это!...» Рѣчи Скудронжогло не кончилъ: желчь въ немъ пробудилась, и ему хотѣлось побранить сосѣдей-помѣщиковъ. «Вонъ опять одинъ умникъ — что̀, вы думаете, у себя завелъ? — Богоугодныя заведенія, каменное строеніе въ деревнѣ! Христолюбивое дѣло!... Ужъ хочешь помогать, такъ ты помогай всякому мужику исполнить этотъ долгъ, а не отрывай его отъ христіанскаго долга. Помоги сыну пригрѣть у себя больного отца, а не давай ему возможности сбросить его съ плечъ своихъ. Дай лучше

ему возможность пріютить у себя въ дому ближняго и брата, дай ему на это денегъ, помоги всѣми силами, а не отлучай его: онъ совсѣмъ отстанетъ отъ всякихъ христіанскихъ обязанностей. Донъ-Кихоты, просто, по всѣмъ частямъ!... Двѣсти рублей выходитъ на человѣка въ годъ въ богоугодномъ заведеніи!... Да я на эти деньги буду у себя въ деревнѣ десять человѣкъ содержать!» Скудронжогло разсердился и плюнулъ.

Чичиковъ не интересовался богоугоднымъ заведеніемъ: онъ хотѣлъ повести рѣчь о томъ, какъ всякая дрянь даетъ доходъ. Но Скудронжогло уже разсердился, желчь въ немъ закипѣла, и слова полились.

«А вотъ другой Донъ-Кихотъ просвѣщенія: завелъ школы! Ну, что̀, напримѣръ, полезнѣе человѣку, какъ знанье грамоты? А вѣдь какъ распорядился? Вѣдь ко мнѣ приходятъ мужики изъ его деревни. «Что̀ это», говорятъ: «батюшка, такое? сыновья наши совсѣмъ отъ рукъ отбились, помогать въ работахъ не хотятъ, всѣ въ писаря хотятъ, а вѣдь писарь нуженъ одинъ». Вѣдь вотъ что̀ вышло!»

Чичикову тоже не было надобности до школъ, но Платоновъ подхватилъ этотъ предметъ: «Да вѣдь этимъ останавливаться не нужно, что теперь не надобны писаря: послѣ будетъ надобность. Работать нужно для потомства».

«Да будь, братецъ, хоть ты уменъ! Ну, что̀ вамъ далось это потомство? Всѣ думаютъ, что они какіе-то Петры Великіе. Да ты смотри себѣ подъ ноги, а не гляди въ потомство; хлопочи о томъ, чтобы мужика сдѣлать достаточнымъ да богатымъ, да чтобы было у него время учиться по охотѣ своей, а не то, что съ палкой въ рукѣ говорить: «Учись!» Чортъ знаетъ, съ котораго конца начинаютъ!... Ну, послушайте: ну, вотъ я вамъ на судъ...» Тутъ Скудронжогло подвинулся ближе къ Чичикову и, чтобы заставить его получше вникнуть въ дѣло, взялъ его на абордажъ, другими словами—засунулъ палецъ въ петлю его фрака. «Ну, что̀ можетъ быть яснѣе? У тебя крестьяне затѣмъ, чтобы ты имъ покровительствовалъ въ ихъ крестьянскомъ быту. Въ

чемъ же быть? въ чемъ же занятія крестьянина?—Въ хлѣбопашествѣ? Такъ старайся, чтобы онъ былъ хорошимъ хлѣбопашцемъ. Ясно? Нѣтъ, нашлись умники, говорятъ: «Изъ этого состоянія его нужно вывести. Онъ ведетъ слишкомъ грубую, простую жизнь: нужно познакомить его съ предметами роскоши». Что сами, благодаря этой роскоши, стали тряпки, а не люди, и болѣзней, чортъ знаетъ, какихъ понабрались, и ужъ нѣтъ ни одного осьмнадцатилѣтняго мальчишки, который бы не испробовалъ всего: и зубовъ у него нѣтъ, и плѣшивъ,—такъ хотятъ теперь и этихъ заразить. Да слава Богу, что у насъ осталось хотя одно еще здоровое сословіе, которое не познакомилось съ этими прихотями! За это мы, просто, должны благодарить Бога. Да, хлѣбопашцы для меня всѣхъ почтеннѣе. Дай Богъ, чтобы всѣ были хлѣбопашцы!»

«Такъ вы полагаете, что хлѣбопашествомъ всего выгоднѣе заниматься?» спросилъ Чичиковъ.

«Законнѣе, а не то, что выгоднѣе. Воздѣлывай землю въ потѣ лица своего—это намъ всѣмъ сказано; это не даромъ сказано. Опытомъ вѣковъ доказано, что въ земледѣльческомъ званіи человѣкъ чище нравами. Гдѣ хлѣбопашество легло въ основаніе быта общественнаго, тамъ изобиліе и довольство; бѣдности нѣтъ, роскоши нѣтъ, а есть довольство. Воздѣлывай землю—сказано человѣку, трудись... чтó тутъ хитрить! Я говорю мужику: «Кому бы ты ни трудился, мнѣ ли, себѣ ли, сосѣду ли, только трудись. Въ дѣятельности я твой первый помощникъ. Нѣтъ у тебя скотины, вотъ тебѣ лошадь, вотъ тебѣ корова, вотъ тебѣ телѣга. Всѣмъ, чтò нужно, готовъ тебя снабдить, но трудись. Для меня смерть, если хозяйство у тебя не въ устройствѣ и вижу у тебя безпорядокъ и бѣдность. Не потерплю праздности: я затѣмъ надъ тобой, чтобы ты трудился». Гм! думаютъ увеличить доходы заведеніями да фабриками! Да ты подумай прежде о томъ, чтобы всякій мужикъ былъ у тебя богатъ, такъ тогда ты и самъ будешь богатъ безъ фабрикъ и безъ заводовъ, и безъ глупыхъ [затѣй]».

«Чѣмъ больше слушаешь васъ, почтеннѣйшій Константинъ Ѳедоровичъ», сказалъ Чичиковъ: «тѣмъ бо̀льшее получаешь желаніе слушать. Скажите, досточтимый мною: если бы, напримѣръ, я возымѣлъ намѣреніе сдѣлаться помѣщикомъ, положимъ, здѣшней губерніи, на что̀ именно слѣдуетъ обратить вниманіе? какъ быть, какъ поступить, чтобы въ непродолжительное [время] разбогатѣть, тѣмъ исполнивши, такъ сказать, въ виду отечества обязанность гражданина?»

«Какъ поступить, чтобы разбогатѣть? А вотъ какъ...» сказалъ Скудронжогло.

«Пойдемъ ужинать!» сказала хозяйка, поднявшись съ дивана, и выступила на середину комнаты, закутывая въ шаль молодые продрогнувшіе свои члены.

Чичиковъ схватился со стула съ ловкостью почти военнаго человѣка, подлетѣлъ къ хозяйкѣ съ мягкимъ выраженьемъ, въ..... деликатнаго штатскаго человѣка, коромысломъ подставилъ ей руку и повелъ ее парадно черезъ двѣ комнаты въ столовую, сохраняя во все время пріятное наклоненье головы нѣсколько на-бокъ. Служитель снялъ крышку съ суповой чашки; всѣ со стульями придвинулись ближе къ столу, и началось хлебанье супа.

Отдѣлавши супъ и запивши рюмкой наливки (наливка была отличная), Чичиковъ сказалъ такъ Скудронжоглу: «Позвольте, почтеннѣйшій, вновь обратить васъ къ предмету прекращеннаго разговора. Я спрашивалъ васъ о томъ, какъ быть, какъ поступить, какъ лучше приняться...»

. *).

«Имѣнье, за которое если бы онъ запросилъ и 40 тысячъ, я бы ему тутъ же отсчиталъ».

*) Послѣ этого утрачена изъ тетради одна четвертка, или двѣ страницы. Въ первомъ изданіи второго тома «Мертвыхъ Душъ» С. П. Шевыревъ сдѣлалъ къ этому мѣсту такое примѣчаніе: «Здѣсь въ разговорѣ между Костанжогло и Чичиковымъ пропускъ. Должно полагать, что Костанжогло предложилъ Чичикову пріобрѣсти покупкою имѣнье сосѣда его, помѣщика Хлобуева». *Рсд.*

«Гм!» Чичиковъ задумался. «А отчего же вы сами», проговорилъ онъ съ нѣкоторою робостью: «не покупаете его?»

«Да нужно знать, наконецъ, предѣлы. У меня и безъ того много хлопотъ около своихъ имѣній. Притомъ, у насъ дворяне и безъ того уже кричатъ на меня, будто я, пользуясь крайностями и разоренными ихъ положеньями, скупаю земли за безцѣнокъ. Это мнѣ ужъ, наконецъ, надоѣло».

«Дворянство способно къ злословью!» сказалъ Чичиковъ.

«А ужъ у насъ, въ нашей губерніи... Вы не можете себѣ представить, что̀ они говорятъ обо мнѣ. Они меня иначе и не называютъ, какъ сквалыгой и скупердяемъ первой степени. Себя они во всемъ извиняютъ. «Я», говоритъ, «конечно, промотался, но потому, что жилъ высшими потребностями жизни. Мнѣ нужны книги, я долженъ жить роскошно, чтобы промышленность поощрять; а этакъ, пожалуй, можно прожить и не разорившись, если бы жить такой свиньею, какъ Скудронжогло».—«Вѣдь вотъ какъ!»

«Желалъ бы я быть этакой свиньей!» сказалъ Чичиковъ.

«И вѣдь это все оттого, что не задаю обѣдовъ, да не занимаю имъ денегъ. Обѣдовъ я потому не даю, что это меня бы тяготило, я къ этому не привыкъ; а пріѣзжай ко мнѣ ѣсть то, что̀ я ѣмъ,—милости просимъ! Не даю денегъ взаймы—это вздоръ. Пріѣзжай ко мнѣ въ самомъ дѣлѣ нуждающійся, да разскажи мнѣ обстоятельно, какъ ты распорядишься моими деньгами: если я увижу изъ твоихъ словъ, что ты употребишь ихъ умно и деньги принесутъ тебѣ явную прибыль,—я тебѣ не откажу и не возьму даже процентовъ. Но бросать денегъ на вѣтеръ я не стану. Ужъ пусть меня въ этомъ извинятъ! Онъ затѣваетъ какой-нибудь обѣдъ своей любовницѣ или на сумасшедшую ногу убираетъ мебелями домъ, а ему давай деньги взаймы!»...

Здѣсь Скудронжогло плюнулъ и чуть-чуть не выговорилъ нѣсколько неприличныхъ и бранныхъ словъ въ присутствіи супруги. Суровая тѣнь темной ипохондріи омрачила его живое лицо. Вдоль лба и поперекъ его собрались морщины, обличители гнѣвнаго движенья, взволнованной желчи.

Чичиковъ выпилъ рюмку малиновки и сказалъ такъ: «Позвольте мнѣ, досточтимый мною, обратить васъ вновь къ предмету прекращеннаго разговора. Если бы, положимъ, я пріобрѣлъ то самое имѣніе, о которомъ вы изволили упомянуть, то во сколько времени и какъ скоро можно разбогатѣть въ такой степени...»

«Если вы хотите», подхватилъ сурово и отрывисто Скудронжогло, еще полный нерасположенія духа: «разбогатѣть скоро, такъ вы никогда не разбогатѣете; если же хотите разбогатѣть, не спрашивая о времени, то разбогатѣете скоро».

«Вотъ оно какъ!» сказалъ Чичиковъ.

«Да», сказалъ Скудронжогло отрывисто, точно какъ бы онъ сердился на самого Чичикова. «Надобно имѣть любовь къ труду; безъ этого ничего нельзя сдѣлать. Надобно полюбить хозяйство, да! И, повѣрьте, это вовсе не скучно. Выдумали, что въ деревнѣ тоска... Да я бы умеръ отъ тоски, если бы хотя одинъ день провелъ въ городѣ такъ, какъ проводятъ они! Хозяину нѣтъ времени скучать. Въ жизни его нѣтъ пустоты—все полнота. Нужно только разсмотрѣть весь этотъ многообразный кругъ годовыхъ занятій — и какихъ занятій! занятій, истинно возвышающихъ духъ, не говоря уже о разнообразіи. Тутъ человѣкъ идетъ рядомъ съ природой, съ временами года, соучастникъ и собесѣдникъ всему, что̀ совершается въ твореньи. Еще не появилась весна, а ужъ зачинаются работы: подвозы и дровъ, и всего на время распутицы; подготовка сѣмянъ; переборка, перемѣрка по амбарамъ хлѣба и пересушка; установленье новыхъ тяголъ. Прошли снѣга и рѣки,—работы такъ вдругъ и закипятъ: тамъ нагрузки на суда, здѣсь расчистка деревъ по лѣсамъ, пересадка деревъ по садамъ, и пошли взрывать повсюду землю. Въ огородахъ работаетъ заступъ, въ поляхъ—соха и борона. И начинаются посѣвы—бездѣлица: грядущій урожай сѣютъ! Наступило лѣто — покосы, первѣйшій праздникъ хлѣбопашца, — бездѣлица! Пойдутъ жатва за жатвой: за рожью пшеница, за ячменемъ овесъ,

а тутъ и дерганье конопли. Мечутъ стога, кладутъ клади. А тутъ и августъ перевалилъ за половину — пошла свозка всего на гумна. Наступила осень—запашки и посѣвы озимыхъ хлѣбовъ, чинка амбаровъ, ригъ, скотныхъ дворовъ, хлѣбный опытъ и первый умолотъ. Наступитъ зима — и тутъ не дремлютъ работы: первые подвозы въ городъ, молотьба по всѣмъ гумнамъ, перевозка перемолотаго хлѣба изъ риги въ амбары, по лѣсамъ рубка и пиленье дровъ, подвозъ кирпичу и матеріалу для весеннихъ построекъ. Да, просто, я и обнять всего не въ состояньи. Какое разнообразіе работъ! Сюда и туда взглянуть идешь: и на мельницу, и на рабочій дворъ, и на фабрики, и на гумна; идешь и къ мужику взглянуть, какъ онъ на себя работаетъ,—безделица! Да для меня праздникъ, если плотникъ хорошо владѣетъ топоромъ; я два часа готовъ передъ нимъ простоять: такъ веселитъ меня работа! А если видишь еще, съ какой цѣлью все это творится, какъ вокругъ тебя все множится да множится, принося плодъ да доходъ, да я и разсказать вамъ не могу, какое удовольствіе. И не потому, что растутъ деньги,—деньги деньгами,—но потому, что все это—дѣло рукъ твоихъ; потому, что видишь, какъ ты всему причина и творецъ всего, и отъ тебя, какъ отъ какого-нибудь мага, сыплется изобиліе и добро на все. Да гдѣ вы найдете мнѣ равное наслажденье?» сказалъ Скудронжогло, и и лицо поднялось кверху, всѣ морщины исчезнули. Какъ царь въ день торжественнаго вѣнчанья своего, сіялъ онъ.— «Да въ цѣломъ мірѣ не отыщете вы подобнаго наслажденья! Здѣсь, именно здѣсь, подражаетъ Богу человѣкъ: Богъ предоставилъ Себѣ дѣло творенья, какъ высшее наслажденье, и требуетъ отъ человѣка также, чтобы онъ былъ творцомъ благоденствія и стройнаго теченья дѣлъ. И это называютъ скучнымъ дѣломъ!»

Какъ пѣнья райской птички, заслушался Чичиковъ сладкозвучныхъ хозяйскихъ рѣчей. Глотали слюнку его уста. Глаза умаслились и выражали сладость, и все бы онъ слушалъ.

«Константинъ! пора вставать», сказала хозяйка, приподнявшись со стула. Платоновъ приподнялся, Скудронжогло приподнялся, Чичиковъ приподнялся, хотя хотѣлось ему все сидѣть да слушать. Подставивъ руку коромысломъ, повелъ Чичиковъ обратно хозяйку. Но голова его не была склонена привѣтливо на-бокъ, недоставало ловкости въ оборотахъ. Его мысли были заняты существенными оборотами и соображеньями.

«Что̀ ни разсказывай, а все, однакоже, скучно», говорилъ, идя позади ихъ, Платоновъ.

«Гость, кажется, очень неглупый человѣкъ», думалъ хозяинъ: «степененъ въ словахъ и не щелкоперъ». И, подумавши, сталъ еще веселѣе, точно какъ бы самъ разогрѣлся отъ своего разговора, точно какъ [бы] празднуя, что нашелъ человѣка, готоваго слушать умные совѣты.

Когда потомъ помѣстились они всѣ въ маленькой, уютной комнаткѣ, озаренной свѣчками, насупротивъ большой стеклянной двери въ садъ, Чичикову сдѣлалось такъ пріютно, какъ не бывало давно, точно какъ бы послѣ долгихъ странствованій приняла его родная крыша и, по совершеніи всего, получилъ онъ желаемое и бросилъ скитальческій посохъ, сказавши: «довольно!» Такое обаятельное расположеніе навелъ ему на душу разумный разговоръ хозяина. Есть для всякаго сердца такія рѣчи, которыя какъ бы ближе и родственнѣй ему другихъ рѣчей; и часто неожиданно, въ глухомъ, забытомъ захолустьи, на безлюдьи безлюдномъ, встрѣтишь человѣка, котораго грѣющая бесѣда заставитъ позабыть тебя и бездорожье дороги, и безпріютность ночлеговъ, и современный свѣтъ, полный глупостей людскихъ, обмановъ, обманывающихъ человѣка; и живо потомъ, навсегда и навѣки останется проведенный такимъ образомъ вечеръ, и все, что̀ тогда случилось и было, удержитъ вѣрная память: и кто соприсутствовалъ, и кто на какомъ мѣстѣ стоялъ, и что̀ было въ рукахъ его,—стѣны, углы и всякую бездѣлушку.

Такъ и Чичикову замѣтилось все въ тотъ вечеръ: и эта

малая, неприхотливо убранная комнатка, и добродушное выраженіе, воцарившееся въ лицѣ умнаго хозяина, и поданная Платонову трубка съ янтарнымъ мундштукомъ, и дымъ, который онъ сталъ пускать въ толстую морду Ярбу, и фырканье Ярба, и смѣхъ миловидной хозяйки, прерываемый словами: «Полно, не мучь его», и веселыя свѣчки, и сверчокъ въ углу, и стеклянная дверь, и весенняя ночь, которая оттолѣ на нихъ глядѣла, облокотясь на вершины деревъ, изъ чащи которыхъ высвистывали весенніе соловьи.

«Сладки мнѣ ваши рѣчи, досточтимый мною Константинъ Ѳедоровичъ», произнесъ Чичиковъ. «Могу сказать, что не встрѣчалъ во всей Россіи человѣка, подобнаго вамъ по уму».

Скудронжогло улыбнулся. «Нѣтъ, Павелъ Ивановичъ», сказалъ онъ: «ужъ если хотите знать умнаго человѣка, такъ у насъ, дѣйствительно, есть одинъ, о которомъ, точно, можно сказать—«умный человѣкъ», котораго я и подметки не стòю».

«Кто это?» съ изумленіемъ спросилъ Чичиковъ.

«Это нашъ откупщикъ Муразовъ».

«Въ другой разъ уже про него слышу!» вскрикнулъ Чичиковъ.

«Это человѣкъ, который не то, что имѣньемъ помѣщика— цѣлымъ государствомъ управитъ. Будь у меня государство, я бы его сей же часъ сдѣлалъ министромъ финансовъ».

«Слышалъ. Говорятъ, человѣкъ, превосходящій мѣру всякаго вѣроятія: десять милліоновъ, говорятъ, нажилъ».

«Какое десять! перевалило за сорокъ. Скоро половина Россіи будетъ въ его рукахъ».

«Чтò вы говорите!» вскрикнулъ Чичиковъ, оторопѣвъ.

«Всенепремѣнно. У него теперь приращенье должно итти съ быстротой невѣроятной. Это ясно. Медленно богатѣетъ только тотъ, у кого какія-нибудь сотни тысячъ; а у кого милліоны, у того радіусъ великъ: чтò ни захватитъ, такъ вдвое и втрое противъ самого себя. Поле-то, поприще слишкомъ просторно. Тутъ ужъ и соперниковъ нѣтъ: съ

нимъ некому тягаться. Какую цѣну чему ни назначитъ, такая и останется: некому перебить».

Вытаращивъ глаза и разинувши ротъ, какъ вкопанный, смотрѣлъ Чичиковъ въ глаза Скудронжогло. Захватило духъ въ груди ему. «Уму непостижимо!» сказалъ онъ, приходя немного въ себя: «каменѣетъ мысль отъ страха. Изумляются мудрости Промысла въ разсматриваньи букашки; для меня болѣе изумительно, когда въ рукахъ смертнаго могутъ обращаться такія громадныя суммы! Позвольте предложить вамъ вопросъ насчетъ одного обстоятельства: скажите, вѣдь это, разумѣется, въ началѣ пріобрѣтено не безъ грѣха?»

«Самымъ безукоризненнымъ путемъ и самыми справедливыми средствами».

«Не повѣрю, почтеннѣйшій, извините, не повѣрю. Если-бъ это были тысячи, еще бы такъ, но милліоны... извините, не повѣрю».

«Напротивъ, тысячи трудно безъ грѣха, а милліоны наживаются легко. Милліонщику нечего прибѣгать къ кривымъ путямъ. Прямой-таки дорогой такъ и ступай, все бери, что̀ ни лежитъ передъ тобой. Другой не подыметъ: всякому не по силамъ».

«Уму непостижимо! И что̀ всего непостижимѣй, это то, что дѣло вѣдь началось изъ копѣйки!»

«Да иначе и не бываетъ. Это законный порядокъ вещей», сказалъ Скудронжогло. «Кто воспитался на тысячахъ, тотъ уже не пріобрѣтетъ: у того уже завелись и прихоти, и мало ли чего нѣтъ! Начинать нужно съ начала, а не съ середины. Снизу, снизу нужно начинать. Тутъ только узнаешь хорошо людъ и бытъ, среди которыхъ придется потомъ изворачиваться. Какъ вытерпишь на собственной кожѣ то да другое, да какъ узнаешь, что всякая копѣйка алтыннымъ гвоздемъ прибита, да какъ перейдешь всѣ мытарства, тогда тебя умудритъ и вышколитъ такъ, что ужъ не дашь промаха ни въ какомъ предпріятіи и не оборвешься. Повѣрьте, это правда. Съ начала нужно начинать, а не съ середины. Кто говоритъ мнѣ: «Дайте мнѣ 100 ты-

сячъ, я сейчасъ разбогатѣю», я тому не повѣрю: онъ бьетъ на удачу, а не навѣрняка. Съ копѣйки нужно начинать!»

«Въ такомъ случаѣ я разбогатѣю», сказалъ Чичиковъ: «потому что начинаю почти, такъ сказать, съ ничего». Онъ разумѣлъ мертвыя души.

«Константинъ, пора дать Павлу Ивановичу отдохнуть и поспать», сказала хозяйка: «а ты все болтаешь».

«И непремѣнно разбогатѣете», сказалъ Скудронжогло, не слушая хозяйки. «Къ вамъ потекутъ рѣки, рѣки золота. Не будете знать, куда дѣвать доходы».

Какъ очарованный, сидѣлъ Павелъ Ивановичъ въ золотой области возрастающихъ грёзъ и мечтаній. Закружились его мысли...

«Право, Константинъ, Павлу Ивановичу пора спать».

«Да что-жъ тебѣ? Ну, и ступай, если захотѣлось!» сказалъ хозяинъ и остановился: громко, по все комнатѣ, раздалось храпѣнье Платонова, а вслѣдъ за нимъ Ярбъ захрапѣлъ еще громче. Уже давно слышался отдаленный стукъ въ чугунныя доски. Дѣло потянуло за полночь. Скудронжогло замѣтилъ, что въ самомъ дѣлѣ пора на покой. Всѣ разбрелись, пожелавъ спокойнаго сна другъ другу, и не замедлили имъ воспользоваться.

Одному Чичикову только не спалось. Его мысли бодрствовали. Онъ обдумывалъ, какъ сдѣлаться помѣщикомъ не фантастическаго, но существеннаго имѣнія. Послѣ разговора съ хозяиномъ все становилось такъ ясно; возможность разбогатѣть казалась такъ очевидной. Трудное дѣло хозяйства становилось теперь такъ легко и понятно и такъ казалось свойственно самой его натурѣ, что началъ помышлять онъ серьезно о пріобрѣтеніи не воображаемаго, но дѣйствительнаго помѣстья; онъ опредѣлилъ тутъ же на деньги, которыя будутъ выданы ему изъ ломбарда за фантастическія души, пріобрѣсть помѣстье уже не фантастическое. Уже онъ видѣлъ себя дѣйствующимъ и правящимъ именно такъ, какъ поучалъ Скудронжогло,—расторопно, осмотрительно, ничего не заводя новаго, не узнавши насквозь

всего стараго, все высмотрѣвши собственными глазами, всѣхъ мужиковъ узнавши, всѣ излишества отъ себя оттолкнувши, отдавши себя только труду да хозяйству... Уже заранѣе предвкушалъ онъ то удовольствіе, которое будетъ онъ чувствовать, когда заведется стройный порядокъ и бойкимъ ходомъ двигнутся всѣ пружины хозяйства, дѣятельно толкая другъ друга. Трудъ закипитъ, и подобно тому, [какъ] въ ходкой мельницѣ шибко вымалывается изъ зерна мука, пойдетъ вымалываться изъ всякаго дрязгу и хламу чистаганъ да чистаганъ. Чудный хозяинъ такъ и стоялъ предъ нимъ ежеминутно. Это былъ первый человѣкъ во всей Россіи, къ которому почувствовалъ онъ уваженіе личное: доселѣ уважалъ онъ человѣка или за хорошій чинъ, или за большіе достатки; собственно за умъ онъ не уважалъ еще ни одного человѣка. Скудронжогло былъ первый. Чичиковъ понялъ и то, что съ этакимъ нечего толковать о мертвыхъ душахъ и самая рѣчь объ этомъ будетъ неумѣстна. Его занималъ теперь другой прожектъ— купить имѣнье Хлобуева. Десять тысячъ у него было; другія десять тысячъ предполагалъ онъ призанять у Скудронжогло, такъ какъ онъ самъ объявилъ уже, что готовъ помочь всякому, желающему разбогатѣть и заняться хозяйствомъ. Остальныя десять тысячъ можно было обязаться потомъ, по заложеніи душъ. Заложить всѣ накупленныя души еще нельзя было, потому что не было еще земель, на которыя слѣдовало переселись ихъ. Хотя [увѣрялъ] онъ, что въ Херсонской губерніи есть у него земли, но онѣ существовали больше въ предположеніи. Предполагалось еще и скупить ихъ въ Херсонской губерніи, потому что онѣ тамъ продавались за безцѣнокъ и даже отдавались даромъ, лишь бы только на нихъ селились. Думалъ онъ также и о томъ, что надобно торопиться закупать, у кого какіе остались бѣглецы и мертвецы, ибо помѣщики другъ передъ другомъ спѣшатъ закладывать имѣнія и скоро во всей Россіи можетъ не остаться и угла, не заложеннаго въ казну. Всѣ эти мысли попеременно наполняли его голову

и мѣшали ему [спать]. Наконецъ сонъ, который уже цѣлые четыре часа держалъ весь домъ, какъ говорится, въ своихъ объятіяхъ, принялъ въ объятія и Чичикова. Онъ заснулъ крѣпко...

ГЛАВА IV.

На другой день все обдѣлалось, какъ нельзя лучше. Скудронжогло далъ съ радостью десять тысячъ безъ процентовъ, безъ поручительства,—просто, подъ одну росписку: такъ былъ онъ готовъ помогать всякому на пути къ пріобрѣтенію. Этого мало: онъ самъ взялся сопровождать Чичикова къ Хлобуеву, съ тѣмъ, чтобы осмотрѣть вмѣстѣ съ нимъ имѣніе. Послѣ сытнаго завтрака всѣ они отправились, сѣвши всѣ трое въ коляску Павла Ивановича; пролетки хозяина слѣдовали за ними порожнякомъ. Ярбъ бѣжалъ впереди, сгоняя съ дороги птицъ. Въ полтора часа съ небольшимъ, сдѣлали они восемнадцать верстъ и увидѣли деревушку съ двумя домами: одинъ большой и новый, недостроенный и остававшійся вчернѣ нѣсколько лѣтъ; другой маленькій и старенькій. Хозяина нашли они растрепаннаго, заспаннаго, недавно проснувшагося; на сюртукѣ у него была заплата, а на сапогѣ дырка.

Пріѣзду гостей онъ обрадовался, какъ Богъ вѣсть чему: точно какъ бы увидѣлъ онъ братьевъ, съ которыми надолго разставался.

«Константинъ Ѳедоровичъ! Платонъ Михайловичъ!» вскрикнулъ онъ: «отцы родные! вотъ одолжили пріѣздомъ! Дайте протереть глаза! А ужъ, право, думалъ, что ко мнѣ никто не заѣдетъ. Всякъ бѣгаетъ меня, какъ чумы: думаетъ—попрошу взаймы. Охъ, трудно, трудно, Константинъ Ѳедоровичъ! Вижу — самъ всему виной! Что̀ дѣлать? свинья свиньей зажилъ. Извините, господа, что принимаю васъ въ такомъ нарядѣ: сапоги, какъ видите, съ дырами. Да чѣмъ васъ потчивать? скажите».

«Пожалуйста безъ околичностей. Мы къ вамъ пріѣхали

за дѣломъ», сказалъ Скудронжогло. «Вотъ вамъ покупщикъ, Павелъ Ивановичъ Чичиковъ».

«Душевно радъ познакомиться. Дайте прижать мнѣ вашу руку».

Чичиковъ далъ ему обѣ.

«Хотѣлъ бы очень, почтеннѣйшій Павелъ Ивановичъ, показать вамъ имѣніе, стоящее вниманія... Да что, господа, позвольте спросить, вы обѣдали?»

«Обѣдали, обѣдали», сказалъ Скудронжогло, желая отдѣлаться. «Не будемъ мѣшкать и пойдемъ теперь же».

«Въ такомъ случаѣ пойдемъ».

Хлобуевъ взялъ въ руки картузъ. Гости надѣли на головы картузы, и всѣ отправились пѣшкомъ осматривать деревню.

«Пойдемъ осматривать безпорядки и безпутство мое», говорилъ Хлобуевъ. «Конечно, вы сдѣлали хорошо, что пообѣдали. Повѣрите ли, Константинъ Ѳедоровичъ, курицы нѣтъ въ домѣ,—до того дожилъ. Свиньей себя веду, просто свиньей!»

Глубоко вздохнувъ и какъ бы чувствуя, что мало будетъ участія со стороны Константина Ѳедоровича и жестковато его сердце, подхватилъ подъ руку Платонова и пошелъ съ нимъ впередъ, прижимая крѣпко его къ груди своей. Скудронжогло и Чичиковъ остались позади и, взявшись подъ руки, слѣдовали за ними въ отдаленіи.

«Трудно, Платонъ Михалычъ, трудно!» говорилъ Хлобуевъ Платонову. «Не можете вообразить, какъ трудно! Безденежье, безхлѣбье, безсапожье! Трынъ-трава бы это было все, если бы былъ молодъ и одинъ. Но когда всѣ эти невзгоды станутъ тебя ломать подъ старость, а подъ бокомъ жена, пятеро дѣтей,—сгрустнется, поневолѣ сгрустнется...»

Платонову стало жалко. «Ну, а если вы продадите деревню, это васъ поправитъ?» спросилъ онъ.

«Какое поправитъ!» сказалъ Хлобуевъ, махнувши рукой. «Все пойдетъ на уплату необходимѣйшихъ долговъ, а затѣмъ для себя не останется и тысячи».

«Такъ что̀-жъ вы будете дѣлать?»

«А Богъ знаетъ», говорилъ Хлобуевъ, пожимая плечами.

Платоновъ удивился. «Какъ же вы ничего не предпринимаете, чтобы выпутаться изъ такихъ обстоятельствъ?»

«Что̀-жъ предпринять?»

«Будто нѣтъ уже средствъ?»

«Никакихъ».

«Ну, ищите должности, возьмите какое-нибудь мѣсто».

«Вѣдь я губернскій секретарь. Какое-жъ мнѣ могутъ дать выгодное мѣсто? Жалованье дадутъ ничтожное, а вѣдь у меня жена, пятеро дѣтей».

«Ну, частную какую-нибудь должность. Пойдите въ управляющіе».

«Да кто-жъ мнѣ повѣритъ имѣніе? Я промоталъ свое».

«Ну, да если голодъ и смерть грозятъ, нужно же что-нибудь предпринимать. Я спрошу, не можетъ ли братъ мой черезъ кого-либо въ городѣ, выхлопотать какую-нибудь должность».

«Нѣтъ, Платонъ Михайловичъ», сказалъ Хлобуевъ, вздохнувши и сжавши крѣпко его руку: «не гожусь я теперь никуда. Одряхлѣлъ прежде старости своей, и поясница болитъ отъ прежнихъ грѣховъ, и ревматизмъ въ плечѣ. Куда мнѣ! Что̀ разорять казну! И безъ того теперь завелось много служащихъ ради доходныхъ мѣстъ. Храни Богъ, чтобы изъ-за доставки мнѣ жалованья прибавлены были подати на бѣдное сословіе: и безъ того ему трудно при этомъ множествѣ сосущихъ. Нѣтъ, Платонъ Михайловичъ, Богъ съ нимъ».

«Вотъ положеніе!» думалъ Платоновъ. «Это хуже моей спячки».

Тѣмъ временемъ Скудронжогло и Чичиковъ, идя позади ихъ на порядочномъ разстояніи, такъ между собою говорили:

«Вонъ запустилъ какъ все!» говорилъ Скудронжогло. «Довелъ мужика до какой бѣдности! Когда случился падежъ, такъ ужъ тутъ нечего глядѣть на свое добро. Тутъ все свое продай, да снабди мужика скотиной, чтобы онъ не оставался

и одного дня безъ средствъ производить работу. Теперь и годами не поправишь: и мужикъ уже излѣнился, и загулялъ, и сталъ пьяница».

«Такъ, стало-быть, теперь не совсѣмъ выгодно и покупать этакое имѣніе?» спросилъ Чичиковъ.

Тутъ Скудронжогло взглянулъ на Чичикова такъ, какъ бы хотѣлъ ему сказать: «Ты что̀ за невѣжа! съ азбуки, что ли, нужно съ тобой начинать?» — «Невыгодно! да черезъ три года я буду получать двадцать тысячъ годового дохода съ этого имѣнія, — вотъ оно какъ невыгодно! Въ пятнадцати верстахъ — бездѣлица! А земля-то какова? разглядите землю! Все поёмныя мѣста. Да я засѣю льну, да тысячъ на пять одного льну отпущу; рѣпой засѣю — на рѣпѣ выручу тысячи четыре. А вонъ смотрите — рожь поднялась; вѣдь это все падаль. Онъ хлѣба не сѣялъ — я это знаю. Да этому имѣнью полтораста тысячъ, а не сорокъ».

Чичиковъ сталъ опасаться, чтобы Хлобуевъ не услышалъ, и потому отсталъ еще подальше.

«Вонъ сколько земли оставилъ впустѣ!» говорилъ, начиная сердиться, Скудронжогло. «Хоть бы повѣстилъ впередъ, такъ набрели бы охотники. Ну, ужъ если нечѣмъ пахать, такъ копай подъ огородъ, — огородомъ бы взялъ. Мужика заставилъ пробыть четыре года безъ труда — бездѣлица! Да вѣдь этимъ однимъ ты уже его развратилъ и навѣки погубилъ; ужъ онъ успѣлъ привыкнуть къ лохмотью и бродяжничеству!» Сказавши это, плюнулъ Скудронжогло, и желчное расположеніе осѣнило сумрачнымъ облакомъ его чело...

«Я не могу здѣсь больше оставаться: мнѣ смерть глядѣть на этотъ безпорядокъ и запустѣнье! Вы теперь можете съ нимъ покончить и безъ меня. Отберите у этого дурака поскорѣе сокровище. Онъ только безчеститъ Божій даръ!» И, сказавши это, Скудронжогло простился съ Чичиковымъ и, нагнавши хозяина, сталъ также прощаться.

«Помилуйте, Константинъ Ѳедоровичъ», говорилъ удивленный хозяинъ: «только-что пріѣхали — и назадъ!»

«Не могу. Мнѣ крайняя надобность быть дома», сказалъ Скудронжогло, простился, сѣлъ и уѣхалъ на своихъ пролеткахъ.

Казалось, какъ будто Хлобуевъ понялъ причину его отъѣзда.—«Не выдержалъ Константинъ Ѳедоровичъ», сказалъ онъ. «Чувствую, что не весело такому хозяину, каковъ онъ, глядѣть на этакое безпутное управленье. Вѣрите ли, что не могу, Павелъ Ивановичъ... что почти вовсе не сѣялъ хлѣба въ этомъ году! Какъ честный человѣкъ, сѣмянъ не было, не говоря ужъ о томъ, что нечѣмъ пахать.— Вашъ братецъ, Платонъ Михайловичъ, говорятъ, необыкновенный хозяинъ; а Константинъ Ѳедоровичъ, что ужъ говорить! это Наполеонъ своего рода. Часто, право, думаю: «Ну, зачѣмъ столько ума дается въ одну голову? ну, что̀ бы хоть каплю его въ мою глупую, хоть бы на то, чтобы сумѣлъ домъ свой держать! Ничего не умѣю, ничего не могу». Ахъ, Павелъ Ивановичъ, [возьмите] въ свое распоряженіе! Жаль больше всего мнѣ мужичковъ бѣдныхъ. Чувствую, что не умѣлъ быть......., не могу быть взыскательнымъ и строгимъ. Да и какъ пріучить ихъ къ порядку, когда самъ безпорядоченъ! Я бы ихъ отпустилъ сей же часъ на волю всѣхъ, да какъ-то устроенъ русскій человѣкъ, какъ-то не можетъ безъ покупателя... Такъ и задремлетъ, такъ и заплеснетъ».

«Вѣдь это, точно, странно», сказалъ Платоновъ: «отчего это у насъ такъ, что если не смотришь во всѣ глаза за простымъ человѣкомъ, сдѣлается и пьяницей, и негодяемъ?»

«Отъ недостатка просвѣщенія», замѣтилъ Чичиковъ.

«Ну, Богъ вѣсть отъ чего. Вотъ мы и просвѣтились, а вѣдь какъ живемъ? Я и въ университетѣ былъ, и слушалъ лекціи по всѣмъ частямъ, а искусству и порядку жить не только не выучился, а еще какъ бы больше выучился искусству побольше издерживать деньги на всякія новыя утонченности да комфорты, больше познакомился съ такими предметами, на которые нужны деньги. Оттого ли, что я безтолково учился? Только нѣтъ: вѣдь такъ и другіе това-

рищи. Можетъ-быть, два-три человѣка извлекли себѣ настоящую пользу, да и то оттого, можетъ-быть, что и безъ того были умны, а прочіе вѣдь только и стараются узнать то, чтò портитъ здоровье, да и выманиваетъ деньги. Ей Богу! Вѣдь приходили только затѣмъ, чтобы аплодировать профессорамъ, раздавать имъ награды, а не самимъ отъ нихъ получать. Такъ изъ просвѣщенья-то мы все-таки выберемъ то, чтò погаже; наружность его схватимъ, а его самого [не] возьмемъ. Нѣтъ, Павелъ Ивановичъ, не умѣемъ мы жить отъ чего-то другого, а отъ чего, ей Богу, я не знаю».

«Причины должны быть», сказалъ Чичиковъ.

Вздохнулъ глубоко бѣдный Хлобуевъ и сказалъ такъ: «Иной разъ, право, мнѣ кажется, что будто русскій человѣкъ—какой-то пропащій человѣкъ. Нѣтъ силы воли, нѣтъ отваги на постоянство. Хочешь все сдѣлать—и ничего не можешь. Все думаешь—съ завтрашняго дня начнешь новую жизнь, съ завтрашняго дня примешься за все, какъ слѣдуетъ, съ завтрашняго дня сядешь на діэту; ничуть не бывало: къ вечеру того же дня такъ объѣшься, что только хлопаешь глазами и языкъ не ворочается,—право; и этакъ всѣ».

«Нужно въ запасѣ держать благоразуміе», сказалъ Чичиковъ: «ежеминутно совѣщаться съ благоразуміемъ, вести съ нимъ дру[жескую] бесѣду».

«Да чтò!» сказалъ Хлобуевъ. «Право, мнѣ кажется, мы совсѣмъ не для благоразумія рождены. Я не вѣрю, чтобы изъ насъ былъ кто-нибудь благоразумнымъ. Если я вижу, что иной даже и порядочно живетъ, собираетъ и копитъ деньгу,—не вѣрю я и тому: на старости и его чортъ попутаетъ—спуститъ потомъ все вдругъ! И всѣ у насъ такъ: и благородные, и мужики, и просвѣщенные, и непросвѣщенные. Вонъ какой былъ умный мужикъ: изъ ничего нажилъ сто тысячъ, а какъ нажилъ сто тысячъ, пришла въ голову дурь сдѣлать ванну изъ шампанскаго, и выкупался въ шампанскомъ. Но вотъ мы, кажется, и все обсмотрѣли.

Больше ничего нѣтъ. Хотите развѣ взглянуть на мельницу? Впрочемъ, въ ней нѣтъ колеса, да и строенье никуда не годится».

«Что̀-жъ и разсматривать ее!» сказалъ Чичиковъ.

«Въ такомъ случаѣ пойдемъ домой». И они всѣ направили шаги къ дому.

На возвратномъ пути были виды тѣ же. Неопрятный безпорядокъ такъ и выказывалъ отовсюду безобразную свою наружность. Все было опущено и запущено. Сердитая баба, въ замасленой дерюгѣ, прибила до полусмерти бѣдную дѣвчонку и ругала на всѣ бока... всѣхъ чертей. Какая-то философическая борода глядѣла съ равнодушіемъ стоическимъ изъ окошка на гнѣвъ пьяной бабы; другая борода зѣвала. Одинъ чесалъ у себя пониже спины, другой зѣвалъ. Зѣвота видна была на строеніяхъ (и на всемъ): крыши также зѣвали. Платоновъ, глядя на нихъ, зѣвнулъ. «Мое-то будущее достоянье—мужики», подумалъ Чичиковъ: «дыра на дырѣ и заплата на заплатѣ!» И точно, на одной избѣ, вмѣсто крыши, лежали цѣликомъ ворота; провалившіяся окна подперты были жердями, стащенными съ господскаго амбара. Словомъ, въ хозяйство введена была, кажется, система Тришкина кафтана: отрѣзывались обшлага и фалды на заплату локтей.

Они вошли въ комнаты. Чичикова нѣсколько поразило смѣшенье нищеты съ нѣкоторыми блестящими бездѣлушками позднѣйшей роскоши. Посреди изорванной утвари и мебели—новенькія бронзы. Какой-то Шекспиръ сидѣлъ на чернильницѣ; на столѣ лежала какая-то ручка слоновой кости для почесыванья себѣ самому спины. Хлобуевъ отрекомендовалъ имъ хозяйку-жену. Она была хоть куда; въ Москвѣ не ударила бы лицомъ въ [грязь]. Платье на ней было со вкусомъ, по модѣ. Говорить любила больше о городѣ да о театрѣ, который тамъ завелся. По всему было видно, что деревню она любила еще меньше, чѣмъ мужъ, и что зѣвала она еще больше Платонова, когда оставалась одна. Скоро комната наполнилась дѣтьми, прелестными дѣ-

вочками и мальчиками. Ихъ было пятеро; шестое принеслось на рукахъ. Всѣ были прекрасны: мальчики и дѣвочки — заглядѣнье. Они были одѣты мило и со вкусомъ, были рѣзвы и веселы, и отъ этого самаго было еще грустнѣе глядѣть на нихъ. Лучше бы одѣты они были уже дурно, въ простыхъ пестрядевыхъ юбкахъ и рубашкахъ, бѣгали себѣ по двору и ничѣмъ не отличались отъ простыхъ крестьянскихъ дѣтей! Къ хозяйкѣ пріѣхала гостья. Дамы ушли на свою половину. Дѣти убѣжали вслѣдъ за ними. Мужчины остались одни.

Чичиковъ приступилъ къ покупкѣ. По обычаю всѣхъ покупщиковъ, сначала онъ охаялъ покупаемое имѣніе и, охаявши его со всѣхъ сторонъ, сказалъ: «Какая же будетъ ваша цѣна?»

«Видите ли что?» сказалъ Хлобуевъ. «Запрашивать съ васъ дорого не буду, да и не люблю: это было бы съ моей стороны и безсовѣстно. Я отъ васъ не скрою также и того, что въ деревнѣ моей изъ ста душъ, числящихся по ревизіи, и пятидесяти нѣтъ на-лицо: прочіе или померли отъ эпидемической болѣзни, или отлучились безпаспортно, такъ что вы почитайте ихъ какъ бы умершими. Поэтому-то я и прошу съ васъ всего только тридцать тысячъ».

«Ну, вотъ—тридцать тысячъ! Имѣнье запущено, люди мертвы, и тридцать тысячъ! Возьмите 25 тысячъ».

«Павелъ Ивановичъ, я могу его заложить въ ломбардъ въ 25 тысячъ; понимаете ли это? Тогда я получаю 25 тысячъ и имѣніе при мнѣ. Продаю я единственно затѣмъ, что мнѣ нужны скоро деньги, а при закладкѣ была бы проволочка, надобно бы платить приказнымъ, а платить нечѣмъ».

«Ну, да все-таки возьмите 25 тысячъ».

Платонову сдѣлалось совѣстно за Чичикова. «Покупайте, Павелъ Ивановичъ», сказалъ [онъ]. «За имѣнье можно всегда дать эту [цѣну]. Если вы не дадите за него тридцати тысячъ, мы съ братомъ складываемся и покупаемъ».

Чичиковъ испугался... «Хорошо!» сказалъ онъ: «даю 30

тысячъ. Вотъ двѣ тысячи задатку даю вамъ теперь, 8 тысячъ чрезъ недѣлю, а остальныя 20 тысячъ черезъ мѣсяцъ».

«Нѣтъ, Павелъ Ивановичъ, только на томъ условіи, чтобы деньги, какъ можно скорѣе. Теперь вы мнѣ дайте пятнадцать тысячъ по крайней мѣрѣ, а остальныя никакъ не дальше, какъ черезъ двѣ недѣли».

«Да нѣтъ пятнадцати тысячъ! Десять тысячъ у меня всего теперь. Дайте соберу». То-есть, Чичиковъ лгалъ: у него было двадцать тысячъ.

«Нѣтъ, пожалуйста, Павелъ Ивановичъ! я говорю, что необходимо нужны пятнадцать тысячъ».

«Да, право, недостаетъ пяти тысячъ. Не знаю самъ откуда взять».

«Я вамъ займу», подхватилъ Михайловъ.

«Развѣ этакъ!» сказалъ Чичиковъ и подумалъ про себя: «А это, однакоже, кстати, что онъ даетъ взаймы: въ такомъ случаѣ завтра можно будетъ привезти». Изъ коляски была принесена шкатулка и тутъ же было изъ нея вынуто десять тысячъ Хлобуеву; остальныя же пять тысячъ обѣщано было привезти ему завтра: то-есть, обѣщано; предполагалось же привезти три; другія потомъ, денька черезъ два или три; а если можно, то и еще нѣсколько просрочить. Павелъ Ивановичъ какъ-то особенно не любилъ выпускать изъ рукъ деньги. Если-жъ настояла крайняя необходимость, то все-таки, казалось ему, лучше выдать деньги завтра, а не сегодня. То-есть, онъ поступалъ, какъ всѣ мы: вѣдь намъ пріятно же поводить просителя. Пусть его натретъ себѣ спину въ передней! Будто ужъ и нельзя подождать ему! Какое намъ дѣло до того, что, можетъ-быть, всякій часъ ему дорогъ и терпятъ оттого дѣла его! «Приходи, братецъ, завтра, а сегодня мнѣ какъ-то некогда».

«Гдѣ-жъ вы послѣ этого будете жить?» спросилъ Платоновъ Хлобуева. «Есть у васъ другая деревушка?»

«Деревушки нѣтъ, а я переѣду въ городъ. Все же равно это было нужно сдѣлать не для себя, а для дѣтей. Имъ

нужны будутъ учители Закону Божію, музыкѣ, танцованью. Вѣдь этого въ деревнѣ нельзя достать!»

«Куска хлѣба нѣтъ, а дѣтей хочетъ учить танцованью!» подумалъ Чичиковъ.

«Странно!» подумалъ Платоновъ.

«Что-жъ? нужно намъ чѣмъ-нибудь вспрыснуть сдѣлку», сказалъ Хлобуевъ. «Эй, Кирюшка! принеси, братъ, бутылку шампанскаго».

«Куска хлѣба нѣтъ, а шампанское есть!» подумалъ Чичиковъ.

Платоновъ не зналъ, что̀ и думать.

Шампанское было принесено. Они выпили по три бокала и развеселились. Хлобуевъ развязался, сталъ уменъ и милъ: остроты и анекдоты сыпались у него безпрерывно. Въ рѣчахъ его оказалось столько познанья людей и свѣта! Такъ хорошо и вѣрно видѣлъ онъ многія вещи, такъ мѣтко и ловко очерчивалъ въ немногихъ словахъ сосѣдей-помѣщиковъ, такъ видѣлъ ясно недостатки и ошибки всѣхъ, такъ хорошо зналъ исторію разорившихся баръ — и почему, и какъ, и отчего они разорились; такъ оригинально и мѣтко умѣлъ передавать малѣйшія ихъ привычки, что они оба были совершенно обворожены его рѣчами и готовы были признать его за умнѣйшаго человѣка.

«Послушайте», сказалъ Платоновъ, схвативши его за руку: «какъ вамъ, при такомъ умѣ, опытности и познаніяхъ житейскихъ, не найти средствъ выпутаться изъ вашего затруднительнаго положенія?»

«Средства-то есть», сказалъ Хлобуевъ, и вслѣдъ за тѣмъ выгрузилъ имъ цѣлую кучу прожектовъ. Всѣ они были до того нелѣпы, такъ странны, такъ мало истекали изъ познанья людей и свѣта, что оставалось только пожимать плечами да говорить: «Господи Боже! какое необъятное разстоянье между знаньемъ свѣта и умѣньемъ пользоваться этимъ знаньемъ!» Почти всѣ прожекты основывались на потребности вдругъ достать откуда-нибудь сто или двѣсти тысячъ. Тогда, казалось ему, все бы устроилось, какъ слѣ-

дуетъ, и хозяйство бы пошло, и прорѣхи всѣ бы заплатались, и доходы можно бы учетверить, и себя привести въ возможность выплатить всѣ долги. И оканчивалъ онъ рѣчь свою: «Но что́ прикажете дѣлать? Нѣтъ, да и нѣтъ такого благодѣтеля, который бы рѣшился дать двѣсти или хоть сто тысячъ взаймы! Видно, ужъ Богъ не хочетъ».

«Еще бы», подумалъ Чичиковъ: «этакому дураку послалъ Богъ двѣсти тысячъ!»

«Есть у меня, пожалуй, трехмилліонная тетушка», сказалъ Хлобуевъ: «старушка богомольная: на церкви и монастыри даетъ, но помогать ближнему тугенька. А старушка очень замѣчательная,—прежнихъ временъ тетушка, на которую бы взглянуть сто̀ило. У ней однѣхъ канареекъ сотни четыре; моськи и приживалки, и слуги, какихъ ужъ теперь нѣтъ. Меньшому изъ слугъ будетъ лѣтъ 60, хоть она и зоветъ его: «Эй, малый!» Если гость какъ-нибудь себя не такъ поведетъ, такъ она за обѣдомъ прикажетъ обнести его блюдомъ. И обнесутъ, право».

Платоновъ усмѣхнулся.

«А какъ ея фамилія и гдѣ она проживаетъ?» спросилъ Чичиковъ.

«Живетъ она у насъ же въ городѣ — Александра Ивановна Ханасарова».

«Отчего-жъ вы не обратитесь къ ней?» сказалъ съ участьемъ Платоновъ. «Мнѣ кажется, если бы она только поближе вошла въ положенье вашего семейства, она бы не въ силахъ была отказать вамъ, какъ бы ни была туга».

«Ну, нѣтъ, въ силахъ! У тетушки натура крѣпковата. Это старушка-кремень, Платонъ Михайлычъ! Да къ тому-жъ есть и безъ меня угодники, которые около нея увиваются. Такъ есть одинъ, который мѣтитъ въ губернаторы. Приплелся ей въ родню... Богъ съ нимъ! можетъ-быть, и успѣетъ. Богъ съ ними со всѣми! Я подъѣзжать и прежде не умѣлъ, а теперь и подавно: спина ужъ не гнется».

«Дуракъ!» подумалъ Чичиковъ. «Да я бы за этакой тетушкой ухаживалъ, какъ нянька за ребенкомъ!»

«Что-жъ, вѣдь этакъ разговаривать сухо», сказалъ Хлобуевъ. «Эй, Кирюшка! принеси-ка еще другую бутылку шампанскаго».

«Нѣтъ, нѣтъ, я больше не могу пить», сказалъ Платоновъ.

«Я также», сказалъ Чичиковъ, и оба отказались они рѣшительно.

«Ну, такъ, по крайней мѣрѣ, дайте мнѣ слово побывать у меня въ городѣ: 8-го іюня я даю маленькій обѣдъ нашимъ городскимъ сановникамъ».

«Помилуйте!» вскрикнулъ Платоновъ. «Въ такомъ состояніи, разорившись совершенно — и еще обѣдъ».

«Что-жъ дѣлать? нельзя: это долгъ», сказалъ Хлобуевъ. «Они меня также угощали».

«Что съ нимъ дѣлать?» подумалъ Платоновъ. Онъ еще не зналъ того, что на Руси, въ Москвѣ и другихъ городахъ, водятся такіе мудрецы, которыхъ жизнь—необъяснимая загадка. Все, кажется, прожилъ, кругомъ въ долгахъ, ни откуда никакихъ средствъ, и обѣдъ, который задается, кажется, послѣдній; и думаютъ обѣдающіе, что завтра же хозяина потащутъ въ тюрьму. Проходитъ послѣ того 10 лѣтъ — мудрецъ все еще держится на свѣтѣ; еще больше прежняго кругомъ въ долгахъ и такъ же задаетъ обѣдъ, и всѣ думаютъ, что онъ послѣдній, и всѣ увѣрены, что завтра же потащутъ хозяина въ тюрьму.

Почти такой же мудрецъ былъ Хлобуевъ. Только на одной Руси можно было существовать такимъ образомъ. Не имѣя ничего, онъ угощалъ и хлѣбосольничалъ, и даже оказывалъ покровительство, поощрялъ всякихъ артистовъ, пріѣзжавшихъ въ городъ, давалъ имъ у себя пріютъ и квартиру. Если [бы] кто заглянулъ въ домъ его, находившійся въ городѣ, онъ бы никакъ не узналъ, кто въ немъ хозяинъ. Сегодня попъ въ ризахъ служилъ тамъ молебенъ; завтра давали репетицію французскіе актеры; въ иной день какой-нибудь, неизвѣстный никому почти въ домѣ, поселялся въ самой гостиной съ бумагами и заводилъ тамъ кабинетъ,

и это не смущало и не безпокоило никого въ домѣ, какъ бы было житейское дѣло. Иногда по цѣлымъ днямъ не бывало крохи въ домѣ, иногда же задавали въ немъ такой обѣдъ, который удовлетворилъ бы вкусу утонченнѣйшаго гастронома, и хозяинъ являлся праздничный, веселый, съ осанкой богатаго барина, съ походкой человѣка, котораго жизнь протекаетъ въ избыткѣ и довольствѣ. Зато временами бывали такія тяжелыя минуты, что другой давно бы, на его мѣстѣ, повѣсился или застрѣлился. Но его спасало религіозное настроеніе, которое страннымъ образомъ совмѣщалось въ немъ вмѣстѣ съ безпутною его жизнью. Въ эти горькія, тяжелыя минуты развертывалъ онъ книгу и читалъ житія страдальцевъ и тружениковъ, воспитывавшихъ духъ свой быть превыше страданій и несчастій. Душа его въ это время вся размягчалась, умилялся духъ и слезами исполнялись глаза его. И,—странное дѣло!—почти всегда приходила къ нему въ то время откуда-нибудь неожиданная помощь: или кто-нибудь изъ старыхъ друзей его вспоминалъ о немъ и присылалъ ему деньги; или какая-нибудь проѣзжая незнакомая барыня, христолюбивая, великодушная душа, нечаянно услышавъ о немъ исторію и тронувшись, съ стремительнымъ великодушіемъ женскаго сердца, присылала ему богатую подачу; или выигрывалось гдѣ-нибудь въ пользу его дѣло, о которомъ онъ никогда и не слыхалъ. Благоговѣйно, благодарно признавалъ онъ въ это время необъятное милосердіе Провидѣнія, служилъ благодарственный молебенъ и—вновь начиналъ безпутную жизнь свою.

«Жалокъ онъ мнѣ, право, жалокъ!» сказалъ Чичикову Платоновъ, когда они выѣхали отъ него.

«Блудный сынъ!» сказалъ Чичиковъ. «О такихъ людяхъ и жалѣть нечего».

И скоро они оба перестали о немъ думать: Платоновъ—потому, что лѣниво и полусонно смотрѣлъ на положенія людей, такъ же, какъ и на все въ мірѣ. Сердце его сострадало и щемило при видѣ страданій другихъ, но впечатлѣнія не впечатлѣвались глубоко въ его душѣ. Онъ потому не ду-

малъ о Хлобуевѣ, что и о себѣ самомъ не думалъ. Чичиковъ потому не думалъ о Хлобуевѣ, что всѣ мысли были заняты пріобрѣтенною покупкою. Онъ исчислялъ, разсчитывалъ и соображалъ всѣ выгоды купленнаго имѣнія. И какъ ни разсматривалъ, на какую сторону ни оборачивалъ дѣло, видѣлъ, что во всякомъ случаѣ покупка была выгодна. Можно было поступить и такъ, чтобы заложить имѣніе въ ломбардъ. Можно было поступить и такъ, чтобы заложить однихъ только мертвецовъ и бѣглыхъ. Можно было поступить и такъ, чтобы прежде выпродать по частямъ всѣ лучшія земли, а потомъ уже заложить въ ломбардъ. Можно было распорядиться и такъ, чтобы заняться самому хозяйствомъ и сдѣлаться помѣщикомъ, по образцу Попонжогла, пользуясь его совѣтами, какъ сосѣда и благодѣтеля. Можно было поступить даже и такъ, чтобы перепродать въ частныя [руки] имѣніе (разумѣется, если не захочется самому хозяйничать), оставивши при себѣ бѣглыхъ и мертвецовъ. Тогда представлялась и другая выгода: можно было вовсе улизнуть изъ этихъ мѣстъ и не заплатить Скудронжоглѣ денегъ, взятыхъ у него взаймы. Словомъ, всячески, какъ ни оборачивалъ онъ это дѣло, видѣлъ, что во всякомъ случаѣ покупка была выгодна. Онъ почувствовалъ удовольствіе, — удовольствіе отъ того, что сталъ теперь помѣщикомъ, помѣщикомъ не фантастическимъ, но дѣйствительнымъ помѣщикомъ, у котораго есть уже и земли, и угодья, и люди, — люди не мечтательные, не въ воображеніи пребываемые, но существующіе. И понемногу началъ онъ и подпрыгивать, и потирать себѣ руки, и подпѣвать, и приговаривать, и вытрубилъ на кулакѣ, приставивши его себѣ ко рту, какъ бы на трубѣ, какой-то маршъ, и даже выговорилъ вслухъ нѣсколько поощрительныхъ словъ и названій себѣ самому, въ родѣ мордашки и каплунчика. Но потомъ, вспомнивши, что онъ не одинъ, притихнулъ вдругъ, постарался кое-какъ замять неумѣренный порывъ восторгновенья, и когда Платоновъ, принявши кое-какіе изъ этихъ звуковъ за обращенную къ нему рѣчь, спросилъ у него: «Чего?» онъ отвѣчалъ: «Ничего».

Тутъ только, оглянувшись вокругъ себя, онъ замѣтилъ, что они ѣхали прекрасною рощей. Миловидная березовая ограда тянулась у нихъ справа и слѣва. Между деревъ показалась бѣлая каменная церковь. Въ концѣ улицы показался господинъ, шедшій къ нимъ навстрѣчу, въ картузѣ, съ суковатой палкой въ рукѣ. Аглицкій песъ, на высокихъ ножкахъ, бѣжалъ передъ нимъ.

«Стой!» сказалъ Платоновъ кучеру и выскочилъ изъ коляски. Чичиковъ вышелъ вслѣдъ за нимъ также изъ коляски. Они пошли пѣшкомъ навстрѣчу господина. Ярбъ уже успѣлъ облобызаться съ аглицкимъ псомъ, съ которымъ, какъ видно, былъ знакомъ уже давно, потому что принялъ равнодушно въ свою толстую морду живое лобызанье Азора (такъ назывался аглицкій песъ). Проворный песъ, именемъ Азоръ, облобызавши Ярба, подбѣжалъ къ Платонову, вскочилъ къ нему съ намѣреніемъ лизнуть его въ губы, но не досталъ и, оттолкнутый имъ, вскочилъ на Чичикова, лизнулъ его въ ухо, побѣжалъ снова къ Платонову, пробуя лизнуть его хоть въ ухо.

Платонъ и господинъ, шедшій навстрѣчу, въ это время сошлись и обнялись.

«Помилуй, Платонъ! что̀ это ты со мною дѣлаешь?» живо спросилъ господинъ.

«Какъ, что̀?» равнодушно отвѣчалъ Платоновъ.

«Да какъ же въ самомъ дѣлѣ? три дня отъ тебя ни слуху ни духу! Конюхъ отъ Пѣтуха привелъ твоего жеребца. «Поѣхалъ», говоритъ, «съ какимъ-то бариномъ». Ну, хоть бы слово сказалъ: куда, зачѣмъ, на сколько времени? Помилуй, братецъ, какъ же можно этакъ поступать? А я, Богъ знаетъ, чего не передумалъ въ эти дни!»

«Ну, что̀-жъ дѣлать? позабылъ», сказалъ Платоновъ. «Мы заѣхали къ Константину Ѳедоровичу... Онъ тебѣ кланяется, сестра также. Рекомендую тебѣ Павла Ивановича Чичикова.—Павелъ Ивановичъ,—братъ Василій. Прошу полюбить его такъ же, какъ и меня».

Братъ Василій и Чичиковъ, снявши картузы, поцѣловались.

«Кто бы такой былъ этотъ Чичиковъ?» думалъ братъ Василій. «Братъ Платонъ на знакомства неразборчивъ и, вѣрно, не узналъ, что̀ онъ за человѣкъ». И оглянулъ онъ Чичикова, насколько позволяло приличіе. Чичиковъ стоялъ, нѣсколько наклонивши голову и сохранивъ пріятное выраженіе въ лицѣ.

Съ своей стороны Чичиковъ оглянулъ также, насколько позволяло приличіе, брата Василія. Онъ былъ ростомъ пониже Платона, волосомъ темнѣй его и лицомъ далеко не такъ красивъ; но въ чертахъ его лица было много жизни и одушевленія. Видно было, что онъ не пребывалъ въ дремотѣ и спячкѣ.

«Знаешь ли, Василій, что̀ я придумалъ?» сказалъ братъ Платонъ.

«Что̀?» спросилъ Василій.

«Проѣздиться по святой Руси, вотъ именно съ Павломъ Ивановичемъ: авось-либо это размычетъ и растеребитъ хандру мою».

«Какъ же такъ вдругъ рѣшился?...» началъ было говорить Василій, озадаченный не на шутку такимъ рѣшеньемъ, и чуть было не прибавилъ: «И еще замыслилъ ѣхать съ человѣкомъ, котораго видишь въ первый разъ, который, можетъ-быть, и дрянь, и чортъ знаетъ что̀!» И, полный недовѣрія, сталъ онъ разсматривать искоса Чичикова и увидѣлъ, что онъ держался необыкновенно прилично, сохраняя все то же пріятное наклоненіе головы нѣсколько на-бокъ и почтительно-привѣтное выраженіе въ лицѣ, такъ что никакъ нельзя было узнать, какого рода былъ Чичиковъ.

Въ молчаніи они пошли всѣ трое по дорогѣ, по лѣвую руку которой находилась мелькавшая промежъ деревъ бѣлая каменная церковь, по правую—начинавшія показ[ыв]аться, также промежъ деревъ, строенія господскаго двора. Наконецъ показались и ворота. Они вступили на дворъ, гдѣ былъ старинный господскій домъ подъ высокой крышей. Двѣ огромныя липы, росшія посреди двора, покрывали почти половину его своею тѣнью. Сквозь опущенныя внизъ

развѣсистыя ихъ вѣтви едва сквозили стѣны дома. Подъ липами стояло нѣсколько длинныхъ скамеекъ. Братъ Василій пригласилъ Чичикова садиться. Чичиковъ сѣлъ, и Платоновъ сѣлъ. По всему двору разливалось благоуханье цвѣтущихъ сиреней и черемухъ, которыя, нависши отовсюду изъ сада въ дворъ черезъ миловидную березовую ограду, кругомъ его обходившую, казались цвѣтущею цѣпью или бисернымъ ожерельемъ, его короновавшимъ.

Ухватливый и ловкій дѣтина лѣтъ 17, въ красивой рубашкѣ розовой ксандрейки, принесъ и поставилъ передъ ними графины съ водой и разноцвѣтными квасами всѣхъ сортовъ, шипѣвшими, какъ газовые лимонады. Поставивши предъ ними графины, онъ подошелъ къ дереву и, взявши прислоненный къ нему заступъ, отправился въ садъ. У братьевъ Платоновыхъ вся дворня работала въ саду, всѣ слуги были садовники, или, лучше сказать, слугъ не было, но садовники исправляли иногда эту должность. Братъ Василій все утверждалъ, что безъ слугъ можно даже и вовсе обойтись: подать что-нибудь можетъ всякій, и для этого не стòитъ заводить особаго сословія; что будто русскій человѣкъ по тѣхъ поръ только хорошъ и расторопенъ, и красивъ, и развязенъ, и много работаетъ, покуда онъ ходитъ въ рубашкѣ и зипунѣ; но что, какъ только заберется въ нѣмецкій сюртукъ, станетъ и неуклюжъ, и некрасивъ, и нерасторопенъ, и лѣнтяй. Онъ утверждалъ, что и чистоплотность у него содержится по тѣхъ поръ, покуда онъ еще носитъ рубашку и зипунъ, и что, какъ только заберется въ нѣмецкій сюртукъ — и рубашки не перемѣняетъ, и въ баню не ходитъ, и спитъ въ сюртукѣ, и заведутся у него подъ сюртукомъ и клопы, и блохи, и чортъ знаетъ чтò. Въ этомъ, можетъ-быть, онъ былъ и правъ. Въ деревнѣ ихъ народъ одѣвался какъ-то особенно щеголевато и опрятно, и такихъ красивыхъ рубашекъ и зипуновъ нужно было далеко поискать.

«Не угодно ли вамъ прохладиться?» сказалъ братъ Василій Чичикову, указывая на графины. «Это квасы нашей фабрики; ими издавна славится домъ нашъ».

Чичиковъ налилъ стаканъ изъ перваго графина — точно липецъ, который онъ нѣкогда пивалъ въ Польшѣ: игра какъ у шампанскаго, а газъ такъ и шибнулъ пріятнымъ крючкомъ изо рта въ носъ. «Нектаръ!» сказалъ Чичиковъ. Выпилъ стаканъ отъ другого графина — еще лучше.

«Въ какую же сторону и въ какія мѣста предполагаете преимущественно ѣхать?» спросилъ братъ Василій.

«Ѣду я», сказалъ Чичиковъ, потирая себя рукой по колѣну, въ сопровожденіи легкаго покачиванія всего туловища и пріятнаго наклона головы на-бокъ: «не столько по своей нуждѣ, сколько по нуждѣ другого. Генералъ Бетрищевъ, близкій пріятель и, можно сказать, благотворитель, просилъ навѣстить родственниковъ. Родственники, конечно, родственниками, но отчасти, такъ сказать, и для самого себя, ибо,— не говоря уже о пользѣ въ геморoидальномъ отношеніи,— видѣть свѣтъ и коловращеніе людей — есть уже само по себѣ, такъ сказать, живая книга и вторая наука».

Братъ Василій задумался. «Говоритъ этотъ человѣкъ нѣсколько витіевато, но въ словахъ его есть правда», думалъ [онъ].—«Брату моему Платону недостаетъ познанія людей, свѣта и жизни». Нѣсколько помолчавъ, сказалъ такъ вслухъ: «Знаешь ли что̀, Платонъ?—что путешествіе можетъ, точно, расшевелить тебя. У тебя душевная спячка. Ты, просто, заснулъ, и заснулъ не отъ пресыщенія или усталости, но отъ недостатка живыхъ впечатлѣній и ощущеній. Вотъ я совершенно напротивъ. Я бы очень желалъ не такъ живо чувствовать и не такъ близко принимать къ сердцу все, что̀ ни случается».

«Вольно-жъ принимать все близко къ сердцу!» сказалъ Платонъ. «Ты выискиваешь себѣ безпокойства и самъ сочиняешь себѣ тревоги».

«Какъ сочинять, когда и безъ того на всякомъ шагу непріятность?» сказалъ Василій. «Слышалъ ты, какую безъ тебя сыгралъ съ нами штуку Лѣницынъ? — Захватилъ пустошь нашу, гдѣ красная горка».

«Не знаетъ, потому и захватилъ», сказалъ Платонъ:

«человѣкъ новый, только-что пріѣхалъ изъ Петербурга. Ему нужно объяснить, растолковать».

«Знаетъ, очень знаетъ. Я посылалъ ему сказать, но онъ отвѣчалъ грубостью».

«Тебѣ нужно было съѣздить самому растолковать. Переговори съ нимъ самъ».

«Ну, нѣтъ. Онъ черезчуръ уже заважничалъ. Я къ нему не поѣду. Поѣзжай, если хочешь, ты».

«Я бы поѣхалъ, но вѣдь я не мѣшаюсь. Онъ можетъ меня и провести, и обмануть».

«Да если угодно, такъ я поѣду», сказалъ Чичиковъ.

Василій взглянулъ на него и подумалъ: «Экой охотникъ ѣздить!»

«Вы мнѣ подайте только понятіе, какого рода онъ человѣкъ», сказалъ Чичиковъ: «и въ чемъ дѣло».

«Мнѣ совѣстно наложить на васъ такую непріятную комиссію, потому что одно изъясненіе съ такимъ человѣкомъ для меня уже непріятная комиссія. Надобно вамъ сказать, что онъ изъ простыхъ, мелкопомѣстныхъ дворянъ нашей губерніи, выслужился въ Петербургѣ, вышелъ кое-какъ въ люди, женившись тамъ на чьей-то побочной дочери, и заважничалъ. Задаетъ здѣсь тоны. Да у насъ въ губерніи, слава Богу, народъ живетъ не глупый. Мода намъ не указъ, а Петербургъ—не церковь».

«Конечно», сказалъ Чичиковъ: «а дѣло въ чемъ?»

«А дѣло, по-настоящему, вздоръ. У него нѣтъ достаточно земли,—ну, онъ и захватилъ чужую пустошь, т.-е. онъ разсчитывалъ, что она не нужна, и о ней хозяева......, а у насъ, какъ нарочно, уже испоконъ вѣка собираются крестьяне праздновать тамъ красную горку. По этому-то поводу я готовъ пожертвовать лучше другими, лучшими землями, чѣмъ отдать ее. Обычай для меня— святыня».

«Стало-быть, вы готовы уступить ему другія земли?»

«То-есть, если бы онъ не такъ со мной поступилъ; но онъ хочетъ, какъ я вижу, знаться судомъ. Пожалуй, посмо-

тримъ, кто выиграетъ. Хоть на планѣ и не такъ ясно, но свидѣтели-старики еще живы и помнятъ».

«Гм!» подумалъ Чичиковъ: «оба-то, какъ вижу, съ душкомъ». И сказалъ вслухъ: «А мнѣ кажется, что это дѣло обдѣлать можно миролюбно. Все зависитъ отъ посредника. Письмен *)
. .
. . . . «что и для васъ самихъ будетъ очень выгодно перевесть, напримѣръ, на мое имя всѣхъ умершихъ душъ, какія по сказкамъ послѣдней ревизіи числятся въ имѣніяхъ вашихъ, такъ, чтобы я за нихъ платилъ подати. А чтобы не подать какого соблазна, то передачу эту вы совершите посредствомъ купчей крѣпости, какъ бы эти души были живыя».

«Вотъ тебѣ на!» подумалъ Лѣницынъ: «это что-то престранное». И нѣсколько даже отодвинулся со стуломъ назадъ, потому что совершенно озадачился.

«Я никакъ въ томъ не сомнѣваюсь, что вы на это дѣло совершенно будете согласны», сказалъ Чичиковъ: «потому что это дѣло совершенно въ томъ родѣ, какъ мы сейчасъ говорили. Совершено оно будетъ между солидными людьми втайнѣ, и соблазна никому».

(Что̀ тутъ дѣлать?) Лѣницынъ очутился въ затруднительномъ положеніи. Онъ никакъ не могъ предвидѣть, чтобы мнѣніе, имъ незадолго изъявленное, привело его къ такому быстрому осуществленію на дѣлѣ. Предложеніе было до крайности неожиданно. Конечно, ничего вредоноснаго ни для кого не могло быть въ этомъ поступкѣ: помѣщики, все равно, заложили бы также эти души наравнѣ съ живыми; стало-быть, казнѣ убытку не можетъ быть никакого; разница въ томъ, что они были бы въ однѣхъ рукахъ, а тогда были бы въ разныхъ. Но тѣмъ не менѣе

*) Здѣсь оканчивается 96-я страница рукописи; затѣмъ утрачены двѣ страницы. Въ первомъ изданіи второго тома «Мертвыхъ Душъ» С. П. Шевыревъ сдѣлалъ къ этому мѣсту слѣдующее примѣчаніе: «Здѣсь пропускъ, въ которомъ, вѣроятно, содержался разсказъ о томъ, какъ Чичиковъ отправился къ помѣщику Лѣницыну». *Ред.*

онъ затруднился. Онъ былъ законникъ и дѣлецъ, и дѣлецъ въ хорошую сторону. Неправо не рѣшилъ бы онъ дѣла ни за какіе подкупы. Но тутъ онъ остановился, не зная, какое имя дать этому дѣйствію — правое ли оно, или неправое. Если бы кто-нибудь другой обратился къ нему съ такимъ предложеніемъ, онъ могъ бы сказать: «Это вздоръ, пустяки! Я не хочу играть въ куклы, или дурачиться». Но гость уже такъ ему понравился, такъ они сошлись во многомъ насчетъ успѣховъ просвѣщенья и наукъ, — какъ отказать? Лѣницынъ находился въ презатруднительномъ положеніи.

Но въ это время, точно какъ будто затѣмъ, чтобы помочь горю, вошла въ комнату молодая курносенькая хозяйка, супруга Лѣницына, и блѣдная, и худенькая, какъ всѣ петербургскія дамы, и одѣтая со вкусомъ, какъ всѣ петербургскія дамы. За нею былъ вынесенъ мамкой на рукахъ ребенокъ-первенецъ, плодъ нѣжной любви недавно бракосочетавшихся супруговъ. Чичиковъ, разумѣется, подошелъ тотъ же часъ къ дамѣ и, не говоря уже о приличномъ привѣтствіи, однимъ пріятнымъ наклоненьемъ головы на-бокъ много расположилъ ее въ свою пользу. Затѣмъ подбѣжалъ къ ребенку. Тотъ было разревѣлся; но, однакоже, Чичикову удалось словами: «Агу, агу, душенька!» прищелкиваньемъ пальцевъ и сердоликовой печаткой отъ часовъ переманить его на руки къ себѣ. Взявши его къ себѣ на руки, началъ онъ приподымать его кверху и тѣмъ возбудилъ въ ребенкѣ пріятную усмѣшку, которая очень обрадовала обоихъ родителей.

Но отъ удовольствія ли, или отъ чего-нибудь другого, ребенокъ вдругъ повелъ себя нехорошо. Жена Лѣницына закричала: «Ахъ, Боже мой! онъ вамъ испортилъ весь фракъ».

Чичиковъ посмотрѣлъ: рукавъ новёшенькаго фрака былъ весь испорченъ. «Пострѣлъ бы тебя побралъ, чертенокъ проклятый!» пробормоталъ онъ въ-сердцахъ про себя.

Хозяинъ, и хозяйка, и мамка — всѣ побѣжали за одеколономъ; со всѣхъ сторонъ принялись его вытирать.

«Ничего, ничего, совершенно ничего, говорилъ Чичиковъ. «Можетъ ли что̀-нибудь невинный ребенокъ?» И въ то же время думалъ про себя: «Да вѣдь какъ мѣтко обдѣлалъ, канальченокъ проклятый!»—«Золотой возрастъ!» сказалъ онъ, когда уже его совершенно вытерли и пріятное выраженіе возвратилось на его лицѣ.

«А вѣдь точно», сказалъ хозяинъ, обратившись къ Чичикову, тоже съ пріятной улыбкой: «что̀ можетъ быть завиднѣй ребяческаго возраста? никакихъ заботъ, никакихъ мыслей о будущемъ...»

«Состоянье, на которое можно сей же часъ помѣняться», сказалъ Чичиковъ.

«За глаза», сказалъ Лѣницынъ.

Но, кажется, оба соврали: предложи имъ такой обмѣнъ, они бы тутъ же на попятный дворъ. Да и что̀ за радость сидѣть у мамки на рукахъ да портить фраки!

Молодая хозяйка и первенецъ удалились съ мамкой, потому что и на немъ требовалось кое-что поправить: наградивъ Чичикова, онъ и себя не позабылъ (наградить).

Это, повидимому, незначительное обстоятельство склонило еще болѣе хозяина на сторону Чичикова. Какъ въ самомъ дѣлѣ отказать такому пріятному, обходительному гостю, который столько ласкъ оказалъ его малюткѣ и такъ великодушно поплатился за то собственнымъ фракомъ? Лѣницынъ думалъ такъ: «Почему-жъ, въ самомъ дѣлѣ, не исполнить его просьбы, если ужъ такое его желаніе?»

ГЛАВА... *)

Въ то самое время, когда Чичиковъ въ персидскомъ

*) Въ рукописи нѣтъ надписанія: «Глава». Уже это обстоятельство указываетъ на то, что этотъ отдѣлъ представляетъ остатокъ одной изъ *первоначальныхъ редакцій* этой части второго тома «Мертвыхъ Душъ», написанной въ то время, когда еще нельзя было опредѣлить, какая это будетъ глава по счету. Дѣйствительно, эта глава написана въ особой тетради, ярко отличающейся отъ всѣхъ остальныхъ и качествомъ бумаги, и желтыми чернилами, и даже самымъ характеромъ почерка. (См. «Примѣчанія»). *Ред.*

новомъ халатѣ изъ золотистой термаламы, развалясь на диванѣ, торговался съ заѣзжимъ контрабандистомъ-купцомъ, жидовскаго происхожденія и нѣмецкаго выговора, и передъ ними уже лежали купленная штука первѣйшаго голландскаго полотна на рубашки и двѣ бумажныя коробки съ отличнѣйшимъ мыломъ первостатейнѣйшаго свойства (это мыло было то самое, которое онъ нѣкогда пріобрѣталъ на радзивиловской таможнѣ; оно имѣло, дѣйствительно, свойство сообщать непостижимую нѣжность и бѣлизну щекамъ изумительную), — въ то время, когда онъ, какъ знатокъ, покупалъ эти необходимые для воспитаннаго человѣка продукты, раздался громъ подъѣхавшей кареты, отозвавшійся легкимъ дрожаньемъ комнатныхъ оконъ и стѣнъ, и вошелъ его превосходительство Алексѣй Ивановичъ Лѣницынъ.

«На судъ вашего превосходительства представляю: каково полотно, и каково мыло, и какова эта вчерашняго дня купленная вещица!» При этомъ Чичиковъ надѣлъ на голову ермолку, вышитую золотомъ и бусами, и очутился, какъ персидскій шахъ, исполненный достоинства и величія.

Но его превосходительство, не отвѣчая на вопросъ, сказалъ:

«Мнѣ нужно съ вами поговорить объ дѣлѣ». Въ лицѣ его замѣтно было разстройство. Почтенный купецъ нѣмецкаго выговора былъ тотъ же часъ высланъ, и они остались [одни].

«Знаете ли вы, какая непріятность? Отыскалось другое завѣщаніе старухи, сдѣланное назадъ тому пять [лѣтъ]. Половина имѣнья отдается на монастырь, а другая—обѣимъ воспитанницамъ пополамъ, и ничего больше никому».

Чичиковъ оторопѣлъ.

«Но это завѣщаніе—вздоръ. Оно ничего не значитъ; оно уничтожено вторымъ».

«Но вѣдь это не сказано въ послѣднемъ завѣщаніи, что имъ уничтожается первое».

«Это само собою разумѣется: послѣднее уничтожаетъ пер-

вое. Это вздоръ. Это первое завѣщаніе никуда не годится. Я знаю хорошо волю покойницы. Я былъ при ней. Кто его подписалъ? кто были свидѣтели?»

«Засвидѣтельствовано оно, какъ слѣдуетъ, въ судѣ. Свидѣтелемъ былъ бывшій совѣстный судья Бурмиловъ и Хавановъ».

«Худо», подумалъ Чичиковъ: «Хавановъ, говорятъ, честенъ; Бурмиловъ—старый ханжа, читаетъ по праздникамъ апостола въ церквахъ».—«Но вздоръ, вздоръ», сказалъ онъ вслухъ и тутъ же почувствовалъ рѣшимость на всѣ штуки. «Я знаю это лучше: я участвовалъ при послѣднихъ минутахъ покойницы. Мнѣ это лучше всѣхъ извѣстно. Я готовъ присягнуть самолично».

Слова эти и рѣшимость на минуту успокоили Лѣницына. Онъ былъ очень взволнованъ и уже начиналъ было подозрѣвать, не было ли со стороны Чичикова какой-нибудь фабрикаціи относительно завѣщанія (хотя онъ и представить себѣ не могъ, чтобы дѣло было, какъ оно было дѣйствительно). Теперь укорилъ себя въ подозрѣніи. Готовность присягнуть была явнымъ доказательствомъ, что Чичиковъ... Не знаемъ мы, точно ли достало бы духа у Павла Ивановича присягнуть на святомъ, но сказать это достало духа.

«Будьте покойны (и не заботьтесь ни о чемъ, я отправляюсь) и переговорю объ этомъ дѣлѣ съ нѣкоторыми юрисконсультами. Съ вашей стороны тутъ ничего не должно прилагать; вы должны быть совершенно въ сторонѣ. Я же теперь могу жить въ городѣ, сколько мнѣ угодно».

Чичиковъ тотъ же часъ приказалъ подать экипажъ и отправился къ юрисконсульту. Этотъ юрисконсультъ былъ опытности необыкновенной. Уже пятнадцать лѣтъ, какъ онъ находился подъ судомъ, и такъ умѣлъ распорядиться, что никакъ нельзя было отрѣшить отъ должности. Всѣ знали, что его, за подвиги его, слѣдовало бы, шесть разъ слѣдовало послать на поселенье. Кругомъ и со всѣхъ сторонъ былъ онъ въ подозрѣніяхъ, но никакихъ нельзя было воз-

вести явныхъ и доказанныхъ уликъ. Тутъ было дѣйствительно что-то таинственное, и его бы можно было смѣло признать колдуномъ, если бы исторія, нами описанная, принадлежала временамъ невѣжества.

Юрисконсультъ поразилъ холодностью своего вида, замасленностью своего халата, представлявшаго совершенную противоположность (весьма) хорошимъ мебелямъ краснаго дерева, золотымъ часамъ подъ стекляннымъ колпакомъ, люстрѣ, сквозившей сквозь кисейный чехолъ, ее сохранявшій, и вообще всему, что̀ было вокругъ и носило на себѣ яркую печать блистательнаго европейскаго просвѣщенія.

Не останавливаясь, однакожъ, скептической наружностью юрисконсульта, Чичиковъ объяснилъ затруднительные пункты дѣла и въ заманчивой перспективѣ изобразилъ необходимо послѣдующую благодарность за добрый совѣтъ и участіе.

Юрисконсультъ отвѣчалъ на это изображеніемъ невѣрности всего земного и далъ тоже искусно замѣтить, что журавль въ небѣ ничего не значитъ, а нужно синицу въ руку.

Нечего дѣлать: нужно было дать синицу въ руки. Скептическая холодность философа вдругъ исчезла. Оказалось, что это былъ наидобродушнѣйшій человѣкъ, наиразговорчивый и наиприятнѣйшій въ разговорахъ, не уступавшій ловкостью оборотовъ самому Чичикову.

«Позвольте вамъ вмѣсто того, чтобы заводить длинное дѣло,—вы, вѣрно, не хорошо разсмотрѣли самое завѣщаніе: тамъ, вѣрно, есть какая-нибудь приписочка. Вы возьмите его на время къ себѣ. Хотя, конечно, подобныхъ вещей на домъ брать запрещено, но если хорошенько попросить нѣкоторыхъ чиновниковъ... Я съ своей стороны употреблю мое участіе».

«Понимаю», подумалъ Чичиковъ и сказалъ: «Въ самомъ дѣлѣ, я, точно, хорошо не помню, есть ли тамъ приписочка, или нѣтъ»,—точно какъ будто и не самъ писалъ это завѣщаніе.

«Лучше всего вы это посмотрите. Впрочемъ, во всякомъ

случаѣ», продолжалъ онъ весьма добродушно: «будьте всегда покойны и не смущайтесь ничѣмъ, даже если бы и хуже что́ произошло. Никогда и ни въ чемъ не отчаивайтесь: нѣтъ дѣла неисправимаго. Смотрите на меня: я всегда покоенъ. Какіе бы ни были возводимы на меня казусы, спокойствіе мое непоколебимо». Лицо юрисконсульта-философа пребывало дѣйствительно въ необыкновенномъ спокойствіи, такъ что Чичиковъ много......

«Конечно, это первая вещь», сказалъ [онъ]. «Но согласитесь, однакожъ, что могутъ быть такіе случаи и дѣла, такія дѣла и такіе поклепы со стороны враговъ, и такія затруднительныя положенія, что отлетитъ всякое спокойствіе».

«Повѣрьте мнѣ, это малодушіе», отвѣчалъ очень покойно и добродушно философъ-юристъ. «Старайтесь только, чтобы производство дѣла было все основано на бумагахъ, чтобы на словахъ ничего не было. И какъ только увидите, что дѣло идетъ къ развязкѣ и удобно къ рѣшенію, старайтесь— не то, чтобы оправдывать и защищать себя,—нѣтъ, просто спутать новыми вводными, и такъ........»

«То-есть, чтобы...»

«Спутать, спутать — и ничего больше», отвѣчалъ философъ: «ввести въ это дѣло постороннія, другія обстоятельства, которыя запутали [бы] сюда и другихъ; сдѣлать сложнымъ—и ничего больше. И тамъ пусть пріѣзжій петербургскій чиновникъ разбираетъ, пусть разбираетъ, пусть его разбираетъ!» повторилъ онъ, смотря съ необыкновеннымъ удовольствіемъ въ глаза Чичикову, какъ смотритъ учитель ученику, когда объясняетъ ему заманчивое мѣсто изъ русской грамматики.

«Да, хорошо, если подберешь такія обстоятельства, которыя способны пустить въ глаза мглу», сказалъ Чичиковъ, смотря тоже съ удовольствіемъ въ глаза философа, какъ ученикъ, который понялъ заманчивое мѣсто, объясняемое учителемъ.

«Подберутся обстоятельства, подберутся! Повѣрьте: отъ

частаго упражненія и голова сдѣлается находчивою. Прежде всего помните, что вамъ будутъ помогать. Въ сложности дѣла выигрышъ многимъ: и чиновниковъ нужно больше, и жалованья имъ больше... Словомъ, втянуть въ дѣло побольше лицъ. Нѣтъ нужды, что иные напрасно попадутъ: да вѣдь имъ же оправдаться....., имъ нужно отвѣчать на бумаги, имъ нужно окупиться... Вотъ ужъ и хлѣбъ... Повѣрьте мнѣ, что, какъ только обстоятельства становятся критическія, первое дѣло спутать. Такъ можно спутать, такъ все перепутать, что никто ничего не пойметъ. Я почему спокоенъ?—Потому что знаю: пусть только дѣла мои пойдутъ похуже, да я всѣхъ впутаю въ свое — и губернатора, и вице-губернатора, и полицеймейстера, и казначея,— всѣхъ запутаю. Я знаю всѣ ихъ обстоятельства: и кто на кого сердится, и кто на кого дуется, и кто кого хочетъ упечь. Тамъ, пожалуй, пусть ихъ выпутываются. Да покуда они выпутаются, другіе успѣютъ нажиться. Вѣдь только въ мутной водѣ и ловятся раки. Всѣ только ждутъ, чтобы запутать». Здѣсь юристъ-философъ посмотрѣлъ Чичикову въ глаза опять съ тѣмъ наслажденьемъ, съ какимъ учитель объясняетъ ученику еще заманчивѣйшее мѣсто изъ русской грамматики.

«Нѣтъ, этотъ человѣкъ, точно, мудрецъ», подумалъ про себя Чичиковъ, и разстался съ юрисконсультомъ въ наипріятнѣйшемъ и въ наилучшемъ расположеніи духа.

Совершенно успокоившись и укрѣпившись, онъ съ небрежною ловкостью бросился на эластическія подушки коляски, приказалъ Селифану откинуть кузовъ назадъ (къ юрисконсульту онъ ѣхалъ съ поднятымъ кузовомъ и даже застегнутой кожей) и расположился, точь-въ-точь, какъ отставной гусарскій полковникъ или самъ Вишнепокромовъ, ловко подвернувши одну ножку подъ другую, обратя съ пріятностью ко встрѣчнымъ лицо, сіявшее изъ-[подъ] шелковой новой шляпы, надвинутой нѣсколько на ухо. Селифану было приказано держать направленіе къ гостиному двору. Купцы, и пріѣзжіе, и туземные, стоя у дверей лавокъ, почтительно сни-

мали шляпы, и Чичиковъ, не безъ достоинства, приподнималъ имъ въ отвѣтъ свою. Многіе изъ нихъ уже были ему знакомы; другіе, были хоть пріѣзжіе, но очарованные ловкимъ видомъ умѣющаго держать себя господина, привѣтствовали его, какъ знакомые. Ярмарка въ городѣ Тьфуславлѣ не прекращалась: отошла конная и земледѣльческая, началась—съ красными товарами для господъ просвѣщенья высшаго. Купцы, пріѣхавшіе на колесахъ, располагали назадъ не иначе возвращаться, какъ на саняхъ.

«Пожалуйте-съ, пожалуйте-съ!» говорилъ у суконной лавки, учтиво рисуясь, съ открытою головою, нѣмецкій сюртукъ московскаго шитья, съ шляпой въ рукѣ на отлетѣ, только чуть державшій круглый подбородокъ и выраженіе тонкости просвѣщенья въ лицѣ.

Чичиковъ вошелъ въ лавку. «Покажите-ка мнѣ, любезнѣйшій, суконца».

Благопріятный купецъ тотчасъ приподнялъ вверхъ открывавшуюся доску у стола и, сдѣлавши такимъ образомъ себѣ проходъ, очутился въ лавкѣ, спиною къ товару и лицомъ къ покупателю. Ставши спиной къ товарамъ и лицомъ къ покупателю, купецъ, съ обнаженной головою и шляпой на отлетѣ, еще разъ привѣтствовалъ Чичикова. Потомъ надѣлъ шляпу и, пріятно нагнувшись, обѣими же руками упершись въ столъ, сказалъ такъ: «Какого рода суконъ-съ? англійскихъ мануфактуръ, или отечественной фабрикаціи предпочитаете?»

«Отечественной фабрикаціи», сказалъ Чичиковъ: «но только лучшаго сорта, который называется аглицкимъ».

«Какихъ цвѣтовъ пожелаете имѣть?» вопросилъ купецъ, все такъ [же] пріятно колеблясь на двухъ, упершихся въ столъ, рукахъ.

«Цвѣтовъ темныхъ, оливковыхъ или бутылочныхъ съ искрою, приближающихся, такъ сказать, къ брусникѣ», сказалъ Чичиковъ.

«Могу сказать, что получите первѣйшаго сорта, какое-съ можете въ обѣихъ столицахъ», говорилъ купецъ, полѣзши

доставать сверху штуку; бросилъ ее ловко на столъ, разворотилъ съ другого конца и поднесъ къ свѣту. «Каковъ отливъ-съ! Самаго моднаго, послѣдняго вкуса!» Сукно блистало, какъ шелковое. Купецъ чутьемъ пронюхалъ, что предъ нимъ стоитъ знатокъ суконъ, и не захотѣлъ начинать съ десятирублеваго.

«Порядочное», сказалъ Чичиковъ, слегка погладивши. «Но знаете ли, почтеннѣйшій? покажите-ка мнѣ сразу то, что̀ вы напослѣди показываете, да и цвѣту больше того... больше искрасна».

«Понимаю-съ: вы истинно желаете такого цвѣта, какой ноньче въ..... входитъ. Есть у меня сукно отличнѣйшаго свойства. Предувѣдомляю, что высокой цѣны, но и высокаго достоинства.

Штука упала сверху. Купецъ ее развернулъ еще съ бо̀льшимъ искусствомъ, поймалъ другой конецъ и развернулъ точно шелковую матерію, поднесъ ее Чичикову такъ, что [тотъ] имѣлъ возможность не только разсмотрѣть его, но даже понюхать, сказавши только: «Вотъ-съ сукно-съ! цвѣту наваринскаго дыму съ пламенемъ».

О цѣнѣ условились. Желѣзный аршинъ, подобный жезлу чародѣя, отхваталъ тутъ же Чичикову на фракъ [и] на панталоны. Сдѣлавши ножницами нарѣзку, купецъ произвелъ обѣими руками ловкое дранье сукна во всю его ширину, при окончаніи котораго поклонился Чичикову съ наиобольстительнѣйшею пріятностью. Сукно тутъ же было свернуто и ловко заверчено въ бумагу; свертокъ завертѣлся подъ легкой бичевкой. Чичиковъ хотѣлъ было лѣзть въ карманъ, но почувствовалъ пріятное окруженіе своей поясницы чьей-то весьма деликатной рукой, и уши его услышали: «Что̀ вы здѣсь покупаете, почтеннѣйшій?»

«А, пріятнѣйше-неожиданная встрѣча!» сказалъ Чичиковъ.

«Пріятное столкновеніе», сказалъ голосъ того же самаго, который окружилъ его поясницу. Это былъ Вишнепокромовъ.

Готовился было пройти лавку безъ вниманія, вдругъ вижу

знакомое лицо—какъ отказаться отъ пріятнаго удовольствія! Нечего сказать, сукна въ этомъ году несравненно лучше. Вѣдь это стыдъ, срамъ! Я никакъ не могъ, бывало, отыскать... Я готовъ сорокъ рублей... возьми пятьдесятъ даже, но дай хорошаго. По мнѣ, или имѣть вещь, которая бы, точно, была уже отличнѣйшая, или ужъ лучше вовсе не имѣть. Не такъ ли?»

«Совершенно такъ!» сказалъ Чичиковъ. «Зачѣмъ же трудишься, какъ не затѣмъ, чтобы, точно, имѣть хорошую вещь?»

«Покажите мнѣ сукна среднихъ цѣнъ», раздался позади голосъ, показавшійся Чичикову знакомымъ. Онъ оборотился: это былъ Хлобуевъ. По всему видно было, что онъ покупалъ сукно не для прихоти, потому что сюртучокъ былъ больно протертъ.

«Ахъ, Павелъ Ивановичъ! позвольте мнѣ съ вами наконецъ поговорить. Васъ нигдѣ не встрѣтишь. Я былъ нѣсколько разъ—все васъ нѣтъ и нѣтъ».

«Почтеннѣйшій, я такъ былъ занятъ, что, ей-ей, нѣтъ времени». Онъ поглядѣлъ по сторонамъ, какъ бы отъ объясненія улизнуть, и увидѣлъ входящаго въ лавку Муразова. «Аѳанасій Васильевичъ! Ахъ, Боже мой!» сказалъ Чичиковъ: «вотъ пріятное столкновеніе!» И вслѣдъ за нимъ повторилъ Вишнепокромовъ: «Аѳанасій Васильевичъ!» [Хлобуевъ] повторилъ: «Аѳанасій Васильевичъ!» И, наконецъ, благовоспитанный купецъ, отнеся шляпу отъ головы настолько, сколько могла рука, и, весь подавшись впередъ, произнесъ: «Аѳанасію Васильевичу, наше нижайшее почтеніе!» (У всѣхъ) на лицахъ напечатлѣлась та собачья услужливость, какую оказываетъ грѣшный людъ милліонщикамъ.

Старикъ раскланялся со всѣми и обратился прямо къ Хлобуеву: «Извините меня: я, увидѣвши издали, какъ вы вошли въ лавку, рѣшился васъ побезпокоить. Если вамъ будетъ черезъ...... свободно и по дорогѣ мимо моего дома, такъ сдѣлайте милость, зайдите на малость времени. Мнѣ съ вами нужно будетъ переговорить».

Хлобуевъ сказалъ: «Очень хорошо, Аѳанасій Васильевичъ».

И старикъ, раскланявшись снова со всѣми, вышелъ.

«У меня просто голова кружится», сказалъ Чичиковъ: «какъ подумаешь, что у этого человѣка 10 милліоновъ. Это, просто, даже невѣроятно».

«Противозаконная, однакожъ, вещь», сказалъ Вишнепокромовъ: «капиталы не должны быть въ однѣхъ [рукахъ]. Это теперь предметъ трактатовъ во всей Европѣ. Имѣешь деньги,—ну, сообщай другимъ: угощай, давай балы, производи благодѣтельную роскошь, которая даетъ хлѣбъ мастерамъ, ремесленникамъ».

«Это я не могу понять», сказалъ Чичиковъ. «Десять милліоновъ—и живетъ какъ простой мужикъ! Вѣдь это съ десятью милліонами, чортъ знаетъ что̀, можно сдѣлать. Вѣдь это можно такъ завести, что и общества другого у тебя не будетъ, какъ генералы да князья».

«Да-съ», прибавилъ купецъ: «дѣйствительно, это непросвѣтительность. Если купецъ почетный, такъ ужъ онъ не купецъ: онъ нѣкоторымъ образомъ есть уже негоціантъ. Я ужъ тогда долженъ себѣ взять и ложу въ театрѣ, и дочь ужъ я за простого полковника—нѣтъ-съ, не выдамъ: я за генерала, иначе ее не выдамъ. Что̀ мнѣ полковникъ? Обѣдъ мнѣ ужъ долженъ кондитеръ поставлять, а не то, что кухарка...»

«Да что̀ говорить! помилуйте!» сказалъ Вишнепокромовъ: «съ десятью милліонами чего не сдѣлать? Дайте мнѣ десять милліоновъ,—вы посмотрите, что̀ я сдѣлаю!»

«Нѣтъ», подумалъ Чичиковъ: «ты-то не много сдѣлаешь толку съ десятью милліонами. А вотъ если бы мнѣ десять милліоновъ, я бы, точно, кое-что сдѣлалъ».

«Да, если бы мнѣ десять милліоновъ!» подумалъ Хлобуевъ: «я бы не такъ теперь поступилъ, какъ прежде,—не прожилъ бы такъ безумно. Послѣ такого страшнаго опыта узнаешь цѣну всякой копѣйки. Э, теперь бы я не такъ...» И потомъ, нѣсколько минутъ подумавши, спросилъ

себя внутренно: «точно ли бы теперь умнѣй распорядился?» и, махнувши рукой, прибавилъ: «Кой чортъ! я думаю, такъ же бы растратилъ, какъ и прежде», и вышедши изъ лавки, отправился къ Муразову, желая знать, что̀ объявитъ ему Муразовъ.

«Васъ жду, Петръ Петровичъ!» сказалъ Муразовъ, увидѣвши входящаго Хлобуева. «Пожалуйте ко мнѣ въ комнатку». И онъ повелъ Хлобуева въ комнатку, уже знакомую читателю, неприхотливѣе которой нельзя было найти и у чиновника, получающаго семьсотъ рублей въ годъ жалованья.

«Скажите, вѣдь теперь, я полагаю, обстоятельства ваши получше? Послѣ тетушки все-таки вамъ досталось кое-что».

«Да какъ вамъ сказать, Аѳанасій Васильевичъ? Я не знаю, лучше ли мои обстоятельства. Мнѣ досталось всего пятьдесятъ душъ крестьянъ и тридцать тысячъ денегъ, которыми я долженъ былъ расплатиться съ частью моихъ долговъ,—и у меня вновь ровно ничего. А главное дѣло, что дѣло по этому завѣщанію самое нечистое. Тутъ, Аѳанасій Васильевичъ, завелись такія мошенничества! Я вамъ сейчасъ разскажу, и вы подивитесь, что̀ такое дѣлается. Этотъ Чичиковъ...»

«Позвольте, Петръ Петровичъ; прежде чѣмъ говорить объ этомъ Чичиковѣ, позвольте поговорить собственно о васъ. Скажите мнѣ: сколько, по вашему заключенію, было бы для васъ удовлетворительно и достаточно затѣмъ, чтобы совершенно выпутаться изъ обстоятельствъ?»

«Да чтобы выпутаться изъ обстоятельствъ, расплатиться совсѣмъ и быть въ возможности жить самымъ умѣреннымъ образомъ, мнѣ нужно, по крайней мѣрѣ, 100 тысячъ, если не больше».

«Ну, если бы это у васъ было, какъ бы вы тогда повели жизнь свою?»

«Ну, я бы тогда нанялъ себѣ квартирку, занялся бы воспитаніемъ дѣтей, потому что мнѣ самому ужъ не служить: я ужъ никуда не гожусь».

«А почему-жъ вы никуда не годитесь?»

«Да куда-жъ мнѣ? сами посудите: мнѣ нельзя начинать съ канцелярскаго писца. Вы позабыли, что у меня семейство. Мнѣ сорокъ, у меня ужъ и поясница болитъ, я облѣнился; а должности мнѣ поважнѣе не дадутъ; я вѣдь не на хорошемъ счету. Я признаюсь вамъ: я бы и самъ не взялъ наживной должности. Я человѣкъ хоть и дрянной, и картежникъ, и все, что̀ хотите, но взятокъ брать я не стану. Мнѣ не ужиться съ Красноносовымъ, да Самосвистовымъ».

«Но все, извините-съ, я не могу понять, какъ же быть безъ дороги; какъ итти не по дорогѣ; какъ ѣхать, когда нѣтъ земли подъ ногами; какъ плыть, когда челнъ не на водѣ? А вѣдь жизнь — путешествіе. Извините, Петръ Петровичъ, господа вѣдь, про которыхъ вы говорите, все же они на какой-нибудь дорогѣ, все же они трудятся. Ну, положимъ, какъ-нибудь своротили, какъ случается со всякимъ грѣшнымъ; да есть надежда, что опять набредутъ. Кто идетъ—нельзя, чтобъ не пришелъ; есть надежда, что и набредетъ. Но какъ тому попасть на какую-нибудь дорогу, кто остается праздно? Вѣдь дорога не придетъ ко мнѣ».

«Повѣрьте мнѣ, Аѳанасій Васильевичъ, я чувствую совершенно справедливость....; но говорю вамъ, что во мнѣ рѣшительно погибла всякая дѣятельность; не вижу я, что могу сдѣлать какую-нибудь пользу кому-нибудь на свѣтѣ. Я чувствую, что я рѣшительно безполезное бревно. Прежде, покамѣстъ былъ помоложе, такъ мнѣ казалось, что все дѣло въ деньгахъ, что если бы мнѣ въ руки сотни тысячъ, я бы осчастливилъ множество: помогъ бы бѣднымъ художникамъ, завелъ бы библіотеки, полезныя заведенія, собралъ бы коллекціи. Я человѣкъ не безъ вкуса и, знаю, во многомъ могъ бы гораздо лучше распорядиться тѣхъ нашихъ богачей, которые все это дѣлаютъ безтолково. А теперь вижу, что и это суета, и въ этомъ не много толку. Нѣтъ, Аѳанасій Васильевичъ, никуда не гожусь, ровно никуда, говорю вамъ. На малѣйшее дѣло неспособенъ».

«Послушайте, Петръ [Петровичъ]! Но вѣдь вы же молитесь, ходите въ церковь, не пропускаете, я знаю, ни утрени, ни вечерни. Вамъ хоть и не хочется рано вставать, но вѣдь вы встаете же и идете, — идете въ четыре часа утра, когда никто не подымется».

«Это—другое дѣло, Аѳанасій Васильевичъ. Я это дѣлаю для спасенія души, потому что убѣжденъ, что этимъ хоть сколько-нибудь заглажу праздную жизнь, что какъ я ни (скверенъ самому себѣ) дуренъ, но смиренныя молитвы и нѣкоторое насиліе себя что-нибудь значатъ у Бога. Скажу вамъ, что я молюсь, — даже и безъ вѣры, но все-таки молюсь. Слышится только, что есть Господинъ, отъ Котораго все зависитъ, какъ лошадь и скотина домашняя слышитъ господина, имѣющаго право».

«Стало-быть, вы молитесь затѣмъ, чтобы угодить Тому, Которому молитесь, чтобы спасти свою душу, и это даетъ вамъ силы и заставляетъ васъ подыматься рано съ постели. Повѣрьте, что если вы взялись за должность свою такимъ образомъ, какъ бы вы ею служили Тому, Кому вы молитесь, у васъ бы появилась дѣятельность, и васъ никто изъ людей не въ силахъ охладить».

«Аѳанасій Васильевичъ! вновь скажу вамъ—это другое. Въ первомъ случаѣ я вижу, что̀ я все-таки дѣлаю. Говорю вамъ, что я готовъ пойти въ монастырь и самые тяжкіе, какіе на меня ни наложатъ, труды и подвиги я буду исполнять, потому что я вижу, для кого я дѣлаю. Не мое дѣло разсуждать. Тамъ я увѣренъ, что взыщется [съ тѣхъ], которые заставили меня дѣлать; тамъ я повинуюсь и знаю, что Богу повинуюсь».

«А зачѣмъ же такъ вы не разсуждаете и въ дѣлахъ свѣта? Вѣдь и въ свѣтѣ мы должны служить Богу, а не кому иному. Если и другому служимъ, мы потому только служимъ, будучи увѣрены, что такъ Богъ велитъ, а безъ того мы бы и не служили. Что̀-жъ другое всѣ способности и дары, которые розные у всякаго? Вѣдь это орудія моленья нашего: то—словами, а это дѣломъ. Вѣдь вамъ же въ мо-

настырь нельзя итти: вы прикрѣплены къ міру, у васъ семейство».

Здѣсь Муразовъ замолчалъ. Хлобуевъ тоже замолчалъ.

«Такъ вы полагаете, что если бы, напримѣръ, у [васъ] было двѣсти тысячъ, такъ вы [бы] могли упрочить жизнь и повести отнынѣ жизнь разсчетливѣе?»

«То-есть, по крайней мѣрѣ, я займусь тѣмъ, что можно будетъ сдѣлать,—займусь воспитаніемъ дѣтей, буду имѣть въ возможности доставить имъ хорошихъ учителей».

«А сказать ли вамъ на это, Петръ Петровичъ, что чрезъ два года будете опять кругомъ въ долгахъ, какъ [въ] шнуркахъ?»

Хлобуевъ нѣсколько помолчалъ и началъ съ разстановкою: «Однакожъ, послѣ этакихъ опытовъ»...

«Да что́-жъ тутъ толковать!» сказалъ Муразовъ. «Вы человѣкъ съ доброй душой: къ вамъ придетъ пріятель, попроситъ взаймы — вы ему дадите; увидите бѣднаго человѣка — вы захотите помочь; пріятный гость придетъ къ вамъ—захотите получше угостить, да и покоритесь первому доброму движенію, а расчетъ и позабываете. И позвольте вамъ, наконецъ, сказать по искренности, что дѣтей-то своихъ вы не въ состояніи воспитать. Дѣтей своихъ воспитать можетъ только тотъ отецъ, который ужъ самъ выполнилъ долгъ свой. Да и супруга ваша... она и доброй души... она совсѣмъ не такъ воспитана, чтобы дѣтей воспитать. Я даже думаю, — извините меня, Петръ Петровичъ, — не во вредъ ли дѣтямъ будетъ даже и быть съ вами!»

Хлобуевъ призадумался; онъ началъ себя мысленно осматривать со всѣхъ сторонъ и наконецъ почувствовалъ, что Муразовъ былъ правъ отчасти.

«Знаете ли, Петръ Петровичъ? отдайте мнѣ на руки это—дѣтей, дѣла; оставьте и семью вашу, и дѣтей: я ихъ приберегу. Вѣдь обстоятельства ваши таковы, что вы въ моихъ рукахъ; вѣдь дѣло идетъ къ тому, чтобы умирать съ голоду. Тутъ уже на все нужно рѣшаться. Знаете ли вы Ивана Потапыча?»

«И очень уважаю, даже несмотря на то, что онъ ходитъ въ сибиркѣ».

«Иванъ Потапычъ былъ милліонщикъ, выдалъ дочерей своихъ за чиновниковъ, жилъ какъ царь; а какъ обанкрутился — что̀-жъ дѣлать? — пошелъ въ приказчики. Не весело-то было ему съ серебрянаго блюда перейти за простую миску: казалось-то, что и руки ни къ чему не подымались. Теперь Иванъ Потапычъ могъ бы хлебать съ серебрянаго блюда, да ужъ не хочетъ. У него ужъ набралось бы опять, да онъ говоритъ: «Нѣтъ, Аѳанасій Ивановичъ, служу я теперь ужъ не себѣ, и для себя, а потому, что Богъ такъ... По своей волѣ не хочу ничего дѣлать. Слушаю васъ, потому что Бога хочу слушаться, а не людей, и такъ какъ Богъ иначе не говоритъ, какъ устами лучшихъ людей только говоритъ. Вы умнѣе меня, а потому не я отвѣчаю, а вы».—Вотъ что̀ говоритъ Иванъ Потапычъ; а онъ, если сказать по правдѣ, въ нѣсколько разъ умнѣе меня».

«Аѳанасій Васильевичъ! вашу власть и я готовъ надъ собою... вашъ слуга и что́ хотите; отдаюсь вамъ. Но не давайте работы свыше силъ: я не Потапычъ, и говорю вамъ, что ни на что̀ доброе не гожусь».

«Не я-съ, Петръ Петровичъ, наложу-съ [на] васъ, а такъ какъ вы хотѣли бы послужить, какъ говорите сами, такъ [вотъ] вамъ богоугодное дѣло. Строится въ одномъ мѣстѣ церковь доброхотнымъ дательствомъ благочестивыхъ людей. Денегъ не стаетъ, нуженъ сборъ. Надѣньте простую сибирку... вѣдь вы теперь простой человѣкъ, разорившійся дворянинъ и тотъ же нищій: что̀-жъ тутъ чиниться? — да съ книгой въ рукахъ, на простой телѣжкѣ, и отправляйтесь по городамъ и деревнямъ. Отъ архіерея вы получите благословенье и шнуровую книгу, да и съ Богомъ».

Петръ Петровичъ былъ изумленъ этой совершенно новой должностью. Ему, все-таки дворянину нѣкогда древняго рода, отправиться съ книгой въ рукахъ просить на церковь, трястись на телѣгѣ! А вывернуться и уклониться нельзя: дѣло богоугодное.

«Призадумались?» сказалъ Муразовъ. «Вы здѣсь двѣ службы сослужите: одну службу Богу, а другую—мнѣ».

«Какую же вамъ?»

«А вотъ какую. Такъ какъ вы отправитесь по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ я еще не былъ, такъ вы узнаете-съ на мѣстѣ все: какъ тамъ живутъ мужички, гдѣ побогаче, гдѣ терпятъ нужду и въ какомъ состояніи всѣ. Скажу вамъ, что мужичковъ люблю оттого, можетъ-быть, что я и самъ изъ мужиковъ. Но дѣло въ томъ, что завелось межъ ними много всякой мерзости. Раскольники тамъ и всякіе-съ бродяги смущаютъ ихъ, иные и противъ властей ихъ возстановляютъ, а если человѣкъ притѣсненъ, такъ онъ легко возстаетъ. Чтò-жъ, будто трудно подстрекнуть человѣка, который, точно, терпитъ. Да дѣло въ томъ, что не снизу должна начинаться расправа. Дѣло плохо, когда пойдутъ на кулаки: ужъ тутъ никакого толку не будетъ—только ворамъ пожива. Вы — человѣкъ умный, вы разсмотрите, узнаете, гдѣ дѣйствительно терпитъ человѣкъ отъ другихъ, а гдѣ отъ собственнаго неспокойнаго нрава, да и разскажете мнѣ потомъ все это. Я вамъ на всякій случай небольшую сумму дамъ на раздачу тѣмъ, которые уже и дѣйствительно терпятъ безвинно. Съ вашей стороны будетъ также полезно утѣшить ихъ словомъ и получше истолковать имъ то, что Богъ велитъ переносить безропотно, и молиться въ это время, когда несчастливъ, а не буйствовать и расправляться самому. Словомъ, говорите имъ, никого не возбуждая ни противъ кого, а всѣхъ примиряя. Если увидите въ комъ противу кого бы то ни было ненависть, употребите все усиліе».

«Аѳанасій Васильевичъ! дѣло, которое вы мнѣ поручаете», сказалъ Хлобуевъ: «святое дѣло; но вы вспомните, кому вы его поручаете. Поручить его можно человѣку почти святой жизни, который бы и самъ уже [умѣлъ] прощать другимъ».

«Да я и не говорю, чтобы все это вы исполнили, а по возможности, чтò можно-съ. Дѣло-то въ томъ, что вы все-

таки пріѣдете съ большими познаніями тѣхъ мѣстъ, и будете имѣть понятіе, въ какомъ положеніи находится тотъ край. Чиновникъ никогда не столкнется съ лицомъ, да и мужикъ-то съ нимъ не будетъ откровененъ. А вы, прося на церковь, заглянете ко всякому—и къ мѣщанину, и къ купцу, и будете имѣть случай разспросить всякаго. Говорю-съ вамъ это по той причинѣ, что генералъ-губернаторъ особенно теперь нуждается въ такихъ людяхъ; и вы, мимо всякихъ канцелярскихъ повышеній, получите такое мѣсто, гдѣ не безполезна будетъ ваша жизнь».

«Попробую, приложу старанья, сколько хватитъ силъ», сказалъ Хлобуевъ. И въ голосѣ его было замѣтно ободреніе, спина распрямилась и голова приподнялась, какъ у человѣка, которому свѣтитъ надежда. «Вижу, что васъ Богъ наградилъ разумѣньемъ, и вы знаете иное лучше насъ, близорукихъ людей».

«Теперь позвольте васъ спросить», сказалъ Муразовъ: «что̀-жъ Чичиковъ и какого рода [дѣло]?»

«А [про] Чичикова я вамъ разскажу вещи неслыханныя. Дѣлаетъ онъ такія дѣла... Знаете ли, Аѳанасій Васильевичъ, что завѣщаніе вѣдь ложное? Отыскалось настоящее, гдѣ все имѣніе принадлежитъ воспитанницамъ».

«Что̀ вы говорите? Да ложное-то завѣщаніе кто смастерилъ?»

«Въ томъ-то и дѣло, что премерзѣйшее дѣло! Говорятъ: Чичиковъ, и что подписано завѣщаніе уже послѣ смерти: нарядили какую-то бабу, намѣсто покойницы, и она ужъ подписала. Словомъ, дѣло соблазнительнѣйшее. Подозрѣваютъ въ участіи и чиновниковъ. Ужъ говорятъ, и генералъ-губернаторъ знаетъ. Говорятъ, тысячи просьбъ поступило съ разныхъ сторонъ. Къ Марьѣ Еремѣевнѣ теперь подъѣзжаютъ женихи; двое ужъ чиновныхъ лицъ изъ-за нея дерутся. Вотъ какого рода дѣло, Аѳанасій Васильевичъ!»

«Не слышалъ я объ этомъ ничего, а дѣло, точно, не безъ грѣха. Павелъ Ивановичъ Чичиковъ, признаюсь, для меня презагадочный [человѣкъ]», сказалъ Муразовъ.

«Я подалъ отъ себя также просьбу, затѣмъ, чтобы напомнить, что существуетъ ближайшій наслѣдникъ...»

«А мнѣ пусть ихъ всѣ передерутся», думалъ Хлобуевъ, выходя.—«Аѳанасій Васильевичъ не глупъ. Онъ далъ мнѣ это порученіе, вѣрно, обдумавши. Исполнить его — вотъ и все». Онъ сталъ думать о дорогѣ, въ то время, когда Муразовъ все еще повторялъ въ себѣ: «Презагадочный для меня человѣкъ Павелъ Ивановичъ Чичиковъ! Вѣдь если бы съ этакой волей и настойчивостью да на доброе дѣло!»

А между тѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, по судамъ шли просьбы за просьбой. Оказались родственники, о которыхъ и не слышалъ никто. Какъ птицы слетаются на мертвечину, такъ все налетѣло на несмѣтное имущество, оставшееся послѣ старухи: доносы на Чичикова, на подложность послѣдняго завѣщанія, доносы на подложность и перваго завѣщанія, улики въ покражѣ и въ утаеніи суммъ. Явились даже улики на Чичикова въ покупкѣ мертвыхъ душъ, въ провозѣ контрабанды во время бытности его еще при таможнѣ. Выкопали все, разузнали его прежнюю исторію. Богъ вѣсть, откуда все это пронюхали и знали. Только были улики даже и въ такихъ дѣлахъ, объ которыхъ, думалъ Чичиковъ, кромѣ его и четырехъ стѣнъ, никто не зналъ. Покамѣстъ все это было еще судейская тайна и до ушей его не дошло, хотя вѣрная записка юрисконсульта, которую онъ вскорѣ получилъ, нѣсколько дала ему понять, что каша заварится. Записка была краткаго содержанія: «Спѣшу васъ увѣдомить, что по дѣлу будетъ возня; но помните, что тревожиться никакъ не слѣдуетъ. Главное дѣло—спокойствіе. Обдѣлаемъ все». Записка эта успокоила рѣшительно Чичикова. «Этотъ человѣкъ—рѣшительный геній», сказалъ онъ (по прочтеніи записки).

Въ довершеніе хорошаго, портной въ это время принесъ платье. Чичиковъ получилъ желаніе сильное посмотрѣть на самого себя въ новомъ фракѣ наваринскаго пламени съ дымомъ. Натянулъ штаны, которые обхватили его чудеснымъ образомъ со всѣхъ сторонъ, такъ что хоть рисуй. Ляжки

такія...... славно обтянуло, икры тоже, сукно обхватило всѣ малости, сообща имъ еще бо́льшую упругость. Какъ затянулъ онъ позади себя пряжку, животъ сталъ точно барабанъ. Онъ ударилъ по немъ тутъ щеткой, прибавивъ: «Вѣдь какой дуракъ, а въ цѣломъ онъ составляетъ картину!» Фракъ, казалось, былъ сшитъ еще лучше штановъ: ни морщинки, всѣ бока обтянулъ, выгнулся на перехватѣ, показавъ его ловкій перегибъ. На замѣчаніе Чичикова, [что] подъ правой мышкой немного жало, портной только улыбался: отъ этого еще лучше прихватывало на таліи. «Будьте покойны, будьте покойны насчетъ работы», повторялъ онъ съ нескрытымъ торжествомъ. — «Кромѣ Петербурга, нигдѣ такъ не сошьютъ». Портной былъ самъ изъ Петербурга и на вывѣскѣ выставилъ: *Иностранецъ изъ Лондона и Парижа.* Шутить онъ не любилъ и двумя городами разомъ хотѣлъ заткнуть глотку всѣмъ другимъ портнымъ, такъ, чтобы впредь никто не появился съ такими городами, а пусть себѣ пишетъ изъ какого-нибудь «Карлсеру» или «Копенгара».

Чичиковъ великодушно расплатился съ портнымъ и, оставшись одинъ, сталъ разсматривать себя на досугѣ въ зеркалѣ, какъ артистъ, съ эстетическимъ чувствомъ и con amore. Оказалось, что все какъ-то было еще лучше, чѣмъ прежде: щечки интереснѣе, подбородокъ заманчивѣй, бѣлые воротнички давали тонъ щекѣ, атласный синій галстукъ давалъ тонъ воротничкамъ; новомодныя складки манишки давали тонъ галстуку, богатый бархатный [жилетъ] давалъ [тонъ] манишкѣ, а фракъ наваринскаго дыма съ пламенемъ, блистая, какъ шелкъ, давалъ тонъ всему. Поворотился направо—хорошо! Поворотился налѣво—еще лучше! Перегибъ такой, какъ у камергера или у чиновника, служащаго въ иностранной коллегіи, или у такого господина, который такъ чешетъ по-французски, что передъ нимъ самъ французъ—ничего, который, даже и разсердясь, не срамитъ себя русскимъ словомъ, а выругаетъ по-французски. Деликатность такая! Онъ попробовалъ, склоня головку нѣсколько на-бокъ,

принять позу, какъ бы адресовался къ дамѣ среднихъ лѣтъ и послѣдняго просвѣщенія: выходила, просто, картина. Художникъ, бери кисть и пиши! Въ удовольствіи, онъ совершилъ тутъ же легкій прыжокъ, въ родѣ антраша. Вздрогнулъ комодъ и упала на землю стклянка съ одеколономъ; но это не причинило никакого помѣшательства. Онъ назвалъ, какъ и слѣдовало, глупую стклянку дурой и подумалъ: «Къ кому теперь прежде всего явиться? Всего лучше...»

Какъ вдругъ въ передней—въ родѣ нѣкотораго бряканья сапоговъ со шпорами и жандармъ въ полномъ вооруженіи, какъ [будто] въ лицѣ его было цѣлое войско. «Приказано сей же часъ явиться къ генералъ-губернатору!» (Вотъ тебѣ на!) Чичиковъ такъ и обомлѣлъ. Передъ нимъ торчало страшилище съ усами, лошадиный хвостъ на головѣ, черезъ плечо перевязь, черезъ другое перевязь, огромнѣйшій палашъ привѣшенъ къ боку. Ему показалось, что при другомъ боку висѣло и ружье, и чортъ знаетъ что̀: цѣлое войско въ одномъ только! Онъ началъ было возражать, (страшило) грубо заговорило: «Приказано сей же часъ!» Сквозь дверь въ переднюю онъ увидѣлъ, что тамъ мелькало и другое страшило, взглянулъ къ окошко—и экипажъ. Что̀ тутъ дѣлать? Такъ, какъ былъ во фракѣ наваринскаго пламени съ дымомъ, долженъ былъ сѣсть и, дрожа всѣмъ тѣломъ, отправился къ генералъ-губернатору, и жандармъ съ нимъ.

Въ передней не дали даже и опомниться ему. «Ступайте! васъ князь уже ждетъ», сказалъ дежурный чиновникъ. Передъ нимъ, какъ въ туманѣ, мелькнула передняя, съ курьерами, принимавшими пакеты, потомъ зала, черезъ которую онъ прошелъ, думая только: «Вотъ какъ схватитъ, да безъ суда, безъ всего, прямо въ Сибирь!» Сердце его забилось съ такой силою, съ какой не бьется даже у наибѣшеннѣйшаго любовника. Наконецъ, растворилась предъ нимъ дверь: предсталъ кабинетъ, съ портфелями, шкафами и книгами, и князь гнѣвный, какъ самъ гнѣвъ.

«Губитель, губитель!» сказалъ Чичиковъ. «Погубитъ онъ

мою душу» (и чуть не упалъ въ обморокъ): «зарѣжетъ, какъ волкъ агнца!»

«Я васъ пощадилъ, я позволилъ вамъ остаться въ городѣ, тогда какъ вамъ слѣдовало бы въ острогъ; а вы запятнали себя вновь безчестнѣйшимъ мошенничествомъ, какимъ когда-либо запятналъ себя человѣкъ». Губы князя дрожали отъ гнѣва.

«Какимъ же, ваше сіятельство, безчестнѣйшимъ поступкомъ и мошенничествомъ?» спросилъ Чичиковъ, дрожа всѣмъ тѣломъ.

«Женщина», произнесъ князь, подступая нѣсколько ближе и смотря прямо въ глаза Чичикову: «женщина, которая подписывала, по вашей диктовкѣ, завѣщаніе, схвачена и станетъ съ вами на очную ставку».

Чичиковъ сдѣлался блѣденъ, какъ полотно. «Ваше сіятельство! Скажу всю истину дѣла. Я виноватъ; точно, виноватъ; но не такъ виноватъ: меня обнесли враги».

«Васъ не можетъ никто обнесть, потому что въ васъ мерзостей въ нѣсколько разъ больше того, что̀ можетъ [выдумать] послѣдній лжецъ. Вы во всю свою жизнь, я думаю, не дѣлали небезчестнаго дѣла. Всякая копѣйка, добытая вами, добыта безчестнѣй[шимъ образомъ], есть воровство и безчестнѣйшее дѣло, за которое кнутъ и Сибирь! Нѣтъ, тепѐрь полно! Съ сей же минуты будешь отведенъ въ острогъ и тамъ, на ряду съ послѣдними мерзавцами и разбойниками, ты долженъ [ждать] разрѣшенія участи своей. И это милостиво еще, потому что хуже ихъ въ нѣсколько [разъ]: они въ армякѣ и тулупѣ, а ты...» Онъ взглянулъ на фракъ наваринскаго пламени съ дымомъ и, взявшись за шнурокъ, позвонилъ.

«Ваше сіятельство», вскрикнулъ Чичиковъ: «умилосердитесь! Вы отецъ семейства. Не меня пощадите—старуха-мать!»

«Врешь!» вскрикнулъ гнѣвно князь. «Такъ же ты меня тогда умолялъ дѣтьми и семействомъ, которыхъ у тебя никогда не было, теперь—матерью!»

«Ваше сіятельство! я мерзавецъ и послѣдній негодяй», сказалъ Чичиковъ голосомъ..... «Я дѣйствительно лгалъ, я не имѣлъ ни дѣтей, ни семейства; но, вотъ Богъ свидѣтель, я всегда хотѣлъ имѣть жену, исполнить долгъ человѣка и гражданина, чтобы дѣйствительно потомъ заслужить уваженіе гражданъ и начальства... Но что̀ за бѣдственныя стеченія обстоятельствъ! Кровью, ваше сіятельство, кровью нужно было добывать насущное существованіе. На всякомъ шагу соблазны и искушенье... враги, и губители, и похитители. Вся жизнь была — точно судно среди волнъ морскихъ. Я—человѣкъ, ваше сіятельство!»

Слезы вдругъ хлынули ручьями изъ глазъ его. Онъ повалился въ ноги князю, такъ, какъ былъ, во фракѣ наваринскаго пламени съ дымомъ, въ бархатномъ жилетѣ съ атласнымъ галстукомъ, въ чудесно сшитыхъ штанахъ и причесанныхъ волосахъ, изливавшихъ запахъ одеколона.

«Поди прочь отъ меня! Позвать, чтобы его взяли, солдатъ!» сказалъ князь взошедшимъ.

«Ваше сіятельство!» кричалъ [Чичиковъ] и обхватилъ обѣими руками сапогъ князя.

Чувство содроганія пробѣжало по всѣмъ жиламъ [князя].

«Подите прочь, говорю вамъ!» сказалъ онъ, усиливаясь вырвать свою ногу изъ объятія Чичикова.

«Ваше сіятельство! не сойду съ мѣста, покуда не получу милости!» говорилъ [Чичиковъ], не выпуская, сжимая сапогъ князя къ груди и проѣхавшись, вмѣстѣ съ ногой, по полу во фракѣ наваринскаго пламени и дыма.

«Подите, говорю вамъ!» говорилъ онъ съ тѣмъ неизъяснимымъ чувствомъ отвращенія, какого чувствуетъ человѣкъ при видѣ безобразнѣйшаго насѣкомаго, котораго нѣтъ духу раздавить ногой. Онъ встряхнулъ такъ, что Чичиковъ почувствовалъ ударъ сапога въ щеку, пріятно округленный подбородокъ и зубы; но онъ не выпустилъ сапога и еще съ бо̀льшей силой держалъ ногу въ своихъ объятіяхъ. Два дюжихъ жандарма въ силахъ оттащили его и, взявши подъ руки, повели черезъ всѣ комнаты. Онъ былъ блѣдный,

убитый, въ томъ безчувственно-страшномъ состояніи, въ какомъ бываетъ человѣкъ, видящій передъ собою черную, неотвратимую смерть, это страшилище, противное естеству нашему...

Въ самыхъ дверяхъ на лѣстницу навстрѣчу—Муразовъ. Лучъ надежды вдругъ скользнулъ. Въ одинъ мигъ, съ силой неестественной, вырвался онъ изъ рукъ обоихъ жандармовъ и бросился въ ноги изумленному старику.

«Батюшка, Павелъ Ивановичъ, что̀ съ вами?»

«Спасите! ведутъ въ острогъ, на смерть...» Жандармы схватили его и повели, не дали даже и услышать.

Промзглый, сырой чуланъ съ запахомъ сапоговъ и онучъ гарнизонныхъ солдатъ, некрашеный столъ, два скверныхъ стула, съ желѣзною рѣшеткой окно, дряхлая печь, сквозь щели которой только дымило, а тепла не давало — вотъ обиталище, гдѣ помѣщенъ былъ нашъ [Чичиковъ], уже начинавшій вкушать сладость жизни и привлекать вниманіе соотечественниковъ, въ тонкомъ новомъ фракѣ наваринскаго пламени и дыма. Не дали даже ему распорядиться взять съ собой необходимыя вещи, взять шкатулку, гдѣ были деньги (чемоданъ, заключавшій гардеробъ). Бумаги, крѣпости на мертвыя [души]—все было теперь въ въ [рукахъ] чиновниковъ! Онъ повалился на землю и плотоядный червь грусти страшной, безнадежной обвился около его сердца. Съ возрастающей быстротой стала точить она это сердце, ничѣмъ не защищенное. Еще день такой, день такой грусти, и не было бы Чичикова вовсе на свѣтѣ. Но надъ Чичиковымъ не дремствовала чья-то всеспасающая рука. Часъ спустя (послѣ этого страшнаго состоянія) двери тюрьмы растворились: взошелъ старикъ Муразовъ.

Если бы терзаемому палящей жаждой влилъ кто въ засохнувшее горло струю ключевой воды, то онъ бы не оживился такъ, какъ оживился бѣдный Чичиковъ.

«Спаситель мой!» сказалъ Чичиковъ, вдругъ схватившись съ полу, на который бросился въ разрывающей..... печали, вдругъ его руку быстро поцѣловалъ и прижалъ къ

груди. «Богъ да наградитъ васъ за то, что посѣтили несчастнаго!»

Онъ залился слезами.

Старикъ глядѣлъ на него скорбно-болѣзненнымъ взоромъ и говорилъ только: «Ахъ, Павелъ, Павелъ Ивановичъ! Павелъ Ивановичъ, что̀ вы сдѣлали?»

«Сдѣлалъ все, что̀ свойственно подлѣйшему человѣку. Но посудите, посудите, развѣ можно такъ поступать? Я—дворянинъ. Безъ суда, безъ слѣдствія, бросить въ тюрьму, отобрать все отъ меня: вещи, шкатулка... тамъ деньги, тамъ все имущество, тамъ все мое имущество, Аѳанасій Васильевичъ,—имущество, которое кровнымъ пѐтомъ пріобрѣлъ...»

И, не въ силахъ будучи удерживать порыва вновь подступившей къ сердцу грусти, онъ громко зарыдалъ голосомъ, проникнувшимъ толщу стѣнъ острога и глухо отозвавшимся въ отдаленьи, сорвалъ съ себя атласный галстукъ и, схвативши (себя) рукою около воротника, разорвалъ на себѣ фракъ наваринскаго пламени съ дымомъ.

«Павелъ Ивановичъ, все равно, и съ имуществомъ, и со всѣмъ, что̀ ни есть на свѣтѣ, вы должны проститься: вы подпали подъ неумолимый законъ, а не подъ власть какого человѣка».

«Самъ погубилъ самого себя, чувствую, что погубилъ—не умѣлъ во̀-время остановиться. Но за что̀ же такая страшная [кара], Аѳанасій Васильевичъ? Я развѣ разбойникъ? Отъ меня развѣ пострадалъ кто-нибудь? Развѣ я сдѣлалъ несчастнымъ человѣка? Трудомъ и пѐтомъ, кровавымъ пѐтомъ добывалъ копѣйку. Зачѣмъ добывалъ копѣйку?—Затѣмъ, чтобы въ довольствѣ прожить остатокъ дней, непрожитое оставить женѣ, дѣтямъ, которыхъ намѣревался пріобрѣсть для блага, для службы отечеству. Покривилъ, не спорю, покривилъ... что̀-жъ дѣлать? но вѣдь покривилъ, увидя, что прямой дорогой не возьмешь и что косой дорогой больше напрямикъ. Но вѣдь я трудился, я изощрялся. А эти мерзавцы, которые по судамъ, берутъ тысячи и не

то, чтобы съ казны,—небогатыхъ людей грабятъ, послѣднюю копѣйку сдираютъ съ того, у кого нѣтъ ничего!.. Аѳанасій Васильевичъ, я не блудничалъ, я не пьянствовалъ. [Я развѣ не выкупилъ?].... Да вѣдь сколько трудовъ, сколько желѣзнаго терпѣнья! Да я, можно сказать, выкупилъ всякую добытую копѣйку страданьями, страданьями! Пусть ихъ кто-нибудь выстрадаетъ то, что̀ я! Вѣдь что̀ вся жизнь моя?—Лютая борьба, судно среди волнъ. И лишиться вдругъ всего, что̀ выработалъ, Аѳанасій Васильевичъ, того, что̀ пріобрѣлъ такой борьбой...»

Онъ не договорилъ и зарыдалъ громко отъ нестерпимой боли сердца, и упалъ на стулъ, и оторвалъ совсѣмъ висѣвшую разорванную полу фрака, и швырнулъ ее прочь отъ себя и, запустивши обѣ руки себѣ въ волоса, объ укрѣпленіи которыхъ прежде такъ старался, безжалостно рвалъ ихъ, услаждаясь болью, которою хотѣлъ заглушить нестерпимую боль сердца.

«Ахъ, Павелъ Ивановичъ, Павелъ Ивановичъ!» говорилъ [Муразовъ], скорбно смотря на него и качая [головой]. «Я все думаю о томъ, какой бы изъ васъ былъ человѣкъ, если бы такъ же, и силою и терпѣньемъ, да подвизались бы на добрый тр[удъ] и для лучшей [цѣли]! Если бы хоть кто-нибудь изъ тѣхъ людей, которые любятъ добро, да употребили бы столько усилій для него, какъ вы для добыванья своей копѣйки!... да сумѣли бы такъ пожертвовать для добра и собственнымъ самолюбіемъ, и честолюбіемъ, не жалѣя себя, какъ вы не жалѣли для добыванья своей копѣйки!...»

«Аѳанасій Васильевичъ!» сказалъ бѣдный Чичиковъ и схватилъ его обѣими руками за руки. «О, если бы удалось мнѣ освободиться, возвратить мое имущество! клянусь вамъ, повелъ бы отнынѣ совсѣмъ другую жизнь! Спасите, благодѣтель, спасите!»

«Что̀-жъ могу я сдѣлать? Я долженъ воевать съ закономъ. Положимъ, если бы я даже и рѣшился на это; но вѣдь князь справедливъ,—онъ ни за что̀ не отступитъ».

«Благодѣтель! вы все можете сдѣлать. Не законъ меня

устрашаетъ,—я передъ закономъ найду средства,—но то, что... я брошенъ въ тюрьму, что я пропаду здѣсь, какъ собака, и что мое имущество, бумаги, шкатулка... спасите!»

Онъ обнялъ ноги старика, облилъ ихъ слезами.

«Ахъ, Павелъ Ивановичъ, Павелъ Ивановичъ!» говорилъ старикъ Муразовъ, качая [головою]: «какъ васъ ослѣпило это имущество! Изъ-за него вы и бѣдной души своей не слышите!»

«Подумаю и о душѣ, но спасите!»

«Павелъ Ивановичъ!» сказалъ старикъ Муразовъ и остановился. «Спасти васъ не въ моей власти: вы сами видите. Но приложу старанье, какое могу, чтобы облегчить вашу участь и освободить. Не знаю, удастся ли это сдѣлать, но буду стараться. Если же, паче чаянія, удастся, Павелъ Ивановичъ,—я попрошу у васъ награды за труды: бросьте всѣ эти поползновенья на эти пріобрѣтенія. Говорю вамъ по чести, что если бы я и всего лишился моего имущества,—а у меня его больше, чѣмъ у васъ,—я бы не заплакалъ. Ей, ей, [дѣло] не въ этомъ имуществѣ, которое могутъ у меня конфисковать, а въ томъ, котораго никто не можетъ украсть и отнять! Вы ужъ пожили на свѣтѣ довольно. Вы сами называете жизнь свою судномъ среди волнъ. У васъ есть уже чѣмъ прожить остатокъ дней. Поселитесь себѣ въ тихомъ уголкѣ, поближе къ церкви и простымъ, добрымъ людямъ; или, если знобитъ сильное желанье оставить по себѣ потомковъ, женитесь на небогатой, доброй дѣвушкѣ, привыкшей къ умѣренности и простому хозяйству (и, право, вы не пожалѣете потомъ). Забудьте этотъ шумный міръ и всѣ его обольстительныя прихоти; пусть и онъ васъ позабудетъ. Въ немъ нѣтъ успокоенья. Вы видите: все въ немъ врагъ, искуситель, или предатель».

Чичиковъ задумался. Что-то странное, какія-то невѣдомыя дотолѣ, незнаемыя чувства, ему самому необъяснимыя, пришли къ нему: какъ будто хотѣло въ немъ что-то пробудиться, что-то подавленное изъ-дѣтства суровымъ, мертвымъ поученьемъ, безпривѣтностью скучнаго дѣтства, пустын-

ностью родного жилища, безсемейнымъ одиночествомъ, нищетой и бѣдностью первоначальныхъ впечатлѣній, и какъ будто то, что........ суровымъ взглядомъ судьбы, взглянувшей на него скучно, сквозь какое-то мутно-занесенное зимней вьюгой окно, хотѣло вырваться на волю.

«Спасите только, Аѳанасій Васильевичъ!» вскричалъ онъ: «поведу другую жизнь, послѣдую вашему совѣту! Вотъ вамъ мое слово!»

«Смотрите же, Павелъ Ивановичъ, отъ слова не отступитесь», сказалъ Муразовъ, держа его руку.

«Отступился бы, можетъ-быть, если бы не такой страшный урокъ», сказалъ, вздохнувши, бѣдный Чичиковъ и прибавилъ: «Но урокъ тяжелъ; тяжелъ, тяжелъ урокъ, Аѳанасій Васильевичъ!»

«Хорошо, что тяжелъ. Благодарите за это Бога, помолитесь. Я пойду стараться». Сказавши это, старикъ вышелъ.

Чичиковъ уже не плакалъ, не рвалъ на себѣ фрака и волосъ: онъ успокоился.

«Нѣтъ, полно!» сказалъ онъ наконецъ: «другую, другую жизнь! Пора въ самомъ дѣлѣ сдѣлаться порядочнымъ. О, если бы мнѣ какъ-нибудь только выпутаться и уѣхать хоть съ небольшимъ капиталомъ, поселюсь вдали отъ... Если, однакожъ, получу назадъ бумаги... А купчія?...» Онъ подумалъ: «Что̀-жъ? зачѣмъ оставить это дѣло, столькимъ трудомъ пріобрѣтенное?... Больше не стану покупать, но заложить тѣ нужно. Вѣдь пріобрѣтеніе это сто̀ило трудовъ! Это я заложу, заложу съ тѣмъ, чтобы купить на деньги помѣстье. Сдѣлаюсь помѣщикомъ, потому что тутъ можно сдѣлать много хорошаго». И въ мысляхъ его пробудились тѣ чувства, которыя овладѣли имъ, когда онъ былъ [у] Гоброжогло, и милая, при грѣющемъ свѣтѣ вечернемъ, умная бесѣда хозяина о томъ, какъ плодотворно и полезно занятіе помѣстьемъ. Деревня такъ вдругъ представилась ему прекрасною, точно какъ бы онъ въ силахъ былъ почувствовать всѣ прелести деревни.

«Глупы мы, за суетой гоняемся!» сказалъ онъ наконецъ.

«Право, отъ бездѣлья! Все близко, все подъ рукой, а мы бѣжимъ за тридевять. Чѣмъ не жизнь, если займешься хоть бы и въ глуши? Вѣдь удовольствіе, дѣйствительно, въ трудѣ. Горбожогло правъ. И ничего нѣтъ слаще, (точно,) какъ плодъ собственныхъ трудовъ... Нѣтъ, займусь трудомъ, поселюсь въ деревнѣ, и займусь честно, такъ, чтобы имѣть доброе вліяніе и на другихъ. Что̀-жъ, въ самомъ дѣлѣ, будто я уже совсѣмъ негодный? У меня есть способности къ хозяйству; я имѣю качества и бережливости, и расторопности, и благоразумія, даже постоянства. Сто̀итъ только рѣшиться. Теперь только истинно и ясно чувствую, что есть какой-то долгъ, который нужно исполнять человѣку на землѣ, не отрываясь отъ того мѣста и угла, на которомъ онъ поставленъ».

И трудолюбивая жизнь, удаленная отъ шума городовъ и всѣхъ соблазновъ, которые отъ праздности выдумалъ, позабывши трудъ, человѣкъ, такъ сильно стала передъ нимъ рисоваться, что онъ уже почти позабылъ весь ужасъ своего положенія и, можетъ-быть, готовъ былъ даже возблагодарить Провидѣніе за этотъ тяжелый......., если только выпустятъ его и отдадутъ хотя часть. Но... одностворчатая дверь его нечистаго чулана растворилась, вошла чиновная особа—Самосвитовъ, эпикуреецъ, отличный товарищъ, кутила и продувная бестія, какъ выражались о немъ сами товарищи. Въ военное время человѣкъ этотъ надѣлалъ бы чудесъ: его бы послать куда-нибудь пробраться сквозь непроходимыя, опасныя мѣста, украсть передъ носомъ у самого непріятеля пушку,—это его бы дѣло. Но, за неимѣніемъ военнаго поприща, подвизался на штатскомъ и, намѣсто подвиговъ, за которые былъ [бы] не даромъ украшенъ, онъ пакостилъ и гадилъ. Непостижимое дѣло! съ товарищами онъ былъ хорошъ, никого не продавалъ никому и, давши слово, держалъ; но высшее надъ собою начальство онъ считалъ чѣмъ-то въ родѣ непріятельской батареи, сквозь которую нужно пробиваться, пользуясь всякимъ слабымъ мѣстомъ, проломомъ или упущеніемъ...

«Знаемъ все объ вашемъ положеніи, все услышали!» сказалъ онъ, когда увидѣлъ, что дверь за нимъ плотно затворилась. «Ничего, ничего! Не робѣйте: все будетъ поправлено. Всѣ будемъ работать за васъ и—ваши слуги! Тридцать тысячъ на всѣхъ—и ничего больше».

«Будто?» вскрикнулъ Чичиковъ: «и я буду совершенно оправданъ?»

«Кругомъ! еще и вознагражденіе получите за убытки».

«И за трудъ?...»

«Тридцать тысячъ. Тутъ уже все вмѣстѣ—и нашимъ, и генералъ-губернаторскимъ, и секретарю».

«Но позвольте, какъ же я могу? Мои всѣ вещи... шкатулка... все это теперь запечатано, подъ присмотромъ...»

«Черезъ часъ получите все. По рукамъ, что-ли?»

Чичиковъ далъ руку. Сердце его билось, и онъ не довѣрялъ, чтобы это было возможно...

«Пока прощайте! Поручилъ вамъ [сказать] нашъ общій пріятель, что главное дѣло—спокойствіе и присутствіе духа».

«Гм!» подумалъ Чичиковъ: «понимаю—юрисконсультъ!»

Самосвитовъ скрылся. Чичиковъ, оставшись, все еще не довѣрялъ словамъ, какъ не прошло часа послѣ этого разговора, какъ была принесена шкатулка: бумаги, деньги—все въ наилучшемъ порядкѣ. Самосвитовъ явился въ качествѣ распорядителя: выбранилъ поставленныхъ часовыхъ за то, что небдительны, смотрителю приказалъ приставить еще лишнихъ солдатъ для усиленія присмотра, взялъ не только шкатулку, но отобралъ даже всѣ такія бумаги, которыя могли бы чѣмъ-нибудь компрометировать Чичикова; связалъ все это вмѣстѣ, запечаталъ и повелѣлъ самому солдату отнести немедленно къ самому Чичикову, въ видѣ необходимыхъ ночныхъ и спальныхъ вещей, такъ что Чичиковъ, вмѣстѣ съ бумагами, получилъ даже и все теплое, что̀ нужно было для покрытія бреннаго его тѣла. Это скорое доставленіе обрадовало его несказанно. Онъ возымѣлъ сильную надежду, и уже начали ему вновь грезиться кое-какія вещи: вечеромъ театръ, плясунья, за которою онъ волочился. Де-

ревня и мирная жизнь стали казаться блѣднѣй, городъ и шумъ — опять ярче, яснѣй... О, жизнь!

А между тѣмъ завязалось дѣло размѣра безпредѣльнаго въ судахъ и палатахъ. Работали перья писцовъ, и, понюхивая табакъ, трудились казусныя головы, съ чувствомъ художника любуясь собственной крючковатой строкой. Юрисконсультъ, какъ скрытый магъ, незримо ворочалъ всѣмъ механизмомъ; всѣхъ опуталъ рѣшительно, прежде чѣмъ кто успѣлъ осмотрѣться. Путаница увеличилась. Самосвитовъ превзошелъ самого себя отважностью распоряженій и дерзостью неслыханною. Узнавши, гдѣ караулилась схваченная женщина, онъ явился прямо и вошелъ такимъ молодцомъ и начальникомъ, что часовой сдѣлалъ ему честь и вытянулся въ струнку. «Давно ты здѣсь стоишь?» — «Съ утра, ваше благородіе!» — «Долго до смѣны?» — «Три часа, ваше благородіе!» — «Ты мнѣ будешь нуженъ. Я скажу офицеру, чтобы намѣсто тебя отрядилъ другого».— «Слушаю, ваше благородіе!» И, уѣхавъ домой, ни минуты не медля, самъ нарядился жандармомъ, явился въ домѣ, гдѣ былъ Чичиковъ, схватилъ первую бабу, какая попалась, и сдалъ ее двумъ чиновнымъ молодцамъ, докамъ тоже, а самъ прямо явился, въ усахъ и съ ружьемъ, какъ слѣдуетъ, къ часовымъ: «Ступай къ мо....., меня прислалъ командиръ выстоять, намѣсто тебя, смѣну.» Обмѣнился съ часовымъ ружьемъ. Только этого было и нужно. Въ это время, намѣсто прежней бабы очутилась другая, ничего не знавшая и не понимавшая. Прежнюю запрятали куда-то такъ, что и потомъ не узнали, куда она дѣлась. Въ то время, когда Самосвитовъ подвизался въ лицѣ воина, юрисконсультъ произвелъ чудеса на гражданскомъ поприщѣ: губернатору далъ знать стороною, что прокуроръ на него пишетъ доносъ; жандармскому чиновнику далъ знать, [что] секретно проживающій чиновникъ пишетъ на него доносы; секретно проживавшаго чиновника увѣрилъ, что есть еще секретнѣйшій чиновникъ, который на него доноситъ, — и всѣхъ привелъ въ такое положеніе, что къ нему должны

были обратиться за совѣтами. Произошла такая безтолковщина: доносъ сѣлъ верхомъ на доносѣ, и пошли открываться такія дѣла, которыхъ и солнце не видывало, и даже такія, которыхъ и не было. Все пошло въ работу и въ дѣло: и кто незаконнорожденный сынъ, и какого рода и званія, и у кого любовница, и чья жена за кѣмъ волочится. Скандалы, соблазны и все такъ замѣшалось и сплелось вмѣстѣ съ исторіей Чичикова, съ мертвыми душами, что никоимъ образомъ нельзя было понять, которое изъ этихъ дѣлъ было главнѣйшая чепуха: оба казались равнаго достоинства. Когда стали, наконецъ, поступать бумаги къ генералъ-губернатору, бѣдный князь ничего не могъ понять. Весьма умный и расторопный чиновникъ, которому поручено было сдѣлать экстрактъ, чуть не сошелъ съ ума: никакимъ образомъ нельзя было поймать нити дѣла. Князь былъ въ это время озабоченъ множествомъ другихъ дѣлъ, одно другого непріятнѣйшихъ. Въ одной части губерніи оказался голодъ. Чиновники, посланные раздать хлѣбъ, какъ-то не такъ распорядились, какъ слѣдовало. Въ другой части губерніи расшевелились раскольники. Кто-то пропустилъ между ними, что народился антихристъ, который и мертвымъ не даетъ покоя, скупая какія-то мертвыя души. Каялись и грѣшили, и, подъ видомъ изловить антихриста, укокошили неантихристовъ. Въ другомъ мѣстѣ мужики взбунтовались противъ помѣщиковъ и капитанъ-исправниковъ. Какіе-то бродяги пропустили между ними слухи, что наступаетъ такое время, что мужики должны [быть] помѣщики и нарядиться во фраки, а помѣщики нарядятся въ армяки и будутъ мужики, — и цѣлая волость, не размысля того, что слишкомъ много выйдетъ тогда помѣщиковъ и капитанъ-исправниковъ, отказалась платить подать. Нужно было прибѣгнуть къ насильственнымъ мѣрамъ. Бѣдный князь былъ въ самомъ разстроенномъ состояніи духа. Въ это время доложили ему, что пришелъ откупщикъ. «Пусть войдетъ», сказалъ князь. Старикъ взошелъ...

«Вотъ вамъ Чичиковъ! Вы стояли за него и защищали.

Теперь онъ попался въ такомъ дѣлѣ, на какое послѣдній воръ не рѣшится».

«Позвольте вамъ доложить, ваше сіятельство, что я не очень понимаю это дѣло, (въ которомъ онъ попался)».

«Подлогъ завѣщанія, и еще какой!... Публичное наказаніе плетьми за этакое дѣло!»

«Ваше сіятельство, скажу не съ тѣмъ, чтобы защищать Чичикова,—но вѣдь это—дѣло не доказанное: слѣдствіе еще не сдѣлано».

«Улика: женщина, которая была наряжена на мѣсто умершей, схвачена. Я ее хочу разспросить нарочно при васъ». Князь позвонилъ и далъ приказъ позвать ту женщину,—(«которая взята»—сказалъ онъ вошедшему).

Муразовъ замолчалъ.

«Безчестнѣйшее дѣло! И, къ стыду, замѣшались первые чиновники города, самъ губернаторъ. Онъ не долженъ быть тамъ, гдѣ воры и бездѣльники!» сказалъ князь съ жаромъ.

«Вѣдь губернаторъ — наслѣдникъ; онъ имѣетъ право на притязанія; а что другіе-то со всѣхъ сторонъ прицѣпились, такъ это-съ, ваше сіятельство, человѣческое дѣло. Умерла-съ богатая, распоряженія умнаго и справедливаго не сдѣлала; слетѣлись со всѣхъ сторонъ охотники поживиться—человѣческое дѣло...»

«Но вѣдь мерзости зачѣмъ же дѣлать?.. Подлецы!» сказалъ князь съ чувствомъ негодованія. «Ни одного чиновника нѣтъ у меня хорошаго: всѣ—мерзавцы!»

«Ваше сіятельство! да кто-жъ изъ насъ, какъ слѣдуетъ, хорошъ? Всѣ чиновники нашего города — люди, имѣютъ (свои) достоинства и многіе очень знающіе въ дѣлѣ, а отъ грѣха всякъ близокъ».

«Послушайте, Аѳанасій Васильевичъ: скажите мнѣ, — я васъ одного знаю за честнаго человѣка, — что̀ у васъ за страсть защищать всякаго рода мерзавцевъ?»

«Ваше сіятельство», сказалъ Муразовъ: «кто бы ни былъ человѣкъ, котораго вы называете мерзавцемъ, но

вѣдь онъ человѣкъ. Какъ же не защищать человѣка, если онъ половину золъ дѣлаетъ отъ грубости и невѣдѣнья? Вѣдь мы дѣлаемъ несправедливости на всякомъ шагу даже и не съ дурнымъ намѣреніемъ. Вѣдь, ваше сіятельство, сдѣлали также большую несправедливость».

«Какъ!» воскликнулъ въ изумленіи князь, совершенно пораженный такимъ нежданнымъ оборотомъ рѣчи.

Муразовъ остановился, помолчалъ, какъ бы соображая что-то, и, наконецъ, сказалъ: «Да вотъ хоть бы по дѣлу Дѣрпѣнникова».

«Какъ, развѣ я несправедливъ? преступленіе противъ коренныхъ государственныхъ законовъ, равное измѣнѣ землѣ своей!...»

«Я не оправдываю его. Но справедливо ли то, если юношу, который, по неопытности своей, былъ обольщенъ и сманенъ другими, осудить такъ, какъ и того, который былъ одинъ изъ зачинщиковъ? Вѣдь участь постигла ровная и Дѣрпѣнникова, и какого-нибудь Вороного-Дрянного; а вѣдь преступленія ихъ не равны».

«Ради Бога...» сказалъ князь съ замѣтнымъ волненіемъ: «вы что-нибудь знаете объ этомъ? скажите. Я именно недавно послалъ еще прямо въ Петербургъ объ смягченіи его участи».

«Нѣтъ, ваше сіятельство, я не насчетъ того говорю, чтобы я зналъ что-нибудь такое, чего вы не знаете. Хотя, точно, есть одно такое обстоятельство, которое бы послужило въ его пользу, да онъ самъ не согласится, потому что чрезъ это пострадалъ бы другой. А я думаю только то, что не изволили-ль вы тогда слишкомъ поспѣшить. Извините, мнѣ кажется по моему слабому разуму, слѣдовало бы тоже принять во вниманіе и прежнюю жизнь человѣка, потому что, если не разсмотришь все хладнокровно, а накричишь съ перваго раза, — запугаешь только его, да и признанья настоящаго не добьешься; а какъ съ участіемъ его разспросишь, какъ братъ брата — самъ все выскажетъ и даже не проситъ о смягченіи, и

ожесточенья ни противъ кого нѣтъ, потому что ясно видитъ, что не я его наказываю: я законъ».

Князь задумался. Въ это время вошелъ чиновникъ и почтительно остановился съ портфелемъ. Забота, трудъ выражались на его молодомъ и еще свѣжемъ лицѣ. Видно было, что онъ не даромъ служилъ по особымъ порученіямъ. Это былъ одинъ изъ числа тѣхъ немногихъ, который занимался дѣлопроизводствомъ con amore. Не сгорая ни честолюбіемъ, ни желаніемъ прибытковъ, ни подражаніемъ другимъ, онъ занимался только потому, что былъ убѣжденъ, что ему нужно быть здѣсь, а не на другомъ мѣстѣ, что для этого дана ему жизнь. Слѣдить, разобрать по частямъ и, поймавши всѣ нити запутаннѣйшаго дѣла, разъяснить его—это было его дѣло. И труды, и старанія, и безсонныя ночи вознаграждались ему изобильно, если дѣло, наконецъ, начинало предъ нимъ объясняться, сокровенныя причины обнаруживаться, и онъ чувствовалъ, что можетъ передать его все въ немногихъ словахъ, отчетливо и ясно, такъ что всякому будетъ очевидно и понятно. Можно сказать, что не столько радовался ученикъ, когда предъ нимъ раскрывалась какая-нибудь труднѣйшая фраза и обнаруживается настоящій смыслъ мысли великаго писателя, какъ радовался онъ, когда предъ нимъ распутывалось запутаннѣйшее дѣло. Зато... *)

«...хлѣбомъ въ мѣстахъ, гдѣ голодъ; я эту часть получше знаю чиновниковъ: разсмотрю самолично, что̀ кому нужно. Да, если позволите, ваше сіятельство, я поговорю и съ раскольниками. Они-то съ нашимъ братомъ, съ простымъ человѣкомъ, охотнѣе разговорятся, такъ, Богъ вѣсть, можетъ-быть, помогу уладить[ся] съ ними миролюбно. А денегъ-то отъ васъ я не возьму, потому что, ей Богу, стыдно въ такое время думать о своей прибыли, когда умираютъ съ голода. У меня есть въ запасѣ готовый хлѣбъ; я и теперь

*) На этомъ словѣ обрывается 132 страница рукописи; затѣмъ значительный пропускъ. *Ред.*

еще послалъ въ Сибирь, и къ будущему лѣту вновь подвезутъ».

«Васъ можетъ только наградить одинъ Богъ за такую службу, Аѳанасій Васильевичъ. А я вамъ не скажу ни одного слова, потому что,—вы сами можете чувствовать,—всякое слово тутъ безсильно. Но позвольте мнѣ одно сказать насчетъ той просьбы. Скажите сами: имѣю ли я право оставить это дѣло безъ вниманія, и справедливо ли, честно ли съ моей стороны будетъ простить мерзавцевъ».

«Ваше сіятельство, ей Богу, этакъ нельзя называть, тѣмъ болѣе, что изъ [нихъ] есть многіе весьма достойные. Затруднительны положенія человѣка, ваше сіятельство, очень, очень затруднительны. Бываетъ такъ, что кажется кругомъ виноватъ человѣкъ; а какъ войдешь—даже и не онъ».

«Но что̀ скажутъ они сами, если оставлю? Вѣдь есть изъ нихъ, которые послѣ этого еще больше подымутъ носъ и будутъ даже говорить, что они напугали. Они первые будутъ не уважать...»

«Ваше сіятельство, позвольте мнѣ вамъ дать свое мнѣніе: соберите ихъ всѣхъ, дайте имъ знать, что вамъ все извѣстно, и представьте имъ ваше собственное положеніе точно такимъ самымъ образомъ, какъ вы его изволили изобразить сейчасъ передо мной, и спросите у нихъ совѣта: что̀ [бы] изъ нихъ каждый сдѣлалъ на вашемъ положеніи?»

«Да, вы думаете, имъ будутъ доступны движенія благороднѣйшія, чѣмъ каверзничать и наживаться? Повѣрьте, они надо мной посмѣются».

«Не думаю-съ, ваше сіятельство. У [русскаго] человѣка, даже и у того, кто похуже другихъ, все-таки чувство справедливо. Развѣ жидъ какой-нибудь, а не русскій. Нѣтъ, ваше сіятельство, вамъ нечего скрываться. Скажите такъ точно, какъ изволили передо мной. Вѣдь они васъ поносятъ, какъ человѣка честолюбиваго, гордаго, который и слышать ничего не хочетъ, увѣренъ въ себѣ,—такъ пусть же увидятъ все, какъ оно есть. Что̀-жъ вамъ (ихъ бояться)? Вѣдь ваше дѣло правое. Скажите имъ такъ, какъ бы вы

не предъ ними, а предъ Самимъ Богомъ принесли свою исповѣдь».

«Аѳанасій Васильевичъ», сказалъ князь въ-раздумьи: «я объ этомъ подумаю, а покуда благодарю васъ очень за совѣтъ».

«А Чичикова, ваше сіятельство, прикажите отпустить».

«Скажите этому Чичикову, чтобы онъ убирался отсюда какъ можно поскорѣй, и чѣмъ дальше, тѣмъ лучше. Его-то уже я бы никогда не простилъ».

Муразовъ поклонился и прямо отъ князя отправился къ Чичикову. Онъ нашелъ Чичикова уже въ духѣ, весьма покойно занимавшагося довольно порядочнымъ обѣдомъ, который былъ ему принесенъ въ фаянсовыхъ судкахъ изъ какой-то весьма порядочной кухни. По первымъ фразамъ разговора старикъ замѣтилъ тотчасъ, что Чичиковъ уже успѣлъ переговорить кое съ кѣмъ изъ чиновниковъ-казусниковъ. Онъ даже понялъ, что сюда вмѣшалось невидимое участіе знатока-юрисконсульта.

«Послушайте-съ, Павелъ Ивановичъ», сказалъ онъ: «я привезъ вамъ свободу на такомъ условіи, чтобы сейчасъ васъ не было въ городѣ. Собирайте всѣ пожитки свои—да и съ Богомъ, не откладывая ни минуты, потому что дѣло еще хуже. Я знаю-съ, васъ тутъ одинъ человѣкъ настраиваетъ; такъ объявляю вамъ по секрету, что такое еще дѣло одно открывается, что ужъ никакія силы не спасутъ этого. Онъ, конечно, радъ другихъ топить, чтобы не скучно, да дѣло къ раздѣлкѣ. Я васъ оставилъ въ расположеніи хорошемъ,—лучшемъ, нежели въ какомъ теперь. Совѣтую вамъ-съ не въ шутку. Ей, ей, дѣло не въ этомъ имуществѣ, изъ-за котораго спорятъ люди, и рѣжутъ другъ друга люди, точно, какъ можно завести благоустройство въ здѣшней жизни, не помысливши о другой жизни. Повѣрьте-съ, Павелъ Ивановичъ, что покамѣстъ, бросяя все, изъ-за чего грызутъ и ѣдятъ другъ друга на землѣ, не подумаютъ о благоустройствѣ душевнаго имущества, — не установится благоустройство и земного имущества. Наступятъ времена голода и

бѣдности, какъ во всемъ народѣ, такъ и порознь во всякомъ... Это-съ ясно. Что̀ ни говорите, вѣдь отъ души зависитъ тѣло. Какъ же хотѣть, чтобы [шло] какъ слѣдуетъ. Подумайте не о мертвыхъ душахъ, а [о] своей живой душѣ, да и съ Богомъ на другую дорогу! Я тожъ выѣзжаю завтрашній день. Поторопитесь! не то—безъ меня бѣда будетъ».

Сказавши это, старикъ вышелъ. Чичиковъ задумался. Значеніе жизни опять показалось немаловажнымъ. «Муразовъ правъ», сказалъ онъ: «пора на другую дорогу!» Сказавши это, онъ вышелъ изъ тюрьмы. Часовой потащилъ за нимъ шкатулку....... Селифанъ и Петрушка обрадовались, какъ Богъ знаетъ чему, освобожденію барина. «Ну, любезные», сказалъ Чичиковъ, обратившись [къ нимъ] милостиво: «нужно укладываться, да ѣхать».

«Покатимъ, Павелъ Ивановичъ», сказалъ Селифанъ. «Дорога, должно-быть, установилась: снѣгу выпало довольно. Пора ужъ, право, выбраться изъ города. Надоѣлъ онъ такъ, что и глядѣть на него не хотѣлъ бы».

«Ступай къ каретнику, чтобы поставилъ коляску на полозки», сказалъ Чичиковъ, а самъ пошелъ въ городъ, но ни [къ] кому не хотѣлъ заходить отдавать прощальныхъ визитовъ. Послѣ всего этого событія было и неловко,—тѣмъ болѣе, что о немъ множество ходило въ городѣ самыхъ неблагопристойныхъ исторій. Онъ избѣгалъ (даже) всякихъ встрѣчъ и зашелъ потихоньку только къ тому купцу, у котораго купилъ сукна наваринскаго пламени съ дымомъ, взялъ вновь четыре аршина на фракъ и на штаны и отправился самъ къ тому же портному. За двойную [цѣну] мастеръ рѣшился усилить рвеніе и засадилъ всю ночь работать при свѣчахъ портное народонаселеніе иглами, утюгами и зубами, и фракъ на другой день былъ готовъ, хотя и немножко поздно. Лошади всѣ были запряжены. Чичиковъ, однакожъ, фракъ примѣрилъ. Онъ былъ хорошъ, точь-въ-точь какъ прежній. Но, увы! онъ замѣтилъ, что въ головѣ уже бѣлѣло что-то гладкое, и примолвилъ грустно:

«И зачѣмъ было предаваться такъ сильно сокрушенію? А рвать волосъ не слѣдовало бы и подавно». Расплатившись съ портнымъ, онъ выѣхалъ наконецъ изъ города въ какомъ-то странномъ положеніи. Это былъ не прежній Чичиковъ; это была какая-то развалина прежняго Чичикова. Можно было сравнить его внутреннее состояніе души съ разобраннымъ строеніемъ, которое разобрано съ тѣмъ, чтобы строить изъ него же новое; а новое еще не начиналось, потому что не пришелъ отъ архитектора опредѣлительный планъ, и работники остались въ недоумѣніи. Часомъ прежде его отправился старикъ Муразовъ, въ рогоженной кибиткѣ, вмѣстѣ съ Потапычемъ, а часомъ послѣ отъѣзда Чичикова пошло приказаніе, что князь, по случаю отъѣзда въ Петербургъ, желаетъ видѣть всѣхъ чиновниковъ до едина.

Въ большомъ залѣ генералъ-губернаторскаго дома собралось все чиновное сословіе города, начиная отъ губернатора до (секретаря) титулярнаго совѣтника: правители канцелярій и дѣлъ, совѣтники, асессоры, Кислоѣдовъ, Красноносовъ, Самосвитовъ, не бравшіе, бравшіе, кривившіе душой, полукривившіе и вовсе не кривившіе,—все ожидало съ любопытствомъ, не совсѣмъ спокойнымъ, выхода. Князь вышелъ ни мрачный, ни ясный: спокойной твердостью былъ вооруженъ его шагъ и взоръ. Все чиновное собраніе поклонилось, многіе—въ поясъ. Отвѣтивъ легкимъ поклономъ, князь началъ:

«Уѣзжая въ Петербургъ, я почелъ приличнымъ повидаться съ вами со всѣми и даже объяснить вамъ отчасти причину. У насъ завязалось дѣло очень соблазнительное. Я полагаю, что многіе изъ предстоящихъ знаютъ, о какомъ дѣлѣ я говорю. Дѣло это повело за собою открытіе и другихъ, не менѣе безчестныхъ дѣлъ, въ которыхъ замѣшались даже, наконецъ, и такіе люди, которыхъ я доселѣ почиталъ честными. Извѣстна мнѣ даже и сокровенная цѣль спутать такимъ образомъ все, чтобы оказалась полная невозможность рѣшить формальнымъ порядкомъ. Знаю даже, и кто главная пружина, и чьимъ сокровеннымъ......, хотя

онъ и очень искусно скрылъ свое участіе. Но дѣло въ томъ, что я намѣренъ это слѣдить не формальнымъ слѣдованіемъ по бумагамъ, а военнымъ быстрымъ судомъ, какъ въ военное [время], и надѣюсь, что государь мнѣ дастъ это право, когда я изложу все это дѣло. Въ такомъ случаѣ, когда нѣтъ возможности произвести дѣло гражданскимъ образомъ, когда горятъ шкафы съ [бумагами] и наконецъ излишествомъ лживыхъ постороннихъ показаній и ложными доносами стараются затемнить и безъ того довольно темное дѣло,—я полагаю военный судъ единственнымъ средствомъ и желаю знать мнѣніе ваше».

Князь остановился, какъ [бы] ожидая отвѣта. Все стояло, потупивъ глаза въ землю. Многіе были блѣдны.

«Извѣстно мнѣ также еще одно дѣло, хотя производившіе его въ полной увѣренности, что оно никому не можетъ быть извѣстно. Производство его уже пойдетъ не по бумагамъ, потому что истцомъ и челобитчикомъ я буду уже самъ и представлю очевидныя доказательства».

Кто-то вздрогнулъ среди чиновнаго собранія; нѣкоторые изъ боязливѣйшихъ тоже смутились.

«Само по себѣ, что главнымъ зачинщикамъ должно послѣдовать лишеніе чиновъ и имущества, прочимъ отрѣшеніе отъ мѣстъ. Само собою разумѣется, что въ числѣ ихъ пострадаетъ и множество невинныхъ. Что̀-жъ дѣлать? дѣло слишкомъ безчестное и вопіетъ о правосудіи. Хотя я знаю, что это будетъ даже и не въ урокъ другимъ, потому что на мѣсто выгнанныхъ явятся другіе, и тѣ самые, которые дотолѣ были честны, сдѣлаются безчестными, и тѣ самые, которые удостоены будутъ довѣренности, обманутъ и продадутъ,— несмотря на все это, я долженъ поступить жестоко, потому что вопіетъ правосудіе. Итакъ, вы всѣ должны на меня глядѣть, [какъ] на безчувственное орудіе правосудія».

Содроганіе невольно пробѣжало по всѣмъ лицамъ.

Князь былъ спокоенъ. Ни гнѣва, ни возмущенья душевнаго не выражало его лицо.

«Теперь тотъ самый, у котораго въ рукахъ участь мно-

гихъ и котораго никакія просьбы не въ силахъ были умолить, тотъ самый бросается теперь къ ногамъ вашимъ, васъ всѣхъ проситъ. Все будетъ позабыто, изглажено, прощено; я буду самъ ходатаемъ за всѣхъ, если исполните мою просьбу. Вотъ моя просьба. Знаю, что никакими средствами, никакими страхами, никакими наказаніями нельзя искоренить неправды: она слишкомъ уже глубоко вкоренилась. Безчестное дѣло брать взятки сдѣлалось необходимостью и потребностью даже и для такихъ людей, которые и не рождены быть безчестными. Знаю, что уже почти невозможно многимъ итти противъ всеобщаго теченія. Но я теперь долженъ, какъ въ рѣшительную и священную минуту, когда приходится спасать свое отечество, когда всякій гражданинъ несетъ все и жертвуетъ всѣмъ,—я долженъ сдѣлать кличъ, хотя къ тѣмъ, у которыхъ еще есть въ груди русское сердце и понятно сколько-нибудь слово *благородство.* Что̀ тутъ говорить о томъ, кто болѣе изъ насъ виноватъ! Я, можетъ-быть, больше всѣхъ виноватъ; я, можетъ-быть, слишкомъ сурово васъ принялъ вначалѣ; можетъ-быть, излишней подозрительностью я оттолкнулъ изъ васъ тѣхъ, которые искренно хотѣли мнѣ быть полезными, хотя и я съ своей стороны могъ бы также сдѣлать......*) Если они уже дѣйствительно любили справедливость и добро своей земли, не слѣдовало бы имъ оскорбиться и надменностью моего обращенія, слѣдовало бы имъ подавить въ себѣ собственное честолюбіе и пожертвовать своей личностью. Не можетъ быть, чтобы я не замѣтилъ ихъ самоотверженія и высокой любви къ добру и не принялъ бы наконецъ отъ нихъ полезныхъ и умныхъ совѣтовъ. Все-таки скорѣй подчиненному слѣдуетъ примѣняться къ нраву начальника, чѣмъ начальнику къ нраву подчиненнаго. Это законнѣй по крайней мѣрѣ и легче, потому что у подчиненныхъ одинъ начальникъ, а у начальника сотня подчиненныхъ. Но оставимъ теперь въ сторонѣ, кто кого больше виноватъ. Дѣло въ томъ, что пришло намъ спасать нашу

*) Фраза не дописана. *Ред.*

землю; что гибнетъ уже земля наша не отъ нашествія двадцати иноплеменныхъ языковъ, а отъ насъ самихъ; что уже, мимо законнаго управленія, образовалось другое правленье, гораздо сильнѣйшее всякаго законнаго. Установились свои условія, все оцѣнено, и цѣны даже приведены во всеобщую извѣстность. И никакой правитель, хотя бы онъ былъ мудрѣе всѣхъ законодателей и правителей, не въ силахъ поправить зла, какъ [ни] ограничивай онъ въ дѣйствіяхъ дурныхъ чиновниковъ приставленіемъ въ надзиратели другихъ чиновниковъ. Все будетъ безуспѣшно, покуда не почувствовалъ изъ насъ всякъ, что онъ такъ же, какъ въ эпоху (всеобщаго) возстанія народовъ вооружался противъ......, такъ долженъ возстать противъ неправды. Какъ русскій, какъ связанный съ вами единокровнымъ родствомъ, одной и тою же кровью, я теперь обращаюсь [къ] вамъ. Я обращаюсь къ тѣмъ изъ васъ, кто имѣетъ понятіе какое-нибудь о томъ, что̀ такое благородство мыслей. Я приглашаю вспомнить долгъ, который на всякомъ мѣстѣ предстоитъ человѣку. Я приглашаю разсмотрѣть ближе свой долгъ и обязанность земной своей должности, потому что это уже намъ всѣмъ темно представляется, и мы едва...»

ПОХОЖДЕНІЯ ЧИЧИКОВА

или

МЕРТВЫЯ ДУШИ.

ПОЭМА.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

(ВЪ ИСПРАВЛЕННОЙ РЕДАКЦІИ).

ГЛАВА I.

Зачѣмъ же изображать бѣдность, да бѣдность, да несовершенство нашей жизни, выкапывая людей изъ глуши, изъ отдаленныхъ закоулковъ государства? Что̀-жъ дѣлать, если уже таковы свойства сочинителя и, заболѣвъ собственнымъ несовершенствомъ, уже и не можетъ изображать онъ ничего другого, какъ только бѣдность, да бѣдность, да несовершенство нашей жизни, выкапывая людей изъ глуши, изъ отдаленныхъ закоулковъ государства? И вотъ опять попали мы въ глушь, опять наткнулись на закоулокъ. Зато какая глушь и какой закоулокъ!

Какъ бы исполинскій валъ какой-то безконечной крѣпости, съ наугольниками и бойницами, шли, извиваясь, на тысячу слишкомъ верстъ горныя возвышенія. Великолѣпно возносились они надъ безконечными пространствами равнинъ, то отломами, известковато-глинистаго свойства, въ видѣ отвѣсныхъ стѣнъ, исчерченныхъ проточинами и рытвинами, то миловидно кругливщеюся зеленою выпуклостью, покрытой, какъ мерлушками, молодымъ кустарникомъ, подымавшимся отъ срубленныхъ деревъ, то, наконецъ, темными гущами лѣса, какимъ-то чудомъ еще уцѣлѣвшими отъ топора. Рѣка то, вѣрная своимъ берегамъ, давала вмѣстѣ съ ними колѣна и повороты, то отлучалась прочь въ луга, затѣмъ, чтобы, извившись тамъ въ нѣсколько извивовъ, блеснуть, какъ огонь, передъ солнцемъ, скрыться въ рощи березъ, осинъ и ольхъ и выбѣжать оттуда въ торжествѣ, въ сопровожденіи мостовъ, мельницъ и плотинъ, какъ бы гонявшихся за нею на всякомъ поворотѣ.

Въ одномъ мѣстѣ крутой бокъ возвышеній убирался гуще въ зеленыя кудри деревъ. Искусственнымъ насажденьемъ, благодаря неровности гористаго оврага, сѣверъ и югъ растительнаго царства собрались сюда вмѣстѣ. Дубъ, ель, лѣсная груша, кленъ, вишнякъ и терновникъ, чилига и рябина, опутанная хмелемъ, то помогая другъ [другу] въ ростѣ, то заглушая другъ друга, карабкались по всей горѣ, отъ низу до верху. Вверху же, у самаго ея темени, примѣшивались къ ихъ зеленымъ верхушкамъ красныя крышки господскихъ строеній, коньки и гребни сзади скрывшихся избъ, верхняя надстройка господскаго дома съ рѣзнымъ балкономъ и большимъ полукруглымъ окномъ. И надъ всѣмъ этимъ собраньемъ деревъ и крышъ возносилась свыше всего своими пятью позлащенными, играющими верхушками старинная деревенская церковь. На всѣхъ ея главахъ стояли золотые прорѣзные кресты, утвержденные золотыми прорѣзными же цѣпями, такъ что издали, казалось, висѣло на воздухѣ ничѣмъ неподдержанное, сверкавшее горячими червонцами золото. И все это, въ опрокинутомъ видѣ, верхушками, крышками, крестами внизъ, миловидно отражалось въ рѣкѣ, гдѣ безобразно-дуплистыя ивы, однѣ стоя у береговъ, другія совсѣмъ въ водѣ, опустивши туда и вѣтви и листья, опутанныя склизкой бодягой, плававшей по водѣ вмѣстѣ съ желтыми кувшинчиками, точно какъ [бы] разсматривали это чудное изображеніе.

Видъ былъ очень хорошъ, но видъ сверху внизъ, съ надстройки дома на отдаленья, былъ еще лучше. Равнодушно не могъ выстоять на балконѣ никакой гость и посѣтитель. Отъ изумленья у него захватывало въ груди духъ, и онъ только вскрикивалъ: «Господи, какъ здѣсь просторно!» Безъ конца, безъ предѣловъ открывались пространства: за лугами, усѣянными рощами и водяными мельницами, въ нѣсколько зеленыхъ поясовъ, зеленѣли лѣса; за лѣсами, сквозь воздухъ, уже начинавшій становиться мглистымъ, желтѣли пески, и вновь лѣса, уже синѣвшіе, какъ моря или туманъ, далеко разливавшійся; и вновь пески, еще блѣднѣй, но все жел-

тѣвшіе. На отдаленномъ небосклонѣ лежали гребнемъ мѣловыя горы, блиставшія бѣлизною даже и въ ненастное время, какъ бы освѣщало ихъ вѣчное солнце. По ослѣпительной бѣлизнѣ ихъ, у подошвъ, мѣстами гипсовыхъ, мелькали какъ бы дымившіяся туманносизыя пятна. Это были отдаленныя деревни; но ихъ уже не могъ разсмотрѣть человѣческій глазъ. Только вспыхивавшая при солнечномъ освѣщеніи искра золотой церковной маковки давала знать, что это было людное большое селеніе. Все это облечено было въ тишину невозмущаемую, которую не пробуждали даже чуть долетавшіе до слуха отголоски воздушныхъ пѣвцовъ, пропадавшіе въ пространствахъ. Словомъ — гость, стоявшій на балконѣ, и послѣ какого-нибудь двухчасового созерцанія ничего другого не могъ выговорить, какъ только: «Господи, какъ здѣсь просторно!»

Кто-жъ былъ жилецъ и владѣтель этой деревни, къ которой, какъ къ неприступной крѣпости, нельзя было и подъѣхать отсюда, а нужно было подъѣзжать съ другой стороны, гдѣ вразсыпку дубы встрѣчали привѣтливо подъѣзжавшаго гостя, распростирая развѣсистыя вѣтви, какъ дружескія объятья, и провожая его къ лицу того самаго дома, котораго верхушку видѣли мы сзади и который стоялъ теперь весь на-лицо, имѣя по одну сторону рядъ избъ, выказывавшихъ коньки и рѣзные гребни, а по другую — церковь, блиставшую золотомъ крестовъ и золотыми прорѣзными узорами висѣвшихъ въ воздухѣ цѣпей. Какому счастливцу принадлежалъ этотъ закоулокъ?

Помѣщику Тремалаханскаго уѣзда, Андрею Ивановичу Тѣнтѣтникову, молодому тридцатитрехлѣтнему счастливцу и притомъ еще и неженатому человѣку.

Кто-жъ онъ, что̀-жъ онъ, какихъ качествъ, какихъ свойствъ человѣкъ? У сосѣдей, читательницы, у сосѣдей слѣдуетъ разспросить. Сосѣдъ, принадлежавшій къ фамиліи ловкихъ, уже нынѣ вовсе исчезающихъ, отставныхъ штабъ-офицеровъ-брандеровъ, изъяснялся о немъ выраженіемъ: «Естественнѣйшій скотина!» Генералъ, проживавшій въ десяти вер-

стахъ, говорилъ: «Молодой человѣкъ, неглупый, но много забралъ себѣ въ голову. Я бы могъ быть ему полезнымъ, потому что у меня не безъ связей и въ Петербургѣ, и даже при...» генералъ рѣчи не оканчивалъ. Капитанъ-исправникъ давалъ такой оборотъ отвѣту: «А вотъ я завтра же къ нему за недоимкой!» Мужикъ его деревни на вопросъ о томъ, какой у нихъ баринъ, ничего не отвѣчалъ. Стало-быть, мнѣніе о немъ было неблагопріятное.

Безпристрастно же сказать — онъ не былъ дурной человѣкъ, онъ, просто, коптитель неба. Такъ какъ уже не мало есть на бѣломъ свѣтѣ людей, которые коптятъ небо, то почему-жъ и Тѣнтѣтникову не коптить его? Впрочемъ, вотъ на выдержку день изъ его жизни, совершенно похожій на всѣ другіе, и пусть изъ него судитъ читатель самъ, какой у него былъ характеръ, и какъ его жизнь соотвѣтствовала окружавшимъ его красотамъ.

Поутру просыпался онъ очень поздно и, приподнявшись, долго сидѣлъ на своей кровати, протирая глаза. И такъ какъ глаза на бѣду были маленькіе, то протиранье ихъ производилось необыкновенно долго, и во все это время у дверей стоялъ человѣкъ Михайло, съ рукомойникомъ и полотенцемъ. Стоялъ этотъ бѣдный Михайло часъ, другой, отправлялся потомъ на кухню, потомъ вновь приходилъ, — баринъ все еще протиралъ глаза и сидѣлъ на кровати. Наконецъ, подымался онъ съ постели, умывался, надѣвалъ халатъ и выходилъ въ гостиную затѣмъ, чтобы пить чай, кофей, какао и даже парное молоко, всего прихлебывая понемногу, накрошивая хлѣба безжалостно и насоривая повсюду трубочной золы безсовѣстно. И два часа просиживалъ онъ за чаемъ. И этого мало: онъ бралъ еще холодную чашку и съ ней подвигался къ окну, обращенному на дворъ; у окна же происходила всякій день слѣдующая сцена.

Прежде всего ревѣлъ Григорій, дворовый человѣкъ въ качествѣ буфетчика, относившійся къ домоводкѣ Перфильевнѣ почти въ сихъ выраженіяхъ: «Душонка ты возмутительная, ничтожность этакая! Тебѣ бы, гнусной, молчать!»

«А не хочешь ли вотъ этого?» выкрикивала ничтожность, или Перфильевна, показывая кукишъ,—баба, жесткая въ поступкахъ, несмотря на то, что охотница была до изюму, пастилы и всякихъ сластей, бывшихъ у нея подъ замкомъ.

«Вѣдь ты и съ приказчикомъ сцѣпишься, мелочь ты анбарная!» ревѣлъ Григорій.

«Да и приказчикъ воръ такой же, какъ и ты. Думаешь, баринъ не знаетъ васъ? вѣдь онъ здѣсь, вѣдь онъ все слышитъ».

«Гдѣ баринъ?»

«Да вотъ онъ сидитъ у окна; онъ все видитъ».

И точно, баринъ сидѣлъ у окна и все видѣлъ.

Къ довершенію содома, кричалъ-кричмя дворовый ребягишка, получившій отъ матери затрещину, визжалъ борзой кобель, присѣвъ задомъ къ землѣ, по поводу горячаго кипятка, которымъ обкатилъ его, выглянувши изъ кухни, поваръ. Словомъ, все голосило и верещало невыносимо. Баринъ все видѣлъ и слышалъ. И только тогда, когда это дѣлалось до такой степени несносно, что мѣшало даже ничѣмъ не заниматься, высылалъ онъ сказать, чтобы шумѣли потише.

За два часа до обѣда уходилъ онъ къ себѣ въ кабинетъ затѣмъ, чтобы заняться серьезно сочиненіемъ, долженствовавшимъ обнять всю Россію со всѣхъ точекъ—съ гражданской, политической, религіозной, философической, разрѣшить затруднительныя задачи и вопросы, заданные ей временемъ, и опредѣлить ясно ея великую будущность; словомъ—все такъ и въ томъ видѣ, какъ любитъ задавать себѣ современный человѣкъ. Впрочемъ, колоссальное предпріятіе больше ограничивалось однимъ обдумываніемъ: изгрызалось перо, являлись на бумагѣ рисунки, и потомъ все это отодвигалось на сторону, бралась намѣсто того въ руки книга и уже не выпускалась до самаго обѣда. Книга эта читалась вмѣстѣ съ супомъ, соусомъ, жаркимъ и даже съ пирожнымъ, такъ что иныя блюда оттого стыли, а другія принимались вовсе нетронутыми. Затѣмъ слѣдовала

трубка съ кофеемъ, игра въ шахматы съ самимъ собой. Что̀ же дѣлалось потомъ до самаго ужина — право, и сказать трудно. Кажется, просто ничего не дѣлалось.

И этакъ проводилъ время, одинъ-одинёшенекъ въ цѣломъ [мірѣ], молодой тридцатитрехлѣтній человѣкъ, сидень-сиднемъ, въ халатѣ и безъ галстука. Ему не гулялось, не ходилось, не хотѣлось даже подняться вверхъ, не хотѣлось даже растворять окна затѣмъ, чтобы забрать свѣжаго воздуха въ комнату, и прекрасный видъ деревни, которымъ не могъ равнодушно любоваться никакой посѣтитель, точно не существовалъ для самого хозяина. Изъ этого можетъ читатель видѣть, что Андрей Ивановичъ Тѣнтѣтниковъ принадлежалъ къ семейству тѣхъ людей, которые на Руси не переводятся, которымъ прежде имена были: увальни, лежебоки, байбаки и которыхъ теперь, право, не знаю, какъ назвать. Родятся ли уже такіе характеры, или потомъ образуются, какъ порожденіе печальныхъ обстоятельствъ, сурово обстанавливающихъ человѣка? Вмѣсто отвѣта на это, лучше разсказать исторію его воспитанія и дѣтства.

Казалось, все клонилось къ тому, чтобы вышло изъ него что-то путное. Двѣнадцатилѣтній мальчикъ, остроумный, полузадумчиваго свойства, полуболѣзненный, попалъ онъ въ учебное заведеніе, котораго начальникомъ на ту пору былъ человѣкъ необыкновенный. Идолъ юношей, диво воспитателей, несравненный Александръ Петровичъ одаренъ былъ чутьемъ слышать........ *) Какъ зналъ онъ свойства русскаго человѣка! Какъ зналъ онъ дѣтей! Какъ умѣлъ двигать! Не было шалуна, который, сдѣлавши шалость, не пришелъ бы къ нему самъ и не повинился во всемъ. Этого мало: онъ получалъ строгое...... но шалунъ уходилъ отъ него, не повѣсивши носъ, но поднявъ его. И было что-то ободряющее, что-то говорившее: «Впередъ! Поднимайся скорѣе на ноги, несмотря, что ты упалъ». Не было у него и рѣчи къ нимъ о хорошемъ поведеніи. Онъ обыкновенно говорилъ: «Я требую ума, а не чего-либо другого. Кто помышляетъ о томъ,

*) Точки поставлены на мѣстѣ неразобранныхъ словъ. *Ред.*

чтобы быть умнымъ, тому некогда шалить: шалость должна исчезнуть сама собою». И точно, шалости исчезали сами собою. Презрѣнію товарищей подвергался тотъ, кто не стремился быть....... Обиднѣйшія прозвища должны были переносить взрослые ослы и дураки отъ самыхъ малолѣтнихъ и не смѣли ихъ тронуть пальцемъ. «Это ужъ слишкомъ!» говорили многіе: «умники выйдутъ люди заносчивые». — «Нѣтъ, это не слишкомъ», говорилъ [онъ]: «неспособныхъ я не держу долго; съ нихъ довольно одного курса, а для умныхъ у меня другой курсъ». *) И точно, всѣ способные выдерживали у него другой курсъ. Многихъ рѣзвостей онъ не удерживалъ, видя въ нихъ начало развитія свойствъ душевныхъ и говоря, что онѣ ему нужны, какъ сыпи врачу — затѣмъ, чтобы узнать достовѣрно, что̀ именно заключено внутри человѣка.

Какъ любили его всѣ мальчики! Нѣтъ, никогда не бываетъ такой привязанности у дѣтей къ своимъ родителямъ.

*) Въ текстъ внесены *позднѣйшія* приписки, сдѣланныя отчасти надъ строками, отчасти на лѣвомъ полѣ страницы. Это мѣсто передѣлывалось не одинъ разъ. Первоначально прежній текстъ былъ исправленъ такъ: «Родятся ли уже сами собою такіе характеры или дѣлаются потомъ, — какъ отвѣчать на это? Вотъ лучше вмѣсто того исторія его воспитанія и дѣтства, и пусть читатель выводитъ. Директоромъ училища, въ которое попалъ онъ, былъ человѣкъ необыкновенный: Александръ Петровичъ имѣлъ чутье слышать природу человѣка. Не было шалуна, который, сдѣлавши шалость, не пришелъ къ нему самъ и не повинился во всемъ. Этого мало. Шалунъ уходилъ отъ него, не повѣсивши носъ, но поднявъ его, съ бодрымъ желаніемъ загладить поступокъ. Въ самомъ упрекѣ Александра Петровича было что[то] ободряющее; честолюбіе онъ называлъ силою, толкающею впередъ способности человѣка и потому особенно старался возбудить. О поведеніи у Александра Петровича не бывало и рѣчи. Онъ обыкновенно говорилъ: «Я требую ума, а не чего-либо другого. Кто помышляетъ о томъ, чтобы быть умнымъ, тому некогда шалить; шалость должна исчезнуть сама собою.» Его упрекали въ томъ, что онъ слишкомъ много далъ воли умникамъ, позволяя имъ насмѣхаться и даже оскорблять малоспособныхъ. На это онъ отвѣчалъ: «Что̀-жъ дѣлать? Я пристрастенъ къ умникамъ и хочу, чтобъ всѣ это видѣли». Онъ считалъ также необходимымъ прежде всего...» *Ред.*

Нѣтъ, ни даже въ безумные годы безумныхъ увлеченій не бываетъ такъ сильна неугасимая страсть, какъ сильна была любовь къ нему. До гроба, до позднихъ дней благодарный воспитанникъ, поднявъ бокалъ въ день рожденія своего чуднаго воспитателя, уже давно бывшаго въ могилѣ.........., закрывалъ глаза и лилъ слезы по немъ. Его малѣйшее ободреніе уже бросало въ дрожь и въ радостный трепетъ и толкало честолюбивое желанье всѣхъ превзойти. Малоспособныхъ онъ не держалъ долго: для нихъ у него былъ коротенькій курсъ; но способные должны были у него выдерживать двойное ученье. И послѣдній классъ, который былъ у него для однихъ избранныхъ, вовсе не походилъ на тѣ, какіе бываютъ въ другихъ заведенья[хъ]. Тутъ только онъ требовалъ отъ воспитанника всего того, чего иные неблагоразумно [требуютъ] отъ дѣтей,—того высшаго ума, который умѣетъ не посмѣяться, но вынести всякую насмѣшку, спустить дураку и не раздражиться, и не выйти изъ себя, не мстить ни въ какомъ [случаѣ] и пребывать въ гордомъ покоѣ невозмущенной души; и все, чтò способно образовать изъ человѣка твердаго мужа, тутъ было употреблено въ дѣйствіе, и онъ самъ дѣлалъ съ ними безпрерывныя пробы. О, какъ онъ зналъ науку жизни!

Учителей у него не было много. Бòльшую часть наукъ читалъ онъ самъ. Безъ педантскихъ терминовъ, напыщенныхъ воззрѣній и взглядовъ, умѣлъ онъ передать самую душу науки, такъ что и малолѣтнему было видно, на чтò она ему нужна. Изъ наукъ были избраны только тѣ, которыя способны образовать изъ человѣка гражданина земли своей. Бóльшая часть лекцій состояла въ разсказахъ о томъ, чтò ожидаетъ юношу впереди, и весь горизонтъ его поприща умѣлъ онъ очертить такъ, что юноша, еще находясь на лавкѣ, мыслями и душой жилъ уже тамъ, на службѣ. Ничего не скрывалъ: всѣ огорченья и преграды, какія только воздвигаются человѣку на пути его, всѣ искушенія и соблазны, ему предстоящіе, собиралъ онъ предъ нимъ во всей наготѣ, не скрывая ничего. Все было ему извѣстно,

точно, какъ бы перебылъ онъ самъ во всѣхъ званіяхъ и должностяхъ. Оттого ли, что сильно уже развилось честолюбіе, оттого ли, что въ самыхъ глазахъ необыкновеннаго наставника было что-то говорящее юношѣ: *впередъ!* это словцо, знакомое русскому человѣку, производящее такія чудеса надъ его чуткой природой,—но юноша съ самаго начала искалъ только трудностей, алча дѣйствовать только тамъ, гдѣ трудно, гдѣ больше препятствій, гдѣ нужно было показать бо́льшую силу души. Немногіе выходили изъ этого курса, но зато были крѣпыши, были обкуренные порохомъ люди. Въ службѣ они удержались на самыхъ шаткихъ мѣстахъ, тогда какъ многіе, и умнѣйшіе ихъ, не вытерпѣвъ, изъ-за мелочныхъ непріятностей, бросили все или же, осовѣвъ, облѣнившись *), очутились въ рукахъ взяточниковъ и плутовъ. Но они не пошатнулись и, зная и жизнь, и человѣка, и умудренные мудростью, возымѣли сильное вліяніе даже на дурныхъ людей.

Пылкое сердце честолюбиваго мальчишки долго билось при одной мысли о томъ, что онъ попадетъ наконецъ въ это отдѣленіе. Что̀, казалось, могло быть лучше этого воспитателя для нашего Тѣнтѣтникова! Но нужно же, чтобы въ то самое время, когда онъ переведенъ былъ въ этотъ

*) Послѣ этого зачеркнуто: «доступное для немногихъ избранныхъ. Но вдругъ необыкн...». Въ «Полномъ собраніи сочиненій Гоголя», вышедшемъ въ 1867 году, подъ редакціею Ѳ. В. Чижова, это мѣсто читается такъ: «Какъ поразилъ этотъ чудный наставникъ еще въ отрочествѣ Андрея Ивановича! Пылкое сердце честолюбиваго мальчика долго билось при одной мысли, что онъ попадаетъ на высшій курсъ, и шестнадцати лѣтъ Тентетниковъ, выпередивши своихъ сверстниковъ, былъ удостоенъ перевода въ этотъ высшій курсъ, какъ одинъ изъ самыхъ лучшихъ, и самъ тому не вѣрилъ». Вводя въ текстъ «Мертвыхъ Душъ» этотъ варіантъ, Чижовъ замѣчаетъ въ выноскѣ: «Отъ начала пункта до слова *не вѣрилъ* написано въ одной изъ записныхъ книжекъ Гоголя, послѣ того, какъ онъ набросалъ это мѣсто въ рукописи, въ-разбивку, то внизу, то вверху, самымъ небрежнымъ образомъ». Къ сожалѣнію, Чижовъ не указалъ, къ какому времени можетъ быть отнесена эта «записная книжка». Она не была у насъ подъ руками. *Ред.*

курсъ избранныхъ,—чего такъ сильно желалъ,—необыкновенный наставникъ скоропостижно [умеръ]! О, какой былъ для него ударъ! какая страшная первая потеря! Ему казалось, какъ бы..... *) Все перемѣнилось въ училищѣ. На мѣсто Александра Петровича поступилъ какой-то Ѳедоръ Ивановичъ. Налегъ онъ тотъ же часъ на какіе-то внѣшніе порядки; сталъ требовать отъ дѣтей того, что̀ можно требо̀вать только отъ взрослыхъ. Въ свободной ихъ развязности почудилось ему что-то необузданное. И точно какъ бы на зло своему предшественнику объявилъ съ перваго дня, что для него умъ и успѣхи ничего не значатъ, что онъ будетъ смотрѣть только на хорошее [поведеніе] **). Странно: хорошаго-то поведенія и не добился Ѳедоръ Ивановичъ. Завелись шалости потаенныя. Все было въ струнку днемъ и шло попарно, а по ночамъ развелись кутежи.

Съ науками тоже случилось что-то странное. Выписаны были новые преподаватели, съ новыми взглядами и новыми

*) Въ рукописи фраза не кончена.

**) Въ текстѣ второй части «Мертвыхъ Душъ», изданномъ Ѳ. В. Чижовымъ, это мѣсто имѣетъ такой видъ: «На мѣсто Александра Петровича поступилъ какой-то Ѳедоръ Ивановичъ, человѣкъ добрый и старательный, но совершенно другого взгляда на вещи. Въ свободной развязности дѣтей перваго курса почудилось ему что-то необузданное. Началъ онъ заводить между ними какіе-то внѣшніе порядки, требовалъ, чтобы молодой народъ пребывалъ въ какой-то безмолвной тишинѣ, чтобы ни въ какомъ случаѣ иначе всѣ не ходили, какъ попарно; началъ даже самъ аршиномъ размѣрять разстояніе отъ пары до пары. За столомъ, для лучшаго вида, разсадилъ всѣхъ по росту, а не по уму, такъ что ословъ доставались лучшіе куски, умнымъ оглодки. Все это произвело ропотъ, особенно, когда новый начальникъ, точно какъ наперекоръ своему предмѣстнику, объявилъ, что для него умъ и хорошіе успѣхи въ наукахъ ничего не значатъ, что онъ смотритъ только на поведеніе, что, если человѣкъ и плохо учится, но хорошо ведетъ себя, онъ предпочитаетъ его умнику. Но именно того-то и не получилъ Ѳедоръ Ивановичъ, чего добивался».—Къ этому варіанту, введенному въ текстъ, сдѣлано Чижовымъ такое примѣчаніе: «Мѣсто, отъ словъ: *какой-то Ѳедоръ Ивановичъ,* до словъ: *чего добивался*, написалъ Гоголь въ своей записной книжкѣ, послѣ наброски въ рукописи». *Ред.*

углами и точками воззрѣній. Забросали слушателей множествомъ новыхъ терминовъ и словъ; показали они въ своемъ изложеніи и логическую связь, и слѣдованіе за новыми открытіями, и горячку собственнаго увлеченія; но, увы! не было только жизни въ самой наукѣ. Мертвечиной отозвалась въ устахъ ихъ мертвая наука. Однимъ словомъ, все пошло навыворотъ. Потерялось уваженіе къ начальству и власти: стали насмѣхаться и надъ наставниками, и надъ преподавателями; директора стали называть Ѳедькой, булкой и другими разными именами. Развратъ завелся уже вовсе не дѣтскій: завелись такія дѣла, что нужно было многихъ выключить и выгнать. Въ два года узнать нельзя было заведенія.

Андрей Ивановичъ былъ нрава тихаго. Его не могли увлечь ни ночныя оргіи товарищей, которые обзавелись какой-то дамой передъ самыми окнами директорской квартиры, ни кощунство ихъ надъ святыней изъ-за того только, что попался не весьма умный попъ. Нѣтъ, душа его и сквозь сонъ слышала небесное свое происхожденіе. Его не могли увлечь; но онъ повѣсилъ носъ. Честолюбіе уже было возбуждено, а дѣятельности и поприща ему не было. Лучше-бъ было и не возбуждать его. Онъ слушалъ горячившихся на каѳедрахъ профессоровъ, а вспоминалъ прежняго наставника, который, не горячась, умѣлъ говорить понятно. Какихъ предметовъ и какихъ курсовъ онъ не слушалъ! Медицину, философію, и даже право, и всеобщую исторію человѣчества въ такомъ огромномъ видѣ, что профессоръ въ три года успѣлъ только прочесть введеніе, да развитіе общинъ какихъ-то нѣмецкихъ городовъ, — и Богъ знаетъ, чего онъ не слушалъ! Но все это оставалось въ головѣ его какими-то безобразными клочками. Благодаря природному уму, онъ слышалъ только, что не такъ должно преподаваться, а какъ—не зналъ. И вспоминалъ онъ часто объ Александрѣ Петровичѣ, и такъ ему бывало грустно, что не зналъ онъ, куда дѣться отъ тоски.

Но молодость счастлива тѣмъ, что у ней есть будущее.

По мѣрѣ того, какъ приближалось время къ выпуску, сердце его билось. Онъ говорилъ себѣ: «Вѣдь это еще не жизнь; это только приготовленіе къ жизни; настоящая жизнь на службѣ: тамъ подвиги». И, не взглянувши на прекрасный уголокъ, такъ поражавшій всякаго гостя-посѣтителя, не поклонившись праху своихъ родителей, по обычаю всѣхъ честолюбцевъ, понесся онъ въ Петербургъ, куда, какъ извѣстно, стремится ото всѣхъ сторонъ Россіи наша пылкая молодежь—служить, блистать, выслуживаться или же просто схватывать вершки безцвѣтнаго, холоднаго, какъ ледъ, общественнаго обманчиваго образованія. Честолюбивое стремленіе Андрея Ивановича осадилъ, однакоже, съ самаго начала его дядя, дѣйствительный статскій совѣтникъ Онуфрій Ивановичъ. Онъ объявилъ, что главное дѣло въ хорошемъ почеркѣ, а не въ чемъ-либо другомъ, что безъ этого не попадешь ни въ министры, ни въ государственные люди. Съ большимъ трудомъ и съ помощью дядиныхъ протекцій, наконецъ, онъ опредѣлился въ какой-то департаментъ. Когда ввели его въ великолѣпный свѣтлый залъ, съ паркетами и письменными лакированными столами, походившій на то, какъ бы засѣдали здѣсь первые вельможи государства, трактовавшіе о судьбѣ всего государства, и увидѣлъ онъ легіоны красивыхъ пишущихъ господъ, шумѣвшихъ перьями и склонившихъ голову на-бокъ, и посадили его самого за столъ, предложа тутъ же переписать какую-то бумагу, какъ нарочно нѣсколько мелкаго содержанія (переписка шла о трехъ рубляхъ, производившаяся полгода)—необыкновенно странное чувство проникнуло неопытнаго юношу: сидѣвшіе вокругъ его господа показались ему такъ похожими на учениковъ! Къ довершенію сходства, иные изъ нихъ читали глупый пе[реводный] романъ, засунувъ его въ большіе листы разбираемаго дѣла, какъ бы занимались самымъ дѣломъ, и въ то же время вздрагивая при всякомъ появленіи начальника. Такъ это все ему показалось странно, такъ занятія прежнія значительнѣе нынѣшнихъ, пріуготовленіе къ службѣ лучше самой службы! Ему стало жалко по школѣ.

И вдругъ, какъ живой, предсталъ предъ нимъ Александръ Петровичъ—и чуть-чуть онъ не заплакалъ. Комната закружилась, перемѣшались чиновники и столы, и чуть удержался онъ отъ мгновеннаго потемнѣнія. «Нѣтъ», подумалъ онъ въ себѣ, очнувшись: «примусь за дѣло, какъ бы оно ни казалось вначалѣ мелкимъ!» Скрѣпясь духомъ и сердцемъ, рѣшился онъ служить по примѣру прочихъ.

Гдѣ не бываетъ наслажденій? Живутъ они и въ Петербургѣ, несмотря на суровую, сумрачную его наружность. Трещитъ по улицамъ сердитый, тридцатиградусный морозъ; взвизгиваетъ исчадье сѣвера, вѣдьма-вьюга, заметая тротуары, слѣпя глаза, пудря мѣховые воротники, усы людей и морды мохнатыхъ скотовъ, но привѣтливо, и сквозь летающіе перекрестно охлопья, свѣтитъ вверху окошко гдѣ-нибудь и въ четвертомъ этажѣ: въ уютной комнаткѣ, при скромныхъ стеариновыхъ свѣчкахъ, подъ шумокъ самовара, ведется согрѣвающій и сердце и душу разговоръ, читается свѣтлая страница вдохновеннаго русскаго поэта, какими наградилъ Богъ свою Россію, и такъ возвышенно-пылко трепещетъ молодое сердце юноши, какъ не водится и подъ полуденнымъ небомъ.

Скоро Тѣнтѣтниковъ свыкнулся съ службою, но только она сдѣлалась у него не первымъ дѣломъ и цѣлью, какъ онъ полагалъ было вначалѣ, но чѣмъ-то вторымъ. Она служила ему распредѣленіемъ времени, заставивъ его болѣе дорожить остававшимися минутами. Дядя, дѣйствительный статскій совѣтникъ, уже начиналъ было думать, что въ племянникѣ будетъ прокъ, какъ вдругъ племянникъ подгадилъ. Въ числѣ друзей Андрея Ивановича, которыхъ у него было довольно, попалось два человѣка, которые были то, что̀ называется огорченные люди. Это были тѣ безпокойно-странные характеры, которые не могутъ переносить равнодушно не только несправедливостей, но даже и всего того, что̀ кажется въ ихъ глазахъ несправедливостью. Добрые по началу, но безпорядочные сами въ своихъ дѣйствіяхъ, требуя къ себѣ снисхожденія и въ то же время

исполненные нетерпимости къ другимъ, они подѣйствовали на него сильно и пылкой рѣчью, и образомъ благороднаго негодованія противъ общества. Они, разбудивши въ немъ нервы и духъ раздражительности, заставили замѣчать всѣ тѣ мелочи, на которыя онъ прежде и не думалъ обращать вниманіе. Ѳедоръ Ѳедоровичъ Лѣницынъ, начальникъ одного изъ отдѣленій, помѣщавшихся въ великолѣпныхъ залахъ, вдругъ ему не понравился. Онъ сталъ отыскивать въ немъ бездну недостатковъ. Ему показалось, что Лѣницынъ, въ разговорахъ съ высшими, весь превращался въ какой-то приторный сахаръ, и—въ уксусъ, когда обращался къ нему подчиненный; что будто, по примѣру всѣхъ мелкихъ людей, бралъ онъ на замѣчаніе тѣхъ, которые не являлись къ нему съ поздравленіемъ въ праздники, мстилъ тѣмъ, которыхъ имена не находились у швейцара на листѣ; и, вслѣдствіе этого, онъ почувствовалъ къ нему отвращеніе нервическое. Какой-то злой духъ толкалъ его сдѣлать что-нибудь непріятное Ѳедору Ѳедоровичу. Онъ на то наискивался съ какимъ-то особымъ наслажденіемъ и въ томъ успѣлъ. Разъ поговорилъ онъ съ нимъ до того крупно, что ему объявлено было отъ начальства—либо просить извиненія, либо выходить въ отставку. Онъ подалъ въ отставку. Дядя, дѣйствительный статскій совѣтникъ, пріѣхалъ къ нему, перепуганный и умоляющій: «Ради самого Христа! помилуй, Андрей Ивановичъ! что̀ это ты дѣлаешь? Оставлять такъ выгодно начатый карьеръ изъ-за того только, что попался не такой, какъ хочется, начальникъ! Помилуй! что̀ ты? что̀ ты? Вѣдь, если на это глядѣть, тогда и въ службѣ никто бы не остался. Образумься, отринь гордость, самолюбіе, поѣзжай и объяснись съ нимъ!»

«Не въ томъ дѣло, дядюшка», сказалъ племянникъ. «Мнѣ не трудно попросить у него извиненія. Я виноватъ: онъ начальникъ и такъ не слѣдовало говорить съ нимъ. Но дѣло вотъ въ чемъ. У меня есть другая служба: триста душъ крестьянъ, имѣніе въ разстройствѣ, управляющій—дуракъ. Государству утраты немного, если вмѣсто меня

сядетъ въ канцелярію другой переписывать бумагу, но большая утрата, если триста человѣкъ не заплатятъ податей. Я, — что̀ вы подумаете? — помѣщикъ, который... служба... Если я позабочусь о сохраненіи, сбереженіи и улучшеніи участи ввѣренныхъ мнѣ людей и представлю государству триста исправнѣйшихъ, трезвыхъ, работящихъ подданныхъ— чѣмъ моя служба будетъ хуже службы какого-нибудь начальника отдѣленія, Лѣницына?»

Дѣйствительный статскій совѣтникъ остался съ открытымъ ртомъ отъ изумленія. Такого потока словъ онъ не ожидалъ. Немного подумавши, началъ онъ было въ такомъ родѣ: «Но все же... но какъ же таки... какъ же запропастить себя въ деревню? Какое же общество можетъ быть между....? Здѣсь все-таки на улицѣ попадется навстрѣчу генералъ, князь. Пройдешь и самъ мимо какого-нибудь... тамъ... ну, и газовое освѣщеніе, промышленная Европа; а вѣдь тамъ, что̀ ни попадется, все это или мужикъ, или баба. За что̀-жъ такъ, за что̀-жъ себя осудить на невѣжество на всю жизнь свою?»

Но убѣдительныя представленія дяди на племянника не произвели дѣйствія. Деревня начинала представляться какимъ-то привольнымъ пріютомъ, воспоительницею думъ и помышленій, единственнымъ поприщемъ полезной дѣятельности. Ужъ онъ откопалъ и новѣйшія книги по части сельскаго хозяйства. Словомъ—черезъ недѣли двѣ послѣ этого разговора былъ онъ уже въ окрестности тѣхъ мѣстъ, гдѣ пронеслось его дѣтство, невдалекѣ отъ того прекраснаго уголка, которымъ не могъ налюбоваться никакой гость и посѣтитель. Новое чувство въ немъ встрепенулось. Въ душѣ стали просыпаться прежнія, давно не выходившія наружу, впечатлѣнія. Онъ уже многія мѣста позабылъ вовсе и смотрѣлъ любопытно, какъ новичокъ, на прекрасные виды. И вотъ, неизвѣстно отчего, вдругъ забилось у него сердце. Когда же дорога понеслась узкимъ оврагомъ въ чащу огромнаго заглохнувшаго лѣса и онъ увидѣлъ вверху, внизу, надъ собой и подъ собой, трехсотлѣтніе дубы, тремъ человѣкамъ

въ обхватъ, въ-перемежку съ пихтой, вязомъ и осокоромъ, перераставшимъ вершину тополя, и когда на вопросъ: «чей лѣсъ?» ему сказали: «Тѣнтѣтникова»; когда, выбравшись изъ лѣса, понеслась дорога лугами, мимо осиновыхъ рощъ, молодыхъ и старыхъ ивъ и лозъ, въ виду тянувшихся вдали возвышеній, и двумя мостами перелетѣла въ разныхъ мѣстахъ одну и ту же рѣку, оставляя ее то вправо, то влѣво отъ себя, и когда на вопросъ: «чьи луга и поёмныя мѣста?» отвѣчали ему: «Тѣнтѣтникова»; когда поднялась потомъ дорога на гору и пошла по ровной возвышенности, — съ одной стороны мимо не снятыхъ хлѣбовъ, пшеницы, ржи и ячменя, съ другой же стороны мимо всѣхъ прежде проѣханныхъ имъ мѣстъ, которыя всѣ вдругъ показались въ сокращенномъ отдаленіи, и когда, постепенно темнѣя, входила и вошла потомъ дорога подъ тѣнь широкихъ развилистыхъ деревъ, размѣстившихся вразсыпку по зеленому ковру до самой деревни, и замелькали рѣзныя избы мужиковъ и красныя крышки каменныхъ господскихъ строеній, и блеснули золотые верхи [церкви], когда пылко забившееся сердце и безъ вопроса знало, куда пріѣхало: ощущенья, непрестанно накоплявшіяся, исторгнулись наконецъ въ громогласныхъ словахъ: «Ну, не дуракъ ли я былъ доселѣ? Судьба назначила мнѣ быть обладателемъ земного рая, а я закабалилъ себя кропателемъ мертвыхъ бумагъ? Воспитавшись, просвѣтясь, сдѣлавъ запасъ свѣдѣній, нужныхъ для распространенія добра между подвластными, для улучшенія цѣлой области, для исполненія многообразныхъ обязанностей помѣщика, который является въ одно и то же время и судьей, и распорядителемъ, и блюстителемъ порядка, ввѣрить это мѣсто невѣжѣ-управителю, а себѣ предпочесть заочное производство дѣлъ между людьми, которыхъ я и въ глаза не видалъ, которыхъ я ни характеровъ, ни качествъ не знаю, — предпочесть настоящему управленію бумажное, фантастическое управленіе провинціями, отстоящими за тысячи верстъ, гдѣ не была никогда нога моя и гдѣ могу надѣлать только кучи несообразностей и глупостей!»

А между тѣмъ его ожидало другое зрѣлище. Узнавши о пріѣздѣ барина, мужики собрались къ крыльцу. Сороки, кички, повойники, зипуны и картинно-окладистыя бороды красиваго населенія обступили его кругомъ. Когда раздались слова: «Кормилецъ нашъ! вспомнилъ...» и невольно заплакали старики и старухи, помнившіе и его дѣда, и прадѣда, не могъ онъ самъ удержаться отъ слезъ. И думалъ онъ про себя: «Столько любви! и за что̀? — За то, что я никогда не видалъ ихъ, никогда не занимался ими!» И далъ онъ себѣ обѣтъ дѣлить съ [ними] труды и занятія.

И сталъ онъ хозяйничать, распоряжаться. Уменьшилъ барщину, убавивъ дни работъ на помѣщика и прибавивъ времени мужику. Дурака-управителя выгналъ. Самъ сталъ входить во все, показываться на поляхъ, на гумнѣ, въ овинахъ, на мельницахъ, у пристани, при грузкѣ и сплавкѣ барокъ и плоскодонокъ, такъ что лѣнивые стали даже почесываться. Но продолжалось это не долго. Мужикъ смѣтливъ: онъ понялъ скоро, что баринъ, хоть и прытокъ, и есть въ немъ тоже охота взяться за многое, но какъ именно, какимъ образомъ взяться, этого еще не смыслитъ, говоритъ грамотѣйно и не вдолбежъ. Вышло то, что баринъ и мужикъ какъ-то не то, чтобы совершенно не поняли другъ друга, но, просто, не спѣлись вмѣстѣ, не приспособились выводить одну и ту же ноту.

Тѣнтѣтниковъ сталъ замѣчать, что на господской землѣ все выходило какъ-то хуже, чѣмъ на мужичьей. Сѣялось раньше, всходило позже, а работали, казалось, хорошо. Онъ самъ присутствовалъ и приказалъ выдать даже по чапорухѣ водки за усердные труды. У мужиковъ уже давно колосилась рожь, высыпался овесъ, кустилось просо, а у него едва начиналъ только итти хлѣбъ въ трубку, пятка колоса еще не завязывалась. Словомъ, сталъ замѣчать баринъ, что мужикъ просто плутуетъ, несмотря на всѣ льготы. Попробовалъ было укорить, но получилъ такой отвѣтъ: «Какъ можно, баринъ, чтобы мы о господской, то-

есть, выгодѣ не радѣли! Сами изволили видѣть, какъ старались, когда пахали и сѣяли — по чапорухѣ водки приказали подать». Что̀ было на это возражать?

«Да отчего же теперь вышло скверно?» допрашивалъ баринъ.

«Кто его знаетъ? Видно, червь подъѣлъ снизу. Да и лѣто вишь ты какое: совсѣмъ дождей не было».

Но баринъ видѣлъ, что у мужиковъ червь не подъѣдалъ снизу, да и дождь шелъ какъ-то странно, полосою: мужику угодилъ, а на барскую ниву хоть бы каплю выронилъ.

Еще труднѣй ему было ладить съ бабами. То и дѣло отпрашивались онѣ отъ работъ, жалуясь на тягость барщины. Странное дѣло! онъ уничтожилъ вовсе всякіе приносы холста, ягодъ, грибовъ и орѣховъ, на половину сбавилъ съ нихъ другихъ работъ, думая, что бабы обратятъ это время на домашнее хозяйство, обошьютъ, одѣнутъ своихъ мужей, умножатъ огороды. Не тутъ-то было! Праздность, драка, сплетни и всякія ссоры завелись между прекраснымъ поломъ такія, что мужья то и дѣло приходили къ нему съ такими словами: «Баринъ, уйми бѣса-бабу! Точно чортъ какой—житья нѣтъ отъ ней!»

Хотѣлъ онъ было, скрѣпя свое сердце, приняться за строгость; но какъ быть строгимъ? Баба приходила такой бабой; такъ развизгивалась, такая была хворая, больная, такихъ скверныхъ, гадкихъ наворачивала на себя тряпокъ; ужъ откуда она ихъ набирала, Богъ ее вѣсть. «Ступай, ступай себѣ только съ глазъ моихъ! Богъ съ тобой!» говорилъ бѣдный Тѣнтѣтниковъ, и вослѣдъ за тѣмъ видѣлъ, какъ больная, вышедъ за ворота, схватывалась съ сосѣдкой за какую-нибудь рѣпу и такъ отламывала ей бока, какъ не сумѣетъ и здоровый мужикъ.

Вздумалъ онъ было попробовать какую-то школу между ними завести, но отъ этого вышла такая чепуха, что онъ и голову повѣсилъ; лучше было и не задумывать! Въ дѣлахъ судейскихъ и разбирательствахъ оказались ровно ни

къ чему всѣ эти юридическія тонкости, на которыя навели его профессора-философы. И та сторона вретъ, и другая вретъ, и чортъ ихъ разберетъ! И видѣлъ онъ, что нужнѣй было тонкостей юридическихъ и философскихъ книгъ простое познанье человѣка; и видѣлъ онъ, что въ немъ чего-то недостаетъ, а чего — Богъ вѣсть. И случилось обстоятельство, такъ часто случающееся: ни мужикъ не узналъ барина, ни баринъ мужика; и мужикъ сталъ дурной стороной, и баринъ дурной стороной. Все это значительно охладило и рвеніе помѣщика. При работахъ онъ уже присутствовалъ безъ вниманія. Шумѣли ли тихо косы въ покосахъ, метали-ль стога, клались ли клади, вблизи-ль ладилось сельское дѣло—его глаза глядѣли подальше; вдали-ль производилась работа—его глаза отыскивали предметы поближе, или смотрѣли въ сторону на какой-нибудь извивъ рѣки, по берегамъ которой ходилъ красноносый, красноногій мартынъ, разумѣется—птица, а не человѣкъ. Они смотрѣли любопытно, какъ онъ, поймавъ у берега рыбу, держалъ ее поперекъ въ носу, какъ бы раздумывая, глотать или не глотать,—и глядя въ то же время пристально вдоль рѣки, гдѣ въ отдаленіи бѣлѣлся другой мартынъ, еще не поймавшій рыбы, но глядѣвшій пристально на мартына, уже поймавшаго рыбу. Или же, зажмуривъ вовсе глаза и приподнявъ голову кверху, къ пространствамъ небеснымъ, предоставлялъ онъ обонянью впивать запахъ полей, а слуху поражаться голосами воздушнаго пѣвучаго населенія, когда оно отовсюду, отъ небесъ и отъ земли, соединяется въ одинъ звукосогласный хоръ, не переча другъ другу. Во ржи бьетъ перепелъ, въ травѣ дергаетъ дергунъ, надъ [нимъ] урчатъ и чиликаютъ перелетающія коноплянки, блеетъ поднявшійся на воздухъ барашекъ, трелитъ жаворонокъ, исчезая въ свѣтѣ, и звонами трубъ отдается турлыканье журавлей, строящихъ въ треугольники свои вереницы въ небесахъ высоко. Откликается вся въ звуки превратившаяся окрестность... Творецъ! какъ еще прекрасенъ Твой міръ въ глуши, въ деревушкѣ, вдали отъ подлыхъ большихъ до-

рогъ и городовъ! Но и это стало ему наскучать. Скоро онъ и вовсе пересталъ ходить въ поля, засѣлъ въ комнаты, отказался принимать даже съ докладами приказчика.

Прежде изъ сосѣдей завернетъ къ нему бывало отставной гусаръ-поручикъ, прокуренный насквозь трубочный куряка, или же рѣзкаго направленія недоучившійся студентъ, набравшійся мудрости изъ современныхъ брошюръ и газетъ. Но и это стало ему надоѣдать. Разговоры ихъ начали ему казаться какъ-то поверхностными, европейски-открытое обращеніе съ потрепкой по колѣну, также и низкопоклонства и развязности — начали ему казаться уже черезчуръ прямыми и открытыми. Онъ рѣшился съ ними раззнакомиться со всѣми и произвелъ это даже довольно рѣзко. Именно, когда наиnріятнѣйшій во всѣхъ поверхностныхъ разговорахъ обо всемъ, представитель уже нынѣ отходящихъ полковниковъ-брандеровъ и съ тѣмъ вмѣстѣ передовой начинавшагося новаго образа мыслей, Варваръ Николаевичъ Вишнепокромовъ, пріѣхалъ къ нему затѣмъ, чтобы наговориться вдоволь, коснувшись и политики, и философіи, и литературы, и морали, и даже состоянія финансовъ въ Англіи,— онъ выслалъ сказать, что его нѣтъ дома, и въ то же время имѣлъ неосторожность показаться передъ окошкомъ. Гость и хозяинъ встрѣтились взорами. Одинъ, разумѣется, проворчалъ сквозь зубы: «скотина!» другой послалъ ему съ досады тоже что-то въ родѣ свиньи. Тѣмъ и кончились сношенія. Съ тѣхъ поръ не заѣзжалъ къ нему никто.

Онъ этому былъ радъ и предался обдумыванью большого сочиненія о Россіи. Какъ обдумывалось это сочиненіе—читатель ужъ видѣлъ. Установился странный, безпорядочный порядокъ. Нельзя сказать, однакоже, чтобы не было минутъ, въ которыя какъ будто пробуждался онъ отъ сна. Когда привозила почта газеты и журналы и попадалось ему въ печати знакомое имя прежняго товарища, уже преуспѣвавшаго на видномъ поприщѣ государственной службы или приносившаго посильную дань наукамъ и дѣлу всемірному, тайная тихая грусть подступала ему подъ сердце,

и скорбная, безмолвно-грустная, тихая жалоба на бездѣйствіе свое прорывалась невольно. Тогда противной и гадкой казалась ему жизнь его. Съ необыкновенной силой воскресало предъ нимъ школьное минувшее время, и представалъ вдругъ, какъ живой, Александръ Петровичъ... Градомъ лились изъ глазъ его слезы...

Что̀ значили эти рыданія? Обнаруживала ли ими болѣющая душа скорбную тайну своей болѣзни,—что не успѣлъ образоваться и окрѣпнуть начинавшій въ немъ строиться высокій внутренній человѣкъ;—что, неиспытанный измлада въ борьбѣ съ неудачами, не достигнулъ онъ до высокаго состоянія возвышаться и крѣпнуть отъ преградъ и препятствій; что, растопившись подобно разогрѣтому металлу, богатый запасъ великихъ ощущеній не принялъ послѣдней закалки; что слишкомъ для него рано умеръ необыкновенный наставникъ и что нѣтъ теперь никого во всемъ свѣтѣ, кто бы былъ въ силахъ воздвигнуть шатаемыя вѣчными колебаньями силы и лишенную упругости, немощную волю, кто бы крикнулъ душѣ пробуждающимъ крикомъ это бодрящее слово: *впередъ,* котораго жаждетъ повсюду, на всѣхъ ступеняхъ стоящій, всѣхъ сословій и званій, и промысловъ, русскій человѣкъ?

Гдѣ же тотъ, кто бы на родномъ языкѣ русской души нашей умѣлъ бы намъ сказать это всемогущее слово *впередъ?* кто, зная всѣ силы и свойства и всю глубину нашей природы, однимъ чародѣйнымъ мановеньемъ могъ бы устремить насъ на высокую жизнь? Какими слезами, какою любовью заплатилъ бы ему благодарный русскій человѣкъ! Но вѣка проходятъ за вѣками, позорной лѣнью и безумной дѣятельностью незрѣлаго юноши объемлется....... и не дается Богомъ мужъ, умѣющій произносить его!

Одно обстоятельство чуть было не разбудило его, чуть было не произвело переворота въ его характерѣ: случилось что-то похожее на любовь. Но и тутъ дѣло кончилось ничѣмъ. Въ сосѣдствѣ, въ десяти верстахъ отъ его деревни, проживалъ генералъ, отзывавшійся, какъ мы уже видѣли,

не весьма благосклонно о Тѣнтѣтниковѣ. Генералъ жилъ генераломъ, хлѣбосольствовалъ, любилъ, чтобы сосѣди пріѣзжали изъявлять ему почтеніе, самъ визитовъ не платилъ, говорилъ хрипло, читалъ книги и имѣлъ дочь, существо невиданное, странное. Она была что-то живое, какъ сама жизнь.

Имя ей было Улинька. Воспиталась она какъ-то странно. Ее учила англичанка-гувернантка, не знавшая ни слова по-русски. Матери лишилась она еще въ дѣтствѣ. Отцу было некогда. Впрочемъ, любя дочь до безумія, онъ могъ только избаловать ее. Какъ въ ребенкѣ, возросшемъ на свободѣ, въ ней было все своенравно. Если бы кто увидалъ, какъ внезапный гнѣвъ собиралъ вдругъ строгія морщины на прекрасномъ челѣ ея и какъ она спорила пылко съ отцомъ своимъ, онъ бы подумалъ, что это было капризнѣйшее созданіе. Но гнѣвъ ея вспыхивалъ только тогда, когда она слышала о какой бы то ни было несправедливости или дурномъ поступкѣ съ кѣмъ бы то ни было. И никогда не спорила она за себя самоё и не оправдывала себя. Гнѣвъ этотъ исчезнулъ бы въ минуту, если бы она увидѣла въ несчастіи того самаго, на кого гнѣвалась. При первой просьбѣ о подаяніи кого бы то ни было, она готова была бросить ему весь свой кошелекъ, со всѣмъ, что̀ въ немъ ни было, не вдаваясь ни въ какія разсужденья и расчеты. Было въ ней что-то стремительное. Когда она говорила, у ней, казалось, все стремилось вослѣдъ за мыслью—выраженіе лица, выраженіе разговора, движеніе рукъ; самыя складки платья какъ бы стремились въ ту же сторону и, казалось, какъ бы она сама вотъ улетитъ вослѣдъ за собственными словами. Ничего не было въ ней утаеннаго. Ни передъ кѣмъ не побоялась бы она обнаружить своихъ мыслей, и никакая сила не могла бы ее заставить молчать, когда ей хотѣлось говорить. Ея очаровательная, особенная, принадлежавшая ей одной походка была до того безтрепетно-свободна, что все ей уступало бы невольно дорогу. При ней какъ-то смущался недобрый человѣкъ и нѣмѣлъ; самый

развязный и бойкій на слова не находилъ съ нею слова и терялся, а застѣнчивый могъ разговориться съ нею, какъ никогда въ жизни своей ни съ кѣмъ, и съ первыхъ минутъ разговора ему уже казалось, что гдѣ-то и когда-то онъ зналъ ее и какъ бы эти самыя черты ея ему гдѣ-то уже видѣлись, что случилось это во дни какого-то незапамятнаго младенчества, въ какомъ-то родномъ домѣ, веселымъ вечеромъ, при радостныхъ играхъ дѣтской толпы: и надолго послѣ того становился ему скучнымъ разумный возрастъ человѣка.

Точно то же случилось съ нею и съ Тѣнтѣтниковымъ. Неизъяснимое новое чувство вошло къ нему въ душу. Скучная жизнь его на мгновенье озарилась.

Генералъ принималъ сначала Тѣнтѣтникова довольно хорошо и радушно; но сойтись между собою они не могли. Разговоры ихъ оканчивались споромъ и какимъ-то непріятнымъ ощущеніемъ съ обѣихъ сторонъ, потому что генералъ не любилъ противорѣчія и возраженія; Тѣнтѣтниковъ, съ своей стороны, тоже былъ человѣкъ щекотливый. Разумѣется, что ради дочери прощалось многое отцу, и миръ у нихъ держался, покуда не пріѣхали гостить къ генералу родственницы: графиня Бордырева и княжна Юзякина, отсталыя фрейлины прежняго двора, но удержавшія и донынѣ кое-какія связи, вслѣдствіе чего генералъ передъ ними немножко подличалъ. Съ самаго ихъ пріѣзда, Тѣнтѣтникову показалось, что онъ сталъ къ нему холоднѣе, не замѣчалъ его, или обращался какъ съ лицомъ безсловеснымъ; говорилъ ему какъ-то пренебрежительно: *любезнѣйшій, послушай, братецъ*, и даже *ты*. Это его, наконецъ, взорвало. Скрѣпя сердце и стиснувъ зубы, онъ, однакоже, имѣлъ присутствіе духа сказать необыкновенно учтивымъ и мягкимъ голосомъ, между тѣмъ какъ пятна выступили на лицѣ его и все внутри его кипѣло: «Я благодарю васъ, генералъ, за расположеніе. Словомъ *ты* вы меня вызываете на тѣсную дружбу, обязывая и меня говорить вамъ *ты*. Но различіе въ лѣтахъ препятствуетъ такому фамильярному между нами

обращенію». Генералъ смутился. Собирая слова и мысли, сталъ онъ говорить, хотя нѣсколько несвязно, что слово *ты* было имъ сказано не въ томъ смыслѣ, что старику иной разъ позволительно сказать молодому человѣку *ты* (о чинѣ своемъ онъ не упомянулъ ни слова).

Разумѣется, съ этихъ поръ знакомство между ними прекратилось, и любовь кончилась при самомъ началѣ. Потухнулъ свѣтъ, на минуту было передъ нимъ блеснувшій, и послѣдовавшія за нимъ сумерки стали еще сумрачнѣй. Все поворотило на жизнь, которую читатель видѣлъ въ началѣ главы—на лежанье и бездѣйствіе. Въ домѣ завелись гадость и безпорядокъ. Половая щетка оставалась по цѣлому дню посреди комнаты вмѣстѣ съ соромъ. Панталоны заходили даже въ гостиную. На щеголеватомъ столѣ передъ диваномъ лежали засаленныя подтяжки, точно какое угощенье гостю, и до того стала ничтожной и сонной его жизнь, что не только перестали уважать его дворовые люди, но чуть не клевали домашнія куры. Взявши перо, безсмысленно чертилъ онъ на бумагѣ по цѣлымъ часамъ рогульки, домики, избы, телѣги, тройки. Но иногда, все позабывши, перо чертило само собой, безъ вѣдома хозяина, маленькую головку съ тонкими чертами, съ быстрымъ пронзительнымъ взглядомъ и приподнятой прядью волосъ, и въ изумленіи видѣлъ хозяинъ, какъ выходилъ портретъ той, съ которой портрета не написалъ бы никакой живописецъ-художникъ. И еще грустнѣе ему становилось и, вѣря тому, что нѣтъ на землѣ счастья, оставался онъ еще болѣе послѣ того скучнымъ и безотвѣтнымъ.

Таково было состояніе души Андрея Ивановича Тѣнтѣтникова. Въ то время, когда, по обыкновенію, подсѣлъ онъ къ окну глазѣть обычнымъ порядкомъ, но къ изумленію своему не слыхалъ ни Григорія, ни Перфильевны, во дворѣ напротивъ было нѣкоторое движенье и нѣкоторая суета. Поварченокъ и поломойка бѣжали отворять ворота. Въ воротахъ показались кони, точь-въ-точь, какъ лѣпятъ иль рисуютъ ихъ на тріумфальныхъ воротахъ: морда направо,

морда налѣво, морда посерединѣ. Свыше ихъ, на козлахъ— кучеръ и лакей, въ широкомъ сюртукѣ, опоясавшій себя носовымъ платкомъ. За ними господинъ, въ картузѣ и шинели, закутанный въ косынку радужныхъ цвѣтовъ. Когда экипажъ изворотился передъ крыльцомъ, оказалось, что былъ онъ не что̀ другое, какъ рессорная легкая бричка. Господинъ, необыкновенно приличной наружности, соскочилъ на крыльцо съ быстротой и ловкостью почти военнаго человѣка.

Андрей Ивановичъ струсилъ: онъ принялъ его за чиновника отъ правительства. Надобно сказать, что въ молодости своей онъ было замѣшался въ одно неразумное дѣло. Два философа изъ гусаръ, начитавшіеся всякихъ брошюръ, да не докончившій учебнаго курса эстетикъ, да промотавшійся игрокъ затѣяли какое-то филантропическое общество, подъ верховнымъ распоряженіемъ стараго плута и масона и тоже карточнаго игрока, но краснорѣчивѣйшаго человѣка. Общество было устроено съ обширною цѣлью—доставить прочное счастіе всему человѣчеству, отъ береговъ Темзы до Камчатки. Касса денегъ потребовалась огромная; пожертвованья собирались съ великодушныхъ членовъ неимовѣрныя. Куда это все пошло—зналъ объ этомъ только одинъ верховный распорядитель. Въ общество это затянули его два пріятеля, принадлежавшіе къ классу огорченныхъ людей, добрые люди, но которые, отъ частыхъ тостовъ во имя науки, просвѣщенія и будущихъ одолженій человѣчеству, сдѣлались потомъ формальными пьяницами. Тѣнтѣтниковъ скоро спохватился и выбылъ изъ этого круга. Но общество успѣло уже запутаться въ какихъ-то другихъ дѣйствіяхъ, даже не совсѣмъ приличныхъ дворянину, такъ что потомъ завязались дѣла и съ полиціей... А потому не мудрено, что, и вышедши и разорвавши всякія сношенія съ ними, Тѣнтѣтниковъ не могъ, однакоже, оставаться покоенъ: на совѣсти у него было не совсѣмъ ловко. Не безъ страха глядѣлъ онъ и теперь на растворявшуюся дверь.

Страхъ его, однакоже, прошелъ вдругъ, когда гость раскланялся съ ловкостью неимовѣрной, сохраняя почтитель-

ное положеніе головы, нѣсколько на-бокъ, и въ короткихъ, но опредѣлительныхъ словахъ изъяснилъ, что уже издавна ѣздитъ онъ по Россіи, побуждаемый и потребностями, и любознательностью; что государство наше преизобилуетъ предметами замѣчательными, не говоря ужъ объ обиліи промысловъ и разнообразіи почвъ; что онъ увлекся картиннымъ мѣстоположеніемъ его деревни; что, несмотря, однакоже, на мѣстоположеніе, онъ не дерзнулъ бы обезпокоить его неумѣстнымъ заѣздомъ своимъ, если бы не случилось, по поводу весеннихъ разлитій и дурныхъ дорогъ, внезапной изломки въ экипажѣ его, требующей руки помощи со стороны кузнецовъ и мастеровъ; что при всемъ томъ, однакоже, если бы даже и ничего не случилось въ его бричкѣ, онъ бы не могъ отказать себѣ въ удовольствіи засвидѣтельствовать ему лично свое почтеніе.

Окончивъ рѣчь, гость, съ обворожительной пріятностью, подшаркнулъ ногой, обутой въ щегольской лайковый полусапожекъ, застегнутый на перламутровыя пуговки, и, несмотря на полноту корпуса, отпрыгнулъ тутъ же нѣсколько назадъ съ легкостью резиннаго мячика.

Успокоившійся Андрей Ивановичъ заключилъ, что это долженъ быть какой-нибудь любознательный ученый профессоръ, который ѣздитъ по Россіи, можетъ-быть, затѣмъ, чтобы собирать какія-нибудь растенія или, можетъ-быть, предметы ископаемые. Тотъ же часъ изъявилъ онъ ему всякую готовность споспѣшествовать во всемъ; предложилъ своихъ мастеровъ, колесниковъ и кузнецовъ; просилъ расположиться, какъ въ собственномъ домѣ; усадилъ его въ большія вольтеровскія [кресла] и приготовился слушать его разсказъ по части естественныхъ наукъ.

Гость, однакоже, коснулся больше событій внутренняго міра. Уподобилъ жизнь свою судну посреди морей, гонимому отовсюду вѣроломными вѣтрами; упомянулъ о томъ, что долженъ былъ перемѣнить много должностей, что много потерпѣлъ за правду, что даже самая жизнь его была не разъ въ опасности со стороны враговъ, и много еще раз-

сказалъ онъ такого, что̀ показывало въ немъ скорѣе практическаго человѣка. Въ заключеніе же рѣчи, высморкался онъ въ бѣлый батистовый платокъ такъ громко, какъ Андрей Ивановичъ еще и не слыхивалъ. Подчасъ попадается въ оркестрѣ такая пройдоха-труба, которая когда хватитъ, покажется, что крякнуло не въ оркестрѣ, но въ собственномъ ухѣ. Точно такой же звукъ раздался въ пробужденныхъ покояхъ дремавшаго дома, и немедленно вослѣдъ за нимъ воспослѣдовало благоуханье одеколона, невидимо распространенное ловкимъ встряхнутьемъ носового батистоваго платка.

Читатель, можетъ-быть, уже догадался, что гость былъ не другой кто, какъ нашъ почтенный, давно нами оставленный Павелъ Ивановичъ Чичиковъ. Онъ немножко постарѣлъ: какъ видно, не безъ бурь и тревогъ было для него это время. Казалось, какъ бы и самый фракъ на немъ немножко поизветшалъ, и бричка, и кучеръ, и слуга, и лошади, и упряжь какъ бы поистерлись и поизносились. Казалось, какъ бы и самые финансы даже не были въ завидномъ состояніи. Но выраженіе лица, приличіе, обхожденіе остались тѣ же. Даже какъ бы еще пріятнѣе сталъ онъ въ поступкахъ и оборотахъ, еще ловче подвертывалъ подъ ножку ножку, когда садился въ кресла. Еще болѣе было мягкости въ выговорѣ рѣчей, осторожной умѣренности въ словахъ и выраженіяхъ, болѣе умѣнія держать себя и болѣе такту во всемъ. Бѣлѣй и чище снѣговъ были на немъ воротнички и манишка, и, несмотря на то, что былъ онъ съ дороги, ни пушинки не сѣло къ нему на фракъ,—хоть приглашай сей же часъ его на именинный обѣдъ. Щеки и подбородокъ выбриты были такъ, что одинъ слѣпой могъ не полюбоваться пріятной выпуклостью круглоты ихъ.

Въ домѣ тотъ же часъ произошло преобразованіе. Половина его, дотолѣ пребывавшая въ слѣпотѣ, съ заколоченными ставнями, вдругъ прозрѣла и озарилась. Все начало размѣщаться въ освѣтившихся комнатахъ, и скоро все приняло такой видъ: комната, опредѣленная быть спальней,

вмѣстила въ себѣ вещи, необходимыя для ночного туалета; комната, опредѣленная быть кабинетомъ... но прежде необходимо знать, что въ этой комнатѣ было три стола: одинъ письменный—передъ диваномъ, другой ломберный—между окнами, передъ зеркаломъ, третій угольный—въ углу, между дверью въ спальню и дверью въ необитаемый залъ съ инвалидною мебелью, служившій теперь передней, въ который дотолѣ съ годъ не заходилъ никто. На этомъ угольномъ столѣ помѣстилось вынутое изъ чемодана платье, и именно: панталоны подъ фракъ, панталоны новые, панталоны сѣренькіе, два бархатныхъ жилета и два атласныхъ и сюртукъ. Все это размѣстилось одно на другомъ пирамидкой и прикрылось сверху носовымъ шелковымъ платкомъ. Въ другомъ углу, между дверью и окномъ, выстроились рядкомъ сапоги: одни не совсѣмъ новые, другіе совсѣмъ новые, лакированные полусапожки и спальные. Они также стыдливо занавѣсились шелковымъ носовымъ платкомъ,—такъ, какъ бы ихъ тамъ вовсе не было. На письменномъ столѣ тотчасъ же въ большомъ порядкѣ размѣстились: шкатулка, банка съ одеколономъ, календарь и два какіе-то романа, оба вторые тома. Чистое бѣлье помѣстилось въ комодѣ, уже находившемся въ спальнѣ; бѣлье же, которое слѣдовало прачкѣ, завязано было въ узелъ и подсунуто подъ кровать. Чемоданъ, по опростаньи его, былъ тоже подсунутъ подъ кровать. Сабля, ѣздившая по дорогамъ для внушенія страха ворамъ, помѣстилась тоже въ спальнѣ, повиснувши на гвоздѣ, невдалекѣ отъ кровати. Все приняло видъ чистоты и опрятности необыкновенной. Нигдѣ ни бумажки, ни перышка, ни соринки. Самый воздухъ какъ-то облагородился: въ немъ утвердился пріятный запахъ здороваго, свѣжаго мужчины, который бѣлья не занашиваетъ, въ баню ходитъ и вытираетъ себя мокрой губкой по воскреснымъ днямъ. Въ переднемъ залѣ покушался было утвердиться на время запахъ служителя Петрушки, но Петрушка скоро перемѣщенъ былъ на кухню, какъ оно и слѣдовало.

Въ первые дни Андрей Ивановичъ опасался за свою не-

зависимость, чтобы какъ-нибудь гость не связалъ его, не стѣснилъ какими-нибудь измѣненіями въ образѣ жизни и не разрушился бы порядокъ дня его, такъ удачно заведенный; но опасенія были напрасны. Павелъ Ивановичъ нашъ показалъ необыкновенно гибкую способность приспособиться ко всему. Одобрилъ философическую неторопливость хозяина, сказавши, что она обѣщаетъ столѣтнюю жизнь. Объ уединеніи выразился весьма счастливо, именно, что оно питаетъ великія мысли въ человѣкѣ. Взглянувъ на библіотеку и отозвавшись съ похвалой о книгахъ вообще, замѣтилъ, что онѣ спасаютъ отъ праздности человѣка. Выронилъ словъ немного, но съ вѣсомъ. Въ поступкахъ же своихъ показался онъ также еще болѣе кстати. Вò-время являлся, вò-время уходилъ; не затруднялъ хозяина запросами въ часы неразговорчивости его; съ удовольствіемъ игралъ съ нимъ въ шахматы, съ удовольствіемъ молчалъ. Въ то время, когда одинъ пускалъ кудреватыми облаками трубочный дымъ, другой, не куря трубки, придумывалъ, однакоже, соотвѣтствовавшее тому занятіе: вынималъ, напримѣръ, изъ кармана серебряную съ черныо табакерку и, утвердивъ ее между двухъ пальцевъ лѣвой руки, оборачивалъ ее быстро пальцемъ правой, въ подобіе того, какъ земная сфера обращается около своей оси, или же такъ по ней барабанилъ пальцемъ, въ присвистку. Словомъ — не мѣшалъ хозяину. «Я въ первый разъ вижу человѣка, съ которымъ можно жить», говорилъ про себя Тѣнтѣтниковъ: «вообще этого искусства у насъ мало. Между нами есть довольно людей, и умныхъ, и образованныхъ, и добрыхъ, но людей постоянно-ровнаго характера, людей, съ которыми можно бы прожить вѣкъ и не поссориться — я не знаю, много ли у насъ можно отыскать такихъ людей. Вотъ первый человѣкъ, котораго я вижу». Такъ отзывался Тѣнтѣнтиковъ о своемъ гостѣ.

Чичиковъ, съ своей стороны, былъ очень радъ, что поселился на время у такого мирнаго и смирнаго хозяина. Цыганская жизнь ему надоѣла. Пріотдохнуть, хотя на мѣ-

сяцъ, въ прекрасной деревнѣ, въ виду полей и начинавшейся весны, полезно было даже и въ гемороидальномъ отношеніи.

Трудно было найти лучшій уголокъ для отдохновенія. Весна, долго задерживаемая холодами, вдругъ началась во всей красѣ своей, и жизнь заиграла повсюду. Уже голубѣли пролѣски, и по свѣжему изумруду первой зелени желтѣлъ одуванчикъ, лилово-розовый анемонъ наклонялъ нѣжную головку. Рои мошекъ и кучи насѣкомыхъ показались на болотахъ; за ними въ догонъ бѣгалъ ужъ водяной паукъ, а за ними всякая птица въ сухіе тростники собралась отвсюду. И все собиралось поближе см[отрѣть] другъ друга. Вдругъ населилась земля, проснулись лѣса, луга зазвучали. Въ деревнѣ пошли хороводы. Гулянью былъ просторъ. Что̀ яркости въ зелени! что̀ свѣжести въ воздухѣ! что̀ птичьяго крику въ садахъ! Рай, радость и ликованье всего! Деревня звучала и пѣла, какъ бы на свадьбѣ.

Чичиковъ ходилъ много. Прогулкамъ и гуляньямъ былъ раздолъ повсюду. То направлялъ прогулку свою по плоской вершинѣ возвышеній, въ виду разстилавшихся внизу долинъ, по которымъ повсюду оставались еще большія озера отъ водополія, и островами на нихъ темнѣли еще безлистные лѣса; или же вступалъ въ гущи, въ лѣсные овраги, гдѣ столпя.... густо дерева, отягченныя птичьими гнѣздами, вмѣсти..... каркающихъ вòроновъ, перекрестными летаньями помрачавшихъ небо. По просохнувшей землѣ можно было отправляться къ пристани, откуда съ горохомъ, ячменемъ и пшеницей отчаливали первыя суда, между тѣмъ, какъ въ то же время съ оглушительнымъ шумомъ неслась повергаться вода на колеса начинавшей работать мельницы. Ходилъ онъ наблюдать первыя весеннія работы, глядѣть, какъ свѣжая орань черной полосою проходила по зелени, и засѣватель, постукивая рукою о сито, висѣвшее у него на груди, горстью разбрасывалъ сѣмена ровно, ни зернышка не передавши на ту или другую сторону.

Чичиковъ вездѣ побывалъ. Перетолковалъ и перегово-

рилъ и съ приказчикомъ, и съ мужикомъ, и мельникомъ. Узналъ все, обо всемъ, и что̀, и какъ, и какимъ образомъ хозяйство идетъ, и на сколько хлѣба продается, и что̀ выбираютъ весной и осенью за умолъ муки, и какъ зовутъ каждаго мужика, и кто съ кѣмъ въ родствѣ, и гдѣ купилъ корову, и чѣмъ кормитъ свинью, словомъ — все. Узналъ и то, сколько перемерло мужиковъ; оказалось—немного. Какъ умный человѣкъ, замѣтилъ онъ вдругъ, что незавидно идетъ хозяйство у Андрея Ивановича: повсюду упущенія, нерадѣніе, воровство, не мало и пьянства. И думалъ: «Какая, однакоже, скотина Тѣнтѣтниковъ! Такое имѣніе и этакъ запустить! Можно бы имѣть пятьдесятъ тысячъ годового доходу».

Не разъ, посреди такихъ прогулокъ, приходило ему на мысль сдѣлаться когда-нибудь самому,—т. е., разумѣется, не теперь, но послѣ, когда обдѣлается главное дѣло и будутъ средства въ рукахъ,—сдѣлаться самому мирнымъ владѣльцемъ подобнаго помѣстья. Тутъ, разумѣется, сейчасъ представлялась ему даже и молодая, свѣжая, бѣлолицая бабенка, изъ купеческаго или другого богатаго сословія, которая бы даже знала и музыку. Представлялось ему и молодое поколѣніе, долженствовавшее увѣковѣчить фамилію Чичиковыхъ: рѣзвунчикъ - мальчишка и красавица - дочка, или даже два мальчугана, двѣ и даже три дѣвчонки, чтобы было всѣмъ извѣстно, что онъ дѣйствительно жилъ и существовалъ, а не то, что прошелъ какой-нибудь тѣнью или призракомъ по землѣ, — чтобы не было стыдно и передъ отечествомъ. Тогда ему начинало представляться даже и то, что недурно бы и къ чину нѣкоторое прибавленіе: статскій совѣтникъ, напримѣръ, чинъ почтенный и уважительный.... Мало ли чего не приходитъ въ умъ, во время прогулокъ, человѣку, что̀ человѣка такъ часто уноситъ отъ скучной настоящей минуты, теребитъ, дразнитъ, шевелитъ воображеніе и бываетъ ему любо даже тогда, когда увѣренъ онъ самъ, что это никогда не сбудется!

Людямъ Павла Ивановича деревня тоже понравилась.

Они такъ же, какъ и онъ, обжились въ ней. Петрушка сошелся очень скоро съ буфетчикомъ Григоріемъ, хотя сначала они оба важничали и дулись другъ передъ другомъ нестерпимо. Петрушка пустилъ Григорію пыль въ глаза своею бывалостью въ разныхъ мѣстахъ; Григорій же осадилъ его сразу Петербургомъ, въ которомъ Петрушка не былъ. Послѣдній хотѣлъ было подняться и выѣхать на дальности разстояній тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ онъ бывалъ; но Григорій назвалъ ему такое мѣсто, какого ни на какой картѣ нельзя было отыскать, и насчиталъ тридцать тысячъ слишкомъ верстъ, такъ что служитель Павла Ивановича совсѣмъ осовѣлъ, разинулъ ротъ и былъ поднятъ на смѣхъ тутъ же всею дворней. Дѣло, однакожъ, кончилось между ними самой тѣсной дружбой. Въ концѣ деревни Лысый Пименъ, дядя всѣхъ крестьянъ, держалъ кабакъ, которому имя было Акулька. Въ этомъ заведеніи видѣли ихъ всѣ часы дня. Тамъ стали они свои други, или то, что̀ называютъ въ народѣ—кабацкіе завсегдатели.

У Селифана была другого рода приманка. На деревнѣ, что̀ ни вечеръ, пѣлись пѣсни, заплетались и расплетались весенніе хороводы. Породистыя стройныя дѣвки, какихъ уже трудно теперь найти въ большихъ деревняхъ, заставляли его по нѣсколькимъ часамъ стоять вороной. Трудно было сказать, которая лучше: всѣ бѣлогрудыя, бѣлошейныя, у всѣхъ глаза рѣпой, у всѣхъ глаза съ поволокой, походка павлиномъ и коса до пояса. Когда, взявшись обѣими руками за бѣлыя руки, медленно двигался онъ съ ними въ хороводѣ, или же выходилъ на нихъ стѣной, въ ряду другихъ парней, и, выходя также стѣной навстрѣчу имъ, громко выпѣвали, усмѣхаясь, горластыя дѣвки: «Бояре, покажите жениха!» и тихо померкала вокругъ окольность, и раздававшійся далеко за рѣкой возвращался грустнымъ назадъ отголосокъ напѣва,—не зналъ онъ и самъ тогда, что̀ съ нимъ дѣлалось. Во снѣ и наяву, утромъ и въ сумерки, все мерещилось ему потомъ, что въ обѣихъ рукахъ его бѣлыя руки, и движется онъ въ хороводѣ.

Конямъ Чичикова понравилось тоже новое жилище. И коренной, и засѣдатель, и самый чубарый нашли пребываніе у Тѣнтѣтникова совсѣмъ не скучнымъ, овесъ отличнымъ, а расположеніе конюшенъ необыкновенно удобнымъ: у всякаго стойло, хотя и отгороженное, но черезъ перегородки можно было видѣть и другихъ лошадей, такъ что, если бы пришла кому-нибудь изъ нихъ, даже самому дальнему, блажь вдругъ заржать, можно было ему отвѣтствовать тѣмъ же тотъ же часъ.

Словомъ, всѣ обжились, какъ дома. Что̀ же касается до той надобности, ради которой Павелъ Ивановичъ объѣзжалъ пространную Россію, то-есть — до мертвыхъ душъ, то насчетъ этого предмета онъ сдѣлался очень остороженъ и деликатенъ, если бы даже пришлось вести дѣло съ дураками круглыми. Но Тѣнтѣтниковъ, какъ бы то ни было, читаетъ книги, философствуетъ, старается изъяснить себѣ всякія причины всего — зачѣмъ и почему? «Нѣтъ, лучше поискать, нельзя ли съ другого конца». Такъ думалъ онъ. Раздобаривая почасту съ дворовыми людьми, онъ, между прочимъ, отъ нихъ развѣдалъ, что баринъ ѣздилъ прежде довольно нерѣдко къ сосѣду-генералу, что у генерала барышня, что баринъ было къ барышнѣ, да и барышня тоже къ барину... но потомъ вдругъ за что-то не поладили и разошлись. Онъ замѣтилъ и самъ, что Андрей Ивановичъ карандашомъ и перомъ все рисовалъ какія-то головки, одна на другую похожія.

Одинъ разъ, послѣ обѣда, оборачивая по обыкновенію пальцемъ серебряную табакерку вокругъ ея оси, сказалъ онъ такъ: «У васъ все есть, Андрей Ивановичъ, одного только недостаетъ».

«Чего?» спросилъ тотъ, выпуская кудреватый дымъ.

«Подруги жизни», сказалъ Чичиковъ.

Ничего не сказалъ Андрей Ивановичъ. Тѣмъ разговоръ и кончился.

Чичиковъ не смутился, выбралъ другое время, уже передъ ужиномъ, и, разговаривая о томъ и о семъ, сказалъ

вдругъ: «А право, Андрей Ивановичъ, вамъ бы очень не мѣшало жениться».

Хоть бы слово сказалъ на это Тѣнтѣтниковъ, точно, какъ бы и самая рѣчь объ этомъ была ему непріятна.

Чичиковъ не смутился. Въ третій разъ выбралъ онъ время уже послѣ ужина и сказалъ такъ: «А все-таки, какъ ни переворочу обстоятельства ваши, вижу, что нужно вамъ жениться: впадете въ ипохондрію».

Слова ли Чичикова были на этотъ разъ такъ убѣдительны, или же расположеніе духа въ этотъ день у него было особенно настроено къ откровенности—онъ вздохнулъ, сказалъ, пустивши кверху трубочный дымъ: «На все нужно родиться счастливцемъ, Павелъ Ивановичъ», и разсказалъ все, какъ было, всю исторію знакомства съ генераломъ и разрыва.

Когда услышалъ Чичиковъ, отъ слова до слова, все дѣло, и увидѣлъ, что изъ-за одного слова *ты* произошла такая исторія, онъ оторопѣлъ. Съ минуту смотрѣлъ пристально въ глаза Тѣнтѣтникову, не зная, какъ рѣшить объ немъ: дуракъ ли онъ круглый, или только придурковатъ, и наконецъ —

«Андрей Ивановичъ! помилуйте!» сказалъ онъ, взявши его за обѣ руки: «какое-жъ оскорбленіе? что̀-жъ тутъ оскорбительнаго въ словѣ *ты?*»

«Въ самомъ словѣ нѣтъ ничего оскорбительнаго», сказалъ Тѣнтѣтниковъ: «но въ смыслѣ слова, но въ голосѣ, съ которымъ сказано оно, заключается оскорбленіе. *Ты!*—это значитъ: «Помни, что ты дрянь; я принимаю тебя потому только, что нѣтъ никого лучше; а пріѣхала какая-нибудь княжна Юзякина—ты знай свое мѣсто, стой у порога». Вотъ что̀ это значитъ!» Говоря это, смирный и кроткій Андрей Ивановичъ засверкалъ глазами; въ голосѣ его послышалось раздраженіе оскорбленнаго чувства.

«Да хоть бы даже и въ этомъ смыслѣ, что̀-жъ тутъ такого?» сказалъ Чичиковъ.

«Какъ! Вы хотите, чтобы я продолжалъ бывать у него послѣ такого поступка?»

«Да какой же это поступокъ? Это даже не поступокъ», сказалъ хладнокровно Чичиковъ.

«Какъ не поступокъ?» спросилъ въ изумленіи Тѣнтѣтниковъ.

«Это генеральская привычка, а не поступокъ: они всѣмъ говорятъ *ты*. Да впрочемъ, почему-жъ этого и не позволить заслуженному, почтенному человѣку...?»

«Это другое дѣло», сказалъ Тѣнтѣтниковъ. «Если бы онъ былъ старикъ, бѣднякъ, не гордъ, не чванливъ, не генералъ, я бы тогда позволилъ ему говорить мнѣ *ты* и принялъ бы даже почтительно».

«Онъ совсѣмъ дуракъ», подумалъ про себя Чичиковъ: «оборвышу позволить, а генералу не позволить!..» — «Хорошо!» сказалъ онъ вслухъ: «положимъ, онъ васъ оскорбилъ, зато вы и поквитались съ нимъ: онъ вамъ, и вы ему. Ссориться, оставляя личное,собственное [дѣло],—это, извините... Если уже избрана цѣль, ужъ нужно итти напроломъ. Что глядѣть па то, что человѣкъ плюется! Человѣкъ всегда плюется: онъ такъ ужъ созданъ. Да вы не отыщете теперь во всемъ свѣтѣ такого, которой бы не плевался».

«Странный человѣкъ этотъ Чичиковъ!» думалъ про себя въ недоумѣніи Тѣнтѣтниковъ, совершенно озадаченный такими словами.

«Какой, однакоже, чудакъ этотъ Тѣнтѣтниковъ!» думалъ между тѣмъ Чичиковъ.

«Андрей Ивановичъ! я буду съ вами говорить какъ братъ съ братомъ. Вы человѣкъ неопытный—позвольте мнѣ обдѣлать это дѣло. Я съѣзжу къ его превосходительству и объясню, что случилось это съ вашей стороны по недоразумѣнію, по молодости и незнанію людей и свѣта».

«Подличать передъ нимъ я не намѣренъ!» сказалъ, оскорбившись, Тѣнтѣтниковъ: «да и васъ не могу на это уполномочить».

«Подличать я не способенъ», сказалъ, оскорбившись, Чичиковъ. «Провиниться въ другомъ проступкѣ, по человѣчеству, могу, но въ подлости—никогда... Извините, Андрей

Ивановичъ, за мое доброе желаніе, я не ожидалъ, чтобы слова мои принимали вы въ такомъ обидномъ смыслѣ». Все это было сказано съ чувствомъ достоинства.

«Я виноватъ, простите!» сказалъ торопливо тронутый Тѣнтѣтниковъ, схвативъ его за обѣ руки. «Я не думалъ васъ оскорбить. Клянусь, ваше доброе участіе мнѣ дорого! Но оставимъ этотъ разговоръ. Не будемъ больше никогда объ этомъ говорить!»

«Въ такомъ случаѣ, я такъ поѣду къ генералу».

«Зачѣмъ?» спросилъ Тѣнтѣтниковъ, смотря въ недоумѣніи ему въ глаза.

«Засвидѣтельствовать почтеніе».

«Странный человѣкъ этотъ Чичиковъ!» подумалъ Тѣнтѣтниковъ.

«Странный человѣкъ этотъ Тѣнтѣтниковъ!» подумалъ Чичиковъ.

«Я завтра же, Андрей Ивановичъ, около десяти часовъ утра къ нему и поѣду. По-моему, чѣмъ скорѣй засвидѣтельствовать почтеніе человѣку, тѣмъ лучше. Такъ какъ бричка моя еще не пришла въ надлежащее состояніе, то позвольте мнѣ взять у васъ коляску. Я бы завтра же, этакъ около десяти часовъ утра, къ нему бы и съѣздилъ».

«Помилуйте, что̀ за просьба? Вы полный господинъ: и экипажъ, и все въ вашемъ расположеніи».

Послѣ такого разговора, они простились и разошлись спать, не безъ разсужденія о странностяхъ другъ друга.

Чудная, однакоже, вещь! На другой день, когда подали Чичикову лошадей и вскочилъ онъ въ коляску съ легкостью почти военнаго человѣка, одѣтый въ новый фракъ, бѣлый галстукъ и жилетъ, и покатился свидѣтельствовать почтеніе генералу, Тѣнтѣтниковъ пришелъ въ такое волненіе духа, какого давно не испытывалъ. Весь этотъ ржавый и дремлющій ходъ его мыслей превратился въ дѣятельно-безпокойный. Возмущеніе нервическое обуяло вдругъ всѣми чувствами доселѣ погруженнаго въ безпечную лѣнь байбака. То садился онъ на диванъ, то подходилъ къ окну, то при-

нимался за книгу, то хотѣлъ мыслить — безуспѣшное хотѣнье! мысль не лѣзла къ нему въ голову. То старался ни о чемъ не мыслить—безуспѣшное старанье! отрывки чего-то, похожаго на мысли, концы и хвостики мыслей лѣзли и отовсюду наклевывались къ нему въ голову. «Странное состояніе!» сказалъ онъ и придвинулся къ окну—глядѣть на дорогу, прорѣзавшую дуброву, въ концѣ которой еще курилась неуспѣвшая улечься пыль. Но, оставивъ Тѣнтѣтникова, послѣдуемъ за Чичиковымъ.

ГЛАВА II.

Добрые кони въ полчаса съ небольшимъ пронесли Чичикова чрезъ десятиверстное пространство: сначала дубровою, потомъ хлѣбами, начинавшими зеленѣть посреди свѣжей орани, потомъ горной окраиной, съ которой поминутно открывались виды на отдаленья; потомъ широкою аллеей липъ, едва начинавшихъ развиваться, внесли его въ самую середину деревни. Тутъ аллея липъ своротила направо и, превратясь въ улицу тополей, огороженныхъ снизу плетеными коробками, уперлась въ чугунныя сквозныя ворота, сквозь которыя глядѣлъ кудряво богатый рѣзной фронтонъ генеральскаго дома, опиравшійся на восемь коринѳскихъ колоннъ. Повсюду несло масляной краской, все обновлявшей и ничему не дававшей состарѣться. Дворъ чистотой подобенъ былъ паркету. Съ почтеніемъ соскочилъ Чичиковъ, приказалъ о себѣ доложить генералу и былъ введенъ къ нему прямо въ кабинетъ. Генералъ поразилъ его величественной наружностью. Онъ былъ въ атласномъ стеганомъ халатѣ великолѣпнаго пурпура. Открытый взглядъ, лицо мужественное, усы и большіе бакенбарды съ просѣдью, стрижка на затылкѣ низкая, подъ гребенку, шея сзади толстая, называемая въ три этажа, или въ три складки, съ трещиной поперекъ: словомъ—это былъ одинъ изъ тѣхъ картинныхъ генераловъ, которыми такъ богатъ былъ знаменитый 12-й годъ. Генералъ Бетрищевъ, какъ и многіе

изъ насъ, заключалъ въ себѣ при кучѣ достоинствъ и кучу недостатковъ. То и другое, какъ водится въ русскомъ человѣкѣ, было набросано у него въ какомъ-то картинномъ безпорядкѣ. Въ рѣшительныя минуты—великодушіе, храбрость, безграничная щедрость, умъ во всемъ и, въ примѣсь къ этому, капризы, честолюбіе, самолюбіе и тѣ мелкія личности, безъ которыхъ не обходится ни одинъ русскій, когда онъ сидитъ безъ дѣла и нѣтъ рѣшитель..... Онъ не любилъ всѣхъ, которые ушли впередъ его по службѣ, и выражался о нихъ ѣдко, въ колкихъ эпиграммахъ. Всего больше доставалось его прежнему сотоварищу, котораго считалъ онъ ниже себя и умомъ, и способностями, и который, однакоже, обогналъ его и былъ уже генералъ-губернаторомъ двухъ губерній, и, какъ нарочно, тѣхъ, въ которыхъ находились его помѣстья, такъ что онъ очутился какъ бы въ зависимости отъ него. Въ отместку язвилъ онъ его при всякомъ случаѣ, порочилъ всякое распоряженіе и видѣлъ во всѣхъ мѣрахъ и дѣйствіяхъ его верхъ неразумія. Въ немъ было все какъ-то странно, начиная съ просвѣщенія, котораго онъ былъ поборникъ и ревнитель; любилъ также знать то, чего другіе не знаютъ, и не любилъ тѣхъ людей, которые знаютъ что-нибудь такое, чего онъ не знаетъ. Словомъ, онъ любилъ похвастать умомъ. Воспитанный полуиностраннымъ воспитаніемъ, онъ хотѣлъ сыграть въ то же время роль русскаго барина. И не мудрено, что съ такой неровностью въ характерѣ, съ такими крупными, яркими противоположностями, онъ долженъ былъ неминуемо встрѣтить множество непріятностей по службѣ, вслѣдствіе которыхъ и вышелъ въ отставку, обвиняя во всемъ какую-то враждебную партію и не имѣя великодушія обвинить въ чемъ-либо себя самого. Въ отставкѣ сохранилъ онъ ту же картинную величавую осанку. Въ сюртукѣ ли, во фракѣ ли, въ халатѣ—онъ былъ все тотъ же. Отъ голоса до малѣйшаго тѣлодвиженія, въ немъ все было властительное, повелѣвающее, внушавшее въ низшихъ чинахъ если не уваженіе, то по крайней мѣрѣ робость.

Чичиковъ почувствовалъ то и другое: и уваженіе, и ро-

бость. Наклоня почтительно голову на-бокъ и разставивъ руки на отлетъ, какъ бы готовился приподнять ими подносъ съ чашками, онъ изумительно-ловко нагнулся всѣмъ корпусомъ и сказалъ: «Счелъ долгомъ представиться вашему превосходительству. Питая уваженіе къ доблестямъ мужей, спасавшихъ отечество на бранномъ полѣ, счелъ долгомъ представиться лично вашему превосходительству».

Генералу, какъ видно, не непонравился такой приступъ. Сдѣлавши весьма благосклонное движеніе головою, онъ сказалъ: «Весьма радъ познакомиться. Милости просимъ садиться. Вы гдѣ служили?»

«Поприще службы моей», сказалъ Чичиковъ, садясь въ кресла не посрединѣ, но наискось, и ухватившись рукою за ручку креселъ: «началось въ казенной палатѣ, ваше превосходительство. Дальнѣйшее же теченіе оной совершалъ по разнымъ мѣстамъ: былъ и въ надворномъ судѣ, и въ комиссіи построенія, и въ таможнѣ. Жизнь мою можно уподобить какъ бы судну среди волнъ, ваше превосходительство. Терпѣніемъ, можно сказать, повитъ, спеленатъ и, будучи, такъ сказать, самъ одно олицетворенное терпѣніе... А что было отъ враговъ, покушавшихся на самую жизнь, такъ это ни слова́, ни краски, ни сама́я, такъ сказать, кисть не сумѣетъ передать, такъ что на склонѣ жизни своей ищу только уголка, гдѣ бы провесть остатокъ дней. Пріостановился же покуда у близкаго сосѣда вашего превосходительства...»

«У кого это?»

«У Тѣнтѣтникова, ваше превосходительство».

Генералъ поморщился.

«Онъ, ваше превосходительство, весьма раскаивается въ томъ, что не оказалъ должнаго уваженія...»

«Къ чему?»

«Къ заслугамъ вашего превосходительства. Не находитъ словъ... Говоритъ: «Если бы я только могъ чѣмъ-нибудь... потому что точно», говоритъ, «умѣю цѣнить мужей, спасавшихъ отечество», говоритъ».

«Помилуйте, что̀-жъ онъ? Да вѣдь я не сержусь», сказалъ смягчившійся генералъ. «Въ душѣ моей я искренно полюбилъ его и увѣренъ, что современемъ онъ будетъ преполезный человѣкъ».

«Совершенно справедливо изволили выразиться, ваше превосходительство: истинно преполезный человѣкъ; можетъ побѣждать и даромъ слова и владѣетъ перомъ».

«Но пишетъ, я чай, пустяки—какіе-нибудь стишки?»

«Нѣтъ, ваше превосходительство, не пустяки... Онъ что-то дѣльное... Онъ пишетъ... исторію, ваше превосходительство».

«Исторію? о чемъ исторію?»

«Исторію...» тутъ Чичиковъ остановился, и оттого ли, что передъ нимъ сидѣлъ генералъ, или, просто, чтобы придать болѣе важности предмету, прибавилъ: «исторію о генералахъ, ваше превосходительство».

«Какъ о генералахъ? о какихъ генералахъ?»

«Вообще о генералахъ, ваше превосходительство, въ общности. То-есть, говоря собственно, объ отечественныхъ генералахъ».

Чичиковъ совершенно спутался и потерялся, чуть не плюнулъ самъ и мысленно сказалъ въ себѣ: «Господи, что̀ за вздоръ такой несу!»

«Извините, я не очень понимаю... Что̀-жъ это выходитъ, исторію какого-нибудь времени, или отдѣльныя біографіи? и притомъ всѣхъ ли, или только участвовавшихъ въ 12-мъ году?»

«Точно такъ, ваше превосходительство, участвовавшихъ въ 12-мъ году!» Проговоривши это, онъ подумалъ въ себѣ: «Хоть убей, не понимаю!»

«Такъ что̀-жъ онъ ко мнѣ не пріѣдетъ? Я бы могъ собрать ему весьма много любопытныхъ матеріаловъ».

«Робѣетъ, ваше превосходительство».

«Какой вздоръ! Изъ какого-нибудь пустого слова, что между нами произнесъ... Да я совсѣмъ не такой человѣкъ. Я, пожалуй, къ нему самъ готовъ пріѣхать».

«Онъ къ тому не допуститъ, онъ самъ пріѣдетъ», сказалъ Чичиковъ, оправился и совершенно ободрился, и подумалъ: «Экая оказія! какъ генералы пришлись кстати! а вѣдь языкъ взболтнулъ сдуру».

Въ кабинетѣ послышался шорохъ. Орѣховая дверь рѣзного шкафа отворилась сама собою и на отворившейся обратной половинѣ ея, ухватившись рукой за мѣдную ручку замкà, явилась живая фигурка. Если бы въ темной комнатѣ вдругъ вспыхнула прозрачная картина, освѣщенная сильно сзади лампами,—одна она бы такъ не поразила внезапностію своего явленія, какъ фигурка эта. Видно было, что взошла съ тѣмъ, чтобы что-то сказать, но увидя незнакомаго человѣка... Съ нею вмѣстѣ, казалось, влетѣлъ солнечный лучъ, какъ будто разсмѣялся нахмурившійся кабинетъ генерала. Чичиковъ въ первую минуту не могъ дать себѣ отчета, чтò такое именно предъ нимъ стояло. Трудно было сказать, какой земли она была уроженка. Такого чистаго, благороднаго очертанія лица нельзя было отыскать нигдѣ, кромѣ развѣ только на однихъ древнихъ камейкахъ. Прямая и легкая, какъ стрѣлка, она какъ бы возвышалась надъ всѣми своимъ ростомъ. Но это было обольщеніе. Она была вовсе не высокаго роста. Происходило это отъ необыкновенно согласнаго соотношенія между собою всѣхъ частей тѣла. Платье сидѣло на ней такъ, что, казалось, лучшія швеи совѣщались между собой, какъ бы получше убрать ее. Но это было также обольщеніе. Одѣлась она какъ будто сама собой: въ двухъ, трехъ мѣстахъ схватила игла коекакъ неизрѣзанный кусокъ одноцвѣтной ткани, и онъ уже собрался и расположился вокругъ нея въ такихъ сборахъ и складкахъ, что если бы перенести ихъ вмѣстѣ съ нею на картину, всѣ барышни, одѣтыя по модѣ, казались бы передъ ней какими-то пеструшками, издѣліемъ лоскутнаго ряда. И если бы перенесть ее со всѣми этими складками ее обольнувшаго платья на мраморъ, назвали бы его копіею геніальныхъ. Одно было нехорошо: она была черезчуръ уже тонка и худа.

«Рекомендую вамъ мою баловницу!» сказалъ генералъ, обратясь къ Чичикову. «Однакожъ фамиліи вашей, имени и отчества до сихъ поръ не знаю».

«Должно ли быть знаемо имя и отчество человѣка, не ознаменовавшаго себя доблестями?» сказалъ скромно Чичиковъ, наклонивши голову на-бокъ.

«Все же, однакожъ, нужно знать...»

«Павелъ Ивановичъ, ваше превосходительство», сказалъ Чичиковъ, поклонившись съ ловкостью почти военнаго человѣка и отпрыгнувши назадъ съ легкостью резиннаго мячика.

«Улинька!» сказалъ генералъ, обратясь къ дочери: «Павелъ Ивановичъ сейчасъ сказалъ преинтересную новость. Сосѣдъ нашъ Тѣнтѣтниковъ совсѣмъ не такой глупый человѣкъ, какъ мы полагали. Онъ занимается довольно важнымъ дѣломъ: исторіей генераловъ двѣнадцатаго года».

«Да кто же думалъ, что онъ глупый человѣкъ?» проговорила она быстро. «Развѣ одинъ только Вишнепокромовъ, которому ты вѣришь, который и пустой, и низкій человѣкъ!»

«Зачѣмъ же низкій? Онъ пустоватъ, это правда», сказалъ генералъ.

«Онъ подловатъ и гадковатъ, не только-что пустоватъ. Кто такъ обидѣлъ своихъ братьевъ и выгналъ изъ дому родную сестру, тотъ гадкій человѣкъ».

«Да вѣдь это разсказываютъ только».

«Такихъ вещей разсказывать не будутъ напрасно. Я не понимаю, отецъ, какъ съ добрѣйшей душой, какая у тебя, и такимъ рѣдкимъ сердцемъ, ты будешь принимать человѣка, который какъ небо отъ земли отъ тебя, о которомъ самъ знаешь, что онъ дуренъ».

«Вотъ этакъ, вы видите», сказалъ генералъ, усмѣхаясь, Чичикову: «вотъ этакъ мы всегда съ ней споримъ». И, оборотясь къ спорящей, продолжалъ:

«Душа моя! вѣдь мнѣ-жъ не прогнать его?»

«Зачѣмъ прогонять? Но зачѣмъ и показывать ему такое вниманіе? зачѣмъ и любить?»

Здѣсь Чичиковъ почелъ долгомъ ввернуть и отъ себя слово.

«Всѣ требуютъ къ себѣ любви, сударыня», сказалъ Чичиковъ. «Чтò-жъ дѣлать? И скотинка любитъ, чтобы ее погладили; сквозь хлѣвъ просунетъ для этого морду: на, погладь!»

Генералъ разсмѣялся. «Именно просунетъ морду: погладь его!... Ха, ха, ха! У него не только что рыло все, весь, весь зажилъ въ сажѣ, а вѣдь тоже требуетъ, какъ говорится, поощренія... Ха, ха, ха, ха!» И туловище генерала стало колебаться отъ смѣха. Плечи, носившія нѣкогда густые эполеты, тряслись, точно какъ бы носили и понынѣ густые эполеты.

Чичиковъ разрѣшился тоже междометіемъ смѣха, но, изъ уваженія къ генералу, пустилъ его на букву э: хе, хе, хе, хе, хе. И туловище его также стало колебаться отъ смѣха, хотя плечи и не тряслись, потому что не носили густыхъ эполетъ.

«Обокрадетъ, обворуетъ казну, да еще и, каналья, наградъ проситъ! Нельзя, говоритъ, безъ поощренія, трудился... Ха, ха, ха, ха!»

Болѣзненное чувство выразилось на благородномъ, миломъ лицѣ дѣвушки. «Ахъ, папа! Я не понимаю, какъ ты можешь смѣяться! На меня эти безчестные поступки наводятъ уныніе и ничего болѣе. Когда я вижу, что въ глазахъ совершается обманъ въ виду всѣхъ и не наказываются эти люди всеобщимъ презрѣніемъ, я не знаю, чтò со мной дѣлается, я на ту пору становлюсь зла, даже дурна: я думаю, думаю...» И чуть сама не заплакала.

«Только, пожалуйста, не гнѣвайся на насъ», сказалъ генералъ. «Мы тутъ ни въ чемъ не виноваты. Не правда ли?» сказалъ онъ, обратясь къ Чичикову. «Поцѣлуй меня и уходи къ себѣ. Я сейчасъ стану одѣваться къ обѣду. Вѣдь ты», сказалъ онъ, посмотрѣвъ Чичикову въ глаза: «надѣюсь, обѣдаешь у меня?»

«Если только, ваше превосходительство. .»

«Безъ чиновъ, что̀ тутъ? Я вѣдь еще, слава Богу, могу накормить. Щи есть».

Бросивъ ловко обѣ руки на отлетъ, Чичиковъ признательно и почтительно наклонилъ голову книзу, такъ что на время скрылись изъ его взоровъ всѣ предметы въ комнатѣ, и остались видны ему только одни носки своихъ собственныхъ полусапожекъ. Когда же, пробывъ нѣсколько времени въ такомъ почтительномъ расположеніи, приподнялъ онъ голову снова кверху, онъ уже не увидалъ Улиньки. Она исчезнула. Намѣсто ея предсталъ, въ густыхъ усахъ и бакенбардахъ, великанъ-камердинеръ, съ серебряной лаханкой и рукомойникомъ въ рукахъ.

«Ты мнѣ позволишь одѣваться при себѣ?»

«Не только одѣваться, но можете совершить при мнѣ все, что̀ угодно вашему превосходительству».

Опустя съ одной руки халатъ и засуча рукава рубашки на богатырскихъ рукахъ, генералъ сталъ умываться, брызгаясь и фыркая какъ утка. Вода съ мыломъ летѣла во всѣ стороны.

«Любятъ, любятъ, точно любятъ поощреніе», сказалъ онъ, вытирая со всѣхъ сторонъ свою шею... «Погладь, погладь его! а вѣдь безъ поощренія такъ и красть не станетъ! Ха, ха, ха!»

Чичиковъ былъ въ духѣ неописанномъ. Вдругъ налетѣло на него вдохновеніе. «Генералъ весельчакъ и добрякъ— попробовать!» подумалъ онъ и, увидя, что камердинеръ съ лаханью вышелъ, вскрикнулъ: «Ваше превосходительство! такъ какъ вы уже такъ добры ко всѣмъ и внимательны, имѣю къ вамъ крайнюю просьбу».

«Какую?»—Чичиковъ осмотрѣлся вокругъ.

«Есть, ваше превосходительство, дряхлый старичишка-дядя, у него триста душъ и двѣ тысячи... и, кромѣ меня, наслѣдниковъ никого. Самъ управлять имѣніемъ, по дряхлости, не можетъ, а мнѣ не передаетъ тоже. И какой странный приводитъ резонъ! «Я», говоритъ: «племянника не знаю; можетъ-быть, онъ мотъ. Пусть онъ докажетъ мнѣ,

что онъ надежный человѣкъ: пусть пріобрѣтетъ прежде самъ собой триста душъ; тогда я ему отдамъ и свои триста душъ».

«Да чтò-жъ онъ, выходитъ, совсѣмъ дуракъ?» спросилъ генералъ.

«Дуракъ бы еще пусть, это при немъ бы и оставалось. Но положеніе-то мое, ваше превосходительство! У старика́шки завелась какая-то ключница, а у ключницы дѣти. Того и смотри, все перейдетъ имъ».

«Выжилъ глупый старикъ изъ ума и больше ничего», сказалъ генералъ. «Только я не вижу, чѣмъ тутъ я могу пособить?» говорилъ онъ, смотря съ изумленіемъ на Чичикова.

«Я придумалъ вотъ чтò. Если вы всѣхъ мертвыхъ душъ вашей деревни, ваше превосходительство, передадите мнѣ въ такомъ видѣ, какъ бы онѣ были живыя, съ совершеніемъ купчей крѣпости, я бы тогда эту крѣпость представилъ старику, и онъ наслѣдство бы мнѣ отдалъ».

Тутъ генералъ разразился такимъ смѣхомъ, какимъ врядъ ли когда смѣялся человѣкъ. Какъ былъ, такъ и повалился онъ въ кресла. Голову забросилъ назадъ и чуть не захлебнулся. Весь домъ встревожился. Предсталъ камердинеръ. Дочь прибѣжала въ испугѣ.

«Отецъ, чтò съ тобой случилось?» говорила она въ страхѣ, съ недоумѣніемъ смотря ему въ глаза.

Но генералъ долго не могъ издать никакого звука.

«Ничего, другъ мой; не заботься. Ступай къ себѣ; мы сейчасъ явимся обѣдать. Будь спокойна. Ха, ха, ха!»

И, нѣсколько разъ задохнувшись, вырвался съ новою силою генеральскій хохотъ, раздаваясь отъ передней до послѣдней комнаты.

Чичиковъ былъ въ безпокойствѣ.

«Дядя-то, дядя! въ какихъ дуракахъ будетъ дядя! Ха, ха, ха! Мертвецовъ вмѣсто живыхъ получитъ! Ха, ха!»

«Опять пошелъ!» думалъ про себя Чичиковъ. «Экъ его, щекотливый какой! Какъ не разорвется!»

«Ха, ха, ха!» продолжалъ генералъ. «Экой оселъ! Вѣдь

придетъ же въ умъ этакое требованіе: «пусть прежде самъ собой изъ ничего достанетъ триста душъ, такъ тогда дамъ ему триста душъ!» Вѣдь онъ оселъ!»

«Оселъ, ваше превосходительство».

«Ну, да и твоя-то штука попотчивать старика мертвыми! Ха, ха, ха! Я бы Богъ знаетъ что̀ далъ, чтобы посмотрѣть, какъ ты ему поднесешь на нихъ купчую крѣпость. Ну, что̀ онъ? Каковъ онъ изъ себя? Очень старъ?»

«Лѣтъ восемьдесятъ».

«Однакожъ и движется, бодръ? Вѣдь онъ долженъ же быть и крѣпокъ, потому что при немъ вѣдь живетъ и ключница?..»

«Какая крѣпость! Песокъ сыплется, ваше превосходительство!»

«Экой дуракъ! Вѣдь онъ дуракъ?»

«Дуракъ, ваше превосходительство».

«Однакожъ, выѣзжаетъ? бываетъ въ обществахъ? держится еще на ногахъ?»

«Держится, но съ трудомъ».

«Экой дуракъ! Но крѣпокъ, однакожъ? Есть еще зубы?»

«Два зуба всего, ваше превосходительство».

«Экой оселъ! Ты, братецъ, не сердись... Хоть онъ тебѣ и дядя, а вѣдь онъ оселъ».

«Оселъ, ваше превосходительство. Хоть и родственникъ, и тяжело сознаваться въ этомъ, но что̀-жъ дѣлать?»

Вралъ Чичиковъ: ему вовсе не тяжело было сознаться, тѣмъ болѣе, что врядъ ли у него былъ когда-либо какой дядя.

«Такъ, ваше превосходительство, отпустите мнѣ»...

«Чтобы отдать тебѣ мертвыхъ душъ? Да за такую выдумку я ихъ тебѣ съ землей, съ жильемъ! Возьми себѣ все кладбище! Ха, ха, ха, ха! Старикъ-то, старикъ! Ха, ха, ха, ха! Въ какихъ дуракахъ будетъ дядя! Ха, ха, ха, ха!»...

И генеральскій смѣхъ пошелъ отдаваться вновь по генеральскимъ покоямъ *).

*) Послѣ того значительный пропускъ (см. выше, стр. 361).

ГЛАВА III.

«Если полковникъ Кошкаревъ точно сумасшедшій, то это недурно», говорилъ Чичиковъ, очутившись опять посреди открытыхъ полей и пространствъ, когда все исчезло и только остался одинъ небесный сводъ да два облака въ сторонѣ.

«Ты, Селифанъ, разспросилъ ли хорошенько, какъ дорога къ полковнику Кошкареву?»

«Я, Павелъ Ивановичъ, изволите видѣть, такъ какъ все хлопоталъ около коляски, такъ мнѣ некогда было; а Петрушка разспрашивалъ у кучера».

«Вотъ и дуракъ! На Петрушку, сказано, не полагаться: Петрушка бревно; Петрушка глупъ; Петрушка, чай, и теперь пьянъ».

«Вѣдь тутъ не мудрость какая!» сказалъ Петрушка, полуоборотясь и глядя искоса. «Окромѣ того, что, спустясь съ горы, взять лугомъ, ничего больше и нѣтъ».

«А ты, окромѣ сивухи, ничего и въ ротъ не бралъ? Хорошъ, очень хорошъ! Ужъ вотъ можно сказать: удивилъ красотой Европу!» Сказавъ это, Чичиковъ погладилъ свой подбородокъ и подумалъ: «Какая, однакожъ, разница между просвѣщеннымъ гражданиномъ и грубой лакейской физіогноміей!»

Коляска стала между тѣмъ спускаться. Открылись опять луга и пространства, усѣянныя осиновыми рощами.

Тихо вздрагивая на упругихъ пружинахъ, продолжалъ бережно спускаться незамѣтнымъ косогоромъ покойный экипажъ и, наконецъ, понесся лугами, мимо мельницъ, съ легкимъ громомъ по мостамъ, съ небольшой покачкой по тряскому мякишу низменной земли. И хоть бы одинъ бугорокъ или кочка дали себя почувствовать бокамъ! Утѣшенье, а не коляска.

Быстро пролетали мимо ихъ кусты лозъ, тонкія ольхи и серебристые тополи, ударяя вѣтвями сидѣвшихъ на козлахъ Селифана и Петрушку. Съ послѣдняго ежеминутно сбрасы-

вали они картузъ. Суровый служитель соскакивалъ съ козелъ, бранилъ глупое дерево и хозяина, который насадилъ его, но привязать картуза или даже придержать рукою все не хотѣлъ, надѣясь, что въ послѣднiй разъ и дальше не случится. Къ деревьямъ же скоро присоединилась береза, тамъ ель. У корней гущина; трава — синяя ирь и желтый лѣсной тюльпанъ. Лѣсъ затемнѣлъ и готовился превратиться въ ночь. Но вдругъ отовсюду, промежъ вѣтвей и пней, сверкнули проблески свѣта, какъ бы сiяющiя зеркала. Деревья зарѣдѣли, блески становились больше.... и вотъ передъ ними озеро — водная равнина версты четыре въ поперечникѣ. На супротивномъ берегу, надъ озеромъ, высыпалась сѣрыми бревенчатыми избами деревня. Крики раздавались въ водѣ. Человѣкъ 20, по поясъ, по плеча и по горло въ водѣ, тянули къ супротивному берегу неводъ. Случилась оказiя. Вмѣстѣ съ рыбою запутался какъ-то круглый человѣкъ, такой же мѣры въ вышину, какъ и въ толщину, точный арбузъ или боченокъ. Онъ былъ въ отчаянномъ положенiи и кричалъ во всю глотку: «Телепень Денисъ, передавай Козьмѣ! Козьма, бери конецъ у Дениса! Не напирай такъ, Ѳома Большой! Ступай туды, гдѣ Ѳома Меньшой. Черти! говорю вамъ, оборвете сѣти!» Арбузъ, какъ видно, боялся не за себя: потонуть, по причинѣ толщины, онъ не могъ, и, какъ бы ни кувыркался, желая нырнуть, вода бы его все выносила наверхъ; и если бы сѣло къ нему на спину еще двое, онъ бы, какъ упрямый пузырь, остался съ ними на верхушкѣ воды, слегка только подъ ними покряхтывая да пуская носомъ волдыри. Но онъ боялся крѣпко, чтобы не оборвался неводъ и не ушла рыба, и потому, сверхъ прочаго, тащили его еще накинутыми веревками нѣсколько человѣкъ, стоявшихъ на берегу.

«Долженъ быть баринъ, полковникъ Кошкаревъ», сказалъ Селифанъ.

«Почему?»

«Оттого, что тѣло у него, изволите видѣть, побѣлѣй, чѣмъ у другихъ, и дородство почтительное, какъ у барина».

Барина, запутаннаго въ сѣти, притянули между тѣмъ уже значительно къ берегу. Почувствовавъ, что можетъ достать ногами, онъ сталъ на ноги, и въ это время увидѣлъ спускавшуюся съ плотины коляску и въ ней сидящаго Чичикова.

«Обѣдали?» закричалъ баринъ, подходя съ пойманною рыбою на берегъ, весь опутанный въ сѣть,—какъ, въ лѣтнее время, дамская ручка въ сквозную перчатку, — держа одну руку надъ глазами козырькомъ въ защиту отъ солнца, другую же пониже—на манеръ Венеры Медицейской, выходящей изъ бани.

«Нѣтъ», сказалъ Чичиковъ, приподымая картузъ и продолжая раскланиваться изъ коляски.

«Ну, такъ благодарите же Бога!»

«А что̀?» спросилъ Чичиковъ любопытно, держа надъ головою картузъ.

«А вотъ что̀! Брось, Ѳома Меньшой, сѣть да приподыми осетра изъ лаханки! Телепень Кузьма, ступай, помоги!»

Двое рыбаковъ приподняли изъ лаханки голову какого-то чудовища. — «Вона какой князь! изъ рѣки зашелъ!» кричалъ круглый баринъ. «Поѣзжайте во дворъ! Кучеръ, возьми дорогу пониже черезъ огородъ! Побѣги, телепень Ѳома Большой, снять перегородку! Онъ васъ проводитъ, а я сейчасъ»...

Длинноногій, босой Ѳома Большой, какъ былъ, въ одной рубашкѣ, побѣжалъ впередъ коляски черезъ всю деревню, гдѣ у всякой избы развѣшены были бредни, сѣти и морды: всѣ мужики были рыбаки; потомъ вынулъ изъ какого-то огорода перегородку, и огородами выѣхала коляска на площадь, близъ деревянной церкви. За церковью, подальше, видны были крыши городскихъ строеній.

«Чудаковатъ этотъ Кошкаревъ», думалъ онъ про себя.

«А вотъ я и здѣсь!» раздался голосъ сбоку. Чичиковъ оглянулся. Баринъ уже ѣхалъ возлѣ него, одѣтый: травянозеленый нанковый сюртукъ, желтые штаны, и шея безъ галстука, на манеръ купидона! Бокомъ сидѣлъ онъ на дрож-

кахъ, занявши собою всѣ дрожки. Онъ хотѣлъ было что-то сказать ему, но толстякъ уже исчезъ. Дрожки показались снова на томъ мѣстѣ, гдѣ вытаскивали рыбу. Раздались снова голоса: «Ѳома Большой да Ѳома Меньшой! Козьма да Денисъ!» Когда же подъѣхалъ онъ къ крыльцу дома, къ величайшему изумленію его, толстый баринъ былъ уже на крыльцѣ и принялъ его въ свои объятія. Какъ онъ успѣлъ такъ слетать—было непостижимо. Они поцѣловались, по старому русскому обычаю, троекратно навкрестъ: баринъ былъ стараго покроя.

«Я привезъ вамъ поклонъ отъ его превосходительства», сказалъ Чичиковъ.

«Отъ какого превосходительства?»

«Отъ родственника вашего, отъ генерала Александра Дмитріевича».

«Кто это Александръ Дмитріевичъ?»

«Генералъ Бетрищевъ», отвѣчалъ Чичиковъ съ нѣкоторымъ изумленіемъ.

«Незнакомъ», сказалъ онъ съ изумленіемъ.

Чичиковъ пришелъ еще въ бо̀льшее изумленіе.

«Какъ же это?.. Я надѣюсь, по крайней мѣрѣ, что имѣю удовольствіе говорить съ полковникомъ Кошкаревымъ?»

«Нѣтъ, не надѣйтесь. Вы пріѣхали не къ нему, а ко мнѣ. Петръ Петровичъ Пѣтухъ! Пѣтухъ Петръ Петровичъ!» подхватилъ хозяинъ.

Чичиковъ остолбенѣлъ. «Какъ же?» оборотился онъ къ Селифану и Петрушкѣ, которые тоже оба разинули ротъ и выпучили глаза, одинъ сидя на козлахъ, другой стоя у дверецъ коляски. «Какъ же вы, дураки? Вѣдь вамъ сказано: къ полковнику Кошкареву... А вѣдь это Петръ Петровичъ Пѣтухъ...»

«Ребята сдѣлали отлично! Ступай на кухню: тамъ вамъ дадутъ по чапорухѣ водки», сказалъ Петръ Петровичъ Пѣтухъ. «Откладывайте коней и ступайте сей же часъ въ людскую!»

«Я совѣщусь: такая нежданная ошибка...» говорилъ Чичиковъ.

«Не ошибка. Вы прежде попробуйте, каковъ обѣдъ, да потомъ скажете: ошибка ли это? Покорнѣйше прошу», сказалъ Пѣтухъ, взявши Чичикова подъ руку и вводя его во внутренніе покои. Изъ покоевъ вышли имъ навстрѣчу двое юношей, въ лѣтнихъ сюртукахъ, — тонкіе, точно ивовые хлысты; цѣлымъ аршиномъ выгнало ихъ вверхъ выше отцовскаго роста.

«Сыны мои, гимназисты, пріѣхали на праздники... Николаша, ты побудь съ гостемъ; а ты, Алексаша, ступай за мною». Сказавъ это, хозяинъ исчезнулъ.

Чичиковъ занялся съ Николашей. Николаша, кажется, былъ будущій человѣкъ-дрянцо. Онъ разсказалъ съ первыхъ же разовъ Чичикову, что въ губернской гимназіи нѣтъ никакой выгоды учиться, что они съ братомъ хотятъ ѣхать въ Петербургъ, потому что провинція не стòитъ того, чтобы въ ней жить...

«Понимаю», подумалъ Чичиковъ: «кончится дѣло кондитерскими да бульварами...»—«А чтò?» спросилъ онъ вслухъ: «въ какомъ состояніи имѣніе вашего батюшки?»

«Заложено», сказалъ на это самъ батюшка, снова очутившійся въ гостиной: «заложено».

«Плохо», подумалъ Чичиковъ. «Этакъ скоро не останется ни одного имѣнія. Нужно торопиться».—«Напрасно, однако-же», сказалъ онъ съ видомъ соболѣзнованья: «поспѣшили заложить».

«Нѣтъ, ничего», сказалъ Пѣтухъ. «Говорятъ, выгодно. Всѣ закладываютъ: какъ же отставать отъ другихъ? Притомъ же все жилъ здѣсь: дай-ка еще попробую прожить въ Москвѣ. Вотъ сыновья тоже уговариваютъ, хотятъ просвѣщенія столичнаго».

«Дуракъ, дуракъ!» думалъ Чичиковъ: «промотаетъ все, да и дѣтей сдѣлаетъ мотишками. Имѣньице порядочное. Поглядишь—и мужикамъ хорошо, и имъ недурно. А какъ просвѣтятся тамъ у ресторановъ да по театрамъ,—все пойдетъ къ чорту. Жилъ бы себѣ, кулебяка, въ деревнѣ».

«А вѣдь я знаю, чтò вы думаете?» сказалъ Пѣтухъ.

«Что?» спросилъ Чичиковъ, смутившись.

«Вы думаете: «Дуракъ, дуракъ этотъ Пѣтухъ: зазвалъ обѣдать, а обѣда до сихъ поръ нѣтъ». Будетъ готовъ, почтеннѣйшій. Не успѣетъ стриженая дѣвка косы заплесть, какъ онъ поспѣетъ».

«Батюшка! Платонъ Михалычъ ѣдетъ!» сказалъ Алексаша, глядя въ окно.

«Верхомъ на гнѣдой лошади!» подхватилъ Николаша, нагибаясь къ окну.

«Гдѣ, гдѣ?» закричалъ Пѣтухъ, подступивши къ окну.

«Кто это Платонъ Михайловичъ?» спросилъ Чичиковъ у Алексаши.

«Сосѣдъ нашъ, Платонъ Михайловичъ Платоновъ, прекрасный человѣкъ, отличный человѣкъ», сказалъ самъ Пѣтухъ.

Между тѣмъ вошелъ въ комнату самъ Платоновъ, красавецъ, стройнаго роста, съ свѣтлорусыми блестящими волосами, завивавшимися въ кудри. Гремя мѣднымъ ошейникомъ, мордатый песъ, собака-страшилище, именемъ Ярбъ, вошелъ вослѣдъ за нимъ.

«Обѣдали?» спросилъ хозяинъ.

«Обѣдалъ».

«Что-жъ вы, смѣяться, что ли, надо мной пріѣхали? Что мнѣ въ васъ послѣ обѣда?»

Гость, усмѣхнувшись, сказалъ: «Утѣшу васъ тѣмъ, что ничего не ѣлъ: вовсе нѣтъ аппетита».

«А каковъ былъ уловъ, если-бъ вы видѣли! Какой осетрище пожаловалъ! Какіе карасищи, карпищи какіе!»

«Даже досадно васъ слушать. Отчего вы всегда такъ веселы?»

«Да отчего же скучать? помилуйте!» сказалъ хозяинъ.

«Какъ отчего скучать?—оттого, что скучно».

«Мало ѣдите, вотъ и все. Попробуйте-ка хорошенько пообѣдать. Вѣдь это въ послѣднее время выдумали скуку; прежде никто не скучалъ».

«Да полно хвастать! Будто ужъ вы никогда не скучали?»

«Никогда! Да и не знаю, даже и времени нѣтъ для ску-

чанья. Поутру проснешься—вѣдь тутъ сейчасъ поваръ, нужно заказывать обѣдъ, тутъ чай, тутъ приказчикъ, тамъ на рыбную ловлю, а тутъ и обѣдъ. Послѣ обѣда не успѣешь всхрапнуть—опять поваръ, нужно заказывать ужинъ; тутъ пришелъ поваръ — заказывать нужно на завтра обѣдъ... Когда же скучать?»

Во все время разговора Чичиковъ разсматривалъ гостя, который его изумлялъ необыкновенной красотой своей, стройнымъ, картиннымъ ростомъ, свѣжестью неистраченной юности, дѣвственной чистотой ни однимъ прыщикомъ неопозореннаго лица. Ни страсти, ни печали, ни даже что-либо похожее на волненіе и безпокойство не дерзнули коснуться его дѣвственнаго лица и положить на немъ морщину, но съ тѣмъ вмѣстѣ и не оживили его. Оно оставалось какъ-то сонно, несмотря на ироническую усмѣшку, временами его оживлявшую.

«Я также, если позволите замѣтить», сказалъ онъ: «не могу понять, какъ при такой наружности, какова ваша, скучать. Конечно, если недостача денегъ, или враги, какъ есть иногда такіе, которые готовы покуситься даже на самую жизнь..»

«Повѣрьте», прервалъ красавецъ-гость: «что для разнообразія я бы желалъ иногда имѣть какую-нибудь тревогу: ну, хоть бы кто разсердилъ меня—и того нѣтъ. Скучно, да и только».

«Стало-быть, недостаточность земли по имѣнію, малое количество душъ?»

«Ничуть. У насъ съ братомъ земли на десять тысячъ десятинъ и при нихъ больше тысячи человѣкъ крестьянъ».

«Странно, не понимаю. Но, можетъ-быть, неурожаи, болѣзни? много вымерло мужеска пола людей?»

«Напротивъ, все въ наилучшемъ порядкѣ, и братъ мой отличнѣйшій хозяинъ».

«И при этомъ скучать! не понимаю», сказалъ Чичиковъ и пожалъ плечами.

«А вотъ мы скуку сейчасъ прогонимъ», сказалъ хозяинъ.

«Бѣжи, Алексаша, проворнѣй на кухню и скажи повару, чтобы поскорѣй прислалъ намъ растегайчиковъ. Да гдѣ-жъ ротозѣй Емельянъ и воръ Антошка? Зачѣмъ не даютъ закуски?»

Но дверь растворилась. Ротозѣй Емельянъ и воръ Антошка явились съ салфетками, накрыли столъ, поставили подносъ съ шестью графинами разноцвѣтныхъ настоекъ. Скоро вокругъ подносовъ и графиновъ обстановилось ожерелье тарелокъ со всякой подстрекающей снѣдью. Слуги поворачивались расторопно, безпрестанно принося что-то въ закрытыхъ тарелкахъ, сквозь которыя слышно было ворчавшее масло. Ротозѣй Емельянъ и воръ Антошка расправлялись отлично. Названія эти были имъ даны такъ только—для поощренія. Баринъ былъ вовсе не охотникъ браниться, онъ былъ добрякъ; но ужъ русскій человѣкъ какъ-то безъ прянаго слова не обойдется. Оно ему нужно, какъ рюмка водки дляваренія въ желудкѣ. Что̀-жъ дѣлать? такая натура: ничего прѣснаго не любитъ.

Закускѣ послѣдовалъ обѣдъ. Здѣсь добродушный хозяинъ сдѣлался совершеннымъ разбойникомъ. Чуть замѣчалъ у кого одинъ кусокъ—подкладывалъ ему тутъ же другой, приговаривая: «Безъ пары, ни человѣкъ, ни птица не могутъ жить на свѣтѣ». У кого два—подваливалъ ему третій, приговаривая: «Что̀-жъ за число два? Богъ любитъ троицу». Съѣдалъ гость три—онъ ему: «Гдѣ-жъ бываетъ телѣга о трехъ колесахъ? Кто-жъ строитъ избу о трехъ углахъ?» На четыре у него была тоже поговорка, на пять—опять. Чичиковъ съѣлъ чего-то чуть ли не двѣнадцать ломтей и думалъ: «Ну, теперь ничего не приберетъ больше хозяинъ». Не тутъ-то было: хозяинъ, не говоря ни слова, положилъ ему на тарелку хребтовую часть теленка, жаренаго на вертелѣ, съ почками, да и какого теленка!

«Два года воспитывалъ на молокѣ», сказалъ хозяинъ: «ухаживалъ, какъ за сыномъ!»

«Не могу», сказалъ Чичиковъ.

«Вы попробуйте да потомъ скажите: *не могу*».

«Не взойдетъ, нѣтъ мѣста».

«Да вѣдь и въ церкви не было мѣста, взошелъ городничій—нашлось. А была такая давка, что и яблоку негдѣ было упасть. Вы только попробуйте: этотъ кусокъ тотъ же городничій».

Попробовалъ Чичиковъ—дѣйствительно, кусокъ былъ въ родѣ городничаго: нашлось ему мѣсто, а, казалось, ничего нельзя было помѣстить.

«Ну, какъ этакому человѣку ѣхать въ Петербургъ или въ Москву? Съ этакимъ хлѣбосольствомъ онъ тамъ въ три года проживется въ пухъ!» То-есть, онъ не зналъ того, что теперь это усовершенствовано: и безъ хлѣбосольства можно все спустить не въ три года, а въ три мѣсяца.

Онъ то и дѣло подливалъ да подливалъ; чего-жъ не допивали гости, давалъ допить Алексашѣ и Николашѣ, которые такъ и хлопали рюмку за рюмкой: впередъ видно было, на какую часть человѣческихъ познаній обратятъ они вниманіе по пріѣздѣ въ столицу. Съ гостями было не то: въ силу, въ силу перетащились они на балконъ и въ силу помѣстились въ креслахъ. Хозяинъ, какъ сѣлъ въ свое, какое-то четырехмѣстное, такъ тутъ же и заснулъ. Тучная собственность его, превратившись въ кузнечный мѣхъ, стала издавать, черезъ открытый ротъ и носовые продухи, такіе звуки, какіе рѣдко приходятъ въ голову и новаго сочинителя: и барабанъ, и флейта, и какой-то отрывистый гулъ, точный собачій лай.

«Экъ его насвистываетъ!» сказалъ Платоновъ.

Чичиковъ разсмѣялся.

«Разумѣется, если этакъ пообѣдаешь, какъ тутъ притти скукѣ! Тутъ сонъ придетъ—не правда ли?»

«Да. Но я, однакоже,—вы меня извините,—не могу понять, какъ можно скучать. Противъ скуки есть такъ много средствъ».

«Какія же?»

«Да мало ли для молодого человѣка? Танцовать, играть на какомъ-нибудь инструментѣ... а не то—жениться».

«На комъ?»

«Да будто въ окружности нѣтъ хорошихъ и богатыхъ невѣстъ?»

«Да нѣтъ».

«Ну, поискать въ другихъ мѣстахъ, поѣздить». И богатая мысль сверкнула вдругъ въ головѣ Чичикова. «Да вотъ прекрасное средство!» сказалъ онъ, глядя въ глаза Платонову.

«Какое?»

«Путешествіе».

«Куда-жъ ѣхать?»

«Да если вамъ свободно, такъ поѣдемъ со мной», сказалъ Чичиковъ и подумалъ про себя, глядя на Платонова: «А это было бы хорошо. Тогда бы можно издержки пополамъ, а починку коляски отнести вовсе на его счетъ».

«А вы куда ѣдете?»

«Покамѣстъ ѣду я не столько по своей нуждѣ, сколько по надобности другого. Генералъ Бетрищевъ, близкій пріятель и, можно сказать, благотворитель, просилъ навѣстить родственниковъ.... Конечно, родственники родственниками; но отчасти, такъ сказать, и для самого себя: ибо видѣть свѣтъ, коловращенье людей—кто что̀ ни говори, есть какъ бы живая книга, вторая наука». И, сказавши это, помышлялъ Чичиковъ между тѣмъ такъ: «Право, было бы хорошо. Можно даже и всѣ издержки на его счетъ, даже и отправиться на его лошадяхъ, а мои бы покормились у него въ деревнѣ».

«Почему-жъ не проѣздиться?» думалъ между тѣмъ Платоновъ. — «Дома же мнѣ дѣлать нечего, хозяйство и безъ того на рукахъ у брата; стало-быть, разстройства никакого. Почему-жъ въ самомъ дѣлѣ не проѣздиться?»—«А согласны ли вы», сказалъ онъ вслухъ: «погостить у брата денька два? Иначе онъ меня не отпуститъ».

«Съ большимъ удовольствіемъ, хоть три».

«Ну, такъ по рукамъ! Ѣдемъ!» сказалъ, оживясь, Платоновъ.

Они хлопнули по рукамъ. «Ѣдемъ!»

«Куда, куда?» вскрикнулъ хозяинъ, проснувшись и выпуча на нихъ глаза.—«Нѣтъ, сударики! и колеса у коляски приказано снять, а вашего жеребца, Платонъ Михайлычъ, угнали отсюда за пятнадцать верстъ. Нѣтъ, вотъ вы сегодня переночуйте, а завтра послѣ ранняго обѣда и поѣзжайте себѣ».

Чтò было дѣлать съ Пѣтухомъ? Нужно было остаться. За то награждены они были удивительнымъ весеннимъ вечеромъ. Хозяинъ устроилъ гулянье на рѣкѣ. Двѣнадцать гребцовъ, въ двадцать четыре весла, съ пѣснями, понесли ихъ по гладкому хребту зеркальнаго озера. Изъ озера они пронеслись въ рѣку, безпредѣльную, съ пологими берегами на обѣ стороны, подходя безпрестанно подъ протянутые поперекъ рѣки канаты для ловли. Хоть бы струйкой шевельнулись воды; только безмолвно являлись передъ ними, одинъ за другимъ, виды, и роща за рощей тѣшила взоры разнообразнымъ размѣщеніемъ деревъ. Гребцы, хвативши разомъ въ двадцать четыре весла, подымали вдругъ всѣ весла вверхъ — и катеръ, самъ собой, какъ легкая птица, стремился по недвижной зеркальной поверхности. Парень-запѣвало, плечистый дѣтина, третій отъ руля, починалъ чистымъ, звонкимъ голосомъ, выводя какъ бы изъ соловьинаго горла начинальные запѣвы пѣсни; пятеро подхватывало, шестеро выносило, и разливалась она, безпредѣльная, какъ Русь. И Пѣтухъ, встрепенувшись, пригаркивалъ, поддавая, гдѣ не хватало у хора силы, и самъ Чичиковъ чувствовалъ, что онъ русскій. Одинъ только Платоновъ думалъ: «Чтò хорошаго въ этой заунывной пѣснѣ? Отъ нея еще бòльшая тоска находитъ на душу».

Возвращались назадъ уже сумерками. Впотьмахъ ударяли весла по водамъ, уже не отражавшимъ неба. Въ темнотѣ пристали они къ берегу, по которому разложены были огни; на треногахъ варили рыбаки уху изъ животрепещущихъ ершей. Все уже было дома. Деревенская скотина и птица уже давно была пригнана, и пыль отъ нихъ уже

улеглась, и пастухи, пригнавшіе ихъ, стояли у воротъ, ожидая кринки молока и приглашенія къ ухѣ. Въ сумеркахъ слышался тихій гомонъ людской, бреханье собакъ, гдѣ-то отдававшееся изъ чужихъ деревень. Мѣсяцъ подымался, и начали озаряться потемнѣвшія окрестности, и все озарилось. Чудныя картины! Но некому было ими любоваться. Николаша и Алексаша, вмѣсто того, чтобы пронестись, въ это время, передъ ними на двухъ лихихъ жеребцахъ, въ обгонку другъ друга, думали о Москвѣ, о кондитерскихъ, о театрахъ, о которыхъ натолковалъ имъ заѣзжій изъ столицы кадетъ; отецъ ихъ думалъ о томъ, какъ бы окормить своихъ гостей; Платоновъ зѣвалъ. Всѣхъ живѣй оказался Чичиковъ. «Эхъ, право! заведу когда-нибудь деревеньку!» И стали ему представляться и бабенка, и Чичонки.

А за ужиномъ опять объѣлись. Когда вошелъ Павелъ Ивановичъ въ отведенную комнату для спанья и, ложась въ постель, пощупалъ животикъ свой: «Барабанъ!» сказалъ [онъ]: «никакой городничій не взойдетъ». Надобно такое стеченіе обстоятельствъ, что за стѣной былъ кабинетъ хозяина. Стѣна была тонкая, и слышалось все, что̀ тамъ ни говорилось. Хозяинъ заказывалъ повару, подъ видомъ ранняго завтрака, на завтрашній день рѣшительный обѣдъ, — и какъ заказывалъ! У мертваго родился бы аппетитъ.

«Да кулебяку сдѣлай на четыре угла», говорилъ онъ съ присасываньемъ и забирая къ себѣ духъ. «Въ одинъ уголъ положи ты мнѣ щеки осетра да вязиги, въ другой гречневой кашицы, да грибочковъ съ лучкомъ, да молокъ сладкихъ, да мозговъ, да еще чего знаешь тамъ этакого... какого-нибудь тамъ того... Да чтобы она съ одного боку, понимаешь, подрумянилась бы, а съ другого пусти ее полегче. Да исподку-то... пропеки ее такъ, чтобы всю ее прососало, проняло бы такъ, чтобы она вся, знаешь, этакъ разтого — не то, чтобы разсыпалась, а истаяла бы во рту какъ снѣгъ какой, такъ чтобы и не услышалъ». Говоря это, Пѣтухъ присмактывалъ и подшлепывалъ губами.

«Чортъ побери! не дастъ спать», думалъ Чичиковъ и за-

куталъ голову въ одѣяло, чтобы не слышать ничего. Но и сквозь одѣяло было слышно:

«А въ обкладку къ осетру подпусти свеклу звѣздочкой, да сняточковъ, да груздочковъ, да тамъ, знаешь, рѣпушки, да морковки, да бобковъ, тамъ чего-нибудь этакого, знаешь, того разтого, чтобы гарниру, гарниру всякаго побольше. Да въ свиной сычугъ положи ледку, чтобы онъ взбухнулъ хорошенько».

Много еще Пѣтухъ заказывалъ блюдъ. Только и раздавалось: «Да поджарь, да подпеки, да дай взопрѣть хорошенько!» Заснулъ Чичиковъ уже на какомъ-то индюкѣ.

На другой день до того объѣлись гости, что Платоновъ уже не могъ ѣхать верхомъ. Жеребецъ былъ отправленъ съ конюхомъ Пѣтуха. Они сѣли въ коляску. Мордатый песъ лѣниво пошелъ за коляской: онъ тоже объѣлся.

«Это уже слишкомъ», сказалъ Чичиковъ, когда выѣхали они со двора.

«А не скучаетъ, вотъ что̀ досадно!»

«Было бы у меня, какъ у тебя, семьдесятъ тысячъ въ годъ доходу», подумалъ Чичиковъ: «да я бы скуку и на глаза къ себѣ не пустилъ. Вонъ откупщикъ Муразовъ, — легко сказать, — десять милліоновъ... Экой кушъ!»

«Что̀, вамъ ничего заѣхать? Мнѣ бы хотѣлось проститься съ сестрой и съ зятемъ».

«Съ большимъ удовольствіемъ», сказалъ Чичиковъ.

«Это первый у насъ хозяинъ. Онъ, сударь мой, получаетъ 200 тысячъ годового доходу съ такого имѣнія, которое лѣтъ восемь назадъ и двадцати не давало».

«Ахъ, да это конечно препочтенный человѣкъ! Это преинтересно будетъ съ этакимъ человѣкомъ познакомиться. Какъ же? Да вѣдь это сказать... А какъ по фамиліи?»

«Костанжогло».

«А имя и отчество? позвольте узнать».

«Константинъ Ѳедоровичъ».

«Константинъ Ѳедоровичъ Костанжогло. Очень будетъ

интересно познакомиться. Поучительно узнать этакого человѣка».

Платоновъ принялъ на себя руководить Селифаномъ, что̀ было нужно, потому что тотъ едва держался на козлахъ. Петрушка два раза сторчакомъ слетѣлъ съ коляски, такъ что необходимо было, наконецъ, привязать его веревкой къ козламъ. «Экая скотина!» повторялъ только Чичиковъ.

«Вотъ, поглядите-ка, начинаются его земли», сказалъ Платоновъ: «совсѣмъ другой видъ».

И въ самомъ дѣлѣ, черезъ все поле сѣянный лѣсъ—ровныя какъ стрѣлки дерева; за ними другой, повыше, тоже молодникъ; за ними старый лѣснякъ, и все одинъ выше другого. Потомъ опять полоса поля, покрытая густымъ лѣсомъ, и снова такимъ же образомъ молодой лѣсъ, и опять старый. И три раза проѣхали, какъ сквозь ворота стѣнъ, сквозь лѣса. «Это все у него выросло какихъ-нибудь лѣтъ въ восемь, въ десять, что̀ у другого и въ двадцать не выростетъ».

«Какъ же это онъ сдѣлалъ?»

«Разспросите у него. Это землевѣдъ такой—у него ничего нѣтъ даромъ. Мало, что онъ почву знаетъ, какъ знаетъ, какое сосѣдство для кого нужно, возлѣ какого хлѣба какія дерева. Всякій у него три, четыре должности разомъ отправляетъ. Лѣсъ у него, кромѣ того, что для лѣса, нуженъ затѣмъ, чтобы въ такомъ-то мѣстѣ на столько-то влаги прибавить полямъ, на столько-то унавозить падающимъ листомъ, на столько-то дать тѣни... Когда вокругъ засуха, у него нѣтъ засухи; когда вокругъ неурожай, у него нѣтъ неурожая. Жаль, что я самъ мало эти вещи знаю, не умѣю разсказать, а у него такія штуки... Его называютъ колдуномъ. Много, много у него всякаго... А все, однакоже, скучно»...

«Въ самомъ дѣлѣ, это изумительный мужъ», подумалъ Чичиковъ. «Весьма прискорбно, что молодой человѣкъ поверхностенъ и не умѣетъ разсказать».

Наконецъ показалась деревня. Какъ бы городъ какой,

высыпалась она множествомъ избъ на трехъ возвышеніяхъ, увѣнчанныхъ тремя церквями, перегражденная повсюду исполинскими скирдами и кладями. «Да», подумалъ Чичиковъ: «видно, что живетъ хозяинъ-тузъ». Избы все крѣпкія; улицы торныя; стояла ли гдѣ телѣга—телѣга была крѣпкая и новешенькая; мужикъ попадался съ какимъ-то умнымъ выраженіемъ лица; рогатый скотъ на отборъ; даже крестьянская свинья глядѣла дворяниномъ. Такъ и видно, что здѣсь именно живутъ тѣ мужики, которые гребутъ, какъ поется въ пѣснѣ, серебро лопатой. Не было тутъ англійскихъ парковъ и газоновъ со всякими затѣями; но, по-старинному, шелъ проспектъ амбаровъ и рабочихъ домовъ вплоть до самаго дома, чтобы все было видно барину, что̀ ни дѣлается вокругъ его; на высокой крышѣ дома возвышался башней высокій фонарь, не для красы или для видовъ, но для наблюденія за работающими въ отдаленныхъ поляхъ. У крыльца ихъ встрѣтили слуги, расторопные, совсѣмъ непохожіе на пьяницу Петрушку, хоть на нихъ и не было фраковъ, а козацкіе чекмени синяго домашняго сукна.

Хозяйка дома выбѣжала сама на крыльцо. Свѣжа она была, какъ кровь съ молокомъ; хороша, какъ Божій день; походила, какъ двѣ капли, на Платонова, съ той разницей только, что не была вяла какъ онъ, но разговорчива и весела.

«Здравствуй, братъ! Ну, какъ же я рада, что ты пріѣхалъ. А Константина нѣтъ дома; но онъ скоро будетъ».

«Гдѣ-жъ онъ?

«У него есть дѣло на деревнѣ съ какими-то покупщиками», говорила она, вводя гостей въ комнату.

Чичиковъ съ любопытствомъ разсматривалъ жилище этого необыкновеннаго человѣка, который получалъ 200 тысячъ, думая по немъ отыскать въ немъ свойства самого хозяина, какъ по оставшейся раковинѣ заключаютъ объ устрицѣ или улиткѣ, нѣкогда въ ней сидѣвшей и оставившей свое отпечатлѣніе. Но нельзя было вывести никакого заключенія. Комнаты всѣ просты, даже пусты: ни фресковъ, ни кар-

тинъ, ни бронзъ, ни цвѣтовъ, ни этажерокъ съ фарфоромъ, ни даже книгъ. Словомъ, все показывало, что главная жизнь существа, здѣсь обитавшаго, проходила вовсе не въ четырехъ стѣнахъ комнаты, но въ полѣ, и самыя мысли не обдумывались заблаговременно сибаритскимъ образомъ у огня, предъ каминомъ, въ покойныхъ креслахъ, но тамъ же, на мѣстѣ дѣла, приходили въ голову, и тамъ же, гдѣ приходили, тамъ и претворялись въ дѣло. Въ комнатахъ могъ только замѣтить Чичиковъ слѣды женскаго домоводства: на столахъ и стульяхъ были поставлены чистыя липовыя доски и на нихъ лепестки какихъ-то цвѣтковъ, приготовленные къ сушкѣ...

«Что̀ это у тебя, сестра, за дрянь такая наставлена?» сказалъ Платоновъ.

«Какъ дрянь!» сказала хозяйка. «Это лучшее средство отъ лихорадки. Мы вылѣчили имъ прошлый [годъ] всѣхъ мужиковъ. А это для настоекъ; а это для варенья. Вы все смѣетесь надъ вареньями да надъ соленьями, а потомъ когда ѣдите, сами же похваливаете.

Платоновъ подошелъ къ фортепіано и сталъ разбирать ноты.

«Господи! что̀ за старина!» сказалъ онъ. «Ну, не стыдно ли тебѣ, сестра?»

«Ну, ужъ извини, братъ, музыкой мнѣ и подавно некогда заниматься. У меня осьмилѣтняя дочь, которую я должна учить. Сдать ее на руки чужеземной гувернанткѣ затѣмъ только, чтобы самой имѣть свободное время для музыки,— нѣтъ, извини, братъ, этого-то не сдѣлаю».

«Какая ты, право, стала скучная, сестра!» сказалъ братъ и подошелъ къ окну. «А, вотъ онъ! идетъ, идетъ!» сказалъ Платоновъ.

Чичиковъ тоже устремился къ окну. Къ крыльцу подходилъ лѣтъ сорока человѣкъ, живой, смуглой наружности, въ сюртукѣ верблюжьяго сукна. О нарядѣ своемъ онъ не думалъ. На немъ былъ триповый картузъ. По обѣимъ сторонамъ его, снявъ шапки, шли два человѣка нижняго сосло-

вія,—шли, разговаривая о чемъ-то съ нимъ толкуя: одинъ—простой мужикъ, другой—какой-то заѣзжій кулакъ и пройдоха, въ синей сибиркѣ. Такъ какъ остановились они всѣ около крыльца, то и разговоръ ихъ былъ слышенъ въ комнатахъ.

«Вы вотъ что̀ лучше сдѣлайте: вы откупитесь у вашего барина. Я вамъ, пожалуй, дамъ взаймы: вы послѣ мнѣ отработаете».

«Нѣтъ, Константинъ Ѳедоровичъ, что̀ ужъ откупаться? Возьмите насъ. Ужъ у васъ всякому уму выучишься. Ужъ этакого умнаго человѣка нигдѣ во всемъ свѣтѣ нельзя сыскать. А вѣдь теперь бѣда та, что себя никакъ не убережешь. Цѣловальники такія завели теперь настойки, что съ одной рюмки такъ станетъ задирать въ животѣ, что воды ведро бы выпилъ: не успѣешь опомниться, какъ все спустишь. Много соблазну. Лукавый, что ли, міромъ ворочаетъ, ей Богу! Все заводятъ, чтобы сбить съ толку мужиковъ: и табакъ, и всякіе такіе... Что̀-жъ дѣлать, Константинъ Ѳедоровичъ? Человѣкъ—не удержишься».

«Послушай: да вѣдь вотъ въ чемъ дѣло. Вѣдь у меня все-таки неволя. Это правда, что съ перваго разу все получишь — и корову, и лошадь; да вѣдь дѣло въ томъ, что я такъ требую съ мужиковъ, какъ нигдѣ. У меня работай—первое; мнѣ ли, или себѣ, но ужъ я не дамъ никому залежаться. Я и самъ работаю какъ волъ, и мужики у меня, потому что испыталъ, братъ: вся дрянь лѣзетъ въ голову оттого, что не работаешь. Такъ вы объ этомъ всѣ подумайте міромъ и потолкуйте между собою».

«Да мы-съ толковали ужъ объ этомъ, Константинъ Ѳедоровичъ. Ужъ это и старики говорятъ: «что̀ говорить! вѣдь всякій мужикъ у васъ богатъ: ужъ это не даромъ; и священники такіе сердобольные. А вѣдь у насъ и тѣхъ взяли, и хоронить некому».

«Все-таки ступай и переговори».

«Слушаю-съ».

«Такъ ужъ того-съ, Константинъ Ѳедоровичъ, ужъ сдѣ-

лайте милость... посбавьте», говорилъ шедшій по другую сторону заѣзжій кулакъ въ синей сибиркѣ.

«Ужъ я сказалъ: торговаться я не охотникъ. Я не то, что̀ другой помѣщикъ, къ которому ты подъѣдешь подъ самый срокъ уплаты въ ломбардъ. Вѣдь я васъ знаю всѣхъ: у васъ есть списки всѣхъ, кому когда слѣдуетъ уплачивать. Что̀-жъ тутъ мудренаго? Ему приспичитъ, ну, онъ тебѣ и отдастъ за полцѣны. А мнѣ что̀ твои деньги? У меня вещь хоть три года лежи: мнѣ въ ломбардъ не нужно уплачивать».

«Настоящее дѣло, Константинъ Ѳедоровичъ. Да вѣдь я того-съ, оттого только, чтобы и впредь имѣть съ вами кательство, а не ради какого корыстья. Три тысячи задаточку извольте принять». Кулакъ вынулъ изъ-за пазухи пукъ засаленныхъ ассигнацій. Костанжогло прехладнокровно взялъ ихъ и, не считая, сунулъ въ задній карманъ своего сюртука.

«Гм!» подумалъ Чичиковъ: «точно какъ бы носовой платокъ!» Костанжогло показался въ дверяхъ гостиной. Онъ еще болѣе поразилъ Чичикова смуглостью лица, жесткостью черныхъ волосъ, мѣстами до времени посѣдѣвшихъ, живымъ выраженіемъ глазъ и какимъ-то желчнымъ отпечаткомъ пылкаго южнаго происхожденія. Онъ былъ не совсѣмъ русскій. Онъ самъ не зналъ, откуда вышли его предки. Онъ не занимался своимъ родословіемъ, находя, что это въ строку нейдетъ и въ хозяйствѣ вещь лишняя. Онъ думалъ, что онъ русскій, да и не зналъ другого языка, кромѣ русскаго.

Платоновъ представилъ Чичикова. Они поцѣловались.

«Я, чтобы вылѣчиться отъ хандры, придумалъ, Константинъ, проѣздиться по разнымъ губерніямъ», сказалъ Платоновъ: «и вотъ Павелъ Ивановичъ предложилъ ѣхать съ нимъ».

«Прекрасно», сказалъ Костанжогло. «Въ какія же мѣста?» продолжалъ онъ, привѣтливо обращаясь къ Чичикову: «предполагаете теперь направить путь?»

«Признаюсь», сказалъ Чичиковъ, привѣтливо наклоня

голову на-бокъ и въ то же время поглаживая рукой кресельную ручку: «ѣду я, покамѣстъ, не столько по своей нуждѣ, сколько по нуждѣ другого: генералъ Бетрищевъ, близкій пріятель и, можно сказать, благотворитель, просилъ навѣстить родственниковъ. Родственники, конечно, родственниками, но съ другой стороны, такъ сказать, и для самого себя; потому что точно, не говоря уже о пользѣ, которая можетъ быть въ гемороидальномъ отношеніи, увидать свѣтъ, коловращенье людей — есть, такъ сказать, живая книга, та же наука».

«Да, заглянуть въ иные уголки не мѣшаетъ».

«Превосходно изволили замѣтить: именно истинно, дѣйствительно не мѣшаетъ. Видишь вещи, которыхъ бы не видѣлъ; встрѣчаешь людей, которыхъ бы не встрѣтилъ. Разговоръ съ инымъ тотъ же червонецъ, какъ вотъ, напримѣръ, теперь представился случай... Къ вамъ прибѣгаю, почтеннѣйшій Константинъ Ѳедоровичъ, научите, научите, оросите жажду мою вразумленьемъ истины. Жду, какъ манны, сладкихъ словъ вашихъ».

«Чему же, однако?.. чему научить?» сказалъ Костанжогло, смутившись. «Я и самъ учился на мѣдныя деньги».

«Мудрости, почтеннѣйшій, мудрости, — мудрости управлять труднымъ кормиломъ сельскаго хозяйства, мудрости извлекать доходы вѣрные, пріобрѣсть имущество не мечтательное, а существенное, исполняя тѣмъ долгъ гражданина, заслужа уваженіе соотечественниковъ».

«Знаете ли что», сказалъ Костанжогло, смотря на него въ размышленіи: «останьтесь денекъ у меня. Я покажу вамъ все управленіе и разскажу обо всемъ. Мудрости тутъ, какъ вы увидите, никакой нѣтъ».

«Конечно, останьтесь», сказала хозяйка и, обратясь къ брату, прибавила: «Братъ, оставайся: куда тебѣ торопиться?»

«Мнѣ все равно. Какъ Павелъ Ивановичъ?»

«Я то-жъ, я съ большимъ удовольствіемъ... Но вотъ обстоятельство: родственникъ генерала Бетрищева, нѣкто полковникъ Кошкаревъ»...

«Да вѣдь онъ сумасшедшій».

«Это такъ, сумасшедшій. Я бы къ нему и не ѣхалъ, но генералъ Бетрищевъ, близкій пріятель и, такъ сказать, благотворитель...»

«Въ такомъ случаѣ знаете что̀?» сказалъ [Костанжогло]: «поѣзжайте, къ нему и десяти верстъ нѣтъ. У меня стоятъ готовыя пролетки — поѣзжайте къ нему теперь же. Вы успѣете къ чаю возвратиться назадъ».

«Превосходная мысль!» вскрикнулъ Чичиковъ, взявши шляпу.

Пролетки были ему поданы и въ полчаса примчали его къ полковнику. Вся деревня была въ-разброску: постройки, перестройки, кучи извести, кирпичу и бревенъ по всѣмъ улицамъ. Выстроены были какіе-то дома, въ родѣ присутственныхъ мѣстъ. На одномъ было написано золотыми буквами: *Депо земледѣльческихъ орудій;* на другомъ: *Главная счетная экспедиція;* далѣе: *Комитетъ сельскихъ дѣлъ; Школа нормальнаго просвѣщенія поселянъ.* Словомъ, чортъ знаетъ, чего не было!

Полковника онъ засталъ за пульпитромъ стоячей конторки, съ перомъ въ зубахъ. Полковникъ принялъ Чичикова отмѣнно ласково. По виду, онъ былъ предобрѣйшій, преобходительный человѣкъ: сталъ ему разсказывать о томъ, скольхихъ трудовъ ему сто̀ило возвесть имѣніе до нынѣшняго благосостоянія; съ соболѣзнованіемъ жаловался, какъ трудно дать понять мужику, что есть высшія побужденія, которыя доставляетъ человѣку просвѣщенная роскошь, искусство и художество; что бабъ онъ до сихъ поръ не могъ заставить надѣть корсетъ, тогда какъ въ Германіи, гдѣ онъ стоялъ съ полкомъ въ 14-мъ году, дочь мельника умѣла играть даже на фортепіано; что, однакоже, несмотря на все упорство со стороны невѣжества, онъ непремѣнно достигнетъ того, что мужикъ его деревни, идя за плугомъ, будетъ въ то же время читать книгу о громовыхъ отводахъ Франклина, или Виргиліевы Георгики, или Химическое изслѣдованіе почвъ.

«Да, какъ бы не такъ!» подумалъ Чичиковъ. «А вотъ я до сихъ поръ еще «Графини Лавальеръ» не прочелъ: все нѣтъ времени».

Много еще говорилъ полковникъ о томъ, какъ привести людей къ благополучію. Костюмъ у него имѣлъ большое значеніе: онъ ручался головой, что если только одѣть половину русскихъ мужиковъ въ нѣмецкіе штаны, — науки возвысятся, торговля подымется, и золотой вѣкъ настанетъ въ Россіи.

Чичиковъ слушалъ-слушалъ, глядя ему пристально въ глаза, и наконецъ сказалъ: «съ этимъ, кажется, чиниться нечего»; и тутъ же объявилъ, что такъ и такъ, имѣется надобность вотъ въ какихъ душахъ, съ совершеньемъ такихъ-то крѣпостей и всѣхъ обрядовъ.

«Сколько могу видѣть изъ словъ вашихъ», сказалъ полковникъ, нимало не смутясь: «это просьба, не такъ ли?»

«Такъ точно».

«Въ такомъ случаѣ изложите ее письменно. Просьба пойдетъ въ контору принятія рапортовъ и донесеній. Контора, помѣтивши, препроводитъ ее ко мнѣ; отъ меня поступитъ она въ комитетъ сельскихъ дѣлъ; оттолѣ, по сдѣланіи выправокъ, къ управляющему. Управляющій совокупно съ секретаремъ»...

«Помилуйте!» вскрикнулъ Чичиковъ: «вѣдь этакъ затянется Богъ знаетъ! Да какъ же трактовать объ этомъ письменно? Вѣдь это такого рода дѣло... Души вѣдь нѣкоторымъ образомъ... мертвыя».

«Очень хорошо. Вы такъ и напишите, что души нѣкоторымъ образомъ мертвыя».

«Но вѣдь какъ же—мертвыя? Вѣдь этакъ же нельзя написать. Онѣ хотя и мертвыя, но нужно, чтобы казались, какъ бы были живыя».

«Хорошо. Вы такъ и напишите: *но нужно*, или *требуется, желается, ищется, чтобы казалось, какъ бы живыя*. Безъ бумажнаго производства нельзя этого сдѣлать. Примѣръ—Англія и самъ даже Наполеонъ. Я вамъ отряжу

комиссіонера, который васъ проводитъ по всѣмъ мѣстамъ».

Онъ ударилъ въ звонокъ. Явился какой-то человѣкъ.

«Секретарь! Позвать ко мнѣ комиссіонера!» Предсталъ комиссіонеръ, какой-то не то мужикъ, не то чиновникъ. «Вотъ онъ васъ проводитъ по нужнѣйшимъ мѣстамъ».

Что̀ было дѣлать съ полковникомъ? Чичиковъ рѣшился, изъ любопытства, пойти съ комиссіонеромъ смотрѣть всѣ эти самонужнѣйшія мѣста. Контора подачи рапортовъ существовала только на вывѣскѣ, и двери были заперты. Правитель дѣлъ ея Хрулевъ былъ переведенъ во вновь образовавшійся комитетъ сельскихъ построекъ. Мѣсто его заступилъ камердинеръ Березовскій; но онъ тоже былъ куда-то откомандированъ комиссіей построенія. Толкнулись они въ департаментъ сельскихъ дѣлъ — тамъ передѣлка; разбудили какого-то пьянаго, но не добрались отъ него никакого толку. «У насъ безтолковщина», сказалъ наконецъ Чичикову комиссіонеръ. «Барина за носъ водятъ. Всѣмъ у насъ распоряжается комиссія построенія: отрываетъ всѣхъ отъ дѣла, посылаетъ, куда угодно. Только и выгодно у насъ, что въ комиссіи построенія». Онъ, какъ видно, былъ недоволенъ на комиссію построенія. Далѣе Чичиковъ не хотѣлъ и смотрѣть. Пришедши, разсказалъ полковнику, что такъ и такъ, что у него каша и никакого толку нельзя добиться, и комиссіи подачи рапортовъ и вовсе нѣтъ.

Полковникъ воскипѣлъ благороднымъ негодованіемъ, крѣпко пожавши руку Чичикову, въ знакъ благодарности. Тутъ же, схвативши бумагу и перо, написалъ восемь строжайшихъ запросовъ: на какомъ основаніи комиссія построенія самоуправно распорядилась съ неподвѣдомственными ей чиновниками? какъ могъ допустить главноуправляющій, чтобы представитель, не сдавши своего поста, отправился на слѣдствіе? и какъ могъ видѣть равнодушно комитетъ сельскихъ дѣлъ, что даже не существуетъ контора подачи рапортовъ и донесеній?

«Ну, пойдетъ кутерьма!» подумалъ Чичиковъ, и хотѣлъ уже уѣхать.

«Нѣтъ, я васъ не отпущу. Теперь уже собственное мое честолюбіе затронуто. Я докажу, что̀ значитъ органическое, правильное устройство хозяйства. Я поручу ваше дѣло такому человѣку, который одинъ сто̀итъ всѣхъ: окончилъ университетскій курсъ. Вотъ каковы у меня крѣпостные люди! Чтобы не терять драгоцѣннаго времени, покорнѣйше прошу посидѣть у меня въ библіотекѣ», сказалъ полковникъ, отворяя боковую дверь. «Тутъ книги, бумага, перья, карандаши, все. Пользуйтесь, пользуйтесь всѣмъ: вы—господинъ. Просвѣщеніе должно быть открыто всѣмъ».

Такъ говорилъ Кошкаревъ, введя его въ книгохранилище. Это былъ огромный залъ, снизу до верху уставленный книгами. Были тамъ даже и чучела животныхъ. Книги по всѣмъ частямъ: по части лѣсоводства, скотоводства, свиноводства, садоводства; спеціальные журналы — по всѣмъ частямъ, которые только разсылаются съ обязанностью подписокъ, но никто ихъ не читаетъ. Видя, что все это были книги не для пріятнаго препровожденія, онъ обратился къ другому шкафу—изъ огня въ полымя: все книги философскія. Шесть огромныхъ томищей предстало ему предъ глаза, подъ названіемъ: «Предуготовительное вступленіе въ область мышленія, Теорія общности, совокупности, сущности, и въ примѣненіи къ уразумѣнію органическихъ началъ обоюднаго раздвоенія общественной производительности». Что̀ ни разворачивалъ Чичиковъ книгу, на всякой страницѣ—*проявленіе, развитіе, абстрактъ, замкнутость и сомкнутость*, и чортъ знаетъ, чего тамъ не было! «Это не по мнѣ», сказалъ Чичиковъ, и оборотился къ третьему шкафу, гдѣ были книги по части искусствъ. Тутъ вытащилъ какую-то огромную книгу съ нескромными миѳологическими картинками и началъ ихъ разсматривать. Такого рода картинки нравятся холостякамъ среднихъ лѣтъ, а иногда и тѣмъ старикашкамъ, которые подзадориваютъ себя балетами и прочими пряностями. Окончивши разсматриваніе одной книги, Чичиковъ вытащилъ уже было и другую въ томъ же родѣ, какъ появился полковникъ Кошкаревъ, съ сіяющимъ видомъ и бумагою.

«Все сдѣлано, и сдѣлано отлично! Человѣкъ, о которомъ я вамъ говорилъ, рѣшительный геній. За это я поставлю его выше всѣхъ и для него одного заведу цѣлый департаментъ. Вы посмотрите, какая свѣтлая голова и какъ въ нѣсколько минутъ онъ рѣшилъ все».

«Ну, слава те, Господи!» подумалъ Чичиковъ и приготовился слушать. Полковникъ сталъ читать:

«Приступая къ обдумыванію возложеннаго на меня вашимъ высокородіемъ порученія, честь имѣю симъ донести на оное:

«І-е. Въ самой просьбѣ господина коллежскаго совѣтника и кавалера Павла Ивановича Чичикова уже содержится недоразумѣніе, ибо неосмотрительнымъ образомъ ревизскія души названы умершими. Подъ симъ, вѣроятно, они изволили разумѣть близкія къ смерти, а не умершія. Да и самое таковое названіе уже показываетъ изученіе наукъ эмпирическое, вѣроятно, ограничившееся приходскимъ училищемъ, ибо душа безсмертна».

«Плутъ!» сказалъ, остановившись, Кошкаревъ съ самодовольствіемъ: «Тутъ онъ немножко кольнулъ васъ. Но сознайтесь, какое бойкое перо!»

«Во ІІ-хъ, никакихъ незаложенныхъ ревизскихъ, не только близкихъ къ смерти, но и всякихъ прочихъ, по имѣнію не имѣется, ибо всѣ въ совокупности не токмо заложены безъ изъятія, но и перезаложены, съ прибавкой по полутораста рублей на душу, кромѣ небольшой деревни Гурмайловки, находящейся въ спорномъ положеніи, по случаю тяжбы съ помѣщикомъ Предищевымъ и вслѣдствіе того подъ запрещеніемъ, о чемъ объявлено въ 42 номерѣ «Московскихъ Вѣдомостей».

«Такъ зачѣмъ же вы мнѣ этого не объявили прежде? Зачѣмъ изъ пустяковъ держали?» сказалъ съ сердцемъ Чичиковъ.

«Да! да вѣдь нужно было, чтобы все это вы увидѣли сквозь форму бумажнаго производства. Этакъ не штука. Безсознательно можетъ и дуракъ увидѣть, но нужно сознательно».

Въ-сердцахъ, схвативши шапку, Чичиковъ—бѣгомъ изъ дому, мимо всякихъ приличій, да въ дверь: онъ былъ сердитъ. Кучеръ стоялъ съ пролеткой наготовѣ, зная, что лошадей нечего откладывать, потому что о кормѣ пошла бы письменная просьба, и резолюція выдать овесъ лошадямъ вышла бы только на другой день. Полковникъ, однакожъ, выбѣжалъ; онъ насильно пожалъ ему руку, прижалъ ее къ сердцу и благодарилъ его за то, что онъ далъ ему случай увидѣть на дѣлѣ ходъ производства; что передрягу и гонку нужно дать необходимо, потому что способно все задремать и пружины управленія заржавѣютъ и ослабѣваютъ; что, вслѣдствіе этого событія, пришла ему счастливая мысль — устроить новую комиссію, которая будетъ называться комиссіею наблюденія за комиссіею построенія, такъ что уже тогда никто не осмѣлится украсть.

Чичиковъ пріѣхалъ, сердитый и недовольный, поздно, когда уже давно горѣли свѣчи.

«Что̀ это вы такъ запоздали?» сказалъ Костанжогло, когда онъ показался въ дверяхъ.

«О чемъ вы это такъ долго съ нимъ толковали?» сказалъ Платоновъ.

«Этакого дурака я еще отъ роду не видывалъ», сказалъ Чичиковъ.

«Это еще ничего», сказалъ Костанжогло. «Кошкаревъ— утѣшительное явленіе. Онъ нуженъ затѣмъ, что въ немъ отражаются карикатурно и виднѣй глупости всѣхъ нашихъ умниковъ,—вотъ этихъ всѣхъ умниковъ, которые, не узнавши прежде своего, набираются дури въ чужи. Вонъ каковы помѣщики теперь наступили: завели и конторы, и мануфактуры, и школы, и комиссію, и чортъ ихъ знаетъ, чего не завели! Вотъ каковы эти умники! Было поправились послѣ француза двѣнадцатаго года, такъ вотъ теперь все давай разстраивать сызнова. Вѣдь хуже француза разстроили, такъ что теперь какой-нибудь Петръ Петровичъ Пѣтухъ еще хорошій помѣщикъ».

«Да вѣдь и онъ заложилъ теперь въ ломбардъ», сказалъ Чичиковъ.

«Ну, да, все въ ломбардъ, все пойдетъ въ ломбардъ». Сказавъ это, Костанжогло сталъ понемногу сердиться. «Вонъ шляпный, свѣчной заводы,—изъ Лондона мастеровъ выписалъ свѣчныхъ, торгашомъ сдѣлался! Помѣщикъ — этакое званіе почтенное—въ мануфактуристы, фабриканты! Прядильныя машины... кисеи шлюхамъ городскимъ, дѣвкамъ»...

«Да вѣдь и у тебя же есть фабрики», замѣтилъ Платоновъ.

«А кто ихъ заводилъ? Сами завелись: накопилось шерсти, сбыть некуда—я и началъ ткать сукна, да и сукна толстыя, простыя, — по дешевой цѣнѣ ихъ тутъ же на рынкахъ у меня и разбираютъ, — мужику надобныя, моему мужику. Рыбью шелуху сбрасывали на мой берегъ въ продолженіе шести лѣтъ сряду промышленники,—ну, куда ее дѣвать? я началъ изъ нея варить клей, да сорокъ тысячъ и взялъ. Вѣдь у меня все такъ».

«Экой чортъ!» думалъ Чичиковъ, глядя на него въ оба глаза: «загребистая какая лапа!»

«Да и то потому занялся, что набрело много работниковъ, которые умерли бы съ голоду: голодный годъ, и все по милости этихъ фабрикантовъ, упустившихъ посѣвы. Этакихъ фабрикъ у меня, братъ, наберется много. Всякій годъ другая фабрика, смотря по тому, отъ чего накопилось остатковъ и выбросковъ. Разсмотри только попристальнѣе свое хозяйство,—всякая дрянь дастъ доходъ, такъ что отталкиваешь, говоришь: не нужно! Вѣдь я не строю для этого дворцовъ съ колоннами да съ фронтонами».

«Это изумительно... Изумительнѣе же всего то, что всякая дрянь даетъ доходъ», сказалъ Чичиковъ.

«Да помилуйте! Если бы только брать дѣло по-просту, какъ оно есть; а то вѣдь всякій—механикъ: всякій хочетъ открыть ларчикъ съ инструментомъ, а не просто. Онъ для этого съѣздитъ нарочно въ Англію; вотъ въ чемъ дѣло! Дурачье!» Сказавши это, Костанжогло плюнулъ. «И вѣдь

глупѣй въ-сотеро станетъ послѣ того, какъ возвратится изъ-за границы!»

«Ахъ, Константинъ! ты опять разсердился», сказала съ безпокойствомъ жена. «Вѣдь ты знаешь, что это для тебя вредно».

«Да вѣдь какъ не сердиться? Добро бы это было чужое, а то вѣдь это близко собственному сердцу; вѣдь досадно то, что русскій характеръ портится; вѣдь теперь явилось въ русскомъ характерѣ донъ-кишотство, котораго никогда не было! Просвѣщеніе придетъ ему въ умъ—сдѣлается Донъ-Кишотомъ: заведетъ такія школы, что̀ дураку въ умъ ни войдетъ! Выйдетъ изъ школы такой человѣкъ, что никуда не годится, ни въ деревню, ни въ городъ, только что пьяница, да чувствуетъ свое достоинство. Въ человѣколюбіе пойдетъ — сдѣлается Донъ-Кишотомъ человѣколюбія: настроитъ на милліонъ безтолковѣйшихъ больницъ да заведеній съ колоннами, разорится да и пуститъ всѣхъ по міру: вотъ тебѣ и человѣколюбіе!»

Чичикову не до просвѣщенія было дѣло. Ему хотѣлось обстоятельно разспросить о томъ, какъ всякая дрянь даетъ доходъ; но никакъ не далъ ему Костанжогло вставить слова: желчныя рѣчи уже лились изъ устъ его, такъ что уже онъ ихъ не могъ удержать.

«Думаютъ, какъ просвѣтить мужика... да ты сдѣлай его прежде богатымъ да хорошимъ хозяиномъ, а тамъ онъ самъ выучится. Вѣдь какъ теперь, въ это время, весь свѣтъ поглупѣлъ, такъ вы не можете себѣ представить! Что̀ пишутъ теперь эти щелкоперы! Пуститъ какой-нибудь книжку, и такъ вотъ всѣ и бросятся на нее... Вотъ что̀ стали говорить: «Крестьянинъ ведетъ ужъ очень простую жизнь; нужно познакомить его съ предметами роскоши, внушить ему потребности свыше состоянія»... Что сами, благодаря этой роскоши, стали тряпки, а не люди, и болѣзней чортъ знаетъ какихъ понабрались, и ужъ нѣтъ осьмнадцатилѣтняго мальчишки, который бы не испробовалъ всего: и зубовъ у него нѣтъ, и плѣшивъ какъ пузырь,—такъ хотятъ

теперь и этимъ заразить. Да слава Богу, что у насъ осталось хотя одно еще здоровое сословіе, которое не познакомилось съ этими прихотями! За это мы, просто, должны благодарить Бога. Да хлѣбопашецъ у насъ всѣхъ почтеннѣе, — что̀ вы его трогаете? Дай Богъ, чтобы всѣ были [какъ] хлѣбопашецъ!»

«Такъ вы полагаете, что хлѣбопашествомъ доходливѣй заниматься?» спросилъ Чичиковъ.

«Законнѣе, а не то, что доходнѣе. Воздѣлывай землю въ потѣ лица своего, сказано. Тутъ нечего мудрить. Это ужъ опытомъ вѣковъ доказано, что въ земледѣльческомъ званіи человѣкъ нравственнѣй, чище, благороднѣй, выше. Не говорю—не заниматься другимъ, но чтобы въ основаніе легло хлѣбопашество—вотъ что̀! Фабрики заведутся сами собой, да заведутся законныя фабрики, — того, что̀ нужно здѣсь, подъ рукой человѣку на мѣстѣ, а не эти всякія потребности, разслабившія теперешнихъ людей. Не эти фабрики, что̀ потомъ, для поддержки и для сбыту, употребляютъ всѣ гнусныя мѣры, развращаютъ, растлѣваютъ несчастный народъ. Да вотъ же не заведу у себя, какъ ты тамъ ни говори въ ихъ пользу, никакихъ этихъ внушающихъ высшія потребности производствъ, ни табака, ни сахара, хоть бы потерялъ милліонъ. Пусть же, если входитъ развратъ въ міръ, такъ не черезъ мои руки! Пусть я буду передъ Богомъ правъ... Я двадцать лѣтъ живу съ народомъ; я знаю, какія отъ этого слѣдствія».

«Для меня изумительнѣе всего, какъ, при благоразумномъ управленіи, изъ останковъ, изъ обрѣзковъ получается и всякая дрянь даетъ доходъ».

«Гм! политическіе экономы!» говорилъ Костанжогло, не слушая его, съ выраженіемъ желчнаго сарказма въ лицѣ. «Хороши политическіе экономы! Дуракъ на дуракѣ сидитъ и дуракомъ погоняетъ—дальше своего глупаго носа не видитъ! Оселъ, а еще взлѣзетъ на каѳедру, надѣнетъ очки... Дурачье!» И во гнѣвѣ онъ плюнулъ.

«Все это такъ и все справедливо, только пожалуйста не

сердись», сказала жена: «какъ будто нельзя говорить объ этомъ, не выходя изъ себя!»

«Слушая васъ, почтеннѣйшій Константинъ Ѳедоровичъ, вникаешь, такъ сказать, въ смыслъ жизни, щупаешь самое ядро дѣла. Но, оставивъ общечеловѣческое, позвольте обратить вниманіе на приватное. Если бы, положимъ, сдѣлавшись помѣщикомъ, возымѣлъ я мысль въ непродолжительное время разбогатѣть такъ, чтобы тѣмъ, такъ сказать, исполнить существенную обязанность гражданина, то какимъ образомъ, какъ поступить?»

«Какъ поступить, чтобы разбогатѣть?» подхватилъ Костанжогло. «А вотъ какъ!...»

«Пойдемъ ужинать», сказала хозяйка, поднявшись съ дивана, и выступила на середину комнаты, закутывая въ шаль молодые, продрогнувшіе свои члены.

Чичиковъ схватился со стула съ ловкостью почти военнаго человѣка, коромысломъ подставилъ ей руку и повелъ ее парадно черезъ двѣ комнаты въ столовую, гдѣ уже на столѣ стояла суповая чашка и, лишенная крышки, разливала пріятное благоуханье супа, напитаннаго свѣжею зеленью и первыми кореньями весны. Всѣ сѣли за столъ. Слуги проворно поставили разомъ на столъ всѣ блюда, въ закрытыхъ соусникахъ, и все, что̀ нужно, и тотчасъ ушли: Костанжогло не любилъ, чтобы лакеи слушали господскіе разговоры, а еще болѣе, чтобы глядѣли ему въ ротъ въ то время, когда онъ ѣстъ.

Нахлебавшись супу и выпивши рюмку какого-то отличнаго питья, похожаго на венгерское, Чичиковъ сказалъ хозяину такъ: «Позвольте, почтеннѣйшій, вновь обратить васъ къ предмету прекращеннаго разговора. Я спрашивалъ васъ о томъ, какъ быть, какъ поступить, какъ лучше приняться» *)...

. .

...«Имѣніе, за которое если бы онъ запросилъ и 40 тысячъ, я бы ему тутъ же отсчиталъ».

*) Послѣ этого утрачено двѣ страницы. Ср. выше, стр. 394.

«Гм!» Чичиковъ задумался. «А отчего же вы сами», проговорилъ онъ съ нѣкоторою робостью: «не покупаете его?»

«Да нужно знать наконецъ предѣлы. У меня и безъ того много хлопотъ около своихъ имѣній. Притомъ у насъ дворяне и безъ того уже кричатъ на меня, будто я, пользуясь крайностями и разоренными ихъ положеніями, скупаю земли за безцѣнокъ. Это мнѣ ужъ наконецъ надоѣло».

«Какъ вообще люди способны къ злословію!» сказалъ Чичиковъ.

«А ужъ какъ въ нашей губерніи,—не можете себѣ представить: меня иначе и не называютъ, какъ сквалыгой и скупцомъ первой степени. Себя они во всемъ извиняютъ. «Я», говоритъ, «конечно промотался, но потому, что жилъ высшими потребностями жизни, поощрялъ промышленниковъ [мошенниковъ, то-есть, которые тру...]; а этакъ, пожалуй, можно прожить свиньею, какъ Костанжогло».

«Желалъ бы я быть этакой свиньей!» сказалъ Чичиковъ.

«И вздоръ. Какія высшія потребности? Кого они надуваютъ? Книги хоть онъ и заведетъ, но вѣдь ихъ не читаетъ. Дѣло окончится картами да....... И все оттого, что не задаю обѣдовъ да не занимаю имъ денегъ. Обѣдовъ я потому не даю, что это меня бы тяготило: я къ этому не привыкъ. А пріѣзжай ко мнѣ ѣсть то, что̀ я ѣмъ,—милости просимъ. Не даю денегъ взаймы—это вздоръ. Пріѣзжай ко мнѣ въ самомъ дѣлѣ нуждающійся, да разскажи мнѣ обстоятельно, какъ ты распорядишься съ моими деньгами: если я увижу изъ твоихъ словъ, что ты употребишь ихъ умно и деньги принесутъ тебѣ явную прибыль,—я тебѣ не откажу и не возьму даже процентовъ».

«Это, однакоже, нужно принять къ свѣдѣнію», подумалъ Чичиковъ.

«И никогда не откажу», продолжалъ Костанжогло. «Но бросать денегъ на вѣтеръ я не стану. Ужъ пусть меня въ этомъ извинятъ! Чортъ побери! онъ затѣваетъ тамъ какой-нибудь обѣдъ любовницѣ, или на сумасшедшую ногу убираетъ мебелями домъ, или съ распутницей въ маскарадъ,

юбилей тамъ какой-нибудь въ память того, что онъ даромъ прожилъ на свѣтѣ, а ему давай деньги взаймы!..»

Здѣсь Костанжогло плюнулъ и чуть-чуть не выговорилъ нѣсколько неприличныхъ и бранныхъ словъ въ присутствіи супруги. Суровая тѣнь темной ипохондріи омрачила его лицо. Вдоль лба и поперекъ его собрались морщины, обличители гнѣвнаго движенія взволнованной желчи.

«Позвольте мнѣ, досточтимый мною, обратить васъ вновь къ предмету прекращеннаго разговора», сказалъ Чичиковъ, выпивая еще рюмку малиновки, которая дѣйствительно была отличная. «Если бы, положимъ, я пріобрѣлъ то самое имѣніе, о которомъ вы изволили упомянуть, то во сколько времени и какъ скоро можно разбогатѣть въ такой степени...»

«Если вы хотите», подхватилъ сурово и отрывисто Костанжогло, полный нерасположенія духа: «разбогатѣть скоро, такъ вы никогда не разбогатѣете; если же хотите разбогатѣть, не спрашиваясь о времени, то разбогатѣете скоро».

«Вотъ оно какъ!» сказалъ Чичиковъ.

«Да», сказалъ Костанжогло отрывисто, точно какъ бы онъ сердился на самого Чичикова: «надобно имѣть любовь къ труду: безъ этого ничего нельзя сдѣлать. Надобно полюбить хозяйство,—да! И повѣрьте, это вовсе не скучно. Выдумали, что въ деревнѣ тоска... да я бы умеръ отъ тоски, если бы хотя одинъ день провелъ въ городѣ такъ, какъ проводятъ они въ этихъ глупыхъ своихъ клубахъ, трактирахъ, да театрахъ. Дураки, дурачье, ослиное поколѣніе! Хозяину нельзя, нѣтъ времени скучать. Въ жизни его и на полвершка нѣтъ пустоты—все полнота. Одно это разнообразіе занятій, и притомъ какихъ занятій!—занятій, истинно возвышающихъ духъ. Какъ бы то ни было, но вѣдь тутъ человѣкъ идетъ рядомъ съ природой, съ временами года, соучастникъ и собесѣдникъ всего, что̀ совершается въ твореніи. Разсмотрите-ка круговой годъ работъ: какъ, еще прежде, чѣмъ наступитъ весна, все ужъ на сторожѣ и ждетъ ея: подготовка сѣмянъ, переборка, перемѣрка по амбарамъ хлѣба и пересушка; установленіе но-

выхъ тяголъ. Все обсматривается впередъ и все разсчитывается въ началѣ. А какъ взломаетъ ледъ, да пройдутъ рѣки, да просохнетъ все и пойдетъ взрываться земля—по огородамъ и садамъ работаетъ заступъ, по полямъ соха и бороны; садка, сѣвы и посѣвы. Понимаете ли, что́ это? Бездѣлица! грядущій урожай сѣютъ! Блаженство всей земли сѣютъ! Пропитаніе милліоновъ сѣютъ! Наступило лѣто... А тутъ покосы, покосы... И вотъ закипѣла вдругъ жатва; за рожью пошла рожь, а тамъ пшеница, а тамъ и ячмень, и овесъ. Все кипитъ; нельзя пропустить минуты: хоть двадцать глазъ имѣй, всѣмъ имъ работа. А какъ отпразднуется все, да пойдетъ свозиться на гумны, складываться въ клади, да зимнія запашки, да чинки къ зимѣ амбаровъ, ригъ, скотныхъ дворовъ, и въ то же время всѣ бабьи работы, да подведешь всему итогъ и увидишь, что̀ сдѣлано,—да вѣдь это... А зима! Молотьба по всѣмъ гумнамъ; перевозка перемолотаго хлѣба изъ ригъ въ амбары. Идешь и на мельницу, идешь и на фабрики, идешь взглянуть и на рабочій дворъ, идешь и къ мужику, какъ онъ тамъ на себя копышется. Да для меня, просто, если плотникъ хорошо владѣетъ топоромъ, я два часа готовъ предъ нимъ простоять: такъ веселитъ меня работа. А если видишь еще, что все это съ какой цѣлью творится, какъ вокругъ тебя все множится да множится, принося плодъ да доходъ,—да я и разсказать не могу, что̀ тогда въ тебѣ дѣлается. И не потому, что растутъ деньги,—деньги деньгами,—но потому, что все это дѣло рукъ твоихъ; потому что видишь, какъ ты всему причина, ты творецъ и отъ тебя, какъ отъ какого-нибудь мага, сыплется изобиліе и добро на все. Да гдѣ вы найдете мнѣ равное наслажденіе?» сказалъ Костанжогло, и лицо его поднялось кверху, морщины исчезнули. Какъ царь, въ день торжественнаго вѣнчанія своего, сіялъ онъ весь, и казалось, какъ бы лучи исходили изъ его лица. «Да въ цѣломъ мірѣ не отыщете вы подобнаго наслажденія! Здѣсь именно подражаетъ Богу человѣкъ: Богъ предоставилъ Себѣ дѣло творенія, какъ высшее всѣхъ насла-

жденіе, и требуетъ отъ человѣка также, чтобы онъ былъ подобнымъ творцомъ благоденствія вокругъ себя. И это называютъ скучнымъ дѣломъ!..»

Какъ пѣнія райской птички, заслушался Чичиковъ сладкозвучныхъ хозяйскихъ рѣчей. Глотали слюнку его уста. Самые глаза умаслились и выражали сладость, и все бы онъ слушалъ.

«Константинъ! пора вставать», сказала хозяйка, приподнявшись со стула. Всѣ встали. Подставивъ руку коромысломъ, повелъ Чичиковъ обратно хозяйку, но уже недоставало ловкости въ его оборотахъ, потому что мысли были заняты существенными оборотами.

«Что̀ ни разсказывай, а все, однакоже, скучно», говорилъ, идя позади ихъ, Платоновъ.

«Гость не глупый человѣкъ», думалъ хозяинъ: «внимателенъ, степененъ въ словахъ и не щелкоперъ». И подумавши такъ, сталъ онъ еще веселѣе, какъ бы самъ разогрѣлся отъ своего разговора, и какъ бы празднуя, что нашелъ человѣка, умѣющаго слушать умные совѣты.

Когда потомъ помѣстились они всѣ въ уютной комнаткѣ, озаренной свѣчками, насупротивъ балкона и стеклянной двери въ садъ, и глядѣли къ нимъ оттолѣ звѣзды, блиставшія надъ вершинами заснувшаго сада,—Чичикову сдѣлалось такъ пріютно, какъ не бывало давно: точно какъ бы послѣ долгихъ странствованій приняла уже его родная крыша и, по совершеніи всего, онъ уже получилъ все желаемое и бросилъ скитальческій посохъ, сказавши: «довольно!» Такое обаятельное расположеніе навелъ ему на душу разумный разговоръ гостепріимнаго хозяина. Есть для всякаго человѣка такія рѣчи, которыя какъ бы ближе и родственнѣй ему другихъ рѣчей. И часто неожиданно, въ глухомъ, забытомъ захолустьи, на безлюдьи безлюдномъ, встрѣтишь человѣка, котораго грѣющая бесѣда заставитъ позабыть тебя и бездорожье дороги, и безпріютность ночлеговъ, и безпутность современнаго шума, и лживость обмановъ, обманывающихъ человѣка. И живо врѣжется, разъ

навсегда и навѣки, проведенный такимъ образомъ вечеръ, и все удержитъ вѣрная память: и кто соприсутствовалъ, и кто на какомъ мѣстѣ сидѣлъ, и что̀ было въ рукахъ его,—стѣны, углы и всякую бездѣлушку.

Такъ и Чичикову замѣтилось все въ тотъ вечеръ: и эта милая, неприхотливо убранная комнатка, и добродушное выраженіе, воцарившееся въ лицѣ умнаго хозяина, но даже и рисунокъ обоевъ, ... и поданная Платонову трубка съ янтарнымъ мундштукомъ, и дымъ, который онъ сталъ пускать въ толстую морду Ярбу, и фырканье Ярба, и смѣхъ миловидной хозяйки, прерываемый словами: «полно, не мучь его», и веселыя свѣчки, и сверчокъ въ углу, и стеклянная дверь, и весенняя ночь, глядѣвшая къ нимъ оттолѣ, облокотясь на вершины деревъ, осыпанная звѣздами, оглашенная соловьями, громкопѣвно высвистывавшими изъ глубины зеленолиственныхъ чащей.

«Сладки мнѣ ваши рѣчи, досточтимый мною Константинъ Ѳедоровичъ!» произнесъ Чичиковъ. «Могу сказать, что не встрѣчалъ во всей Россіи человѣка, подобнаго вамъ по уму».

Онъ улыбнулся. Онъ самъ чувствовалъ, что не несправедливы были эти слова. «Нѣтъ, ужъ если хотите знать умнаго человѣка, такъ у насъ дѣйствительно есть одинъ, о которомъ точно можно сказать—умный человѣкъ, котораго я и подметки не сто̀ю».

«Кто-жъ бы это такой могъ быть?» съ изумленіемъ спросилъ Чичиковъ.

«Это нашъ откупщикъ Муразовъ».

«Въ другой уже разъ про него слышу!» вскрикнулъ Чичиковъ.

«Это человѣкъ, который не то, что имѣньемъ помѣщика, цѣлымъ государствомъ управитъ. Будь у меня государство, я бы его сей же часъ сдѣлалъ министромъ финансовъ».

«И, говорятъ, человѣкъ, превосходящій мѣру всякаго вѣроятія: десять милліоновъ, говорятъ, нажилъ».

«Какое десять! перевалило за сорокъ. Скоро половина Россіи будетъ въ его рукахъ».

«Что̀ вы говорите!» вскрикнулъ Чичиковъ, вытаращивъ глаза и разинувъ ротъ.

«Всенепремѣнно. Это ясно. Медленно богатѣетъ тотъ, у кого какія-нибудь сотни тысячъ; а у кого милліоны, у того радіусъ великъ: что̀ ни захватитъ, такъ вдвое и втрое противу самого себя: поле-то, поприще слишкомъ просторно. Тутъ ужъ и соперниковъ нѣтъ. Съ нимъ некому тягаться. Какую цѣну чему ни назначитъ, такая и останется: некому перебить».

«Господи, Боже ты мой!» проговорилъ Чичиковъ, перекрестившись. Смотрѣлъ Чичиковъ въ глаза Костанжогло,— захватило духъ въ груди ему. «Уму непостижимо! Каменѣетъ мысль отъ страха! Изумляются мудрости Промысла въ разсматриваніи букашки: для меня болѣе изумительно то, что въ рукахъ смертнаго могутъ обращаться такія громадныя суммы. Позвольте спросить насчетъ одного обстоятельства: скажите, вѣдь это, разумѣется, вначалѣ пріобрѣтено не безъ грѣха?»

«Самымъ безукоризненнымъ путемъ и самыми справедливыми средствами».

«Не повѣрю! невѣроятно! Если бы тысячи, но милліоны...»

«Напротивъ, тысячи трудно безъ грѣха, а милліоны наживаются легко. Милліонщику нечего прибѣгать къ кривымъ путямъ: прямой дорогой такъ и ступай, все бери, что̀ ни лежитъ передъ тобой. Другой не подыметъ: всякому не по силамъ, — нѣтъ соперниковъ. Радіусъ великъ; говорю: что̀ ни захватитъ—вдвое или втрое противъ........ А съ тысячи что̀?—десятый, двадцатый процентъ».

«И что̀ всего непостижимѣй — что дѣло вѣдь началось съ копѣйки!»

«Да иначе и не бываетъ. Это законный порядокъ вещей», сказалъ Костанжогло. «Кто родился съ тысячами, воспитался на тысячахъ, тотъ уже не пріобрѣтетъ, у того уже завелись и прихоти, и мало ли чего нѣтъ! Начинать нужно съ начала, а не съ середины, — съ копѣйки, а не съ рубля,—снизу, а не сверху: тутъ только узнаешь хо-

рошо людъ и бытъ, среди которыхъ придется потомъ изворачиваться. Какъ вытерпишь на собственной кожѣ то да другое, да какъ узнаешь, что всякая копѣйка алтыннымъ гвоздемъ прибита, да какъ перейдешь всѣ мытарства,—тогда тебя умудритъ и вышколитъ [такъ], что ужъ не дашь промаха ни въ какомъ предпріятіи и не оборвешься. Повѣрьте, это правда. Съ начала нужно начинать, а не съ середины. Кто говоритъ мнѣ: «Дайте мнѣ 100 тысячъ—я сейчасъ разбогатѣю», я тому не повѣрю: онъ бьетъ наудачу, а не навѣрняка. Съ копѣйки нужно начинать».

«Въ такомъ случаѣ я разбогатѣю», сказалъ Чичиковъ, невольно помысливъ о мертвыхъ душахъ: «ибо дѣйствительно начинаю съ ничего».

«Константинъ, пора дать Павлу Ивановичу отдохнуть и поспать», сказала хозяйка: «а ты все болтаешь».

«И непремѣнно разбогатѣете», сказалъ Костанжогло, не слушая хозяйки. «Къ вамъ потекутъ рѣки, рѣки золота. Не будете знать, куда дѣвать доходы».

Какъ очарованный, сидѣлъ Павелъ Ивановичъ въ золотой области возрастающихъ грёзъ и мечтаній. Кружились его мысли. По золотому ковру грядущихъ прибытковъ золотые узоры вышивало разыгравшееся воображеніе, и въ ушахъ его отдавались слова: «рѣки, рѣки потекутъ»...

«Право, Константинъ, Павлу Ивановичу пора спать».

«Да что̀-жъ тебѣ? Ну, и ступай, если захотѣлось», сказалъ хозяинъ и остановился, потому что громко по всей комнатѣ раздалось храпѣніе Платонова, а вслѣдъ за нимъ Ярбъ затянулъ еще громче. Замѣтивъ, что въ самомъ дѣлѣ пора на ночлегъ, онъ растолкалъ Платонова, сказавши: «полно тебѣ храпѣть!» и пожелалъ Чичикову спокойной ночи. Всѣ разбрелись и скоро заснули по своимъ постелямъ.

Одному Чичикову только не спалось. Его мысли бодрствовали. Онъ обдумывалъ, какъ сдѣлаться помѣщикомъ не фантастическаго, но существеннаго имѣнія. Послѣ разговора съ хозяиномъ все становилось такъ ясно! Возможность разбогатѣть казалась такъ очевидной! Трудное дѣло хозяйства

становилось теперь такъ легко и понятно, и такъ казалось свойственно самой его натурѣ! Только бы сбыть въ ломбардъ этихъ мертвецовъ да завести не фантастическое помѣстье! Уже онъ видѣлъ себя дѣйствующимъ и правящимъ именно такъ, какъ поучалъ Костанжогло—расторопно, осмотрительно, ничего не заводя новаго, не узнавши насквозь всего стараго, все высмотрѣвши собственными глазами, всѣхъ мужиковъ узнавши, всѣ излишества отъ себя оттолкнувши, отдавши себя только труду да хозяйству. Уже заранѣе предвкушалъ онъ то удовольствіе, которое будетъ онъ чувствовать, когда заведется стройный порядокъ и бойкимъ ходомъ двигнутся всѣ пружины хозяйственной машины, толкая дѣятельно другъ друга. Трудъ закипитъ,—и подобно тому, какъ въ ходкой мельницѣ шибко вымалывается изъ зерна мука, пойдетъ вымалываться изъ всякаго дрязгу и хламу чистаганъ да чистаганъ. Чудный хозяинъ такъ и стоялъ предъ нимъ ежеминутно. Это былъ первый человѣкъ во всей Россіи, къ которому почувствовалъ онъ уваженіе личное. Доселѣ уважалъ онъ человѣка или за хорошій чинъ, или за большіе достатки; собственно за умъ онъ не уважалъ еще ни одного человѣка: Костанжогло былъ первый. Онъ понялъ, что съ этимъ нечего подыматься на какія-нибудь штуки. Его занималъ другой прожектъ—купить имѣніе Хлобуева. Десять тысячъ у него было; пятнадцать тысячъ предполагалъ онъ попробовать занять у Костанжогло, такъ какъ онъ самъ объявилъ уже, что готовъ помочь всякому желающему разбогатѣть; остальныя—какъ-нибудь, или заложивши въ ломбардъ, или такъ просто, заставивши ждать. Вѣдь и это можно: ступай, возись по судамъ, если есть охота! И долго онъ объ этомъ думалъ. Наконецъ сонъ, который уже цѣлые четыре часа держалъ весь домъ, какъ говорится, въ объятіяхъ, принялъ наконецъ и Чичикова въ свои объятія. Онъ заснулъ крѣпко.

ГЛАВА IV.

На другой день все обдѣлалось, какъ нельзя лучше. Костанжогло далъ съ радостью десять тысячъ, безъ процентовъ, безъ поручительства, — просто, подъ одну росписку: такъ былъ онъ готовъ помогать всякому на пути къ пріобрѣтенію. Этого мало: онъ самъ взялся сопровождать Чичикова къ Хлобуеву, съ тѣмъ, чтобы осмотрѣть вмѣстѣ съ нимъ имѣніе. Чичиковъ былъ въ духѣ. Послѣ сытнаго завтрака, всѣ они отправились, сѣвши всѣ трое въ коляску Павла Ивановича; пролетки хозяина слѣдовали за ними порожнякомъ. Ярбъ бѣжалъ впереди, сгоняя съ дороги птицъ. Цѣлыя 15 верстъ тянулись по обѣимъ сторонамъ лѣса и пахатныя земли Костанжогло. Какъ только они прекратились, все пошло иначе: хлѣбъ жиденькій, намѣсто лѣсовъ пни. Деревенька, несмотря на красивое мѣстоположеніе, показывала издали запущеніе. Новый каменный домъ, необитаемый, оставшійся вчернѣ въ про....., выглянулъ прежде всего, за нимъ другой, обитаемый. Хозяина нашли они растрепаннаго, заспаннаго, недавно проснувшагося. Ему было лѣтъ сорокъ; галстукъ у него былъ повязанъ на сторону; на сюртукѣ была заплата, на сапогѣ дырка.

Пріѣзду гостей онъ обрадовался, какъ Богъ вѣсть чему: точно какъ бы увидѣлъ онъ братьевъ, съ которыми надолго разставался.

«Константинъ Ѳедоровичъ! Платонъ Михайловичъ! Вотъ одолжили пріѣздомъ! Дайте протереть глаза! А ужъ, право, думалъ, что ко мнѣ никто не заѣдетъ. Всякъ бѣгаетъ меня, какъ чумы: думаетъ, попрошу взаймы. Охъ, трудно, трудно, Константинъ Ѳедоровичъ! Вижу—самъ всему виной. Что̀ дѣлать? свинья-свиньей зажилъ. Извините, господа, что принимаю васъ въ такомъ нарядѣ: сапоги, какъ видите, съ дырами. Чѣмъ прикажете потчивать?»

«Безъ церемоніи. Мы къ вамъ за дѣломъ. Вотъ вамъ покупщикъ, Павелъ Ивановичъ Чичиковъ», сказалъ Костанжогло.

«Душевно радъ познакомиться. Дайте прижать мнѣ вашу руку».

Чичиковъ далъ ему обѣ.

«Хотѣлъ бы очень, почтеннѣйшій Павелъ Ивановичъ, показать вамъ имѣніе, стоящее вниманія... Да что, господа, позвольте спросить: вы обѣдали?»

«Обѣдали, обѣдали», сказалъ Костанжогло, желая отдѣлаться. «Не будемъ мѣшкать и пойдемъ теперь же».

«Въ такомъ случаѣ, пойдемъ». Хлобуевъ взялъ въ руки картузъ. «Пойдемъ осматривать безпорядки и безпутство мое».

Гости надѣли на головы картузы, и всѣ пошли улицею деревни.

Съ обѣихъ сторонъ глядѣли слѣпыя лачуги, съ окнами крохотными, заткнутыми онучами.

«Пойдемъ осматривать безпорядки и безпутство мое», говорилъ Хлобуевъ. «Конечно, вы сдѣлали хорошо, что пообѣдали. Повѣрите ли, Константинъ Өедоровичъ, курицы нѣтъ въ домѣ—до того дожилъ!»

Онъ вздохнулъ и, какъ бы чувствуя, что мало будетъ участія со стороны Константина Өедоровича, подхватилъ подъ руку Платонова и пошелъ съ нимъ впередъ, прижимая крѣпко его къ груди своей. Костанжогло и Чичиковъ остались позади и, взявшись подъ руки, слѣдовали за ними въ отдаленіи.

«Трудно, Платонъ Михайловичъ, трудно!» говорилъ Хлобуевъ Платонову. «Не можете вообразить, какъ трудно! Безденежье, безхлѣбье, безсапожье—вѣдь это для васъ слова иностраннаго языка. Трынъ-трава бы это было все, если бы былъ молодъ и одинъ. Но когда всѣ эти невзгоды станутъ тебя ломать подъ старость, а подъ бокомъ жена, пятеро дѣтей,—сгрустнется, поневолѣ сгрустнется...»

«Ну, да если вы продадите деревню — это васъ поправитъ?» спросилъ Платоновъ.

«Какое поправитъ!» сказалъ Хлобуевъ, махнувши рукой. «Все пойдетъ на уплату долговъ, а для себя на останется и тысячи».

«Такъ что̀-жъ вы будете дѣлать?»

«А Богъ знаетъ».

«Какъ же вы ничего не предпринимаете, чтобы выпутаться изъ такихъ обстоятельствъ».

«Что̀-жъ предпринять?»

«Что̀-жъ, вы, стало-быть, возьмите какое-нибудь мѣсто».

«Вѣдь я губернскій секретарь. Какое-жъ мнѣ могутъ дать мѣсто? Мѣсто мнѣ могутъ дать ничтожное. Какъ мнѣ взять жалованье—пять сотъ? А вѣдь у меня жена, пятеро дѣтей».

«Пойдите въ управляющіе».

«Да кто-жъ мнѣ повѣритъ имѣніе? Я промоталъ свое».

«Ну, да если голодъ и смерть грозятъ, нужно же что-нибудь предпринимать. Я спрошу, не можетъ ли братъ мой черезъ кого-либо въ городѣ выхлопотать какую-нибудь должность».

«Нѣтъ, Платонъ Михайловичъ», сказалъ Хлобуевъ, вздохнувши и сжавши крѣпко его руку. «Не гожусь я теперь никуда: одряхлѣлъ прежде старости своей, и поясница болитъ отъ прежнихъ грѣховъ, и ревматизмъ въ плечѣ. Куда мнѣ! что̀ разорять казну? И безъ того теперь завелось много служащихъ ради доходныхъ мѣстъ. Храни Богъ, чтобы изъ-за доставки мнѣ жалованья прибавлены были подати на бѣдное сословіе!»

«Вотъ плоды безпутнаго поведенія!» подумалъ Платоновъ. «Это хуже моей спячки».

А между тѣмъ, какъ они такъ говорили между собой, Костанжогло, идя съ Чичиковымъ позади ихъ, выходилъ изъ себя.

«Вотъ смотрите», сказалъ Костанжогло, указывая пальцемъ: «довелъ мужика до какой бѣдности! Вѣдь ни телѣги, ни лошади. Случился падежъ—ужъ тутъ нечего глядѣть на свое добро: тутъ все свое продай да снабди мужика скотиной, чтобы онъ не оставался и одного дня безъ средствъ производить работу. А вѣдь теперь и годами не поправишь. И мужикъ уже излѣнился, загулялъ, сдѣлался пьяница. Да

этимъ только, что одинъ годъ далъ ему пробыть безъ работы, ты ужъ его развратилъ навѣки: ужъ привыкъ къ лохмотью и бродяжничеству... А земля-то какова? разглядите землю!» говорилъ онъ, указывая на луга, которые показались скоро за избами. «Все поёмныя мѣста! Да я заведу ленъ, да тысячъ на пять одного льну отпущу; рѣпой засѣю, на рѣпѣ выручу тысячи четыре. А вонъ смотрите—по косогору рожь поднялась; вѣдь это все падаль. Онъ хлѣба не сѣялъ—я это знаю. А вонъ овраги... да здѣсь я заведу такіе лѣса, что вóронъ не долетитъ до вершины. И этакое сокровище-землю бросить! Ну, ужъ если нечѣмъ было пахать, такъ копай заступомъ подъ огородъ какой—огородомъ бы взялъ. Самъ возьми въ руку заступъ, жену, дѣтей, дворню заставь; умри, ..., на работѣ! Умрешь по крайней мѣрѣ, исполняя долгъ, а не то — обожравшись свиньей за обѣдомъ!» Сказавши это, плюнулъ Костанжогло, и желчное расположеніе осѣнило сумрачнымъ облакомъ его чело.

Когда подошли они ближе и стали надъ крутизной, обросшей чилизникомъ, и вдали блеснулъ извивъ рѣки и темный отрогъ, и въ перспективѣ ближе показалась часть скрывавшагося въ рощахъ дома генерала Бетрищева, а за нимъ лѣсомъ обросшая, курчавая гора, пылившая синеватою пылью отдаленія, по которой вдругъ догадался Чичиковъ, что это должно быть Тѣнтѣтникова, — [онъ сказалъ]: «Здѣсь если завести лѣса, — да деревенскій видъ можетъ превзойти красотою.....»

«А вы охотникъ до видовъ!» сказалъ Костанжогло, вдругъ на него взглянувши строго. «Смотрите, погонитесь тамъ за видами,—останетесь безъ хлѣба и безъ видовъ. Смотрите на пользу, а не на красоту. Красота сама придетъ. Примѣръ вамъ города: лучше и красивѣе до сихъ поръ города, которые сами построились, гдѣ каждый строился по своимъ надобностямъ и вкусамъ; а тѣ, которые выстроились по шнурку,—казармы казармами... Въ сторону красоту! Смотрите на потребности...»

«Жалко то, что долго нужно дожидаться: такъ бы хотѣлось увидѣть все въ томъ видѣ, какъ хочется...»

«Да что̀ вы 25-лѣтній развѣ юноша? Петербургскій чиновникъ.............. Терпѣнье! Шесть лѣтъ работайте сряду: садите, сѣйте, ройте землю, не отдыхая ни на минуту. Трудно, трудно. Но за то потомъ, какъ расшевелите хорошенько землю, да станетъ она помогать вамъ сама, такъ это не то, что какой-нибудь; нѣтъ, батюшка, у васъ, сверхъ вашихъ какихъ-нибудь 70-ти рукъ, будутъ работать 700 невидимыхъ. Все вдесятеро! У меня теперь ни пальцемъ не двигнутъ,—все дѣлается само собою. Да, природа любитъ терпѣнье: и это законъ, данный ей Самимъ Богомъ, ублажавшимъ терпѣливыхъ».

«Слушая васъ, чувствуешь прибытокъ силъ. Духъ воздвигается».

«Вона земля какъ вспахана!» вскрикнулъ Костанжогло съ ѣдкимъ чувствомъ прискорбія, показывая на косогоръ. «Я не могу здѣсь больше оставаться: мнѣ смерть—глядѣть на этотъ безпорядокъ и запустѣніе. Вы теперь можете съ нимъ покончить и безъ меня. Отберите у этого дурака поскорѣе сокровище. Онъ только безчеститъ Божій даръ». И, сказавши это, Костанжогло уже омрачился желчнымъ расположеніемъ взволнованнаго духа, простился съ Чичиковымъ и, нагнавши хозяина, сталъ также прощаться.

«Помилуйте, Константинъ Ѳедоровичъ», говорилъ удивленный хозяинъ: «только-что пріѣхали—и назадъ!»

«Не могу. Мнѣ крайняя надобность быть дома», сказалъ Костанжогло. Простился, сѣлъ и уѣхалъ на своихъ пролеткахъ.

Казалось, какъ будто Хлобуевъ понялъ причину его отъѣзда.

«Не выдержалъ Константинъ Ѳедоровичъ», сказалъ онъ: «не весело такому хозяину, каковъ онъ, глядѣть на этакое безпутное управленіе. Повѣрьте, Павелъ Ивановичъ, что даже хлѣба не сѣялъ въ этомъ году. Какъ честный человѣкъ! Сѣмянъ не было, не говоря ужъ о томъ, что нечѣмъ

пахать. Вашъ братецъ, Платонъ Михайловичъ, говорятъ, отличный хозяинъ; о Константинѣ Θедоровичѣ — что̀ ужъ говорить! это Наполеонъ своего рода. Часто, право, думаю: ну, зачѣмъ столько ума дается въ одну голову? ну, что̀ бы хоть каплю его въ мою глупую. Тутъ, смотрите, господа, осторожнѣе черезъ мостъ, чтобъ не бултыхнуться въ лужу. Доски весною приказывалъ поправить..... Жаль больше всего мнѣ мужичковъ бѣдныхъ: имъ нуженъ примѣръ, но съ меня что̀ за примѣръ? Что̀ прикажете дѣлать? Возьмите ихъ, Павелъ Ивановичъ, въ свое распоряженіе. Какъ пріучить ихъ къ порядку, когда самъ безпорядоченъ? Я бы ихъ отпустилъ давно на волю, но изъ этого не будетъ никакого толку. Вижу, что прежде нужно привести ихъ въ такое состояніе, чтобы умѣли жить. Нуженъ строгій и справедливый человѣкъ, который пожилъ бы съ ними долго и собственнымъ примѣромъ неутомимой дѣятельности........... Русскій человѣкъ, вижу по себѣ, не можетъ безъ понукателя: такъ и задремлетъ, такъ и закиснетъ.»

«Странно», сказалъ Платоновъ: «отчего русскій человѣкъ способенъ такъ задремать и закиснуть, что, если не смотришь за простымъ человѣкомъ, сдѣлается и пьяницей, и негодяемъ?»

«Отъ недостатка просвѣщенія», замѣтилъ Чичиковъ.

«Богъ вѣсть, отчего. Вѣдь вотъ мы просвѣтились, слушали въ университетѣ, а на что̀ годимся? Ну, чему я выучился? Порядку жить не только не выучился, а еще больше—выучился искусству побольше издерживать деньги на всякія новыя утонченности да комфорты, больше познакомился съ такими предметами, на которые нужны деньги. Оттого ли, что я безтолково учился? — Нѣтъ, вѣдь такъ и другіе товарищи. Два, три человѣка извлекли себѣ настоящую пользу, да и то оттого, можетъ-быть, что и безъ того были умны, а прочіе вѣдь только и стараются узнать то, что портитъ здоровье да и выманиваетъ деньги. Ей Богу! А что̀ я ужъ думаю: иной разъ, право, мнѣ кажется, что будто русскій человѣкъ—какой-то пропащій человѣкъ. Хо-

чешь все сдѣлать—и ничего не можешь. Все думаешь—съ завтрашняго дня начнешь новую жизнь, съ завтрашняго дня сядешь на діэту; ничуть не бывало: къ вечеру того же дня такъ объѣшься, что только хлопаешь глазами, и языкъ не ворочается—какъ сова сидишь, глядя на всѣхъ—право! И этакъ всѣ».

«Да», сказалъ Чичиковъ, усмѣхнувшись: «эта исторія бываетъ».

«Мы совсѣмъ не для благоразумія рождены. Я не вѣрю, чтобы изъ насъ былъ кто-нибудь благоразумнымъ. Если я вижу, что иной даже и порядочно живетъ, собираетъ и копитъ деньгу, не вѣрю я и тому. На старости и его чортъ попутаетъ: спуститъ потомъ все вдругъ. И всѣ такъ, право: и просвѣщенные, и непросвѣщенные. Нѣтъ, чего-то другого недостаетъ, а чего—и самъ не знаю».

На возвратномъ пути были виды тѣ же. Неопрятный безпорядокъ такъ и выказывалъ отвсюду безобразную свою наружность. Прибавилась только новая лужа посереди улицы. Все было опущено и запущено какъ у мужиковъ, такъ и у барина. Сердитая баба, въ замасленой дерюгѣ, прибила до полусмерти бѣдную дѣвчонку и ругала на всѣ бока кого-то въ третьемъ лицѣ, призывая всѣхъ чертей. Подальше два мужика глядѣли съ равнодушіемъ стоическимъ на гнѣвъ пьяной бабы. Одинъ чесалъ у себя пониже спины, другой зѣвалъ. Зѣвота видна была на строеніяхъ, крыши также зѣвали. Платоновъ, глядя на нихъ, зѣвнулъ. Заплата на заплатѣ. На одной избѣ, вмѣсто крыши, лежали цѣликомъ ворота; провалившіяся окна подперты были жердями, стащенными съ господскаго амбара. Какъ видно, въ хозяйствѣ исполнялась система Тришкина кафтана: отрѣзывались обшлага и фалды на заплату локтей.

«Незавидное у васъ хозяйство», сказалъ [Чичиковъ], когда они, осмотрѣвъ, подъѣхали..... Вошедши въ комнаты дома, они были поражены какъ бы смѣшеніемъ нищеты съ блестящими бездѣлушками позднѣйшей роскоши. Какой-то Шекспиръ сидѣлъ на чернильницѣ; на столѣ лежала

щегольская ручка слоновой кости для почесыванья себѣ самому спины. Хозяйка была одѣта со вкусомъ и по модѣ, говорила о городѣ да о театрѣ, который тамъ завелся. Дѣти были рѣзвы и веселы. Мальчики и дѣвочки были прекрасно одѣты — очень мило и со вкусомъ. Лучше бы одѣлись въ пестрядевыя юбки, простыя рубашки и бѣгали себѣ по двору и не отличались ничѣмъ отъ крестьянскихъ дѣтей. Къ хозяйкѣ скоро пріѣхала гостья, какая-то пустомеля и болтунья. Дамы ушли на свою половину. Дѣти убѣжали вслѣдъ за ними. Мужчины остались одни.

«Такъ какая же будетъ ваша цѣна?» сказалъ Чичиковъ. «Спрашиваю, признаться, чтобъ услышать крайнюю, послѣднюю цѣну, ибо помѣстье въ худшемъ положеніи, чѣмъ ожидалъ».

«Въ самомъ скверномъ, Павелъ Ивановичъ», сказалъ Хлобуевъ. «И это еще не все. Я не скрою: изъ ста душъ, числящихся по ревизіи, только пятьдесятъ въ живыхъ: такъ у насъ распорядилась холера; прочіе отлучились безпашпортно, такъ что почитайте ихъ какъ бы умершими, такъ что если ихъ вытребовать по судамъ, такъ все имѣніе останется по судамъ. Потому-то я и прошу всего только тридцать пять тысячъ».

Чичиковъ сталъ, разумѣется, торговаться.

«Помилуйте, какъ же тридцать пять? За этакое тридцать пять! Ну, возьмите 25 тысячъ».

Платонову сдѣлалось совѣстно. «Покупайте, Павелъ Ивановичъ», сказалъ онъ. «За имѣніе можно всегда дать эту [цѣну]. Если вы не дадите за него тридцати пяти тысячъ, мы съ братомъ складываемся и покупаемъ».

«Очень хорошо, согласенъ», сказалъ Чичиковъ, испугавшись. «Хорошо, только съ тѣмъ, чтобы половину денегъ черезъ годъ».

«Нѣтъ, Павелъ Ивановичъ! этого-то ужъ никакъ не могу. Половину мнѣ дайте теперь же, а остальныя черезъ Вѣдь мнѣ эти же самыя деньги выдастъ ломбардъ: было бы только чѣмъ».

«Какъ же, право? я ужъ не знаю», сказалъ Чичиковъ: «у меня всего-на-всего теперь десять тысячъ», сказалъ Чичиковъ,—сказалъ и совралъ: всего у него было двадцать, включая деньги, занятыя у Костанжогло; но какъ-то жалко такъ много дать за однимъ разомъ.

«Нѣтъ, пожалуйста, Павелъ Ивановичъ! Я говорю, что необходимо мнѣ нужны пятнадцать тысячъ».

«Я вамъ займу 5 тысячъ», подхватилъ Платоновъ.

«Развѣ этакъ!» сказалъ Чичиковъ и подумалъ про-себя: «А это, однакоже, кстати, что онъ даетъ взаймы». Изъ коляски была принесена шкатулка, и тутъ же было изъ нея вынуто 10.000 Хлобуеву; остальныя же пять тысячъ обѣщано было привезти ему завтра; то-есть, обѣщано: предполагалось же привезти три, другія—потомъ, денька черезъ два или три, а если можно, то и еще нѣсколько просрочить. Павелъ Ивановичъ какъ-то особенно не любилъ выпускать изъ рукъ денегъ. Если-жъ настояла крайняя необходимость, то все-таки, казалось ему, лучше выдать деньги завтра, а не сегодня. То-есть, онъ поступалъ, какъ всѣ мы. Вѣдь намъ пріятно же поводить просителя: пусть его натретъ себѣ спину въ передней! Будто ужъ и нельзя подождать ему! Какое намъ дѣло до того, что, можетъ-быть, всякій часъ ему дорогъ и терпятъ отъ того дѣла его! Приходи, братецъ, завтра, а сегодня мнѣ какъ-то некогда.

«Гдѣ-жъ вы послѣ этого будете жить?» спросилъ Платоновъ Хлобуева. «Есть у васъ другая деревушка?»

«Да въ городъ нужно переѣзжать: тамъ есть у меня домишка. Все же равно, это было нужно сдѣлать, не для себя, а для дѣтей: имъ нужны будутъ учителя Закону Божію, музыкѣ, танцованью. Вѣдь ни за какія деньги въ деревнѣ нельзя достать».

«Куска хлѣба нѣтъ, а дѣтей учитъ танцованью!» подумалъ Чичиковъ.

«Странно!» подумалъ Платоновъ.

«Однакожъ нужно намъ чѣмъ-нибудь вспрыснуть сдѣлку»,

сказалъ Хлобуевъ. «Эй, Кирюшка! принеси, братъ, бутылку шампанскаго».

«Куска хлѣба нѣтъ, а шампанское есть», подумалъ Чичиковъ.

Платоновъ не зналъ, что̀ и думать.

Шампанскимъ [Хлобуевъ] обзавелся по необходимости. Онъ послалъ въ городъ: что̀ дѣлать?—въ лавочкѣ не даютъ квасу въ долгъ безъ денегъ, а пить хочется. А французъ, который недавно пріѣхалъ съ винами изъ Петербурга, всѣмъ давалъ въ долгъ. Нечего дѣлать, нужно было брать бутылку шампанскаго.

Шампанское было принесено. Они выпили по три бокала и развеселились. Хлобуевъ развязался: сталъ милъ и уменъ, сыпалъ остротами и анекдотами. Въ рѣчахъ его обнаружилось столько познанія людей и свѣта! Такъ хорошо и вѣрно видѣлъ онъ многія вещи, такъ мѣтко и ловко очерчивалъ немногими словами сосѣдей-помѣщиковъ, такъ видѣлъ ясно недостатки и ошибки всѣхъ, такъ хорошо зналъ исторію разорившихся бáръ: и почему, и какъ, и отчего они разорились; такъ оригинально и смѣшно умѣлъ передавать малѣйшія ихъ привычки, — что они оба были совершенно обворожены его рѣчами и готовы были признать его за умнѣйшаго человѣка.

«Мнѣ удивительно», сказалъ Чичиковъ: «какъ вы, при такомъ умѣ, не найдете средствъ и оборотовъ?»

«Средства-то есть», сказалъ Хлобуевъ, и тутъ [же] выгрузилъ имъ цѣлую кучу прожектовъ. Всѣ они были до того нелѣпы, такъ странны, такъ мало истекали изъ познанія людей и свѣта, что оставалось пожимать только плечами да говорить: «Господи Боже! какое необъятное разстояніе между знаніемъ свѣта и умѣніемъ пользоваться этимъ знаніемъ!» Все основывалось на потребности достать откуда-нибудь вдругъ сто или двѣсти тысячъ. Тогда, казалось ему, все бы устроилось, какъ слѣдуетъ, и хозяйство бы пошло, и прорѣхи всѣ бы заплатались, и доходы можно учетверить, и себя привести въ возможность выплатить

всѣ долги. И оканчивалъ онъ рѣчь свою: «Но что̀ прикажете дѣлать? Нѣтъ, да и нѣтъ такого благодѣтеля, который бы рѣшился дать двѣсти или хоть сто тысячъ взаймы. Видно, ужъ Богъ не хочетъ».

«Еще бы», подумалъ Чичиковъ: «этакому дураку послалъ Богъ двѣсти тысячъ!»

«Есть у меня, пожалуй, трехмилліонная тетушка», сказалъ Хлобуевъ: «старушка богомольная: на церкви и монастыри даетъ, но помогать ближнему тугенька. Прежнихъ временъ тетушка, на которую бы взглянуть стоило. У ней однѣхъ канареекъ сотни четыре, моськи, приживалки и слуги, какихъ ужъ теперь нѣтъ. Меньшому изъ слугъ будетъ лѣтъ подъ 60, хоть она и зоветъ его: «Эй, малый!» Если гость какъ-нибудь себя не такъ поведетъ, такъ она за обѣдомъ прикажетъ обнести его блюдомъ,—и обнесутъ. Вотъ какъ!»

Платоновъ усмѣхнулся.

«А какъ ея фамилія и гдѣ проживаетъ?» спросилъ Чичиковъ.

«Живетъ она у насъ же въ городѣ, Александра Ивановна Ханасарова».

«Отчего-жъ вы не обратитесь къ ней?» сказалъ съ участіемъ Платоновъ. «Мнѣ кажется, если бы она вошла въ положеніе вашего семейства, она бы не могла отказать».

«Ну, нѣтъ, можетъ. У тетушки натура крѣпковата. Это старушка-кремень, Платонъ Михайловичъ! Да къ тому-жъ есть и безъ меня угодники, которые около нея увиваются. Тамъ есть одинъ, который мѣтитъ въ губернаторы: приплелся ей въ родню... «Сдѣлай мнѣ такое одолженіе», сказалъ онъ вдругъ, обратясь [къ Платонову]: «на будущей недѣлѣ я даю обѣдъ всѣмъ сословіямъ въ городѣ»...

Платоновъ растопырилъ глаза. Онъ еще не зналъ того, что на Руси, въ городахъ и столицахъ, водятся такіе мудрецы, которыхъ жизнь—совершенно необъяснимая загадка. Все, кажется, прожилъ, кругомъ въ долгахъ, ниоткуда никакихъ средствъ, а задаетъ обѣдъ: и всѣ обѣдающіе гово-

рять, что это послѣдній, что завтра же хозяина потащатъ въ тюрьму. Проходитъ послѣ того 10 лѣтъ — мудрецъ все еще держится на свѣтѣ, еще больше прежняго кругомъ въ долгахъ, и такъ же задаетъ обѣдъ, на которомъ всѣ обѣдающіе думаютъ, что онъ послѣдній, и всѣ увѣрены, что завтра же потащатъ хозяина въ тюрьму.

Домъ Хлобуева въ городѣ представлялъ необыкновенное явленіе. Сегодня попъ въ ризахъ служилъ тамъ молебенъ; завтра давали репетицію французскіе актеры. Въ иной день ни крошки хлѣба нельзя было отыскать; въ другой хлѣбосольный пріемъ всѣхъ артистовъ и художниковъ и великодушная подача всѣмъ. Бывали такія подчасъ тяжелыя времена, что другой давно бы на его мѣстѣ повѣсился или застрѣлился; но его спасало религіозное настроеніе, которое страннымъ образомъ совмѣщалось въ немъ съ безпутною его жизнью. Въ эти горькія минуты читалъ [онъ] житія страдальцевъ и тружениковъ, воспитывавшихъ духъ свой быть превыше несчастій. Душа его въ это время вся размягчалась, умилялся духъ, и слезами исполнялись глаза его. Онъ молился, и—странное дѣло!—почти всегда приходила къ нему откуда-нибудь неожиданная помощь: или кто-нибудь изъ старыхъ друзей его вспоминалъ о немъ и присылалъ ему деньги; или какая-нибудь проѣзжая незнакомка, нечаянно услышавъ о немъ исторію, съ стремительнымъ великодушіемъ женскаго сердца присылала ему богатую подачу; или выигрывалось гдѣ-нибудь въ пользу его дѣло, о которомъ онъ никогда и не слышалъ. Благоговѣйно признавалъ онъ тогда необъятное милосердіе Провидѣнія, служилъ благодарственный молебенъ и вновь начиналъ безпутную жизнь свою.

«Жалокъ онъ мнѣ, право жалокъ», сказалъ Чичикову Платоновъ, когда они, простившись съ нимъ, выѣхали отъ него.

«Блудный сынъ!» сказалъ Чичиковъ. «О такихъ людяхъ и жалѣть нечего».

И скоро они оба перестали о немъ думать: Платоновъ—

потому, что лѣниво и полусонно смотрѣлъ на положенія людей, такъ же, какъ и на все въ мірѣ. Сердце его сострадало и щемило при видѣ страданій другихъ, но впечатлѣнія какъ-то не впечатлѣвались глубоко въ его душѣ. Чрезъ нѣсколько минутъ онъ не думалъ о Хлобуевѣ. Онъ потому не думалъ о Хлобуевѣ, что и о себѣ самомъ не думалъ; Чичиковъ потому не думалъ о Хлобуевѣ, что, въ самомъ дѣлѣ, всѣ его мысли были заняты не на шутку пріобрѣтенною покупкою. Какъ бы то ни было, но очутившись вдругъ, послѣ фантастическаго, настоящимъ, дѣйствительнымъ владѣльцемъ уже не фантастическаго имѣнія, онъ сталъ задумчивъ, и предположенія, и мысли стали степеннѣй и давали невольно значительное выраженіе ли[цу]. «Терпѣніе, трудъ!» Вещь нет[рудная]: съ ними я познакомился, такъ сказать, съ пеленъ дѣтскихъ. Мнѣ они не въ новость. Но станетъ ли теперь, въ эти годы, столько терпѣнія, сколько въ молодости?» Какъ бы то ни было, какъ ни разсматривалъ, на какую сторону ни оборачивалъ пріобрѣтенную покупку, видѣлъ, что во всякомъ случаѣ покупка была выгодна. Можно было поступить и такъ, чтобы заложить имѣніе въ ломбардъ, прежде выпродавъ по кускамъ лучшія земли. Можно было распорядиться и такъ, чтобы заняться самому хозяйствомъ и сдѣлаться помѣщикомъ по образцу Костанжогло, пользуясь его совѣтами, какъ сосѣда и благодѣтеля. Можно было поступить даже и такъ, чтобы перепродать въ частныя руки имѣніе [разумѣется, если не захочется самому хозяйничать], оставивши при себѣ бѣглыхъ и мертвецовъ. Тогда представлялась и другая выгода: можно было вовсе улизнуть изъ этихъ мѣстъ и не заплатить Костанжогло денегъ, взятыхъ у него взаймы. Странная мысль! не то, чтобы Чичиковъ возымѣлъ [ее], но она вдругъ, сама собой, предстала, дразня, и усмѣхаясь, и прищуриваясь на него. Непотребница! егоза! И кто творецъ этихъ вдругъ набѣгающихъ мыслей?... Онъ почувствовалъ удовольствіе,—удовольствіе оттого, что сталъ теперь помѣщикомъ, — помѣщикомъ не фантастическимъ, но дѣй-

ствительнымъ, помѣщикомъ, у котораго есть уже и земли, и угодья, и люди,—люди не мечтательные, въ воображеніи пребывающіе, но существующіе. И понемногу началъ онъ и подпрыгивать, и потирать себѣ руки, и подмигивать себѣ самому, и вытрубилъ на кулакѣ, приставивши его себѣ ко рту, какъ бы на трубѣ, какой-то маршъ, и даже выговорилъ вслухъ нѣсколько поощрительныхъ словъ и названій себѣ самому, въ родѣ мордашки и каплунчика. Но потомъ, вспомнивши, что онъ не одинъ, притихнулъ вдругъ, постарался кое-какъ замять неумѣренный порывъ восторгновенія; и когда Платоновъ, принявши кое-какіе изъ этихъ звуковъ за обращенную къ нему рѣчь, спросилъ у него: «чего?» онъ отвѣчалъ: «ничего».

Тутъ только, оглянувшись вокругъ себя, онъ увидѣлъ, что они уже давно ѣхали прекрасною рощей; миловидная березовая ограда тянулась у нихъ справа и слѣва. Бѣлые [стволы] лѣсныхъ березъ и осинъ, блестя какъ снѣжный частоколъ, стройно и легко возносились на нѣжной зелени недавно развившихся листьевъ. Соловьи взапуски громко щелкали изъ рощи. Лѣсные тюльпаны желтѣли въ травѣ. Онъ не могъ себѣ дать отчета, какъ онъ успѣлъ очутиться въ этомъ прекрасномъ мѣстѣ, когда еще недавно были открытыя поля. Между деревъ мелькала бѣлая каменная церковь, а на другой сторонѣ выказалась изъ-[за] рощи рѣшётка. Въ концѣ улицы показался господинъ, шедшій къ нимъ навстрѣчу, въ картузѣ, съ суковатой палкой въ рукахъ. Аглицкій песъ, на высокихъ тонкихъ ножкахъ, бѣжалъ передъ нимъ.

«А вотъ и братъ», сказалъ Платоновъ. «Кучеръ, стой!» И вышелъ изъ коляски, Чичиковъ также. Псы уже успѣли облобызаться. Тонконогій, проворный Азоръ лизнулъ, проворнымъ языкомъ своимъ, Ярба въ морду, потомъ лизнулъ Платонову руки, потомъ вскочилъ на Чичикова и лизнулъ его въ ухо.

Братья обнялись.

«Помилуй, Платонъ, что̀ это ты со мною дѣлаешь?» сказалъ остановившійся братъ, котораго звали Василіемъ.

«Какъ что̀?» равнодушно отвѣчалъ Платонъ.

«Да какъ же въ самомъ дѣлѣ? три дня отъ тебя ни слуху, ни духу! Конюхъ отъ Пѣтуха привелъ твоего жеребца. «Поѣхалъ», говоритъ, «съ какимъ-то бариномъ». Ну, хоть бы слово сказалъ: куда, зачѣмъ, на сколько времени? Помилуй, братецъ, какъ же можно этакъ поступать? А я, Богъ знаетъ, чего не передумалъ въ эти дни!»

«Ну, что̀-жъ дѣлать? позабылъ», сказалъ Платоновъ. «Мы заѣхали къ Константину Ѳедоровичу: онъ тебѣ кланяется, сестра — также. Павелъ Ивановичъ, рекомендую вамъ: братъ Василій. — Братъ Василій! это Павелъ Ивановичъ Чичиковъ».

Оба, приглашенные ко взаимному знакомству, пожали другъ другу руки и, снявши картузы, поцѣловались.

«Кто бы такой былъ этотъ Чичиковъ?» думалъ братъ Василій. «Братъ Платонъ на знакомства неразборчивъ». И оглянулъ онъ Чичикова, насколько позволяло приличіе, и увидѣлъ, что это былъ человѣкъ, по виду, очень благонамѣренный.

Съ своей стороны, Чичиковъ оглянулъ также, насколько позволяло приличіе, брата Василія и увидѣлъ, что братъ пониже Платона, волосомъ темнѣй его и лицомъ далеко не такъ красивъ, но въ чертахъ его лица было гораздо больше жизни и одушевленія, больше сердечной доброты. Видно было, что онъ меньше дремалъ. Но на эту часть Павелъ Ивановичъ мало обращалъ вниманія.

«Я рѣшился, Вася, проѣздиться, вмѣстѣ съ Павломъ Ивановичемъ, по святой Руси. Авось-либо это размычетъ хандру мою».

«Какъ же такъ вдругъ рѣшился?» сказалъ озадаченный братъ Василій; и онъ чуть было не прибавилъ: «И еще ѣхать съ человѣкомъ, котораго видишь въ первый разъ, который, можетъ-быть, и дрянь, и чортъ знаетъ что̀!» Полный недовѣрія, онъ оглянулъ искоса Чичикова и увидѣлъ благоприличіе изумительное.

Они повернули направо въ ворота. Дворъ былъ старин-

ный: домъ тоже старинный, какихъ теперь не строятъ—съ навѣсами, подъ высокой крышей. Двѣ огромныя липы росли посреди двора и покрывали почти половину его своею тѣнью. Подъ ними было множество деревянныхъ скамеекъ. Цвѣтущія сирени и черемухи бисернымъ ожерельемъ обходили дворъ вмѣстѣ съ оградой, совершенно скрывавшейся подъ ихъ цвѣтами и листьями. Господскій домъ былъ совершенно закрытъ, только однѣ двери и окна миловидно глядѣли снизу сквозь вѣтви. Сквозь прямыя, какъ стрѣлы, лѣсины деревъ, бѣлѣлись кухни, кладовыя и погреба. Все было въ рощѣ. Соловьи высвистывали громко, оглашая всю рощу. Невольно вносилось въ душу какое-то безмятежно-пріятное чувство. Такъ и отзывалось все тѣми беззаботными временами, когда жилось всѣмъ добродушно и все было просто и несложно. Братъ Василій пригласилъ Чичикова садиться. Они сѣли на скамьяхъ подъ липами.

Парень, лѣтъ 17, въ красивой рубашкѣ розовой ксандрейки, принесъ и поставилъ передъ ними графины съ разноцвѣтными фруктовыми квасами всѣхъ сортовъ, то густыми, какъ масло, то шипѣвшими, какъ газовые лимонады. Поставивши графины, схватилъ онъ заступъ, стоявшій у дерева, и ушелъ въ садъ. У братьевъ Платоновыхъ такъ же, какъ и у зятя Костанжогло, собственно слугъ не было: они были всѣ садовники, всѣ дворовые исправляли по очереди эту должность. Братъ Василій все утверждалъ, что слуги не сословіе: подать что-нибудь можетъ всякій, и для этого не стоитъ заводить особыхъ людей; что будто русскій человѣкъ потуда хорошъ и расторопенъ и не лѣнтяй, покуда онъ ходитъ въ рубашкѣ и зипунѣ; но что, какъ только заберется въ нѣмецкій сюртукъ, станетъ вдругъ неуклюжъ и нерасторопенъ, и лѣнтяй, и рубашки не перемѣняетъ, и въ баню перестаетъ вовсе ходить, и спитъ въ сюртукѣ, и заведутся у него подъ сюртукомъ нѣмецкимъ и клопы, и блохъ несчетное множество. Въ этомъ, можетъ-быть, онъ былъ и правъ. Въ деревнѣ ихъ народъ одѣвался особенно щеголевато: кички у женщинъ были всѣ въ золотѣ, а рукава на рубахахъ —

точныя коймы турецкой шали. «Это квасы, которыми издавна славится нашъ домъ», сказалъ братъ Василій.

Чичиковъ налилъ стаканъ изъ перваго графина—точный липецъ, который онъ нѣкогда пивалъ въ Польшѣ: игра какъ у шампанскаго, а газъ такъ и шибнулъ пріятнымъ крючкомъ изо рта въ носъ. «Нектаръ!» сказалъ онъ. Выпилъ стаканъ отъ другого графина—еще лучше.

«Напитокъ напитковъ!» сказалъ Чичиковъ. «Могу сказать, что у почтеннѣйшаго вашего зятя, Константина Ѳедоровича, пилъ первѣйшую наливку, а у васъ—первѣйшій квасъ».

«Да вѣдь и наливка тоже отъ насъ: вѣдь это сестра завела. Въ какую же сторону и въ какія мѣста предполагаете ѣхать?» спросилъ братъ Василій.

«Ѣду я», сказалъ Чичиковъ, слегка покачиваясь на лавкѣ и рукой поглаживая себя по колѣну [и] наклоняясь: «не столько по своей нуждѣ, сколько по нуждѣ другого. Генералъ Бетрищевъ, близкій пріятель и, можно сказать, благотворитель, просилъ навѣстить родственниковъ. Родственники, конечно, родственниками, но отчасти, такъ сказать, и для самого себя; ибо, не говоря уже о пользѣ въ геморoидальномъ отношеніи, видѣть свѣтъ и коловращенье людей — есть уже само по себѣ, такъ сказать, живая книга и вторая наука».

Братъ Василій задумался. «Говоритъ этотъ человѣкъ нѣсколько витіевато, но въ словахъ его, однакожъ, есть правда», подумалъ [онъ]. Нѣсколько помолчавъ, сказалъ онъ, обратясь къ Платону: «Я начинаю думать, Платонъ, что путешествіе можетъ, точно, расшевелить тебя. У тебя не что̀ другое, какъ душевная спячка. Ты, просто, заснулъ,—и заснулъ не отъ пресыщенія или усталости, но отъ недостатка живыхъ впечатлѣній и ощущеній. Вотъ я совершенно напротивъ. Я бы очень желалъ не такъ живо чувствовать и не такъ близко принимать къ сердцу все, что̀ ни случается».

«Вольно-жъ принимать все близко къ сердцу», сказалъ Платонъ. «Ты выискиваешь себѣ безпокойства и самъ сочиняешь себѣ тревоги».

«Какъ сочинять, когда и безъ того на всякомъ шагу непріятность?» сказалъ Василій. «Слышалъ ты, какую безъ тебя сыгралъ съ нами штуку Лѣницынъ? — Захватилъ пустошь, гдѣ у насъ празднуется красная горка. Во-первыхъ, пустоши этой я — ни за какія деньги... Здѣсь у меня крестьяне празднуютъ всякую весну красную горку, съ ней связаны воспоминанія деревни; а для меня обычай — святая вещь и за него готовъ пожертвовать всѣмъ».

«Не знаетъ, потому и захватилъ», сказалъ Платонъ: «человѣкъ новый, только-что пріѣхалъ изъ Петербурга; ему нужно объяснить, растолковать».

«Знаетъ, очень знаетъ. Я посылалъ ему сказать, но онъ отвѣчалъ грубостью».

«Тебѣ нужно было съѣздить самому, растолковать. Переговори съ нимъ самъ».

«Ну, нѣтъ. Онъ черезчуръ уже заважничалъ. Я къ нему не поѣду. Изволь, поѣзжай самъ, если хочешь ты».

«Я бы поѣхалъ, но вѣдь я не мѣшаюсь... Онъ можетъ меня и провести, и обмануть».

«Да если угодно, такъ я поѣду», сказалъ Чичиковъ: «скажите дѣльцо».

Василій взглянулъ на него и подумалъ: «Экой охотникъ ѣздить!»

«Вы мнѣ подайте только понятіе, какого рода онъ человѣкъ», сказалъ Чичиковъ: «и въ чемъ дѣло».

«Мнѣ совѣстно наложить на васъ такую непріятную комиссію. Человѣкъ онъ, по-моему, дрянь: изъ простыхъ мелкопомѣстныхъ дворянъ нашей губерніи, выслужился въ Петербургѣ, женившись тамъ на чьей-то побочной дочери, и заважничалъ. Тонъ задаетъ. Да у насъ народъ живетъ не глупый: мода намъ не указъ, а Петербургъ не церковь».

«Конечно», сказалъ Чичиковъ: «а дѣло въ чемъ?»

«Видите ли? ему, точно, нужна земля. Да если бы онъ не такъ поступалъ, я бы съ охотою отвелъ въ другомъ мѣстѣ даромъ, не то, что... А теперь занозистый человѣкъ подумаетъ»...

«По-моему, лучше переговориться: можетъ-быть, дѣло-то... Мнѣ поручали дѣла и не раскаивались... Вотъ тоже и генералъ Бетрищевъ»...

«Но мнѣ совѣстно, что вамъ придется говорить съ такимъ человѣкомъ»...

«... *) и наблюдая особенно, чтобъ это было втайнѣ», сказалъ Чичиковъ: «ибо не столько самое преступленіе, сколько соблазнъ вредоносенъ».

«А, это такъ, это такъ», сказалъ Лѣницынъ, наклонивъ совершенно голову на-бокъ.

«Какъ пріятно встрѣтить единомысліе!» сказалъ Чичиковъ. «Есть и у меня дѣло, и законное, и незаконное вмѣстѣ: съ виду незаконное, въ существѣ законное. Имѣя надобность въ залогахъ, никого не хочу вводить въ рискъ платежемъ по два рубля за живую душу. Ну, случится, лопну,—чего Боже сохрани,—непріятно вѣдь владѣльцу: я и рѣшился воспользоваться бѣглыми и мертвыми, еще не вычеркнутыми изъ ревизіи, чтобы за однимъ разомъ сдѣлать и христіанское дѣло, и снять съ бѣднаго владѣльца тягость уплаты за нихъ податей. Мы только между собой сдѣлаемъ формальнымъ образомъ купчую, какъ на живыя».

«Это, однакоже, что-то такое престранное», подумалъ Лѣницынъ и отодвинулся со стуломъ немного назадъ. «Да дѣло-то, однакоже... такого рода...» началъ [онъ].

«А соблазну не будетъ, потому что втайнѣ», отвѣчалъ Чичиковъ: «и притомъ между благонамѣренными людьми».

«Да все-таки, однакоже, дѣло какъ-то»...

«А соблазну никакого», отвѣчалъ весьма прямо и открыто Чичиковъ. «Дѣло такого рода, какъ сейчасъ разсуждали: между людьми благонамѣренными, благоразумныхъ лѣтъ и, кажется, хорошаго чину, и притомъ втайнѣ». И, говоря это, глядѣлъ онъ открыто и благородно ему въ глаза.

Какъ ни былъ изворотливъ Лѣницынъ, какъ ни былъ

*) Передъ этимъ словомъ въ рукописи отрѣзаны двѣ страницы. Ср. выше, стр. 422. *Рэд.*

свѣдущъ вообще въ дѣлопроизводствахъ, но тутъ какъ-то совершенно пришелъ въ недоумѣнье, тѣмъ болѣе, что какимъ-то страннымъ образомъ онъ какъ бы запутался въ собственныя сѣти. Онъ вовсе не былъ способенъ на несправедливости и не хотѣлъ бы сдѣлать ничего несправедливаго, даже и втайнѣ. «Экая удивительная оказія!» думалъ онъ про себя. «Прошу входить въ тѣсную дружбу даже съ хорошими людьми! Вотъ тебѣ и задача!»

Но судьба и обстоятельства какъ бы нарочно благопріятствовали Чичикову. Точно за тѣмъ, чтобы помочь этому затруднительному дѣлу, вошла въ комнату молодая хозяйка, супруга Лѣницына, блѣдная, худенькая, низенькая, но одѣтая по-петербургскому, большая охотница до людей comme il faut. За нею былъ вынесенъ на рукахъ мамкой ребенокъ-первенецъ, плодъ нѣжной любви недавно бракосочетавшихся супруговъ. Ловкимъ подходомъ съ прискочкой и наклоненіемъ головы на-бокъ, Чичиковъ совершенно обворожилъ петербургскую даму, а вслѣдъ за нею и ребенка. Сначала тотъ было разревѣлся, но словами: «Агу, агу, душенька», и прищелкиваніемъ пальцевъ, и красотой сердоликовой печатки отъ часовъ, Чичикову удалось его переманить къ себѣ на руки. Потомъ онъ началъ его приподымать къ самому потолку и возбудилъ этимъ въ ребенкѣ пріятную усмѣшку, чрезвычайно обрадовавшую обоихъ родителей. Но, отъ внезапнаго удовольствія или чего-либо другого, ребенокъ вдругъ повелъ себя нехорошо.

«Ахъ, Боже мой!» вскрикнула жена Лѣницына: «онъ вамъ испортилъ весь фракъ!»

Чичиковъ посмотрѣлъ: рукавъ новёшенькаго фрака былъ весь испорченъ. «Пострѣлъ бы тебя взялъ, чертенокъ!» подумалъ онъ въ-сердцахъ.

Хозяинъ, хозяйка, мамка—всѣ побѣжали за одеколономъ; со всѣхъ сторонъ принялись его вытирать.

«Ничего, ничего, совершенно ничего!» говорилъ Чичиковъ, стараясь сообщить лицу своему, сколько возможно, веселое выраженіе. «Можетъ ли что̀ испортить ребенокъ

въ это золотое время своего возраста?» повторялъ онъ; а въ то же время думалъ: «Да вѣдь какъ бестія, волки-бъ его съѣли, мѣтко обдѣлалъ, канальчёнокъ проклятый!»

Это, повидимому, незначительное обстоятельство совершенно преклонило хозяина въ пользу дѣла Чичикова. Какъ отказать такому гостю, который оказалъ столько невинныхъ ласкъ малюткѣ и великодушно поплатился за то собственнымъ фракомъ? Чтобы не подать дурного примѣра, рѣшились рѣшить дѣло секретно, ибо не столько самое дѣло, сколько соблазнъ вредоносенъ.

«Позвольте-жъ и мнѣ, въ вознагражденіе за услугу, заплатить вамъ также услугой. Хочу быть посредникомъ вашимъ по дѣлу съ братьями Платоновыми. Вамъ нужна земля, не такъ ли?»...

ГЛАВА ...*)

Все на свѣтѣ обдѣлываетъ свои дѣла. *Чтò кому теребитъ, тотъ то и теребитъ,* говоритъ пословица. Путешествіе по сундукамъ произведено было съ успѣхомъ, такъ что кое-что отъ этой экспедиціи перешло въ собственную шкатулку. Словомъ, благоразумно было обстроено. Чичиковъ не то, чтобы укралъ, но попользовался. Вѣдь всякій изъ насъ чѣмъ-нибудь попользуется: тотъ казеннымъ лѣсомъ, тотъ экономическими суммами, тотъ крадетъ у дѣтей своихъ ради какой-нибудь пріѣзжей актрисы, тотъ у крестьянъ ради мебели Гамбса или кареты. Чтò-жъ дѣлать, если завелось такъ много всякихъ заманокъ на свѣтѣ? и дорогіе рестораны съ сумасшедшими цѣнами, и маскарады, и гулянья, и плясанья съ цыганками. Вѣдь трудно удержаться, если всѣ, со всѣхъ сторонъ, дѣлаютъ то же, да и мода велитъ—изволь удержать себя! Чичикову слѣдовало бы уже и выѣхать, но дороги испортились. Въ городѣ между тѣмъ готова была начаться другая ярмарка—собственно дворян-

*) См. выше, стр. 424. *Ред.*

ская. Прежняя была больше конная, скотомъ, сырыми произведеніями, да разными крестьянскими, скупаемыми прасолами и кулаками. Теперь же все, что̀ куплено на Нижегородской ярмаркѣ краснопродавцами панскихъ товаровъ, привезено сюда. Наѣхали истребители русскихъ кошельковъ, французы съ помадами и француженки съ шляпками, истребители добытыхъ кровью и трудами денегъ — эта египетская саранча, по выраженію Костанжогло, которая, мало того, что все сожретъ, да еще и яицъ послѣ себя оставитъ, зарывши ихъ въ землю.

Только неурожай да несчастный въ самомъ удержали многихъ помѣщиковъ по деревнямъ. Зато чиновники, какъ не терпящіе неурожая, развернулись; жены ихъ на бѣду также. Начитавшись разныхъ книгъ, распущенныхъ въ послѣднее время съ цѣлью внушить всякія новыя потребности человѣчеству, возымѣли жажду необыкновенную испытать всѣхъ новыхъ наслажденій. Французъ открылъ новое заведеніе—какой-то дотолѣ неслыханный въ губерніи вокзалъ, съ ужиномъ, будто бы по необыкновенно дешевой цѣнѣ и половину на кредитъ. Этого было достаточно, чтобы [не только] столоначальники, но даже и всѣ канцелярскіе, въ надеждѣ на будущія взятки съ просителей Зародилось желаніе пощеголять другъ передъ другомъ лошадьми и кучерами. Ужъ это столкновеніе сословій для увеселенія!... Несмотря на мерзкую погоду и слякоть, щегольскія коляски пролетали взадъ и впередъ. Откуда взялись онѣ, Богъ вѣсть, но въ Петербургѣ не подгадили бы... Купцы, приказчики, ловко приподымая шляпы, запрашивали барынь. Рѣдко гдѣ видны были бородачи въ мѣховыхъ горлатныхъ шапкахъ. Все было европейскаго вида съ бритыми подбородками, все и съ гнилыми зубами.

«Пожалуйте, пожалуйста! Да ужъ извольте только взойти-съ въ лавку! Господинъ, господинъ!» покрикивали кое-гдѣ мальчишки.

Но ужъ на нихъ съ презрѣніемъ смотрѣли познакомленные съ Европой посред....; изрѣдка только съ чувствомъ

достоинства произносили: «Шт......», или: «здѣсь сукны зиберъ, клеръ и черныя».

«Есть сукна брусничныхъ цвѣтовъ съ искрой?» спросилъ Чичиковъ.

«Отличныя сукна», сказалъ купецъ, приподнимая одной рукой картузъ, а другой указывая на лавку. Чичиковъ взошелъ въ лавку. Ловко приподнялъ доску и очутился на другой сторонѣ его спиною къ товарамъ, вознесеннымъ отъ низу до потолка, штука на штукѣ, и—лицомъ къ покупателю. Опершись ловко обѣими руками и, слегка покачиваясь на нихъ всѣмъ корпусомъ, произнесъ: «Какихъ суконъ пожелаете?».

«Съ искрой оливковыхъ или бутылочныхъ, приближающихся, такъ сказать, къ брусникѣ», сказалъ Чичиковъ.

«Могу сказать, что получите первѣйшаго сорта, лучше котораго только въ просвѣщенныхъ столицахъ можно найти. Малый! подай сукно сверху, что̀ за 34-мъ номеромъ. Да не то, братецъ! Что̀ ты вѣчно выше своей сферы, точно пролетарій какой! Бросай его сюда. Вотъ суконцо!» И, разворотивши его съ другого конца, купецъ поднесъ Чичикову къ самому носу, такъ что тотъ могъ не только погладить рукой шелковистый лоскъ, но даже и понюхать.

«Хорошо, но все не то», сказалъ Чичиковъ. «Вѣдь я служилъ на таможнѣ, такъ мнѣ высшаго сорта, какое есть, и притомъ больше искрасна, не къ бутылкѣ, но къ брусникѣ чтобы приближалось».

«Понимаю-съ: вы истинно желаете такого цвѣта, какой нынче въ моду входитъ. Есть у меня сукно отличнѣйшаго свойства. Предувѣдомляю, что высокой цѣны, но и высокаго достоинства».

Европеецъ полѣзъ. Штука упала. Развернулъ онъ ее съ искусствомъ прежнихъ временъ, даже на время позабывъ, что онъ принадлежитъ уже къ позднѣйшему поколѣнію, и поднесъ къ свѣту, даже вышедши изъ лавки, и тамъ его показалъ, прищурясь къ свѣту и сказавши: «Отличный цвѣтъ! Сукно наваринскаго дыму съ пламенемъ».

Сукно понравилось; о цѣнѣ условились, хотя она и «съ префиксомъ», какъ утверждалъ купецъ. Тутъ произведено было ловкое дранье обѣими руками. Заворочено оно было въ бумагу, по-русски, съ быстротою наимовѣрной. Свертокъ завертѣлся подъ легкою бечевкой, охватившей его животрепещущимъ узломъ. Ножницы перерѣзали бечевку, и все было уже въ коляскѣ. Купецъ приподымалъ картузъ. Приподымающій картузъ причину: онъ вынулъ изъ кармана деньги.

«Покажите чернаго сукна», раздался голосъ.

«Вотъ, чортъ побери, Хлобуевъ», сказалъ про себя Чичиковъ и поворотился спиною, чтобы не видать его, находя неблагоразумнымъ съ своей стороны заводить съ нимъ какое-либо объясненіе насчетъ наслѣдства. Но онъ уже его увидѣлъ.

«Что̀ это, право, Павелъ Ивановичъ, не съ умысломъ ли уходите отъ меня? Я васъ нигдѣ не могу найти, а вѣдь дѣла́ такого рода, что намъ нужно серьезно переговорить».

«Почтеннѣйшій, почтеннѣйшій», сказалъ Чичиковъ, пожимая ему руки: «повѣрьте, что все хочу съ вами побесѣдовать, да времени совсѣмъ нѣтъ». А самъ думалъ: «Чортъ бы тебя побралъ!» И вдругъ увидѣлъ входящаго Муразова. «Ахъ, Боже! Аѳанасій Васильевичъ! Какъ здоровье ваше?»

«Какъ вы?» сказалъ Муразовъ, снимая шляпу. Купецъ и Хлобуевъ сняли шляпу.

«Да вотъ поясница, да и сонъ какъ-то все не то. Ужъ отъ того ли, что мало движенія»...

Но Муразовъ, вмѣсто того, чтобы углубиться въ причину припадковъ Чичикова, обратился къ Хлобуеву: «А я, Семенъ Семеновичъ, увидавши, что вы взошли въ лавку,— за вами. Мнѣ нужно кое-о-чемъ переговорить, такъ не хотите ли заѣхать ко мнѣ?»

«Какъ же, какъ же!» сказалъ поспѣшно Хлобуевъ и вышелъ съ нимъ.

«О чемъ бы у нихъ разговоры?» подумалъ [Чичиковъ].

«Аѳанасій Васильевичъ—почтенный и умный человѣкъ», сказалъ купецъ: «и дѣло свое знаетъ, но просвѣтительности нѣтъ. Вѣдь купецъ есть негоціантъ, а не то что купецъ. Тутъ съ этимъ соединено и буджетъ, и реакцыя, а иначе выйдетъ павпуризмъ». Чичиковъ махнулъ рукой.

«Павелъ Ивановичъ, я васъ ищу вездѣ», раздался позади голосъ Лѣницына. Купецъ почтительно снялъ шляпу.

«Ахъ, Ѳедоръ Ѳедорычъ!»

«Ради Бога, ѣдемте ко мнѣ: мнѣ нужно переговорить», сказалъ онъ. Чичиковъ взглянулъ—на немъ не было лица. Расплатившись съ купцомъ, онъ вышелъ изъ лавки.

«Васъ жду, Семенъ Семеновичъ», сказалъ Муразовъ, увидѣвши входящаго Хлобуева: «пожалуйте ко мнѣ въ комнатку». И онъ повелъ Хлобуева въ комнатку, уже знакомую читателю, неприхотливѣе которой нельзя было найти и у чиновника, получающаго семьсотъ рублей въ годъ жалованья.

«Скажите, вѣдь теперь, я полагаю, обстоятельства ваши получше? Послѣ тетушки все-таки вамъ досталось кое-что».

«Да какъ вамъ сказать, Аѳанасій Васильевичъ? Я не знаю, лучше ли мои обстоятельства. Мнѣ досталось всего пятьдесятъ душъ крестьянъ и тридцать тысячъ денегъ, которыми я долженъ былъ расплатиться съ частью моихъ долговъ,—и у меня вновь ровно ничего. А главное дѣло, что дѣло по этому завѣщанію самое нечистое. Тутъ, Аѳанасій Васильевичъ, завелись такія мошенничества! Я вамъ сейчасъ разскажу, и вы подивитесь, что̀ такое дѣлается. Этотъ Чичиковъ...»

«Позвольте, Семенъ Семеновичъ; прежде чѣмъ говорить объ этомъ Чичиковѣ, позвольте поговорить собственно о васъ. Скажите мнѣ: сколько, по вашему заключенію, было бы для васъ удовлетворительно и достаточно затѣмъ, чтобы совершенно выпутаться изъ обстоятельствъ?»

«Мои обстоятельства трудныя», сказалъ Хлобуевъ. «Да чтобы выпутаться изъ обстоятельствъ, расплатиться совсѣмъ

и быть въ возможности жить самымъ умѣреннымъ образомъ, мнѣ нужно, по крайней мѣрѣ, 100 тысячъ, если не больше,— словомъ, мнѣ это невозможно».

«Ну, если бы это у васъ было, какъ бы вы тогда повели жизнь свою?»

«Ну, я бы тогда нанялъ себѣ квартирку, занялся бы воспитаніемъ дѣтей. О себѣ нечего уже думать: карьеръ мой конченъ, потому что мнѣ не служить: я ужъ никуда не гожусь».

«И все-таки жизнь останется праздная, а въ праздности приходятъ искушенія, о которыхъ бы и не подумалъ человѣкъ, занявшись работою».

«Не могу, никуда не гожусь: осовѣлъ, болитъ поясница».

«Да какъ же жить безъ работы? Какъ быть на свѣтѣ безъ должности, безъ мѣста? Помилуйте! Взгляните на всякое твореніе Божіе: всякое чему-нибудь да служитъ, имѣетъ свое отправленіе. Даже камень, и тотъ затѣмъ, чтобы употреблять на дѣло, а человѣкъ, разумнѣйшее существо, чтобы оставался безъ пользы,—статочное ли это дѣло?»

«Ну, да я все-таки не безъ дѣла. Я могу заняться воспитаніемъ дѣтей».

«Нѣтъ, Семенъ Семеновичъ, нѣтъ! это всего труднѣе. Какъ воспитать тому дѣтей, кто самъ себя не воспиталъ? Дѣтей вѣдь только можно воспитать примѣромъ собственной жизни. А ваша жизнь годится имъ въ примѣръ? Чтобы выучиться развѣ тому, какъ [въ] праздности проводить время да играть въ карты? Нѣтъ, Семенъ Семеновичъ, отдайте дѣтей мнѣ: вы ихъ испортите. Подумайте не шутя: васъ сгубила праздность, — вамъ нужно отъ нея бѣжать. Какъ жить на свѣтѣ неприкрѣпленну ни къ чему? Какой-нибудь да должно исполнять долгъ. Поденщикъ, — вѣдь и тотъ служитъ. Онъ ѣстъ грошовый хлѣбъ, да вѣдь онъ его добываетъ и чувствуетъ интересъ своего занятія».

«Ей Богу, пробовалъ, Аѳанасій Васильевичъ, старался преодолѣть! Что̀-жъ дѣлать! остарѣлъ, сдѣлался неспособенъ. Ну, какъ мнѣ поступить? Неужели опредѣлиться мнѣ въ

службу? Ну, какъ же мнѣ, въ сорокъ пять лѣтъ, сѣсть за одинъ столъ съ начинающими канцелярскими чиновниками? Притомъ я неспособенъ къ взяткамъ—и себѣ помѣшаю, и другимъ поврежу. Тамъ ужъ у нихъ и касты свои образовались. Нѣтъ, Аѳанасій Васильевичъ, думалъ, пробовалъ, перебиралъ всѣ мѣста, — вездѣ буду неспособенъ. Только развѣ въ богадѣльню...»

«Богадѣльня [тѣмъ], которые трудились; а тѣмъ, которые веселились все время въ молодости, отвѣчаютъ, какъ муравей стрекозѣ: «Поди, попляши!» Да и въ богадѣльнѣ сидя, тоже трудятся и работаютъ, въ вистъ не играютъ. Семенъ Семеновичъ», говорилъ [Муразовъ], смотря ему въ лицо пристально: «вы обманываете и себя, и меня».

Муразовъ глядѣлъ пристально ему въ лицо; но бѣдный Хлобуевъ ничего не могъ отвѣчать. Муразову стало его жалко.

«Послушайте, Семенъ Семеновичъ... Но вѣдь вы же молитесь, ходите въ церковь, не пропускаете; я знаю, ни утрени, ни вечерни. Вамъ хоть и не хочется рано вставать, но вѣдь вы встаете же и идете, — идете въ четыре часа утра, когда никто не подымался».

«Это—другое дѣло, Аѳанасій Васильевичъ. Я знаю, что это я дѣлаю не для человѣка, но для Того, Кто приказалъ намъ быть всѣмъ на свѣтѣ. Что̀-жъ дѣлать! Я вѣрю, что Онъ милостивъ ко мнѣ, что какъ я ни мерзокъ, ни гадокъ, но Онъ меня можетъ простить и принять, тогда какъ люди оттолкнутъ ногою и наилучшій изъ друзей продастъ меня, да еще и скажетъ потомъ, что онъ продалъ изъ благой цѣли».

Огорченное чувство выразилось въ лицѣ Хлобуева. Старикъ прослезился, но ничего не

«Такъ послужите же Тому, Который такъ милостивъ. Ему такъ же угоденъ трудъ, какъ и молитва. Возьмите какое ни есть занятіе, но возьмите, какъ бы вы дѣлали для Него, а не для людей. Ну, просто, хоть воду толките въ ступѣ, но помышляйте только, что вы дѣлаете для Него. Ужъ

этимъ будетъ выгода, что для дурного не останется времени—для проигрыша въ карты, для пирушки съ объѣдалами, для свѣтской жизни. Эхъ, Семенъ Семеновичъ! Знаете вы Ивана Потапыча?»

«Знаю и очень уважаю».

«Вѣдь хорошій былъ торговецъ: полмилліона было; да какъ увидѣлъ во всемъ прибытокъ — и распустился. Сына по-французски сталъ учить, дочь—за генерала. И уже не въ лавкѣ, или въ биржевой улицѣ, а все какъ бы встрѣтить пріятеля да затащить въ трактиръ пить чай; тамъ цѣлые дни—чай, да и обанкрутился. А тутъ Богъ несчастье послалъ: сынъ Теперь онъ, видите ли, приказчикомъ у меня. Началъ сызнова. Дѣла-то поправились его. Онъ могъ бы опять торговать на пятьсотъ тысячъ. «Приказчикомъ былъ, приказчикомъ хочу и умереть. Теперь», говоритъ, «я сталъ здоровъ и свѣжъ, а тогда у меня брюхо-де заводилось, да и водяная начиналась... Нѣтъ!» говоритъ. И чаю онъ теперь въ ротъ не беретъ. Щи да кашу—и больше ничего, да-съ. А ужъ молится онъ такъ, какъ никто изъ насъ не молится; а ужъ помогаетъ онъ бѣднымъ такъ, какъ никто изъ насъ не помогаетъ; а другой радъ бы помочь, да деньги свои прожилъ».

Бѣдный Хлобуевъ задумался.

Старикъ взялъ его за обѣ руки. «Семенъ Семеновичъ! Если бы вы знали, какъ мнѣ васъ жалко! Я объ васъ все время думалъ. И вотъ послушайте. Вы знаете, что въ монастырѣ есть затворникъ, который никого не видитъ. Человѣкъ этотъ большого ума, — такого ума, что я не знаю. (Онъ не говоритъ); но ужъ если дастъ совѣтъ... Я началъ ему говорить, что вотъ у меня есть этакой пріятель, но имени не , что болѣетъ онъ вотъ чѣмъ. Онъ началъ слушать да вдругъ прервалъ словами: «Прежде Божье дѣло, чѣмъ свое. Церковь строятъ, а денегъ нѣтъ: сбирать нужно на церковь!» Да и захлопнулъ дверью. Я думалъ, что̀-жъ это значитъ? Не хочетъ, видно, дать совѣта. Да и зашелъ къ нашему архимандриту. Только-что я въ дверь, а онъ

мнѣ съ первыхъ же словъ: не знаю ли я такого человѣка, которому бы можно было поручить сборъ на церковь, который бы былъ или изъ дворянъ, или купцовъ, повоспитаннѣй другихъ, смотрѣлъ бы на то, какъ на спасеніе свое? Я такъ съ перваго же разу и остановился. «Ахъ, Боже мой! Да вѣдь это схимникъ назначаетъ эту должность Семену Семеновичу. Дорога для его болѣзни хороша. Переходя съ книгой отъ помѣщика къ крестьянину и отъ крестьянина къ мѣщанину, онъ узнаетъ и то, какъ кто живетъ и кто въ чемъ нуждается,—такъ что воротится потомъ, обошедши нѣсколько губерній, такъ узнаетъ мѣстность и край получше всѣхъ тѣхъ людей, которые живутъ въ городахъ... А этакіе люди теперь нужны». Вотъ мнѣ князь сказывалъ, что онъ много бы далъ, чтобы достать такого чиновника, который бы зналъ не по бумагамъ дѣло, а точно узналъ, какъ они на дѣлѣ, потому что изъ бумагъ, говорятъ, ничего ужъ не видать: такъ все запуталось».

«Вы меня совершенно смутили, сбили, Аѳанасій Васильевичъ», сказалъ Хлобуевъ, въ изумленіи смотря на него. «Я даже не вѣрю тому, что вы точно мнѣ это говорите: для этого нуженъ неутомимый, дѣятельный человѣкъ. Притомъ какъ же мнѣ бросить жену, дѣтей, которымъ ѣсть нечего?»

«О супругѣ и дѣтяхъ не заботьтесь. Я возьму ихъ на свое попеченіе, и учителя будутъ у дѣтей. Чѣмъ вамъ ходить съ котомкой и выпрашивать милостыню для себя, благороднѣе и лучше просить для Бога. Я вамъ дамъ простую [кибитку], тряски не бойтесь: это для вашего здоровья. Я дамъ вамъ на дорогу денегъ, чтобы вы могли мимоходомъ дать тѣмъ, которые посильнѣе другихъ нуждаются. Вы здѣсь можете много добрыхъ дѣлъ сдѣлать: вы ужъ не ошибетесь, а кому дадите, тотъ точно будетъ стòить. Этакимъ образомъ ѣздя, вы точно узнàете всѣхъ, кто Это не то, что иной чиновникъ, котораго всѣ боятся и отъ котораго; а съ вами, зная, что вы просите на церковь, охотно разговорятся».

«Я вижу, это прекрасная мысль, и я бы очень [желалъ] исполнить хоть часть; но, право, мнѣ кажется, это свыше силъ».

«Да что же по нашимъ силамъ?» сказалъ Муразовъ. «Вѣдь ничего нѣтъ по нашимъ силамъ; все свыше нашихъ силъ. Безъ помощи свыше ничего нельзя. Но молитва собираетъ силы. Перекрестясь, говоритъ человѣкъ: «Господи, помилуй!» гребетъ и доплываетъ до берега. Объ этомъ не нужно и помышлять долго; это нужно, просто, принять за повелѣніе Божіе. Кибитка будетъ вамъ сейчасъ готова; а вы забѣгите къ отцу архимандриту за книгой и за благословеньемъ, да и въ дорогу».

«Повинуюсь вамъ и принимаю не иначе, какъ за указаніе Божіе». — «Господи, благослови!» сказалъ онъ внутренно, и почувствовалъ, что бодрость и сила стала проникать къ нему въ душу. Самый умъ его какъ бы сталъ пробуждаться надеждой на исходъ изъ своего печально-неисходнаго положенія. Свѣтъ сталъ мерцать вдали...

Но оставивши Хлобуева, обратимся къ Чичикову *).

А между тѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, по судамъ шли просьбы за просьбой. Оказались родственники, о которыхъ и не слыхалъ никто. Какъ птицы слетаются на мертвечину, такъ все налетѣло на несмѣтное имущество, оставшееся послѣ старухи: доносы на Чичикова, на подложность послѣдняго завѣщанія, доносы на подложность и перваго завѣщанія, улики въ покражѣ и въ утаеніи суммъ. Явились даже улики на Чичикова въ покупкѣ мертвыхъ душъ, въ провозѣ контрабанды во время бытности его еще при таможнѣ. Выко-

*) Здѣсь оканчивается текстъ позднѣйшей передѣлки, набросанный надъ строками темными черными чернилами. Прежній текстъ зачеркнутъ лишь до словъ: «чтобы хлебать съ серебрянаго блюда», хотя въ немъ все, замѣненное новою редакціею, подлежало исключенію. Новая редакція этихъ страницъ осталась въ рукописи не связанною съ прежнею. Намъ оставалось возобновить прежній текстъ съ того мѣста, которое не было замѣнено новымъ изложеніемъ, не подверглось передѣлкѣ. *Ред.*

пали все, разузнали его прежнюю исторію. Богъ вѣсть, откуда все это пронюхали и знали; только были улики даже и въ такихъ дѣлахъ, объ которыхъ, думалъ Чичиковъ, кромѣ его и четырехъ стѣнъ, никто не зналъ. Покамѣстъ все это было еще судейская тайна и до ушей его не дошло, хотя вѣрная записка юрисконсульта, которую онъ вскорѣ получилъ, нѣсколько дала ему понять, что каша заварится. Записка была краткаго содержанія: «Спѣшу васъ увѣдомить, что по дѣлу будетъ возня, но помните, что тревожиться никакъ не слѣдуетъ. Главное дѣло—спокойствіе. Обдѣлаемъ все». Записка эта успокоила совершенно его. «Точно геній», сказалъ Чичиковъ. Въ довершеніе хорошаго, портной въ это время принесъ платье. Онъ получилъ желаніе сильное посмотрѣть на самого себя въ новомъ фракѣ наваринскаго пламени съ дымомъ. Натянулъ штаны, которые обхватили его чудеснымъ образомъ со всѣхъ сторонъ, такъ что хоть рисуй. Ляжки такъ (молодецки) славно обтянуло, икры тоже; сукно обхватило всѣ малости, сообща имъ еще бо̀льшую упругость. Какъ затянулъ онъ позади себя пряжку, животъ сталъ точно барабанъ. Онъ ударилъ по немъ тутъ щеткой, прибавивъ: «Вѣдь какой дуракъ! а въ цѣломъ онъ составляетъ картину». Фракъ, казалось, былъ сшитъ еще лучше штановъ: ни морщинки, всѣ бока обтянуты, выгнулся на перехватѣ, показавши весь его перегибъ. На замѣчаніе Чичикова, [что] подъ правой мышкой немного жало, портной только улыбался: отъ этого еще лучше прихватывало по таліи. «Будьте покойны, будьте покойны насчетъ работы», повторялъ онъ съ нескрытымъ торжествомъ: «кромѣ Петербурга, нигдѣ такъ не сошьютъ». Портной былъ самъ изъ Петербурга и на вывѣскѣ выставилъ: *Иностранецъ изъ Лондона и Парижа.* Шутить онъ не любилъ и двумя городами разомъ хотѣлъ заткнуть глотку всѣмъ другимъ портнымъ, такъ, чтобы впредь никто не появился съ такими городами, а пусть себѣ пишетъ изъ какого-нибудь «Карлсеру» или «Копенгара».

Чичиковъ великодушно расплатился съ портнымъ и, остав-

шись одинъ, сталъ разсматривать себя на досугѣ въ зеркало, какъ артистъ съ эстетическимъ чувствомъ и con amore. Оказалось, что все какъ-то было еще лучше, чѣмъ прежде: щечки интереснѣе, подбородокъ заманчивѣй, бѣлые воротнички давали тонъ щекѣ, атласный синій галстукъ давалъ тонъ воротничкамъ, новомодныя складки манишки давали тонъ галстуку, богатый бархатный [жилетъ] давалъ [тонъ] манишкѣ, а фракъ наваринскаго дыма съ пламенемъ, блистая какъ шелкъ, давалъ тонъ всему. Поворотился направо—хорошо! Поворотился налѣво—еще лучше! Перегибъ такой, какъ у камергера или у такого господина, который такъ и чешетъ по-французски, который, даже и разсердясь, выбраниться не смѣетъ на русскомъ языкѣ, а распечетъ французскимъ діалектомъ: деликатность такая! Онъ попробовалъ, склоня голову нѣсколько на-бокъ, принять позу, какъ бы адресовался къ дамѣ среднихъ лѣтъ и послѣдняго просвѣщенія: выходила, просто, картина. Художникъ, бери кисть и пиши! Въ удовольствіи, онъ совершилъ тутъ же легкій прыжокъ, въ родѣ антраша. Вздрогнулъ комодъ и шлепнулась на землю стклянка съ одеколономъ; но это не причинило никакого помѣшательства. Онъ назвалъ, какъ и слѣдовало, глупую стклянку дурой и подумалъ: «Къ кому теперь прежде всего явиться? Всего лучше...» Какъ вдругъ въ передней—въ родѣ нѣкотораго бряканья сапоговъ со шпорами, и жандармъ въ полномъ вооруженіи, какъ [будто] въ лицѣ его было цѣлое войско: «Приказано сей же часъ явиться къ генералъ-губернатору!» Чичиковъ такъ и обомлѣлъ. Передъ нимъ торчало страшилище съ усами, лошадиный хвостъ на головѣ, черезъ плечо перевязь, черезъ другое перевязь, огромнѣйшій палашъ привѣшенъ къ боку. Ему показалось, что при другомъ боку висѣло и ружье, и чортъ знаетъ что̀: цѣлое войско въ одномъ только! Онъ началъ было возражать, [страшилище] грубо заговорило: «Приказано сей же часъ!» Сквозь дверь въ переднюю онъ увидѣлъ, что тамъ мелькало и другое страшилище; взглянулъ въ окошко—и экипажъ. Что̀ тутъ дѣлать? Такъ,

какъ былъ во фракѣ наваринскаго пламени съ дымомъ, долженъ былъ сѣсть и, дрожа всѣмъ тѣломъ, отправился къ генералъ-губернатору, и жандармъ съ нимъ.

Въ передней не дали даже и опомниться ему. «Ступайте! васъ князь уже ждетъ», сказалъ дежурный чиновникъ. Передъ нимъ, какъ въ туманѣ, мелькнула передняя съ курьерами, принимавшими пакеты, потомъ зала, черезъ которую онъ прошелъ, думая только: «Вотъ какъ схватитъ, да безъ суда, безъ всего, прямо въ Сибирь!» Сердце его забилось съ такой силою, съ какой не бьется даже у наиревнивѣйшаго любовника. Наконецъ, растворилась роковая дверь: предсталъ кабинетъ съ портфелями, шкафами и книгами, и князь, гнѣвный, какъ самъ гнѣвъ.

«Губитель, губитель!» сказалъ Чичиковъ: «онъ меня зарѣжетъ, какъ волкъ агнца».

«Я васъ пощадилъ, я позволилъ вамъ остаться въ городѣ, тогда какъ вамъ слѣдовало бы въ острогъ; а вы запятнали себя вновь безчестнѣйшимъ мошенничествомъ, какимъ когда-либо запятналъ себя человѣкъ!» Губы князя дрожали отъ гнѣва.

«Какимъ же, ваше сіятельство, безчестнѣйшимъ поступкомъ и мошенничествомъ?» спросилъ Чичиковъ, дрожа всѣмъ тѣломъ.

«Женщина», произнесъ князь, подступая нѣсколько ближе и смотря прямо въ глаза Чичикову: «женщина, которая подписывала, по вашей диктовкѣ, завѣщаніе, схвачена и станетъ съ вами на очную ставку».

Свѣтъ помутился въ очахъ Чичикова.

«Ваше сіятельство! Скажу всю истину дѣла. Я виноватъ; точно, виноватъ; но не такъ виноватъ: меня обнесли враги».

«Васъ не можетъ никто обнесть, потому что въ васъ мерзостей въ нѣсколько разъ больше того, что̀ можетъ [выдумать] послѣдній лжецъ. Вы во всю жизнь, я думаю, не дѣлали небезчестнаго дѣла. Всякая копѣйка, добытая вами, добыта безчестнѣй[шимъ образомъ], есть воровство и безчестнѣйшее дѣло, за которое кнутъ и Сибирь! Нѣтъ, те-

перь полно! Съ сей же минуты будешь отведенъ въ острогъ и тамъ, на-ряду съ послѣдними мерзавцами и разбойниками, ты долженъ [ждать] разрѣшенія участи своей. И это милостиво еще, потому что хуже ихъ въ нѣсколько [разъ]: они въ армякѣ и тулупѣ, а ты...» Онъ взглянулъ на фракъ наваринскаго пламени съ дымомъ и, взявшись за шнурокъ, позвонилъ.

«Ваше сіятельство», вскрикнулъ Чичиковъ: «умилосердитесь! Вы отецъ семейства. Не меня пощадите—старуха-мать!»

«Врешь!» вскрикнулъ гнѣвно князь. «Такъ же ты меня тогда умолялъ дѣтьми и семействомъ, которыхъ у тебя никогда не было, теперь—матерью».

«Ваше сіятельство! я мерзавецъ и послѣдній негодяй», сказалъ Чичиковъ голосомъ «Я дѣйствительно лгалъ, я не имѣлъ ни дѣтей, ни семейства; но, вотъ Богъ свидѣтель, я всегда хотѣлъ имѣть жену, исполнить долгъ человѣка и гражданина, чтобы дѣйствительно потомъ заслужить уваженіе гражданъ и начальства... Но что̀ за бѣдственныя стеченія обстоятельствъ! Ваше сіятельство! кровью нужно было добывать насущное существованіе. На всякомъ шагу соблазны и искушеніе... враги, и губители, и похитители. Вся жизнь была—точно вихорь буйный или судно среди волнъ, по волѣ вѣтровъ. Я — человѣкъ, ваше сіятельство!»

Слезы вдругъ хлынули ручьями изъ глазъ его. Онъ повалился въ ноги князю, такъ, какъ былъ: во фракѣ наваринскаго пламени съ дымомъ, въ бархатномъ жилетѣ съ атласнымъ галстукомъ, чудесно сшитыхъ штанахъ и головной прическѣ, изливавшей токъ сладкаго дыханія первѣйшаго одеколона, и ударился лбомъ.

«Поди прочь отъ меня! Позвать, чтобы его взяли, солдатъ!» сказалъ князь взошедшимъ.

«Ваше сіятельство!» кричалъ [Чичиковъ] и обхватилъ обѣими руками сапогъ князя.

Чувство содроганья пробѣжало по всѣмъ жиламъ [князя].

«Подите прочь, говорю вамъ!» сказалъ онъ, усиливаясь вырвать свою ногу изъ объятія Чичикова.

«Ваше сіятельство! не сойду съ мѣста, покуда не получу милости», говорилъ [Чичиковъ], не выпуская сапогъ князя и проѣхавшись, вмѣстѣ съ ногой, по полу съ фракомъ наваринскаго пламени и дыма.

«Подите, говорю вамъ!» говорилъ онъ съ тѣмъ неизъяснимымъ чувствомъ отвращенія, какого чувствуетъ человѣкъ при видѣ безобразнѣйшаго насѣкомаго, котораго нѣтъ духу раздавить ногой. Онъ встряхнулъ такъ, что Чичиковъ почувствовалъ ударъ сапога въ носъ, губы и округленный подбородокъ, но не выпустилъ сапога и еще съ бо̀льшей силой держалъ его въ своихъ объятіяхъ. Два дюжихъ жандарма въ силахъ оттащили его и, взявши подъ руки, повели черезъ всѣ комнаты. Онъ былъ блѣдный, убитый, въ томъ безчувственно-страшномъ состояніи, въ какомъ бываетъ человѣкъ, видящій передъ собою черную, неотвратимую смерть, это страшилище, противное естеству нашему...

Въ самыхъ дверяхъ на лѣстницу навстрѣчу—Муразовъ. Лучъ надежды вдругъ скользнулъ. Въ одинъ мигъ, съ силой неестественной вырвался онъ изъ рукъ обоихъ жандармовъ и бросился въ ноги изумленному старику.

«Батюшка, Павелъ Ивановичъ! что̀ съ вами?»

«Спасите! ведутъ въ острогъ, на смерть...» Жандармы схватили его и повели, не дали даже и услышать.

Промзглый, сырой чуланъ, съ запахомъ сапоговъ и онучъ гарнизонныхъ солдатъ, некрашеный столъ, два скверныхъ стула, съ желѣзной рѣшеткой окно, дряхлая печь, сквозь щели которой только дымило, а тепла не давало, — вотъ обиталище, гдѣ помѣщенъ былъ нашъ [герой], уже начинавшій вкушать сладость жизни и привлекать вниманіе соотечественниковъ въ тонкомъ новомъ фракѣ наваринскаго пламени и дыма. Не дали даже ему распорядиться взять съ собой необходимыя вещи, взять шкатулку, гдѣ были деньги, быть-можетъ, достигнутыя..... Бумаги, крѣпо-

сти на мертвыхъ—все было теперь у чиновниковъ. Онъ повалился на землю, и безнадежная грусть плотояднымъ червемъ обвилась около его сердца. Съ возрастающей быстротой стала точить она это сердце, ничѣмъ не защищенное. Еще день такой, день такой грусти, и не было бы Чичикова вовсе на свѣтѣ. Но и надъ Чичиковымъ не дремствовала чья-то всеспасающая рука. Часъ спустя, двери тюрьмы растворились: взошелъ старикъ Муразовъ.

Если бы истерзанному палящей жаждой, покрытому прахомъ и пылью дороги, изнуренному, изможденному путнику влилъ кто въ засохнувшее горло струю ключевой воды,— не такъ бы ею онъ освѣжился, не такъ оживился, какъ оживился бѣдный [Чичиковъ].

«Спаситель мой!» сказалъ Чичиковъ, вдругъ схвативши съ полу, на который бросился въ разрывающей его печали, его руку, быстро поцѣловалъ и прижалъ къ груди. «Богъ да наградитъ васъ за то, что посѣтили несчастнаго!»

Онъ залился слезами.

Старикъ глядѣлъ на него скорбно-болѣзненнымъ взоромъ и говорилъ только: «Ахъ, Павелъ, Павелъ Ивановичъ! Павелъ Ивановичъ, что̀ вы сдѣлали!»

«Что̀-жъ дѣлать! Сгубила проклятая! Не зналъ мѣры; не сумѣлъ во̀-время остановиться. Сатана проклятый обольстилъ, вывелъ изъ предѣловъ разума и благоразумія человѣческаго. Преступилъ, преступилъ! Но только какъ же можно этакъ поступить? Дворянина, дворянина, безъ суда, безъ слѣдствія, бросить въ тюрьму!.. Дворянина, Аѳанасій Васильевичъ! Да вѣдь какъ же не дать время зайти къ себѣ, распорядиться съ вещами? Вѣдь тамъ у меня все осталось теперь безъ присмотра. Шкатулка, Аѳанасій Васильевичъ, шкатулка! вѣдь тамъ все имущество. По̀томъ пріобрѣлъ, кровью, лѣтами трудовъ, лишеній... Шкатулка, Аѳанасій Васильевичъ! Вѣдь все украдутъ, разнесутъ! О, Боже!»

И, не въ силахъ будучи удержать порыва вновь подступившей къ сердцу грусти, онъ громко зарыдалъ голосомъ,

проникнувшимъ толщу стѣнъ острога и глухо отозвавшимся въ отдаленіи, сорвалъ съ себя атласный галстукъ и, схвативши рукою около воротника, разорвалъ на себѣ фракъ наваринскаго пламени съ дымомъ.

«Ахъ, Павелъ Ивановичъ! какъ васъ ослѣпило это имущество! Изъ-за него вы не видали страшнаго своего положенія».

«Благодѣтель, спасите, спасите!» отчаянно закричалъ бѣдный Павелъ Ивановичъ, повалившись къ нему въ ноги. «Князь васъ любитъ, для васъ все сдѣлаетъ».

«Нѣтъ, Павелъ Ивановичъ, не могу, какъ бы ни хотѣлъ, какъ бы ни желалъ. Вы подпали подъ неумолимый законъ, а не подъ власть какого человѣка».

«Искусилъ шельма сатана, извергъ человѣческаго рода!»

Ударился головою въ стѣну, а рукой хватилъ по столу такъ, что разбилъ въ кровь кулакъ; но ни боли въ головѣ, ни жестокости удара не почувствовалъ.

«Павелъ Ивановичъ, успокойтесь, подумайте, какъ бы примириться съ Богомъ, а не съ людьми; о бѣдной душѣ своей помыслите».

«Но вѣдь судьба какая, Аѳанасій Васильевичъ! Досталась ли хоть одному человѣку такая судьба? Вѣдь съ терпѣніемъ, можно сказать, кровавымъ, добывалъ копѣйку, трудами, трудами, не то, чтобы кого ограбилъ, или казну обворовалъ, какъ дѣлаютъ. Зачѣмъ добывалъ копѣйку? Затѣмъ, чтобы въ довольствѣ прожить остатокъ дней; оставить женѣ, дѣтямъ, которыхъ намѣревался пріобрѣсть для блага, для службы отечеству. Вотъ для чего хотѣлъ пріобрѣсти! Покривилъ, не спорю, покривилъ... что̀-жъ дѣлать? Но вѣдь покривилъ только тогда, когда увидѣлъ, что прямой дорогой не возьмешь и что косой дорогой больше напрямикъ. Но вѣдь я трудился, я изощрялся. Если бралъ, такъ съ богатыхъ. А эти мерзавцы, которые по судамъ, берутъ тысячи съ казны, небогатыхъ людей грабятъ, послѣднюю копѣйку сдираютъ съ того, у кого нѣтъ ничего!.. Что̀-жъ за несчастье такое, скажите,—всякій разъ, что какъ

только начинаешь достигать плодовъ и, такъ сказать, уже касаться рукой, вдругъ буря, подводный камень, сокрушеніе въ щепки всего корабля. Вотъ подъ три[ста] тысячъ было капиталу; трехъ-этажный домъ былъ уже; два раза уже деревню покупалъ... Ахъ, Аѳанасій Васильевичъ! за что̀-жъ такая.....? За что-жъ такіе удары? Развѣ и безъ того жизнь моя не была какъ судно среди волнъ? Гдѣ справедливость небесъ? Гдѣ награда за терпѣніе, за постоянство безпримѣрное? Вѣдь я три раза сызнова начиналъ; все потерявши, начиналъ вновь съ копѣйки, тогда какъ иной давно бы съ отчаянія запилъ и сгнилъ въ кабакѣ. Вѣдь сколько нужно было побороть, сколько вынести! Вѣдь всякая [копѣйка] выработана, такъ сказать, всѣми силами души!.. Положимъ, другимъ доставалось легко, но вѣдь для меня была *всякая копѣйка*, какъ говоритъ пословица, *алтыннымъ гвоздемъ прибита*, и эту алтыннымъ гвоздемъ прибитую копѣйку я доставалъ, видитъ Богъ, съ этакой желѣзной неутомимостью...»

Онъ зарыдалъ громко, отъ нестерпимой боли сердца, упалъ на стулъ, и оторвалъ совсѣмъ висѣвшую, разорванную полу фрака, и швырнулъ ее прочь отъ себя, и запустивши обѣ руки себѣ въ волоса, объ укрѣпленіи которыхъ прежде такъ старался, безжалостно рвалъ ихъ, услаждаясь болью, которою хотѣлъ заглушить ничѣмъ неугасимую боль сердца.

Долго сидѣлъ молча предъ нимъ Муразовъ, глядя на это необыкновенное , въ первый разъ имъ виданное. А несчастный ожесточенный человѣкъ, еще недавно порхавшій вокругъ съ развязной ловкостью свѣтскаго или военнаго человѣка, метался теперь въ растрепанномъ, непристойномъ [видѣ], въ разорванномъ фракѣ и разстегнутыхъ шароварахъ, [съ] окровавленнымъ разбитымъ кулакомъ, изливая хулу на враждебныя силы, перечащія человѣку.

«Ахъ, Павелъ Ивановичъ, Павелъ Ивановичъ! какой бы изъ васъ былъ человѣкъ, если бы такъ же, и силою и терпѣніемъ, да подвизались бы на добрый трудъ, имѣя лучшую

цѣль! Боже мой, сколько бы вы надѣлали добра! Если бы хоть кто-нибудь изъ тѣхъ людей, которые любятъ добро, да употребили бы столько усилій для него, какъ вы для добыванья своей копѣйки, да сумѣли бы такъ пожертвовать для добра и собственнымъ самолюбіемъ, и честолюбіемъ, не жалѣя себя, какъ вы не жалѣли для добыванья своей копѣйки,—Боже мой, какъ процвѣла бы наша земля!.. Павелъ Ивановичъ, Павелъ Ивановичъ! Не то жаль, что виноваты вы стали предъ другими, а то жаль, что предъ собой стали виноваты—передъ богатыми силами и дарами, которые достались въ удѣлъ вамъ. Назначенье ваше—быть великимъ человѣкомъ, а вы себя запропастили и погубили».

Есть тайны души: какъ бы ни далеко отшатнулся отъ прямого пути заблуждающійся, какъ бы ни ожесточился чувствами безвозвратный преступникъ, какъ бы ни коснѣлъ твердо въ своей совращенной жизни; но если попрекнешь его имъ же, его же достоинствами, имъ опозоренными, въ немъ [все] поколеблется невольно, и весь онъ потрясется.

«Аѳанасій Васильевичъ», сказалъ бѣдный Чичиковъ и схватилъ его обѣими руками за руки: «О, если бы удалось мнѣ освободиться, возвратить мое имущество! Клянусь вамъ, повелъ бы отнынѣ совсѣмъ другую жизнь! Спасите, благодѣтель, спасите!»

«Что̀-жъ могу я сдѣлать? Я долженъ воевать съ закономъ. Положимъ, если бы я даже и рѣшился на это; но вѣдь князь справедливъ,—онъ ни за что̀ не отступитъ».

«Благодѣтель! вы все можете сдѣлать. Не законъ меня устрашитъ,—я передъ закономъ найду средства,—но то, что неповинно я брошенъ въ тюрьму, что я пропаду здѣсь какъ собака, и что мое имущество, бумаги, шкатулка... Спасите!»

Онъ обнялъ ноги старика, облилъ ихъ слезами.

«Ахъ, Павелъ Ивановичъ, Павелъ Ивановичъ!» говорилъ старикъ Муразовъ, качая [головою]: «какъ васъ ослѣпило это имущество! Изъ-за него вы и бѣдной души своей не слышите».

«Подумаю и о душѣ, но спасите!»

«Павелъ Ивановичъ!..» сказалъ старикъ Муразовъ, и остановился. «Спасти васъ не въ моей власти, — вы сами видите. Но приложу старанье, какое могу, чтобы облегчить вашу участь и освободить. Не знаю, удастся ли это сдѣлать, но буду стараться. Если же, паче чаянья, удастся, Павелъ Ивановичъ,—я попрошу у васъ награды за труды: бросьте всѣ эти поползновенья на эти пріобрѣтенья. Говорю вамъ по чести, что если бы я и всего лишился моего имущества,—а у меня его больше чѣмъ у васъ,—я бы не заплакалъ. Ей, ей, [дѣло] не въ этомъ имуществѣ, которое могутъ у меня конфисковать, а въ томъ, котораго никто не можетъ украсть и отнять! Вы ужъ пожили на свѣтѣ довольно. Вы сами называете жизнь свою судномъ среди волнъ. У васъ есть уже, чѣмъ прожить остатокъ дней. Поселитесь себѣ въ тихомъ уголкѣ, поближе къ церкви и простымъ, добрымъ людямъ; или, если знобитъ сильное желанье оставить по себѣ потомковъ, женитесь на небогатой, доброй дѣвушкѣ, привыкшей къ умѣренности и простому хозяйству. Забудьте этотъ шумный міръ и всѣ его обольстительныя прихоти; пусть и онъ васъ позабудетъ: въ немъ нѣтъ успокоенья. Вы видите: все въ немъ врагъ, искуситель, или предатель».

«Непремѣнно, непремѣнно! Я уже хотѣлъ, уже намѣревался повести жизнь, какъ слѣдуетъ, думалъ заняться хозяйствомъ, умѣрить жизнь. Демонъ-искуситель сбилъ, совлекъ съ пути, сатана, чортъ, исчадье!»

Какія-то невѣдомыя дотолѣ, незнаемыя чувства, ему необъяснимыя, пришли къ нему, какъ будто хотѣло въ немъ что-то пробудиться, что-то далекое, что-то, что-то подавленное изъ дѣтства суровымъ, мертвымъ поученьемъ, безпривѣтностью скучнаго дѣтства, пустынностью родного жилища, безсемейнымъ одиночествомъ, нищетой и бѣдностью первоначальныхъ впечатлѣній, и какъ будто то, что...... суровымъ взглядомъ судьбы, взглянувшей на него скучно, сквозь какое-то мутное, занесенное зимнею вьюгой окно, хотѣло вырваться на волю. Стенанье изнеслось изъ устъ

его и, наложивъ обѣ ладони на лицо свое, скорбнымъ голосомъ произнесъ онъ: «Правда, правда!»

«И познанье людей, и опытность не помогли на незаконномъ основаньи. А если бы къ этому да основанье законное!.. Эхъ, Павелъ Ивановичъ, зачѣмъ вы себя погубили? Проснитесь: еще не поздно, есть еще время...»

«Нѣтъ, поздно, поздно!» застоналъ онъ голосомъ, отъ котораго у Муразова чуть не разорвалось сердце. «Начинаю чувствовать, слышу, что не такъ, не такъ иду, и что далеко отступился отъ прямого [пути], но ужъ не могу! Нѣтъ. не такъ воспитанъ. Отецъ мнѣ твердилъ нравоученья, билъ, заставлялъ переписывать съ нравственныхъ правилъ, а самъ升 кралъ передо мною у сосѣдей лѣсъ и меня еще заставлялъ помогать ему. Завязалъ при мнѣ неправую тяжбу; развратилъ сиротку, которой онъ былъ опекуномъ. Примѣръ сильнѣй правилъ. Вижу, чувствую, Аѳанасій Васильевичъ, что жизнь веду не такую, но нѣтъ большого отвращенья отъ порока: огрубѣла натура; нѣтъ любви къ добру, этой прекрасной наклонности къ дѣламъ богоугоднымъ, обращающейся въ натуру, въ привычку... Нѣтъ такой охоты подвизаться для добра, какова есть для полученья имущества. Говорю правду—что̀-жъ дѣлать!»

Сильно вздохнулъ старикъ...

«Павелъ Ивановичъ! у васъ столько воли, столько терпѣнья. Лѣкарство горько, но вѣдь больной принимаетъ, зная, что иначе не выздоровѣетъ. У васъ нѣтъ любви къ добру,—дѣлайте добро насильно, безъ любви къ нему. Вамъ это зачтется еще въ бо̀льшую заслугу, чѣмъ тому, кто дѣлаетъ добро по любви къ нему. Заставьте [себя] только нѣсколько разъ,—потомъ получите и любовь. Повѣрьте, все дѣлается. *Царство нудится,* сказано намъ. Только насильно пробираясь къ нему... насильно нужно пробираться, брать его насильно. Эхъ, Павелъ Ивановичъ! вѣдь [у] васъ есть эта сила, которой нѣтъ у другихъ, это желѣзное терпѣнье— и вамъ ли не одолѣть? Да вы, мнѣ кажется, были бы богатырь. Вѣдь теперь люди—безъ воли все,—слабые».

Замѣтно было, что слова эти вонзились въ самую душу Чичикову и задѣли что-то славолюбивое на днѣ ея. Если не рѣшимость, то что-то крѣпкое и на нее похожее блеснуло въ глазахъ его...

«Аѳанасій Васильевичъ!» сказалъ онъ твердо: «если только вымолите мнѣ избавленье и средства уѣхать отсюда съ какимъ-нибудь имуществомъ, я даю вамъ слово начать другую [жизнь]: куплю деревеньку, сдѣлаюсь хозяиномъ, буду копить деньги не для себя, но для того, чтобы помогать другимъ, буду дѣлать добро, сколько будетъ силъ; позабуду себя и всякія городскія объяденья и пиршества, поведу простую, трезвую жизнь».

«Богъ васъ да подкрѣпитъ въ этомъ намѣреніи!» сказалъ обрадованный старикъ. «Буду стараться изо всѣхъ силъ, чтобы вымолить у князя ваше освобожденіе. Удастся или не удастся, это Богъ [знаетъ]. Во всякомъ случаѣ, участь ваша, вѣрно, смягчится. Ахъ, Боже мой! обнимите же, позвольте мнѣ васъ обнять. Какъ вы меня, право, обрадовали! Ну, съ Богомъ, сейчасъ же иду къ князю».

Чичиковъ остался [одинъ].

Вся природа его потряслась и размягчилась. Расплавляется и платина, твердѣйшій изъ металловъ, всѣхъ долѣе противящійся огню: когда усилить въ горнилѣ огонь, дуютъ мѣха и восходитъ нестерпимый жаръ огня,—бѣлѣетъ упорный и превращается также въ жидкость; подается и крѣпчайшій мужъ въ горнилѣ несчастій, когда, усиливаясь, они нестерпимымъ огнемъ своимъ жгутъ отвердѣлую природу...

«Самъ не умѣю и не чувствую, но всѣ силы употреблю, чтобы другимъ дать почувствовать; самъ дурной и ничего, но всѣ силы употреблю, чтобы другихъ настроить; самъ дурной христіанинъ, но всѣ силы [употреблю], чтобы не подать соблазна. Буду трудиться, буду работать въ потѣ лица въ деревнѣ и займусь честно, такъ, чтобы имѣть доброе вліяніе и на другихъ. Что̀-жъ, въ самомъ дѣлѣ, будто я уже совсѣмъ негодный! Есть способности къ хозяйству;

я имѣю качества бережливости, расторопности и благоразумія, даже постоянства. Стоитъ только рѣшиться...»

Такъ думалъ Чичиковъ и полупробужденными силами души, казалось, что-то осязалъ. Казалось, природа его темнымъ чутьемъ стала слышать, что есть какой-то долгъ, который нужно исполнять человѣку на землѣ, который можно исполнять всюду, на всякомъ углѣ, несмотря на всякія обстоятельства, смятенья и движенья, летающія вокругъ человѣка, съ того мѣста и угла, на которомъ онъ постановленъ. И трудолюбивая жизнь, удаленная отъ шума городовъ и тѣхъ обольщеній, которыя отъ праздности выдумалъ, позабывши трудъ, человѣкъ, такъ сильно стала передъ нимъ рисоваться, что онъ уже почти позабылъ всю непріятность своего положенія и, можетъ-быть, готовъ былъ даже возблагодарить Провидѣніе за этотъ тяжелый [ударъ], если только выпустятъ его и отдадутъ хотя часть... Но одностворчатая дверь его нечистаго чулана растворилась, вошла чиновная особа — Самосвитовъ, эпикуреецъ, собой лихачъ, въ плечахъ аршинъ, ноги стройныя, отличный товарищъ, кутила и продувная бестія, какъ выражались о немъ сами товарищи. Въ военное время человѣкъ этотъ надѣлалъ бы чудесъ: его бы послать куда-нибудь пробраться сквозь непроходимыя, опасныя мѣста, украсть подъ носомъ у самого непріятеля пушку, — это его бы дѣло. Но, за неимѣньемъ военнаго поприща, на которомъ бы, можетъ-быть, его сдѣлали бы честнымъ человѣкомъ, онъ пакостилъ отъ всѣхъ силъ. Непостижимое дѣло! странныя онъ имѣлъ убѣжденія и правила: съ товарищами онъ былъ хорошъ, никого не продавалъ и, давши слово, держалъ; но высшее надъ собою начальство онъ считалъ чѣмъ-то въ родѣ непріятельской батареи, сквозь которую нужно пробиваться, пользуясь всякимъ слабымъ мѣстомъ, проломомъ или упущеніемъ.

«Знаемъ все объ вашемъ положеніи, все услышали!» сказалъ онъ, когда увидѣлъ, что дверь за нимъ плотно затворилась. «Ничего, ничего! Не робѣйте: все будетъ попра-

влено. Всѣ станемъ работать за васъ и—ваши слуги. Тридцать тысячъ на всѣхъ—и ничего больше».

«Будто?» вскрикнулъ Чичиковъ: «и я буду совершенно оправданъ?»

«Кругомъ! еще вознагражденіе получите за убытки».

«И за трудъ?»

«Тридцать тысячъ. Тутъ уже все вмѣстѣ—и нашимъ, и генералъ-губеранторскимъ, и секретарю».

«Но, позвольте, какъ же я могу?.. Мои всѣ вещи... шкатулка... все это теперь запечатано, подъ присмотромъ»...

«Черезъ часъ получите все. По рукамъ, что ли?»

Чичиковъ далъ руку. Сердце его билось, и онъ не довѣрялъ, чтобы это было возможно...

«Пока прощайте! Поручилъ вамъ [сказать] нашъ общій пріятель, что главное дѣло—спокойствіе и присутствіе духа».

«Гм!» подумалъ Чичиковъ: «понимаю—юрисконсультъ!»

Самосвитовъ скрылся. Чичиковъ, оставшись, все еще не довѣрялъ словамъ, какъ не прошло часа послѣ этого разговора, какъ была принесена шкатулка: бумаги, деньги—все въ наилучшемъ порядкѣ. Самосвитовъ явился въ качествѣ распорядителя: выбранилъ поставленныхъ часовыхъ за то, что небдительны, смотрителю приказалъ потребовать еще лишнихъ солдатъ для усиленія присмотра, взялъ не только шкатулку, но отобралъ даже всѣ такія бумаги, которыя могли бы чѣмъ-нибудь компрометировать Чичикова, связалъ все это вмѣстѣ, запечаталъ и повелѣлъ самому солдату отнести немедленно къ самому Чичикову, въ видѣ необходимыхъ ночныхъ и спальныхъ вещей, такъ что Чичиковъ, вмѣстѣ съ бумагами, получилъ даже и все теплое, что̀ нужно было для покрытія бреннаго его тѣла. Это скорое доставленіе обрадовало его несказанно. Онъ возымѣлъ сильную надежду, и уже начали ему вновь грезиться кое-какія приманки: вечеромъ театръ, плясунья, за которою онъ волочился. Деревня и тишина стали казаться блѣднѣй, городъ и шумъ—опять ярче, яснѣй... О, жизнь!

А между тѣмъ завязалось дѣло размѣра безпредѣльнаго

въ судахъ и палатахъ. Работали перья писцовъ и, понюхивая табакъ, трудились казусныя головы, любуясь, какъ художники, крючковатой строкой. Юрисконсультъ, какъ скрытый магъ, незримо ворочалъ всѣмъ механизмомъ; всѣхъ опуталъ рѣшительно, прежде, чѣмъ кто успѣлъ осмотрѣться. Путаница увеличилась. Самосвитовъ превзошелъ самого себя отважностью и дерзостью неслыханною. Узнавши, гдѣ караулилась схваченная женщина, онъ явился прямо и вошелъ такимъ молодцомъ и начальникомъ, что часовой сдѣлалъ ему честь и вытянулся въ струнку. «Давно ты здѣсь стоишь?» — «Съ утра, ваше благородіе». — «Долго до смѣны?»—«Три часа, ваше благородіе».—«Ты мнѣ будешь нуженъ. Я скажу офицеру, чтобы намѣсто тебя отрядилъ другого».—«Слушаю, ваше благородіе!» И, уѣхавъ домой, ни минуты не медля, чтобы не замѣшивать никого и всѣ концы въ воду, самъ нарядился жандармомъ, оказался въ усахъ и бакенбардахъ—самъ чортъ бы не узналъ. Явился въ домѣ, гдѣ былъ Чичиковъ, и, схвативши первую бабу, какая попалась, сдалъ ее двумъ чиновнымъ молодцамъ, докамъ тоже, а самъ прямо явился, въ усахъ и съ ружьемъ, какъ слѣдуетъ, къ часовымъ: «Ступай къ меня прислалъ командиръ выстоять, намѣсто тебя, смѣну». Обмѣнился и сталъ самъ съ ружьемъ. Только этого было и нужно. Въ это время, намѣсто прежней бабы очутилась другая, ничего не знавшая и не понимавшая. Прежнюю запрятали куда-то такъ, что и потомъ не узнали, куда она дѣлась. Въ то время, когда Самосвитовъ подвизался въ лицѣ воина, юрисконсультъ произвелъ чудеса на гражданскомъ поприщѣ: губернатору далъ знать стороною, что прокуроръ на него пишетъ доносъ; жандармскому чиновнику далъ знать, [что] секретно проживающій чиновникъ пишетъ на него доносы; секретно проживавшаго чиновника увѣрилъ, что есть еще секретнѣйшій чиновникъ, который на него доноситъ,—и всѣхъ привелъ въ такое положеніе, что къ нему должны всѣ были обратиться за совѣтами. Произошла такая безтолковщина: доносъ сѣлъ верхомъ на доносѣ, и пошли от-

крываться такія дѣла, которыхъ и солнце не видывало, и даже такія, которыхъ и не было. Все пошло въ работу и въ дѣло: и кто незаконнорожденный сынъ, и какого рода и званья, и у кого любовница, и чья жена за кѣмъ волочится. Скандалы, соблазны и все такъ замѣшалось и сплелось вмѣстѣ съ исторіей Чичикова, съ мертвыми душами, что никоимъ образомъ нельзя было понять, которое изъ этихъ дѣлъ было главнѣйшая чепуха: оба казались равнаго достоинства. Когда стали, наконецъ, поступать бумаги къ генералъ-губернатору, бѣдный князь ничего не могъ понять. Весьма умный и расторопный чиновникъ, которому поручено было сдѣлать экстрактъ, чуть не сошелъ съ ума: никакимъ образомъ нельзя было поймать нити дѣла. Князь былъ въ это время озабоченъ множествомъ другихъ дѣлъ, одно другого непріятнѣйшихъ. Въ одной части губерніи оказался голодъ. Чиновники, посланные раздать хлѣбъ, какъ-то не такъ распорядились, какъ слѣдовало. Въ другой части губерніи расшевелились раскольники. Кто-то пропустилъ между ними, что народился антихристъ, который и мертвымъ не даетъ покоя, скупая какія-то мертвыя души. Каялись и грѣшили и, подъ видомъ изловить антихриста, укокошили не-антихристовъ. Въ другомъ мѣстѣ мужики взбунтовались противъ помѣщиковъ и капитанъ-исправниковъ. Какіе-то бродяги пропустили между ними слухи, что наступаетъ такое время, что мужики должны [быть] помѣщики и нарядиться во фраки, а помѣщики нарядятся въ армяки и будутъ мужики,—и цѣлая волость, не размысля того, что слишкомъ много выйдетъ тогда помѣщиковъ и капитанъ-исправниковъ, отказалась платить...... подать. Нужно было прибѣгнуть къ насильственнымъ мѣрамъ. Бѣдный князь былъ въ самомъ разстроенномъ состояніи духа. Въ это время доложили ему, что пришелъ откупщикъ. «Пусть войдетъ», сказалъ князь. Старикъ взошелъ.

«Вотъ вамъ Чичиковъ! Вы стояли за него и защищали. Теперь онъ попался въ такомъ дѣлѣ, на какое послѣдній воръ не рѣшится».

«Позвольте вамъ доложить, ваше сіятельство, что я не очень понимаю это дѣло».

«Подлогъ завѣщанія, и еще какой!.. Публичное наказаніе плетьми за этакое дѣло!»

«Ваше сіятельство,—скажу не съ тѣмъ, чтобы защищать Чичикова,—но вѣдь это—дѣло не доказанное: слѣдствіе еще не сдѣлано».

«Улика: женщина, которая была наряжена намѣсто умершей, схвачена. Я ее хочу разспросить нарочно при васъ». Князь позвонилъ и далъ приказъ позвать ту женщину.

Муразовъ замолчалъ.

«Безчестнѣйшее дѣло! И, къ стыду, замѣшались первые чиновники города, самъ губернаторъ. Онъ не долженъ быть тамъ, гдѣ воры и бездѣльники!» сказалъ князь съ жаромъ.

«Вѣдь губернаторъ — наслѣдникъ; онъ имѣлъ право на притязанія; а что другіе-то со всѣхъ сторонъ прицѣпились, такъ это-съ, ваше сіятельство, человѣческое дѣло. Умерла-съ богатая, распоряженія умнаго и справедливаго не сдѣлала; слетѣлись со всѣхъ сторонъ охотники поживиться—человѣческое дѣло...»

«Но вѣдь мерзости зачѣмъ же дѣлать?.. Подлецы!» сказалъ князь съ чувствомъ негодованія. «Ни одного чиновника нѣтъ у меня хорошаго: всѣ мерзавцы!»

«Ваше сіятельство! да кто-жъ изъ насъ, какъ слѣдуетъ, хорошъ? Всѣ чиновники нашего города—люди, имѣютъ достоинства и многіе очень знающіе въ дѣлѣ, а отъ грѣха всякъ близокъ».

«Послушайте, Аѳанасій Васильевичъ: скажите мнѣ,—я васъ одного знаю за честнаго человѣка,—что̀ у васъ за страсть защищать всякаго рода мерзавцевъ?»

«Ваше сіятельство», сказалъ Муразовъ: «кто бы ни былъ человѣкъ, котораго вы называете мерзавцемъ, но вѣдь онъ человѣкъ. Какъ же не защищать человѣка, когда знаешь, что онъ половину золъ дѣлаетъ отъ грубости и невѣдѣнья? Вѣдь мы дѣлаемъ несправедливости на всякомъ шагу и всякую минуту бываемъ причиной несчастія другого, даже

и не съ дурнымъ намѣреніемъ. Вѣдь ваше сіятельство сдѣлали также большую несправедливость».

«Какъ!» воскликнулъ въ изумленіи князь, совершенно пораженный такимъ нежданнымъ оборотомъ рѣчи.

Муразовъ остановился, помолчалъ, какъ бы соображая что-то, и, наконецъ, сказалъ: «Да вотъ хоть бы по дѣлу Дѣрпѣнникова».

«Аѳанасій Васильевичъ! преступленіе противъ коренныхъ государственныхъ законовъ, равное измѣнѣ землѣ своей!»

«Я не оправдываю его. Но справедливо ли то, если юношу, который, по неопытности своей, былъ обольщенъ и сманенъ другими, осудить такъ, какъ и того, который былъ одинъ изъ зачинщиковъ? Вѣдь участь постигла равная и Дѣрпѣнникова, и какого-нибудь Вороного-Дрянного; а вѣдь преступленія ихъ не равны».

«Ради Бога...» сказалъ князь съ замѣтнымъ волненіемъ: «вы что-нибудь знаете объ этомъ? скажите. Я именно недавно послалъ еще прямо въ Петербургъ объ смягченіи его участи».

«Нѣтъ, ваше сіятельство, я не насчетъ того говорю, чтобы я зналъ что-нибудь такое, чего вы не знаете. Хотя, точно, есть одно такое обстоятельство, которое бы послужило въ его пользу, да онъ самъ не согласится, потому что чрезъ это пострадалъ бы другой. А я думаю только то, что не изволили-ль вы тогда слишкомъ поспѣшить? Извините, ваше сіятельство, я сужу по своему слабому разуму. Вы нѣсколько разъ приказывали мнѣ откровенно говорить. У меня-съ, когда я еще былъ начальникомъ, много было всякихъ работниковъ, и дурныхъ, и хорошихъ. [Слѣдовало бы тоже] принять во вниманіе и прежнюю жизнь человѣка, потому что, если не разсмотришь все хладнокровно, а накричишь съ перваго раза,—запугаешь только его, да и признанія настоящаго не добьешься; а какъ съ участіемъ его разспросишь, какъ братъ брата,—самъ-съ все выскажетъ и даже не проситъ о смягченіи, и ожесточенія

ни противъ кого нѣтъ, потому что ясно видитъ, что не я его наказываю: я законъ».

Князь задумался. Въ это время вошелъ молодой чиновникъ и почтительно остановился съ портфелемъ. Забота, трудъ выражались на его молодомъ и еще свѣжемъ лицѣ. Видно было, что онъ не даромъ служилъ по особымъ порученіямъ. Это былъ одинъ изъ числа тѣхъ немногихъ, которые занимались дѣлопроизводствомъ con amore. Не сгорая ни честолюбіемъ, ни желаніемъ прибытковъ, ни подражаніемъ другимъ, онъ занимался только потому, что былъ убѣжденъ, что ему нужно быть здѣсь, а не на другомъ мѣстѣ, что для этого дана ему жизнь. Слѣдить, разобрать по частямъ и, поймавши всѣ нити запутаннѣйшаго дѣла, разъяснить его, разобрать по частямъ—это было его дѣло. И труды, и старанія, и безсонныя ночи вознаграждались ему изобильно, если дѣло, наконецъ, начинало передъ нимъ объясняться, сокровенныя причины обнаруживаться, и онъ чувствовалъ, что можетъ передать его все въ немногихъ словахъ, отчетливо и ясно, такъ что всякому будетъ очевидно и понятно. Можно сказать, что не столько радовался ученикъ, когда предъ нимъ раскрывалась какая [-нибудь] труднѣйшая фраза и обнаруживался настоящій смыслъ мысли великаго писателя, какъ радовался онъ, когда предъ нимъ распутывалось запутаннѣйшее дѣло. Зато *)...

«... хлѣбомъ въ мѣстахъ, гдѣ голодъ; я эту часть получше знаю чиновниковъ: разсмотрю самолично, что̀ кому нужно. Да если позволите, ваше сіятельство, я поговорю и съ раскольниками. Они-то съ нашимъ братомъ, съ простымъ человѣкомъ, охотнѣе разговорятся, такъ, Богъ вѣсть, можетъ-быть, помогу уладиться съ ними миролюбиво. А чиновники не сладятъ: завяжется объ этомъ переписка, да притомъ они такъ уже запутались въ бумагахъ, что ужъ дѣла изъ-за нихъ и не видятъ. А денегъ-то отъ васъ я не

*) Послѣ этого въ рукописи большой пропускъ. Ср. стр. 457.

возьму, потому что, ей Богу, стыдно въ такое время думать о своэй прибыли, когда умираютъ съ голода. У меня есть въ запасѣ готовый хлѣбъ; я и теперь еще послалъ въ Сибирь, и къ будущему лѣту вновь подвезутъ».

«Васъ можетъ только наградить одинъ Богъ за такую службу, Аѳанасій Васильевичъ. А я вамъ не скажу ни одного слова, потому что,—вы сами можете чувствовать,—всякое слово тутъ безсильно. Но позвольте мнѣ одно сказать насчетъ той просьбы. Скажите сами: имѣю ли я право оставить это дѣло безъ вниманія, и справедливо ли, честно ли съ моей стороны будетъ простить мерзавцевъ?»

«Ваше сіятельство, ей Богу, этакъ нельзя назвать, тѣмъ болѣе, что изъ [нихъ] есть многіе весьма достойные. Затруднительны положенія человѣка, ваше сіятельство, очень, очень затруднительны. Бываетъ такъ, что кажется кругомъ виноватъ человѣкъ; а какъ войдешь — даже и не онъ».

«Но что̀ скажутъ они сами, если оставлю? Вѣдь есть изъ нихъ, которые послѣ этого еще больше подымутъ носъ и будутъ даже говорить, что они напугали. Они первые будутъ не уважать...»

«Ваше сіятельство, позвольте мнѣ вамъ дать свое мнѣніе: соберите ихъ всѣхъ, дайте имъ знать, что вамъ все извѣстно, и представьте имъ ваше собственное положеніе точно такимъ самымъ образомъ, какъ вы его изволили изобразить сейчасъ передо мной, и спросите у нихъ совѣта: что̀ [бы] изъ нихъ каждый сдѣлалъ на вашемъ положеніи?»

«Да вы думаете, имъ будутъ доступны движенія благороднѣйшія, чѣмъ каверзничать и наживаться? Повѣрьте, они надо мной посмѣются».

«Не думаю-съ, ваше сіятельство. У человѣка, даже и у того, кто похуже другихъ, все-таки чувство справедливо. Развѣ ужъ жидъ какой-нибудь, а не русскій... Нѣтъ, ваше сіятельство, вамъ нечего скрываться. Скажите такъ точно, какъ изволили передо [мной]. Вѣдь они васъ поносятъ, какъ человѣка честолюбиваго, гордаго, который и слышать ничего не хочетъ, увѣренъ въ себѣ,—такъ пусть же увидятъ все,

какъ оно есть. Что̀-жъ вамъ? Вѣдь ваше дѣло правое. Скажите имъ такъ, какъ бы вы не предъ ними, а предъ Самимъ Богомъ принесли свою исповѣдь».

«Аѳанасій Васильевичъ», сказалъ князь въ-раздумьи: «я объ этомъ подумаю, а покуда благодарю васъ очень за совѣтъ».

«А Чичикова, ваше сіятельство, прикажите отпустить».

«Скажите этому Чичикову, чтобы онъ убирался отсюда, какъ можно поскорѣй, и чѣмъ дальше, тѣмъ лучше. Его-то уже я бы никогда не простилъ».

Муразовъ поклонился и прямо отъ князя отправился къ Чичикову. Онъ нашелъ Чичикова уже въ духѣ, весьма покойно занимавшагося довольно порядочнымъ обѣдомъ, который былъ ему принесенъ въ фаянсовыхъ судкахъ изъ какой-то весьма порядочной кухни. По первымъ фразамъ разговора старикъ замѣтилъ тотчасъ, что Чичиковъ уже успѣлъ переговорить кое-съ-кѣмъ изъ чиновниковъ-казусниковъ. Онъ даже понялъ, что сюда вмѣшалось невидимое участіе знатока-юрисконсульта.

«Послушайте-съ, Павелъ Ивановичъ», сказалъ онъ: «я привезъ вамъ свободу на такомъ условіи, чтобы сейчасъ васъ не было въ городѣ. Собирайте всѣ пожитки свои—да и съ Богомъ, не откладывая ни минуты, потому что дѣло еще хуже. Я знаю-съ, васъ тутъ одинъ человѣкъ настраиваетъ; такъ объявляю вамъ по секрету, что такое еще дѣло одно открывается, что ужъ никакія силы не спасутъ этого. Онъ, конечно, радъ другихъ топить, чтобы не скучно, да дѣло къ раздѣлкѣ. Я васъ оставилъ въ расположеніи хорошемъ,—лучшемъ, нежели въ какомъ теперь. Совѣтую вамъ-съ не въ шутку. Ей, ей, дѣло не въ этомъ имуществѣ, изъ-за котораго спорятъ люди и рѣжутъ другъ друга, точно какъ можно завести благоустройство въ здѣшней жизни, не помысливши о другой жизни. Повѣрьте-съ, Павелъ Ивановичъ, что покамѣстъ, брося все, изъ-за чего грызутъ и ѣдятъ другъ друга на землѣ, не подумаютъ о благоустройствѣ душевнаго имущества,—не установится благоустройство и зем-

ного имущества. Наступятъ времена голода и бѣдности, какъ во всемъ народѣ, такъ и порознь во всякомъ... Это-съ ясно. Что̀ ни говорите, вѣдь отъ души зависитъ тѣло. Какъ же хотѣть, чтобы [шло], какъ слѣдуетъ? Подумайте не о мертвыхъ душахъ, а [о] своей живой душѣ, да и съ Богомъ на другую дорогу! Я то-жъ выѣзжаю завтрашній день. Поторопитесь! не то—безъ меня бѣда будетъ».

Сказавши это, старикъ вышелъ. Чичиковъ задумался. Значенье жизни опять показалось немаловажнымъ. «Муразовъ правъ», сказалъ онъ: «пора на другую дорогу!» Сказавши это, онъ вышелъ изъ тюрьмы. Часовой потащилъ за нимъ шкатулку Селифанъ и Петрушка обрадовались, какъ Богъ знаетъ чему, освобожденію барина. «Ну, любезные», сказалъ Чичиковъ, обратившись [къ нимъ] милостиво: «нужно укладываться, да ѣхать».

«Покатимъ, Павелъ Ивановичъ», сказалъ Селифанъ. «Дорога, должно-быть, установилась: снѣгу выпало довольно. Пора ужъ, право, выбраться изъ города. Надоѣлъ онъ такъ, что и глядѣть на него не хотѣлъ бы».

«Ступай къ каретнику, чтобы поставилъ коляску на полозки», сказалъ Чичиковъ, а самъ пошелъ въ городъ, но ни [къ кому] не хотѣлъ заходить отдавать прощальныхъ визитовъ. Послѣ всего этого событія было и неловко, — тѣмъ болѣе, что о немъ множество ходило въ городѣ самыхъ неблагопріятныхъ исторій. Онъ избѣгалъ всякихъ [встрѣчъ] и зашелъ потихоньку только къ тому купцу, у котораго купилъ сукна наваринскаго пламени съ дымомъ, взялъ вновь четыре аршина на фракъ и на штаны и отправился самъ къ тому же портному. За двойную [цѣну] мастеръ рѣшился усилить рвеніе и засадилъ всю ночь работать при свѣчахъ портное народонаселеніе иглами, утюгами и зубами, и фракъ на другой день былъ готовъ, хотя и немножко поздно. Лошади всѣ были запряжены. Чичиковъ, однакожъ, фракъ примѣрилъ. Онъ былъ хорошъ, точь-въ-точь какъ прежній. Но, увы! онъ замѣтилъ, что въ головѣ уже бѣлѣло что-то гладкое, и примолвилъ грустно:

«И зачѣмъ было предаваться такъ сильно сокрушенію? А рвать волосъ не слѣдовало бы и подавно». Расплатившись съ портнымъ, онъ выѣхалъ наконецъ изъ города въ какомъ-то странномъ положеніи. Это былъ не прежній Чичиковъ; это была какая-то развалина прежняго Чичикова. Можно было сравнить его внутреннее состояніе души съ разобраннымъ строеніемъ, которое разобрано съ тѣмъ, чтобы строить изъ него же новое, а новое еще не начиналось, потому что не пришелъ еще отъ архитектора опредѣлительный планъ, и работники остались въ недоумѣніи. Часомъ прежде его отправился старикъ Муразовъ, въ рогоженной кибиткѣ, вмѣстѣ съ Потапычемъ, а часомъ послѣ отъѣзда Чичикова пошло приказаніе, что князь, по случаю отъѣзда въ Петербургъ, желаетъ видѣть всѣхъ чиновниковъ до единаго.

Въ большомъ залѣ генералъ-губернаторскаго дома собралось все чиновное сословіе города, начиная отъ губернатора до титулярнаго совѣтника: правители канцелярій и дѣлъ, совѣтники, асессоры, Кислоѣдовъ, Красноносовъ, Самосвитовъ, не бравшіе, бравшіе, кривившіе душой, полукривившіе и вовсе не кривившіе. Всѣ не безъ волненія и безпокойства ожидали выхода генералъ-губернатора. Князь вышелъ ни мрачный, ни ясный: взоръ его былъ твердъ, такъ же, какъ и шагъ. Все чиновное собраніе поклонилось, многіе — въ поясъ. Отвѣтивъ легкимъ поклономъ, князь началъ:

«Уѣзжая въ Петербургъ, я почелъ приличнымъ повидаться съ вами со всѣми и даже объяснить вамъ отчасти причину. У насъ завязалось дѣло очень соблазнительное. Я полагаю, что многіе изъ предстоящихъ знаютъ, о какомъ дѣлѣ я говорю. Дѣло это повело за собою открытіе и другихъ, не менѣе безчестныхъ дѣлъ, въ которыхъ замѣшались даже, наконецъ, и такіе люди, которыхъ я доселѣ почиталъ честными. Извѣстна мнѣ даже и сокровенная цѣль спутать такимъ образомъ все, чтобы оказалась полная невозможность рѣшить формальнымъ порядкомъ. Знаю даже и кто главный, и чьимъ сокровеннымъ, хотя онъ

и очень искусно скрылъ свое участіе. Но дѣло въ томъ, что я намѣренъ это слѣдить не формальнымъ слѣдованіемъ по бумагамъ, а военнымъ быстрымъ судомъ, какъ въ военное [время], и надѣюсь, что государь мнѣ дастъ это право, когда я изложу все это дѣло. Въ такомъ случаѣ, когда нѣтъ возможности произвести дѣло гражданскимъ образомъ, когда горятъ шкафы съ [бумагами], и, наконецъ, излишествомъ лживыхъ постороннихъ показаній и ложными доносами стараются затемнить и безъ того довольно темное дѣло,—я полагаю военный судъ единственнымъ средствомъ и желаю знать мнѣніе ваше».

Князь остановился, какъ [бы] ожидая отвѣта. Все стояло, потупивъ глаза въ землю. Многіе были блѣдны.

«Извѣстно мнѣ также еще одно дѣло, хотя производившіе его въ полной увѣренности, что оно никому не можетъ быть извѣстно. Производство его уже пойдетъ не по бумагамъ, потому что истцомъ и челобитчикомъ я буду уже самъ и представлю очевидныя доказательства».

Кто-то вздрогнулъ среди чиновнаго собранія; нѣкоторые изъ боязливѣйшихъ тоже смутились.

«Само по себѣ, что главнымъ зачинщикамъ должно послѣдовать лишеніе чиновъ и имущества, прочимъ отрѣшеніе отъ мѣстъ. Само собою разумѣется, что въ числѣ ихъ пострадаетъ и множество невинныхъ. Чтò-жъ дѣлать? дѣло слишкомъ безчестное и вопіетъ о правосудіи. Хотя я знаю, что это будетъ даже и не въ урокъ другимъ, потому что на мѣсто выгнанныхъ явятся другіе, и тѣ самые, которые дотолѣ были честны, сдѣлаются безчестными, и тѣ самые, которые удостоены будутъ довѣренности, обманутъ и продадутъ, — несмотря на все это, я долженъ поступить жестоко, потому что вопіетъ правосудіе. Знаю, что будутъ меня обвинять въ суровой жестокости, но знаю, что тѣ будутъ еще обвин..... я долженъ обратить такихъ только въ одно безчувственное орудіе правосудія, которое должно упасть на головы........»

Содроганіе невольно пробѣжало по всѣмъ лицамъ.

Князь былъ спокоенъ. Ни гнѣва, ни возмущенія душевнаго не выражало его лицо.

«Теперь тотъ самый, у котораго въ рукахъ участь многихъ, и котораго никакія просьбы не въ силахъ были умолить, тотъ самый теперь васъ всѣхъ проситъ. Все будетъ позабыто, изглажено, прощено; я буду вамъ ходатаемъ за всѣхъ, если исполните мою просьбу. Вотъ моя просьба. Знаю, что никакими средствами, никакими страхами, никакими наказаніями нельзя искоренить неправды: она слишкомъ уже глубоко вкоренилась. Безчестное дѣло брать взятки сдѣлалось необходимостью и потребностью даже и для такихъ людей, которые и не рождены быть безчестными. Знаю, что уже почти невозможно многимъ итти противу всеобщаго теченія. Но я теперь долженъ, какъ въ рѣшительную и священную минуту, когда приходится спасать свое отечество, когда всякій гражданинъ несетъ все и жертвуетъ всѣмъ, — я долженъ сдѣлать кличъ, хотя къ тѣмъ, у которыхъ еще есть въ груди русское сердце и понятно сколько-нибудь слово *благородство*. Что̀ тутъ говорить о томъ, кто болѣе изъ насъ виноватъ! Я, можетъ-быть, больше всѣхъ виноватъ; я, можетъ-быть, слишкомъ сурово васъ принялъ вначалѣ; можетъ-быть, излишней подозрительностью я оттолкнулъ изъ васъ тѣхъ, которые искренно хотѣли мнѣ быть полезными, хотя и я съ своей стороны могъ бы также сдѣлать Если они уже дѣйствительно любили справедливость и добро своей земли, не слѣдовало бы имъ оскорбиться и надменностью моего обращенія, слѣдовало бы имъ подавить въ себѣ собственное честолюбіе и пожертвовать своею личностью. Не можетъ быть, чтобы я не замѣтилъ ихъ самоотверженія и высокой любви къ добру и не принялъ бы, наконецъ, отъ нихъ полезныхъ и умныхъ совѣтовъ. Все-таки скорѣй подчиненному слѣдуетъ примѣняться къ нраву начальника, чѣмъ начальнику къ нраву подчиненнаго. Это законнѣй по крайней мѣрѣ и легче, потому что у подчиненныхъ одинъ начальникъ, а у начальника сотня подчиненныхъ. Но оставимъ теперь въ сторонѣ,

кто кого больше виноватъ. Дѣло въ томъ, что пришло намъ спасать нашу землю; что гибнетъ уже земля наша не отъ нашествія двадцати иноплеменныхъ языковъ, а отъ насъ самихъ; что уже, мимо законнаго управленія, образовалось другое правленіе, гораздо сильнѣйшее всякаго законнаго. Установились свои условія, все оцѣнено, и цѣны даже приведены во всеобщую извѣстность. И никакой правитель, хотя бы онъ былъ мудрѣе всѣхъ законодателей и правителей, не въ силахъ поправить зла, какъ [ни] ограничивай онъ въ дѣйствіяхъ дурныхъ чиновниковъ приставленьемъ въ надзиратели другихъ чиновниковъ. Все будетъ безуспѣшно, покуда не почувствовалъ изъ насъ всякъ, что онъ такъ же, какъ въ эпоху возстанія народовъ вооружался противъ......., такъ долженъ возстать противъ неправды. Какъ русскій, какъ связанный съ вами единокровнымъ родствомъ, одной и той же кровью, я теперь обращаюсь [къ] вамъ. Я обращаюсь къ тѣмъ изъ васъ, кто имѣетъ понятіе какое-нибудь о томъ, что̀ такое благородство мыслей. Я приглашаю вспомнить долгъ, который на всякомъ мѣстѣ предстоитъ человѣку. Я приглашаю разсмотрѣть ближе свой долгъ и обязанность земной своей должности, потому что это уже намъ всѣмъ темно представляется, и мы едва......»

ПРИМѢЧАНІЯ РЕДАКТОРА.

I. **Мертвыя Души, томъ первый.** Начатъ во второй половинѣ 1835 г., конченъ въ ноябрѣ 1841 г.; вышелъ въ свѣтъ 21 мая 1842 г. Цензурное разрѣшеніе помѣчено: «марта 9 дня 1842 г.». Запрещенная въ это время цензурою «Повѣсть о капитанѣ Копѣйкинѣ» передѣлана авторомъ въ пять дней (5—9 апрѣля 1842 г.).

II. **Приложенія къ первому тому „Мертвыхъ Душъ":**

1. **Предисловіе ко второму изданію перваго тома «Мертвыхъ Душъ».** Задумано въ концѣ іюля и окончено во второй половинѣ сентября 1846 г. Вышло въ свѣтъ при второмъ изданіи этой «поэмы», цензурное разрѣшеніе котораго помѣчено: «августа 25 дня 1846 г.».

2. **Замѣтки, относящіяся къ первой части «Мертвыхъ Душъ».** Набросаны, вѣроятно, въ 1846 году.

*3. **Окончаніе IX главы въ передѣланномъ видѣ.** Набросано, вѣроятно, въ 1843 году.

4. **Повѣсть о капитанѣ Копѣйкинѣ:**

А. Одна изъ первоначальныхъ редакцій. Кончена въ августѣ 1841 года.

В. Редакція, зачеркнутая цензоромъ, отдѣлана для печати въ ноябрѣ 1841 года.

III. **Мертвыя Души, томъ второй.** Начатъ въ началѣ 1840 года. Отъ первоначальной редакціи уцѣлѣла одна неполная тетрадь, заключающая въ себѣ *черновой* текстъ какой-то главы второго тома (ср. выше, стр. 424). Къ началу 1842 года выработана была изъ черновыхъ набросковъ новая редакція второго тома «Мертвыхъ Душъ» и переписана была набѣло авторомъ. Изъ сколькихъ главъ она состояла—неизвѣстно. Отъ нея уцѣлѣли четыре неполныя тетради, напечатанныя выше (стр. 311—424). Въ томъ же 1842 году Гоголь начинаетъ перерабатывать набѣло переписанный текстъ, и на этихъ тетрадяхъ «набрасываетъ хаосъ, изъ котораго должно произойти созданіе «Мертвыхъ Душъ»: составляется черновой текстъ для новой редакціи второго тома. Этотъ текстъ напечатанъ выше (стр. 465 — 605) подъ заглавіемъ: «Мертвыя Души, томъ второй (*въ исправленной редакціи*)» [1]. Полный текстъ этой редакціи до насъ не дошелъ: онъ былъ сожженъ авторомъ въ іюнѣ—іюлѣ 1845 года (ср. настоящаго изданія, томъ пятый, стр. 100). Устанавливаются новыя задачи для будущаго продолженія поэмы. Въ началѣ марта 1846 уже «кое-что» было написано для второго тома. Въ послѣдующіе годы работа продолжалась съ перерывами, болѣе или менѣе продолжительными.

[1]) Передѣлка послѣдней главы этой редакціи (стр. 570—605) начата въ 1848 году.

Въ іюнѣ 1849 года Гоголь прочелъ А. О. Смирновой *нѣсколько* главъ *новой* редакціи второго тома «Мертвыхъ Душъ». Арнольди, присутствовавшій на нѣкоторыхъ изъ этихъ чтеній, такъ передаетъ содержаніе слышаннаго имъ.

«Сколько мнѣ помнится, она (первая глава второй части «М. Д.») начиналась иначе и, вообще, была лучше обработана, хотя содержаніе было то же. Хохотомъ генерала Бетрищева оканчивалась эта глава, а за нею слѣдовала другая, въ которой описанъ весь день въ генеральскомъ домѣ. Чичиковъ остался обѣдать. Къ столу явились, кромѣ Улиньки, еще два лица: англичанка, исправлявшая при ней должность гувернантки, и какой-то испанецъ или португалецъ, проживавшій у Бетрищева въ деревнѣ съ незапамятныхъ временъ и неизвѣстно для какой надобности. Первая была дѣвица среднихъ лѣтъ, существо безцвѣтное, некрасивой наружности, съ большимъ тонкимъ носомъ и необыкновенно быстрыми глазами. Она держалась прямо, молчала по цѣлымъ днямъ и только безпрестанно вертѣла глазами въ разныя стороны съ глуповопросительнымъ взглядомъ. Португалецъ, сколько я помню, назывался Экспантонъ, Хситендонъ, или что-то въ этомъ родѣ; но помню твердо, что вся дворня генерала называла его просто—Эскадронъ. Онъ тоже постоянно молчалъ, но послѣ обѣда долженъ былъ играть съ генераломъ въ шахматы. За обѣдомъ не произошло ничего необыкновеннаго. Генералъ былъ веселъ и шутилъ съ Чичиковымъ, который ѣлъ съ большимъ аппетитомъ; Улинька была задумчива, и лицо ея оживлялось только тогда, когда упоминали о Тентетниковѣ. Послѣ обѣда генералъ сѣлъ играть съ испанцемъ въ шахматы и, подвигая шашки впередъ, безпрестанно повторялъ: «полюби насъ бѣленькими...»—«Черненькими, ваше превосходительство», перебивалъ его Чичиковъ. «Да, повторялъ генералъ, полюби насъ черненькими, а бѣленькими насъ Самъ Господь Богъ полюбитъ». Черезъ пять минутъ онъ опять ошибался, и начиналъ опять: «полюби насъ бѣленькими», и опять Чичиковъ поправлялъ его, и опять генералъ смѣясь повторялъ: «полюби насъ черненькими, а бѣленькими насъ Самъ Господь Богъ полюбитъ». Послѣ нѣсколькихъ партій съ испанцемъ, генералъ предложилъ Чичикову сыграть одну или двѣ партіи, и тутъ Чичиковъ выказалъ необыкновенную ловкость. Онъ игралъ очень хорошо, затруднялъ генерала своими ходами и кончилъ тѣмъ, что проигралъ; генералъ былъ очень доволенъ тѣмъ, что побѣдилъ такого сильнаго игрока, и еще болѣе полюбилъ за это Чичикова. Прощаясь съ нимъ, онъ просилъ его возвра-

титься скорѣе и привезти съ собой Тентетникова. Пріѣхавъ къ Тентетникову въ деревню, Чичиковъ разсказываетъ ему, какъ грустна Улинька, какъ жалѣетъ генералъ, что его не видитъ, что генералъ совершенно раскаивается и, чтобы кончить недоразумѣніе, намѣренъ самъ первый къ нему пріѣхать съ визитомъ и просить у него прощенія. Все это Чичиковъ выдумалъ. Но Тентетниковъ, влюбленный въ Улиньку, разумѣется, радуется предлогу и говоритъ, что если все это такъ, то онъ не допуститъ генерала до этого, а самъ завтра же готовъ ѣхать, чтобы предупредить его визитъ. Чичиковъ это одобряетъ, и они условливаются ѣхать вмѣстѣ на другой день къ генералу Бетрищеву. Вечеромъ того же дня Чичиковъ признается Тентетникову, что совралъ, разсказавъ Бетрищеву, что будто бы Тентетниковъ пишетъ исторію о генералахъ. Тотъ не понимаетъ, зачѣмъ это Чичиковъ выдумалъ, и не знаетъ, что̀ ему дѣлать, если генералъ заговоритъ съ нимъ объ этой исторіи. Чичиковъ объясняетъ, что и самъ не знаетъ, какъ это у него сорвалось съ языка; но что дѣло уже сдѣлано, а потому убѣдительно проситъ его, ежели онъ уже не намѣренъ лгать, то чтобы ничего не говорилъ, а только бы не отказывался рѣшительно отъ этой исторіи, чтобы его не скомпрометировать передъ генераломъ. За этимъ слѣдуетъ поѣздка ихъ въ деревню генерала, встрѣча Тентетникова съ Бетрищевымъ, съ Улинькой, и наконецъ обѣдъ. Описаніе этого обѣда, по моему мнѣнію, было лучшее мѣсто второго тома. Генералъ сидѣлъ посрединѣ, по правую его руку Тентетниковъ, по лѣвую Чичиковъ, подлѣ Чичикова Улинька, подлѣ Тентетникова испанецъ, а между испанцемъ и Улинькой англичанка; всѣ казались довольны и веселы. Генералъ былъ доволенъ, что помирился съ Тентетниковымъ и что могъ поболтать съ человѣкомъ, который пишетъ исторію отечественныхъ генераловъ; Тентетниковъ тѣмъ, что почти противъ него сидѣла Улинька, съ которою онъ по временамъ встрѣчался взглядами; Улинька была счастлива тѣмъ, что тотъ, кого она любила, опять съ ними, и что отецъ опять съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ, и наконецъ Чичиковъ былъ доволенъ своимъ положеніемъ примирителя въ этой знатной и богатой семьѣ. Англичанка свободно вращала глазами, испанецъ глядѣлъ въ тарелку, и поднималъ свои глаза только тогда, какъ вносили новое блюдо. Примѣтивъ лучшій кусокъ, онъ не спускалъ съ него глазъ во все время, покуда блюдо обходило кругомъ стола, или покуда лакомый кусокъ не попадалъ къ кому-нибудь на тарелку. Послѣ второго блюда генералъ заговорилъ съ Тентетниковымъ о его

сочиненіи и коснулся 12-го года. Чичиковъ струхнулъ и со вниманіемъ ждалъ отвѣта. Тентетниковъ ловко вывернулся. Онъ отвѣчалъ, что не его дѣло писать исторію кампаніи, отдѣльныхъ сраженій и отдѣльныхъ личностей, игравшихъ роль въ этой войнѣ, что не этими геройскими подвигами замѣчателенъ 12-й годъ, что много было историковъ этого времени и безъ него; но что надобно взглянуть на эту эпоху съ другой стороны: важно, по его мнѣнію, то, что весь народъ всталъ, какъ одинъ человѣкъ, въ защиту отечества; что всѣ расчеты, интриги и страсти умолкли на это время; важно, какъ всѣ сословія соединились въ одномъ чувствѣ любви къ отечеству, какъ каждый спѣшилъ отдать послѣднее свое достояніе и жертвовалъ всѣмъ для спасенія общаго дѣла; вотъ что̀ важно въ этой войнѣ, и вотъ что̀ желалъ онъ описать въ одной яркой картинѣ, со всѣми подробностями этихъ невидимыхъ подвиговъ и высокихъ, но тайныхъ жертвъ! Тентетниковъ говорилъ довольно долго и съ увлеченіемъ, весь проникнулся въ эту минуту чувствомъ любви къ Россіи. Бетрищевъ слушалъ его съ восторгомъ, и въ первый разъ такое живое, теплое слово коснулось его слуха. Слеза, какъ брильянтъ чистѣйшей воды, повисла на сѣдыхъ усахъ. Генералъ былъ прекрасенъ; а Улинька? Она вся впилась глазами въ Тентетникова; она, казалось, ловила съ жадностью каждое его слово; она, какъ музыкой, упивалась его рѣчами; она любила его, она гордилась имъ! Испанецъ еще болѣе потупился въ тарелку; англичанка съ глупымъ видомъ оглядывала всѣхъ, ничего не понимая. Когда Тентетниковъ кончилъ, водворилась тишина, всѣ были взволнованы... Чичиковъ, желая помѣстить и свое слово, первый прервалъ молчаніе. «Да, сказалъ онъ, страшные холода были въ 12-мъ году!»—«Не о холодахъ тутъ рѣчь», замѣтилъ генералъ, взглянувъ на него строго. Чичиковъ сконфузился. Генералъ протянулъ руку Тентетникову и дружески благодарилъ его;—но Тентетниковъ былъ совершенно счастливъ тѣмъ уже, что въ глазахъ Улиньки прочелъ себѣ одобреніе. Исторія о генералахъ была забыта. День прошелъ тихо и пріятно для всѣхъ.—Послѣ этого я не помню порядка, въ которомъ слѣдовали главы; помню, что послѣ этого дня Улинька рѣшилась говорить съ отцомъ своимъ серьезно о Тентетниковѣ. Передъ этимъ рѣшительнымъ разговоромъ, вечеромъ, она ходила на могилу матери, и въ молитвѣ искала подкрѣпленія своей рѣшимости. Послѣ молитвы, вошла она къ отцу въ кабинетъ, стала передъ нимъ на колѣни и просила его согласія и благословенія на бракъ съ Тентетниковымъ. Генералъ долго коле-

бался и наконецъ согласился. Былъ призванъ Тентетниковъ и ему объявили о согласіи генерала. Это было черезъ нѣсколько дней послѣ мировой. Получивъ согласіе, Тентетниковъ, внѣ себя отъ счастія, оставилъ на минуту Улиньку и выбѣжалъ въ садъ. Ему нужно было остаться одному съ самимъ собою. Счастье его душило!.. Тутъ у Гоголя были двѣ чудныя лирическія страницы.—Въ жаркій лѣтній день, въ самый полдень, Тентетниковъ въ густомъ, тѣнистомъ саду, и кругомъ его мертвая, глубокая тишина. Мастерскою кистью описанъ былъ этотъ садъ, каждая вѣтка на деревьяхъ, палящій зной въ воздухѣ, кузнечики въ травѣ, и всѣ насѣкомыя, и наконецъ все то, что̀ чувствовалъ Тентетниковъ, счастливый, любящій и взаимно любимый!—Я живо помню, что это описаніе было такъ хорошо, въ немъ было столько силы, колорита, поэзіи, что у меня захватывало дыханіе. Гоголь читалъ превосходно!—Въ избыткѣ чувствъ, отъ полноты счастья, Тентетниковъ плакалъ и тутъ же поклялся посвятить всю свою жизнь своей невѣстѣ. Въ эту минуту, въ концѣ аллеи показывается Чичиковъ. Тентетниковъ бросается къ нему на шею и благодаритъ его. «Вы мой благодѣтель, вамъ обязанъ я моимъ счастіемъ; чѣмъ могу возблагодарить васъ?.. всей моей жизни мало для этого...» У Чичикова въ головѣ тотчасъ блеснула своя мысль: «Я ничего для васъ не сдѣлалъ; это случай», отвѣчалъ онъ: «я очень счастливъ, но вы легко можете отблагодарить меня!»—«Чѣмъ, чѣмъ?» повторилъ Тентетниковъ: «скажите скорѣе, и я все сдѣлаю». Тутъ Чичиковъ разсказываетъ о своемъ мнимомъ дядѣ и о томъ, что ему необходимо хотя на бумагѣ имѣть 300 душъ. «Да зачѣмъ же непремѣнно мертвыхъ?» говоритъ Тентетниковъ, не хорошо понявшій, чего собственно добивается Чичиковъ. «Я вамъ на бумагѣ отдамъ всѣ мои 300 душъ, и вы можете показать наше условіе вашему дядюшкѣ, а послѣ, когда получите отъ него имѣніе, мы уничтожимъ купчую». Чичиковъ остолбенѣлъ отъ удивленія. «Какъ вы не боитесь сдѣлать это?.. Вы не боитесь, что я могу васъ обмануть... употребить во зло ваше довѣріе?» Но Тентетниковъ не далъ ему кончить. «Какъ!» воскликнулъ онъ: «сомнѣваться въ васъ, которому я обязанъ болѣе чѣмъ жизнію». Тутъ они обнялись, и дѣло было рѣшено между ними. Чичиковъ заснулъ сладко въ этотъ вечеръ. На другой день въ генеральскомъ домѣ было совѣщаніе, какъ объявить роднымъ генерала о помолвкѣ его дочери, письменно или чрезъ когонибудь, или самимъ ѣхать. Видно, что Бетрищевъ очень безпокоился о томъ, какъ примутъ княгиня Зюзюкина и дру-

гіе знатные его родные эту новость. Чичиковъ и тутъ оказался очень полезенъ: онъ предложилъ объѣхать всѣхъ родныхъ генерала и извѣстить о помолвкѣ Улиньки и Тентетникова. Разумѣется, онъ имѣлъ въ виду при этомъ все тѣ же мертвыя души. Его предложеніе принято съ благодарностью. «Чего лучше?» думалъ генералъ: «онъ человѣкъ умный, приличный; онъ сумѣетъ объявить объ этой свадьбѣ такимъ образомъ, что всѣ будутъ довольны». Генералъ для этой поѣздки предложилъ Чичикову дорожную двухмѣстную коляску заграничной работы, а Тентетниковъ четвертую лошадь. Чичиковъ долженъ былъ отправиться черезъ нѣсколько дней. Съ этой минуты на него всѣ стали смотрѣть въ домѣ Бетрищева, какъ на домашняго, какъ на друга дома. Вернувшись къ Тентетникову, Чичиковъ тотчасъ же позвалъ къ себѣ Селифана и Петрушку и объявилъ имъ, чтобъ они готовились къ отъѣзду. Селифанъ въ деревнѣ Тентетникова совсѣмъ излѣнился, спился и не походилъ вовсе на кучера, а лошади совсѣмъ оставались безъ присмотра. Петрушка же совершенно предался волокитству за крестьянскими дѣвками. Когда же привезли отъ генерала легкую, почти новую коляску, и Селифанъ увидѣлъ, что онъ будетъ сидѣть на широкихъ козлахъ и править четырьмя лошадьми въ рядъ, то всѣ кучерскія побужденія въ немъ проснулись, и онъ сталъ, съ большимъ вниманіемъ и съ видомъ знатока, осматривать экипажъ и требовать отъ генеральскихъ людей разныхъ запасныхъ винтовъ и такихъ ключей, какихъ даже никогда и не бываетъ. Чичиковъ тоже думалъ съ удовольствіемъ о своей поѣздкѣ: какъ онъ разляжется на эластическихъ съ пружинами подушкахъ, и какъ четверня въ рядъ понесетъ его легкую, какъ перышко, коляску».

На сколько главъ распредѣлено было изложенное содержаніе, Арнольди не опредѣляетъ точно; онъ дѣлаетъ, впрочемъ, такое замѣчаніе: «Вотъ все, что̀ читалъ при мнѣ Гоголь изъ второго тома «Мертвыхъ Душъ». Сестрѣ же моей онъ прочелъ, кажется, девять главъ» («Русскій Вѣстникъ» 1862 г., январь, стр. 74—79). Передѣлка написаннаго совершалась одновременно съ продолженіемъ поэмы. Въ январѣ 1850 г. главъ, «собственно написанныхъ было двѣ-три и только».

Въ концѣ 1851 г. или въ началѣ 1852 г. Гоголь *наединѣ* прочелъ Шевыреву двѣ послѣднія главы второго тома «Мертвыхъ Душъ». Все написанное съ 1845—1852 г. для этого тома было сожжено авторомъ незадолго до кончины.

ОГЛАВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТАГО ТОМА.

СТРАН.

Похожденія Чичикова, или Мертвыя Души. Поэма. Томъ первый 1

Приложенія къ первому тому Мертвыхъ Душъ:

I. Предисловіе ко второму изданію перваго тома Мертвыхъ Душъ 281

II. Замѣтки, относящіяся къ 1-й части 285

III. Окончаніе IX главы въ передѣланномъ видѣ . . . 287

IV. Повѣсть о капитанѣ Копѣйкинѣ:

А. Одна изъ первоначальныхъ редакцій 296

В. Редакція, зачеркнутая цензоромъ 303

Похожденія Чичикова, или Мертвыя Души. Томъ второй (въ одной изъ первоначальныхъ редакцій) 311

Похожденія Чичикова, или Мертвыя Души. Томъ второй (въ исправленной редакціи) 465

Примѣчанія редактора 606

Bayerische Staatsbibliothek München

BSB Bayerische StaatsBibliothek
MDZ Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Gogol, Nikolaj Vasilevič

Sočinenija N. V. Gogolja s 2 portretami Gogolja, gravirovannymi na stali F. A. Brokgauzom v Lejpcigě, 2 avtografami i 3 sobstvennoručnymi risunkami

Bd.: 4

1894

P.o.russ. 109 r-4
urn:nbn:de:bvb:12-bsb11680394-1